

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)
Институт гуманитарных наук
Общеуниверситетская кафедра всеобщей и российской истории

РОССИЯ И МИР: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

Сборник статей
по материалам международной
междисциплинарной научной конференции

Москва
2022

УДК 327+392+821+94(41/99)
ББК 63.3(0)6:66.4(4/8)
Р76

Редакционная коллегия:

Кандидат исторических наук, профессор *В.В. Кириллов*,
Кандидат филологических наук, доцент *И.Н. Райкова*,
Кандидат искусствоведения, доцент *Д.П. Шульгина*,
Кандидат исторических наук, доцент *О.А. Огородникова*,
Кандидат исторических наук *А.А. Емельянова*

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор *Н.И. Музафарова*
(ГАОУ ВО МГПУ)
Кандидат исторических наук, доцент *Т.В. Попова*
(Национальный исследовательский университет «МИЭТ»)

Р76 **Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур:** Сборник статей международной междисциплинарной научной конференции (Москва, 22 апреля 2022 г.) / Сост. Р.А. Огородникова, А.А. Емельянова. М.: Книгодел, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-9659-0254-5

Сборник содержит статьи участников международной междисциплинарной научной конференции «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур», проводившейся Институтом гуманитарных наук Московского городского педагогического университета 22 апреля 2022 г. Содержание статей отражает разнообразную тематику научных исследований в области истории, филологии, этнографии, культурологии, лингвистики, философии, связанных с осмыслением межэтнического и межконфессионального диалога, проблемы взаимовлияния и взаимопроникновения культур народов России и других стран в прошлом, настоящем и будущем.

Ответственность за достоверность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9659-0254-5

© Коллектив авторов, 2022
© Книгодел, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	10
Национальное самосознание и историческая память народа	11
<i>Исаков В.А.</i> Историческая коммуникация: постановка проблемы	11
<i>Баринова Е.П.</i> Трансформация исторической памяти в цифровой медиасреде: возможности и иллюзии.....	16
<i>Федотова И.Н., Зотова К.В.</i> «Имя России»: к вопросу о формировании образа Александра Невского в общественном сознании	21
<i>Окладникова Е.А.</i> Северорусский культурный канон в картине мира современного вологжанина	27
<i>Гребенкин А.Н.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы сохранения и защиты	45
<i>Кривошапова Н.В.</i> Феномен исторической памяти и его вербальное выражение в лирике приднестровского автора Аллы Мельничук.....	54
<i>Бажутина С.Б.</i> Особенности структурирования смыслов жителями Луганщины	59
<i>Иванов А.О., Жедь Т.П.</i> Первые попытки изложения истории южного Урала уфимскими историками в 1930–1940-е годы: драматизм ситуации	66
<i>Довгаленко Н.В.</i> Векторы философской рефлексии русского самосознания: ретроспекция и современность.....	73
<i>Хаванов Е.И.</i> Информационная война: снайперы уточняют мишени	78

<i>Немова О.А.</i>	
Постмодерн как теоретический фундамент для пропагандистского творчества современных украинских неонацистов.....	86
<i>Маслова Т.Ф.</i>	
Память о послевоенном Севастополе в социализации поколения: метод «устной истории».....	96
<i>Сторчак В.М., Сторчак М.В.</i>	
«Русскость» в контексте философско-культурного и исторического дискурса.....	104
<i>Баранов А.В.</i>	
Этнокультурная идентичность русских и борьба за сохранение русского языка на Украине (1992–2014)	115
<i>Набиулин И.Р.</i>	
Восприятие националистического дискурса студенческой молодежью Казанского федерального университета.....	122
Российские культура, наука и общество в системе интернационального взаимодействия	127
<i>Егерева Т.А.</i>	
«Под небом голубым Востока...»: межмузейный выставочный проект, посвященный коллекции исламского искусства князей Вяземских	127
<i>Широкалова Г.С.</i>	
Евразийская идея: от классики к неоевразийству.....	135
<i>Устинкин С.В., Седаев П.В.</i>	
Актуальность евразийских идей в современной России	142
<i>Головкин В.М.</i>	
Вокальное искусство П. Виардо как прототипическая основа и объект философско-эстетической рефлексии в стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Стой!»	148
<i>Фирсова О.Г.</i>	
Межнациональные браки — пространство для диалога культур.....	158
<i>Кузнецова О.Н.</i>	
Методология работы С.Н. Прокоповича как пример межкультурной коммуникации 1920–1940-х гг.	164

<i>Агуреев С.А.</i>	
Саммит «Россия — Африка» в контексте экономического и культурного взаимодействия России и африканских стран	171
<i>Герасимова Е.А.</i>	
Идентификация духовных ценностей российского и мирового пространства на примере пьесы А.И. Солженицына «Свеча на ветру»	176
<i>Шульгина О.В.</i>	
Картографическая культура как феномен цивилизации и способ межкультурной коммуникации	189
<i>Огородникова О.А.</i>	
Гастроли Феликса фон Вайнгартнера в музыкально-концертной жизни Российской империи.....	195
<i>Алентьева Т.В.</i>	
Русский вклад в американскую науку и культуру	202
<i>Косенкова И.А.</i>	
Проблемы языковой геополитики: русский язык как мировой язык	211
<i>Рагимова А.Ф.</i>	
Русский язык и литература как фактор межгосударственных отношений России и Азербайджана	216
<i>Бабина О.И., Волкова А.Л.</i>	
Концепты русской культуры: лексические репрезентации и их перевод на английский язык (на материале мультимедийного энциклопедического словаря культурного наследия «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей»)	226
<i>Бубнова Н.В., Алайвах Я.</i>	
Русский язык и культура в Иорданском Хашимитском королевстве	235
<i>Оробий А.В.</i>	
«Русское» как бренд на приграничных территориях провинции Хэйлунцзян (КНР)	240
<i>Сироткина Е.В.</i>	
Образ России глазами австрийцев в XIX — начале XX века	244

Межконфессиональный диалог в поликультурном пространстве России и мира	251
<i>Косиченко А.Г.</i>	
Религия в XXI веке: возможности и реалии	251
<i>Иванов А.А.</i>	
Модели идентичности в неоязыческом искусстве	260
<i>Аторин Р.Ю.</i>	
Духовно-просветительская миссия	
Русской Православной Старообрядческой Церкви в XXI веке	266
<i>Велимедова О.В.</i>	
Исламские ценности и проблема вредных привычек личности	272
<i>Григорьева С.В.</i>	
Межконфессиональный диалог	
Русской и Эфиопской церквей: история и современность	279
<i>Бровченко И.Ю.</i>	
Современное религиозное состояние в Польше	286
<i>Ярцев С.В.</i>	
Киево-Печерская лавра — колыбель русского монашества	
и драгоценное сокровище Древней Руси	292
<i>Сенюткина О.Н.</i>	
Христианство и ислам в контексте современной	
отечественной и мировой культуры	299
<i>Чигрин В.А., Чигрина Н.В.</i>	
Этноконфессиональная ситуация в Крыму	
в оценках учащейся молодежи полуострова	305
<i>Обидина Ю.С.</i>	
Представление об «ином мире» в народном православии:	
двоеверие или синтез?	313
<i>Клячина Т.В.</i>	
Практики изгнания джиннов среди мусульман	
Республики Татарстан	320
Педагогика в контексте взаимодействия культур:	
прошлое, настоящее, будущее	325
<i>Шайденко Н.А.</i>	
Созвучие гуманистических идей Л.Н. Толстого	
с прогрессивной педагогической теорией и практикой Японии	325

<i>Воронова Т.С., Грушина Т.П.</i> Методические особенности преподавания географии на постсоветском пространстве	332
<i>Надточий Ю.Б., Тимошкина Н.А.</i> Организация воспитательной работы со студентами (постсоветское пространство).....	341
<i>Васильева О.В.</i> Преподавание русского языка студентам тайваньских вузов.....	350
<i>Торрезин Л.</i> Вузовское преподавание русской литературы на уроках РКИ в межкультурной перспективе.....	356
<i>Коломойцев Ю.А.</i> Культурологический подход — концептуальная основа модернизации содержания образования	366
<i>Кутырева И.В., Ширнов С.А.</i> Образование как платформа организации межкультурного и межрелигиозного диалога в условиях динамично изменяющегося информационного пространства	372
<i>Гуркин Р.А.</i> Инновационные идеи профессионального воспитания командного состава РККА 1917–1919 гг.	378
Народы и страны в зеркале культуры повседневности	386
<i>Пелевина О.В.</i> Китайский новый год в конце XIX века в условиях дальневосточного фронта	386
<i>Твердынин Н.М., Шарифуллина А.И.</i> Особенности формирования технической культуры в российском социуме за последние полтора века	393
<i>Болтаевский А.А.</i> Инфекционные заболевания и продолжительность жизни (на примере Великобритании).....	399
<i>Осьмушина А.А.</i> Комизация пандемии: сравнительное исследование содержания североамериканских и русских анекдотов и мемов.....	404
<i>Соболева А.А.</i> Эпидемия холеры 1830 года в русской поэзии	412

<i>Батиев М.В., Трифонова С.А.</i>	
Д.В. Голицын в период эпидемии холеры в Москве в 1830—1831 гг.	419
<i>Кулемзина Т.В., Папков В.Е.</i>	
Россия и Донбасс в контексте картезианской антропологии.....	424
<i>Емельянова А.А., Ртищева Г.А.</i>	
Иногородние мещане на брачном рынке Москвы первой половины XIX в. (по данным метрических книг).....	432
<i>Киндеркнехт А.С.</i>	
Культура примирения детей с помощью мирилки	438
Круглый стол молодых исследователей «Россия в диалоге культур»	443
<i>Работы аспирантов</i>	<i>443</i>
<i>Шихер Н.Д.</i>	
Понимание принципа светскости в условиях современной политико-правовой реальности	443
<i>Лакаев П.В.</i>	
Два опыта поведения человека перед лицом смерти: Гайто Газданов и Примо Леви	453
<i>Козлова М.Ю.</i>	
Вклад Павла Флоренского в развитие русской культуры	462
<i>Гасанова Р.С.</i>	
Роль терского казачества в процессе интеграции народов Дагестана в социально-экономическую и культурную жизнь России.....	469
<i>Головацкий О.Б.</i>	
Сотрудничество с КНР в рамках музейного дела на примере выставки «К столетию Октябрьской революции...» в национальном музее Китая	476
<i>Тихонович О.В.</i>	
Культурная и конфессиональная политика советского правительства в 1920—1930-е годы по защите Западной Белоруссии	481
<i>Федяев К.А.</i>	
Особенности переселения немцев в Россию во второй половине XVIII — первой половине XIX века	490
<i>Святкин М.И.</i>	
Промысловая специализация мордовских поселений	496

<i>Стефанишина Е.В.</i>	
Идея патриотизма в художественных произведениях Киевской Руси	504
<i>Работы магистрантов и студентов</i>	514
<i>Масуми А.Х.</i>	
Культурное сходство между Россией и странами Ближнего Востока: прошлое, настоящее и будущее.....	514
<i>Застрожнова Д.А.</i>	
Экзархаты московской патриархии на западных приграничных территориях СССР во второй половине XX века.....	521
<i>Сераев А.Р.</i>	
Идеологические основы блока НАТО: отечественные исследования	528
<i>Карпец Ф.В.</i>	
«Мягкая сила» России на Украине в 1991–2022 гг.	533
<i>Сафенина Д.А.</i>	
Образ Советского Союза в американской культуре: по материалам комиксов второй половины 1940–1960-х годов.....	538

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Уважаемые читатели! 22 апреля 2022 года на базе Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета состоялась международная междисциплинарная научная конференция «Россия и мир: Транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур». Участниками стали более 100 кандидатов и докторов наук: историков, филологов, юристов, политологов и других специалистов. В рамках конференции проводился круглый стол «Россия в диалоге культур» для молодых исследователей: аспирантов, магистрантов и студентов.

В рамках конференции обсуждались проблемы национального сознания и идентичности, международного сотрудничества в культурной сфере, популяризации русского языка и литературного наследия за рубежом, межконфессионального диалога, места России в евразийском пространстве и др.

В сборник вошли статьи преподавателей, ученых-исследователей, аспирантов, магистрантов и студентов из разных регионов России, включая вновь присоединенные регионы — Луганскую и Донецкую народные республики, а также из Казахстана, Молдовы, Италии, Ирана.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*В.А. ИСАКОВ,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва
e-mail: Isakov-va@yandex.ru*

Аннотация: Статья содержит постановку малоизученной проблемы исторической коммуникации и вытекающих из этого вторичных проблем: уровня исторической образованности реципиентов, методологии расшифровки сигналов из прошлого, воздействия этого вида коммуникации на состояние современного общества. Затрагивается практически неизученная проблема обратной связи.

Ключевые слова: историческая коммуникация, прошлое, сигналы, архитектура, историческая память

HISTORICAL COMMUNICATION: PROBLEM STATEMENT

*V. ISAKOV,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of General and Russian History,
Moscow City University, Russia, Moscow
e-mail: Isakov-va@yandex.ru*

Abstract: The article contains a statement of the little-studied problem of historical communication and the secondary problems arising from it: the level of historical education of recipients, the methodology of decoding signals from the past, the impact of this type of communication on the state of modern society. The practically unexplored problem of feedback is touched upon.

Keywords: historical communication, past, signals, architecture, historical memory.

Очевидно, что эффективность всех видов коммуникации, а следовательно, и эффективность жизнедеятельности общества, возрастает при максимальном учете факторов, влияющих на сам процесс коммуникации, вплоть до экологических, физиологических и иных. Впрочем, в этом утверждении нет никакого открытия. Эта установка общеизвестна, но реализуется далеко не всегда и не везде. Ритуального признания ее правильности явно недостаточно. Необходимо постоянно выявлять эти факторы. И, без сомнения, непрерывно будут открываться все новые и новые подходы. Соответственно, нужно отрабатывать методики их применения с целью в итоге повысить результат.

Представляется, что исторический аспект относится к числу наименее разработанных. Соображения по этому поводу и составляют суть данной статьи. Авторские претензии не идут дальше постановки проблемы.

Существует немало примеров сознательного обращения деятелей прошлого к будущим поколениям. Вспомним знаменитое письмо Бухарина будущим руководителям коммунистической партии Советского Союза: «В эти, может быть, последние дни моей жизни, я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоет грязь с моей головы» [4: с. 609–610]. Коммуникация подобного рода — односторонняя, хотя морально-этическую реакцию потомков в виде их деятельности в соответствии с пожеланиями адресатов из прошлого можно считать вариантом обратной связи.

Временами на телеэкранах мелькает реклама с историческими сюжетами (вспомним рекламу банка «Империал»). Очень модно нынче заявлять: компания на рынке с такого-то года, или: компания являлась поставщиком императорского дворца. Очевидна установка на аргументацию некоего утверждения, пусть и рекламного, посредством исторических фактов. Естественно, при этом неизбежно и необходимо некоторое историческое знание реципиентов. Но оно-то, чаще всего, фрагментарно, не системно, почти импульсивно или даже полностью отсутствует. Это беда нашего времени.

И тем не менее история нас всех объединяет. Бедных и богатых, злых и добрых, умных и не совсем умных. Где-то в глубине веков пересекались пути наших предков. Но по причине слабого знания мы живем без ощущения этого неизбежного единства. А оно очень здорово могло бы нам помочь в делах нынешних.

Из исторической глубины предки посылают нам сигналы. Почти всегда — немые. Очевидно, что им очень часто хотелось передать нам свои послания в самых разных формах. Вспомним эпитафии на могилах. Это послания ныне живущим. Как точно подметила исследовательница А. В. Ложкова, это «сложное взаимоналожение прошлого, настоящего и будущего» [3: с. 63].

Мы ходим мимо зданий, иных объектов, создатели которых что-то хотели нам сообщить, потому что знали, что они уйдут, а их творения сохранятся долго. Обычно величественные сооружения возводились несколькими поколениями. Следовательно, те, кто были первыми, строили не для себя, а для Бога, своих потомков и будущего, то есть для нас. Заложившие фундамент передавали эстафету детям и внукам, которые возводили стены и перекрытия. И только правнуки видели сооружение законченным. Но всех их связывал процесс строительства, а затем наступала наша очередь. Мы должны правильно интерпретировать эти послания, оценить их и сделать частью своего багажа: нравственного, материального, научно-познавательного. Н.В. Гоголь очень емко смог сформулировать эту коммуникацию в статье «Об архитектуре нынешнего времени» от 1831 г.: «Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения» [1: с. 73]. Подобные качественные размышления и интерпретации, к сожалению, крайне редки. Они требуют не только глубокого знания материала, но и неформального чувства причастности.

Понимаем ли мы эти послы? И если да, то насколько адекватно? Их множество — этих информационных сигналов. Не только материальных, но и духовных. Они удерживают нас в состоянии коммуникации не только с прошлым, но и задают, программируют, подсказывают связь с будущим. И особенно явственно это воздействие проступает в архитектурных сигналах из прошлого. Исследователи уже отметили это явление [5].

Невозможно уверенно двигаться вперед, не освоив того, что нам досталось в результате исторической коммуникации. Впрочем, хотелось бы обойтись без таких очевидных констатаций. Какой при этом должна быть конкретная ситуация, чтобы данная коммуникация наладилась? Как минимум об этом надо говорить, и не только на бытовом уровне. Например: этот колодец выкопал твой прадед. Как раз это делается хотя бы на уровне семьи. Без сомнения, требуется некая критическая историческая образованность людей, причастных к ней (добавлю, постоянно пополняемая). И тогда прошлое заговорит с ними, подскажет, зарядит идеями, настроением. Пока же можно констатировать, что история воспринимается многими как дисциплина, которую надо поскорее сдать в вузе, как набор курьезов, анекдотов, дат и персонажей, а не как почва, на которой мы вырастаем и из которой получаем живительные соки. Одним, но не един-

ственным, следствием исторической образованности будет и повышение гуманизации общества.

История готова делиться с нами идеями, которые мы нередко судорожно разрабатываем сейчас. Например, поездки первых лиц по стране, выходы, так сказать, в народ — явление стародавнее. Екатерина II, например, помимо легендарного путешествия в Крым осуществила еще семь не менее масштабных предприятий. И пиар-обеспечение этих поездок, поверьте, было на должном уровне. Царь Алексей Михайлович практически ежеутренне шел в одну из московских церквей, и народ с ним общался.

Апелляция к исторической памяти является богатейшим ресурсом для гармонизации общественных отношений.

Еще несколько слов об обратной связи. Можем ли мы ответствовать перед предками, если не брать в расчет фантастические варианты? То есть может ли историческая коммуникация быть взаимной? В какой-то степени близкими проблемами занимается Станислав Гроф — американский психолог и психиатр чешского происхождения, доктор философии по медицине, основатель трансперсональной психологии, один из пионеров в изучении измененных состояний сознания. Кстати, с 2007 года он — «Почетный профессор МГУ», член Российского психологического общества, то есть не шарлатан, каких много. Он полагает, что те состояния человека, при которых он может «десантироваться» в прошлое, представляют «значительную концептуальную проблему, поскольку они предполагают существование памяти вне какого-либо материального субстрата» [2: с. 9]. Очевидно, что данная проблема пока еще находится не более чем в стадии постановки — настолько она сложна. Гроф намечает контуры этих практически неизученных состояний: «К ним принадлежат, например, эмпирические последовательности, представляющие события из истории человечества, хранящиеся в архивах коллективного бессознательного, как представлял себе Карл Густав Юнг, воспоминания о прошлых жизнях, и эмпирическая идентификация с представителями других видов. Все эти впечатления явно выходят за пределы наследственной, расовой и биологической линий любого типа и невозможно представить себе какой-либо материальный носитель, на который они могут быть записаны. Похоже, что они хранятся в сферах, которые в настоящий момент неизвестны науке или погружены собственно в поле сознания» [2: с. 8].

Видимо, со временем появятся некие формы и способы обратной связи, но уже сейчас надо участвовать в исторической коммуникации, прислушиваясь к сигналам из прошлого. Великие исследователи подсказывают нам, что эта сфера необыкновенно чувствительна и возможны самые необычные варианты. Упомянутый Карл Густав Юнг утверждал, что существует коллективное бессознательное, которое является общим для всех людей. В нем содержится информация обо всей истории человечества. В своих

книгах Станислав Гроф рассказывает о переживаниях прошлых жизней современными людьми. И он считает, что эта коммуникация обогащает нас.

Можно сказать, что вся жизнь есть коммуникация, и ее историческая составляющая оказывается весьма значимой и практически неисследованной. Для продвижения вперед требуются усилия специалистов разных направлений и грамотная аудитория.

Литература

1. Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени // Гоголь Н.В. Полное собр. соч. Т. 8. С. 56–76.
2. Гроф С. Когда невозможное возможно: Приключения в необычных реальностях. М.: АСТ, 2007. 441 с.
3. Ложкова А.В. Литературная эпитафия. Проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем (вып. 10), 2018. № 4. С. 56–64.
4. Письмо-завещание Бухарина «Будущему поколению советских руководителей» // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 609–610.
5. Фесенко Д.Е. Архитектура как инструмент конструирования будущего. От архитектурной истории XX–XXI веков до новой урбанистической политики. М.: URSS, 2018. 399 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЦИФРОВОЙ МЕДИАСРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ИЛЛЮЗИИ

*Е. П. БАРИНОВА,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории, международного права
и зарубежного регионоведения,
Самарский филиал Московского городского университета,
Россия, г. Самара
e-mail: rfjnz25@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности влияния сети Интернет на историческое познание. Отмечается, что потребность в визуализации прошлого реализуется в производстве исторического контента массовым пользователем для развлечения, самореализации или формирования собственной версии исторической реальности. Делается вывод о необходимости диалога между профессиональным сообществом и массовым пользователем в сохранении и трансляции исторической памяти в интернет-пространстве.

Ключевые слова: историческая память, цифровизация, медиасреда, цифровая история.

THE TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE DIGITAL MEDIA ENVIRONMENT: OPPORTUNITIES AND ILLUSIONS

*E. BARINOVA,
Doctor of History, Professor,
Professor of the Department of History,
International Law and Foreign Regional,
Samara Branch of Moscow City University, Russia, Samara
e-mail: rfjnz25@yandex.ru*

Abstract: The article discusses the peculiarities of the influence of the Internet on historical cognition. It is noted that the need for visualization of the past is realized in the production of historical content by the mass user for entertainment, self-realization or the formation of their own version of historical reality. The conclusion is made about the need for a dialogue between the professional community and the mass user in preserving and broadcasting historical memory in the Internet space.

Keywords: historical memory, digitalization, media environment, digital history.

Проблемы, связанные с сохранением историко-культурного наследия, формированием исторической памяти как основы национальной идентичности, находятся в центре государственной политики. Противодействуя внешней информационно-коммуникативной агрессии, государство оказывает воздействие на историческое сознание населения. Цели и задачи государства в области сохранения исторической памяти как компонента идеологической политики предполагают конструирование объяснительных моделей в отношении исторических событий. «Войны памяти» вокруг их интерпретаций связаны с борьбой за влияние на целевую аудиторию интернет-пространства и, прежде всего, на молодежь.

К изучению проблем трансформации исторической памяти в цифровой медиасреде исследователи обратились сравнительно недавно, хотя в том или ином ракурсе они являлись предметом анализа отечественных и зарубежных социологов, философов и историков [1; 2; 3; 7; 8; 10]. Авторы рассматривают интернет как «архив», медиатор коллективной и культурной памяти. Они отмечают влияние медиа на историческое познание, наличие коммуникационных конфликтов между представителями профессионального сообщества и массовой аудиторией Интернета [1; 3; 8; 9]. Исследователи обращаются к анализу тематики и целей создания исторических интернет-ресурсов и систем, обсуждают роль профессиональных историков в их создании, а также анализируют возможности участия массовой аудитории интернет-пространства в трансляции и воспроизводстве исторической памяти в цифровой среде [4; 5; 6; 9]. Особое внимание при этом уделяется анализу механизмов «войн памяти» и мифологизации исторического процесса [1; 2; 3].

Безусловно, цифровая среда предоставляет самые разнообразные условия и возможности для визуализации исторического прошлого как профессиональному историку, так и рядовому пользователю интернета. Использование в исторических исследованиях методов и возможностей цифровой гуманитаристики в настоящее время представляет не только научный интерес, но и способствует сохранению в цифровой среде результатов междисциплинарных исследований [5: с. 138]. Цифровые технологии предоставляют широкие возможности для поиска исторической информации и создания исторического контента [4]. Инициаторами исторических проектов чаще всего являются академические организации, музеи, архивы и медиа. Но и привлекаемая на основе краудсорсинга аудитория в той или иной степени чувствует себя соавтором проекта. Материал, создаваемый пользователем, добавляет индивидуальность в представления об исторических событиях, фактах, явлениях. Цифровые технологии помогают массовому пользователю активно участвовать в трансляции личной и семейной истории, формируя собственную публичную версию. Эти цели реализуются путем развития генеалогических

исследований, восстановления следов прошлого, создания интернет-музеев, оцифровки источников и создания цифровых архивов. В цифровом историческом пространстве существуют самые различные виды репрезентаций исторического прошлого: от дневников блогосферы, исторических мемов и компьютерных игр до академического дискурса [8: с. 83]. Безусловно, подобные проекты предоставляют целый спектр возможностей как рядовому пользователю, так и исследователю, задавая вектор поиска, сообщая первичную историческую информацию, расширяя возможности тематического общения и обмена информацией. Интернет-ресурсы создают иллюзии расширения коммуникативных возможностей и сокращения временных затрат на поиски информации. Пользователь получает возможность побыть экспертом, оппонировать чуждой системе взглядов и ценностей.

Однако достоверная, на первый взгляд, информация может оказаться нерепрезентативной, а зачастую и искаженной. Цифровые информационные продукты в упрощенной и развлекательной форме реализуют задачу оперативного получения информации о событиях исторического прошлого. Мультимедийный потенциал интернет-ресурсов, возможность использовать развлекательный видеоконтент направлены на создание обобщенно-стереотипных образов, нередко фальсифицирующих или искажающих исторические факты. Компьютерные игры на исторические сюжеты, исторические мемы и графические демотиваторы формируют искаженное представление прошлого. Эти же цели преследуют и авторы различных фальсификаций исторического процесса. Интернет-коммуникация позволяет пользователям сети переформатировать историческое знание. Любительская аудитория сети Интернет все активнее участвует в реализации исторических проектов в рамках практик гражданской науки. Однако, не обладая полнотой знаний о контексте тех или иных исторических событий, зачастую она способствует и воспроизводству неполных либо недостоверных исторических событий. Виртуализация истории часто порождает создание альтернативных либо мифологизированных версий исторической реальности, которые не сводятся к согласию с официальной версией истории или отказу от нее. Способы ревизии исторической памяти различны в зависимости от преследуемых целей: критика официальных версий истории; насаждение мифов, подмена или деформация исторических событий; формирование альтернативного образа прошлого; дискредитация исторического и гуманитарного образования.

Роль профессионала в производстве знаний о прошлом в цифровой среде многообразна. Он может выступать как создатель или куратор исторического ресурса или интернет-проекта, являться экспертом или модератором контента либо использовать цифровые ресурсы в собственной

исследовательской практике. Демократизация процесса создания и трансляции исторического знания изменила отношение к системе исторического образования и представителей академической науки. Роль историка в сохранении исторической памяти в цифровом формате и производстве цифрового знания о прошлом является предметом дискуссий. Часть профессионального сообщества полагает, что историк утратил свое исключительное право на объективность исторической истины, другие видят его в качестве консультанта сетевой аудитории, третьи говорят о необходимости открытого диалога с сетевым сообществом [6: с. 151]. Трансформируется роль современных профессиональных историков в процессе трансляции исторического дискурса, ставится задача не только конструирования научного знания, но и адекватного его продвижения в цифровой среде с учетом интересов разных аудиторий. Существует необходимость развития цифровых компетенций профессиональных историков, формирования их медиакомпетентности [9: с. 97]. Клиповое мышление современной молодежи, низкий уровень критичности, отсутствие навыков целенаправленной аналитической работы с источниками ставят задачу разработки адекватного языка для перевода академического знания в публичный исторический нарратив с учетом особенностей потребительского контента.

Литература

1. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. Вып. 1 (53). С. 19–28.
2. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 234–239.
3. Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8(41). С. 5–16. URL: <https://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (дата обращения: 13.05.2022).
4. Володенков С.В. Особенности применения технологий переписывания истории в современном пространстве цифровых коммуникаций // История. 2020. Вып. 9 (95). URL: <http://ras.jes.su/history/s207987840011429-0-1> (дата обращения: 13.05.2022).
5. Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного подхода. СПб.: Алетей, 2018. 408 с.
6. Лапина-Кратасюк В.Г., Рублева М.В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги. 2018. № 4 (3) С. 147–165.
7. Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67.

8. Тихонова С.В., Фролова С.М. Историческая память и медиальный поворот: цифровизация прошлого // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 4. С. 78–85.
9. Токарева Е.А. Публичная история в современных блогерских практиках // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2021. № 2(42). С. 89–100.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007.

«ИМЯ РОССИИ»: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

*И.Н. ФЕДОТОВА,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, г. Владимир
e-mail: inf2306@yandex.ru*

*К.В. ЗОТОВА,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, г. Рязань
e-mail: saschen@yandex.ru*

Аннотация: Авторы характеризуют складывание образа князя Александра Невского в общественном сознании. В статье показано, что на каждом этапе развития нашей страны фигура этого государственного деятеля воспринималась в контексте вызовов соответствующей эпохи и его пример способствовал подъему патриотических настроений в обществе. В исторической памяти народа этот образ относится к числу не только самых древних, но и наиболее ярких и продолжает служить примером преданности своей Родине и воинской доблести.

Ключевые слова: князь Александр Невский, государственный деятель, полководец, защитник Отечества, общественное сознание, историческая память народа, патриотические настроения.

THE NAME OF RUSSIA: ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

I. FEDOTOVA,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Assistant Professor of the Humane,
Social and Economic Studies Department of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
e-mail: inf2306@yandex.ru*

K. ZOTOVA,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Assistant Professor of the Department of Philosophy and History
of Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan
e-mail: saschen@yandex.ru*

Abstract: The authors characterize the folding of the image of Prince Alexander Nevsky in the public consciousness. The article shows that at every stage of the development of our country, the figure of this statesman was perceived in the context of the challenges of the corresponding era and his example contributed to the rise of patriotic sentiments in society. In the historical memory of the people, this image is among not only the most ancient, but also the most vivid and continues to serve as an example of devotion to the Fatherland and military valor.

Keywords: Prince Alexander Nevsky, a statesman, a warlord, a defender of the Fatherland, the public consciousness, the historical memory of the people, patriotic sentiments.

Князь Александр Ярославич Невский занимает особое место среди государственных деятелей нашей страны. По результатам всероссийского социологического опроса, проведенного в декабре 2008 г., он был выбран «именем России», то есть признан наиболее популярным персонажем отечественной истории [6]. В глазах подавляющего большинства наших сограждан он предстает прежде всего как самоотверженный, бесстрашный защитник Отечества, образец полководческого таланта и воинской доблести. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выяснить, как в общественном сознании сложился нынешний образ Александра Невского и менялась ли его смысловая нагрузка с течением времени, то есть в процессе смены исторических эпох.

Вполне закономерно, что формирование этого образа началось уже при жизни князя, который по масштабу своей личности резко выделялся не только среди русских князей, но и среди правителей других государств

XIII столетия. Деятельность Александра Ярославича приходится на тот драматический период, когда Русь подверглась ударам сразу двух мощных и опасных противников: Монгольской державы и католического Запада. Древнерусские летописцы указывают на то, что Александр, в отличие от других князей, не усомнился в православной вере и отказался от предложенного католиками альянса против Орды, тем самым выступив в качестве защитника всего православного мира. Между двух зол — таких, как агрессия крестоносцев и нашествие монголо-татар, — он сумел выбрать меньшее, хотя и унижительное зло — бремя ордынского ига. Этот принципиальный по своей сути выбор был обусловлен тем, что монголо-татары проявляли терпимое отношение к православной вере и основанной на ней русской культуре, тогда как крестоносцы преследовали цель обратить русское население в католичество, что означало бы утрату культурной и национальной самобытности. Союз с Ордой, заключенный Александром Невским, имел также важное внутривосточное значение, поскольку способствовал консолидации внутри страны, тяжело переживавшей ситуацию раздробленности [5].

Именно эти факторы послужили основными предпосылками к формированию в общественном сознании героического образа князя, наделенного ореолом святости. Почитание князя как святого началось уже в XIII в. во Владимире — городе, с которым была тесно связана судьба Александра Ярославича и где он был похоронен в 1263 г. Общерусская канонизация Александра Невского состоялась в середине XVI столетия при поддержке Ивана IV. Решение царя и руководства Русской православной церкви причислить князя Александра к лику святых следует анализировать в контексте геополитических интересов нашей страны. Они, как известно, требовали обеспечения выхода к Балтийскому морю, чему препятствовало сразу несколько враждебных государств: Ливонский орден, Польша, Литва, Швеция и Дания. Таким образом, Александр Невский стал рассматриваться как небесный заступник северо-западных рубежей России [2: с. 20–21].

Наиболее яркие очертания образ святого князя — заступника земли Русской приобрел в начале XVIII в. при активном содействии Петра I, «прорубившего окно в Европу» в результате длительной и кровопролитной Северной войны со Швецией. Непосредственным поводом к тому, чтобы подчеркнуть героическое содержание этого образа, послужил тот факт, что для строительства новой столицы Петр выбрал место, которое, по летописным свидетельствам, почти совпадало с границами поля Невской битвы, состоявшейся в 1240 г. По инициативе Петра мощи князя были торжественно перенесены из Владимира в Санкт-Петербург и помещены в мужском монастыре, получившем название «Александро-Невская лавра». В церковный календарь был включен новый праздник — перенесения мощей благоверного князя Александра, приуроченный к 30 августа (по но-

вому стилю — 12 сентября), славной дате, когда в 1721 г. был подписан Ништадтский мирный договор с побежденной Швецией. Петр I провозгласил Александра Невского небесным покровителем городов, названных в честь царя: Санкт-Петербурга и Петрозаводска [4: с. 119–132].

Закреплению в исторической памяти народа образа Александра Ярославича как защитника Отечества в немалой степени способствовало появление специального знака отличия. Петр I решил учредить орден святого благоверного князя Александра Невского для награждения за воинскую доблесть. Поскольку осуществлению этого замысла помешала кончина императора, указ об учреждении награды подписала в качестве нового главы государства его вдова Екатерина I, причем орденом стали награждать не только военнотружущих, но и гражданских лиц «за труды на благо Отечества». Вплоть до падения монархии этот орден входил в число высших наград Российской империи и считался третьим по значимости после орденов святого Андрея Первозванного и святой великомученицы Екатерины. Знак ордена представлял собой четырехконечный прямой крест с расширяющимися концами и двуглавыми орлами, помещенными между концами креста. В центре креста располагался круглый медальон с изображением князя Александра на коне. К знакам ордена относилась также серебряная восьмилучевая звезда с девизом ордена «За труды и Отечество». За период с 1725 по 1917 г. этим орденом наградили почти 3,7 тысячи человек. Особенно много награжденных было среди военнотружущих, участвовавших в войне 1812 г. с наполеоновской Францией и Первой мировой войне [9: с. 93–95].

После прихода к власти большевиков орден Александра Невского, как и другие награды Российской империи, был упразднен. Однако с течением времени отношение Советской власти к деятельности князя Александра существенно изменилось. Во второй половине 1930-х гг., в условиях обострения международной обстановки, Александр Ярославич стал восприниматься как пример воинской доблести и самоотверженного служения Родине. Ответом советского кинематографа на вызовы эпохи послужил художественный фильм «Александр Невский», снятый режиссером Сергеем Михайловичем Эйзенштейном в 1938 г. Главную сюжетную линию картины составляет борьба русского народа с крестоносцами, которая интерпретируется как предупреждение о надвигающейся германской агрессии. Этот фильм пользовался огромным успехом у зрителей и, несомненно, способствовал подъему патриотических настроений в советском обществе накануне и в годы Великой Отечественной войны [11: с. 60–63].

29 июля 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР одновременно с орденами Суворова и Кутузова был учрежден орден Александра Невского для награждения командиров воинских подразделений за особые заслуги в организации боевых операций и руководстве ими. По-

сколько прижизненных изображений князя не сохранилось, то на лицевой стороне ордена был изображен артист Николай Черкасов, исполнивший роль Александра Невского в одноименном кинофильме.

После распада Советского Союза орден остался в системе государственных наград Российской Федерации, однако до 2010 г. не имел статута, награждения этим орденом не производились. 7 сентября 2010 г. указом Президента России «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» был утвержден статут ордена Александра Невского, в соответствии с которым эта награда является общегражданской, а ее внешний облик воспроизводит дизайн дореволюционного ордена [7].

Память об Александре как святом благоверном князе, выдающемся полководце и дипломате хранит Русская православная церковь. По решению Патриарха Московского и всея Руси Александр Невский провозглашен небесным покровителем дипломатической службы, Сухопутных войск и морской пехоты Военно-морского флота России. И, конечно, нельзя не сказать о том, что князю Александру посвящено огромное количество православных храмов в самых разных уголках нашей страны, начиная с крупных городов и заканчивая сельскими поселениями [1].

В 2021 г., в рамках реализации указа Президента России [8], было широко отмечено 800-летие со дня рождения этого государственного деятеля. Среди огромного количества праздничных мероприятий одним из наиболее запоминающихся стало открытие в Псковской области на берегу Чудского озера мемориала «Александр Невский с дружиной»; в торжественной церемонии приняли участие Президент России В.В. Путин и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Еще несколько памятников были открыты в других регионах, а в Волгограде освятили воздвигнутый в честь князя новый православный собор [10].

В заключение коротко остановимся на том, как отмечалась юбилейная дата в городе Владимире. К ней была приурочена проведенная в апреле 2021 г. конференция исследователей-краеведов. Владимирская областная научная библиотека реализовала масштабный культурно-просветительский проект «Невский.800», рассчитанный на широкую читательскую аудиторию. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник принял участие в осуществлении всероссийского историко-музейного проекта «Александр Невский. Великий северный путь». Сотрудники музея подготовили выставку, цель которой заключалась в том, чтобы показать восприятие личности князя его современниками и потомками на примере произведений искусства, археологических находок, документов и памятников литературы. На выставке были представлены предметы из коллекций оружия, сфрагистики, нумизматики, икон, тканей, живописи XIII–XX вв., в об-

шей сложности более двухсот экспонатов из фондов музея-заповедника и частных собраний [3].

Подводя итоги, можно отметить, что образ Александра Невского как князя и воина — защитника Отечества складывался в общественном сознании более семи столетий и на каждом этапе развития страны получал новое прочтение, которое определялось вызовами соответствующей эпохи. В исторической памяти нашего народа этот образ относится к числу не только самых древних, но и наиболее ярких и продолжает служить примером патриотизма, беззаветной преданности своей Родине и воинской доблести.

Литература

1. Александр Невский — мыслитель, философ, стратег, святой. URL: <http://www.rgavmir.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Барашев М.А. Александр Невский — выдающийся государственный деятель средневековой Руси // Святой благоверный великий князь Александр Невский как пример исторического оптимизма: материалы конференции. Владимир: Посад, 2008. С. 20–28.
3. Год Александра Невского во Владимирском регионе. URL: <http://www.library.vladimir.ru/news/> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. С. 119–132.
5. Житие Александра Невского: текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Факс. изд. Л.: Аврора, 1990. 86 с.
6. Имя России: исторический выбор 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
7. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31716/> (дата обращения: 20.04.2022).
8. О праздновании 800-летия со дня рождения князя Александра Невского: Указ Президента Рос. Федерации от 23 июня 2014 г. № 448. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/46050/> (дата обращения: 20.04.2022).
9. Серков С.Р. Первые ордена России // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 93–95.
10. Специальный проект rg.ru «800 лет святому князю Александру Невскому». URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
11. Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М.: Альма Матер, 2008. 508 с.

СЕВЕРОРУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КАНОН В КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННОГО ВОЛОГЖАНИНА

*Е.А. ОКЛАДНИКОВА,
доктор исторических наук,
профессор кафедры социологии,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru*

Аннотация: В основу статьи легли материалы полевых исследований автора (2014–2022) на Вологодчине. Полевые исследования проводились методом глубинных интервью (N=6) с респондентами, обладающими большим жизненным опытом, вписанными в культуру севера Вологодской области, как городскими, так и сельскими жителями, обладающими патриотической жизненной позицией. Описаны смысловые доминанты северорусского культурного канона, нашедшие отражение в картине мира респондентов — современных вологжан. Были выделены три базовых компонента их модели мира, запечатлевшие сущностные смыслы северорусского культурного канона: 1) *демографический*, основанный на понятии кровного родства и большой семьи — опоре государства и российской цивилизации в целом; 2) *коммеморативный*, сохранения культурных реликтов, включающих наследие материальной и нематериальной культуры Русского Севера; 3) *политический*, воспроизводящий почвенническую национальную идею, противоположную либерально-демократической экспортной «голливудской».

Ключевые слова: Вологодская область, северорусский культурный канон, картина мира, сельское население севера Вологодской области.

THE NORTH RUSSIAN CULTURAL CANON IN THE PICTURE OF THE WORLD OF A MODERN VOLOGZHANIAN

*YE. OKLADNOKOVA,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Sociology,
Russian State University. A.I. Herzen, Russia, St. Petersburg
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru*

Abstract: The article is based on the materials of the author's field research (2014-2022) in the Vologda region. Field research was carried out using the method of in-depth interviews (N=6)

with respondents with extensive life experience, inscribed in the culture of the north of the Vologda Oblast, both urban and rural residents with a patriotic life position. The semantic dominants of the North Russian cultural canon are described, which are reflected in the picture of the world of the respondents — modern Vologda residents. Three basic components of their model of the world were singled out, capturing the essential meanings of the Northern Russian cultural canon: 1) demographic, based on the concept of consanguinity and a large family — the backbone of the state and Russian civilization as a whole; 2) commemorative, the preservation of cultural relics, including the heritage of the material and non-material culture of the Russian North; 3) political, reproducing the soil national idea, opposite to the liberal-democratic export “Hollywood”.

Keywords: Vologda Oblast, Northern Russian cultural canon, picture of the world, rural population of the north of the Vologda Oblast.

Основу статьи составили материалы почти десятилетних социально-исторических исследований автора на Вологодчине. С 2014 года в архиве автора хранятся десятки интервью с жителями Вологодчины: археологами, краеведами, представителями местных администраций, предпринимателями, а также с членами Вологодского землячества (Санкт-Петербург). Эти беседы были откровенными и увлекательными. Нас интересовали не столько социологические детали, сколько те нравы и те особенности картины мира наших респондентов, которые оказались глубоко патристическими.

Цель статьи — описать смысловые доминанты северорусского культурного канона, нашедшие отражение в отношениях респондентов к истории их Малой Родины и событиям российской истории в целом, свидетелями которой они стали, и определившие облик их картины мира.

Таблица 1

Таблица респондентов

№	ФИО	Род занятий	Место жительства	Возраст
1	Иевлев Николай Витальевич		СПб.	56 лет
2	Гребенщиков Виктор Александрович	Глава администрации Маркушевского поселения	д. Заречье, Вологодская область	64 года
3	Архиповский Иван Викентьевич	Предприниматель	с. Тарногский городок	50 лет
4	Погожев Сергей Николаевич	Тракторист	д. Андреевская	56 лет
5	Никитинский Иван Федорович	Археолог	г. Вологда	64 года
6	Гусев Сергей Михайлович	Глава с. Тарногский городок	с. Тарногский Городок	62 года

Все наши респонденты обладают большим жизненным опытом. Они родились и провели детство на Вологодчине, двое живут в городах, остальные — сельские жители. Все наши респонденты связаны тесными узами культурной традиции с Вологодской землей, часть из них активно участвует в жизни Санкт-Петербургского Вологодского землячества, часть, получив образование в других городах России, вернулась в родные села и города Вологодчины и активно работает. Другая часть осталась в городах. Индустриальный город унифицирует человеческую личность, выхолащивает человеческую душу в угоду технологизации жизни. Неудивительно, что сегодня — в эпоху постпостмодерна — теоретики в области урбанистики разрабатывают проекты городов-садов с комфортной городской средой, в которых на новой основе возрождается социальный принцип соборности и общинности [3: с. 75–83]. Философ Н. Бердяев в 1916 году писал, что торжество буржуазного духа в Европе в XIX и XX веках сказалось в становлении механической цивилизации, глубоко противоположной всякой подлинной культуре. «Механическая, уравнивающая, обезличивающая и обесценивающая цивилизация с ее дьявольской техникой, слишком уж похожей на черную магию, есть лжебытие, призрачное бытие, вывернутое бытие... В ней гибнет внутренний человек, подменяется внешним, автоматическим человеком. Цивилизация развила огромные технические силы, которые по замыслу должны уготовить царство человека над природой. Но технические силы цивилизации властвуют над самим человеком, делают его рабом, убивают его душу» [1].

Города с их техногенной цивилизацией живут принципом «чужого», т.е. горожанин соседствует с дальним соседом, историю которого, предков которого он не знает. «Дальний сосед» — это всегда чужой, а через него и весь остальной городской мир становится чужим. Для того в городах с давних времен и был нужен Закон, чтобы предотвратить грабежи и убийства «чужих», которых не жалко. Люди, живущие в «высотных муравейниках, забившись в дырки в стене, как насекомые» [5], невероятно одиноки, не то, что наши деревенские люди — у них усадьба, дом, огород, а за забором — поля и леса. «И у соседа с детских лет тебе знакомого, то же самое» [5]. Те русские, которые уезжают жить за границу (новые эмигранты), часто стесняются по-русски говорить. Они со временем как-то бесследно растворяются в толпе, как когда-то растворились их предшественники, бежавшие из СССР. «Слабое у них русское самосознание, слабое» [5]. Городские вологжане — Иван Федорович Никитинский и Николай Витальевич Иевлев — не такие. Они не только вологодский говор, но и манеру разговора, интонирование речи не забыли, так же, как и многие члены Вологодского землячества в Санкт-Петербурге.

В основу этой статьи легли материалы недавнего интервью с Николаем Витальевичем Иевлевым, урожденным вологжанином, выпускником фи-

зического факультета СПбГУ, ныне директором НП «Серебряное кольцо России», руководителем многих историко-культурных и краеведческих проектов. Темы, затронутые в нашей беседе, оказались созвучными идеям, высказанным участниками других наших разговоров с жителями Вологодской области, по духу традиционалистами, носителями канона северорусской культуры. В процессе интервью Н.В. Иевлев сказал: «Хочется написать красивый роман и назвать его “Всё к лучшему”. Я оптимист. Когда мой сын был маленький, он без меня не хотел засыпать. Всё ждал, когда папа придет. Я ему сначала сказки рассказывал. Сказки кончились. Я начал ему рассказывать про маленького мальчика, т.е. самого себя в детстве. Ну, получалось, примерно то, что я вам сегодня расскажу. Завершу роман тем, как оно есть сейчас» [7]. На наш вопрос, как у него появился интерес к северорусской культуре, Н.В. Иевлев ответил так: «Интерес к культуре Вологодчины — это у меня скорее для души. Когда я работал в Сбербанкстрое, я принимал участие в реализации программы по созданию телекоммуникационной и информационной структуры СПбГУ. У меня было много приятелей. Проф. Майоров был тогда скромный зав. кафедрой музееведения. Он сказал, Николай Витальевич, надо бы что-то придумать, и мы придумали тогда “Проект развития музейного комплекса Санкт-Петербурга и Ленобласти”. Это было в 2003 году. После этого я открыл свою компанию “Объединенные проекты”. Второй семинар мы провели в Музее Меншикова (Эрмитаж, отдел), нас тогда поддерживала в работе Ректор СПбГУ Людмила Алексеевна Вербицкая...» [7].

Идеи, которые были затронуты в интервью с Н.И. Иевлевым, дают ответы на многие вопросы о характере российской цивилизации и угрозах, с которыми все мы, как люди, причастные к ней, сегодня сталкиваемся. Северорусский культурный канон с его кодами: ландшафтным, нравственным, гастрономическим и др. нашли отражение в рассказе Н.В. Иевлева о своей личной истории.

Северорусский культурный канон. Жители Вологодской области — исконные земледельцы, впитавшие охотничьи и скотоводческие традиции материальной культуры древнего финноугорского народа меря и объединившие их с оседлыми земледельческими практиками. Для земледельцев понятие Родины неотделимо от определенной территории. По духу они почвенники. Развитие северорусских земледельцев происходило в рамках стабильных границ их исторической Родины. Культурно-историческим антиподом земледельцу является кочевник. В отличие от земледельцев, для кочевников историческая Родина — понятие размытое, лишенное идеи почвенности, слитое с понятием «нация», которая не признает государственных границ. Кочевник находится в постоянном движении и обуреваем идеей захвата новых территорий, живет захватами и торговлей.

Вологжанин как земледелец, почвенник ценит порядок и спокойствие, ориентирован на благоустройство освоенного куска земли. Он наследовал принцип личной ответственности из христианского учения, для вологодской земли — это учение старообрядческого толка, смешанного с языческими славянскими религиозными представлениями (верой в священные рощи, источники, деревья, культ предков и силы природы) [13: с. 111–112], характерную для всего Русского Севера длинную историческую память. Насколько длинна эта историческая память, можно судить по историко-культурной традиции соседней Архангельской области. Там, как заметили этнографы, еще в конце XIX — первой половине XX века распевали древнерусские былины о богатырях, которые затем вошли в школьные учебники истории, но были давно забыты в Центральной России. Археологам и историкам в конце XX века в селах Русского Севера показывали спрятанные за божницами жалованные грамоты на землю XV века [12: с. 3–12], а воспоминания о событиях «бунташного века» (XVII век) сохранились в преданиях о «панах» и разбойной «литве». Северорусский культурный канон, в частности вологодский, обладает своей системой ценностно-нормативных установок или смыслов, которые веками складывались в определенных исторических условиях. Эти условия определяются ландшафтным, гастрономическим, демографическим (семейным), и нравственным кодами.

Ландшафтный код (болото, лес, река, дорога «Великий Устюг — Вологда»). «Вот р. Нижняя Уфтяга. Здесь были д. Ивановская, затем д. Кузнецовская, и д. Мальчевская, д. Семенова Гора, где я родился в 1966 году. Вот р. Сухона. Сухона в моем детстве была река судоходная. Когда стал повзрослее, стал ездить в г. Вологду. А потом стал ездить и подальше. Дорога, которая сегодня Вологда — Великий Устюг, она идет вдоль Сухоны, ее раньше не было. Дорога появилась после того, как из Германии стали выводить группу советских войск после распада СССР. Батальоны стройбата стали размещать в Вологодской области в Великом Устюге. ... Вот здесь у нас была целая серия деревень: Наквасино, Малиновская, Ивановская. Здесь был свой колхоз. Огромный колхоз, огромные деревни были с еще до революции построенными храмами. Потом солдатики сняли, и они куда-то уехали. Вот это болотина (*показывает на карте*)..., а вот это леса, вот д. Кокшинская, дорога. Я приехал в Кокшинскую в начале 2000-х, и мы с племянником пошли вот сюда, за Кокшинскую собирать грибов. Мы сюда, на край болота на тракторе приехали, ну, и я пошел вдоль лесочка, я же помню эти места. Лесочек за это время вымахал, а я пошел по краю лесочка на шум трактора. Шум трактора в болотине низом идет... По дороге лосей спугнул. Это было реальное клюквенное болото. Уже темнело. Вышел, смотрю бабулька на огороде копается. Я здороваюсь, а она спрашивает: “Ты откуда?” Говорю: “Из Висютино”. Слышу,

у нее говор другой. Я понимаю, что я куда-то не туда пришел. Спрашиваю: “А я где?” Она объясняет, что мы сейчас около д. Илеза. Тут я осознал, какое расстояние прошел. Спрашиваю: “Как мне в Весютино обратно добраться? Автобус когда?” Она мне говорит: “Какой автобус? Завтра бензовоз пойдет до Нюксеницы...” Тогда не было телефонов. На бензовозе доехал я до Заречья. Утром я добрался до родной деревни — Семенова Гора. А там мужики уже с ружьями бегают, меня ищут. Мама в слезах... Мне брат-геодезист потом сказал: “Тебе повезло, ты чудом между двух болотин по визиру прошел. Это болото непроходимое. Утонул бы”» (*показывает карту*) [7].

Пути-дороги Вологодчины. В Вологодском отделении РГО проводится ежегодная научная конференция, одной из ведущих тем которой является «Водно-волоконные пути русского севера» [15: с. 105–108]. В древности единственной возможностью передвижения людей и товаров были речные и озерные системы. Этот способ сохранился до конца XX века. Именно о нем нам рассказал Н.В. Иевлев как до конца XX века первостепенном и самом распространенном на Вологодчине: «Когда Сухона весной шла, по большой воде, бревна плыли самоходом в Северную Двину. Капитаны теплоходов на подводных крыльях у нас были уникальные люди, они лавировали между бревнами... Теплоход-метеор — это фантастическая конструкция. Он проходил по топям, камням, топляку как по маслу, как по горке. На бревно взлетал и перепрыгивал. В районе Саламбалы бревна ловили, и отправляли, или за рубеж, или в переработку, всё шло в ход. Красота пути была такая, что я ехал и смотрел на берега. Все берега Сухоны были живые. Все Лесопункты были живые. Теперь теплохода нет. Теперь лес вывозят автомобилями, а не рекой. Но красота была изумительная. Когда мы, после 12 часов пути, приезжали в Вологду, то все были уставшие. Теплоход, который шел от Нюксеницы в Вологду, делал остановку к Тотье. Тотья стоит на высокой горе. Вид красивый открывался. Это храмы, купола, они тогда не были разрушены. В одном храме была мореходная школа. Тотья — замечательный город. Там отбывал ссылку И. Сталин. Второй вариант передвижения по Вологодчине — воздушный, через Аэропорт. Пара слов о дороге на Тарноге. Теперь она идет во так. А в мое время она шла по-другому, через Пожарище, по Заречью. Теперь эта дорога заросла. От Вивьютино до Тарноги было 52 км. И эти 52 км я много раз преодолевал, пока учился в Ленинграде, сначала в Интернате при физматшколе, потом в Университете. Поскольку “АН(ы)” часто не летали, а ехать на теплоходе мне было некогда, я добирался на бензовозах, которые шли каждый день. Мы выходили на дорогу, махали рукой, бензовоз останавливался, мы по два человека садились в кабину, денег с нас не брали. Бензовозов шло по 20 машин в день, за день они иногда успевали сделать по два рейса. Это были небольшие машины,

газончики с бочкой. В один из годов весна была такая, что не только бензовозы, но и трактора не могли ходить. Пришла на помощь армия. К нам был сброшен специальный полк, с танками на гусеничном ходу. Он и возили горючку. Танки шли под моим окном в Семеновой Горе, но и они, эти танкетки тоже часто ломались. Тогда солдаты их бросали, приезжала ремонтная бригада... У нас деревня сохранилась, наша Семенова Гора. Было 20 домов, сейчас 19 домов. А какие вокруг были поля! Рожь колосилась, клевер. А сенокос — это вообще было нечто!» [7].

Нравственный код. Ценностные параметры духовного кода именно вологодского культурного канона как составной части северорусского описал наш респондент-предприниматель, житель Тарногского городка.

Доверчивость. «Доверчивость наша — это осознание того, что мы живем на удалении, и мы считаем, что мы же как бы в одном кусту (куст — это группа деревень, образовавшаяся вокруг села) варимся, и мы привыкли друг другу доверять» [4].

Взаимопомощь. «Приведу пример взаимопомощи: звонит мне другой предприниматель, ему нужна запчасть, помощь, я говорю: “пожалуйста, бери”. Тот говорит: “Это как? Это же твой конкурент”. Я говорю: “А почему нет? У нас такого нет. Бери любую железяку, езжай работай. Завтра я к нему обращаюсь”» [4].

Честность. «Пример приведу, все у нас в Тарноге хорошо знают, что никогда на моем производстве, никогда, никого, ни разу не обманули. У нас жесткий запрет, всё. Обманите меня только один раз — оставлю без работы» [4].

Доброта. «Отец мне говорил: “Запомни, никогда не балуйся людьми. Человек не игрушка”».

Цепкость в трудовых отношениях. «Как мы понимаем цепкость? Ну, представьте себе, мы много труда положили, пирог испекли. Мы его сами делим, пилим. Мы его сами испекли, мы его сами и съедим» [4].

Цепкость и установка на трудовую созидательную деятельность — это основные смысловые коды, которые были описаны нашими респондентами. Н.В. Иевлев рассказал нам о формировании отношения к труду на примере из личной истории: «Свой первый заработок (21 рубль) я принес домой с сенокоса в 7 лет. Мы поехали с мамой в Тарногу, и купили костюм, в котором я пошел в школу. Утром я брал грабли и шел на загрёбку. Коса для меня была тяжела, а грабли — вполне по силам. Ну, конечно, нам платили по нормам меньше, чем взрослым. Но в 7–8 классе мы работали на заготовке силоса. Тогда на телегах нужно было разравнивать силос, и там заработки были по 100 руб. и больше. Когда я поступил в университет, я уже перестал приезжать на лето. Я уже в стройотряды ездил. Мы летали в Коми. Мы там строили дома. Там я за лето получал 2–2,5 тыс. руб. за лето. В советское время Родина, Партия и правитель-

ство нам доверяло. Ну, представьте, на первом курсе я был бойцом стройотряда, на втором стал бригадиром, на третьем — комиссаром, на 4-м курсе я был уже командиром стройотряда. Что такое стройотряд? Это человек 30 парней и 2 девушки-поварихи. И работа у нас была с 9 утра до 10 вечера. У нас был сухой закон. Командир не работает, мастер не работает, у нас там свои дела, наряды и т.п. Плюс к этому система: Обком комсомола и Областные штабы строек. Областные штабы строек формируют стройотряды. У нас из Ленинграда заказывались чартерные авиарейсы, которые полностью летели со студентами. В Вологде была малая авиация. Поэтому между населенными пунктами из Сыктывкара я как командир стройотряда я летал на “АН-2» [7].

О своих односельчанах, людях с «цепкой в трудовой хваткой», наши респонденты рассказывали: «У нас, молодых парней, во время моей молодости дорога была — или в армию, или в колхоз. В нашей деревне был 21 дом. Сейчас осталось 19 домов. Мой сосед дослужился до военкома г. Кишинев. Через дом сосед дослужился до командира эсминца на Черном море. Еще один — до командира полка Рязанской воздушной дивизии. Когда люди идут из глубинки в армию, они понимают, зачем они идут. Нас, деревенских, вологодских, закаляла сама жизнь, всё было так, как написал когда-то Н. Островский в своем романе “Как закалялась сталь”» [7].

Повседневная деревенская жизнь советских людей на примере личной истории Н.В. Иевлева выглядела так: «Родня моя — обычные люди были. Братья всю жизнь летом вставали в 5 часов утра, водички испили, то-сё, дрова принесли для печки — и на комбайн, жатва не ждет. Вечером пришел в 12 ночи. Помылся, поел, соснул пару часиков, и снова на жатву. А зимой — в лес. Мы всю зиму возили дрова и их кололи. Дом-пятистенок большой, нужно протопить. Притом не один раз. С первого класса я привозил на волокуше дрова, их нужно было поколоть, попилить, сложить в поленницу. Так проходила вся зима. Потом зимой надо было сходить на охоту, добыть барсучьего жира. Мы же все охотники были. Веники для бани сами делали. Мы всё сами делали. Надо было сено привезти с дальних пастбищ зимой. Сугробы там были 2 метра, а ты туда тюхаешь, и обратно трюхаешь. И коров колхозных надо было кормить, все 6000 голов. По зимнику надо завезти семена, запчасти. Зимой надо подготовиться к весне» [7].

Гастрономический код. «На севере Вологодчины веками сложился особый гастрономический код, в котором царил пирог “Рыбник”. 1 мая Сухона вскрывалась ото льда. Шел треск по округе, лед вскрывался мощно. Следом вскрывалась Уфтяга. Уфтяга тоже начинала трещать. И в это время все жители окрестных деревень брали в руки саки — это палка длинная, в диаметре 5 см, 10 м длины, 1,5 x 2,5 м была на конце сетка. Рыба пугалась треска льда и бросалась к берегу. Ну, вот этим саком и черпали рыбу.

Несли рыбу домой: щуки, пескари, елец, ёрш, плотва, старались брать щуку. Мама любила загибать пироги, брала тесто, клала рыбу и накрывала сверху тестом. Это называлось загибать пироги. И когда из печи доставали пироги, отрезали крышку (тесто) — это был настоящий восторг!» [7].

Брага и пиво. «Брага очень вкусная. У нас пиво делали из хмеля, что на тычинах рос. Потом процесс брожения. Пиво черпали черпаком. Пиво у нас ближе к браге. Градусов 7–8. Пиво и брага — это разное питьё. В Тарноге была брага на праздники, не пиво» [7]. «Единственный перерыв был осенью, на Покров, когда дороги развезло. В деревне устраивали праздник — братчина. Варили брагу. Мои родители, дядья и братья — обычные люди были. По-другому на селе никто не жил» [7].

Колбасные поезда. Н.В. Иевлев продолжал рассказ про гастрономический вологодский код эпохи развитого социализма: «Я был в 7 классе, мне нужно было ехать в Москву. Раньше были такие поезда “колбасные”. И в Москве, и в Питере была колбаса, было вологодское масло, а в Вологде ничего такого не было. У нас было “очень голодно”. Нам было нечего есть в те времена. У нас на столе в советские времена были только свинина, говядина, баранина, грузди, подберезовики, подосиновики, картошка, морковка, свекла, брусника, черника, молоко, тарногское масло, курочка, яйцо, т.е. всё то, что можно было произвести самим. А не было у нас только колбасы (*смеется*)» [7].

Образовательный код. Ярким примером отношения к образованию является личная история Н.В. Иевлева. Он комфортно чувствует себя в системах современных технологий, испытывает удовлетворение, когда технологические системы хорошо организованы и правильно работают, когда моментально разрешаются сложнейшие задачи, когда все чисто и аккуратно. Он восхищается плодами человеческой изобретательности и трудолюбия, независимо от того, японские ли это автомобили, швейцарские часы, американские компьютеры или русские ракетносители. Он полагает, как и другие наши респонденты, что технологии предоставляют людям огромную свободу действий, открывают новые горизонты, отражают один из многочисленных аспектов красоты и совершенства мира. Н.В. Иевлев уверен, что духовность и внутренняя свобода для человека возможны в современном мире и что это вопрос культуры и образования. Он сказал в интервью: «Я очень любил учиться. Когда после 45-го Интерната я пошел на Физфак, многие наши переставали ходить на занятия, т.к. нам в Интернате давали программу до 2-ого курса математического факультета Университета. Многие халявили после первой лекции. А когда приходили на первую сессию, то выяснялось, что они много забыли или вообще не знали. Я же ходил на все занятия. Мой научный руководитель, Ольга Васильевна, сказала мне, что самый простой способ учиться на физфаке — это ходить на все занятия. Я занимался квантовой

электроникой, а конкретнее, лазерной физикой. Я получил, не будучи жителем Ленинграда, целевую аспирантуру при ЛГУ. Такого в принципе не бывало. Но началась Перестройка, мою лабораторию закрыли, не успел я забиться, и я пошел работать ген. Директором «Сбербанкстрой» [7].

Картина мира респондентов и ее компоненты. В интервью Н.В. Иевлев на примере личной истории определил компоненты модели мира, о которых нам рассказывали и другие наши респонденты-воложане. Эти компоненты следующие: демографический, коммеморативный и политический. Смыслы, которые они вкладывали в их описание, указывают на способы, которые наши респонденты предлагают для преодоления Россией как национальным государством сложностей фазового перехода, переживаемых европейской цивилизацией сегодня.

Демографический компонент. Демографические процессы определяют цивилизацию. В условиях возврата к институтам родоплеменного общества, где господствует принцип «ближнего» — резкий подъем, установка на семью. В системе гендерных отношений — уход от феминизма и эмансипации женщин, возвращение мужчине статуса воина, защитника, управленца, отца семьи. Путь к национальному самоубийству прост: нужно лишь отказаться от создания многодетных семей и распахнуть двери массовой иммиграции — и ваш народ неминуемо исчезнет с мировой арены.

В повествование о жизни своей семьи во время нашей беседы Н.И. Иевлев включал не только историю Малой Родины, но и историю России: «У меня трое детей. У моего брата два сына и дочка. Они смотрят телевизор и хотят жить так, как показывают по телевизору. Дети были не дураки. Племянница закончила с золотой медалью школу. Племянник поступил на физфак Университета, сейчас научный сотрудник. Она закончила физфак. У меня в Питере 7 племянников. Сын сестры в Питере работает зам. директора крупной строительной фирмы, второй работает начальником электромонтажного участка крупной фирмы, племянник работает в НИИ физики. Жена брата окончила Вологодское молочное училище, с/х Академию. Она экономист. Ее по распределению прислали потом в наш колхоз. Это был очень крупный колхоз по тем временам. У нас было мясо-молочное производство. В советское время в Нюксенском совхозе было у нас 6000 голов скота. Сегодня в Нюксенском районе на три хозяйства осталось всего 800 голов и маслозавод “Нюксенский”. Его после ВОВ возглавил мой дядя, мамин двоюродный брат Владимир Владимирович Рябинин. Он пришел с фронта в солдатской гимнастерке, а закончил свою службу в этой же гимнастерке председателем колхоза незадолго до своей смерти. Сдал колхоз моему двоюродному брату, он был председателем, жена стала главным экономистом. А тут начался закат колхоза. Жена брата, мой брат даже брали кредиты на себя, чтобы сохранить колхоз. Она только недавно по суду рассчиталась за эти кредиты. Брат сегодня на инвалидно-

сти. Как выживали жители Нюксеницы в Перестройку? Их приютил “Газопровод”. Дело в том, что через Нюксеницу идет та самая “Дружба”. Вот, когда говорят, что украинцы, белорусы могут перекрыть одну, две, пять ниток газопровода “Дружба”, то в Нюксенице можно перекрыть все 11 веток газопровода. В колхозах остались или коммунисты, т.е. идейные товарищи, которым было жалко всё это развалить, или люди откровенно спившиеся, которые потеряли себя. Многие уже сидят на инвалидности. Вот, почему я не люблю Горбачева, именно за это. Ведь, колхоз процветал, причем дядя не просто мог производить молоко. Нет, мой дядя строил дома. Он целые улицы построил. Лес у колхоза был свой, пилорама своя, приезжали ребята из Закарпатья, те ребята, у которых сейчас фига в кармане. Они строили дома. При этом дядька мой строил и строил. Сельские ребяташки заканчивали 10 классов, и у них был выбор: или уехать в город и жить неизвестно где, или получить ключи от готового дома. Многие выбирали ключи от готового дома. Было принято решение давать дома молодым специалистам, которые приезжали на село работать по распределению. Многие так и оставались: учителя, фельдшеры, мотористы» [7].

Уехать или остаться жить в деревне? Этот вопрос стоял и стоит перед многими деревенскими семьями Русского Севера сегодня. С позиций радикальной патриотической теории деревня, деревенская община — это та корневая система общественного организма, в котором формируются и развиваются правильные, освященные влекомыми традициями отношения между людьми. Все социально устойчивое, жизнеспособное, подобно лесу, в котором близко растущие деревья переплетены краями, питают и защищают друг друга. Народ, нация может существовать только тогда, когда есть общие древние корни, есть общая социальная и культурная история. Эти деревья в лесу подобны членам сельской общины. Принцип ближнего в деревне реализуется в трансляции из поколения в поколение северорусских культурных кодов, формирующих культурный канон, своими устоями восходящий к предкам до седьмого колена. В этом каноне селяне воспитываются и воспитывают своих детей. Этот канон их объединяет и питает их кровь и души. «Никто в деревне не останется голодным и холодным, будучи под защитой общего культурного канона. В городах же люди разобщены, одиноки, как деревья с обрубленными корнями. В деревнях по-прежнему, жители, уходя на работу, двери не запирают: они знают, что никто у них ничего не украдет. По обычаю, незапертую дверь подпирают метлой или шваброй: знак, что хозяев дома нет» [6].

На вопрос, как вологодское село пережило эпоху бандитизма в 1990-е, наши респонденты в один голос рассказывали о том, что от нашествия бандитов из «Центра» их уберегли: ландшафт (бездорожье, болота, леса), православный, замешанный на православной вере менталитет и семейственность (кровное родство). Когда в 1990-х были разрушены

государственные устои, в мегаполисах России всплыл социальный реликт бандитизма, заместивший государственность, наши респонденты не понимали, как небольшой кучке людей (несколько тысяч человек) в одночасье удалось захватить всю власть и все богатства огромной страны. Если в мегаполисах ельцинской России не нашлось силы, готовой к обороне, то в сельской местности Вологодчины такая сила, готовая постоять за народные интересы, существовала. Большие семьи на селе сохранили идею нравственности, веры в трудовой подвиг и свое дело, то, что один наш респондент назвал «цепкостью в трудовых отношениях» [4]. Как рассказал нам один из наших респондентов: «Мы знали, что утром придут бандиты. Ну, мы собрались на мосту, пригнали КАМАЗ, и перегородили дорогу. Бандиты на “Волгах” подъехали, встали перед мостом. Видят, у нас всех винтовки, у кого — охотничьи ружья (мы здесь все охотники). Ну, они разом развернулись и уехали, больше мы их не видели» [9].

Другой респондент описал события лихих 1990-х так: «О Перестройке там, на Вологодчине никто толком еще не писал. Не многие видят, как Перестройка шла на селе, как бы изнутри. У нас же обычно как описывают: там всё сгноили, там всё разгромили, всё споили. Это не так было. Всё было неоднозначно. Когда в Питере свирепствовали бандиты, в Вологодской области бандитов, по сути, не было. Из Питера в Вологду одна дорога, из Москвы в Вологду — тоже одна дорога. Бандиты приезжали из Питера, им говорили, туда поедете, там болотина и леса, обратно не вернетесь. Они пробовали заходить в наши леса и болота, но потом быстро уезжали. Череповецкий металлургический комбинат, его же не захватили. Вологодские мужики, которые там работали, его отстояли. Если у нас вся Сибирь усеяна трупами, Урал с медью тоже усеян трупами, здесь трупов не было. Просто у нас внутрь Вологодчины не пускали никого. В многом это благодаря ландшафту. Ну, и люди у нас совестливые» [7].

Угроза замещающей миграции Русскому Северу пока тоже не грозит: тяжела жизнь в деревне. Как нам говорили наши респонденты: «Здесь, на земле работать нужно. У нас весна — посевная, летом — покос, осенью — жатва, а зимой лесозаготовки. Не продохнуть, не полениться» [5]. «Это в городе можно весь год прохлаждаться, перепродажами заниматься. У нас приемлем только честный тяжелый труд» [9]. «В городах русские женщины рожают по одному, максимум двух детей, а мигранты из некогда дружественных республик СССР — по 4–6 детей. Русские мужчины неудобно чувствуют себя в роли хозяина семьи, воспитателя детей, не стремятся завести себе жену, наследников. При таком отношении к семейству народ обрекает себя на исчезновение. Гастарбайтеры в городах вливаться в православную цивилизацию не стремятся, желают устанавливать свои порядки. В селах Вологодчины эти люди не селятся» [6]. В селах и деревнях Вологодчины другая проблема: уезжающее в города молодое

население оставляет без ухода отцовские земли, могилы предков, ветхие храмы, забывает старинные праздники, предания, сказы, песни. Песенные коллективы поют старинные песни в новой аранжировке, очень далекой от традиционных песнопений предков. Древняя культура Русского Севера более не поддерживается ее творцами — сказительницами, певцами, мастерами народных промыслов. Народный, деревенский праздник сегодня — это не акт народного творчества, а масскультмероприятие. Тем не менее вологодское село — это еще не территория, отданная инородцам, которая уже никогда не сможет стать местом славы северорусской культуры. Опыт семейственности очень важен для вологодского села. Этот опыт передается из поколения в поколение, но сегодня, как никогда, этот опыт очень хрупок. Стоит потерять его одному или двум поколениям, и он исчезнет навсегда. Оборвется связь времен, порвется цепочка истории. Кровнородственный порядок, построенный на принципах семейственности, особенно уважают в сельской местности Русского Севера. Большие крепкие семьи у всех наших респондентов: Н.В. Иевлева, С.Н. Погожева, Н.Ф. Никитинского, В.А. Гребенщикова, С.М. Гусева, И.В. Архиповского. Если семьи крепкие, то и общество, и народ крепки. Если наблюдается обратное явление, то народ болен, и, в конце концов, будет обречен на исчезновение. Крепкая семья гордится своим вкладом в развитие общества, народа, нации. Издревле на Руси устанавливалось равновесие между родоплеменным началом и государством, а также русской цивилизацией в целом. Русский человек всегда отстаивал честь своего рода, которым гордился, но без колебаний готов был посвятить собственную жизнь обществу и государству. «Общественная или государева служба нас не поработала, не угнетала, напротив, приносила удовлетворение [6]. Вспомним слова Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» [2]. Люди со здоровым пониманием семейной чести реже поддавались жульничеству или предательству, зная, что этим поступком опорочат высокую честь своего рода.

Люди, живущие в цивилизованном обществе, не рабы, а граждане. Принцип гражданственности как раз и основан на том, что каждый член общества является независимым членом государства. «Если человек служит государству — это не значит, что он слабый. Если же человек сильный — это не значит, что он должен бороться с государством» [6]. «Во всех самых развитых цивилизациях сильные личности всегда служили высшим интересам общества. Так действовали герои, рыцари и богатыри древнего и старого мира. Свободное решение служить — лежит в основе и христианства, и других великих религий» [8].

Коммеморативный компонент. Студентов, которых автор привозила в Тарногский район Вологодской области для научных исследований во время экспедиции, в которой они работали методом включенного на-

блюдения, удивили многие особенности жизни в традиционном русском пятистенке [14: с. 111–120]. Их поражало всё: «люфт-клозет», огромные картофельные огороды, внимание сельских жителей к истории семьи, обязательное наличие личных архивов, и объемных фотоальбомов, и старых фотографий бабушек, дедушек и других родственников на стенах, иконы в красном углу, сундуки со старинными нарядами и вышитыми полотенцами, заботливо установленные около лавок. В каждой семье сельской местности на Вологодчине есть семейный архив, который, как правило, создают женщины [15].

Автор никоим образом не считает нужным воспевать тенденцию архаизации общественного сознания, варваризацию социальных отношений, призывать к возвращению в глухое средневековье. Тем не менее наши респонденты указывали нам, что вся размеренная жизнь Вологодского села, включая бережно сохраняемые реликты северорусского старинного быта, начиная с говоров, песенной традиции и до системы жизнеобеспечения и природопользования — это сохраненная русскость.

Русский Север как северо-западный регион России сохранил русскость более, чем центральные районы бывшей Советской империи. В общественном сознании русскость перемешана и с национальным, и с имперским. Многовековая борьба за пространства, включая территории Северной Азии, сформировала у наших респондентов понимание того, что Родина, Советская империя и русская национальность — это одно и то же. Наши респонденты рассказывали нам, что, как и в прошлом (самодержавном или советском) русский народ, особенно северорусский с его православной, сдобренной старорусскими языческими представлениями культурой, остается хребтом многонациональной России. Наши респонденты уверены, что русские обладали исключительным талантом создавать порядок, обустраивать гражданскую жизнь, строить сильное государство и привлекать в это государство различные народы и племена [8]. Даже во времена бурного имперского развития Русь меньше других государств, строивших империи, ущемляла малые народы и притесняла иноверцев. Возможно, этому способствовали широта русских земель, необъятные ее просторы (на Руси есть место всем), а также связанная с этими просторами широта русской души. Респонденты уверены, что современную Россию создали не мусульмане, не татары, не немцы, не евреи, не грузины, не армяне. Россию создали русские. В годы Перестройки многое было сделано, чтобы искоренить русское самосознание, любой разговор о достижениях именно русского народа пресекался как шовинистический. Только в регионах, в частности на Русском Севере, сохранились идеи, которые напоминают сельским жителям о том, что они потомки героев, построивших самую большую в мире страну. На Русском Севере в деревнях вам могут показать хранящуюся за божницей жалованную прапрадедам

грамоту XV века на землю, спеть старинные былины, давно забытые в Центральной России, дать посмотреть старообрядческую Псалтырь XVI [12: с. 3—12]. Центральные районы России стали площадками для строительства культуры других народов. Русский Север не наблюдал за процессом аннигиляции русской культуры с недоумением и бездействием, как это было в крупных урбанизированных индустриальных центрах. Он сохранил свой генофонд в старинных территориальных границах, чему способствовали, в том числе, и холодный климат, и суровый ландшафт, и установка общественного мнения на сохранение принципов семейственности, основанных на кровном родстве.

Политический компонент. Все благоустроенные государства и все процветающие цивилизации построены именно на семейном принципе, они добиваются равновесия между семейной независимостью и государственными интересами. Древнеримская цивилизация возникла на почве объединения семейной чести с гражданственностью (преданностью государственной и общественной службе). Именно это помогло русским построить Великую Русь. На протяжении истории Русь побеждала тех инородцев, которые пытались ее подчинить себе. Русские поднимались, объединялись и отбивали атаки своих врагов. Так было в XIII и XIV веках, когда Русь приняла на себя главный удар татаро-монгольского нашествия, выжила и в конце концов восторжествовала над завоевателями. Так было в 1612 году, когда русское ополчение вытеснило поляков-католиков из Москвы. Ни одному полководцу не удалось завоевать Русь — ни Карлу XII, ни Наполеону, ни Гитлеру. Не удалось и большевикам-интернационалистам 1917 года, захватившим власть над русским народом, разрушить православную Русь до конца. Сегодняшнее возрождение Руси, по мнению наших респондентов, может восторжествовать только при условии возвращения к понятиям «род», «семья», восстановления статуса русских женщин и мужчин как хозяев и строителей своей земли. В представлениях наших респондентов, сегодня Россия совершенно не напоминает распавшуюся нацию. Они твердо уверены, что национальная русская идея должна воспитываться в семье, школе, вузе, а не быть лишь темой политических и интеллектуальных разговоров.

Россия была сильна, когда была крепка русская идея, которую понимал каждый русский человек, почитавший подвиги отцов и дедов, когда блюли православную веру. Национальная идея оказалась под запретом в эпоху либеральных реформ, а именно, когда в силу вошла 13-я статья Конституции, утверждавшая идеологическое многообразие [11] и то, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [10]. «Я не люблю Горбачева, потому что его реформы выкинули меня из науки, в ЛГУ закрылась криогенная лаборатория, а без лаборатории эксперимент невозможно было доделать, и я вынужден был уйти

в бизнес. Я сегодня остаюсь патриотом своей Малой Родины. Например, я поддерживаю связь с культурным вологодским анклавом, в который входят несколько деревень: д. Пожарище, д. Заречье и д. Заболотье. В Нюксенице действует крупный культурный центр, которым руководит Олег Николаевич Коншин. Мы ее представили у нас на отчетном собрании Вологодского землячества. Все мы, члены землячества, стараемся Вологодчине помогать» [7].

Не только Н.В. Иевлев, но и остальные наши респонденты недолюбливают Б. Ельцина и М. Горбачева, называя их могильщиками СССР. Либеральные реформы ельцинско-горбачевской эпохи они считают убийственными для демографии, экономики и социальных отношений в стране. На наш вопрос «Чем плохи были либеральные реформы?» они отвечали: «В Перестройку на селе обострился экономический коллапс, начало которому положила хрущевская “Целина” и забвение Нечерноземья. Молодежь интенсивно уезжала в города, из городов уезжали за границу самые трезвые, образованные, предприимчивые молодые люди. Они бежали от катастрофы либеральных реформ и становились величайшей добычей для Запада, и огромной потерей для России» [6].

Экспортную модель американской национальной идеи долгие годы воплощал в жизнь Голливуд. В эту модель не входят ни христианство, которым живет великое большинство американского народа, ни какая-либо другая нравственная система. Экспортная модель «американской идеи» привлекает народы всего мира обещанием личной свободы, научно-технического прогресса и материального рая. Но многих людей она и отталкивает, так как они знают, что без нравственности и без религии личная свобода отождествляется с полной безответственностью; без духовного очага научно-технический прогресс и материальное процветание оказываются пустыми. Консюмеристская идеология, заложенная в экспортной модели «американской идеи», имеет мало общего с теми основами, на которых построено американское общество. Как Голливуд представляет миру искаженное изображение Америки, так и американское правительство вносит свой вклад в ложное восприятие Америки остальным миром. Ведь внешняя политика США часто состоит из поддержки режимов, основанных на коррупции, расизме или кровавой репрессии. Другими словами, США поддерживают в остальной части мира политику, которую американцы ни на минуту не потерпели бы у себя дома.

Заключение.

Обобщая написанное выше, стоит высказать несколько заключительных идей.

1. Интервью с вологжанами (как сельскими, так и городскими жителями) предоставили в наше распоряжение уникальные материалы, освещающие северорусский культурный канон в его современном состоянии.

Сегодня люди, разделяющие этот культурный канон, их ментальность, их картина мира и мировоззрение представляют большой интерес, т.к. Русский Север, народ-носитель северорусского культурного канона, как нам представляется, сохранил те духовно-нравственные основы, которые могут питать мощь и силы, позволяющие России как национальному государству преуспеть в выборе новой идеологии, определяющей дизайн модели образа будущего. Поиск новых, по сравнению с либеральными, духовных ориентиров — это в наше время основная грандиозная задача в условиях очередного цивилизационного фазового перехода. Россия сегодня оказалась в состоянии противостояния условному Западу.

2. Современный вологжанин, городской житель — труженик, созидатель культуры, сегодня он еще и научный работник, организатор сложных экономических процессов. Судя по беседам с представителями Вологодского землячества (Санкт-Петербург), несмотря на то что они давно и успешно интегрированы в систему современной европейской либеральной цивилизации, городские вологжане по своим взглядам — консерваторы. Они придерживаются ценностей традиционной русской национальной культуры, в основе своей христианской с элементами северорусской старообрядческой. Собираясь вместе, они стараются воспроизводить элементы своей нематериальной культуры: традицию общего застолья, песенной культуры, литературы. В среде городских вологжан культивируется интерес к краеведению. Их жизненные принципы (семейные ценности, понимание культурной дихотомии «свой/чужой», сохранение местных арго, установка на труд, религиозный синкретизм, трудно пережитый распад СССР и последующая гибель социалистической идеи (1930–1991) противоположны европейской либеральной культуре, а именно: принципу свободного рынка, интернационализма, секуляризма.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Глава XII. М.: АСТ, 2007. 163 с.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (дата обращения: 12.06.2022).
3. Иванькина Н.А., Перькова М.В. Концепция нового урбанизма: предпосылки развития и основные положения // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2018. № 8. С. 75–83.
4. Интервью, И.В. Архиповский // Архив автора. СПб., 2022.
5. Интервью, В.А. Гребенщиков // Архив автора. СПб., 2021.
6. Интервью, С.М. Гусев // Архив автора. СПб., 2018.
7. Интервью, Н.В. Иевлев // Архив автора. СПб., 2022.
8. Интервью, И.Ф. Никитинский // Архив автора. СПб., 2020.
9. Интервью, С.Н. Погожев // Архив автора. СПб., 2018.

10. Конституция РФ. Ст. 13.2. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.06.2022).
11. Конституция РФ. Ст. 13.1. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.06.2022).
12. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М.: Ин-т археологии РАН, 1993. С. 3–12.
13. Окладникова Е.А. Заговоры в контексте мемориальной культуры сельских жителей Вологодской области // Вестник славянских культур. 2019. № 53. С. 8–20.
14. Окладникова Е.А., Липатова А.А. Опыт воспитания патриотизма как высшего социального чувства: пример одного студенческого научного тура // Общество, среда, развитие. 2022. № 1. С. 111–120.
15. Окладникова Е.А. Этнографическое собрание В.Н. Погожевой (д. Андреевская, Тарногский р-н, Вологодская область) в контексте мемориальной культуры сельских жителей Вологодской области // Исследования Русского Севера: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Вологда, 19–20 декабря 2019 г.). Вологда: ВОУНБ, 2020. С. 105–108.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ

*А.Н. ГРЕБЕНКИН,
доктор исторических наук, доцент, сотрудник,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
Россия, г. Орел
e-mail: angrebyonkin@mail.ru*

Аннотация: В контексте обострения противостояния России и Запада особую актуальность приобретает противодействие фальсификации исторических событий, являющейся составной частью информационной войны. В работе предложена методика сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, стержнем которой выступает введение в научный оборот новых документов. Они позволяют создать действенную систему контраргументации, разрушающую построения фальсификаторов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мирное население, геноцид, историческая память, противодействие фальсификации.

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS OF PRESERVATION AND PROTECTION

*A. GREBENKIN,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Employee, the Academy of the Federal Security Guard Service
of the Russian Federation, Orel
e-mail: angrebyonkin@mail.ru*

Abstract: In the context of the aggravation of the confrontation between Russia and the West, countering the falsification of historical events, which is an integral part of the information war, is of particular relevance. The paper proposes a methodology for preserving the historical memory of the Great Patriotic War, the core of which is the introduction of new documents into scientific circulation. They make it possible to create an effective system of counterargument that destroys the constructions of falsifiers.

Keywords: the Great Patriotic War, civilians, genocide, historical memory, countering falsification.

В контексте эскалации политического противостояния России и западных государств особую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением и защитой памяти о событиях прошлого. В настоящее время основным полем битвы за историческую правду выступают исследования и публикации, посвященные Великой Отечественной войне. Фальсификация ее истории началась не сегодня и не вчера, поэтому профессиональным сообществом накоплен опыт, вполне достаточный для того, чтобы успешно противостоять попыткам очернить прошлое и извратить память о нем. Так, давно развенчаны мифы о том, что гитлеровская Германия была вынуждена нанести превентивный удар по Советскому Союзу, якобы намеревавшемуся напасть на нее 6 июля 1941 г., что единичные случаи надругательства советских солдат и офицеров над немецкими женщинами после вступления Красной Армии на территорию Германии были элементом официальной правительственной политики по отношению к мирным жителям «Третьего Рейха», что граждане СССР, в массе своей ненавидевшие Сталина, встречали оккупантов как освободителей, и т. п.

Однако не следует забывать о том, что наука фальсификации, увы, тоже не стоит на месте. Ее представители перешли от грубых методов воздействия на аудиторию путем внедрения явных фальшивок к более тонкой работе, основанной на технологии манипуляции общественным сознанием. Достаточно широкое распространение получил прием выдачи частного и случайного за общее и закономерное. Он активно используется для того, чтобы осуществить подмену понятий и оправдать нападение гитлеровской Германии на СССР. Например, имевшие место быть редкие случаи человеческого, участливого отношения немцев к местному населению выдвигаются на первый план и объявляются свидетельствами того, что целью нацистской оккупационной политики была забота о жителях захваченных территорий. Еще одним способом является сопоставление политики Гитлера и Сталина, распоряжений представителей оккупационного режима и советских руководителей, действий предателей и партизан. Выводы при этом, разумеется, делаются в пользу немцев и их приспешников.

Подобная технология дает возможность оправдать деятельность современных «борцов с тоталитаризмом», внедряя в массовое сознание тезис о том, что сотрудничество с врагом ради достижения этой эфемерной и ложной цели не только допустимо, но и необходимо. Так, сознательное сгущение красок при описании сталинского режима позволяет осуществить почти полную реабилитацию «Локотской республики» — коллаборационистского политического образования, действовавшего в ноябре 1941 — июле 1943 г. на обширной территории, в настоящее время входящей в состав Орловской, Брянской и Курской областей. Псевдогосударство предателей, державшееся на нацистских штыках, объявляется

успешным опытом реализации идеи «истинной демократии» и антиподом человеконенавистнической сталинской диктатуры. При этом на первый план выдвигается социальная составляющая. Так, кандидат исторических наук И.Г. Ермолов, автор множества публикаций, посвященных Локтю, приходит к выводу о том, что «при проведении репрессий в отношении партизан и членов их семей все же руководствовались определенной законностью... проявление беспощадности к партизанам сочеталось с бережным отношением к населению, даже связанному с ними» [6: с. 28]. Ермолов подробно, смакуя детали, описывает, с какой заботой относились руководители «свободного государства» К.П. Воскобойник и Б.В. Каминский к оказавшимся под их властью людям, какое умение они проявляли при восстановлении экономики края, сколько мельниц, сахарных и иных заводов действовало на территории республики. Особое внимание уделено тому, что в Локте работал театр, о высоком профессиональном уровне которого «свидетельствовали солидная актерская труппа и дорогостоящий реквизит» [6: с. 38].

В отличие от действующего крайне примитивными методами публициста С.И. Веревкина, который стремится апологетизировать всё, что имеет отношение к Локтю [3], И.Г. Ермолов и подобные ему авторы достаточно умны для того, чтобы преодолеть настороженность читателей и заставить их поверить в свою концепцию. Это обеспечивается отказом от навешивания ярлыков и созданием видимости диалектического подхода к характеристике изучаемых событий. Так, перечисляя заслуги Каминского перед Локтем, Ермолов отмечает его диктаторские замашки, животный антисемитизм, патологическую жестокость по отношению к участникам партизанского движения. При этом то, что за полтора года существования Локотской автономии «в Германию на работы было угнано более 30 тысяч человек местного населения, около 12 000 человек казнено, полностью разграблено и сожжено 8 деревень» [4], представляется как некий побочный продукт процесса демократизации. Роль фона, на котором деятельность руководителей Локтя и их приспешников должна выглядеть относительно безобидной, отведена бойцам Красной Армии и советским партизанам, якобы систематически занимавшимся террором и запугиванием мирного населения. Именно таким образом осуществляется «размывание» поистине демонического образа одного из самых жестоких палачей не только в отечественной, но и в мировой истории — А.М. Макаровой-Гинзбург, расстрелявшей более 1500 мирных жителей и партизан. Так, Ермолов пишет: «При инспектировании Калининских партизанских бригад по приказу начальника ШПД, члена Военного совета Калининского фронта полковника госбезопасности Бельченко в нескольких бригадах выявлены случаи грабежей партизанами мирного населения, издевательств над крестьянами, увода из деревень женщин для сожительства» [7: с. 39].

Обеспечить противодействие подобным попыткам извратить историю Великой Отечественной войны, объявить защитников Родины палачами, а изменников — «истинными демократами» поможет публикация максимально возможного количества документальных источников. Рассекречивание новых документов и их введение в научный оборот являются самым мощным средством противостояния фальсификаторам и сохранения исторической памяти о войне советского народа с его поработителями. Оно позволяет выстроить действенную систему контраргументации, опирающуюся на неоспоримые факты.

Весьма ценным источником являются документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (Ф. Р-7021). Они дают возможность восстановить в мельчайших деталях картину злодейства, сотворенного нацистами и их приспешниками на оккупированной территории. Содержащиеся в документах факты, как правило, не нуждаются в комментариях. Житель деревни Малая Гать Орловского района Орловской области Г.Е. Лутов в своих показаниях, данных в августе 1943 г., дал оккупационному режиму следующую характеристику: «Как только немецкие войска заняли дер. Малая Гать, то немецкие солдаты и офицеры начали грабить мирных жителей, заходя в квартиры, и требовали молоко, яйца, мясо, сало и другие продукты. Если им, т. е. немецким солдатам и офицерам, жители отвечали, что ничего этого нет, то они производили обыск. Во время обыска забирали все, что им попадало, как-то мануфактуру, обувь, холсты и продукты питания. Были случаи, когда на требование немецких грабителей жители не давали им требуемых продуктов питания, и если они во время обыска квартиры и выхода (подвалов, погребов) находили продукты, то хозяина избивали палками или прикладом винтовки» [5: л. 2].

Не меньшую значимость имеют рассекреченные документы из фондов ведомственных хранилищ, в первую очередь архивов Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Так, благодаря введению в научный оборот документов о деятельности коллаборационистов на территории Орловской области в годы нацистской оккупации, мы имеем возможность судить о том, каким было истинное лицо нелюдей, которых современные фальсификаторы пытаются представить «борцами за свободу». Летом 1942 г. в Знаменском районе действовал карательный отряд «Украинская компания», также именовавшийся «отрядом Гетмана» по прозвищу своего командира — лейтенанта Н.И. Мирошниченко, бывшего командира РККА, который перешел на сторону гитлеровцев в сентябре 1941 г. Отряд состоял из 4 взводов — 3 стрелковых и 1 минометного, которые, в свою очередь, делились на отделения. Командиры взводов и отделений назначались из числа русских и украинцев.

В общей сложности в состав карательного отряда входили его командир — Гетман, 3 немецких офицера, 49 русских и украинцев и 5 немецких солдат. Как отмечала на допросе жительница деревни Пешкова М.П. Ларина, люди, входившие в состав «Украинской компании», «являлись в прошлом сыновьями кулаков, судимыми за разные преступления, ворами, жуликами, бандитами и др. разложившимся элементом, недовольным Советской властью» [1: л. 21]. Такой же облик имели и их пособники.

Каратели были наделены своими немецкими хозяевами правом производить расстрелы и грабежи в неограниченном количестве. В последних числах июня 1942 г. Гетман и его подручные отправились «на операции против партизан в Знаменский р-н, где пробыли до конца июля месяца 1942 года» [1: л. 126]. Главной задачей отряда являлось уничтожение мирных жителей в целях запугивания местного населения. Вскоре после прихода в Пешкову Гетман «собрал к себе 13 старост окружающих сел, которых три дня держал под охраной в расположении лагеря отряда, вызывал каждого на допрос, а затем всех распустил» [1: л. 132]. Угрожая расстрелом, он требовал назвать ему фамилии и имена коммунистов, комсомольцев, советских активистов и военнослужащих, а также родственников партизан. После этого старосты часто приходили к Гетману и приносили ему списки жителей, подлежащих, по их мнению, аресту.

Массовые казни проводились в Пешковой как минимум четырежды. Каждый раз Гетман сгонял жителей к волостному правлению, после чего толпу окружали каратели, вооруженные пулеметами и автоматами. Перед очередной казнью, чтобы скрыть имена предателей от их односельчан, Гетман объявил, что «к нему, якобы, поступил захваченный в лесу у партизан дневник, в котором перечислены имена жителей дер. Пешково, имевшие связь с партизанами» [1: л. 14–15]. После этого он вызвал по списку 26 человек — женщин, детей и стариков. Жертвам связали руки бечевой и повели к месту казни, расположенному в 200 м от площади, где уже была выкопана яма. Жители села были обязаны присутствовать во время убийства своих родственников и односельчан под угрозой казни. Тех, кто пытался протестовать с приговоренными, каратели били прикладами. После первого залпа две девочки из семьи Кузнецовых «убежали от могилы в сад и, прячась за копны сена, схватили в руки по несколько былинки травы и, заслоняясь ими, кричали: “Дяденька, не стреляйте”». Двое карателей схватили их, притащили к яме за волосы и расстреляли. Грудной младенец был сброшен в яму и похоронен заживо.

«Украинская компания» относилась к мирным жителям с большей жестокостью, чем немцы. Предатели расправлялись со стариками, женщинами и детьми с особым цинизмом, наслаждаясь своей властью и безнаказанностью. Как показывал на допросе один из карателей, А.С. Родин, «один мальчик лет 8 просил карателей, чтобы ему сохранили жизнь:

“Дяденьки, не бейте меня, я еще маленький”, — но каратели по команде Баюрова (командир комендантского взвода. — А.Г.) “Три” открыли залпом огонь по толпе» [1: л. 137]. Оставшихся в живых после первого залпа добивали в яме. После первого и второго залпов «кругом стояли стон, крики, раненые мучились в предсмертных судорогах» [1: л. 137]. Затем яма была закопана.

В общей сложности «Украинской компанией» было арестовано 200 человек, включая стариков и грудных детей. Из них отпущено было 30, а остальных расстреляли по обвинению в неповиновении немецким властям. Только в Пешковой впоследствии вскрыли 4 могилы, в которых было захоронено 52 человека. Действия отряда Гетмана можно охарактеризовать как геноцид: он «...производил уничтожение людей, которые по своей старости, молодости или болезни не могли быть использованы немцами как рабы» [1: л. 13]. Таким образом, стариков расстреливали за то, что они были стариками, детей — за то, что они были детьми, беременных женщин — за то, что они не могли работать. Кроме того, каратели казнили членов ВКП(б), лиц, занимавших до оккупации руководящие должности в колхозах и административных структурах, советских активистов и т. п. Расстрелами обычно занимался комендантский взвод, однако время от времени привлекались и прочие каратели.

В отличие от информации, содержащейся в официальных документах, данные из источников личного происхождения должны стать объектом тщательной проверки. Весь набор методов исторической критики в первую очередь следует применить к свидетельствам детей войны. При этом не нужно пренебрегать методологическим арсеналом, имеющимся в распоряжении и других наук, в частности, возрастной психологии. Специфика памяти человека заключается в том, что она сохраняет позитивные воспоминания и рано или поздно «затирает» негативные. И если взрослые, как правило, все же могут передать хотя бы в общих чертах сведения о тех зверствах, свидетелями которых они являлись, то дети сравнительно легко избавляются от вредной для их психики информации. На нечетком фоне ушедших в дальние уголки памяти воспоминаний о времени оккупации яркими пятнами проступают эпизоды, связанные с гуманным отношением некоторых немцев к поработанному ими населению.

По прошествии нескольких десятков лет они почти полностью вытесняют всё остальное и создают иллюзию того, что жизнь под немцами была не такой уж и плохой.

Рассказы детей войны о «добрых дядях-нацистах» — настоящая находка для фальсификаторов истории. Поэтому следует противопоставить им воспоминания тех, кто во время оккупации находился в подростковом и юношеском возрасте и, следовательно, мог не только адекватно воспринимать происходившие события, но и хорошо их запомнить. Жительница

поселка Чайковичи Брянской области Г.Н. Шлянцева, заставшая начало войны 13-летней школьницей, вспоминала: «Весной 1942 г. я с братом Игорем (12 лет) пошла на колхозное картофельное поле. Мы надеялись найти не выкопанные и оставленные под зиму картофелины... Но только мы стали искать кустики, как нас схватили полицаи. Это был Кирюшин Архип Федорович и Кирюшин Кирей. С нами был еще Коля Циновский. Нас выпороли прутьями, и черные полосы на спинах были видны очень долго. Как мы остались живы, не знаю» [2: с. 355].

Но и здесь следует быть предельно осторожными. Автор этих строк много лет назад беседовал со своей соседкой Л.В. Ионовой — женщиной 1927 года рождения, жившей в Орле в течение всех 22 месяцев оккупации. Никакой подробной информации о зверствах гитлеровцев я при этом не получил. Лидия Владимировна знала, что в центре города, в Первомайском сквере, нацисты вешали пойманных ими партизан, что действовало гестапо, но в Рабочем городке, от которого до центра можно было дойти за 15 минут, эти события воспринимались ею несколько «смазанно», хотя она была уже не несмышленным малышом, а подростком. В основном моя собеседница рассказывала о том, как водила немцев в расположенную неподалеку школу за партами для топки печи, как они подкармливали ее шоколадом. И — всё. Если подобные записи попадут в руки недобросовестных, политически ангажированных авторов, они смогут стать неплохим материалом для того, чтобы представить режим нацистской оккупации как власть, проявлявшую неустанную заботу о местных жителях.

Всесторонней критике следует подвергать и фотодокументы. В последнее время в сети Интернет появляется большое количество публикаций, цель которых — создать у пользователей иллюзию того, что отношения между оккупантами и мирным населением представляли собой едва ли не идилию. При их анализе необходимо исходить из того, что нацисты в совершенстве владели искусством пропаганды. Многие материалы, в том числе и фотохроника, представляющие собой результат целенаправленной работы высококвалифицированных специалистов в области психологии, агитации, информационной войны. Симптоматичен выбор сюжетов: немцы обнимаются с русскими девушками, играют с детьми, помогают старикам пахать землю, гладят и кормят котят. Цель этих материалов — убедить всех в том, что оккупантам не чуждо ничто человеческое, что они искренне заботятся о своих новых соседях и всеми силами стараются им помочь.

Безусловно, далеко не каждый снимок, сделанный немецкими фотографами, носит постановочный характер. Среди жителей оккупированных территорий было немало идейных противников советской власти, пострадавших во время коллективизации, потерявших родственников в годы сталинского террора. Они с радостью встречали немцев, искренне веря

в то, что те пришли их освободить. Запечатлены на снимках и те гитлеровцы, которые за несколько месяцев сумели сблизиться с местным населением, старались помочь ему по мере возможности, рискуя навлечь на себя гнев начальства. Однако такие снимки — лишь исключение из общего правила. Большая часть нацистов представляли собой либо идейных оккупантов, пришедших убивать, грабить, насиловать, либо бездушных винтиков в огромной машине террора. О том, что ими было совершено, свидетельствуют другие фотографии, сделанные в результате эксгумации жертв массовых расстрелов. Это очень тяжелые и сильные кадры. Поэтому при решении вопроса о рассекречивании документов единицы хранения, содержащие фотоотчеты, необходимо выделять в отдельную категорию.

Снимки, сделанные судмедэкспертами, запечатлели ямы с огромным количеством полуразложившихся трупов, беспорядочно сваленных и переплетенных в клубок. Это останки казненных нацистами военнопленных, а также мирных жителей — стариков, женщин, подростков, детей, в том числе грудных. Детальных фотографий каждого трупа нет, но есть описания, из которых явствует, что люди были убиты выстрелом в затылок либо забиты до смерти прикладами, а те, кто не имел видимых повреждений, по всей видимости, были сброшены в яму живыми. Примечательно, что расчетливые нацисты экономили пули на детях, зная, что тем, в отличие от взрослых, не удастся выбраться из могилы.

Еще одна категория снимков — фотохроника, сделанная сразу после освобождения городов. Видно, что, уходя, нацисты сделали все возможное, чтобы оставить после себя руины. Здания сожжены или взорваны, мосты разрушены, вся инфраструктура уничтожена.

Сохранились и некоторые фотографии, сделанные самими немцами не в целях пропаганды, но для запугивания жителей. Они, в отличие от кадров с благодушными гитлеровцами, крайне редко размещаются на современных интернет-ресурсах. Запечатлены на них люди, казненные за вооруженное сопротивление врагу, за отказ выходить на работу, за связь с партизанами и подпольщиками. Кроме того, немцы часто фотографировали друг друга на фоне разоренных ими городов и селений и просто снимали местность. Эти любительские кадры создают совсем иное впечатление, нежели агитационные материалы: на них мы видим неубранные, занесенные снегом улицы, обгоревшие коробки зданий с черными провалами окон, редкие фигуры прохожих, старающихся лишний раз не попадаться на глаза новым хозяевам. Именно такие фотосвидетельства и следует противопоставлять произведениям нацистской пропаганды, в том числе и в воспитательных целях. При этом не надо бояться того, что лицезрение подобных кадров нанесет удар по еще не устоявшейся психике детей и подростков. То, что они каждый день могут видеть в глобальной сети, обеспечивает необходимый уровень подготовки.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что создание действенной системы мер противодействия политически ангажированным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны должно опираться как на многочисленные документальные свидетельства, так и на выработанные в процессе информационного противостояния Западу методы их подачи. Необходимо грамотно сочетать фактическую основу и комментарии, которые, в зависимости от целевой аудитории, будут носить научный, педагогический, просветительский и иной характер. Только при этом условии работа архивистов, историков, журналистов, преподавателей принесет ожидаемые плоды.

Литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 78.
2. Боль сквозь годы... (Воспоминания Г.Н. Шлянцевой) // Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в годы Великой Отечественной войны: Партизанское движение и коллаборационизм (1941–1945 гг.): Монография. Брянск: БГТУ, 2012. С. 354–356.
3. Верёвкин С.И. Орловские военно-исторические исследования. Локотская альтернатива. Кн. 2: Локоть. Ч. 2: О локотской окружной тюрьме и ее эвакуации в Белоруссию. Уфа: Издатель А.А. Словоохотов, 2017. 352 с.
4. Володин А. Неоднозначные страницы Великой Отечественной. Локотская республика: рай для патриотов или приспособленцев? URL: <https://topwar.ru/28207-neodnoznachnye-stranicy-velikoy-otechestvennoy-lokotskaya-respublika-ray-dlya-patriotov-ili-prisposoblencev.html> (дата обращения: 13.05.2022).
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 5.
6. Ермолов И.Г. Локотская республика и Бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес». Орел-Рига: Атмода, 1999. 52 с.
7. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЕГО ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ЛИРИКЕ ПРИДНЕСТРОВСКОГО АВТОРА АЛЛЫ МЕЛЬНИЧУК

*Н.В. КРИВОШАПОВА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Молдова, г. Тирасполь
e-mail: krivoshapova2022@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются следующие уровни вербализации феномена исторической памяти на материале гражданской лирики приднестровского поэта, историка и краеведа Аллы Мельничук: с помощью лексем различных частей речи с семантикой 'память', с помощью онимов и других прецедентных единиц. Наличие языковых единиц, передающих исключительность исторической памяти, сохраняет национальную идентичность носителей языка.

Ключевые слова: историческая память, оним, прецедентные единицы, уровни вербализации, лексемы с семантикой 'память'.

THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY AND ITS VERBAL EXPRESSION IN THE LYRICS OF PRIDNESTROVIAN AUTHOR ALLA MELNICHUK

*N. KRIVOSHAPOVA,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural
Communication, Pridnestrovian State University named by T.G. Shevchenko,
Moldova, Tiraspol
e-mail: krivoshapova2022@gmail.com*

Abstract: The article considers the following levels of verbalization of the phenomenon of historical memory based on the civil lyrics of Pridnestrovian poet, historian and local historian Alla Melnichuk: using lexemes of various parts of speech with the semantics of 'memory', using onyms and other precedent units. The presence of linguistic units that convey the exclusivity of historical memory preserves the national identity of native speakers.

Keywords: historical memory, onym, precedent units, verbalization levels, lexemes with the semantics of 'memory'.

Феномен исторической памяти — предмет исследования многих дисциплин: психологии, философии, историографии, литературы, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. По своей природе историческая память — область междисциплинарных исследований.

Согласимся с мнением Л.П. Репиной в том, что историческая память — это сочетание коллективной памяти, вписанной в историческое сознание группы, и социальной памяти, включенной в историческое сознание общества. Историческая память — совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [5].

При исследовании памяти как сложного явления чаще всего используются два подхода — социальный и исторический. Отсюда проистекают и анализ этого феномена в категориях «социальная память» — «историческая память», и его междисциплинарный статус.

О.Т. Лойко и Н.А. Вакурина утверждают, что, с точки зрения междисциплинарного подхода, память проявляется через комплекс таких действий, как: «запоминание (отбор информации), сохранение, воспроизведение и референция информации (стирание из памяти определенных событий, вычеркивание из исторической памяти того или иного факта)» [4].

Но если социальная память ориентирована на обретение ценностно-смыслового согласия, то историческая направлена на то, чтобы сберечь и распространять существующие сведения о прошлом, пишут В.В. Касьянов, С.А. Чупрынников. И хотя предмет отражения у них один и тот же, они выполняют свои задачи, используя разные методы сохранения и разные формы отражения социальной жизни [3: с. 54–61].

Историческая память — это, прежде всего, осознанный взгляд в прошлое вместе с его позитивными и негативными сторонами, желание воссоздать реальные события истории. Социальная же память в ходе развития исторической науки «меняет свое содержание», руководствуясь как избирательностью при рассмотрении прошлого, так и оценочными соображениями.

Одно и то же историческое событие довольно часто приобретает в разных исторических концепциях полярные оценки, что приводит к несходному его звучанию в памяти различных социальных групп [3: с. 54–61].

Феномен исторической памяти крайне актуален в контексте фальсификации истории. В этом отношении больше всего досталось событиям Великой Отечественной войны в условиях поднимающих голову фашизма и нацизма.

Пока живы участники событий 1941–1945 гг., наши ветераны, дети войны, труженики тыла, будет жить память о Великой Победе советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. «Война закончена лишь

тогда, когда похоронен последний солдат», — справедливо считал Александр Суворов.

Вал фейкового контента манипулятивного характера, поступающего из сети Интернет, не должен перекрыть достоверные архивные факты о войне, документальные книги и фильмы, рассказы и воспоминания очевидцев. Социальная память начинает превалировать над исторической, а это становится опасным для феноменализации памяти в целом. Народ, который не знает свою историю, не имеет будущего, сказал М.В. Ломоносов и был прав.

Концептуальные даты и события, имена полководцев и названия сражений дисциплинируют историческую память.

Трансляция основных сведений об исторических событиях и выражение собственного отношения к ним находят отражение в лирике и прозе современных авторов.

Вербализация феномена памяти нами обнаружена на двух уровнях:

- семантико-грамматическом (с помощью лексем различных частей речи с семантикой ‘память’);
- лексико-фразеологическом (с помощью онимов и других прецедентных единиц).

В лирическом творчестве приднестровского поэта, историка и краеведа Аллы Антоновны Мельничук найдено много примеров на каждый уровень вербализации, но всё же онимно-прецедентное пространство гражданской лирики представлено автором шире.

Историческая память у А. Мельничук тематически выражается по отношению к нескольким событиям:

1. Основание Тирасполя.

«Славься, столица земли приднестровской», «Рубежный форпост под суворовским флагом» (Гимн Тирасполя), «Сплавив камни изяществом смысла, совершенство веками копя», «Проступил, словно звонкая радость, почитающий веру полет», «Над гладью днестровской мелодией чистой / Покровские звоны свободно летят» (Тирасполь. Собор Рождества Христова) «Шепот, шелест, шорох прожитых веков, неизменно слышу в шуме городов: ритмами брусчатки, башен и мостов» (Через дымку лет...), «Суворовские славные солдаты: казаки, кирасиры и стрелки, кутузовские дерзкие штандарты над строем давним развернут полки» (Российским миротворцам...) [1; 2].

2. Пребывание А.С. Пушкина в Молдавии.

«Любопытен и тревожен он: что-то ждет в далеком Кишиневе, как-то примут, будут ли друзья?», «Он осенне-неказист и заспан, Бессарабский предварив кордон», «На задворки имперской истории послан он чиновною рукой» (Наш Пушкин) [1; 2].

3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Четыре года боли и тревоги

Вы до Берлина шли. И вы дошли!

...

Чтоб помнили и чтоб не повторили

Кровавых лет, убийственных путей (Чтоб помнили...) [1; 2].

4. Память об СССР.

«Мы отстоим десятками апрелей от памятной гагаринской весны...»

(От памятной гагаринской весны...),

Былого времени приметы:

Цитаты, брежневский портрет...

Про пионерскую «Зарницу»

И вечный ленинский зачет...

(Старые газеты).

В дефиците всякого всего,

В мыслях по прописанным лекалам,

Гасло демонстраций торжество,

Вера в правоту ослабевала (СССР) [1; 2].

5. Молдавско-приднестровский конфликт и Бендерская трагедия 1992 г.

«Победа над врагами неизбежна, так было испокон и будет так!» (Памяти защитников Приднестровья), «Совсем недавно по вселенским меркам случилась приднестровская война...» (И помнит боль днестровская волна...) [1; 2].

6. Войны в Южной Осетии, Нагорном Карабахе, в Афганистане и т.д.

Чтоб было место им и языку,

Достоинству и гордости за предков.

И нет прощенья вражьему стрелку,

Убившему на древе жизни ветку

(Цхинвал, октябрь 2008 года).

Мне печально оттого, что кто-то

Встретит разоренным новый век

И придется в обветшалом доте

Для детей устраивать ночлег

(Всё волнуясь...) [1; 2].

Мы рассмотрели следующие уровни вербализации феномена исторической памяти на материале гражданской лирики приднестровского поэта, историка и краеведа Аллы Мельничук: с помощью лексем различных частей речи с семантикой 'память' (*помнят, память, памятный, испокон веков, не забудет, повторить*), с помощью онимов и других прецедентных единиц (*Пушкин, Тирасполь, Кишинев, Берлин, Цхинвал, Приднестровье, СССР, брежневские цитаты, ленинские заветы, гагаринская весна, Россия, пионерская «Зарница»*).

Наличие подобных языковых единиц, передающих феноменальность исторической памяти, сохраняет и оберегает национальную идентичность

носителей языка. Вербализация феномена побуждает читателя помнить свои корни, традиции, уважать и любить историю своей страны.

Литература

1. Алла Мельничук. URL: <https://stihi.ru/> (дата обращения: 15.05.2022).
2. Алла Мельничук. URL: <https://www.facebook.com/alla.melnichuk.37> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. Вып. 4 (269). С. 54–61.
4. Лойко О.Т., Вакурина Н.А. Социальная память в контексте историзма. Архивная копия от 2 мая 2021 г. на Wayback Machine // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13).
5. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Архивная копия от 21 января 2022 г. на Wayback Machine // Пре-принт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ ЖИТЕЛЯМИ ЛУГАНЩИНЫ

*С.Б. БАЖУТИНА,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры психологии
Луганского государственного педагогического университета,
Россия, г. Луганск
e-mail: bajuta@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются особенности структурирования ценностных смыслов в индивидуальном поле субъектов на выборке из взрослых жителей Луганщины. Автор рассматривает ряд закономерностей, обуславливающих появление личностных смыслов: структурирование их на основании усвоенного дихотомического конструкта или группирования смыслов вокруг собственного «Я». На примерах показывает, как представители групп наполняют разным смыслом одни и те же понятия.

Ключевые слова: структурирование смыслов, дихотомический личностный конструкт, духовно-нравственные, социально-значимые смыслы.

FEATURES OF STRUCTURING MEANINGS BY RESIDENTS OF THE LUGANSK REGION

*S. BAZHUTINA,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor Department of Psychology
Lugansk State Pedagogical University, Russia, Lugansk
e-mail: bajuta@mail.ru*

Abstract: The article gives an analysis of the characteristics of the structure of values and meanings. It is shown how they are grouped in the individual consciousness of a person, residents of the Lugansk region. The author considers the patterns of the emergence of personal meanings. Structuring meanings with a dichotomic construct or a grouping of meanings around its own "I". Shows how representatives of the groups are filled with different meaning among the same socially significant concepts.

Keywords: structuring meanings, dichotomic personal construct, spiritual and moral, socially significant meanings.

Одна из сущностных характеристик человека как представителя рода homo sapiens заключается в том, что он способен отражать мир в системе смыс-

лов. А. Адлер в одной из своих работ об этом писал так: «Люди живут в мире смыслов... Мы не воспринимаем обстоятельства сами по себе; мы всегда воспринимаем их в их значении для людей. ...Ни один человек не может уйти от смыслов. Мы воспринимаем действительность всегда через призму смысла, который мы ей придаем» (цит. по Д.А. Леонтьеву [5]).

Сама проблема появления смысла в сознании человека, формирование его «системы личностных смыслов», «смысловой реальности», «смысловой сферы», «субъективного смыслового поля» или «смыслового пространства» (хотя эти понятия далеко не всегда используются авторами как синонимы) в последнее время достаточно активно исследуется с разных сторон в научном мире [1; 2; 4; 5; 6; 7].

В данной статье мы обратились к идее возникновения структуры смыслов человека, так как исследования особенностей этнического самосознания жителей Луганщины, начатые нами еще в конце 90-х годов, позволили обнаружить некоторые закономерности в рождении смыслов, наполнении одних и тех же значений разными смыслами и отдельные типологические характеристики их взаимосвязи друг с другом [3].

В первую очередь определим отправные точки проводимых исследований.

1. В своей работе мы делали акцент на изучении только системы социально-значимых, духовно-нравственных и ценностно-значимых для человека понятий и сентенций. Выбор был мотивирован тем, что логика развития психики в «акме-», а психодиагностический эксперимент охватывал только взрослую популяцию, убеждал: именно эти формы смысловых значений играют первостепенную роль в процессе становления и развития «вершинных» качеств личности [8]. С другой стороны, качеством этого рода ценностей и смыслов определяются сущность бытийности индивида в мире, его поведение и деятельность. Для исследования нами была специально разработана методика «Мои жизненные сгедо» и отобран набор понятий для Теста Цветовых Отношений, предложенного в 1997 г. Эткин-дом (ЦТО), взята методика СЖО Джеймса Крамбо и Леонарда Махолик, в адаптации Д.А. Леонтьева, и тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).

2. Объясняя различия между «значением» и «смыслом», многие ученые подчеркивают, что смысл — это субъективно переживаемое конкретным индивидом значение [5]. В связи с этим, организуя исследование смысловых структур взрослых людей, мы обязательно использовали методики, которые позволяли бы респондентам не только осознанно объяснять и группировать собственные ценностные смыслы, но и демонстрировать свое особое эмоциональное отношение к ним. Анализ логики этих отношений и позволил нам выявить цепочки смыслов, которые складываются в индивидуальном внутреннем мире субъекта.

3. Вслед за Дж. Келли мы полагали, что систематизация смыслов в сознании индивида происходит под влиянием усвоенных им дихотомических конструктов. В наших исследованиях всегда использовалось несколько личностных конструктов, которые имели в своем содержании дихотомии социального и духовного плана. Такие, как «добро/зло», «уважение к человеку/насилие над человеком, унижение его», «моя свобода/зависимости от чего бы то ни было и кого бы то ни было» и т.п. Во всех обследованных нами выборках действительно выделялись большие группы (от 45% до 70% от общего числа обследованных), где предложенные конструкты четко себя проявляли: в них респонденты принимали смыслы позитивных полюсов и отвергали смыслы негативных. Например, демонстрировали принятие «добра», но отрицали «зло». Этот факт свидетельствовал о наличии нормативного смыслового конструкта для общего структурирования смыслов в Модели Мира данной группы испытуемых. Подчеркнем, что это были, действительно, *субъективные, личностные смыслы* индивидов, так как люди активно выказывали свое эмоциональное отношение к содержанию выбранных понятий. Испытуемых с нормой выраженности дихотомии конструкта почти во всех выборках было больше половины.

Вместе с тем в ходе исследования всегда фиксировалась и группа с нарушениями смысловой дихотомии конструкта. При этом данная группа была, как правило, неоднородна по своему выражению отношения к смыслам полюсов. Приблизительно одинаковое количество представителей этой группы демонстрировали либо принятие обоих значений (и «добра», и «зла»), таких мы условно назвали «пофигистами»; либо они выражали свое полное неприятие и «добра», и «зла», таковые были обозначены как «агрессоры». Выделялась еще и малочисленная группка тех, кто выражал принятие «зла» и неприятие «добра». Этих респондентов мы условно назвали «извращенцами».

Обозначим некоторые особенности структурирования смыслов, которые удалось обнаружить в ходе проведенных исследований.

Было замечено, что позитивное отношение к родителям в группе «норма» намного выше, чем у «деформаторов». Однако в последние два года эта тенденция заметно изменилась — процент положительного отношения к родителям стал примерно одинаков в обеих группах, и он достаточно высокий (до 70–80%). Мы предполагаем, что продуктивное освоение смыслов в семье может идти только на фоне безусловного принятия ребенка взрослыми. Но значительный количественный рост самой группы «деформаторов» в последние два года (в некоторых случаях она стала даже несколько превышать группу «норма», особенно в молодых выборках, где средний возраст 21 г.) позволяет сделать вывод, что далеко не достаточно одного лишь фактора принятия ребенка для освоения последним родительских смыслов и установок. Экстраполяция смыслов

от родителя к ребенку происходит только при условии наличия авторитета родителя в глазах формирующейся личности [2].

Вокруг полюсов дихотомического конструкта группируются смыслы, которые для субъекта имеют наиболее важное значение, определенное, в свою очередь, важностью этих значений в референтной для данного индивида группе (родительской семье или группе социально-значимого окружения). Так, в нашей группе «норма» полюс «добра» «собрал» следующие смыслы: «доверие к собственным возможностям, способностям», «моя мама», «моя Совесть», «сотрудничество с разными людьми по достижению общих целей», «моя личная свобода», «умение слушать и слышать других, понимать их точку зрения», «мой друг(подруга)». Как видим, «добро» для этих людей было наполнено смыслами личных привязанностей, совместной деятельности с людьми, важными навыками установления с ними контактов, доверия к себе и работе собственной совести, а также ощущениями личной свободы. «Зло» имело только одну выраженную связь — с «насилием над человеком, унижением его». (Респондентов этой группы было 59% от общей выборки.)

В группе «деформаторов» полюсы дихотомического конструкта не имели подобного рода смысловых наполнений. Большая часть значимых смыслов представителей группы касалась следующих положительных выборов: «моя мама», «Я сам», «мой отец», «отстаивание своей точки зрения», «моя успешная карьера». Определенной системы в негативном отношении к каким-либо смыслам выделить вообще не удалось. Можно констатировать, что структурирование смыслов респондентов этой группы определяла не дихотомия какого-либо личностного конструкта, просто наиболее важные для индивидов смыслы центрировались вокруг их собственного Я. Сами они также имели сугубо индивидуалистическую направленность. (Таких испытуемых было 25% от общей выборки.)

Посмотрим теперь, какие ценностные смыслы представители групп предлагали для обозначения счастливой жизни человека. В группе «норма»: 1. Семья. 2. «Оставаться всегда Человеком, жизнь свою строить по общечеловеческим принципам». 3. «Главное — оставаться в согласии со своей Совестью». 4. «Главное в жизни — это Я, мое душевное состояние и материальное положение». 5. «Жизнь в согласии с людьми, в уважении ими, позволяет чувствовать себя счастливым».

Группа «деформация». 1-е, 2-е, 3-е места делят понятия: «Главное в жизни — это Я...», «Семья», «Здоровье». 4. «Главное — оставаться в согласии со своей Совестью». 5. «Оставаться всегда Человеком, жизнь свою строить по общечеловеческим принципам».

Как видим, в пятерку основных входят практически одни и те же ценности, что свидетельствует о сильном влиянии на сознание и формирование смыслового поля любого члена определенного сообщества еще и об-

шего менталитета социального окружения. Однако при этом ценности представителей первой группы оказались все же менее эгоцентрированы, в них была больше выражена гуманистическая направленность. Заметим, что особое значение среди сделанных выборов имела ценность «Жизнь в согласии с людьми...», она во всех наших выборках дает много положительных корреляций с духовно-нравственными и социально-значимыми смыслами. Эту ценность «деформаторы» ставят только на 10-е место. Таким образом, можно констатировать, что осознанно выбираемая система смысловых ценностей у респондентов с нормативным восприятием дихотомического конструкта более гуманистична, социально ориентирована и имеет выраженный духовно-нравственный смысл.

Интересно, что при достаточной общности сознательно выбираемых ценностей, смыслы, которые вкладывают субъекты выделенных нами групп в одни и те же понятия и сентенции, всегда очень разные. Проиллюстрируем это несколькими примерами. Начнем анализ с категорий «добро», «зло». В группе «норма» оба понятия имеют только положительные корреляции: «добро» с «мамой» (0,586), а «зло» с «зависимостью от кого бы то ни было и чего бы то ни было» (0,349) и с «унижением человека, насилием над ним» (0,481). В группе «деформация» «добро» положительно коррелирует с «преумножением материальных ценностей» (0,458), «карьерой» (0,556), «личной свободой» (0,456). «Зло» также имеет положительные корреляции с «преумножением материальных ценностей», «моим отцом», «личной свободой», «насилием над человеком», «моими страхами», и одну отрицательную — с «познанием сущности всего происходящего вокруг». Из анализа корреляций явствует, что у испытуемых этой группы смыслы «добра» и «зла» размыты, они имеют ряд общих коннотаций, утилитарной направленности. И то, и другое символизирует для испытуемых «личную свободу». Связь с отцом и страхами говорит о том, что именно отцы несли этим людям особую угрозу и, вероятно, повлияли на такое смешение значений. Примечательно также, что важная познавательная потребность у респондентов этой группы снижается по мере возрастания степени принятия «зла».

Требование «уважительного отношения к человеку» «деформаторы» связывают положительной корреляцией с «преумножением материальных ценностей» (0,408) и «совестью» (0,400), то есть уважать можно только тех, кто умеет себя обогащать материально, и похоже, что совесть у этих людей тоже, в основном, связана с подобными аспектами.

В группе «норма» «уважительное отношение к человеку» имеет положительные корреляции с понятиями: «труд» (0,338), «ответственность за совершаемые действия и поступки» (0,449), «доверие с себе» (0,362), «моя воля, способность управлять собственным поведением» (0,446), «активность по передаче знаний другим» (0,345), «умение слушать...» (0,441)

и шкалой ожидания отношения других (Столин, Пантелеев) (0,415). Таким образом, в «норме» оно оказалось наполнено смыслами, знаменующими социальную активность субъекта, а также рядом важных коммуникативных умений.

Еще мы решили посмотреть, с какими смыслами связана выраженность жизненных целей (по методике Д.А. Леонтьева) в разных группах респондентов. В группе «норма» этот критерий имел положительные корреляции с «умением доказательно отстаивать свою точку зрения», «волей и управлением собственным поведением», «служением народу и обществу». Кроме того, были корреляции со всеми шкалами самой методики и со шкалами самоуважения, самоинтереса, самоуверенности, самопринятия и самопонимания по тесту-опроснику самоотношения. Можно сделать вывод, что основное смысловое содержание жизненных целей респондентов этой группы определялось идеей служения людям и обществу, а также было связано с глубоким исследованием разных сторон собственной личности на фоне доверия и уважения к ее возможностям.

В группе «деформаторов» картина была другая: данный параметр положительно коррелировал с «культурой и идеями современной Европы и США», с «трудом, физическим и интеллектуальным», а также со всеми шкалами, кроме интегральной, по тесту Д.А. Леонтьева, и со шкалами ожидаемого отношения от других, самоуверенности и самопринятия по тесту-опроснику самоотношения. Подобного рода связи подтверждают идею о том, что представители группы в выборе своих жизненных целей ориентируются на ценности западного мира, но связывают их реализацию с собственными трудовыми усилиями. При этом испытуемые явно были направлены на ожидание отношения от других и мало рефлексировали относительно собственной личности.

В качестве вывода, обобщающего наши наблюдения, резюмируем: структура смыслов как отдельного индивида, так и целых этнических групп — это сложная относительно стабильная и вместе с тем довольно динамичная система, связующим центром которой являются духовно-нравственные дихотомии. Вокруг смысловых полюсов дихотомии группируются другие социально-важные понятия и сентенции. Если усвоение нормальной дихотомии смыслов у субъекта размыто, он либо «собирает» значимые для себя смыслы вокруг собственного Я, либо создает какие-либо свои, субъективные дихотомии конструкторов, построенные, возможно даже, на алогичных антитезах.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. 352 с.

2. Бажугина С.Б. Некоторые особенности формирования социально-значимых смыслов ребенка // Дополнительное образование детей в сфере культуры и искусства: преемственность и инновации: Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. М.В. Кревсун. Ростов-н/Д: ИПК РГУЭ (РИНХ), 2021. С. 19–28.
3. Бажугина С.Б. Варианты духовно-нравственных ориентиров современного человека (проблемы диагностики) // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: Материалы II Международной научно-практической конференции (9–10 декабря 2021 года) / Южный федеральный университет; под общ. ред. А.В. Черной. Ростов-н/Д; Таганрог: Foundation, 2021. С. 38–45.
4. Зоткин Н.В. Психологическая концепция смысла // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр., доп. М.: Смысл, 2003. 348 с.
6. Павлова Е.Д. Специальные теории и прикладная социология. М., 2007. 688 с.
7. Понятие информационного поля как системообразующего кода сущего // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 5. С. 142–154.
8. Чудновский В.Э. Становление личности и проблемы смысла жизни: Избранные труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. 768 с.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА УФИМСКИМИ ИСТОРИКАМИ В 1930–1940-е ГОДЫ: ДРАМАТИЗМ СИТУАЦИИ¹

*А.О. ИВАНОВ,
кандидат исторических наук, преподаватель колледжа,
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа
e-mail: ivanov_alex1990@mail.ru*

*Т.П. Жедь,
магистрант, Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа
e-mail: tzhed988@gmail.com*

Аннотация: В статье представлен промежуточный результат реализации проекта, предполагающего критический дискурс-анализ текстов по истории Урала, начиная с эпохи древности (исследования по археологии, древней и средневековой истории) до эпохи нового времени включительно. Рассматривается одна из первых работ обобщающего характера (в советской историографии) по истории Башкортостана, автором которой был известный советский историк Ш.И. Типеев.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, история Южного Урала, уфимские историки, Ш.И. Типеев, И.И. Соколов.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант № 22-28-01153: «Критический дискурс-анализ (КДА) исследований по древней, средневековой и новой истории Южного Урала»).

THE FIRST ATTEMPT TO PRESENT THE HISTORY OF THE SOUTHERN URALS BY UFA HISTORIANS IN THE 1930s–1940s: DRAMATIC SITUATION

A. IVANOV,

*Candidate of Historical Sciences, College Lecturer,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Russia, Ufa*

e-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

T. ZHED,

*master's student, Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,
Russia, Ufa*

e-mail: tzhed988@gmail.com

Abstract: The article presents an intermediate result of the project implementation, which involves a critical discourse analysis of texts on the history of the Urals, from the era of antiquity (research on archeology, ancient and medieval history) to the era of modern times inclusive. One of the first works of a generalizing nature (in Soviet historiography) on the history of Bashkortostan, the author of which was the famous Soviet historian Sh. I. Tipeev.

Key words: critical discourse analysis, history of the Southern Urals, Ufa historians, Sh. I. Tipeev, I.I. Sokolov.

Понятие «дискурс-анализ (discourse analysis)» в мировой науке используется с середины XX столетия, но только в конце 1960-х гг., после выхода в свет книги Мишеля Поля Фуко «Археология знания», начинает осознаваться как одна из парадигм научного познания. В отечественную науку это понятие проникло позже — первый перевод книги Фуко на русский язык был осуществлен только в 1996 г., и то не в России [13]. Первый же российский перевод был сделан в Санкт-Петербурге и опубликован там же в 2004 г. [14].

По определению М.П. Фуко, принятому и другими исследователями, *дискурс* — это совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же дискурсивной формации, осуществленных в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях, регламентируемых социокультурными кодами науки как общественной практики, ее правилами, традициями и ценностями, характерными для данного исторического периода.

Относительно социально-гуманитарного дискурса следует также учитывать сферу личностного бытия самого исследователя, его частных и корпоративных мотивов и интересов [2: с. 11].

Начиная с 2009 г. теория и методика дискурс-анализа активно разрабатывается в отечественной науке на страницах электронного журнала «Современный дискурс-анализ», издаваемого Центром коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива» Белгородского государственного национального исследовательского университета (редколлегия: Е.А. Кожемякин, А.В. Полонский, О.Ф. Русакова и др.). Из публикаций в указанном издании следует, что пока парадигмальное значение дискурс-анализа в отечественной науке осознано в основном в познавательных сферах лингвистики [9: с. 55–60], философии, психологии и сфере социальных коммуникаций [8: с. 27–31], средствах массовой информации [16: с. 3–14; 4: с. 34–48]. Что касается исторической науки, то можно с уверенностью сказать, что подобный подход к историческим исследованиям в нашей стране не практикуется, что в полной мере относится и к истории Урала.

Отметим, что изучение дискурса применительно к исторической науке относится к одному из наиболее сложных явлений. Как известно, в нашей стране в XX веке дискурс, порожденный текстом, формировал мировоззрение людей, и ведущую роль в этом процессе со второй четверти и до начала 90-х гг. XX века играли идеологические установки. По мнению А.П. Миньяр-Белоручевой, «Исторический дискурс... неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотносен с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого. Политика посредством целенаправленного моделирования исторической реальности воздействует на массового адресата с целью решения конкретных задач современности, при этом следует учитывать, что, как правило, история пишется и переписывается победителями, которые никому более не позволяют вторгаться в эту область, интерпретируя исторические события с удобных им позиций» [5: с. 10]. Отечественная история данного периода и ее освещение в трудах региональных историков являют собой как раз такой пример.

В настоящее время историография истории Урала с эпохи древности до нового времени насчитывает более 200 монографий и обобщающих многотомных изданий. Количество статей на порядок выше. Созданные в разные годы (в основном, начиная с середины 1950-х гг. — времени возникновения в регионе научно-исследовательских институтов АН СССР) [11: с. 172–177] разными авторами или авторскими коллективами, эти исследования не сложились в единую концепцию этногенетической, социально-экономической и социально-политической истории региона.

Академическая советская историческая наука в Башкортостане (БАССР) ведет начало с 1922 г., что связано с учреждением Академцентра в г. Уфе при Башнаркомпросе. При Академцентре были созданы ряд комиссий, в том числе и для разработки башкирского алфавита. С 1922 г. также действовало Общество по изучению Башкирии, одним из отделов

которого был исторический. Научно-исследовательская инфраструктура в 1920–1930-е гг. неоднократно преобразовывалась, и исследовательские интересы в большей степени концентрировались на «формировании башкирского письменного литературного языка и расширении его общественных функций» [15: с. 53]. И только с начала 1930-х гг. особое место заняла историческая наука. В региональной историографии это объясняется тем, что Уфа с 1931 г. стала местом ссылки М.К. Любавского — выдающегося ученого-историка и последнего дореволюционного ректора МГУ. Именно он вывел исторические исследования за рамки краеведения и обозначил научную проблематику, не теряющую актуальности и в настоящее время [15: с. 53].

Поскольку объем и формат нашей статьи позволяют заявить некоторый промежуточный результат реализации проекта, предполагающего критический дискурс-анализ текстов по истории Урала, начиная с эпохи древности (исследования по археологии, древней и средневековой истории) до эпохи нового времени включительно, в данной статье мы рассмотрим одну из первых работ обобщающего характера (в советской историографии) по истории Башкортостана, автором которой был известный советский историк Ш.И. Типеев [12] (1900–1983 гг.) [10: с. 63]. В этой работе автор рассматривает историю региона, начиная с «Древних обитателей Башкирии», и завершает «Кулацким террором 1928–29 года» [12: с. 223–224]. Освещая события, связанные, например, с историей крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, Ш.И. Типеев определяет ее как «Пугачевско-Салаватский бунт» [12: с. 57]. В тексте использует терминологию «ревностный сообщник Пугачева», «пугачевские толпы-отряды», «шайки». Концептуально отношение Типеева к Пугачевскому восстанию нельзя назвать сугубо положительным. По всей вероятности, его взгляды определялись негативным отношением к крестьянству, поскольку он сам в период Гражданской войны в 1918 г. «был схвачен кулаками и избит до потери сознания; мне удалось избежать смерти только благодаря оказанной беднякам помощи» [7: л. 13]. Данный факт нам стал известен из материалов личного дела историка, хранящегося в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук в г. Уфе.

Необходимо отметить, что работа Типеева «Очерки по истории Башкирии» была подвергнута серьезной критике со стороны историографа отечественного и зарубежного византиноведения И.И. Соколова. А он, так же как и М.К. Любавский, был выслан в Уфу, правда, по другому делу («Дело евлогиевцев», подробно рассмотрено в работе К.В. Головина [1: с. 136–146]) как «церковный монархист». С 1934 г. И.И. Соколов включился в работу Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры [3: с. 484] и в течение короткого времени написал

книгу «Территория Башкирии и ее население в свете источников древности». Работа получила положительную оценку профессора Н.К. Дмитриева (АН СССР), одного из основоположников башкирской филологии. Вместе с тем директор института Г.С. Амантаев дополнительно заказал рецензию и у Ш.И. Типеева, которого И.И. Соколов прямо обвинял в плагиате. Труд И.И. Соколова Ш.И. Типеев объективно оценивать не стал и дал ему отрицательный отзыв. В «Отзыве на отзыв тов[арища] Типеева о работе “Территория Башкирии в свете источников древности”» И.И. Соколов приводит следующие доводы в защиту своей работы: «...б[ывший] директор БНИИНК тов[арищ] Амантаев, без моего ведома и согласия, поручил составить отзыв на мою работу и тов[арищу] Типееву, книга которого о Башкирии, представляющая в одной своей части сплошной плагиат, подвергнута на стр[аницах] 19–23 моего сочинения убийственной критике наравне с книгой Филоненко, из которой т[оварищ] Типеев буквально списал несколько глав. Заранее можно было ожидать, что т[оварищ] Типеев, как избалованный мною плагиатор, книга которого, кстати скажем, теперь совершенно изъята из обращения, не в состоянии объективно оценить мою работу, да к тому же и вообще т[оварищ] Типеев не является сколько-нибудь компетентным критиком по вопросам древней истории Башкирии.

Представленный т[оварищем] Типеевым отзыв на мою работу, действительно, подтверждает общеизвестную его роль плагиатора, абсолютно неспособного к добросовестной научной работе, а лишь пригодного к безответственному словоблудию. Отвечаю т[оварищу] Типееву кратко, ввиду общей ничтожности его отзыва.

1. Т[оварищ] Типеев не знает ни греческого, ни латинского языков и безусловно некомпетентен в оценке труда, написанного по греческим и латинским источникам, на основании детального анализа и критической установки древних текстов.

2. Т[оварищ] Типеев не понял моей работы и пишет по поводу своих собственных измышлений, так как не знает археологии, не понимает скифской проблемы и ее значения в истории Поволжья и Приуралья, не разбирается в тонкостях яфетической теории знаменитого советского лингвиста и историка акад[емика] Н.Я. Марра, труды которого дали мне прочную научную базу для принципиальных установок по вопросам из древней истории Башкирского края.

3. В отзыве т[оварища] Типеева нет ни определенной мысли, ни логики, ни вообще научной последовательности, а весь отзыв представляет пустой и бессодержательный набор слов, сплошное словоблудие. Это — бред сумасшедшего, одержимого одной *idée fixe*, одним острым опасением, — как бы проф[ессор] Соколов не напечатал своей работы и еще раз не доказал, что т[оварищ] Типеев — злостный плагиатор.

4. В ответ на недобросовестный отзыв т[оварища] Типеева, злостного плагиатора и паникера, твердо заявляю следующее: я вошел в сношение с Академией Наук СССР относительно напечатания в изданиях Академии моей работы “Территория Башкирии и ее население в свете источников древности” и, конечно, напечатаю ее при первой возможности.

Профессор И.И. Соколов.

25/III.1938» [6: л. 1–2].

Таким образом, применяя критический дискурс-анализ текстов, обещающих историю Республики Башкортостан (БАССР), мы можем сделать следующие выводы. Относительно работы Ш.И. Типеева необходимо отметить, что подобная работа, выдержанная в духе утверждавшейся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. сталинской интерпретации истории в региональной исторической науке, безусловно, требовалась, и автор это четко уловил. Видимо, готовилась она в спешке, учитывая тот факт, что автор по тексту работы использовал малое количество ссылок на источники и заимствовал некоторый объем текста из исследований В.И. Филоненко.

И.И. Соколов, пытавшийся напечатать свою работу «Территория Башкирии и ее население в свете источников древности», чтобы получить авторский гонорар и хоть как-то улучшить свое материальное положение, оказался в сложной ситуации. С одной стороны, он был административным ссылкой, которому до освобождения на момент написания «Отзыва на отзыв...», процитированного нами выше, оставалось еще девять месяцев. Сам отзыв был адресован уже новому директору института А.Н. Усманову, который по понятным причинам не был положительно настроен к политическим ссылкой. Сотрудничество И.И. Соколова и института не состоялось. Проживший в Уфе практически пять лет И.И. Соколов, обладавший всеми необходимыми знаниями и методологической базой, оказался неустребованным ввиду политической неблагонадежности. По данным петербургских историков Г.Е. Лебедевой и А.В. Березкина, профессор И.И. Соколов умер в Уфе 3 мая 1939 г. [3: с. 487].

На рубеже 1930–1940-х гг., когда в Институте истории АН СССР начиналась работа над «Очерками по истории Башкирии», в историографии в отношении прошлого народов, присоединенных к Русскому государству, господствовала тенденция оценивать присоединение как колониальное «зло» царизма. В духе этой идеологической установки в «Очерках по истории Башкирии» (подготовкой труда руководил именно Ш.И. Типеев) присоединение Башкирии к Русскому государству трактовалось как завоевание, а башкирские восстания — как антиколониальное движение [15: с. 56].

Подготовку написанных «Очерков» к печати прервала Великая Отечественная война. Борьба с фашизмом потребовала смены идеологиче-

ского курса. Отыные приоритет отдавался совместной борьбе народов России с внешними врагами, и все антирусские движения народов, населявших Российскую империю до Октябрьской революции 1917 г., стали подвергаться резкой критике [15: с. 56]. В 1943 г. ЦК ВКП(б) пересмотрел, в частности, отношение к «Очеркам по истории Башкирии» — труд получил негативную оценку. С этого момента ученым предстояло глубоко переработать «Очерки» в целом и пересмотреть взгляды на представление о прошлом региона в истории и литературе.

Литература

1. Головин К.В. Дело «евлогиевцев» // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2001. Вып. 24. С. 136–146.
2. Кротков Е.А. Философско-методологический анализ научного дискурса // Современный дискурс-анализ. 2015. № 2 (13). С. 4–16.
3. Лебедева Г.Е., Березкин А.В. Профессор Иван Иванович Соколов: историк на рубеже двух эпох // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 476–488.
4. Лемзякова А.Ю., Белоедова А.В. Аудиальная архитектура кинотрейлеров: мультимодальный подход // Современный дискурс-анализ. 2021. № 2(28). С. 34–48.
5. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 8–16.
6. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее — НА УФИЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 45. Л. 1–2.
7. НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 300. Л. 13.
8. Новак М.В. Дискурс потребления в текстах современного российского телевидения // Современный дискурс-анализ. 2011. № 1(4). С. 27–31.
9. Ночёвка Е.И. Анализ семантической оппозиции «Россия-Запад» во внешнеполитическом дискурсе // Современный дискурс-анализ. 2020. № 1(25). С. 55–60.
10. Салихов А.Г. Тюркоязычные издания начала XIX века из фонда Национальной библиотеки Республики Башкортостан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. Т. 34. № 1 (97). С. 58–68.
11. Сибгатов Р.Ю. Научный архив Уфимского научного центра РАН: история и современность // Известия Уфимского научного центра РАН. 2011. № 1. С. 172–177.
12. Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башгосиздат, 1930. 224 с.
13. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
14. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. статья А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
15. Юсупов Р.Г., Хайбуллин А.Р. Институт истории, языка и литературы: первые шаги в составе Башкирского филиала АН СССР (1951–1953) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 38. № 1 (101). С. 51–60.
16. Якоба И.А., Халилов А.Р. Дискурсивный эпатаж в российской рекламе // Современный дискурс-анализ. 2021. № 1(27). С. 3–14.

ВЕКТОРЫ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ: РЕТРОСПЕКЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Н.В. ДОВГАЛЕНКО,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии, психологии
Саратовского государственного технического университета
имени Ю.А. Гагарина, Россия, г. Саратов
e-mail: dovgal30@rambler.ru*

Аннотация: Автор определяет вектор развития субъекта как направленность на особый род духовных практик, лежащих в основе русского культурного самовыражения. Вектор внутреннего «обзора» выстраивается в период X–XIV вв. через появление религиозно-ценностной меры абсолютного, оформления смысловой артикуляции через русский язык. Вектор «перспективизма» формируется под влиянием идей Просвещения. Культурное стремление сопровождается практиками рационального «очищения», конструирования. Современность открывает вектор «мужества», экзистенциальной боли через столкновение с собственной идентичностью.

Ключевые слова: духовный опыт, русское самосознание, субъект, православие, просвещение.

VECTORS OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF RUSSIAN IDENTITY: RETROSPECTIVE AND MODERNITY

*N. DOVGALENKO,
Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor of the Philosophy, Sociology,
Psychology Department of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov
e-mail: dovgal30@rambler.ru*

Abstract: The author connects the emergence of a special kind of spiritual practices of the subject and the formation of the foundations of Russian cultural identity. The practices of internal “review” are formed in the period of the X–XIV centuries, when the religious value measure of the absolute is established, the Russian language is drawn up. “Perspectivism” is formed under the influence of the ideas of the Enlightenment. It is accompanied by practices of rational “cleansing”, construction. Modern Russian culture faces existential pain in the process of a new awareness of its own identity.

Keywords: spiritual experience, Russian identity, subject, Orthodoxy, enlightenment.

Актуализация вопроса «русского мира» — это не только тема государственного, цивилизационного усилия по сохранению смыслов, истории; выработке ценностных установок, целей развития; «оправдания» собственной культурной уникальности. Прежде всего, это вопрос содержания самосознания, духовных, умных интенций субъекта, который стремится быть понятым, услышанным в экзистенциальном, социальном, дискурсивном поле, стремится сдерживать себя для реализации соборного, общего. Ибо только субъект посредством воли, выбора и других экзистенциалов способен сделать культуру «живой». В данной статье предполагается выявление связи между личными, духовными практиками, которые русский человек начинает активно употреблять, распространять в определенные исторические периоды, и созреванием общекультурной идентичности.

Истоки «русского мира» пробивали себе путь в невероятном преодолении «темноты» духовного зрения. В основе данного опыта пребывает православие, которое предоставляет человеку, прежде всего, через таинства, литургический опыт, молитву, возможность «обозреть» себя самого, увидеть свет собственного ума и сравнить его со светом и смыслом другого, совершенного. «Православие положило в основу человеческого существа жизнь сердца (чувства, любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, воображения)» [3]. Практика внутреннего «обозрения» рождает человека как образ. О ней пишут, прежде всего, представители святоотеческой традиции, тексты которых, аскетический образ жизни, монашеская работа, смирение и любовь широко распространялись в X–XII вв. в русских землях. Святитель Василий Великий, опираясь на библейскую форму, прямо указывает путь обозрения — «внемли себе». И если душа — сама по себе дар божественный — отличается простотой, бесформенностью, являясь носителем жизни, то ум в ней чистая часть, дарующая зрение. «Поэтому *внемли* себе и знай, что одно в душе разумное и духовное, другое — страстное и неразумное, и что первому по природе принадлежит господство, прочему — повиновение и послушание разуму» [4: с. 255]. Это духовное искание открывает различие двух природ — естественной и умной, и постоянное их столкновение в борьбе за превосходство — есть один из центральных вопросов русского самосознания. Именно в этом контексте Н.А. Бердяев выявляет женское, природное начало русской культуры. «Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [1: с. 281]. И это вопрос не только физический, географический. «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, — не внешний материальный, а внутренний духовный фактор его жизни» [1: с. 280].

Первоначальное принятие и обозрение с помощью христианского логоса бесконечных просторов духовного предрешили особое выражение культуры — широкой, неподвластной римскому закону, идущей за об-

разом, эйдосом, идеей. В этом движении к себе человек раскрывается как личность, устремленная к «разговору» о самости, показыванию, высказыванию о ней. Потому становится непреодолимой потребность имени, которое сможет это выразить, собрать. Артикуляция русского языка азбуки, литературы — вещи чрезвычайно важные для нашей культуры, т.к. в слове достигается сосредоточие организующего начала всей стихийной основы русского духа, которое не может быть достигнуто через власть права, силы. В историческом плане слово вводит в единую плоскость понятного, извещает, призывает. Оно становится первым шагом на пути осознанного, публичного действия, например, церковного таинства, военного похода, государственного венчания на царство и других событий. «Всякий образ и всякий символ, как бы сложен и труден он ни был, *мы называем*, и, следовательно, уже поэтому одному он есть *слово*, входит в описание как слово, да и не мог войти иначе» [5: с. 115].

Слово претендует на реальность. Оно требует артикуляции, высказывания в образе жизни, поведении («подведении» под образ), мерой которых становится житие святых старцев, аскетов. «Православная монастырская культура дала России не только сонм праведников. Она дала ей ее летописи, т.е. положила начало русской историографии и русскому национальному самосознанию. Пушкин выражает это так: “Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением”» [3]. Так «обозревалось» умом, искалось слово личное, открывающее социальное пространство диалектики, «разговора», понимания через различие и связь. Именно поэтому в русской культуре средневековья особое место занимает образ «другого».

Движение, даже метание от глубинных, непознанных недр бесформенной души, питающей жизнью личность и культуру до самоуверенного, умного и «начитанного» индивидуализма, — таково содержание «русского мира», открытого в самоопределении. Об этом пишет Вяч. Иванов как о «пафосе совлечения», нисхождения, но не как возвращающегося к темной природе, а как любви к ней, такой несовершенной и дикой, в желании понять, обрести, спасти. Весь стимул движения «интеллигентской» воли к «хождению в народ» становится ясен — но не в идее совлечения, приобщения — а в желании возвыситься до себя, облагородить. В этом и есть существо «русской идеи», «в ней раскрывается глубочайший смысл нашего стремления ко всенародности, нашей энергии совлечения, нашей жажды нисхождения и служения» [2: с. 237]. Век просвещения, таким образом, перенаправляет вектор духовного «внимания к себе» от обозрения глубин и оснований духа к ясности, строгости самого «ока» мышления. Рацио как форма начинает довлеть над содержанием внутреннего мира.

Эти интенции затрагивают не только мир западноевропейской цивилизации, но и русской, в который проникают ценности науки, а также

проекты кантианства, гегельянства, марксизма и т.п. Тяготение к «обозрению», заботе о человеческом образе сменяется объективированием, нормированием, через которые духовное пространство личности «очищается» от мистического, невыразимого в строгих понятиях. Возвышение и автономность разума, признание за ним матричного начала приводят человека к распространению новых практик: чтения, публичного высказывания, волюнтаризма, социального действия и пр. Признавая себя объектом, дух в какой-то степени лишается некоей части собственного содержания. «Но душа Возрождения, душа вообще Нового времени, — нецельная, расколота душа, двоящаяся в мыслях своих», становится субъект-объектной. [5: с. 62]. Флоренский определяет эту тенденцию как прямой перспективизм. «Перспективное изображение мира есть один из бесчисленно возможных способов установки означенного соответствия, и притом, способ крайне узкий, крайне ущемленный, стесненный множеством добавочных условий...» [5: с. 83]. Выстроенное, конструктивное поле внутреннего мира, заданное точкой ясного «Я» определяет и всякий внешний опыт, сам облик, содержание реальности. Доминирование прямой перспективы сосредотачивается в высвечивании лишь части реальности, актуализированной рациональным доступом как глаза, так и ума.

Именно перспективизм, слишком формальный, делающий ставку на регламент, обоснованность личных и социальных действий, выбора, стал немым укором для русской интеллигенции, которая, потеряв «почву» духовного, стала уповать на автономность разума, заявившего новый проект человека и нового социального мира. «Культура (дух!) и цивилизация (внешняя дисциплина и техника!) — отнюдь не одно и то же. Русская интеллигенция должна понять, что у цивилизованных народов может выродиться духовная жизнь, что мы ныне и наблюдаем. Русский народ, сильно отставая в вопросах цивилизации, всегда имел глубокую и самобытную духовную культуру» [3]. Подорвав роль традиции, просвещение поспешило укоренить идею настоящего, которое стало определяться причинной связью фиксируемых перспективным сознанием событий. Оно сделало разворот в сторону исторического. Основанием стало изменение вектора духовной направленности от «обозрения» самости, собирания себя к фиксации «точки зрения» на шкале времени, к публично-волевому ее выражению, конструктивному связыванию настоящего и проективного будущего («картографированию» или структурному встраиванию собственного события в ряд с другими событиями).

Современное лицо «русского мира» отнюдь не утратило две описанные интенции или векторы внутреннего и внешнего направления в самоопределении: «обозрение» и «конструирование» (перспективизм). Однако если первый — более ранний вектор — позволил выделить образ, определил в слове-логосе культурное поле «русского», то второй — формализовал,

«перекроил», жестко-рационально встроив его в план мировой истории. Слишком явная боль, сильное экзистенциальное переживание, разочарование от рационального планирования, создавшего концепт «среднего человека», столкновение с потерей, непониманием внутриличностного, духовного плана, непринятием его другими культурами, породило многочисленные кризисы, войны XX–XXI вв., в которых приняла участие русская цивилизация. Метафизика духовного в русском сознании стала постепенно скрываться, «прятаться», а также подменяться культурными фантомами.

Безусловно, такому развитию событий способствовали и принятие парадигмы «одномерного человека» в связи с развитием индустриального миропорядка, и культивирование этики трансгуманизма, и структуралистский, а также постструктуралистский подходы, «отпустившие» метафизические притязания и раскрывшие культуру как бесконечный «обмен» знаками. Выражением реальности цифровых знаков стал и человек, заменивший себя аккаунтами, профилями, «личками». Однако и в этом новом векторе духовного опыта до сих пор прежде всего ощущается страх. Страх утраты рационального контроля над «точкой зримости», страх потери перспективы, страх новой экзистенциальной боли. И если одни опасности осознаваемы, но во многом формальны, то последняя для русского человека наиболее близка и ясна, раскрываясь беспрецедентным опытом Великой Отечественной войны. Русская культура и ее носители, испытывая собственное мужество, безусловно, способны побороть страх, что и демонстрирует ведущаяся сегодня борьба за собственное лицо, собственную идентичность. Но важнее выбрать вектор зановоосознания, наполнив его содержанием духовной жизни, переживаний, труда, преобразования в обновленном контексте реальности.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 541 с.
2. Иванов Вяч. О русской идее // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 226–241.
3. Ильин И.А. За национальную Россию. Манифест русского движения. URL: <http://ivan-article.narod.ru/files/article.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Святитель Василий Великий. Избранные творения. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.
5. Флоренский П.А. Христианство и культура. М.: Фолио, 2001. 672 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: СНАЙПЕРЫ УТОЧНЯЮТ МИШЕНИ

*Е. И. ХАВАНОВ,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: KhavanovEI@mgpu.ru*

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме формирования общественного мнения с помощью средств массовой коммуникации. Термин «информационная война» получил широкое распространение, и механизмы этого явления и его значение в современном обществе являются актуальной научной проблемой.

Ключевые слова: информационная война, историческая память, общественное мнение.

INFORMATION WAR: SNIPERS REFINE TARGETS

*E. KHAVANOV,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General and Russian History,
Moscow City University, Russia, Moscow
e-mail: KhavanovEI@mgpu.ru*

Abstract: The article is devoted to the actual problem of forming public opinion with the help of mass media. The term “information war” has become widespread, and the mechanisms of this phenomenon and its significance in modern society are an urgent scientific problem.

Keywords: information war, historical memory, public opinion.

Констатируя факт информационной войны в современном мире, я хотел бы начать не с выявления ее провокаторов и причин обострения. Начнем с признаваемого всеми — открытого и обоснованного Гегелем и Марксом диалектического закона единства и борьбы противоположностей, дающего нам представление об источнике развития общества. Чем острее противоречия, тем кардинальнее методы их решения. А за противоречиями — интересы конкретных слоев общества, классов и отдельных их групп. В свою очередь, эти противоположные (мягче сказать — не совпадающие) инте-

рессы определяют характер взаимоотношений. Их высшая, наиболее острая форма — классовая борьба.

Исследуя опыт уходящего XIX века и всматриваясь в дали его неспокойного преемника, Маркс исходил из наличия трех взаимосвязанных форм классовой борьбы — экономической, политической и идеологической. Рассматриваемая нами информационная война — это часть идеологической борьбы.

XX век обострил характер противоречий. В странах с более высоким уровнем зрелости объективных и субъективных факторов происходили революции и контрреволюции, ломались и устанавливались политические режимы. В новых условиях более заметным становится влияние внешних факторов. При этом в орбиту противоречий наряду с традиционными антагонистами — рабочим классом и буржуазией — втягиваются и остальные, находящиеся между ними слои — мелкие собственники, люмпены и прочие маргиналы. Судьба народов, если не всего человечества, во многом зависела от того, за кем пойдут эти слои. На какой-то момент классовый критерий утратил свою остроту. В 1935 г. Коминтерн, коммунисты заявили даже — во имя антифашистского единства — пойти на снятие своего главного, классового лозунга свержения буржуазии. А буржуазия? 22 июня 1941 г., в день нападения Германии на Советский Союз, одна из ключевых фигур Запада У. Черчилль во всеуслышание, на весь мир заявил, что ни от одного слова, сказанного им против СССР за всю предшествующую жизнь, он не отказывается, но теперь, в данный момент, он союзник Советского Союза. Это означало, что антифашистский фронт смыкается. Фашистской Германии, на которую работала вся покоренная Европа, противостояла международная антигитлеровская коалиция. И в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. (0.43 по московскому времени) подписание акта о безоговорочной капитуляции рейха состоялось.

Чрезвычайно важная для всего человечества проблема была закрыта. Но что было дальше? А дальше было 5 марта 1946 г., в заштатном, ничем не отмеченном Богом городишке в углу США Фултоне, в безликом колледже появился — кто же? Тот же У. Черчилль, теперь, правда, уже экс-премьер той же Великобритании. Чтобы поддержать старину Уинстона, сюда же приехал кто? Свой кабинет в вашингтонском Белом доме покинул его хозяин — Г. Трумен. Вот так. Докладом Черчилля об особой ответственности Великобритании и США в деле сдерживания СССР и коммунизма началась «холодная война».

А что было потом? Потом было много всего и всякого. Столбовая дата — 1991 г. Новая эпоха набирает обороты, отодвигая Советский Союз всё дальше в прошлое. У сатирически мыслящих наблюдателей новый литературный штамп — эпоха тотальной постиронии: над чем еще можно было посмеяться — уже не смешно, скорее грустно и как-то еще. СССР

уже нет, а «сдерживание» по-прежнему цветет. Эти пресловутые санкции, особенно сейчас, во время российской операции на Украине. Не смешно и даже не грустно. А что же еще? Такая вот постирония.

Более уместна дискуссия о причинах и виновниках. Наши умники все эти годы с серьезными лицами продолжают утверждать, что США здесь ни при чем. Страну ничто бы не развалило, не будь наших собственных противоречий. Спорить трудно. Доля вины ортодоксов, после Сталина приходивших в Кремль, налицо, начиная с Никиты и кончая Борей и Мишей со всеми их командами.

А США, Запад? Мы уже второе столетие живем в условиях идеологической, политической и экономической борьбы. Она лишь иногда затихала. На нас сбрасывали тяжелые идеологические бомбы, мы на них тоже. Это исторически стало нормой для поколений. Вот и в вопросе разрушения СССР. Кто на этом поприще особенно старался? Понятно, что США. Ведь ими не только не отвергалось, а даже и не опровергалось то, что мы писали о них. И так десятилетия, целый век.

И вдруг как гром с неба. Из самого Вашингтона, от человека, известного во всем мире и многие годы представлявшего и олицетворявшего Америку. И такая компетентность: при двух президентах — Никсоне и Форде — был советником по безопасности президента США, государственным секретарем. И сегодня, в 99 лет, остается в строю. Хотя это не его официальное заявление, а всего одна фраза в интервью, без указания на какие-то документы или материалы: «Мы совершили преступление, разрушив СССР». И всё. Однако и в таком виде оно весомо, на него можно ссылаться. И сомнений в компетентности быть не может. Мы знаем, что он — Генри Киссинджер — знает, становясь, таким образом, источником сам.

Однако факт признания еще не решает. Практика юриспруденции знает и самооговоры. В любом случае другая сторона виновников разрушения СССР отнюдь не реабилитируется. Речь идет о наших внутренних противоречиях, их субъектах, прямых и сочувствующих, то есть о некоем сочетании, балансе внутренних и внешних факторов, внутринациональных и международных, внутри которых лежали как классовая борьба, так и противоречия внутри буржуазии как общемирового класса, с особой силой проявившиеся в эпоху империализма в форме конкурирующих на мировой арене различных монополистических групп.

Со всей очевидностью это проявляется и сегодня. Важной сферой жизни остается идеологическая борьба. В классово антагонистических обществах она, далеко не всегда заметная, пронизывает все стороны бытия, выливаясь в глобальную информационную войну, преследующую как политические, так и экономические цели. Даже международная политика, обеспечивая нормальные межгосударственные отношения, не отказывается и от попутных идеологических задач. К примеру, Лизавета Трасс —

министр иностранных дел Великобритании — как успела ее «поймать за руку» «Комсомольская правда», в определенном кругу признавалась: «Одна из целей моей поездки в Москву заключалась в том, чтобы убедить российский народ не поддерживать свое правительство».

Профессионально эту работу выполняет соответствующий идеологический аппарат в своем собственном государстве, действуя с позиций правящих элит, провластных и оппозиционных объединений. Признавая идеологическое многообразие, Конституция Российской Федерации [2] дает возможность решать идеологические вопросы на широкой демократической основе.

Современная эпоха, как принято считать, началась с революционного взрыва 1917 г., потрясшего Россию, а затем и весь мир, расколовшего ее пополам. И хотя через несколько лет мировой пожар, как казалось, удалось остановить, начавшийся процесс продолжался. Как определил в своих резолюциях Коминтерн, мировая революция, не сумевшая уложиться в отведенный ей короткий срок, займет целую эпоху [3: с. 14].

Эта эпоха (или один из ее этапов?) завершилась (с роспуском Коминтерна в 1943 г.? С возникновением мировой системы социализма? С распадом СССР?). Или же при всех ее перипетиях, удачах и поражениях, продвижениях вперед и отступлениях она продолжает свой путь? Кто, какие поколения ответят на эти вопросы? И если несмотря ни на что экономики мира сосуществуют, скоро или не очень скоро развиваются, государства и классы внутри них сохраняют в политике баланс, то в идеологии открыто и скрытно ведется истребительная война, война на уничтожение. Бескомпромиссно — они или мы. Они нас — как противное естеству, незаконнорожденное дитя. Мы их — как умирающие, наполовину уже разложившиеся тела, смрадящий, отравляющий атмосферу труп.

Мы или они — они или мы. Теоретически это противоречие можно решать глобально, методами атомной войны. Нажал на гашетку — и нет Хиросимы. Нажал — и Нагасаки туда же. А то и целой страны нет. Как предлагал, надо полагать в шутку (хороша шуточка?), сбросить на СССР 200 ядерных бомб — кто? Автор брошюры «Как нам обустроить Россию?» Александр Солженицын. (См. об этом в «Литературной России», 23.11.2018.) Ничего — веселый был мужик, да? Не отдельные попытки, а политика, уничтожение нашей страны, нас, муссируя, раздувая негативы из нашей истории, внушая нам антиисторизм, антигуманизм и практически всё, что отравляет нам жизнь.

Наши внутренние критики проникаются подлогами, а то и просто фейками, поставляемыми извне. В жанре философских эссе дискредитируются лидеры нашего прошлого. Сегодня уже и школьникам известно об усилиях советского руководства по восстановлению дореволюционных границ, укреплению государства, по организации народа в годы и по-

сле Великой Отечественной войны. Очевидной представляется и роль И.В. Сталина, особенно на фоне бездарности его преемников. И тем не менее вопрос, поставленный газетой «Литературная Россия» аж на целую страницу: «А был ли Сталин эффективным руководителем?» («Литературная Россия» 17.05.2019).

Показ эпохи через лица, через личности людей — творческое поле не только писателя, литератора, но и историка. Это не только те, кто на самом верху решает судьбы народов, но и на всех этажах нашей жизни, и в самом низу, в окопах всякой войны, идеологической тоже. Открытые человеческие лица — самый отзывчивый предмет, самый богатый объект педагогического воздействия. Тем более, когда воздействует столь же доверчивое лицо. Воспитание на примерах героев высоко котиновалось в советской школе. Понятно, что у различных частей общества свои цели воспитания и свои герои. В советском обществе, исключавшем из своего состава буржуазию, эксплуататорские классы, утверждалась однородность, которая питалась общностью не только классовых корней, но и общей заинтересованностью в единой и сильной государственной власти, гарантирующей стабильность в развитии по избранному пути. Признётся идеологическое многообразие и многопартийность. Государство и охраняемое им общество — это воплощенное единство в многообразии. Не конфронтационное *или* — *или*, а согласительное, объединяющее *и* — *и*. А если точнее, то речь скорее о синтезе двух тенденций, определяющих процесс *развития*.

Рассуждая о реалиях сегодняшнего российского общества, мы пока не говорим, куда оно идет. От острых *или* — *или* 90-х и нулевых годов мы переходим к современным *и* — *и*: процесс, в ходе которого сама логика жизни отбросит негативы и выведет нас на позитивы. А пока надо разобраться с лицами, виновными в катастрофе, постигшей нашу страну. Киссинджер признал долю вины США. А со своими мы, может быть, разберемся сами. Хотя это тоже непростая задача. Героем целой эпохи для одних (антигероем для других) остается Михаил Горбачев. В присные 90-е в Германии в честь него даже распивали специально придуманную водку «Горби». А у нас? Для граждан, приверженных Советскому Союзу, он бездарный политик и предатель. «Его заставили плясать под западную дудку, а он этого не понял», — свидетельствует в «Лит. газете» историк Р. Медведев («Литературная газета», 19-25.01.2022). Но это, оказывается не так уж и плохо, есть и другое мнение. В той же «Литературке», почти в то же самое время, другой автор умильно всплакнул: он (Горбачев) «освободил мир и Европу от страха, показал другой образ нашей страны — открытый и доброжелательный» («Литературная газета», 9–15.02.2022). Такая вот опять постирония — хоть смейся, хоть лезь на стену.

Вспоминаю, когда мальчишкой был студентом нефтяного техникума, у нас был хороший учитель истории, который приобщал к международным проблемам. Настолько, что мы даже пытались иногда думать за Сталина, Молотова. И вот сегодня я ставлю себя на место того мальчишки и пытаюсь разругать ситуацию 1991 года. В стране прошел референдум, 77, даже больше, процентов высказались за сохранение Союза в таком виде, в каком он существовал. 77! Это воля народа, государство обязано ее выполнить. И у государства для этого есть все средства, включая и принуждение. И их надо было использовать. Идти против воли народа, расчленять страну — это тяжчайшее преступление, которое государство обязано в корне пресечь. Так и должно было быть в 1991-м. Кажется, А.В. Руцкой предложил Горбачеву арестовать собравшихся в Беловежской пуще деятелей и даже готов был взять на себя эту функцию. Нужно только распоряжение президента. Но Горбачев не пошел на такой шаг. Последствия известны: распад великой страны и весь ералаш, который обрушился на просторы, практически весь XX век именовавшиеся Советским Союзом.

Ну а теперь о том, что обозначено в заголовке. В идеологической войне распределение ролей такое же, как и в обычной. В каждой армии свой верховный, свои командующие фронтами, свои генералы, офицеры и унтер-офицеры. И почти бесчисленная масса рядовых. В отличие от обычных, земных войн, физическая смерть не является выходом из строя. И у покинувшего земной мир Ельцина, и у недавно последовавшего за ним, а до того сохранявшего свои кости на подаренном клочке немецкой земли Горбачева существуют и активно воюют сторонники. У Власова и Солженицына. У Зои Космодемьянской и Александра Матросова. У 28 героев-панфиловцев и защитников Сталинграда. У всех. Все они живут, сосуществуя по принципу *и — и*, сохраняя в резерве и *или — или*.

Есть, впрочем, и категория *ни — ни* — ни с ними и ни с нами. Это так называемые обыватели, живущие больше чужими жизнями — перипетиями бытия по-своему знаменитых фигур — Надежды Толоконниковой из Pussy Riot, Пугачевой и Галкина, Евгения Петросяна и его жен и т.д. и т.п. Нейтралитет? Или просто неустойчивость? Но в целом общество, несмотря ни на что, достаточно сплоченно. Несмотря на суровые антироссийские санкции. В том числе и в период военной операции на Украине. Если до начала операции (10 февраля с.г.) работу Путина на посту президента одобряли около 64 процентов россиян, то уже в середине марта 74,5%. «Произошло объединение вокруг флага и вокруг лидера», — констатировал гендиректор ВЦИОМа В. Федоров [1].

Фронт идеологической войны необычайно широк. Все мы ее участники — независимо от профиля и рода своих занятий. Особенно, если мы — сама система образования, которая по своему назначению не только образовывает, но и воспитывает, формирует. Как-то в одной газете про-

читал об учительнице, которая на своем уроке стала отвечать на вопрос не по предмету, а по событиям на Украине и наговорила что-то не то. Делался вывод: читай, говори только сугубо свое, а не в свое — в политику — не лезь. Правильно? И нет, и да. Учитель — не только преподаватель-предметник, но и воспитатель в широком смысле, гражданин, общающийся с согражданами, идеологический боец. И даже не просто боец, а в определенном смысле как старший товарищ и командир. И мы в своем вузе, работая со студентами, не можем прятаться от их жизненных вопросов границами своего предмета. Преподаватель, профессор, ректор — в идеологизированном обществе все мы — наставники и командиры, а в государственном вузе — государственники. И тут нас нередко ждут свои испытания.

Не так давно на идеологическом поприще, в окопах идеологической войны обозначилась новая фигура. Если на военном языке, то своему масштабу не генерал, а в лучшем случае полковник. А если по-простому — внутрисистемный авантюрист Алексей Навальный. За несколько лет прошло несколько судебных процессов, посвященных этой персоне. Сейчас он отбывает срок, но поднятый в связи с ним шум как-то еще не угас. Ведь он претендовал на лавры национального борца против коррупции, выдвигал обвинения даже против президента. Претензии на место в Кремле вынашивал и сам, и его уже поддерживал Запад. А дома, в России, вокруг него стало складываться некое движение. На улицы вышла протестующая молодежь. Подумалось: а не проигрываем ли мы ее в таких эпизодах? Есть ли сторонники Навального у нас в университете, среди моих студентов? Оказалось, что есть. Я предложил одному из них, самому яростному, подготовиться и выступить с докладом: в чем и почему он поддерживает своего кумира. Увы, доклад оказался пустым. Сочувствующих оппозиционеру, по крайней мере в моей аудитории, не оказалось. А я (вспомнив популярный когда-то мотив «Наш адрес — не дом и не улица»), написал в наш университетский журнал статью «Наши — и дом, и улица», показывая абсурдность самой идеи поддержки молодежью склочного псевдолидера.

Общество наше разнородно, разобщено, но объединено в рамках государства. Государство как организация сохраняет и охраняет общество, состоящее из разных классов и других общностей, наций и этносов, гарантируя их демократическое развитие. Государство — главное, что удалось сохранить на протяжении веков и даже тысячелетий. И сегодня, несмотря на всеобщий характер противоречий, в том числе и своего собственного существования, государство остается стабилизирующим, упорядочивающим фактором. И в интересах общественного прогресса важно этот институт сохранить, сберечь. Государственничество, стремление к его сохранению, патриотизм — одно из условий бытия, существования человечества. Условие нормального, здорового развития общества — гражданское вос-

питание подрастающих, вступающих в жизнь поколений, способных решать свои задачи экономики и культуры, наверху и «на земле», в окопах истории и идеологической войны. Вот это наш фронт, педагоги.

Литература

1. Глава ВЦИОМ рассказал об отношении россиян к спецоперации на Украине // Известия, 14.03.2022.
2. Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2020. С. 6.
3. Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933.

ПОСТМОДЕРН КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ НЕОНАЦИСТОВ

*О.А. НЕМОВА,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры продюсерства и музыкального образования,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: nhl_@list.ru*

Аннотация: В статье представлен обзор происхождения, основных положений таких стилей, как модернизм и постмодернизм. Более полно представлены черты постмодернизма в современном искусстве. Дан сравнительный анализ продуктов художественного пропагандистского творчества украинских нацистов в период специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, продукты пропаганды украинских нацистов.

POSTMODERNISM AS A THEORETICAL FOUNDATION FOR THE PROPAGANDA CREATIVITY OF MODERN UKRAINIAN NEO-NAZIS

*O. NEMOVA,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Production and Music Education,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin,
Russia, Nizhny Novgorod
e-mail: nhl_@list.ru*

Abstract: The article presents an overview of the origin, the main provisions of such styles as modernism and postmodernism. The features of postmodernism in contemporary art are presented more fully. A comparative analysis of the products of the artistic propaganda creativity of the Ukrainian Nazis during the military operation in Ukraine is given.

Keywords: modernism, postmodernism, propaganda products of the Ukrainian Nazis.

В конце XX — начале XXI в. в культурном самосознании стран Запада прочно закрепилось понятие «постмодернизм». По сути, данный термин

обозначает «постсовременность», т.е. то, что идет после «модерна» («современности»).

Разочарование идеями модернизма произошло в первой половине XX века, чему способствовали серия революций, мировой экономической кризис, две мировые войны, массовое уничтожение людей с применением научных знаний, крах мировых империй и т.д. Вторая мировая война показала, что даже самые передовые страны, дальше всех продвинувшиеся в разработке идей гуманизма, могут идеи антигуманизма принять в качестве инструкции для реализации в жизни (немецкий нацизм и итальянский фашизм). Вершиной античеловеческой политики стало массовое уничтожение людей на полях сражений, чудовищное умерщвление в газовых камерах концентрационных лагерей, блокадах и атомных бомбардировках городов. На волне развенчания какого-либо идеала как такового и родился европейский постмодернизм.

Окончательное провозглашение начала эпохи постмодернизма в Европе можно отнести к 1968 году, а именно, в период победоносного шествия по странам и континентам так называемой сексуальной революции. К идеологам постмодерна традиционно принято относить Ж. Лиотара, М. Фуко, Ж. Деррида и т.д. Обращение к кантовскому постулату о непознаваемости мира («вещь в себе») окончательно похоронило веру в существование абсолютной истины. По мнению философов постмодернистского толка, правда о реальности — это всего лишь словесное ее описание, которое зависит от исторических, политических и культурных особенностей той или иной эпохи.

По сути, современная постмодернистская философия — это не что иное, как чистая спекуляция на философской почве. Например, как посчитать количество присутствующих в помещении или на площади? Можно применить суммирование согласно законам чистой математической логики, т.е. благодаря процедуре сложения пересчитать всех присутствующих. Иначе к этой проблеме подойдут постмодернисты. В средневековье, например, женщины не считались полноправными гражданами государства, их интересы перед обществом представляли только лица мужского пола, соответственно, подсчитаем только количество присутствующих мужчин. А если в качестве критерия для подсчета взять экономическую самостоятельность человека, то мы учтем только тех, кто способен сам себя полностью обеспечивать. И в первом, и во втором случае количество присутствующих в помещении будет различным и, разумеется, далеким от научной истины классической науки. Таким образом, мы наблюдаем в постмодернистской философии настоящий подлог, где объект познания, без каких-либо угрызений совести, легко, демонстративно подменяется средством познания. Соответственно, между правдой и ложью ставится знак равенства. Научное обоснование релятивизма, т.е. относительности истины,

как одного из ключевых постмодернистских постулатов, научно обосновывается и, более того, преподносится как модное, трендовое и правильное мышление. Однако для научного познания важно соответствие наших теоретических представлений объектам реальной действительности. Критерии истинности в науке также должны быть незыблемыми, без каких-либо спекуляций и подлогов. От точности научных выводов и рекомендаций зависит не только настоящее, но и будущее общества, его процветание и благосостояние.

К ярким примерам постмодернистского мышления в социологии можно отнести так называемую гендеристику. Подлог заложен в теоретико-методологических основаниях данного направления исследования, а именно, в уверенности в том, что социальный пол может быть первичен по отношению к биологическому. На заре зарождения гендеристики сторонники данного направления исповедовали идею возможного приобщения человека (независимо от его половой принадлежности) к культуре поведения противоположного ему пола, вплоть до смены половой принадлежности. Смена половой принадлежности, веками осуждавшаяся в социокультурном пространстве, воспринимавшаяся как аномалия или болезнь, неожиданно для всего мирового сообщества получила научное обоснование как нормального и даже желательного (!) варианта решения психологических проблем. В итоге мы сейчас являемся свидетелями того, как научные идеи, содержащие в своей основе методологические ошибки, а часто и откровенные подлоги (исследования Альфреда Кинси) [7], становятся инструкцией для организации практической деятельности в политике, образовании, культуре, экономике, семейно-брачной сфере и т.д. Легализация однополых браков, внедрение в образовательные программы детских дошкольных и общеобразовательных учреждений курсов, нацеленных на поиск своей социальной идентичности, попытки научного обоснования того, что в однополых браках дети получают больше тепла и родительского внимания, чем в традиционных гетеросексуальных парах. В погоне за либерализацией прав и возможностей человека мировое сообщество идет к точке невозврата, к той черте, за которой человеческое общество неизбежно подстерегает полная деградация и вымирание.

Между тем идеи философского постмодернизма особенно пришлись по вкусу современным творческим новаторам в сфере культуры и искусства. Желание удивлять, эпатировать, войти в историю любым способом, невзирая на последствия, толкает новаторов в социально-культурной сфере к поиску всевозможных форм самовыражения.

Основной целью написания данной статьи было желание показать важность понимания стилевого разнообразия современного искусства. Владение навыками и умениями идентифицировать стилевые направле-

ния в культуре и искусстве вооружит потребителя умением разбираться в смысловых подтекстах увиденного или услышанного. Начнем с основ, а именно, перечислим основные черты, которые свойственны постмодернизму:

- цель культуры не аристотелевское «очищение» в форме катарсиса, а развлекательность, эпатажность, кассовость;
- абсолютная свобода в средствах и методах самовыражения;
- переоценка, как правило через осмеяние, классических произведений искусства (широкую популярность получили ремейки, интерпретации, художественные цитаты, плагиат, аллюзии и т.д.);
- эклектика, смешение жанров, эпох, стилей и т.д. (объединение несоединимого);
- игровая форма подачи, приглашение зрителя включиться в игру со смыслом;
- ирония и самоирония, хохма, осмеяние, отсутствие нравственно-эстетических императивов;
- антропологический пессимизм, дрейфующий в сторону кризиса гуманизма.

В творчестве (если это, конечно, можно назвать творчеством) украинских неонацистов мы видим все перечисленные выше черты проявления постмодернистского стиля: отсутствие какой-либо этики и нравственности, глумление над святынями, над погибшими русскими воинами, использование классических произведений в своих пропагандистских целях, преподнесение лжи в качестве истины ради своих узкоутилитарных целей, например, получения материальной выгоды от своих кураторов или заказчиков [5; 6].

На рисунке 1 представлен вариант использования в качестве основы классического произведения, в частности картины основателя направления французского постимпрессионизма Ван Гога «Подсолнухи», и перерисовка в собственном видении данного произведения. В результате мы получили продукт постмодернистского стиля с неонационалистическим содержанием. На плакате украинских пропагандистов в изобразительной форме представлено желаемое видение будущего российской армии. Произведена переделка вазы под череп человека, что, вероятно, следуя логике создателей этого перформанса, должно вдохновлять украинских патриотов и вызывать ужас у россиян (см. рис. 1).

Анализ подобного рода продуктов показал, что авторство, как правило, является анонимным или намеренно не разглашается. То же, кстати, касается и авторов интернет-советов, которые, выражаясь словами классика (М.А. Булгаков «Собачье сердце». — *Прим. авт.*), дают советы и руководства к действию «космического масштаба и такой же космической глупости». Продукты украинского неонацистского содержания, наводнив-

Рис. 1. Сравнение картины Ван Гога «Подсолнухи» и агитки украинских нацистов «РФ: подземные войска»

шие в огромном количестве интернет, не имеют авторства и уникального названия. Возможно, современные пропагандисты, авторы подобного рода псевдотворческих потуг, боятся за собственную жизнь, т.е. повторить судьбу своих печально известных карикатуристов французского журнала *Charlie Hebdo* [1]. Отсутствие понятий «святое», «истинные ценности», «идеалы» (что как раз и характеризует постмодернистскую стилевую особенность. — *Прим. авт.*) стало приговором для художников, представивших на всеобщее обозрение карикатуру на пророка Мухаммеда. Возмездие настигло художников 9 января 2015 года, в лице сторонников исламского вероисповедания, пожертвовавших собственными жизнями за свои ценности, идеалы, убеждения и святыни. Данный пример показателен в том, что постмодернизм как стилевое направление в искусстве далеко не всеми признается и понимается. Более того, некоторые люди готовы жертвовать не только собственным благополучием, но и самым дорогим — собственной жизнью, отстаивая традиционные убеждения, полученные от своих предков.

Проявление неуважения и нетерпимости к русской нации и всему русскому проходит красной нитью через все продукты украинских неонацистов. Выражение нетерпимости к русской нации проявляется в сравнении последней с орками (представителями силы тьмы), что представлено на рис. 2.

Рис. 2. Сравнение кадра из фильма «Властелин колец: Возвращение короля», 2003 г. и интерпретация данного кадра украинскими нацистами

Осмеянию подвергаются и представители других наций и национальностей, которые являются сторонниками России в специальной военной операции на Украине. Причем ненависть носит зачастую избирательно-персонифицированный характер. Так, Р.А. Кадырова изображали в качестве убитого человека, лежащего в гробу. Фантазия создателей данного перформанса удивляет не только своей циничностью, но и изощренной витиеватости полета мысли. Якобы это обложка фильма «Тихий Дон» (апелляция еще к одному национальному автору — М. Шолохову), который якобы снял уже давно ушедший в мир иной идеолог украинского национализма Степан Бандера. Упоминание, что данный фильм якобы демонстрируется во всех кинотеатрах Чернобаевки, также не случайно. Данная пропагандистская продукция появилась в социальных сетях 28 марта 2022 года в период тяжелейших боев в данном районе Украины для объединенной российской, донецкой и луганской армий (см. рис. 3).

Рис. 3. Выражение ненависти к представителям других национальностей, поддерживающих Россию в специальной операции на Украине

Просмотр агитационной продукции современных украинских националистов приводит зрителя в полное замешательство. По замыслу, данные изображения должны вдохновлять украинцев на защиту своей Родины, вызывать чувство патриотизма и справедливой ненависти к врагу. Вспоминая агитационные плакаты времен Великой Отечественной войны (1941–1945), начинаешь осознавать масштабы трансформации культурных императивов [2]. В годы ВОВ созданием агитационных плакатов занимались профессиональные художники, обладающие не только талантом и мастерством, но и морально-этическими нормами. Перечислим наиболее известных художников данного исторического периода: Дмитрий Моор, Виктор Дени, Михаил Черемных, Ираклий Тоидзе, Алексей Кокорекин, Виктор Иванов, Виктор Корецкий, группа художников «Кукрыниксы», группа художников «Окна ТАСС» и другие [4]. Для наглядности приведем в качестве примера некоторые работы, которые фактически стали образительным символом борьбы советского народа с гитлеровским нацизмом — М.И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941) и В.Г. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1942). На первом изображена аллегорическая женская фигура на фоне штыков, держащая в руках текст военной присяги. На плакате В.Г. Корецкого изображена женщина, в ужасе прижимающая к себе ребенка, на которого направлен штык со свастикой (см. рис. 4).

Рис. 4. Агитационные плакаты М. И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» и В. Г. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!»

Автор статьи осознаёт, что сравнение в данном случае, можно сказать, народного творчества современных украинских блогеров — пользователей сети Интернет, владеющих навыками работы с графическими редакторами, — и художественного творчества профессионалов не совсем корректно. Было бы уместнее в качестве источников взять работы простых советских людей, рисовавших на стенах домов, в блокнотах, тетрадных

листах всё, что они реально думали о немецко-фашистских захватчиках. К сожалению, автор статьи не обладает такого рода историческими источниками и опирается лишь на официальные документы, получившие массовое распространение. Между тем мы считаем, что сравнительный анализ агитационной продукции времен ВОВ и современных украинских националистов всё же уместен по двум параметрам: форма охвата населения, масштабность распространения и наличие экстремальной ситуации, т.е. ситуации военного противостояния. В данном контексте творчество современных украинских националистов представляет особый научный интерес, так как отражает не только пласты наличного сознания, но и подсознания, демонстрирующего уровень морально-этического сознания современных украинских националистически настроенных пропагандистов, которому присущи черты постмодернистского мышления.

С особым рвением украинские националистические пропагандисты и агитаторы стараются осквернить те национальные символы, которые почитаемы россиянами или олицетворяют государственность. Нападкам подвергается как сам президент страны В.В. Путин, так и символы российской государственности — Московский Кремль, Мавзолей, российский флаг, герб и т.д. (см. рис. 5).

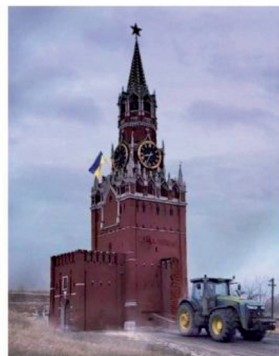

Рис. 5. Пример глумления украинского националистического содержания над тем, что олицетворяет историю и государственность российского народа и т.д.

Особое возмущение и неприятие вызывает глумление над военными, физически пострадавшими в ходе военной операции. Причем это, как правило, преподносится с особым цинизмом и изощренной глумливостью, презрением к каким-либо нормам морали и человечности. Есть вещи, над которыми нельзя смеяться по определению, какие бы события ни происходили и как бы ни было обидно и больно. Речь идет прежде всего об общечеловеческих ценностях. Уже в эпоху Древнего мира было запрещено глумиться над павшими в бою воинами. Само осмеяние смерти

и всего, что с этим связано, является признаком отсутствия какой-либо культуры (см. рис. 6).

Рис. 6. Осмеяние как постмодернистский прием украинских неонацистов над павшими российскими воинами.

Пример отсутствия каких-либо морально-нравственных императивов

Отсутствие у украинских националистически настроенных пропагандистов понятий «честь», «совесть», «стыд» особенно наглядно выражено в изображении российских военнопленных и людей, ставших инвалидами в результате военных действий.

Нацизм — это крайняя форма национализма и шовинизма, одно из самых омерзительных проявлений национального самосознания. По сути, Украина стала родиной возрождения неонационалистических идей, получившего художественное оформление в постмодернистском ключе. Реваншистские настроения, подкрепленные массовым обнищанием населения, коррумпированностью высшего управленческого государственного аппарата, отсутствием социального оптимизма — все это и стало благодатной почвой, на которой вырос украинский неонацизм.

Итак, постмодернизм как популярное умонастроение современных европейских и англосаксонских мыслителей, породило такой социальный феномен, как «постправда», который не имеет ничего общего с научной истиной. Спекуляции с подменой истины, критериев истинности, идеалов гуманизма в конечном итоге приводит к торжеству античеловеческих идей, возрождению фашизма и национализма различных видов [2; 3]. Таким образом, именно постмодернизм как современное стилевое направление в культуре и философии оказался наиболее востребованным в создании неонационалистического пропагандистского продукта.

Литература

1. Мечь за карикатуру: хроника самого кровавого во Франции теракта. URL: <https://clck.ru/q2hQ8> (дата обращения: 13.06.2022).
2. Немова О.А., Вагин Д.Ю., Ретивина В.В. Восприятие школьниками поколения прародителей-участников Великой Отечественной войны: опыт феноменологического анализа // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 3–3. С. 199–203.
3. Немова О.А., Ретивина В.В., Макарова Н.В. Патриотизм как социокультурный феномен: теоретические и практические аспекты // Глобальный научный потенциал. 2020. № 11 (116). С. 156–158.
4. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. URL: <https://clck.ru/ерVJm> (дата обращения: 13.06.2022).
5. Пономарев Н.Ф. Фейковые новости в контексте постправды. URL: <file:///D:/Users/NemO/Downloads/fejkovyie-novosti-v-kontekste-postpravdy.pdf> (дата обращения: 13.06.2022).
6. Чертов А. Фейковые истории экран покажет наш: как Украина врет в соцсетях (6 фото). URL: <https://clck.ru/eMgxu> (дата обращения: 24.03.2022).
7. Что такое шкала Кинси? URL.: inkiss.ru <https://clck.ru/q2dQd> (дата обращения: 13.06.2022).

ПАМЯТЬ О ПОСЛЕВОЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ: МЕТОД «УСТНОЙ ИСТОРИИ»

*Т.Ф. МАСЛОВА,
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры дополнительного образования
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
Россия, г. Ставрополь
e-mail:tatianaslova@rambler.ru*

Аннотация: В статье представлены эпизоды, характеризующие жизнь военнослужащего, сопричастную с возрождением Севастополя в послевоенные годы. Материалы воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны воспроизводят эпизоды восстановления разрушенного города, воссоздания его как базы Черноморского флота; условия жизни и службы военных моряков. Типичные характеристики биографии молодого человека, анализ активной деятельности и самоотверженности последнего военного призыва дают представление о поколении, определенном исследователями как «молчаливое», и позволяют внести коррективы в это определение. Обосновывается актуальность социальной, исторической памяти и ее изучение методом «устной истории».

Ключевые слова: послевоенные период, «устная история», «молчаливое поколение», военно-морская служба, профессиональное самоопределение, социальная биография, социализация.

MEMORY OF POST-WAR SEVASTOPOL IN THE SOCIALIZATION OF A GENERATION: THE METHOD OF “ORAL HISTORY”

*T. MASLOVA,
Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,
Professor of Additional Education of “Stavropol State Educational Institute”,
Russia, Stavropol
e-mail:tatianaslova@rambler.ru*

Abstract: The article presents episodes that characterize the life of a soldier, involved with the revival of Sevastopol in the post-war years. Materials of the memories of the veteran of the Great Patriotic War reproduce episodes of the restoration of the destroyed city, recreating it as the base of the Black Sea Fleet; living conditions and service of military sailors. Typical characteristics of the biography of a young man, analysis of active activity and dedication of

the last military conscript give an idea of the generation defined by researchers as “silent” and allow to make adjustments to this definition. The relevance of social, historical memory and its study by the method of “oral history” is substantiated.

Keywords: post-war period, “oral history”, “silent generation”, naval service, professional self-determination, social biography, socialization.

Исследование проблем исторически значимого прошлого в локальном и личностном измерении, в оценках процесса социализации во многом определяется обстоятельствами современной реальности. Одно из наиболее значимых — связано с «индивидуализированным обществом», которое отличает нарастание неуверенности и неопределенности, подавление тех проявлений человеческого духа, которые в прошлом вдохновляли людей к социальным преобразованиям [1: с. 56]. Поиск определенности обращает внимание на аттракторы самосохранения, самоидентификации личности; устойчивости и стабильности общественного развития. Эту функцию в определенной мере выполняет социальная, историческая память, понимаемая как сохранение и воспроизведение норм, практик, ценностных ориентаций, характерных для определенного исторического времени и обусловленных социально значимыми событиями.

Память о прошлом страны имеет множество форм и способов сохранения и воспроизведения, среди которых выделяются очень важные составляющие — истории семей, родов, фамилий, отражающих историю и жизнь конкретных людей, с одной стороны, и нравственные ориентации, переданные поколениям, — с другой. Поэтому сегодня, с признанием рисков искажения и утраты духовного арсенала социальной памяти о Великой Отечественной войне и ее последствий в судьбах людей, актуализируется роль анализа нарратива, трактуемого как повествовательный текст, функции которого — информировать адресата о событии [2: с. 96].

Одним из методов здесь является метод «устной истории». Это практика научной организации информации участников, очевидцев событий, изложенной в разных формах. Нельзя не согласиться с заключением о том, что история социального времени в изучении общества «привлекает все больше исследователей, которые, анализируя письма, дневники, мемуары рядовых граждан, получают совокупный социально-психологический и нравственный портрет эпохи, не искаженный последующим идеологическим редактированием» (Е. Ямбург) [5: с. 420].

Остановимся на примере анализа информации, полученной из воспоминаний, связанных с дорогой в послевоенный Севастополь 1945—1956 годов, и жизни в нем представителя так называемого молчаливого поколения. Согласно теории поколений (У. Штраус, Н. Хау), представители поколения разделяют одну историческую эпоху, сталкиваются с оди-

наковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями. Временной отрезок жизни представителей «молчаливого поколения» (1923–1943 г.р.), или «поколения зимы» (Е. Шамис), ознаменован Великой Отечественной войной, сталинскими репрессиями, послевоенной реабилитацией, холодной войной. Исследователи подчеркивают: «Они родились перед самой войной, пережили все ее ужасы, видели, как воюют герои — рожденные в экономическую осень. Их семьи пострадали от массовых репрессий. Предназначение этого поколения — выжить и прославить тех, кто совершил подвиг» [3].

Поэтому представителей поколения, названного молчаливым, отличают те качества, которые позволяют вносить коррективы в данное определение. Отметим, что им свойственны вера в светлое будущее, слияние личных интересов с интересами государства, коллективизм, самоотдача, самоотверженность — как раз то, что способствует новым стартам в восстановлении и развитии; проявляется в жизненном мире, который формируется в разных территориях единой страны послевоенного периода 1945–1953 гг., в социальных биографиях людей.

Данные характеристики находим в воспоминаниях ветерана Великой Отечественной войны, капитана в отставке, журналиста — Федора Ивановича Губанова (1927–2017), уроженца степного Ставрополя, чья судьба в послевоенный период тесно связана с Черноморским флотом и Севастополем, служением Победе и миру. В своих дневниках он пишет: «... судьбы юношей последнего военного призыва были разные. Сразу после победы над Германией кто-то был направлен из Моздока в Иран добывать немецких оккупантов, а кто — в авиацию. Значительная часть моих сверстников была мобилизована на флот, на корабли и береговые части. И каждый из них смог бы с чистой совестью сегодня смотреть своим потомкам в глаза за исправно исполненный долг перед Родиной...»

Свою причастность к этим событиям автор строк описывает в дневнике, фрагменты которого представлены в данной статье.

Направление в Севастополь. Участие в восставительных работах (1945).

- «После расформирования седьмого учебного стрелкового полка 49 пехотной дивизии в г. Моздоке, где проходил подготовку, призванный в 1944 году несовершеннолетним, состоялся отбор на службу в военно-морской флот. Самое высокое требование предъявлялось будущим телеграфистам, которых называли “глаза и уши корабля”. В эту группу был зачислен и я».
- «Ехали мы на морскую службу в пассажирском поезде. Железная дорога после войны сплошь и рядом была разрушена. Перед въездом в столицу моряков в г. Севастополь, нырнули сначала в одну туннель, затем в другую. Из шестой — выехали почти в центр горо-

да, к самой Южной бухте, где до войны красовался славный корпус конечной станции».

- «Контингент нашего последнего военного призыва был размещен в полуразрушенных зданиях флотского экипажа на Корабельной стороне... Личный состав разместили в армейских палатках на расширенной территории. Всего набралось 16 тысяч армейцев.

В первые дни пребывания вместе с военнопленными очищали территорию от завалов, помогали саперам обезвреживать заминированные участки. Ведь все, что называлось до войны городскими постройками, представляло собой сплошное кладбище строительного мусора...

Работа шла круглосуточно. В таких условиях очень непросто было поддерживать санитарную культуру... Многие травмировались, болели. Особенно донимала москитная лихорадка, которой и мне пришлось отведать. Температура тела доходила до 40 градусов! Валила с ног. Многие не выдерживали и попадали с осложнениями в госпиталь...»

Военно-морская служба в Севастополе (1953–1956).

Как известно, после завершения Великой Отечественной войны свой отсчет начинает холодная война; послевоенные изменения касаются реформирования армии, спецслужб, флота, что становится фактором социальной биографии, которая связывает личностные события современников и события жизни страны и общества. Это достаточно ясно отражено в воспоминаниях.

- «Школу связи в г. Николаеве окончил успешно. Практику прошел на гвардейском эсминце “Сообразительный” и линкоре “Севастополь”. По всем предметам — отличные оценки. Вот с таким багажом нас направили продолжать военно-морскую службу на корабли и береговые воинские части. Мое первое назначение — 62 аварийно-спасательный отряд, расположенный в г. Поти Грузинской ССР».
- «Спасательное судно “Алтай”, куда нас — радистов определили для доставки к месту назначения, стоял у стенки неподалеку от Графской пристани. На нем через главные ворота Севастопольской бухты и отправились на службу, которая продолжалась с 1946 по 1953 год».
- «И вот срок моей службы подходит к концу... В это время поступил приказ о переводе меня, то есть уже мичмана Губанова Ф.И., для продолжения воинской службы в Севастополе в должности старшины команды радиотелеграфистов на подводной лодке С-89».
- «“Вот те раз, а как же договор о сверхсрочной службе на 10 лет, и только в Николаеве?” Однако к приказу отнеслись с пониманием».

- «От причала Николаевского морского вокзала им. Макарова, где строился наш корабль, мы отошли к месту своей приписки в главную базу Черноморского флота своим ходом в октябре 1953 года... По прибытии в Севастополь немедленно приступили к отработке боевых задач для подготовки боевого корабля к государственной аттестации».

Что заставляло, согласно известной песне, «раньше думать о родине, а потом о себе» (И. Шаферан)? Очевидно, что это не только приказ, но и высокая степень гражданской ответственности. Читаем в дневнике:

- «...вопрос о полной безопасности государства уже после войны с Германией не был решен до конца... В 1948 году возник секретный план Даллеса по противоборству и уничтожению СССР... Что можно было противопоставить противнику в то время? Это наш мощный подводный флот... Мне выпала честь возглавить команду радиотелеграфистов подводной лодки С-89...»
- «Боевые выходы в море по приходу в Севастополь и по окончании швартовых испытаний с полным вооружением (торпедным и артиллерийским) начались без промедления. В составе команды судна патрулировали нейтральные воды Черноморского бассейна. Под перископом вели постоянные наблюдения за турецкими военными базами. Контролировали пролив Босфор. Так длилось три года. И не было ни одного случая пропуска неопознанного корабля противника...»

Эти и другие примеры отражают деловые и личные качества вчерашних степных мальчишек, по большинству из крестьянских семей российских окраин, усвоивших ценность жизни, долга; свою сопричастность к судьбе родины.

- «Морская служба требовала от каждого члена экипажа полной отдачи сил и умений, и вовсе не была безопасной...» — повествует автор.

А вот как описывается восприятие одного из событий, потрясших флот и город Севастополь.

- «Трагедия на Черном море разыгралась 29 октября 1955 года. Ровно в половине второго ночи в Севастопольской бухте произошел подводный взрыв под флагманом флота — линкором “Новороссийск”. В это время как раз шло учение эскадры. Мы на своем корабле были в “засаде” в Батуме. И вдруг радиограмма: “Срочно возвратиться на базу”... В работах по спасению корабля и личного состава мы участвовали в составе первой эскадры... Нужно было усиленно охранять выход из Северной бухты.»
- «Морской гигант затонул в Северной бухте на стоянке против морского госпиталя... Трудно было предположить, что на судне не была совершена диверсия... Ведь просачивались сведения о диверсиях противника и на других флотах, особенно — на Северном,

где в срочном порядке отстраивалась и укреплялась новая военноморская база подводных лодок...»

Бытовое устройство военнослужащего в городе.

Описания условий жизни в послевоенном Севастополе отражают все сложности послевоенного быта, выделяют преимущества положения военнослужащих, а также показывают примеры человеческих отношений и поддержки.

- «Денег на переезд семьи у меня не было. Пришлось обратиться к командиру новой лодки капитану второго ранга Старикову Николаю Александровичу. Он внимательно выслушал и по-братски похлопал по плечу. “Попрошу у финансистов свой командирский резерв в 600 рублей”. Так и вышло. Я очень довольным остался щедрой помощью своего командира».
- «Но вот как определить свою семью в переполненном воинскими частями городе? Однако добрые люди подсказали попытаться счастья на самой окраине города — Красной горке. Туда реже заглядывали такие страдалцы. Уж слишком далеко от центральной части морской крепости... А уже через пару недель наша воинская часть 20537 (почтовый индекс подлодки) взяла меня на квартирный учет с выплатой 150 рублей квартирных ежемесячно. С тех пор началась наша стационарная жизнь в новом городе. Хоть и не близко до моей службы — аж 4 км! Но другого выхода не было... А питались в новых условиях мы вполне сносно. Мое денежное довольствие с учетом морской и подводной надбавки составляло 185 рублей. По тем временам это немало, если учесть стоимость продуктов на рынке. К примеру, килограмм камбалы стоил всего 40 копеек».

Профессиональное самоопределение в условиях службы на базе Черноморского флота.

Как видно из записей, представители так называемого молчаливого поколения военнослужащих в Севастополе имели возможность для своего профессионального роста и развития. Желание учиться и проявлять себя сопровождалось осознанным стремлением к самореализации и служению, что не соотносится с термином, используемым для характеристики современников послевоенного периода.

- «В Севастополе продолжил свое образование в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Главном политическом управлении Черноморского флота. Оплата (за учебу) 200 рублей за год. Окончил учебу по всем предметам успешно. Образование — высшее политическое, политолог... Политическое образование очень помогло в военной карьере. Мне было присвоено очередное воинское звание — мичман. К этому времени я уже был членом КПСС. Политуправление рекомендовало меня к избранию секретарем партийной организации корабля.

- «Севастополь положил начало моей практической журналистики через сотрудничество с редакцией флотской газеты “Флаг Родины”».
- «Касаясь краткого обзора должностных и партийных обязанностей, невольно вспомнил свой разговор с начальником школы связи полковником Яновым, когда он впервые сообщил мне о переводе на действующий флот: “Такие ребята, как вы и ваши товарищи, для укрепления обороны нашей страны”. И он оказался прав, поэтому благодарен ему за то, что лишний раз напомнил о высокой ответственности призванных на службу досрочно. ...Потом долгое время призывать было некого...»
- «А ровно через год началось тотальное сокращение вооруженных сил страны, в том числе и сверхсрочной службы. ...Бытовые неурядицы, риск подводной службы, особенно после отравления газами на одном из учений, положили конец военной карьере, которой отдано 12 лет упорного труда и моральной выдержки... Прощай, Севастополь! Снимаю погоны».

Таким образом, анализ приведенной устной истории одной жизни раскрывает трудности и силы восстановления Севастополя в послевоенный период; о том, что статус города как военно-морской базы Черноморского флота привлек юношей и молодых людей последнего военного призыва для выполнения стратегически важных задач, стоящих перед страной; сыграл судьбоносную роль в социальной биографии поколения.

С учетом его (поколения) динамической структуры, созидательной энергии людей, которую отражают представленные факты служения, гражданской ответственности, творческой и образованной популяции людей, позволим себе скорректировать определение, данное когорте людей, чья жизнь выпала на период «молчаливого поколения».

По определению Е. Евтушенко, это поколение предрасположенных к страху людей, но отчасти победивших его [4]. Реальность состоит в том, что оно продемонстрировало такую особенность социализации, как способность совладания с вызовами войны; преодоления ее последствий. Это по критериям убеждений, моделей поведения, социального влияния, с нашей точки зрения, в большей степени соответствует условному определению — «реактивное поколение».

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Евстегнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4.

3. Ожиганова Е.М. Теории поколений Н. Хаува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. Международный электронный журнал. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения: 03.05.2021).
4. Поколение бесстрашных романтиков. URL: <http://gretitor.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).
5. Ямбург Е.А. Беспощадный учитель: педагогика non-fiction. М.: Бослен, 2018. 464 с.

«РУССКОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*В.М. СТОРЧАК,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва
e-mail: v.storchak@yandex.ru*

*М.В. СТОРЧАК,
аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва
e-mail: punart89@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме «русскости» в философско-историческом и культурологическом дискурсе. Государственный аспект проблемы выявляет разность подходов в исторической науке к вопросу о времени возникновения российского государства, корни которого, по мнению авторов, лежат в средневековой концепции «Москва — Третий Рим», носящей наднациональный характер.

Ключевые слова: «русскость», Россия, национальный, государственный, наднациональный, «Москва — Третий Рим».

“RUSSIANNESSE” IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL, CULTURAL AND HISTORICAL DISCOURSE

V. STORCHAK,

*Professor of the Department of State-Confessional Relations,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow
e-mail: v.storchak@yandex.ru*

M. STORCHAK,

*Postgraduate student of the Department of State-Confessional Relations,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow
e-mail: punart89@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the problem of “Russianness” in the philosophical, historical and cultural discourse. In the national aspect, the importance at the present stage to defend the purity of the Russian language and knowledge of Russian literature is shown. The state aspect of the problem reveals the difference in approaches in historical science to the question of the time of the emergence of the Russian state, the roots of which, according to the authors, lie in the medieval concept of “Moscow — the Third Rome”, which is supranational in nature.

Keywords: “Russianness”, Russia, national, state, supranational, “Moscow — The Third Rome”.

Современная ситуация в России привела не только к определенным внешне-политическим, но и социально-экономическим проблемам в стране. Исторический опыт свидетельствует о том, что подобная ситуация может иметь неблагоприятные последствия, отражаясь и на внутривнутриполитической ситуации в государстве, при которой, как показывает практика, встает и национальный вопрос, в частности, проблема «русскости» как таковой, и проблема русских, проживающих на территории России. В связи с этим возникает актуальная потребность в исследовании указанного феномена с целью его дальнейшего широкого обсуждения. По нашему мнению, существует четыре подхода к решению проблемы — с этимологической, национальной, государственной и наднациональной точек зрения.

I. В этимологическом плане. В исторической науке до сих пор не существует четкого понимания того, откуда пошло название «русского» народа. Академик Б.А. Рыбаков, как известно, полагал, что это название происходит от речки «Рось», что недалеко от Киева; его оппонент профессор А.Г. Кузьмин — от острова «Рюген» на Балтике. Современные русские неоязычники черпают свою информацию из «Велесовой книги». Существуют и другие точки зрения.

Ряд историков в решении этого вопроса обращаются к весьма важному историческому документу, откуда, собственно, и черпаются основные наши сведения о восточных славянах и Древней Руси — «Повести временных лет». В этом документе, напомним, сообщается следующее: «...пришел князь Рюрик со своим племенем русь». В исторической ретроспективе это положение документа получило название «легенда призвания варягов на Русь». Вплоть до Святослава русские князья (Олег, Игорь, Ольга, Владимир) имели германские имена, а последующие правители, включая Федора Иоанновича, вели свою родословную от скандинавов-германцев «Рюриковичей».

В происхождении названия русского народа от скандинавского корня нет ничего зазорного. Так, население США совершенно не комплексует от того, что имя их страны идет от португальского мореплавателя Америго Веспуччи, а французы не смущаются тем, что ведут свое название от германского племени франков. И таких примеров можно привести довольно много. Тем же «русофилам», которые кичатся своим мифическим происхождением, черпая познания из «Велесовой книги», надо посоветовать больше обращаться к проверенным историческим источникам.

II. В национальном плане. Именно великорусский народ (великороссы, княжества которых находились на северо-западе Руси) способствовал освобождению от ордынского ига и возникновению сначала крупного и независимого государства — Московского царства, а затем на его основе — могучей Российской империи. Именно русский народ стоял у истоков нашего государства. И сегодня он является цементирующей основой России, сплавившая вокруг себя остальные народы нашей великой страны. В этом смысле необходимо понимание того, что без русского народа у России как единого и суверенного государства нет никакого будущего. Вот что писал по этому поводу известный до революции общественный деятель Л.А. Тихомиров: «Вся история полна примерами того, что нация переживает полное крушение государства и через столетия снова способна создать его... Вообще — нация есть основа, при слабости которой слабо и государство; государство, ослабляющее нацию, тем самым доказывает свою несостоятельность» [3: с. 221]. Схожие мысли, только уже по поводу германской нации, можно найти у Освальда Шпенглера в книге «Закат Европы».

Поэтому сегодня так важен не только демографический аспект развития русского народа (данная тема остается за скобками наших рассуждений), но и знание русской культуры — наследства, которое он оставил всему российскому народу:

1. **Общегосударственный русский язык:**

- он сегодня засорен американизмами и интернет-языком, большинство заменителей которого можно с легкостью найти в русском

языке, к примеру, креативный — творческий, менеджер — управляющий, бизнес — предпринимательство и т.п.;

- страдает наличием огромного количества специальных финансовых, экономических, политологических и др. терминов. Большинство россиян зачастую не понимает, о чем идет речь. Поэтому сегодня необходимо либо заменять иностранные термины на понятные народу слова, либо пояснять значение слов, т.е. в процессе передачи информации осуществлять краткий ликбез по воспроизведенным понятиям.

2. **Русская литература** — катастрофическое незнание студентами литературы. Одно время изучение истории в педвузах СССР находилось в тесной связи с изучением литературы (к примеру, историко-филологический факультет в МГПИ им. В.И. Ленина). Из этой системы образования вышли такие мэтры отечественной гуманитарной науки, как Лотман, Живов, Аверинцев, Успенский и многие др. Некоторые из них стали основателями целых школ или направлений в историко-филологической науке (к примеру, «Тартуская школа Ю.М. Лотмана»).

Другими словами, сегодня в педвузах необходимо делать упор не на профессиональных, узкопрофилированных историков (чем грешат наши педвузы), которые должны обучаться в соответствующих специализированных учебных заведениях (Историко-архивный институт, МГУ, СПбГУ и т.п.), а на *преподавателей истории* вкпе со знанием *литературы*. Как, например, воспринимать тип «лишних людей», изображенный классиками отечественной литературы — от М.Ю. Лермонтова до А.П. Чехова, без соотнесения их персонажей с указами Петра III или Екатерины Великой; или как понять основные тенденции социально-экономического развития России во второй половине XIX — начале XX в. вне рассмотрения деятельности российских предпринимателей, большей частью — старообрядцев, образы которых так ярко были отражены в произведениях драматурга А.Н. Островского и т.п.

3. Наукой доказано, что незнание «кого-то» или «чего-то» в психологическом плане уже подсознательно приводит к подспудному страху, различным фобиям перед неизвестным, а следовательно, и к отчуждению, неприятию и отторжению. Незнание культуры народа, вместе с которым мы проживаем, в конечном итоге является питательной почвой для ксенофобии, высокомерного шовинизма или местного национализма. Поэтому так важно, особенно в сегодняшнее непростое время, культивирование этих знаний, начиная со школы, в СМИ, и особенно на телевидении. Необходимо понять, что коммерциализация телевидения, игнорирование пропаганды культуры в угоду низкопробным американским фильмам и доморощенным уголовным сериалам есть не что иное, как подрыв национальной безопасности России. В конце концов, центральное и местное

телевидение существует и на наши с вами деньги, на деньги налогоплательщиков, и государственные органы вместе с общественными организациями вправе вмешиваться в тематическую и репертуарную политику телевизионных каналов в пользу большего изложения материалов, посвященных культурному аспекту народов России.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько критических слов по поводу тематической политики общероссийского канала «Культура». Нет сомнения, что, в отличие от других федеральных каналов, его передачи качественно отличаются в лучшую сторону. Но тематика в основном направлена на культивирование так называемой высокой, с эстетической точки зрения, культуры, которая относится в большей степени к культуре общемировой. Тогда как национальная культура, представляющая быт, традиции, обычаи, религию и искусство народов России, о необходимости культивирования знаний о которой было сказано выше, на этом канале присутствует лишь в незначительной степени.

III. В государственном плане — с какого момента можно говорить об истории Российского государства? В исторической науке существует несколько точек зрения на эту проблему:

1. 862 г. — призвание варягов на Русь — официальная версия и формальная дата начала истории России. Эта дата основана на том, что династия русских князей впоследствии вела свою родословную от пришедшего в Новгород конунга (князя) Рюрика со своей дружиной. Если исходить из этой логики (родословной), то необходимо начинать ее с прихода князя Романа Захарьина из Великой Литвы на Русь во второй половине XV в., а не с воцарения Михаила Федоровича после Смутного времени в 1613 году.

2. 882 г. — вероломный захват Киева Олегом, при котором обманым путем были убиты варяжские конунги Аскольд и Дир. Эта дата более всего подходит для обозначения начала истории России, потому что именно с Олега начинается процесс объединения разрозненных восточнославянских княжеств в единое государственное формирование, которое уже на рубеже IX—X вв. получило название Киевская Русь. Проблема состоит только в том, что сам факт появления государства омрачен этическими моментами (обманом, вероломством, убийством).

3. Вторая половина XV в., начиная с правления Ивана III. Этот период характеризуется следующими аргументами в пользу начала нового государственного образования:

- 1480 г. — фактическое освобождение от ордынского ига — появление нового государственного формирования: сначала Великого княжества Московского при Иване III, а затем и Московского царства при Иване Грозном в 1547 году и, в конечном итоге, Российской империи при Петре I;

- к этому времени окончательно сложилось образование нового народа — великороссов, который возник благодаря смешению различных народов: восточных славян, угро-финнов и многонационального состава представителей Золотой Орды. Благодаря активному кровосмешению (мутагенезу) появилась новая нация — великороссы с ярко выраженным пассионарным началом (Л.Н. Гумилёв). Нужна была идеологическая «спичка», «бикфордов шнур» для его великодержавного воспламенения;
- концепция «Москва — Третий Рим» и стала тем идеологическим стеновым хребтом, явилась основой для возникновения российской цивилизации. С момента своего возникновения на рубеже XV—XVI вв. и в последующее время эта концепция служила идеологическим обоснованием для российского государства.

IV. И, наконец, последний подход к освещению «русской» проблемы — наднациональный. Его истоки имеют многовековую историю, включая религиозно-историософский подтекст. В его основе лежит средневековая концепция, согласно которой после отпадения Римской Церкви (1054) и крушения Византийской империи (захват Константинополя турками-сельджуками в 1453 г.) Россия стала «избранницей Божьей» для сохранения и проповеди христианства и удержания всего человечества от отпадения его под власть Антихриста. Святая Русь — именно таким стало наше эсхатологическое историческое наименование — есть последнее богоизбранное православное царство в конце мировой истории. Данная концепция известна под названием «Москва — Третий Рим».

С этого момента, согласно отечественной мысли, русскому народу определено **особое, мессианское служение**:

1. В православно-историософском истолковании оно заключается в обязанности «богоизбранного» русского народа хранить в чистоте и неповрежденности догматическое вероучение православия, давая возможность другим народам обратиться к спасительному и неискаженному христианству. Именно эта роль России как последнего убежища истинной веры, последней всеми гонимой Церкви времен общей Апостасии и воцарения Антихриста, придает русской истории особый, вселенско-историософский смысл. Понятие «русский» в этом смысле не является этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий богоустановленность данного служения, отождествляющий себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национального происхождения [5: с. 6—8]. Данная мировоззренческая установка стала в дальнейшем основой для мыслительной рефлексии русской философской мысли в качестве разработки понятия «русская идея».

2. В славянофильстве. Одним из самых ярких и, может быть, наиболее оригинальным поборником этой идеи был славянофил А.С. Хомяков. Он рассматривал понятия «народ» и «нация» как две самостоятельные категории. Для первого характерно его содержание как социальной группы (крестьянство, купечество, духовенство, дворянство и т.д.). Русскую же нацию он характеризовал как цельный государственный и религиозный организм, некую сверхэмпирическую реальность, которая сохраняет «духовный облик России» и ее веру. Вместе с «величайшими русскими гениями и святыми» «Святая Русь» фокусирует в себе лучшие нравственные начала человечества.

3. Неославянофилы. Тема «русскости» и «православия» занимала значительное место и в учении неославянофилов. С точки зрения их представителей, русский народ живет исключительно идеей православия, хоть и не понимает эту идею отчетливо и рационально: «Атеист не может быть русским» (Ф.М. Достоевский). Более того, само наличие православной веры изначально выявляет определенную степень «русскости» человека, степень его близости («своячности») к русскому человеку [1: с. 274]. Фактор «обрусения» для них выявлялся не только и не сколько через язык и культуру, а, прежде всего, через принятие другими народами православия. И чем больше православного населения будет в стране, тем крепче и непоколебимее будет государство. «Поймите, прошу вас, разницу, — обращается Леонтьев в письме Розанову, — русское царство, населенное православными *немцами*, православными *поляками*, православными *татарами* и даже отчасти православными *евреями*, при численном преобладании православных *русских*, и русское царство, состоящее, сверх коренных русских, из множества *обруселых* протестантов, *обруселых* католиков, *обруселых* татар и евреев. Первое — созидание, второе — разрушение» [4: с. 189].

Вера в цельность и органическую «симфонию», нерасчлененность и «естественность» взаимодействия православия, самодержавия и народности способствовала, с точки зрения неославянофилов, воспитанию *исключительных нравственных качеств* русского народа. К ним относятся: склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению в противовес романо-германской склонности к насилию и подчинению; способность к долготерпению, всепрощению, кротости и добросердечию; всечеловечность; немещанский дух русского народа и т.п. Помимо перечисленных качеств, неославянофилы уверовали в способность русского человека усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций [4: с. 63]:

- для Н.Я. Данилевского «русская идея» заключалась в спасении Россией всего славянского мира от колониальной и религиозной экспансии Запада [2: с. 367]. Для этого необходимо было создать

под эгидой России Всеславянский Союз с центром в Константинополе;

- согласно К.Н. Леонтьеву, Россия должна дать миру новую культуру и заменить славяно-восточной цивилизацией «дряхлающую» и «отходящую» цивилизацию романо-германской Европы [6: с. 73];
- Н.Ф. Федоров видел «русскую идею» в «охранительно-сторожевой» функции России — быть буфером между Западом и Востоком;
- Ф.М. Достоевский верил в мистический образ «русской идеи» — показать всему миру, когда придет время, русский «образ Христа» и привлечь все народы к этому образу и т.д.

Суть же «русской идеи» («русского социализма») исходит из «богоности» души русского народа и веры неославянофилов в его *мессианское предназначение*;

- в начале XX века «русская идея» также была актуальна в среде русской философской мысли. По мнению таких ее представителей, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.А. Степун и многих других, при всей разности их подходов к этой проблематике, каждая нация имеет свое провиденциальное божественное задание. Предназначение русского народа заключается в сохранении православия и тех ментальных нравственных качеств (всемирная отзывчивость, склонность к долготерпению, всепрощению и т.д.), которые православие привило русскому человеку. В этом и состоит, с их точки зрения, наднациональная сущность «русскости»;
- в левой общественно-политической мысли можно также заметить мессианские черты «русской идеи»: для народников (эсеров) «русская идея» исходила из веры в «русский социализм», который находит свои корни в крестьянской общине; для большевиков таким всемирным Мессией стал «русский пролетариат», который явится, наподобие Иисуса Христа, революционным зачинателем новой жизни для всего человечества;
- в советское время можно было увидеть старые мессианские переделки «песни о главном»: «Вместо Третьего Рима Москва стала местом для Третьего Интернационала» (Н.А. Бердяев). Только теперь не русский пролетариат, а советский народ (согласно Конституции 1977 г.) станет мессианской предтечей для «Царства Божьего на земле» — коммунизма.

В новой истории России прошлая русская мессианская концепция канула в лету. Конституция 1993 года (ст. 13) вообще запрещает государству иметь какую-либо идеологию. Данная статья подтверждает мысль отечественных дореволюционных философов об отсутствии «срединного начала»

в характере российского человека, его непреклонном максимализме: с одной стороны, начиная с XVI века, российское государство несколько столетий основывалось в своем развитии на указанной выше мессианской идеологии; с другой — нынешнее государственное право вообще запрещает иметь под собой хоть какие-то идеологические основы. Но в таком случае возникает вопрос: а чем цементировать, «склеивать» (Э. Дюркгейм) российский народ? Какая идея будет интегрировать наше поликонфессиональное и многонациональное государство в единое целое. С нашей точки зрения, за недолгую историю Российской Федерации было принято несколько неудачных попыток:

- придать нейтральный, космополитический тезис о либерально-демократических ценностях (1990–2010);
- предложенная Государственной Думой идея «суверенной демократии»;
- лозунг «инновации и модернизации» в 2008–2012 гг.;
- популярный в официальных средствах массовой информации тезис о традиционных и консервативных ценностях.

На наш взгляд, современная для России проблема «русской идеи» или, как принято говорить сейчас, «национальной идеи» напрямую соприкасается с вопросом о «русскости»: в каком контексте его содержание должно звучать сегодня? Если исходить из идеологического посыла «национальной идеи», то, несомненно, содержание «русскости» должно звучать именно в **наднациональном смысле**.

Проиллюстрируем этот вопрос на конкретном примере. Любая цивилизация или же государство державного типа, которое включает в себя поликонфессиональный и многонациональный состав населения, для того чтобы успешно функционировать и существовать бесконфликтно, должно включать в свою идеологическую систему определенные элементы наднационального характера, сплачивающие и объединяющие разные народы и конфессии между собой. Эти элементы придают государству черты легитимной устойчивости, где народы осознают необходимость и оправданность совместного проживания и существования; ощущают себя единой нацией, предназначенной для выполнения определенных сверхзадач:

- древний римлянин был настроен и сориентирован на создание “*paх Roman*”, в котором римская империя выполняла цивилизаторскую сверхзадачу;
- современный гражданин США вдохновлен на создание “*paх American*”, который несет миру образцы «необходимой ему» культуры и демократии. В этом, по мнению простого американца, состоит и провиденциальная роль США. “*God bless America*” — таков лейтмотив религиозно-историософской картины мира рядового

американца. США для него — богоизбранная страна, «земля обетованная», которой поручена великая миссия, и он чувствует себя сопричастным этой миссии. Данная ментальная установка настроена на возвеличивание самого себя и своей страны в глазах других народов и государств; на осознании ее нужности и необходимости не только для себя, но и для всего мира. Именно с этой точки зрения можно воспринимать США в качестве «плавильного котла», в котором конфессионально-народное «Я» итальянца-католика и китайца-буддиста, англосакса-протестанта и афроамериканца-мусульманина и т.д. превращается в национальное «Мы» — американцы. Такая квазирелигиозная установка, в которой божественное, трансцендентное начало лишено конфессионально-национальной самоидентификации, получила в современной науке название «гражданской религии».

Резюмируя наше прошлое, можно сказать следующее: идеологемы концепции «Москва — Третий Рим» — «Святая Русь» и «Великая Россия», претерпевая в своей истории существенные трансформации, облекаясь в различные идеологические формообразования, придавали своеобразные, специфические черты ментальным структурам «московита», россиянина и советского человека. Включение их в идеологическую канву государственной политики многие столетия являлось мощным средством социальной терапии в российском обществе, и наоборот, игнорирование этих доминант в идеологии служило существенным фактором для дестабилизации в обществе, распаду моральной и духовной традиции, дезориентации и разобщенности членов общества, о чем свидетельствует последнее тридцатилетие российской истории.

В последнее время всё больше ощущается потребность в новой наднациональной сверхзадаче, которая бы стала стержнем, ядром российской «национальной идеи». И здесь, по нашему мнению, нельзя обойтись без опыта прошлого, без опоры на традиционные исторические ценности и духовные ориентиры российского народа.

Литература

1. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX–XX веков. М.: Логос, 1997. 752 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; «Глаголь», 1995. 552 с.
3. Карпец В. Российское самодержавие и русское будущее (на пути к православному государствоведению) // Литературно-философский альманах русской христианской культуры «Выбор». М.: Производственный кооператив «Экспериментас», 1990. 297 с.

4. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост., предисл., ил. Ю.И. Селиверстова. М.: Молодая гвардия, 1992. 270 с.
5. Серафим (Соболев), архиепископ. Об истинном монархическом мирозерцании. М.-СПб.: Изд-во «Лествица», «Диоптра», 2002. 543 с.
6. Янов А.Л. Трагедия великого мыслителя // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 61–88.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ И БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УКРАИНЕ (1992–2014)

*А.В. БАРАНОВ,
доктор политических наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар
e-mail: baranovandrew@mail.ru*

Аннотация: Анализ развития этнокультурной идентичности и русского языка в 1992–2014 гг. важен для выявления возможностей денацификации Украины. Сделан вывод о наличии сложносоставной идентичности русских, в ней взаимодействовали национально-государственные, этнические, языковые и исторические маркеры. Русская идентичность на Юге и Востоке Украины политизировалась, поощряя пророссийские общественные движения. В ответ украинские националисты перешли к проекту этнократического государства.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, русские, русский язык, Украина.

ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE RUSSIANS AND THE STRUGGLE TO PRESERVE THE RUSSIAN LANGUAGE IN UKRAINE (1992–2014)

*A. BARANOV,
Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar
e-mail: baranovandrew@mail.ru*

Abstract: Analysis of the development of ethnocultural identity and the Russian language in 1992–2014 is important for identifying opportunities for denazification of Ukraine. The conclusion is made about the presence of a compound identity of Russians, in which national, ethnic, linguistic and historical markers interacted. Russian identity in the South and East of Ukraine has been politicized, encouraging pro-Russian social movements. In response, Ukrainian nationalists moved on to the project of an ethnocratic state.

Keywords: ethnocultural identity, Russians, Russian language, Ukraine.

Актуальность темы в том, что распад СССР привел к политизации этничности разделенных народов, включая русский. Тема важна для осмысления функций этнических границ в глубоко расколотом обществе. Необходимо понять, как и в какой мере этничность политизировалась, приводя к образованию этнических организаций и их попыткам защитить интересы русского населения Украины.

Тема активно исследуется и российскими, и украинскими, и западными аналитиками, в большей мере политологами и социологами, а не историками. Первые работы создали А.А. Олейников и Н.А. Шульга [19: с. 411–450], А.В. Шубин [29: с. 424–453], А.В. Марчуков [16: с. 466–491]. Уделяют внимание теме украинские историки Г.В. Касьянов [12: с. 87–102, 120–141, 386–394], В.В. Калининченко и Д.М. Чёрный [11: с. 443–482]. Издана монография под редакцией Г. Чижова, авторы характеризуют события в Крыму, на Юге и Востоке Украины, в Донбассе в радикально-антироссийском духе [26: с. 197–290]. Особый феномен — историография Юга и Востока Украины, многие представители которой выражали про-российские взгляды. Можно упомянуть монографии с участием крымских историков А.В. Мальгина и А.В. Ишина [15: с. 121–170, 198–237; 7: с. 130–182], одесского этнолога А. Пригарина [30: с. 182–187]. Среди западных исследователей работы о причинах языковых конфликтов создали немецкие историки Г. Зимон [10: с. 337–351] и Ю. Бестерс-Дильгер [5: с. 352–364], британский политолог Р. Саква [22: с. 15–51]. Целостная картина изменений этнической идентичности, самоорганизации русских сообществ на Украине и их политизации еще не воссоздана.

Цель работы — определить тенденции развития этнокультурной идентичности русских на Юге и Востоке Украины в 1992 — начале 2014 г.

Источниковая основа статьи включает в себя результаты переписей населения 1989, 2001 и 2019 гг. [17; 27; 28], итоги выборов [1; 2] и социологических опросов [13; 8], материалы общественных объединений [21; 18], географические карты [2; 3]. Автор делится личными наблюдениями по итогам научных командировок в Киев, Одессу и Крым (2011–2013 гг.).

Методологической основой выбран социальный конструктивизм, дающий возможность осмыслить кардинальные изменения этнической структуры Украины за постсоветское тридцатилетие [31]. Уменьшение удельного веса русских на Украине втрое по итогам переписей 1989–2019 гг. означает смену идентичности, а не эмиграцию [17; 28]. Основаниями этнической самооценки в нарастающей степени служат вовлеченность в общественные практики, сети коммуникации, государственная политика поощрения «украинства», а не «зов крови». Следует учитывать значительные расхождения между определением «русской национальности» при переписях и социологических опросах; между этнической, языковой и политической трактовкой «русскости» на Украине. Отмечается широкое распространение двойной, сложносоставной и гибридной идентичностей

на Юге и Востоке Украины, их перекодирование в связи с политической конъюнктурой и давлением государства.

При советских переписях населения национальность определялась по «принадлежности» родителей, а не по свободному выбору индивида. Всесоюзная перепись 1989 г. зафиксировала наличие в Украинской ССР 22,1% русского населения, а Всеукраинская перепись 2001 г. — 17,3%. Перепись 2019 г. проводилась в онлайн-формате и ее полные результаты не опубликованы. Но по анкетному опросу, проведенному Украинским Центром экономических и политических исследований имени А. Разумкова в марте 2017 г. (выборка 2016 чел. во всех регионах, погрешность 2,3%), русскими по самооценке себя назвали только 6% респондентов, а украинцами — 92%. Среди украинцев (по самооценке) 77% считают себя принадлежащими к одной национальности, а среди русских — 39%. Считали себя биэтничными 10% украинцев и 30% русских. Опрос не охватывал Крым, ДНР и ЛНР [6]. Русское сообщество кардинально сократилось. Прежде всего, оно включает в себя лиц среднего и пожилого возраста.

Представляет интерес региональное разнообразие этнической структуры Юга и Востока Украины, которое мы можем выявить по итогам переписей населения 1989 и 2001 гг. (см. табл.):

Таблица

Изменения этнического состава сообщества Юга и Востока Украины, 1989–2001 гг. (в % населения)

Области	Русские по этничности		Русские по родному языку		Украинцы по этничности		Украинцы по родному языку	
	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.
Автономная Республика Крым ¹	65,6	58,5	Нет данных	77,0	26,7	24,4	Нет данных	10,1
Днепропетровская	24,2	17,6	Нет данных	32,0	71,6	79,3	Нет данных	67,0
Донецкая	43,6	38,2	67,7	74,9	50,7	56,9	30,6	24,1
Запорожская	32,0	24,7	48,8	48,2	63,1	70,8	49,3	50,2
Луганская	44,8	39,0	63,9	68,8	51,9	58,0	34,9	30,0
Николаевская	19,4	14,1	33,8	29,3	75,6	81,9	64,2	69,2
Одесская	27,4	20,7	54,6	62,8	47,1	41,9	41,2	46,3
Севастополь	74,4	71,6		90,6	20,7	22,4		6,8
Харьковская	33,2	25,6	48,1	44,3	62,8	70,7	50,5	53,8
Херсонская	20,2	14,1	30,4	24,9%	75,7	82,0	67,7	73,2

Источник: Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения. Языковой состав населения. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>

¹ Приводится население в границах 1995–2001 гг., без г. Севастополя.

Мы наблюдаем убыль удельного веса русских в населении всех регионов Юга и Востока Украины за 1989–2001 гг. Одновременно возрастал удельный вес украинцев повсюду, кроме Автономной Республики Крым (ввиду репатриации крымских татар и ряда других народов). Но сравнение колонок таблицы о национальности и родном языке доказывает рост распространения русского языка в Донецкой, Луганской и Одесской областях, стабильное его положение в Запорожской области. Жители г. Севастополя оставались русскими по языку и самосознанию. Напротив, украинский язык был распространен значительно слабее, чем признание национальностью «украинца», не выдерживая конкуренцию с русским языком в сферах бизнеса, науки, образования.

Всеукраинская перепись 2001 г. сопровождалась многочисленными жалобами на принудительную фиксацию украинской национальности. Обвинения были оправданными [9: с. 177–188; 24]. Языковая политика Украины при всех президентах с 1991 г. была нацелена на принуждение к одноязычию, на навязывание «державной мовы». Робкая попытка русскоязычного сообщества защитить свои права путем закона о региональных и местных языках («закон Колесниченко — Кивалова» 2012 г.) привела к резкой радикализации украинских националистов и стала поводом для свержения президента В.Ф. Януковича [14: с. 121–132]. Целенаправленный перевод средних школ и вузов на преподавание только на украинском языке беспрецедентен для Европы. В 2020 г. власти Украины отчитались об упразднении последней русскоязычной школы.

Но наличие этнической и языковой дискриминации русских само по себе не приводило к их политической самоорганизации для защиты. Для этого необходимо наличие институтов, организующих этническую группу, а также ресурсов влияния и авторитетных инициативных лидеров, способных предложить эффективные политические стратегии. Нужна и политическая, экономическая, социокультурная поддержка русского сообщества со стороны Российской Федерации, чего не было в достаточных размерах в течение 1990–2000-х гг.

Поэтому самоорганизация и активность русского сообщества на Украине направилась в русло защиты региональных прав, где временно оказались близки интересы массовых слоев населения и крупного регионального капитала, губернаторов. Последние были заинтересованы в «неприкосновенности» своих сфер влияния, в ограничении полномочий центральной власти, но не желали независимости и даже федеративного статуса Юга и Востока. Это дважды подтвердили бесплодные съезды депутатов Юга и Востока — в 2004 и феврале 2014 г. [22: с. 132–158].

Отчетливый территориальный раскол Украины на Запад и Центр, подерживающий «европейский выбор», а также пророссийские Юг и Вос-

ток, проявлялся в течение всего постсоциалистического периода. Географическая линия раскола проходит между Харьковской и Полтавской, далее на запад — между Днепропетровской и Кировоградской, Одесской и Винницкой областями. Причем это «кумулятивный» раскол, вбирающий в себя не только различия поддержки партий и лидеров, но и отношение к России, НАТО и ЕС, восприятие истории Украины и желательного типа ее устройства.

Например, анкетный опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии (КМИС) совместно с Киево-Могилянской академией (2005 г., выборка 2017 чел. во всех регионах) доказал: проголосовали бы за вступление Украины в ЕС 36% этнических украинцев и 21% этнических русских, 43% говорящих на украинском языке и 24% русскоязычных. Поддержка вступления Украины в НАТО различалась по этническим группам аналогично: 17% украинцев и 8% русских, 23% украиноязычных и 9% русскоязычных [25, с. 4, 9]. Аналогичный опрос КМИС в феврале 2020 г. (выборка 2038 чел.) подтвердил: вступление в ЕС одобряют 51,6% респондентов, в том числе — 26% на Востоке Украины (за вычетом ДНР и ЛНР) и 40% на Юге. Вступить в НАТО желают 58,2% по всей Украине, а на Востоке — 18%, на Юге — 28% [23].

Другой массовый опрос, организованный КМИС в апреле 2014 г. в 8 областях Юга и Востока Украины (выборка 3232 чел., Крым не включен), доказывает внутреннюю политическую неоднородность регионов с весомой долей русского населения. Так, признание новых органов власти, сформированных в итоге майданного переворота, колебалось от 6,4% в Донецкой области до 33,0% в Николаевской. Считали Майдан «государственным вооруженным переворотом, организованным оппозицией с помощью Запада», 46,0% респондентов по всей выборке, в т.ч. 70,5% в Донецкой области и 23,6% — в Николаевской. Применение оружия майданной оппозицией одобряли только 7,5% респондентов. Поддержка национализации собственности «олигархов» колебалась от 38,1% в Донецкой области до 15,1% — в Харьковской. Соглашались с тем, что «Россия справедливо защищает интересы русскоязычных граждан на Юго-Востоке», 32,6% всех опрошенных, в т.ч. 47,0% в Донецкой и 14,6% — в Николаевской области [8].

Ситуация на Крымском полуострове в 2005–2013 гг. отличалась наибольшим проявлением пророссийских политических ориентаций и наивысшей организованностью русских объединений, но данный аспект уже хорошо изучен и его целесообразно анализировать отдельно [20; 4: с. 158–167].

Сделаем выводы о наличии сложносоставной идентичности русских, в которой переплетались национально-государственное, этническое, языковое, историческое самосознание. Русское население Юга и Востока

Украины проявляло выраженную этническую и языковую идентичность, влиявшую на политические ориентации. Русский электорат поддерживал в наибольшей мере левые и региональные партии. Территориальным ядром данных ориентаций были Крым и Донбасс, полупериферией — Одесская, Харьковская и Запорожская области. А периферией — Херсонская и Днепрпетровская области. Выявлены причины этого феномена: ядро совпадает с наибольшим удельным весом русских по идентичности и родному языку, с наличием консолидированных (по меркам страны) региональных пророссийских элит. Периферия, напротив, имела наибольший удельный вес украинского населения и проукраинские ориентации элит.

Литература

1. Амбурцев Р.А., Раскин И.В. Пространственно-временная устойчивость и трансформации электорального раскола Украины (по материалам выборов в Верховную Раду Украины 1998–2012 годов) // Российский социум: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. С. 305–313.
2. Атлас з історії України (1939–2005 рр.) / Упоряд. Д. Ісаєв та ін. Київ: ЗАТ «Інститут передових технологій», 2009. 16 с.
3. Атлас. Економічна і соціальна географія України / Упоряд. О.Я. Скуратович. Київ: ЗАТ «Інститут передових технологій», 2011. 32 с.
4. Баранов А.В. Этнодемографический фактор электорального поведения в Республике Крым и г. Севастополе (сравнительный анализ этапов развития) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2020. Т. 6. № 3. С. 158–167.
5. Бестерс-Дільгер Ю. Нація і мова після 1991 року — українська та російська в мовному конфлікті // Україна. Процеси націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 352–364.
6. В Украине 6% жителей считают себя этническими русскими, — опрос. URL: <https://novosti.dn.ua/news/269172-v-ukrayne-6-zhyteley-schytayut-sebya-etnicheskymu-russkymu-opros> (дата обращения: 22.11.2020).
7. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М.: Восток — Запад, 2011. 228 с., 20 л.
8. Думки та погляди жителів південно-східних областей України: квітень 2014. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=4&t=10> (дата обращения: 22.11.2020).
9. Ефимов С.А. Куда исчезли русские, или «Сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
10. Зімон Г. Демократія і нація. Демократія і загрози // Україна. Процеси націотворення. Київ: К.І.С., 2011. С. 337–351.
11. Калініченко В.В., Чорний Д.М. Розбудова української незалежної держави (1991–2008 рр.) // Політична історія України. Навчальний посібник. 2-е вид., доп. Київ: Академвидав, 2008. С. 443–482.
12. Касьянов Г.В. Україна 1991–2007. Нариси новітньої історії. Київ: Наш час, 2008. 432 с.

13. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації: Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 2–109.
14. Малинкович В.Д. Дорога на Майдан. Причины украинского кризиса. М.: Весь мир, 2017. 256 с.
15. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005. 280 с.
16. Марчуков А.В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII — XX вв.). М.: Кучково поле, 2018. 512 с., 48 л.
17. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991. 160 с.
18. Наша борьба за спасение Украины и преобразование мира. Киев: Прогрессивная социалистическая партия Украины, 2006. 64 с.
19. Олейников А.А., Шульга Н.А. Становление независимого государства в Украине. Украина в начале XXI в. // История Украины. VI–XXI вв. / Под общ. ред. П.П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев; М.: Киевская Русь; Кучково поле, 2018. С. 411–450.
20. Островская И.В. На разломе: Из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе 1991 — март 2014 гг. Симферополь: ООО «Антиква», 2019. 196 с.
21. Русская община Крыма: путь в Россию / Авт.-сост. И.В. Евтюшкин. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2018. Ч. 1. 176 с.
22. Саква Р. Линия фронта — Украина. Кризис на приграничных территориях. М.: Центрполиграф, 2015. 415 с.
23. Сахно Ю. Геополітичні орієнтації жителів України: лютий 2020. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&page=6> (дата обращения: 22.11.2020).
24. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые Сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
25. Хмелько В. Ставлення громадян України щодо її вступу до Євросоюзу і НАТО та їхня оцінка своєї обізнаності стосовно цих організацій. URL: https://kiis.com.ua/materials/articles/attitude_to_es_and_nato.pdf (дата обращения: 22.11.2020).
26. Чижов Г., Мосенцева Т., Самохвалова Л., Швец Л. Переломные годы. Страницы украинской революции. Киев: Лаурус, 2018. 456 с.
27. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Национальный состав населения. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 22.11.2020).
28. Численность населения (по оценке) на 1 декабря 2019 и средняя численность в январе — ноябре 2019 г. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2019/ds/kn/kn_u/kn1119_u.html (дата обращения: 22.11.2020).
29. Шубин А.В. История Новороссии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 480 с.
30. Этнология Одессы в исторической и современной перспективах / П. Лозовюк, А. Пригарин, Е. Князева и др. Одесса: Ирбис, 2017. 387 с.
31. Brubaker R. Ethnicity Without Groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.

ВОСПРИЯТИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

И.Р. НАБИУЛИН,

*младший научный сотрудник, Обособленное структурное подразделение
«Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан»,
Россия, г.Казань
e-mail: Islamnab@mail.ru*

Аннотация: В рамках исследования были проведены 2 фокус-группы, направленные на изучение восприятия националистического дискурса студенческой молодежью Казанского федерального университета. Результаты фокус-групп показали, что в целом националистические идеи не распространены среди респондентов, однако обратная ситуация имела место, хотя и не в столь серьезных масштабах.

Ключевые слова: национализм, националистический дискурс, студент, брак, нация.

PERCEPTION OF NATIONALIST DISCOURSE BY THE STUDENT YOUTH OF KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

I. NABIULIN,

*Junior Researcher, a Separate Structural Subdivision “Center for Islamic Studies
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan”,
Russia, Kazan
e-mail: Islamnab@mail.ru*

Abstract: Within the framework of the study, 2 focus groups were conducted aimed at studying the perception of nationalist discourse by the student youth of Kazan Federal University. The results of the focus groups showed that, in general, nationalist ideas are not common among respondents. However, the reverse situation took place (although not on such a serious scale).

Keywords: nationalism, nationalist discourse, student, marriage, nation.

Проблема восприятия националистического дискурса студенческой молодежью является актуальной в современном мире. Наблюдая за рядом стран, можно заметить рост националистических настроений, особенно

среди молодежи. Данный феномен, возможно, объясняется импульсивностью данной категории населения. Происходит это на фоне различных внутренних проблем в обществе и государстве, к примеру, поток мигрантов в европейские страны усиливает позиции национализма в этих странах. Националистические настроения не могут появиться на пустом месте, для них должны сложиться определенные предпосылки. Слабость социальных структур, непродуманная внутренняя и внешняя политика приводят к формированию националистических настроений среди молодежи. Безусловно, данную проблему нельзя игнорировать, иначе все может только усугубиться.

С понятием национализма тесно связан термин «этничность». В.Л. Арбенина выделила следующие подходы к изучению этничности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм [1: с. 34]. Согласно примордиалистской теории, этничность представляет собой результат наследования особенностей наших предков. Согласно второму направлению — конструктивистской теории, этничность — это не свойство личности, а скорее, характеристика ее сознания. В третьем блоке этничность изучается как ситуативная идентификация.

Выделяют различные типы этничности:

1. О.А. Болдецкая выделила две группы людей: этноориентированные (те, кому этническая принадлежность и этнические проблемы важны) и этноиндифферентные (те, кого проблема этнической принадлежности и связанные с ней вопросы не интересуют) [3: с. 264].

2. Л.М. Дробижева выделила 7 типов этнической идентичности, которые варьируются от меньшей вовлеченности в вопросы этнической принадлежности к большей [2: с. 87].

С понятием «этничность» тесно связан термин «национализм». Для Энтони Смита национализм — это «идеологическое достижение и установление некоей автономии, сплоченности и индивидуальности социальной группы, некоторые члены которой видит себя реальной или потенциальной нацией» [5: с. 30].

Э. Геллнер определял национализм следующим образом: это понятие, основной смысл которого заключается в том, что политическая и национальная единицы обязаны совпадать, а также те, кто управляет и кем управляют в определенной политической системе, принадлежат к одному этносу [4: с. 24].

В ходе исследования были организованы 2 фокус-группы, состоящие из студентов Казанского федерального университета. Первая группа — студенты-гуманитарии: политологи, конфликтологи, журналисты, религиоведы. Всего в первой группе (далее будем называть их гуманитариями) было 7 человек. Вторая группа состояла из студентов естественнонаучных направлений. Всего в ней (далее будем называть их естественниками)

было 11 человек. Средний возраст участников фокус-групп 21–23 года. Как в первой, так и во второй группе были представители разных национальностей, но основу составляли татары и русские. Большинство участников фокус-групп родились и проживают на территории Татарстана.

Были подняты и обсуждены все темы. В ходе фокус-групп, помимо подготовленных вопросов, были заданы и другие, которые появились в ходе высказываний участников групп.

А теперь поподробнее о поднятых вопросах.

В группе гуманитариев участники довольно легко дали определения таким понятиям, как «этнос», «нация», «национализм» и др. В группе естественников это вызвало некоторые затруднения. Возможно, это связано с направлением обучения студентов гуманитарным наукам, где это, так или иначе, затрагивается в отличие от естественных.

Среди гуманитариев некоторым участникам-татарам не нравилось, что за границей их всех называют русскими. Большинство участников как первой, так и второй группы в первую очередь идентифицируют себя как татары, русские и т.д., а не россияне. По словам гуманитариев, большинство их знакомых сверстников поступают так же.

Среди гуманитариев дискуссию вызвало мнение одного из участников, согласно которому есть большая вероятность, что национализм может перейти в нацизм. В группе естественников появилось мнение, что национализм и нацизм — это практически одно и то же, что вызвало дискуссии.

Большинство гуманитариев отметили, что в национализме нет ничего плохого и что они относятся ко многим идеям национализма положительно. Также некоторые поставили знак «равно» между понятиями «национализм» и «патриотизм». Среди естественников положительно отнеслись лишь некоторые. Это отличие можно объяснить тем, что у многих естественников были ассоциации национализма с нацизмом, что и предопределило их отношение к национализму.

В группе естественников были две точки зрения на причины националистических настроений. Согласно одной из них, эти настроения кому-то выгодны и идет манипуляция сознанием, нагнетание ситуации. Другая состоит в том, что есть реальные исторические, экономические, политические и т.д. причины, которые способствуют появлению националистических настроений.

В отношении межнациональных браков обе группы в полном составе высказались положительно и утверждали, что не имеют ничего против них. Однако некоторые не готовы жениться/выйти замуж за представителей других национальностей. Также было высказано мнение, что в их семье не все согласятся, если они найдут брачного партнера среди представителей другой национальности и это может привести к конфликту. По поводу ребенка споров не было. Все считают, что ребенок должен сам выбирать,

к какой национальности себя отнести. Они готовы учитывать мнение близких, но окончательный выбор останется за ребенком.

Большинство респондентов в обеих группах высказались, что такие вещи, как культура, история, язык, очень важны, это, по их мнению, развивает любовь к родине, патриотизм... В обеих группах были те, которые считали, что такие понятия сегодня уже не слишком важны. Жаркие споры вызвала тема культуры, истории, языка национальных регионов, в частности, ситуация в Татарстане. Некоторые недовольны политикой национальных властей по поддержке национальных языков, культуры, истории (в основном эти участники фокус-группы принадлежат к русской национальности). Они считают, что это навязывается, и им это не нужно или, может быть, и нужно, но власти излишне навязывают. Другие (в основном татары) считают, что в этом нет ничего плохого. В группе естественников было высказано мнение, что, раз мы живем в Татарстане, то должны знать местную культуру, историю и язык.

По поводу предоставления Татарстану большей автономии в обеих группах большинство высказалось против, аргументируя тем, что у Татарстана и так много прав. Также некоторые естественники добавили, что это может в будущем привести к отделению Татарстана, что, по их мнению, нежелательно. В группе гуманитариев было мнение, что это не принесет вреда Татарстану.

Если рассмотреть обе группы в целом, то между ними есть сходство. Обе группы положительно относятся к межнациональным бракам и отрицательно смотрят на большую автономию Татарстана и других национальных единиц.

Однако есть и отличия. Националистические настроения гораздо сильнее среди гуманитариев, нежели у естественников. Гуманитарии более положительно отнеслись к национализму, меньше было желающих вступить в межнациональный брак, и они идентифицировали себя в первую очередь как представителей определенной национальности.

Группа гуманитариев более информирована в различных политических понятиях, процессах в стране и республике. Как было сказано выше, из-за специфики их направления обучения естественники меньше изучают общественные науки и им менее интересны такие вопросы.

Литература

1. Арбенина В.Л. Методологические проблемы социологических исследований социальных процессов развитого социализма / Сост.: Е.А. Якуба, В.Л. Арбенина, И.Д. Ковалева, Л.Г. Сокурьянская, Л.Ф. Хомуха. Харьков: Изд-во ХГУ, 1985.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.

3. Болдецкая О.А. Этничность как ценность: сравнительный анализ двух поколений Харьковского региона // Харьковские социологические чтения — 97. Ч. 2. Харьков: Основы, 1997.
4. Геллнер Э.А. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 794 с.
5. Смит Э.Э. Национальная идентичность [пер. с англ. П. Таращука]. М.: Основы, 1994. 223 с.

**РОССИЙСКИЕ КУЛЬТУРА,
НАУКА И ОБЩЕСТВО
В СИСТЕМЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**«ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ ВОСТОКА...»:
МЕЖМУЗЕЙНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ КОЛЛЕКЦИИ
ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХ**

Т.А. ЕГЕРЕВА,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас»,*

Россия, г. Москва

e-mail: taegereva@gmail.com

Аннотация: В октябре 2021 — феврале 2022 г. в Государственном музее-усадьбе «Остафьево» — «Русский Парнас» был реализован масштабный межмузейный выставочный проект «Под небом голубым Востока...». Коллекция исламского искусства князей Вяземских в Остафьево». В статье рассматриваются принципы организации экспозиционного пространства выставки, проблемы атрибуции ряда памятников, представленных на ней, а также рассказывается о наиболее значимых экспонатах. К их числу относятся иранская монументальная и миниатюрная живопись, рукописные памятники, восточное оборонительное и наступательное оружие XVIII—XIX вв.

Ключевые слова: усадьба, Вяземские, Остафьево, коллекция, исламское искусство.

“UNDER THE BLUE SKY OF THE EAST...”: THE INTERMUSEUM EXHIBITION PROJECT DEDICATED TO THE COLLECTION OF ISLAMIC ART OF THE PRINCES VYAZEMSKY

T. EGEREVA,

*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
The State Museum-Estate “Ostafyevo” — “Russian Parnassus”,
Russia, Moscow
e-mail: taegerewa@gmail.com*

Abstract: Major intermuseum exhibition project was organized in the State Museum-Estate “Ostafyevo” — “Russian Parnassus” in October 2021 — February 2022. It was called “Under the blue sky of the East...: Collection of Islamic art of the Princes Vyazemsky in Ostafyevo”. The article is concerned with the principles of organization of the exhibition space, the problems of attribution of a number of items, which were presented at the exhibition and the most significant artifacts. Among them there were Iranian monumental and miniature painting, handwritten monuments, eastern defensive and offensive weapons of the 18–19th centuries.

Keywords: estate, Vyazemsky, Ostafyevo, collection, Islamic art.

Знаменитая в истории отечественной культуры усадьба Вяземских-Шереметевых — Остафьево — берет свое начало в XVII в. Расцвет ее пришелся на вторую половину XVIII — первую половину XIX в., когда она превратилась в знаменитую подмосковную усадьбу князей Вяземских. При князе А.И. Вяземском (1754–1807) в Остафьево был выстроен главный усадебный дом в стиле классицизм, разбиты регулярный и пейзажный парки, начала формироваться усадебная библиотека и складываться художественное собрание, включавшее хорошо подобранную коллекцию живописи и графики, антиков, резных камней и медалей. При его сыне — известном поэте, переводчике, публицисте и мемуаристе князе П.А. Вяземском (1792–1878) — Остафьево, гостеприимно встречавшее А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, Д.В. Давыдова, Н.В. Гоголя, приобрело славу «Русского Парнаса». Следующий владелец усадьбы князь П.П. Вяземский (1820–1888) сосредоточил в усадьбе мемориальные вещи А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина и своего отца князя П.А. Вяземского, а также разместил в парадной анфиладе залов свои коллекции картин европейских мастеров XV–XVII вв., деревянной скульптуры, оружия, осветительных приборов, которые он собрал за время дипломатической службы в Константинополе, Гааге, Карлсруэ и Вене. Новый взлет культурной жизни усадьбы был связан с деятельностью графа С.Д. Шереме-

тева (1844–1918), купившего имение у своего шурина в 1898 г. и организовавшего в нем частный общедоступный музей.

Музей в Остафьеве уцелел в годы революции, был национализирован, но, к сожалению, ликвидирован в 1930 г. под предлогом удаленности от Москвы и малой посещаемости. Его уникальные художественные коллекции и библиотека, насчитывавшая 32 000 томов, были распределены по более чем 20 учреждениям. Второе рождение музея произошло в 1988 г., в 2016 г. окончена комплексная реставрация усадебного дома и парка, открыты три постоянные экспозиции: в цокольном этаже рассказывается об истории и владельцах Остафьева, на первом этаже демонстрируется убранство парадной анфилады залов, а на втором расположена единственная в России экспозиция, посвященная жизни и творчеству Н.М. Карамзина, на протяжении 12 лет работавшего в Остафьеве над «Историей государства Российского». Кроме того, в шести залах восточного крыла второго этажа и на мансарде усадебного дома организуются временные выставки. Современный музей видит свою задачу не только в рассказе о былой историко-литературной славе Остафьева, но и в стремлении изучить и, по возможности, представить посетителям замечательные коллекции временных совместных выставок с музеями — держателями бывших остафьевских предметов.

Одним из самых масштабных выставочных проектов такого рода стала выставка «“Под небом голубым Востока...” Коллекция исламского искусства князей Вяземских в Остафьеве», проходившая с 20 октября 2021 г. по 20 февраля 2022 г. при финансовой поддержке фонда «История Отечества». На выставке были представлены 80 экспонатов восточной коллекции князей П.А. и П.П. Вяземских, ныне хранящихся в Государственном историческом музее, Государственном музее искусства народов Востока, Государственном музее-усадьбе «Архангельское», Серпуховском историко-художественном музее, а также документы из бывшего Остафьевского архива, находящегося сейчас в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Название выставки, вызывающее невольную ассоциацию с первой строкой известной песни русского рока «Город золотой» на стихи А. Волохонского и музыку В. Вавилова, в данном случае отсылает к поэтическому творчеству П.А. Вяземского. В честь именин русского посланника в Константинополе В.П. Титова он сочинил стихотворение, в котором были строки:

Пред минаретами Пророка,
Здесь, где объятый цепью гор,
Под небом голубым Востока,
Светлеет голубой Босфор... [7: с. 4].

Занесенные в дневник П.А. Вяземского от 15 июля 1849 г., эти строки и послужили названием выставки.

История формирования князьями Вяземскими коллекции восточного искусства связана с двумя факторами: паломничеством П.А. Вяземского с супругой на Святую Землю в 1849–1850 гг., вызванным горем от скоропостижной смерти от холеры их дочери М.П. Валуевой, и дипломатической службой в Константинополе в 1846–1850 гг. их единственного оставшегося в живых сына П.П. Вяземского, которого они навестили по пути [2: с. 11–25]. Первый зал выставки на основе документальных материалов из РГАЛИ рассказывал об обстоятельствах пребывания на Востоке князей Вяземских. К числу заслуживающих особого внимания экспонатов этого зала относились рисунки князя П.П. Вяземского с видами жителей Константинополя, портрет известной красавицы М.А. Бек, ставшей его супругой, и две картины неизвестного художника из Государственного исторического музея «Прием европейского посольства турецким султаном» и «Прием европейского посольства визирем турецкого султана». Композиционно оба полотна восходят к произведениям фламандца Ж.-Б. ван Мура. Более того, по авторитетному мнению исследовательницы творчества художника О.В. Нефедовой, данные картины тоже можно атрибутировать ван Муру. Если атрибуция, предложенная О.В. Нефедовой, будет принята в профессиональном сообществе, то собрание работ фламандского художника пополнится картинами, происходящими из коллекции князей Вяземских. Очевидно, что эти картины были приобретены П.П. Вяземским не на Востоке, а во время дипломатической службы в Европе, но конкретные обстоятельства их покупки требуют дальнейших изысканий. Возможно также, что они были приобретены его отцом, т.к. ранее располагались в комнате, где были сосредоточены мемориальные вещи П.А. Вяземского [10: с. 11]. Картины напоминали хозяевам усадьбы о пребывании в Константинополе и дипломатических приемах в турецкой столице, очевидцами которых они были. Так, князь П.А. Вяземский описывал в письмах своей постоянной корреспондентке Э.Ф. Тютчевой прием у великого визиря, на котором он имел честь присутствовать [6: с. 47–48].

В 1848 г. в Константинополе в посольской церкви состоялось бракосочетание П.П. Вяземского и Марии Аркадьевны Бек (урожд. Столыпной). На выставке демонстрировался портрет М.А. Бек, выполненный карандашом на бумаге. В ходе подготовки портрета к экспонированию хранитель фонда «Графика» Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас» И.В. Седакова провела его атрибуцию и пришла к заключению, что рисунок мог быть выполнен Иваном Беком, первым супругом Марии Аркадьевны. В пользу этого предположения говорит монограмма «I. [J?] В. 1838 г.» в правом нижнем углу листа [9].

Любопытны также рисунки князя П.П. Вяземского: в свободное от службы в русской дипломатической миссии время он прогуливался по улочкам Константинополя и делал маслом на картоне зарисовки местных жителей и бытовых сценок. Подлинники этих рисунков, в настоящее время хранящиеся в РГАЛИ (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6486), были представлены на выставке. По стилю исполнения и тематике они похожи на рисунки, выполненные карандашом и акварелью в изящном альбоме, преподнесенном в Константинополе князем П.А. Вяземским в подарок княгине В.А. Голицыной. Этот альбом в темно-бордовом бархатном переплете с золотым тиснением, содержащий автографы стихотворений князя, гербарий и красочные зарисовки уличных сценок в восточном городе, ныне хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Поскольку князь П.А. Вяземский с детства не любил рисование, можно высказать аккуратное предположение, что рисунки в альбоме сделаны рукой его сына П.П. Вяземского [5: лл. 3, 4, 5, 6, 7].

Второй зал выставки демонстрировал образцы кадjarской живописи из собрания Вяземских. Каджары — иранская династия, находившаяся на троне с конца XVIII века по 1925 год. Эпоха их правления была ознаменована попытками совместить необходимую модернизацию страны с верностью старине и национальному духу. Эти тенденции проявились и в кадjarском искусстве, отличавшемся необыкновенным колоритом, праздничностью красок, своеобразной иконографией изображений, совмещавшей европейские и местные традиции [8: с. 215]. Данные черты в полной мере проявились в таком жанре кадjarской живописи, как «гаремные сцены» или портреты «красавиц». На выставке были представлены три полотна неизвестных иранских мастеров XIX в. с изображением красавиц из собрания Государственного музея Востока («Танцовщица с кастаньетами», «Танцовщица с кастаньетами на фоне окна» и «Женщина на коленях с флягой и стаканом»), ранее входивших в коллекцию князя П.П. Вяземского. Необычные для норм восточного искусства глубокие декольте, возможно, свидетельствуют о некритично воспринятых в Иране европейских гравюрах. Специфическая остроконечная форма картин объясняется тем, что они вписывались в арочные проемы стен на мужской половине дома, где услаждали взор хозяина и его гостей [8: с. 63, 72, 74].

Наряду с крупными по размерам полотнами «красавиц» (около 180x80 см), в экспозиции были представлены миниатюры из собрания князей Вяземских, которые в большом количестве изготавливались для продажи на восточных базарах в первой трети XIX века.

В особую витрину были выделены книжные памятники из собрания П.П. Вяземского. Стоит отметить, что князь собрал уникальную книжную коллекцию, состоявшую из 15 тыс. томов, в составе которой были особо редкие и ценные издания — инкунабулы, альдины, эльзевиры [4: с. 154].

Большим успехом выставки можно считать тот факт, что на ней удалось представить редкие восточные рукописные книги из собрания П.П. Вяземского. Это свиток «Генеалогическое древо», включающий родословную мусульманских династий от Адама до Абдул-Хамида II, ныне хранящийся в Государственном музее Востока, и две уникальные рукописные книги, предоставленные Государственным музеем-усадьбой «Архангельское»: «Книга о неподвижных светилах» известного персидского математика, переводчика и астронома ас-Суфи в списке XVII века и поэма Низами Гянджеви «Пятерица» («Хамсе») в списке XIX века.

«Книга о неподвижных светилах», прославившая ас-Суфи, представляет собой каталог-атлас более 1000 звезд с подробным описанием 48 созвездий. Для каждого созвездия приведено его красочное изображение в виде фантастических существ или людей, а также таблица звезд с их эклиптикальными координатами и звездными величинами. Опираясь на собственные наблюдения, ас-Суфи произвел критический пересмотр и уточнение данных предшественников, главным образом, античного астронома Клавдия Птолемея. Каталог ас-Суфи оказал большое влияние на дальнейшее развитие астрономии, им пользовались и на него часто ссылались ал-Бируни, испанские ученые и самаркандские астрономы из обсерватории Улугбека. По словам известного востоковеда — доктора исторических наук И.В. Зайцева, являвшегося одним из кураторов выставки, списков книги ас-Суфи по всему миру насчитывается всего несколько десятков, так что рукопись из собрания П.П. Вяземского — очень редкий и ценный памятник. По мнению ученого, именно рисунки созвездий могли привлечь внимание князя П.П. Вяземского, приобретшего для своей коллекции список трактата ас-Суфи [3: с. 32–33]. Князь не владел восточными языками, но при этом хорошо разбирался в русской и европейской востоковедческой литературе. В пометках на листах рукописи он смог правильно определить время переписки манускрипта (начало XVII века), а также добросовестно описал все миниатюры этой рукописи, приведя соответствие некоторым из них в латинских рукописях парижской библиотеки Арсенала, а также в рукописи, хранящейся в Институте восточных языков МИД [3: с. 33].

Еще одна рукописная книга из бывшего собрания П.П. Вяземского, ныне хранящаяся в Государственном музее-усадьбе «Архангельское» и представленная на выставке, — список XIX века поэмы Низами Гянджеви «Пятерица» («Хамсе») на персидском языке. В отличие от «Книги о неподвижных светилах» ас-Суфи, списков поэм Низами очень много, поскольку Низами был популярен не только в Иране, но и на Кавказе, в Средней Азии, Турции, Афганистане и Индии. «Пятерица» состоит из 5 поэм, повествующих о добродетельном правителе, о любви (самая известная из них — «Хосров и Ширин»), об Александре Македонском («Ис-

кандер-наме»). В экземпляре из собрания князя П.П. Вяземского переписаны четыре из пяти поэм, но при этом они сопровождаются профессионально выполненными миниатюрами. Манускрипт интересен как образец рукописной книги Востока начала XIX века.

В третьем зале выставки были представлены образцы оружия из коллекции П.П. Вяземского. Во второй половине XIX в. эта коллекция была размещена в парадной столовой усадебного дома в Остафьево и давала представление «о вооружении чуть ли не всех времен и народов» [1: с. 100]. Из восточного оружия в коллекции князя находились малайские крисы, церемониальное индийское оружие XVIII в., турецкие кинжалы, шашки, сабли и ятаганы, иранское наступательное и оборонительное оружие с высоким качеством отделки и разнообразием декоративных мотивов [4: с. 203]. Хотя на выставке была представлена лишь малая часть этого внушительного собрания, но и она давала представление о былом богатстве коллекции.

Из оборонительного оружия можно было увидеть наручи, прикрывавшие руку воина от запястья до локтя, круглые иранские щиты типа «сепар» и шлемы полусферической формы с пирамидальным навершием из собрания Государственного музея Востока и Серпуховского историко-художественного музея. Один из шлемов украшен рогами — подобная экзотика создавалась, как правило, специально для удовлетворения запросов путешественников-иностранцев на «восточное» оружие [8: с. 168].

Наступательное вооружение было представлено турецким ятаганом с ножами XVIII в., а также иранскими приседельными топориками и булавами. Стоит отметить, что во времена П.П. Вяземского топорики стали принадлежностью бродячих дервишей, а потому из предметов вооружения превратились в предметы культа и наделялись сакральным смыслом как орудия борьбы за веру против собственных страстей и пороков [8: с. 118–119].

Таким же сакральным предметом была булава-плеть с деревянным навершием и прибитыми к нему 18 цепями. Она применялась для самоистязаний во время праздника Шахсей-вахсей (траурные церемонии и обряды в знак памяти о мученической гибели в 680 г. в битве при Кербеле внука пророка Мухаммеда и сына халифа Али имама Хусейна). Как ритуальный предмет использовалась дервишами булава с навершием в виде бычьей морды. В XIX веке такие булавы в большом количестве изготавливали для экспорта в Европу и в качестве сувениров [8: с. 122].

Представленные в рамках выставочного проекта предметы представляли лишь небольшую часть восточной коллекции князей Вяземских. Отчасти это объясняется тем, что при отборе материала организаторы ориентировались на наиболее интересные памятники, уже изученные специалистами и при этом, что важно в музейной практике, находящиеся

в хорошем состоянии сохранности, позволяющем им перенести транспортировку и экспонирование. К открытию выставки был издан каталог, включающий как изображения предметов из коллекции Вяземских, так и архивные материалы, ранее не публиковавшиеся. В целом можно сказать, что выставочный проект «Под небом голубым Востока...» стал важным шагом в изучении наследия князей П.А. и П.П. Вяземских как собирателей и коллекционеров.

Литература

1. Греч А.Н. Остафьево // Остафьевский сборник. Вып.10. М.: ВИРС, 2005. С. 83–105.
2. Егерова Т.А., Княжева Е.И. «Под небом голубым Востока...»: князя П.А. и П.П. Вяземские на Востоке // «Под небом голубым Востока...». Коллекция исламского искусства князей Вяземских в Остафьеве. М.: ООО «РИФ СЕМИР», 2021. С. 11–25.
3. Зайцев И.В. Исламский Восток в русской усадьбе: князя Вяземские — собиратели исламского искусства // «Под небом голубым Востока...». Коллекция исламского искусства князей Вяземских в Остафьеве. М.: ООО «РИФ СЕМИР», 2021. С. 26–36.
4. Квятковская Н.К. Остафьево. М.: Советская Россия, 1990. 259 с.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 16. Альбом стихотворений кн. П.А. Вяземского, подаренный кн. Голицыной В.А.
6. П.А. Вяземский и Эрн. Ф. Тютчева: Переписка (1844–1869) / Изд. подгот. Л.В. Гладкова. М.: Наука, 2018. 581 с.
7. Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского (1849–1850 гг.). Издание гр. С.Д. Шереметева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 108 с.
8. Роскошь заката. Иран эпохи Каджаров (конец XVIII в. — 1925). Каталог выставки. М.: ГМВ, 2021. 231 с.
9. Седакова И.В. К вопросу атрибуции женского портрета из фонда графики. URL: <http://www.ostafyevomuseum.ru/museum/articles/detail.php?ID=10580> (дата обращения: 26.04.2022).
10. Шереметев П.С. Остафьево. Репринт. воспр. изд. 1927 г. Подольск: Подольская фабрика офсетной печати, 1994. 40 с.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ: ОТ КЛАССИКИ К НЕОЕВРАЗИЙСТВУ

*Г.С. ШИРОКАЛОВА,
доктор социологических наук, профессор,
старший научный сотрудник Приволжского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, ведущий научный сотрудник,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail:shirokalova@list.ru*

Аннотация: В статье анализируется концепт «евразийства» в постсоветскую эпоху. Представители неоевразийства ставят задачей сохранение геополитического вектора единства народов, входивших в состав СССР, но содержательное наполнение новой политической конструкции отличается по принципиальным основаниям: формам собственности, географическим границам, взаимосвязям между республиками, входившими в состав Советского Союза.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, Советский Союз, Россия.

THE EURASIAN IDEA: FROM CLASSICS TO NEO-EURASIANISM

*G. SHIROKALOVA,
Doctor of Sociology, Professor, Senior Researcher at the Volga Branch
of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
leading researcher, Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov,
Russia, Nizhny Novgorod
e-mail:shirokalova@list.ru*

Abstract: The article analyzes the concept of “Eurasianism” in the post-Soviet era. Representatives of neo-Eurasianism set the task of preserving the geopolitical vector of unity of the peoples that were part of the USSR, but the content of the new political structure differs on fundamental grounds: forms of ownership, geographical boundaries, relationships between the republics that were part of the Soviet Union.

Keywords: Eurasianism, neo-Eurasianism, Soviet Union, Russia.

Классическое евразийство сформировалось после геополитической катастрофы Российской империи в 1917 году как социально-философское течение, созданное эмигрировавшими из России Н. Трубецким, П. Савицким, М. Шахматовым, Г. Вернадским, Л. Карсавиным с опорой на идеи Н.Я. Данилевского. Этапы его становления и авторские нюансы последователей многократно проанализированы в отечественной литературе с самых разных позиций [12: с. 104–106; 13: с. 18–22].

В связи с крушением двухполярного мира в конце XX века евразийство, как политический конструкт, стало предметом дискуссий ученых и политиков как правого, так и левого политического спектра в России и за рубежом [1]. В России идея евразийства переживала свой ренессанс, вызванный необходимостью обосновать право русского народа на объединение огромных территорий в одну страну после разрушения СССР и сохранение суверенитета Российской Федерацией. Согласимся с выводом А. Возмителя, что «с распадом СССР, когда закончилась эпоха «биполярного мира», для России весьма остро встала проблема ее места и роли в глобализирующемся мире. В том числе и потому, что сама Россия стала полем реализации разнообразных геополитических проектов: «балканизации», изоляции и т.п. И надо сказать, реализуемых достаточно успешно, поскольку никогда ранее на ее горле так тесно не смыкалось «дружественное» кольцо. В этой ситуации будущее России в мире остается в достаточной мере неопределенным» [4: с. 88].

То, о чем предупреждали патриотически ориентированные ученые, но «микшировали» политики вплоть до событий начала 2022 года, стало явным: «Развал СНГ, ОЛКБ, ЕАЭС и организация на постсоветском пространстве противоборствующих государств, превращенных, подобно Украине, в марионеточные и колониальные страны, является долгосрочной целью Вашингтона», заявил замсекретаря Совета Безопасности Р.Г. Нургалиев в июне 2022 года [3].

Из-за множественности подходов к анализу теоретического наследства классиков евразийства само понятие утратило содержательное единство, но сохранило такую общую черту для всех евразийских концепций, как признание географической детерминанты.

К примеру, И.А. Исаев проанализировал работы евразийцев по таким основаниям, как география, культура, геополитика, самодостаточность, отношение к Европе, мессианиззм, церковь, идеократия, политическая организация, корпоративизм, власть. Основной вывод автора: классическое евразийство — идеология государственности — корреспондирует с оценками других исследователей [7].

Анализ явления с учетом новых реалий привел к тому, что сам термин перестал быть смыслообразующим и нередко заменялся понятием «русский мир». Например, в монографии Т.А. Пархоменко «Российская

цивилизация: между Западом и Востоком» читаем: «Благодаря важной системообразующей роли Москвы и Петербурга, а также русскому государственному донорству окраин в виде финансово-экономической, материальной, институциональной, культурной, интеллектуальной помощи и поддержки, удалось образовать огромный русский мир, который со временем вышел за границы собственно России. Его невозможно было связывать лишь с Востоком или Западом, Азией или Европой, а имело смысл рассматривать только целиком, в совокупности с его ядром — Россией и во всей полноте его особых географических, климатических, демографических, экономических, культурных черт и характеристик [11: с. 107].

Оригинальный подход был предложен Т.И. Коптеловой, которая в своих работах использовала методологию евразийства, как «органическую логику» для анализа особого характера «связей и последовательности между явлениями живой природы и процессами, происходящими в обществе» в XXI веке, доказывая, что только та цивилизация, которая зиждется на изначально созвучных природе органических основах, спасет человечество, а техноцизм XXI века погубит его [8: с. 76].

Многозначность понятия-символа «евразийство» известна далеко не всем, что позволяет манипулировать общественным сознанием, создавая иллюзию того, что российская идея для XXI в. — евразийство — уже найдена, осталось уточнить некоторые ее аспекты и расставить акценты. Фактически это далеко не так. За удобным символом, якобы подчеркивающим преемственность политических программ с историческими традициями державности Российской империи, как «третьего Рима» и «мистического континента», нередко скрывается прямо противоположное содержание.

Основное направление развития концепции неоевразийства основывается на взглядах классиков евразийства. Его предшественники разрабатывают принципы государственного строительства на основе сочетания традиций и требований начала XX в.: идеократическое православное государство, система советов с многоступенчатостью выборов, федеративное устройство, перераспределение собственности в пользу государства и общества, всеобщая воинская повинность, развитие образования, отстранение церкви от политической жизни, однопартийность и т.д. [6: с. 347–416].

Течения, конкретизирующие данное направление анализа применительно к нашему времени, можно назвать неоклассическими. Их несколько. Назовем три, разрабатывавшиеся в 1990-х гг. после разрушения СССР. Г.В. Осипов (ИСПИ РАН) считал создание Евразийского Союза Суверенных Республик единственным условием сохранения Россией и другими странами СНГ своей независимости. Фундаментальная социокультурная база этого процесса заложена в многовековой истории России, в результате которой сформировалась особая культура. Экономическое

пространство Евразийского Союза предполагает новую валютную единицу, исторически сложившееся разделение труда, единые рынки сырья и сбыта, транспорт, таможенную службу, охрану границ, культурную, религиозную автономию и т.д.

Предлагаемый механизм организации государственной и общественной жизни продолжает традиции классического евразийства. Но идеократической основой у Г.В. Осипова должно стать не православие, а духовность, понимаемая как нравственные, моральные нормы поведения человека в обществе.

Уникальность Российской державы Г.В. Осипов подчеркивал через ее противопоставление «замораживающему действию интернационального социализма с его диктатурой» и обжигающему касанию космополитического капитализма с его свободой сильного поработать слабого» [10: с. 95, 92, 79, 109, 169].

Эмоциональные оценки советского прошлого были характерны для научных, а тем более публицистических публикаций той эпохи. Подкрепление их каким-то аналитическим аппаратом считалось излишним, поскольку постулировалась их «общеизвестность».

Монография Г.В. Осипова была написана после создания СНГ (1991), ОДКБ (1992), но до подписания Договора о Союзном государстве (1999), а тем более ЕАЭС (2015). Оценивая результаты трех десятилетий, можно констатировать, что в Союзе Независимых Государств, несмотря на создание ЕАЭС, центробежные силы являются преобладающими. «После распада СССР все страны СНГ (в том числе и Беларусь) взяли курс на полную независимость от Москвы, действуя в отношении с ней по принципу “максимум экономических выгод — минимум политических обязательств”» [4: с. 91].

Вторая концепция представлена идеологами КПРФ, хотя сам термин стал использоваться ими позже. Совпадая с первой по геополитическим позициям, она делает упор на социализме как единственном строе, в рамках которого «возможно возрождение России как евразийского сердца мира». Для этого надо пройти три этапа: 1) достижение консолидации всех здоровых политических сил внутри страны; 2) воссоединение с Украиной и Белоруссией; 3) создание какой-либо формы конфедерации, федерации или союза с азиатскими республиками. Эта работа должна основываться на следующих принципах: взаимовыгодности, добровольности, здравого государственного прагматизма, исходящего из национальных интересов, индивидуального подхода в отношении каждого государства.

Будущая Россия должна обладать следующими признаками: форма государства — соборное народовластие советского типа, с опорой на систему общественных объединений и местное самоуправление. Эконо-

мика — регулируемая государством через сочетание научного планирования и рыночных отношений. Социальная сфера — основанная на принципах традиционного миропонимания, когда место каждого в обществе определяется талантом, трудолюбием, нравственными качествами [5: с. 276–280].

Четверть века, прошедшая после написания этих строк, показала, что ни в одной из стран бывшего СССР не нашлось социальных акторов, которые смогли бы если не реализовать эти идеи, в принципе необходимые для обеспечения устойчивого суверенитета стран и снятия социальной напряженности в обществе, то хотя бы наметить вектор в данном направлении, кроме создания ЕАЗС как способа противостояния внешней экономической агрессии.

Авторы третьего течения, редко используя сам термин «евразийство» из-за его многозначности, по сути, разрабатывали евразийскую концепцию в рамках православной парадигмы и считали, что Россия должна восстановиться как единое государство, включив в себя лишь тяготеющие к ней нации, независимо от их формальной государственной принадлежности. В будущем вокруг России в рамках СССР 1975 г. должно быть воссоздано Российское содружество.

В отличие от первых двух неоклассических по содержанию концепций, прогнозирующих лишь положительные последствия будущего Союза, авторы третьего направления ставят ряд острых вопросов. Вот лишь некоторые из них:

- конфедерация в границах СССР будет способствовать денационализации русских, так как в новом союзе удельный вес русских сократится, а следовательно, возможен их «культурный геноцид»;
- создание конфедерации принижает значение самой России как главного геополитического субъекта на евразийском пространстве;
- усилится проникновение в Россию идей панисламизма, пантюркизма, пантуранизма с Востока и католицизма с Запада;
- на Россию ляжет основное бремя расходов по содержанию транснационального аппарата управления и поддержания входящих в конфедерацию государств, чтобы сохранить в них свое влияние, и др.

По мнению сторонников этой концепции, пока Россия ослаблена экономически и демографически, конфедеративный Евразийский Союз будет «воздвигнут на Русских костях в буквальном смысле слова», а концепция евразийства — «тот троянский конь, который способствует реализации цели А.Д. Сахарова и его сторонников на ликвидацию России как государства, а русских — как нации» [9: с. 211–219].

Все обозначенные К.Г. Мяло и Н.А. Нарочницкой риски обнажились за прошедшие после написания книги четверть века, но тогда в атмо-

сфере потрясения от утраты Союза и наивных надежд на его возрождение в прежнем формате игнорировались даже известными учеными. Лишь со временем пришло понимание, что «содержание» национальных окраин в рамках социалистического Советского Союза было менее «затратно» в экономическом, военном и иных аспектах, чем поддержка лояльности суверенных государств для создания пояса геополитической безопасности вокруг России как «мягкой силы».

Точкой отсчета назван К.Г. Мяло и Н.А. Нарочницкой 1975 год, поскольку, по мнению аналитиков, среди которых Н.С. Леонов — замначальника КГБ в 1970–1980-х годах, в этот период «СССР достиг вершины могущества» [2].

Подведем итог: названные неоклассические течения евразийства были вызваны к жизни распадом Советского Союза и служили либо обоснованию, либо критике идеи интеграции государств, возникших в его результате. Проблемы конца XX века не ушли в прошлое. У коллективного Запада есть свой план их решения: Россия в современных границах должна перестать существовать, поскольку именно такой итог соответствует интересам США [1: с. 64]. По этой причине евразийство как политический, экономический и культурный проект остается актуальным полем аналитических изысканий.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратег. Императивы / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.
2. В 1975 году СССР достиг вершины могущества. Но использовать свои победы не сумел. Почему? URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/319070>.
3. В Совбезе назвали развал СНГ долгосрочной целью Запада. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2022/629e10059a7947b44f20afc8>. 06.06.2022 (дата обращения: 06.10.2021).
4. Возьмитель А.А. Интеграционные проекты России: проблемы и перспективы // SocioTime / Социальное время. 2020. № 1 (21).
5. Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1998. 304 с.
6. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. 386 с.
7. Исаев И.А. Евразийство: идеология государственности. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/718/894/1217/005_Isaev.pdf (дата обращения: 06.10.2021).
8. Коптелова Т.И. От виртуального к реальному — феномен жизни в органической логике евразийства // Философская мысль. 2016. № 12. С. 75–86.
9. Мяло К., Нарочницкая Н. Восстановление России и евразийский соблазн // Наш современник. 1994. № 11–12. С. 211–219.
10. Осипов Г.В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. 1997. 208 с.

11. Пархоменко Т.А. Российская цивилизация: между Западом и Востоком. М.: Институт наследия, 2021. 152 с.: ил.
12. Широкалова Г.С. Евразийские концепции российской цивилизации // Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений. Материалы V Всероссийского научно-богословского симпозиума цикла «Диалог мировоззрений» Н.Новгород, 1999. 232 с.
13. Широкалова Г.С. Евразийство как модель будущего России // II Международная ярмарка идей. XXVII академический симпозиум «Россия в культуре мира». Тезисы докладов. Н. Новгород, 1999.

АКТУАЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКИХ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*С.В. УСТИНКИН,
доктор исторических наук, профессор,
директор филиала, начальник лаборатории,
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова,
Россия, Нижний Новгород*

*П.В. СЕДАЕВ,
кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова,
Россия, Нижний Новгород*

Аннотация: В статье рассматриваются идеи евразийцев в контексте современного геополитического положения России. На основе проведенного анализа основных идей евразийцем авторы приходят к выводу о том, что идеи евразийской философии будут востребованы в ближайшем будущем в свете последних политических изменений.

Ключевые слова: евразийство, европоцентризм, неоевразийство, цивилизационный подход, континентальная империя, национальный дух, исторический процесс.

THE RELEVANCE OF EURASIAN IDEAS IN MODERN RUSSIA

*S. USTINKIN,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Branch Director,
Head of Laboratory, Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov,
Russia, Nizhny Novgorod*

*P. SEDAEV,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov,
Russia, Nizhny Novgorod*

Abstract: The article examines the ideas of the Eurasians in the context of the current geopolitical situation of Russia. Based on the analysis of the main ideas of the Eurasianist, the authors come

to the conclusion that the ideas of Eurasian philosophy will be in demand in the near future in the light of recent political changes.

Keywords: Eurasianism, Eurocentrism, neo-Eurasianism, the civilizational approach, the continental Empire, national spirit, the historical.

Уже ни для кого не секрет, что те процессы глобализации, которые стали достаточно активно развиваться после распада Советского Союза, заканчиваются и на их смену приходят совершенно новые идеи межгосударственных объединений. Такие процессы мы видим в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Латинской Америке и т.д. На наш взгляд, настало время более активно создавать собственное межгосударственное объединение и на Евразийском постсоветском пространстве, где уже достаточно успешно работает Евразийский Экономический Союз (далее — ЕАЭС). Совсем недавно, а именно 6 мая 2022 года, прошел первый Евразийский экономический форум в Бишкеке (Кыргызская Республика). Сначала состоялись тематические сессии, отведенные стратегиям будущего развития евразийства, цифровой повестке ЕАЭС и энергетической и транспортной структуре стран-партнеров. После проходило пленарное заседание по видеосвязи, где главные мысли по сотрудничеству стран — участниц ЕАЭС высказал президент России — Владимир Путин. Также обсуждались насущные вопросы евразийской интеграции, более того, рассматривались общие стратегии по развитию сотрудничества в области промышленности и экономики до 2025 года. Как мы видим, сама идея евразийства, заложенная представителями отечественной философской мысли еще в начале прошлого столетия, опять становится актуальной. Поэтому мы попытаемся проследить развитие данной философской концепции.

Для того чтобы понимать евразийство как уникальную концепцию, необходимо проследить теории, на которые она изначально опиралась. Традиционно в фокусе российской мысли огромную роль играла философия истории, в частности, такие вопросы, как место Российского государства в историческом процессе, формирование уникального «национального духа», его отличительные черты и т.д. В значительной степени российская философско-историческая мысль одновременно опиралась и оспаривала философские теории Гегеля, доказывавшие возвышение германского национального духа над другими и крайне пренебрежительное отношение к славянским народам.

Своеобразным ответом на идеи европоцентризма стала работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Именно данную работу можно назвать одной из первых, где отечественный мыслитель приводит множество примеров непонимания и крайне недоброжелательного отношения европейцев к русским, объясняя их чуждой европейцам самобытностью русской

души и сильной непокорности в исполнении указаний западных держав. Данилевский спрашивает читателя: «Европа ли Россия?» и старается детально разобрать географические и историко-культурные аспекты этого вопроса. Через определение современной Европы как романо-германской цивилизации он приходит к логичному выводу: «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью — нет, не принадлежит» [1: с. 47–61].

Помимо явного антагонизма России и Европы, Данилевский в XVII главе своей книги дает еще более важную основу для евразийства, а именно: новый цивилизационный поход к изучению мировой истории, обособляет славянский («православный») культурно-исторический тип, выделяет его основные особенности, которые евразийцы во многом наследуют. Данилевский видит светлое будущее за интеграцией всех славян под крылом России, на плечи которой легла обязанность — «освободить своих соплеменников и в этой борьбе закалить себя и их в духе самобытности и всеславянского самосознания» [1: с. 479–509]. Это предполагаемое государство и будет полным воплощением славянского культурно-исторического типа.

Несомненно, эта утопическая идея о светлом будущем объединенной империи с ведущей ролью России, не заикливаясь исключительно на панславизме, имеет непосредственное отражение в евразийстве. Переход от панславизма и доминанты славян к рассуждению о единстве разных народов как общей евразийской идентичности уже есть фундаментальное отличие и нововведение евразийства.

Огромное влияние на евразийство также оказал знаменитый историк В.И. Ламанский своей работой «Три мира Азийско-Европейского материка». В ней Ламанский делил Евразию на три уникальные части (мира): Европа, Азия и «Средний мир», которым, собственно, и является Россия. Наиболее значимой для самого евразийства была идея ученого, заключающаяся в определении России как цивилизации «Евразия», аккумулирующей элементы доминирующей европейской культуры и элементы культур азийских этносов. Однако Ламанского еще сложно назвать евразийцем, т. к. он продолжал традицию выделения славянской культуры и православной веры как формообразующих начал «среднего мира» [2: с. 13–14].

Отцами, заложившими начало евразийства как философско-политической концепции, по праву считаются Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий. Развитие нового течения происходило в 20-е годы XX в. на фоне поствоенного мирового урегулирования, всеобъемлющей рефлексии, скрупулезного анализа причин страшной мировой войны и переосмысления существующих всевозможных научных и философских достижений прошлых лет. Революции в России 1917-го года также не могли не оказать должного влияния на развитие российской фи-

лософской мысли: рассуждения о том, правильный ли шаг сделала Россия или необходимо было выбрать иной путь развития — все это можно найти в трудах классического евразийства.

Трубецкой в своей знаменитой брошюре «Европа и человечество», обсуждение которой, собственно, и привело к зарождению евразийства, поднимает, как ему кажется, самые наболевшие темы всего рода человеческого и его будущего развития. Он последовательно критикует европоцентризм, возлагает на него и на европеизацию вину за беды, которые произошли с миром в начале XX столетия. Трубецкой убежден, что «шовинизм и европейский космополитизм, по существу, не отличаются», т. е. отражают общее приравнение европейской цивилизации к общечеловеческой. Более того, он выражает протест популярным дарвинистским оправданиям европейского шовинизма, где утверждается обусловленная эволюционными процессами идея превосходства романо-германской цивилизации над другими. По мнению Трубецкого, подобные подходы приводят к невероятной враждебности и крайнему милитаризму и, по правде говоря, такая оценка оказалась верным предчувствием трагедий Второй мировой войны. Для Трубецкого является некорректным любое качественное сравнение разных культур и цивилизаций, поскольку каждое культурное сообщество, по его мнению, не лишено собственной «оптической иллюзии», мешающей здраво оценить чужую культуру.

Отличительной чертой враждебности Трубецкого к европоцентризму от славянофильского подхода является отхождение от идей «особой роли» славян в борьбе с европеизацией. Он верит, что единственный способ решить эту проблему — это отойти от частных вопросов этнической идентичности и выразить только одно противопоставление — Европа и все человечество [3: с. 84–92].

Сформировавшаяся в начале 20-х годов прошлого века евразийская теория и идеология, на удивление многим современникам-критикам оказалась вполне состоятельной и смогла прожить в виде обновленных форм вплоть до наших дней. Наиболее сильной стороной евразийства был огромный шаг вперед в создании образа России как невероятно гетерогенной державы. Более того, евразийство призывало бороться с шовинизмом и агрессивным национализмом. Однако эмигрантская среда неоднозначно относилась к евразийству с самого начала из-за спорных, зачастую граничащих с лженаучностью, подходов к исторической интерпретации и слишком сильного заимствования из славянофильства [2: с. 22–24].

В 90-е годы прошлого столетия на фоне крушения советской идеологии, разрушения единства социалистических республик и образования «идеологического вакуума» происходит стремительное распространение идей неоевразийства, причем не только в России, но и в ряде других постсоветских республик. Именно в этот период неоевразийство становится

достаточно проработанной политико-философской системой и идеологией. Однако из-за произошедшего взаимопроникновения евразийских и националистических идей неоевразийство углубило свою амбивалентность, продолжая развиваться в этом забавном сосуществовании необходимости евразийского сплочения равных культур и особой роли и мессианского предназначения русских в этом сплочении.

Кратко рассмотрев историю развития евразийской мысли, можно попытаться выделить ключевые аспекты современного неоевразийства, несмотря на широкое разнообразие школ, выборочное использование имиджа евразийства в политических и популистских целях и т.д.:

- 1) Фундаментальной основой неоевразийства остается цивилизационный подход, нелинейное понимание истории и исторических процессов, поддержка полицентричности, многополярности в международных отношениях.
- 2) Из первого пункта напрямую следует антизападная риторика: противостояние универсальным ценностям, антиамериканизм, антиевропоцентризм. Также неоевразийцы противостоят либерализму, глобализму, зачастую критикуют сложившийся капиталистический уклад, подобно ранним евразийцам.
- 3) Исходя из цивилизационного подхода и борьбы с универсальными ценностями, неоевразийцы предлагают, по их мнению, исконные и исторически обусловленные для Евразии ценности как основу будущего евразийского сосуществования: соборность, терпимость, коллективизм, религиозное сознание, духовность и т.д.
- 4) Для русского, татарского и казахского современного евразийства свойственно выделение их этноса как доминирующего и наиболее способствующего в евразийском сплочении, каждый из них пытается перетянуть одеяло особой роли «моста» между Европой и Азией на себя. Русское неоевразийство продолжает традицию в присвоении себе роли мессианства для региона. Разумеется, подобные трактовки происходят при должном уважении других этносов и культур, однако неоевразийство углубляет свою ориентацию на умеренный национализм.
- 5) Признание исторической, философско-духовной и цивилизационной обусловленности евразийских стран к интеграции. Современное евразийство продолжает веру в светлое будущее евразийских народов под крылом единого Евразийского государства, считает путь к «евразийской империи» наиболее естественным для цивилизации.

Подводя итог, отметим, что идеи, заложенные представителями евразийской философской мысли, могут быть востребованы в современных условиях изменения геополитического и геоэкономического простран-

ства. Поэтому изучение наследия представителей евразийства является сегодня особенно актуальным.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
2. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. М.: Библио-Глобус, 2018. 274 с.
3. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

ВОКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО П. ВИАРДО КАК ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В СТИХОТВОРЕНИИ В ПРОЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «СТОЙ!»

*В.М. ГОЛОВКО,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной и мировой литературы,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь
e-mail: vmgolovko@mail.ru*

Аннотация: Стихотворение в прозе «Стой!» (1879) проблемно связано с учением Шопенгауэра об эстетическом наслаждении как форме «прозрения в principium individuationis». Философские реминисценции, отсылки, аллюзии подключены к полемике Тургенева с методологией, санкционирующей трактовку связей личного и общего с внесоциальных позиций. Смысловое целое стихотворения «Стой!» не согласуется с шопенгауэровскими положениями о целях «познающего субъекта», интенциональные стратегии которого связаны с «самоотрицанием», преодолением «воли к жизни» и обесценением идеи человеческой индивидуальности.

Ключевые слова: Тургенев, Шопенгауэр, «чистое познание», эстетическое наслаждение, принцип индивидуализации.

P. VIARDOT'S VOCAL ART AS PROTOTYPICAL BASE AND OBJECT OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC REFLECTION IN I. S. TURGENEV'S POEM IN PROSE "WAIT!"

*V. GOLOVKO,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Russian and World Literature,
North Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol
e-mail: vmgolovko@mail.ru*

Abstract: Poem in prose "Wait!" (1879) is problematic with the teachings of Schopenhauer about aesthetic pleasure as a form of "insight in principium individuationis". Philosophical

reminiscences, references, allusions are connected to Turgenev's polemic with a methodology that sanctions the interpretation of personal and common from non-social positions. The semantic whole of the poem "Wait!" is not consistent with Schopenhauer's provisions on the goals of the "cognitive subject", the intentional strategies of which are associated with "self-denial", overcoming the "will to life" and the depreciation of the idea of human personality.

Keywords: Turgenev, Schopenhauer, "pure knowledge", aesthetic pleasure, the principle of individuation.

Лирико-философский цикл И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» (1877–1882) содержит ряд таких произведений, которые до сих пор не поддаются литературоведческой интерпретации и не комментируются даже во втором академическом издании Полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева. К их числу относится и стихотворение в прозе «Стой!», хотя его художественный образ, не без оснований, давно и прочно ассоциируется с обликом и вокальным искусством Полины Виардо. Тем не менее при чтении и анализе этого стихотворения появляется больше вопросов, чем ответов.

Например, почему онтологические тайны открываются в «мгновение» «выражения» красоты и почему «на миг» — при созерцании красоты? Почему «мгновение» открытия этих тайн «не кончится никогда», в чем смысл такого образа-оксюморона — «это твое мгновение не кончится никогда» [3: с. 196]? Чем объясняется образная оппозиция мгновения как персонафицированного онтологического *бессмертия*, *вечности* для творца красоты и обычной его человеческой экзистенции? В чем смысл того, что идея вечности, бессмертия акцентирована в индивидуализированной парадигме, то есть имеет строго субъектную природу («*твое* бессмертие», «*твоя* вечность»)? Рефлексия смыслопорождения в стихотворениях в прозе, до сих пор не поддающихся истолкованию, невозможна без анализа философского контекста появления и функционирования их образов.

В данном случае смысловые коды этих произведений открываются при их соотнесенности с теорией познания, философской антропологией и этикой Артура Шопенгауэра (1788–1860), на что впервые в свое время обратил внимание известный польский историк и философ акад. Анджей Валицкий. Но поскольку ученый не обращался к эстетическому анализу, то безоговорочно отнес это стихотворение к «истории шопенгауэризма» [6: с. 335–353].

В «Стихотворениях в прозе» обнаруживается система реминисценций из учения Шопенгауэра о «прозрении в *principium individuationis*», и произведения, в которых фиксируются реминисценции, имеют отношение к тем формам «самоотрицания», которые обоснованы в шопенгауэров-

ской теории познания. Суть этой теории и связанной с нею этики сводилась к утверждению того, что «познание целого, сущности вещей в себе» является «квиеетивом всякого хотения», «укрощающего и уничтожающего всякое хотение», а «самоотрицание» необходимо в силу того, что «принцип индивидуации» — это «явление», скрывающее «вещь в себе», препятствующее моральному осознанию необходимости отрицания «воли к жизни» и слиянию с «мировой волей».

«Чистое познание», по Шопенгауэру, ведет к «забвению... индивидуальности» и всякого «хотения» [5: т. 1, с. 203], то есть стремления «воли к жизни», поскольку жизнь есть не что иное, как «юдоль скорби и страдания».

В «Стихотворениях в прозе» есть отсылки к шопенгауэровским текстам, в которых рассматриваются такие формы самозабвения и самоотрицания, как «сострадание» («Мне жаль...», «Собака», «Ты заплакал...», «Нищий», «Морское плавание»), «эстетическое наслаждение» («Стой!»), «любовь» («Христос», «Любовь»), «аскетизм» («Монах», «Милостыня»). Именно эти произведения и не комментируются до сих пор. Декодировать смыслы названных стихотворений совершенно необходимо, иначе «смысловое целое» всего цикла остается недоступным. Что касается стихотворения «Стой!», то через категории Шопенгауэра открываются еще и коды философии Платона, весьма существенные для понимания идейного содержания данного произведения.

Поскольку отношения Тургенева к идеям немецкого мыслителя носили характер притяжений & отталкиваний, то произведения писателя вовсе не являются образными иллюстрациями шопенгауэровских идей. Анализ реминисценций — это исследовательский подход, открывающий путь для понимания смысла этих произведений, позволяющий идентифицировать адресат имплицитной полемики писателя с определенной философской традицией. Здесь важно иметь в виду именно систему реминисценций, связанную с «апробацией» форм самозабвения, обособленных и раскрываемых в этике Шопенгауэра. (Многие сходные мотивы, если их рассматривать изолированно, можно связать и с другими источниками.) В эту систему органично входит и шопенгауэровское учение об «эстетическом наслаждении красотой» [5: т. 1, с. 405], с которым в некоторых моментах связано стихотворение в прозе «Стой!» (1879).

«Эстетическое наслаждение красотой» — это у Шопенгауэра такая форма самозабвения и самоотрицания, которая является своего рода инструментом «уяснения» «видимости» «мира как представления» [5: т. 1, с. 275], а следовательно — «отрешения от всякого хотения» [5: т. 1, с. 405] и отрицания индивидуального начала. Человек, стремящийся путем прозрения в *principium individuationis* к слиянию с мировой волей, преодолевает волю к жизни, силу эгоизма, оказывается вне времени

и пространства, вне каузальных процессов. Музыка в эстетическом созерцании и наслаждении философ отводил особую роль, поскольку музыка, как подчеркивал Шопенгауэр, в отличие от других видов и форм искусства, не просто отражает вечные идеи, а является «отпечатком самой воли» как первоосновы всего сущего [5: т. 1, с. 266].

«Чистое познание, свободное и отрешенное от всякого хотения» «имеет большую долю в эстетическом наслаждении» [5: т. 1, с. 206], — писал Шопенгауэр, — и «открытие тайн» осуществляется в процессе созидания красоты и в состоянии ее «чистого созерцания» [5: т. 1, с. 209, 203]. «...Эстетическое наслаждение красотой, — подчеркивал философ, — в значительной мере состоит в том, что мы, приобщившись к чистому созерцанию, *на миг* отрешаемся от всякого хотения, то есть от всех желаний и забот, как бы освобождаемся от самих себя, — и вот мы уже не познающий ради своих непрерывных стремлений индивидуум, не коррелят отдельной вещи, для которого объекты становятся мотивами, а безвольный, *вечный* субъект познания, коррелят идеи...» [5: т. 1, с. 405].

Идея как понятие онтологическое трактовалась Шопенгауэром с опорой на философию Платона. «Платон только идеям... приписывал настоящее бытие, — писал Шопенгауэр, — индивидуумам же — лишь беспредельное возникновение и уничтожение» [5: т. 2, с. 498]. «Идеи» — это «вечное сущее», а «единичные вещи... происходят и уничтожаются» [5: т. 1, с. 135]. «Объект искусства, — подчеркивал философ, — ...есть идея, в смысле Платона и решительно не что иное» [5: т. 1, с. 241]. Как увидим далее, это очень важные положения для анализа стихотворения в прозе «Стой!».

Обратим сначала внимание на то общее, что обнаруживается в текстах Шопенгауэра и Тургенева.

Лирическая ситуация в стихотворении «Стой!» словно иллюстрирует важный тезис философа, согласно которому «красота» «зидается... на чистой объективности, то есть бескорыстии созерцания» [5: т. 2, с. 385]. «Красота», которую «удалось... выразить» певице [3: с. 195], в восприятии субъекта переживания постигается именно в состоянии «бескорыстного созерцания»: «Стой! Какую я теперь тебя вижу — останься навсегда такую в моей памяти!» [3: с. 195]. «Чистое созерцание, — утверждал Шопенгауэр, — неизбежно для каждого восприятия красоты» [5: т. 1, с. 214]. Созерцаемая красота, говоря словами Шопенгауэра, повергает лирического героя «в состояние “чистого познания”» [5: т. 1, с. 210], именно поэтому он при созерцании красоты и открытии онтологических тайн [3: с. 196] оказывается в ситуации углубления в свой внутренний мир: «Дай мне быть участником твоего бессмертия! Урони в душу мою отблеск твоей вечности!»

Принципиальный момент: создание и «бескорыстное созерцание» высокого искусства непосредственно связано в произведении Турге-

нева именно с идеей познания, «открытия тайн». Это вновь обращает нас к Шопенгауэру. «Настоящая цель... искусства..., — согласно учению философа, — ...заключается в том, чтобы облегчать для нас постижение (платоновых) идей всего сущего в этом мире, причем мы в то же время погружаемся в состояние чистого, то есть безвольного познания...» [5: т. 2, с. 434]. Именно такие «идеи всего сущего в мире» [5: т. 1, с. 217] и постигает лирический герой в процессе «эстетического наслаждения красотой»: «Вот она — открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви!» [3: с. 196].

«Высшая цель искусства», по Шопенгауэру, — это «переход от отдельной вещи к идее» и «раскрытие существа» человека, который интеллектуальнее и «прекраснее преимущественно перед всеми другими» [5: т. 1, с. 217]. «Счастье» и «блаженное сознание красоты» героини стихотворения [3: с. 195], которое обретается ею в служении искусству, заключается именно в раскрытии сокровенной сущности ее человеческого содержания.

Осуществление такой цели Тургенев, по воспоминаниям современников, видел, прежде всего, в реальном процессе творчества Полины Виардо. «...Когда m-me Виардо поет, — «воодушевленно» говорил Тургенев, — она сама жизнь, сама страсть, само искусство. Она не чужое передает, она сама как будто свое переживает...» [1: с. 212]. Прототипическое и художественно-философское предстают в образе переживания этого тургеневского произведения в поразительном единстве.

«Произведение, полное красоты, чтобы действительно существовать и жить, требует интеллекта чувствующего, продуманное — интеллекта думающего», — писал Шопенгауэр [5: т. 3, с. 775]. Только такой художник способен на «познание платоновой идеи». Этому критерию в полной мере отвечала Полина Виардо как прототип героини стихотворения в прозе «Стой!». Современники писателя говорили о ней, как об «артистке... очень образованной и высокоталантливой», как о «гениальной», «великой певице», отмечали ее «ум, художественный вкус, умение схватывать существенное и отбрасывать мелкое, не важное» [1: с. 105, 170, 277, 295, 179]. То, что Полина Виардо в полной мере обладала «интеллектом чувствующим», показывает ее переписка с Тургеневым второй половины 1840-х годов: с нею писатель делился сокровенным и обсуждал свои самые глубокие метафизические идеи и мысли.

Небезынтересно заметить, что среди тайн, которые открываются в мгновения красоты и эстетического наслаждения, красотой оказываются «жизнь» и «любовь». Шопенгауэр особо подчеркивал, что «постигнутая идея... почерпывается только из самой жизни, из природы, из мира...». «Истинные произведения, носящие в себе бессмертную жизнь», создаются гениями, которые способны «сообщить произведению внутреннюю жизненность», — утверждал философ [5: т. 1, с. 243]. И эта «открытая

тайна» тургеневской героини, обеспечивающая «бессмертие», — «тайна жизни» — если и не совпадает, как далее увидим, с философией жизни Шопенгауэра, то и не противоречит аксиологическим константам онтологии этого философа.

О том, что героиня стихотворения в прозе «Стой!» в мгновение открытия «сокровенной сущности» поэзии, жизни, любви постигает одно из множественных проявлений единств «идеи», приобщается к вечности платоновых идей, говорит то, что лирический герой стремится «стать участником» ее «бессмертия», сохранить в своей душе «отблеск ее вечности» [3: с. 196]. Важно вспомнить, что в философии Платона красота рассматривалась как средство одухотворения мира, как вечная, находящаяся вне времени, идея, постичь, выразить которую можно только в состоянии вдохновенного творчества, поскольку в создаваемом художником феномене искусства можно обнаружить отблеск идеальной, высшей красоты (истины).

В диалоге «Пир» Платона (вторая половина 80-х годов IV века) идея красоты как красоты «духовной», а не «телесной», непосредственно сопрягается с любовью, а «[любовь] стремится также и к бессмертию»: в любви «смертная природа стремится... по мере возможности, быть вечной и бессмертной». Знание «высшего», «прекрасного», как говорит в «Пире» Платон, обеспечивает «соприкосновение с истиной», способность на «истинную добродетель», и как следствие этого — «бессмертие» [2: с. 59, 33, 53, 47, 55, 59, 61].

В стихотворении Тургенева не случайно одной из «тайн», «истин», открывшейся в красоте вокального искусства героини, оказывается «любовь», ведущая к бессмертию: «Вот она — открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно бессмертие!..» [3: с. 196]. Такое «бессмертие» обеспечивает отблеск вечной идеи «красоты-блага». Сущность любви в таком случае раскрывается, как в «Пире» Платона, во всей «многосодержательности», и в этом выражается реальное высокое чувство автора стихотворения в прозе к Полине Виардо, в котором интегрируется и любовь к «индивидуальному» как таковому, и высокая, чистая, идеальная любовь как воплощение красоты и познания «идеи».

То, что идеи Платона были близки Тургеневу, подтверждают его современники. В частности, в своих воспоминаниях А. Н. Луканина привела такое высказывание писателя: «Красота имеет право на существование, она в конце концов вся цель человеческой жизни. Правда, любовь, счастье — все соединяется в красоте. Древние греки были переполнены чувством красоты.

«Я читал перевод Платона Джоетта (перевод Шлейермахера плох), у меня болела душа от того, насколько мы пали сравнительно с греками» [1: с. 206–207]. Примечательно, что в словах Тургенева заключена мысль

о том, что красота соединяет в себе «любовь», «счастье» и «правду», то есть постигаемую творцом красоты «истину» (как и у Платона, и у Шопенгауэра).

Идеи Платона, безусловно, преломились в метафизике А. Шопенгауэра, что неоднократно отмечалось самим франкфуртским мыслителем [5: т. 1, с. 66, 135, 202; т. 2, с. 498 и мн. др.]. Философия Платона — это то основание, которое сближает идеи авторов стихотворения «Стой!» и сочинения «Мир как воля и представление».

Рассматривая это сочинение немецкого философа в качестве претекста стихотворения в прозе «Стой!», надо прежде всего обратить внимание на его смысловую связь с философским обоснованием Шопенгауэром преодоления «на миг» времени и пространства в музыкальном творчестве. Философ доказывал, что человек при «эстетическом наслаждении красотой» способен «на миг» оказаться вне времени и пространства, «составляющих *principium individuationis*», и приобщиться к «вечности идеи» [5: т. 1, с. 405; т. 2, с. 497].

В творчестве, как в «чистом познании» творца красоты, «не только от времени, но и от пространства отрешается идея», — писал Шопенгауэр, — так как в этом случае перед художником предстает «чистый смысл, сокровенная сущность... пространственных отношений образа» [5: т. 1, с. 216]. По Шопенгауэру, искусство, истинное и глубокое познание сущности мира, не становится адекватной формой выражения воли; оно позволяет укротить волю «на миг», но не «забывать себя» постоянно. Но чтобы освоить «познание сущности мира», художник должен хотя бы «на мгновение» преодолеть «время и пространство — *principium individuationis*» [5: т. 1, с. 88].

Совершенно очевидны соотношения стихотворения «Стой!» с этими положениями Шопенгауэра. Здесь вдохновенное творчество и эстетическое наслаждение, «сознание красоты» позволяют на «мгновение» уловить «отблеск вечности» и «открыть тайну бессмертия», то есть абсолютного преодоления времени-пространства: «Вот она — открытая тайна... Вот оно, вот оно бессмертие! <...> В это мгновение ты бессмертна... ты стала вне всего преходящего, временного...» [3: с. 196].

В данном случае по своей философской семантике «мгновение» — это не то онтологическое время-пространство экзистенциального человека, о котором писал Тургенев Полине Виардо 30 апреля 1848 года («Жизнь — это красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности...»), и не гётевское «Когда воскликну я мгновенью: “Остановись! Прекрасно ты!”» [4: с. 65], фиксирующее отказ Фауста от его земного существования, а момент приобщения к «вневременному бытию», то есть вечности («платоновой) идеи» [5: т. 2, с. 499]. Именно поэтому «мгновение не кончится никогда».

«Бессмертна» героиня стихотворения именно как «чистый субъект познания» [5: т. 1, с. 202] в момент вдохновенного творчества, чего не может быть в обычной жизни. (Именно такая ситуация акцентировалась Шопенгауэром в его теории познания.) В стихотворении отчетливо выражена антитеза между «бесперывными стремлениями индивидуума» в повседневном его существовании и им же как «вечным субъектом познания», «приобщающимся» «к вечности» при «эстетическом наслаждении красотой»: «В это мгновение ты бессмертна. Оно пройдет — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя...», то есть существо повседневной, земной жизни [3: с. 196].

Постигая художественную семантику образа-оксюморона «мгновение не кончится никогда», надо отметить, что художественный смысл концепта «бессмертия» в стихотворении Тургенева в такой же мере приближается к идеям Платона, в какой отчуждается от основ философии Шопенгауэра.

Суть преодоления времени и пространства героиней в стихотворении Тургенева не согласуется с шопенгауэровскими положениями о целях «познающего субъекта», интенциональные стратегии которого связаны с «самоотрицанием» и преодолением «воли к жизни».

В заключение перейдем к анализу принципиальных расхождений писателя и философа в трактовке рассматриваемых проблем.

Концепт «бессмертия» в художественной аксиологии Тургенева является определяющим содержательно-оценочным компонентом. В связи с этим важно подчеркнуть: в философской системе Шопенгауэра категория «бессмертия», по сути, не функциональна, причем во всех возможных семантических наполнениях, как в антропологическом, так и метафорически-философском смысле. В философском аспекте у немецкого мыслителя, в отличие от автора стихотворения «Стой!», «бессмертие» не тождественно понятию «вечность». У него функциональна другая категория — «неразрушимость “я”». У философа при выражении красоты возможно только «на миг» приобщение к вечности «идеи», а подлинную вечность человек обретает тогда, когда «наступает отрицание воли к жизни» [5: т. 2, с. 517], и он сливается с мировой волей.

Переключки Тургенева с Шопенгауэром в признании возможности приобщения к вечности на мгновение при эстетическом наслаждении оказываются, по сути, чисто внешними. Шопенгауэр доказывал, что, поскольку «воля смерти не подлежит», то «нетленно наше подлинное существо», вечно «несокрушимое начало в нас», а потому «смертному человеку можно сказать: “Ты перестаешь быть чем-то таким, чем лучше было бы тебе никогда не становиться”» [5: т. 2, с. 516, 486, 517]. Этим обосновывается парадоксальный, на первый взгляд, тезис философа-волюнтариста: «Смерть, бесспорно, является настоящей целью жизни» [5: т. 2, с. 663].

Сближаясь с Платоном в трактовке бессмертия-вечности, обретаемой в приобщении к красоте, Тургенев отбрасывает все другие философские концепции «бессмертия»: «Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет — и не надо» [3: с. 196]. «Не надо» и шопенгауэровского «известного рода бессмертия», своего рода обещания, что «сокровенное ядро “я”» «не уничтожимо» [5: т. 2, с. 486, 517, 486] — как, впрочем, «не надо» и любого другого его понимания и объяснения.

Утверждение уникальности человеческой сущности в стихотворении Тургенева абсолютно исключает шопенгауэровскую идею объективации воли средствами воспроизведения «бесконечного числа подобных же существований с их *я*», то есть «изменения индивидуальностей», в сущности, совершенно однотипных [5: т. 2, с. 518]. В трактовках идеи вечности, бессмертия человека и его индивидуальности заключается главное расхождение философа и писателя в интерпретации «эстетического наслаждения красотой».

В стихотворении Тургенева в процессе «чистого познания» (еще раз воспользуемся формулировкой философа) не только «не забывается всякая индивидуальность» [5: т. 1, с. 203], на чем настаивал Шопенгауэр, а напротив, индивидуальное начало акцентируется и утверждается, как и в других стихотворениях в прозе («Когда меня не будет...», «Я встал ночью...», «Дрозд I», «Собака» и др.). В этом самое главное отличие писателя от философа: эстетическое наслаждение у Тургенева не связано с «исчезновением сокровенного “я”», не связано с «самоотрицанием» [5: т. 1, с. 517]. Писатель особо подчеркивает роль личностного начала в процессе постижения «тайны жизни» и «вечности»: «В это мгновение ты бессмертна. <...> Это *твоё* мгновение не кончится никогда» [3: с. 196. Выделено И.С. Тургеневым. — *В.Г.*]. Идея «индивидуации» у Тургенева является доминантной. «Вечность», с одной стороны, и конечность «субъекта», «индивидуальности» — с другой, у Тургенева не противостоят друг другу, как в антропологии Шопенгауэра. Благодаря актуализации самой категории человеческой индивидуальности в художественно-философской антропологии Тургенева смысл всего стихотворения выходит далеко за рамки содержания шопенгауэровских реминисценций. Таким образом, семантическая противоположность составляющих, слагаемых целостного образа-оксюморона тургеневского стихотворения («мгновение не кончится никогда») имеет иную природу по сравнению с шопенгауэровскими антиномиями.

В стихотворении в прозе «Стой!» ситуация «эстетического наслаждения красотой» создается не без помощи отсылок к учению Шопенгауэра о прозрении в *principium undivuationis*, но в то же время писатель со всей очевидностью дистанцировался от этого учения. В стихотворении в прозе «Стой!» для художественно-философского утверждения гуманистических идеалов, для диалога писателя с противоположной философской тради-

цией шопенгауэровские аллюзии и коннотации дают необходимый материал, который имеет немаловажное значение для создания «смыслового целого» произведения, а значит, и для его научной интерпретации.

Литература

1. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит-ра, 1983. 557 с.
2. Платон. Пир / Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // Полное собрание творений Платона: В 15 т. Т. 5: Пир. Федр / Под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова. СПб.: Academia, 1922. 176 с.
3. Тургенев И.С. Стой! // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения. Т. 13. М.; Л.: Наука, 1967. С. 195–196.
4. Фауст. Трагедия Гёте / Перевод А. Фета, с рисунками Энгельберта Зейбертца. Ч. I. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1899. 172 с.
5. Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений: [в 4 т.] / В пер. и под ред. Ю. Айхенвальда. М., 1900–1910.
6. Walicki A. Osobowość a historia: Studia z dziejow literatury i myśli rosyjskiej. Warszawa: Państw. inst. wydawniczy, 1959. S. 335–353.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ — ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

*О.Г. ФИРСОВА,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей и российской истории
Института гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: olgafirsov@ya.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются межнациональные браки как пространство для диалога культур в современном мире, когда наряду с процессами глобализации очень остро стоят вопросы межнациональной напряженности и межнациональных конфликтов. В статье анализируется отечественный исторический опыт заключения династических и межнациональных браков и его влияние на внешнюю политику и формирование толерантности. Приводятся отрицательные и положительные стороны межнациональных браков.

Ключевые слова: межнациональный браки, диалог культур, толерантность, династические браки.

INTERETHNIC MARRIAGES — A MINI SPACE FOR A DIALOGUE OF CULTURES

*O. FIRSOVA,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the University-wide Department of World
and National History of the Institute of Humanities,
Moscow State University, Russia, Moscow
e-mail: olgafirsov@ya.ru*

Abstract: The article examines interethnic marriages as a space for dialogue of cultures in the modern world, when along with the processes of globalization, issues of interethnic tension and interethnic conflicts are very acute. The article analyzes the domestic historical experience of the conclusion of dynastic and interethnic marriages and its impact on foreign policy and the formation of tolerance. The negative and positive sides of interethnic marriages are given.

Keywords: interethnic marriages, dialogue of cultures, tolerance, dynastic marriages.

С древнейших времен межнациональные браки способствовали установлению дружеских отношений между государствами. В истории таких примеров множество. Обратимся к истории нашего Отечества. Спустя столетие с небольшим после образования Древнерусского государства князь Владимир решает поднять международный престиж Руси с помощью межнационального брака. Он просит руки византийской принцессы Анны у ее братьев императоров. Женитьба на Анне привела к серьезным последствиям для внутренней и внешней политики Древнерусского государства. Анна не соглашалась выходить замуж за язычника, которым являлся Владимир. В результате Владимир крестился сам и в 988 году крестил всю Русь. Принятие христианства, бесспорно, одно из эпохальных событий, определивших всю дальнейшую историю России, а одной из причин крещения Руси стал именно межнациональный брак. Благодаря принятию одной из мировых религий и укреплению связей с Византией с помощью династического брака Древнерусское государство значительно повысило свой авторитет на международной арене.

Сыну Владимира — Ярославу Мудрому — было уже гораздо легче, чем его отцу, налаживать международные связи и заключать династические браки. Древнерусское государство достигло своего расцвета. Все европейские правящие династии считали за честь породниться с Рюриковичами. Сам Ярослав был женат дважды. Первый раз на норвежке, а второй — на дочери короля Швеции. Сын Ярослава Мудрого — Изяслав — был женат на сестре польского короля, другой сын — Святослав — на австрийской принцессе, а Всеволод женился на греческой принцессе.

Дочери Ярослава Мудрого стали женами норвежского, венгерского и французского королей.

В трудные для России времена династические браки не заключались. Короли соседних государств не желали отдавать своих сестер и дочерей за правителей слабого государства. Так было, например, после татаро-монгольского нашествия на Русь. В этот период русские князья выбирали себе жен из своих подданных.

С первым царем из новой династии Романовых — Михаилом Федоровичем — европейские короли тоже не спешили родниться, так как не были уверены в том, что династия не оборвется на ее первом же представителе. Отец Михаила — Филарет — сватал за сына родственниц датского и шведского королей, но ему было отказано под благовидными предложениями.

Традицию династических браков продолжил Петр Великий. Сам он был женат два раза. Первый раз женился по настоянию матери в неполные 17 лет на своей подданной Евдокии Лопухиной, а второй — по большой любви на девушке не царских кровей, плененной во время Северной войны, будущей императрице Екатерине I. Зато своего сына — царевича

Алексея — Петр женил на одной из немецких принцесс Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской. С тех пор все наследники русского престола из династии Романовых, за исключением императора Александра III (он был женат на датской принцессе), женились на немках. Считалось, что так завещал сам Петр Великий. На самом деле такой выбор невест для наследников объяснялся просто. Во-первых, в тот период не было единого государства Германия, а существовало множество отдельных самостоятельных государственных образований, в каждом из которых имелись принцессы, так что выбор невест был богатый. Во-вторых, немки в основном исповедовали протестантизм и гораздо легче, чем, например, католички, принимали обязательное условие брака с русским наследником престола — принятие православной веры.

С падением монархии прекратилась и традиция династических браков.

В царской России межнациональные браки были доступны только для правящей династии и в редких случаях для высших сословий. Традиционно браки заключались между подданными Российской империи. Межнациональный брак мог быть не одобрен монархом. Самый яркий пример недовольства монархом межнациональным браком своего подданного — женитьба князя Михаила Алексеевича Голицына на итальянке. Императрица Анна Иоанновна, узнав об этом, а также о том, что Голицын сменил ради жены веру и стал католиком, велела расторгнуть этот брак и разжаловала князя в шуты. В дальнейшем Анна Иоанновна по своей прихоти женила Голицына, который получил прозвище Квасник, так как подавал императрице квас, на своей шутихе — калмычке Авдотье Бужениновой, подававшей ей любимое лакомство — буженину. Для свадьбы шутов Анна Иоанновна велела построить ледяной дом, а гостями были представители всех народов, населяющих Российскую империю. Получилась настоящая живая этнографическая выставка.

«В Российской империи редкостью были браки не только между людьми разной веры и далеких друг от друга культур, но и между представителями разных народов одной конфессии и близких культурно, в частности, между православными славянами даже в этноконтактных зонах» [2: с. 461].

После революции 1917 года и вплоть до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. межнациональные браки продолжали оставаться редкостью. В 20-е годы XX века проводилась политика «коренизации». Это время создания национальных республик и поощрения развития национальной культуры и языка. В 30-е годы ведется пропаганда создания единой советской общности. Великая Отечественная война стала катализатором этого процесса. Сплотившись перед лицом грозной опасности, представители народных республик почувствовали себя единым советским народом, защищающим общую Родину. После войны начинается бум межнациональных браков. Офицеры и солдаты привозят

себе жен из Средней Азии, Украины, Белоруссии и других советских республик, освобожденных от немецких захватчиков. В послевоенные годы «национально-смешанные семьи превратились в массовое явление» [3: с. 73].

Количество межнациональных браков в СССР продолжает расти. Этому способствует пропаганда и утверждение новой идеологии и появления новых терминов. Сначала термина «дружба народов» в середине 50-х годов, а потом, в начале 70-х годов, термина «советский народ».

«За 1959—1978 гг. число таких (межнациональных) семей увеличилось в СССР с 5,2 до 9,9 млн человек, или, без малого, вдвое, а доля их возросла с 10,2 до 14,9%, т.е. почти в полтора раза» [1: с. 12]. В 80-е годы XX века количество межнациональных браков в СССР продолжает расти, но уже не такими быстрыми темпами, как в предыдущий период.

После распада Советского Союза появляется новая тенденция — миграция населения в страны дальнего зарубежья. В этот период межнациональный брак часто используют как возможность эмиграции за границу.

В настоящее время число межнациональных браков неуклонно растет. Активно заключаются браки как между представителями бывших советских республик, так и жителями дальнего зарубежья. Этому способствуют общие процессы глобализации и укрепление кросс-культурных связей.

Исследования межнациональных браков в рамках таких наук, как: социология, история, психология, этнография, демография в современном обществе особенно актуально в связи с тем, что, во-первых, таких браков с каждым годом становится все больше и больше, а во-вторых, одновременно с процессами глобализации очень остро встают вопросы межэтнической напряженности и межнациональных конфликтов.

В современном обществе межнациональный брак должен стать минипространством для выстраивания диалога культур. Смешанные семьи — лучший наглядный образец толерантности. Как в Древней Руси династические браки являлись гарантией соблюдения мира между соседними государствами, так в современном обществе межнациональные браки должны способствовать погашению межнациональной розни.

Обобщая данные многих современных социологических исследований, можно выделить следующие особенности современных межнациональных браков в России:

1. В городах и регионах с этнически смешанным населением доля межнациональных семей достигает 50% от общего числа.
2. Чаще всего межнациональные семьи двуязычны.
3. Если брать все межнациональные семьи, то среди них преобладают браки между представителями близких по культуре и языку наций.

4. В последние годы резко увеличивается число браков, в которых супруги принадлежат к разным историческим и национальным культурным традициям.
5. Количество разводов в межнациональных семьях незначительно выше, чем в мононациональных.

Риск развода на начальном этапе становления семьи выше у межнациональных пар. Это объясняется различием культур и менталитетов супругов и, следовательно, особенно трудным периодом адаптации в браке.

В межнациональных браках есть свои плюсы и минусы. К проблемам, с которыми сталкиваются, вступая в такой союз, относятся:

1. Языковой барьер.
2. Различные взгляды на ролевое поведение супругов в семье.
3. Различные взгляды на воспитание детей и прививание им культурных ценностей.
4. Тяжелая адаптация к чужой культуре.
5. Различные вероисповедания.
6. Несовместимость этнокультурных установок представителей различных этнических групп.
7. Различные взгляды на общение с расширенной семьей (родительской семьей, родственниками).
8. Различные взгляды на распределение обязанностей в семье.
9. Отсутствие толерантности.

Положительными сторонами межнациональных браков являются:

1. Взаимообмен знаниями, традициями, обычаями, культурными ценностями, что ведет к расширению мировоззрения и уходу от стереотипного мышления, развитию рационального и эмоционального интеллекта.
2. Приобретение культуры межэтнического общения.
3. Воспитание детей в рамках двух культур. Изучение детьми из смешанных браков с рождения сразу двух, а часто трех и более языков.
4. Возрастает общая толерантность супругов в межнациональных браках, а также вокруг таких пар формируется достаточно широкое пространство толерантности, состоящее из их родственников, друзей, соседей, знакомых.

Межнациональные браки в современной действительности стали обычным явлением, поэтому их изучение с целью направлять развитие этого социального института в положительное русло, способствующее формированию толерантности, передаче духовных ценностей и выстраиванию диалога культур, является первостепенной задачей в настоящее время.

Литература

1. Волков А.Г. Этнически смешенные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26.
2. Ганцкая О.Г., Терентьева Л.Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 433–483.
3. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.

МЕТОДОЛОГИЯ РАБОТЫ С.Н. ПРОКОПОВИЧА КАК ПРИМЕР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 1920–1940-х гг.

*О.Н. КУЗНЕЦОВА,
кандидат исторических наук, преподаватель КФКиСЭТ СПбГУ,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: o.kuznetsova@spbu.ru*

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу методологии работы известного русского эмигранта-экономиста С.Н. Прокоповича. В нем рассматривается та часть его научного наследия, которая была связана с появлением трудов в СССР, в частности, с деятельностью Госплана и известного советского экономиста С.Г. Струмилина. Затронута проблемная канва работ С.Н. Прокоповича — сторонника классической политэкономии, в сочетании с созданием его статистического подхода и методики работы с советскими источниками в условиях эмиграции. В центре внимания автора проблема сотрудничества и коммуникации между экономистами в СССР и научной диаспорой в эмиграции. Методологический аспект изучения истории знания на стыке междисциплинарности истории и экономики предлагает свежий взгляд на международную экономическую историю в период между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: эмиграция 1920–1940-х гг., Госплан, наследие, методы исследования, С.Н. Прокопович.

WORK METHODOLOGY S.N. PROKOPOVICH, AS AN EXAMPLE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE 1920-1940s

*O. KUZNETSOVA,
PhD in History, Saint-Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg
e-mail: o.kuznetsova@spbu.ru*

Abstract: This study is devoted to the analysis of the methodology of the work of the famous Russian emigrant economist S.N. Prokopovich. It examines that part of his scientific heritage that was associated with the appearance of works in the USSR, in particular, with the activities of the State Planning Commission and the famous Soviet economist S.G. Strumilin. The problematic outline of the works of S.N. Prokopovich — a supporter of classical political economy, combined with the creation of his statistical approach and methodology for working with Soviet sources

in emigration. The author focuses on the problem of cooperation and communication between economists in the USSR and the scientific diaspora in exile. The methodological aspect of studying the history of knowledge at the intersection of the interdisciplinarity of history and economics offers a fresh look at international economic history in the period between the two world wars.

Keywords: Russian emigration in the 1920s–1940s, heritage, research methods, S.N. Prokopovich.

С.Н. Прокопович (1871–1955) — русский экономист и общественный деятель, министр Временного правительства, эмигрировал из России в 1922 году в Берлин, а затем в Прагу и Женеву, где являлся создателем «Экономического кабинета», известного центра по изучению экономики Советской России в эмиграции. Как экономист С.Н. Прокопович был сторонником классической политической экономии, известного направления, связанного с именами Смита, Мальтуса, Рикардо и др. На период начала XX века он в своих исследованиях использовал новейшие подходы к изучению экономических явлений. В эмиграции активно изучал советский опыт построения экономической системы социализма на основе пятилетнего планирования, оставаясь в рамках выбранного направления. На наш взгляд, это породило интересный пример синтеза методологических подходов, который был реализован в трудах С.Н. Прокоповича. Подобное изучение было невозможно без взаимодействия между эмигрантами и экономистами СССР, которое осуществлялось различными путями, в частности, посредством переписки и изданием трудов.

Целью настоящей работы является анализ трудов С.Н. Прокоповича, изучение методологии его исследований, которые отразились в текстах его работ и были использованы при понимании мировых процессов в экономике, что может служить примером межнаучной и межкультурной коммуникации. Вместе с тем одной из задач является изложение проблемной канвы неизданной работы С.Н. Прокоповича «Изменения в размещении производительных сил в XIX и XX вв. Их причины и экономические следствия», а также опубликованной в 1930 г. в СССР «Народный доход Западно-европейских стран». Обстоятельства появления этих книг в Советском Союзе важны для знакомства читателя с этим аспектом эмигрантского наследия русских ученых.

Исследовательская традиция изучения русского зарубежья имеет обширную историографию. В последние годы появляются труды по истории науки и методологии исследований, в частности, посвященных теоретико-методологическим аспектам феномена русского зарубежья и эмиграции [4]. Регулярно проводятся конференции, исследуются отдельные аспекты культуры и науки русского зарубежья [1], вводятся в научный оборот неизвестные ранее коллекции и биографии русских эмигрантов [2]. Продол-

жается изучение наследия С.Н. Прокоповича; так, работой, посвященной его неизданному труду, является статья Т.А. Савиновой [8]. Однако методологический аспект изучения истории знания на стыке истории и экономики, а также аспекты экономической жизни России за рубежом по результатам эмигрантских исследований в период 1920–1940-х гг. не получили своего освещения.

В произошедших после революции 1917 года изменениях произошел методологический разрыв с классической политэкономией и принятым дореволюционным методологическим каноном. При этом сложившуюся традицию исследований во многом продолжили русские эмигранты, хотя следует отметить, что на их труды зачастую оказывали влияние европейские и американские методы работы. С другой стороны, в Советской России, в частности Госплане, долгое время работали экономисты, не до конца разделявшие коммунистическую идеологию, поэтому попытка рассмотрения научных связей Советской России и эмиграции, выявление взаимовлияния идей и подходов, разделявшихся советскими экономистами и их коллегами в эмиграции, является новым аспектом проблематизации в истории русского зарубежья. С уверенностью можно говорить о том, что между экономистами в СССР и научной диаспорой в эмиграции пульсировала теоретическая мысль, хотя каналы информации тщательно скрывались. Результатом такого сотрудничества стали книги, переписка, статьи. Так, одним из способов знакомства и взаимодействия с традицией, сформировавшейся в русском зарубежье, являлось издание трудов экономистов в Советском Союзе. В 1930 г. вышла работа С.Н. Прокоповича «Народный доход Западно-европейских стран» [5], к которой С.Г. Струмилин — известный советский экономист, ведущий сотрудник Госплана СССР — написал предисловие. Струмилин являлся одним из создателей системы пятилетнего планирования в экономике СССР, его знания и опыт высоко ценил В.И. Ленин. Можно предположить, что пути экономистов пересекались и раньше. Несомненно, в 1930-е гг. С.Г. Струмилин, как лицо, занимающее высокий пост, не мог написать предисловие к работе эмигранта и противника большевиков без официального разрешения. Об этом, в частности, свидетельствует отзыв из отдела агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б). Как показывает переписка, обнаруженная в фонде С.Г. Струмилинина в РГАЭ, после выхода этой книги С.Н. Прокопович стремился выпустить в Советском Союзе «Познавательную ценность статистических рядов» и «Изменения в размещении мировых производительных сил в XIX и XX вв.». Познавательная ценность статистических рядов включала четыре главы, касающиеся статистического наблюдения, оценки эффективности самого метода рядов для экономики и экскурс о возникновении научной статистики, а также формулы для вычисления коэффициентов корреляции. На наш взгляд, предложение подобной ра-

боты со стороны ученого-эмигранта было связано с расцветом статистических исследований в Советском Союзе и, в частности, в Госплане СССР.

По поводу издания «Изменения в размещении мировых производительных сил в XIX и XX вв.» в декабре 1940 года С.Н. Прокопович обратился из Женевы в Совет по изучению производительных сил при Академии наук СССР [3]. Он оговаривал условия выхода книги под его именем или псевдонимом, поскольку предполагал, что печать под именем эмигранта может быть неудобна. При этом все права на издание за границей он хотел оставить за собой. Рукопись его работы включает 353 машинописные страницы, посвященные строению мирового хозяйства. Т.А. Савинова утверждает, что в 1946 г. в Невшателе и Париже на французском языке была опубликована книга Прокоповича “L’ Industrialisation des pays agricoles et la structure de l’economie mondiale après la guerre” («Индустриализация аграрных стран и структура мирового хозяйства в послевоенный период»), которая явилась переработанным и дополненным вариантом присланной в 1940 г. в Москву монографии [8]. Вместе с тем в сопроводительном письме С.Н. Прокопович отмечал: «В настоящее время, когда вопросы планирования народного хозяйства и международных экономических отношений приобрели такое большое значение, изучение морфологии народного хозяйства, размещения различных отраслей мировой экономической деятельности и миграции товаров, капиталов и рабочей силы должны быть наконец поставлены на очередь» [3]. Текст работы, написанной эмигрантом, уже 20 лет жившим вне России, но не утратившим с ней связи, постоянно изучавшим процессы в советской экономике при этом, несомненно, испытавшим влияние европейской и американской исследовательской традиции, может служить примером межнаучной коммуникации первой половины XX века. При описании междисциплинарного аспекта, его изучения имеет значение не только в традиционном соприкосновении экономики и истории, но и осмыслении нового поля различных идей, сложившихся как в эмиграции, так и в Советской России. Это была своеобразная коммуникация автора и читателя через текст, а также через политические, идеологические и пространственные барьеры. С точки зрения методологии экономическая система в командно-административной экономике не предполагала некоторых методов исследования (методов буржуазной науки), что позволяет определить общее и особенное в подходах в СССР и за рубежом, а также понять, насколько автор старался приблизить свое исследование к пониманию потенциальным советским читателем. С другой стороны, это поможет восстановить объективную картину и новые аспекты феномена русской науки и культуры за рубежом, отметить вклад ее выдающихся представителей в мировое наследие, а также конструирование образа России со стороны русской эмиграции, что осуществлялось при помощи печатных трудов.

Вместе с тем следует отметить, что в период с 1924 по 1939 г. С.Н. Прокопович возглавлял Экономический кабинет и работал в Праге под покровительством акции русской помощи, однако в 1939 году, в связи с изменением ситуации и началом Второй мировой войны, деятельность Кабинета в Праге была свернута, и чета Прокоповичей переехала в Швейцарию. Этот период является одним из малоизвестных в наследии ученого, поэтому ценным свидетельством его деятельности в 1940 г. стали переписка с С.Г. Струмилиным и неизданная работа.

Представляя в своей работе детальный и подробный обзор различных точек зрения относительно экономики и торговли, С.Н. Прокопович рассмотрел взгляды А. Смита и Д. Риккардо, У. Петти и Ф. Листа об экономическом прогрессе. Если первые были представителями классической политической экономии, то Ф. Листа относят к т.н. исторической школе, где основой анализа выступает история хозяйства и конкретных экономических ситуаций в различных странах. Кроме Ф. Листа, этого подхода позже придерживались А. Тойнби, А. Кауфман, М.И. Туган-Барановский и др. Высказывая собственную позицию, С.Н. Прокопович также акцентировал внимание на существовании национальных государств и их хозяйств. Экономический кризис межвоенных десятилетий спровоцировал глобальные потрясения, которые отразились как на положении стран, так и на характере исследований. Так, С.Н. Прокопович рассмотрел процесс деления мира на экономические районы в зависимости от производимой продукции, изучил проблемы международной торговли и торговой политики, проанализировал систему международного разделения труда [6].

Особенностью методики работы С.Н. Прокоповича в эмиграции стало активное использование статистических методов и методов количественного анализа. Он может считаться даже создателем собственного подхода к статистике в эмиграции. Один из его мемуаристов Е.О. Юрьевский отмечал, что, не обладая легкой поступью публицистов, С.Н. Прокопович шагал с тяжелым вооружением из цифр, индексов, законов и ссылок на первоисточники. Следует отметить активное развитие статистических исследований в Советской России, во многом связанное с востребованностью статданных в начальный период создания плановой экономики в СССР, в частности, в работе Госплана. Несомненно, руководителей Госплана в период 1920–1940-х гг. интересовала точка зрения социалистов-эмигрантов — тех ученых, чьи взгляды были хорошо известны и могли быть полезны при теоретической разработке экономических проблем.

В работах С.Н. Прокоповича мы видим приверженность методам классической школы политэкономии, которая в конце XIX — начале XX в. сформировала представления о методике и методологии экономических исследований. Законы и экономические трактовки А. Смита стали классическими и лежали в основе работ многих экономистов начала XX в.

В своих работах С.Н. Прокопович приводит множество ссылок на труды известных экономистов, а также привлекает современные ему выступления, в частности, В. Зомбарта — видного деятеля немецкой исторической школы в экономической теории, которого даже считает автором термина «капитализм». Еще одной из теоретических проблем, поставленных С.Н. Прокоповичем в работе, были вопросы, связанные с распределением народного дохода, поиском методов его подсчета и определения понятия в проблемном поле экономической науки, впоследствии приведшие к формированию понятия ВВП. Как писали современники: «По этому вопросу в экономической науке царит невыработанность метода, приводящая к противоречивым выводам» [9]. В то же время понятие народного дохода являлось одним из основных в классической политэкономии; проблема заключалась в недостатке статистических данных для определения его величины. Вместе с тем С.Н. Прокоповича можно считать сторонником промышленной модернизации, что было созвучно эпохе индустриализации в СССР и повышало интерес к его работам. Так, в развитии мирового хозяйства до начала XX века он выделял три основных этапа: первый (до середины XIX в.) — это установление морских отношений с различными странами, когда максимальное значение имела колониальная продукция. Второй — европеизация хозяйства многих стран, когда происходило накопление рабочих сил и капитала благодаря сообщению через океан с Америкой и другими странами. Третий (к началу Первой мировой войны) — характеризовался определенным упадком экономического значения Европы, связанным с конкуренцией с США. В своих исследованиях в эмиграции для подтверждения данных собственного анализа С.Н. Прокопович пользовался широким спектром статматериалов, критически подходил к использованию советских источников, особенно советской официальной статистики 1930-х гг. Нужно признать, что Струмилин давал в отношении цифрового материала Прокоповича довольно объективную оценку. Он писал: «Никто из наших врагов не давал зараз столько фактического цифрового материала... Язык цифр является зачастую наиболее вразумительным языком» [5].

Таким образом, всего за годы эмиграции С.Н. Прокопович опубликовал более 15 фундаментальных трудов — это были серьезные монографические исследования, где нашли отражение его экономические воззрения. Он вел активную исследовательскую работу в Экономическом кабинете, выпускал собственные периодические издания, публиковал статьи, выступал экспертом по экономике Советской России. Он сохранил связи с экономистами СССР, в частности, в Госплане. Его работы и воззрения были известны в Советском Союзе, где он стремился к публикации своих трудов, что является ярким примером межкультурной коммуникации в истории знания. Вместе с тем можно отметить его критический подход

и внимание к экономическим вопросам мирового хозяйства. С.Н. Прокопович был сторонником развития производительных сил национальных хозяйств как главной задачи государства, выступал за вмешательство государства в экономическую жизнь. Находясь в эмиграции, в своих работах С.Н. Прокопович использовал новейшие для своего времени методы количественного анализа статистических данных для расчета экономических показателей. Характерной чертой его деятельности было детальное объяснение и подтверждение всех проводимых цифр, выкладок и оценок, что придавало работам убедительность и точность, которую отмечали как его сторонники, так и противники, высоко ценившие его как эксперта.

Литература

1. Kuznetsova O.N. The national question, monarchism and the state in the political views of the Russian emigrant Sergei Prokopovich // *Mediterrán tanulmányok*. Szeged. XXX (30). Pp. 45–55 (2020).
2. Russian Compatriots // Зарубежные соотечественники. Выпускники СПбГУ — представители исторической мысли русского зарубежья. Биографический справочник / Отв. ред. Е.В. Петров. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2022. 296 с.
3. Письмо С.Н. Прокоповича С.Г. Струмилину от 12 декабря 1940 года // РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 728.
4. Попов А.В. Теоретико-методологические аспекты исследований российского зарубежья и феномена эмиграции // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: Сборник научных статей. Культурно-просветительский фонд “Dialogum”. Будапешт, 2020. С. 7–21.
5. Прокопович С.Н. Народный доход Западно-европейских стран. М.–Л., 1930.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 219. Оп. 2. Д. 94.
7. РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 430.
8. Савинова Т.А. История мирового хозяйства в неизвестной работе С.Н. Прокоповича. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-mirovogo-hozyaystva-v-neizvestnoy-rabote-s-n-prokopovicha/viewer> (дата обращения: 29.12.2021).
9. Юниус. Русский экономический сборник // Последние новости. 1926. Февраль.

САММИТ «РОССИЯ — АФРИКА» В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И АФРИКАНСКИХ СТРАН

*С.А. АГУРЕЕВ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
Россия, г. Москва
e-mail: stas.agureev@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена Саммиту «Россия — Африка» 2019 г., который стал крупнейшим событием в развитии российско-африканских отношений последних десятилетий. Саммит позволил выделить наиболее важные аспекты сотрудничества России с отдельными государствами Африки и ключевыми международными организациями, была определена дальнейшая стратегия развития торговых отношений и культурной политики, сотрудничества в вопросах безопасности и совместного строительства полицентричного мира. Саммит прошел в атмосфере взаимного доверия и оказал заметное влияние на дальнейшее укрепление позиций России в африканском регионе.

Ключевые слова: Саммит «Россия — Африка», экономическое сотрудничество, культурные проекты, многополюсный мир.

“RUSSIA — AFRICA” SUMMIT IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND CULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND AFRICAN COUNTRIES

*S. AGUREEV,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Russia, Moscow
e-mail: stas.agureev@mail.ru*

Abstract: The report is dedicated to the Russia — Africa Summit in 2019, which became the largest events in the development of Russian-African relations in recent decades. The summit made it possible to highlight the most important aspects of Russia’s cooperation with individual

African states and key international organizations, and a further strategy for the development of trade relations and cultural policy, cooperation in security issues and joint construction of a polycentric world was determined. The summit was held in an atmosphere of mutual trust and had a noticeable impact on the further strengthening of Russia's position in the African region.

Keywords: Russia — Africa Summit, economic cooperation, cultural projects, multipolar world.

Саммит и Экономический форум «Россия — Африка» состоялись 23–24 октября 2019 г. в Сочи под девизом «За мир, безопасность и развитие» и стали крупнейшим событием в развитии связей Российской Федерации с африканскими странами за последние десятилетия. Значимость данного события определяется не только масштабом мероприятия, в котором участвовали представители 54 стран африканского континента и 43 главы государства.

Фактически данное событие означает пересмотр всей предшествующей политики Российской Федерации в отношении африканских стран в направлении развития сотрудничества с государствами континента. Необходимо отметить, что в 1990-х — начале 2000-х гг. отношения с африканскими странами носили характер ограниченного взаимодействия по отдельным вопросам торговой политики, поддержания безопасности и культурного сотрудничества. Однако представление об Африке как о едином континенте в рамках существующих международных организаций сформировалось значительно позднее, что позволило поставить развитие данных отношений на новую более прогрессивную основу сотрудничества. Особую роль в процессе развития отношений Российской Федерации с африканскими странами в последние годы играет Африканский союз, являющийся наиболее авторитетной организацией на африканском континенте. Видение проблем африканского континента, интерес к сотрудничеству с отдельными странами происходит через восприятие Африки как культурной и экономической целостности, что выгодно отличает российский подход от большинства европейских стран, как правило, имеющих в своем активе опыт колониаторского прошлого. В этом смысле уходят в прошлое подходы, базирующиеся на «миссии белого человека», «Франсафрик», равно как и свойственное представителям американского истеблишмента деление черного континента на страны Магриба и Африку южнее Сахары.

Сегодня в полной мере утвердительно можно ответить и на два наиболее важных вопроса о сотрудничестве России со странами Африки: «Нужна ли нам Африка?» и «Нужны ли мы Африке?»

Основными областями экономического сотрудничества России с государствами Африки остаются добыча и переработка полезных ископае-

мых, сфера энергетики, сельское хозяйство, развитие цифровых технологий, образование, медицина и аспекты культурного сотрудничества. В настоящее время на территории континента работают более 170 российских компаний и организаций, ведется работа по более чем 300 проектам. Особый интерес африканские партнеры проявляют к высокотехнологичной продукции российских компаний, среди которых важное место занимают «Росатом», «Алроса», «Русал», «Роснефть» и др. Велик интерес африканских стран и к производящимся в России образцам вооружения. Экономическая заинтересованность к сотрудничеству с африканскими партнерами подкрепляется и рядом политических причин, среди которых наиболее важными являются: отсутствие каких-либо споров с африканскими странами в политической сфере, заинтересованность в развитии взаимовыгодных экономических проектов, стремление к многополярности и отходу от диктата стран Запада в вопросах внешней политики. Эти факторы сегодня служат основой сотрудничества России с африканскими странами.

К тому же, как верно указывают российские эксперты А.А. Маслов и Д.В. Сулов: «Без Африки число партнеров России на международной арене, дружественно к ней относящихся и разделяющих ее стратегические установки на формирование справедливого полицентричного миропорядка, было бы значительно меньше, а ее международное положение после 2014 г. — уязвимее» [3]. Основой сотрудничества является и желание со стороны российских компаний строить и развивать производство в самих африканских странах, на что указал в ходе прошедшего саммита «Россия — Африка» российский президент В.В. Путин в обращении к участникам [1]. Основой для дальнейшего сотрудничества Российской Федерации с африканскими странами может стать участие нашей страны в решении проблем Сахаро-Сахельского региона, о чем неоднократно заявляли представители африканских государств. Отдельным направлением сотрудничества является борьба с террористическими угрозами, противодействие росту экстремизма и организованной преступности. Именно в этих сферах международные отношения проявляют особую заинтересованность представители отдельных государств африканского континента. Не случайно представители таких государств, как Ливия, Чад и ЦАР видят именно в России своего главного партнера в обеспечении безопасности и выражают надежду на расширение сотрудничества в этой сфере.

«Мы хотим выступать в качестве партнеров в выгодном для всех сторон сотрудничестве», — отметил и президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг Нгема Мбасого [1]. Многие африканские партнеры проявляют особую заинтересованность в заключении соглашений о сотрудничестве с ЕАЭС и создании зоны свободной торговли.

Весьма впечатляют и итоги Саммита и Экономического форума — общая сумма заключенных контрактов превысила 1 трлн руб., заключено

92 экономических соглашения, определены пути развития наиболее приоритетных направлений сотрудничества между РФ и странами континента. Наибольшее количество документов было подписано в области экспорта и внешнеэкономической деятельности, международного сотрудничества, высоких технологий, транспорта и логистики, добычи полезных ископаемых и геологоразведки, инвестиций и банковской деятельности, подчеркнул советник Президента Российской Федерации, ответственный секретарь Оргкомитета Антон Кобяков [4]. Товарооборот между Россией и Африкой удвоился за последние 5 лет и демонстрирует возможности к дальнейшему стабильному росту даже на фоне пандемии COVID-19. Саммит «Россия — Африка» 2019 года стал и самым представительным по числу участников, объединив на своих площадках 10 тысяч человек из более чем 50 африканских государств, 8 крупнейших международных организаций континента. События Саммита освещали свыше 800 журналистов из разных стран.

Заметное внимание в рамках прошедшего Саммита уделялось и развитию культурного и научного сотрудничества Российской Федерации с государствами африканского континента. В рамках выставочного пространства были представлены лучшие образцы российской высокотехнологичной продукции. Особое внимание уделялось и проектам в рамках ЮНЕСКО по охране культурно-исторического наследия. Активное участие в работе форума принял и ТАСС. Агентство разместило на форуме собственный стенд, была организована и панельная дискуссия о роли СМИ в российско-африканском сотрудничестве [1].

В отношениях со странами Африки существует и множество нерешенных проблем, среди которых: сложность кредитования африканских партнеров, долги стран континента перед РФ, не всегда хватает квалифицированных кадров, не понаслышке знакомых с проблемами африканских стран, далеко не в каждой стране есть российские представительства и работают российские компании или культурные организации. Лишь в последнее время партнерами Российской Федерации становятся страны Центральной Африки, тогда как в 1990—2000 гг. основными партнерами Российской Федерации являлись страны Магриба и ЮАР. Сегодня в числе российских партнеров десятки государств континента.

Не до конца, как указывают российские эксперты А. Маслов и Д. Сулов, преодолена и разрозненность российских инициатив на африканском континенте, требуется создание единой стратегии выстраивания отношений с государствами Африки. Основой данной стратегии, по мнению экспертов, должно стать сотрудничество с Африканским союзом, приверженность со стороны России «Целям устойчивого развития ООН — 2030» (ЦУР), «Повестке-2063» Африканского союза [3]. Другой частью стратегии может стать наращивание отраслевого сотрудничества Российской Феде-

рации в целом ряде областей, где наша страна обладает наибольшим потенциалом — в области развития энергетики, сельского хозяйства, сфере высоких технологий [3]. Сильными сторонами подобной стратегии могут стать честность и открытость в отношении африканских партнеров, отсутствие у Российской Федерации колонизаторского прошлого, совпадение целей в рамках ООН и целого ряда международных организаций.

По результатам Саммита и Экономического форума была принята итоговая Декларация, в которой Саммит и Форум были обозначены в качестве органа взаимодействия Российской Федерации со странами Африки. Очередность проведения Саммитов была определена раз в 3 года, кроме того, было указано на проведение консультаций «...между Постоянным представительством Российской Федерации и постоянными представительствами африканских государств при ООН» [2]. В качестве приоритетов определялось развитие и расширение сотрудничества в рамках партнерства БРИКС — Африка, активизации межпарламентских контактов по линии Россия — Африка; определены приоритеты дальнейшего сотрудничества в экономической, политической, правовой сфере и научном сотрудничестве. Итоги Саммита и Экономического форума дают основания надеяться на то, что развитие российско-африканских отношений получит новую долговременную основу.

Литература

1. В Сочи завершился саммит Россия — Африка. URL: https://tass.ru/politika/7043350?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.03.2022).
2. Декларация первого саммита Россия — Африка. Сочи, 24 октября 2019 г. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/news/deklaratsija-pervogo-sammita-rossija-afrika/> (дата обращения: 26.03.2022).
3. Маслов А.А., Сулов Д.В. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-v-afriku-prioritet/> (дата обращения: 28.03.2022).
4. Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия — Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума. URL: <https://roscongress.org/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujushhego-foruma/> (дата обращения: 26.03.2022).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «СВЕЧА НА ВЕТРУ»

*Е.А. ГЕРАСИМОВА,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы
«Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына»,
Музей-квартира А.И. Солженицына,
Россия, г. Москва
e-mail: zidg@yandex.ru*

Аннотация: На наш взгляд, А. И. Солженицын несправедливо не любил свою пьесу «Свеча на ветру». Глазами русского человека Солженицын характеризует проблемы, не зависящие от национальности и даже от достижений цивилизации — проблемы, связанные с сущностью человеческой личности. В пьесе не указана страна, где персонажи, носящие нейтральные имена, поднимают вечные вопросы о смысле жизни и ценностях науки. Таким образом, в пьесе представлена идентификация духовных ценностей России и мирового пространства.

Ключевые слова: аксиология, идентификация, личность, ценность, экзистенциализм, эмпиризм.

IDENTIFICATION OF THE SPIRITUAL VALUES OF THE RUSSIAN AND WORLD SPACE (ON THE EXAMPLE OF A.I. SOLZHENITSYN'S PLAY “CANDLE IN THE WIND”)

*E. GERASIMOVA,
Researcher, Ph. Of History Sciences,
State institution of culture of Moscow
“Russians House from Abroad and Alexander Solzhenitsyn's Centre”,
Apartment's Museum of A.I. Solzhenitsyn,
Russia, Moscow
e-mail: zidg@yandex.ru*

Abstract: The play of the Russian writer A.I. Solzhenitsyn “Candle in the Wind” was unfairly rejected by the author. The play explores universal human problems, personality problems from

the point of view of a Russian person. In the play, the characters have neutral names and the country of action of the play is not specified. This literary device of the writer unites Russia and the world into a single whole.

Keywords: axiology, identification, personality, science, value, existentialism, empiricism.

Наверное, каждый писатель в своей творческой биографии имеет произведение, записанное им в неудачное. Например, для Ф. М. Достоевского таким произведением являлась повесть «Двойник». Сам Достоевский отзывался об этой повести так: «Повесть эта мне положительно не удалась» [5: с. 358]. На наш взгляд, Достоевский блестяще продемонстрировал читателям, куда может привести человека излишнее самолюбие, и повесть «Двойник», напротив, «положительно удалась». А у А.И. Солженицына нелюбимым произведением была пьеса «Свеча на ветру». (Несмотря на то, что пьеса имеет и другое название — «Свет, который в тебе», Солженицын в интервью и в мемуарах называл ее «Свеча на ветру».) В книге «Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни» Солженицын определяет эту пьесу, как самое неудачное из всего, что он написал [16: с. 16]. Причину своей так называемой неудачи он видит в отсутствии «*российской конкретности*» [16: с. 16], восклицая-вопросая при этом: «а без русской почвы должен был я и русский язык потерять?» [16: с. 16]. По нашему мнению, оценивая «Свечу на ветру», Солженицын относился к своему творчеству чрезмерно самокритично и несправедливо считал пьесу неудавшейся. В ней поднимаются вопросы и проблемы, характерные для всего человечества, независимо от национальности и даже от вероисповедания, анализируются духовные ценности, определяющие отношение индивида к дальнейшему развитию науки и новейших технологий. Иными словами, в пьесе не указана страна, где происходят излагаемые события, потому что ее персонажи со своими убеждениями, сомнениями, и наконец, проблемами могут проживать в любом государстве, которое пользуется всеми достижениями в научных сферах. Как отметил Б.Н. Любимов, «В этом вымышленном мире персонажи в первую очередь — носители определенных точек зрения» [8: с. 853], но при этом все явления в пьесе рассматриваются глазами русского человека, тем самым происходит объединение русского и мирового аксиологического пространства.

По объему «Свеча на ветру» — небольшая пьеса, состоящая из шести картин. Фабула сюжета проста. Два друга несправедливо приговорены к десятилетнему сроку за чужое преступление, которое раскрывается девять лет спустя. После оправдания один из них — Филипп — возвращается в родные места и становится довольно известным ученым. Второй — Алекс — остается в местности недалеко от тюрьмы, обдумывая смысл своей жизни, а затем и он возвращается домой и первым делом навещает сво-

его дядю Маврикия — профессора Крэйга. Именно у Маврикия Алекса встречает Филипп и с радостью приглашает друга работать в свою научную лабораторию. Все человеческие взаимоотношения (положение в семье Маврикия, семейные дела Филиппа, отношения Алекса и Альды, дружба Алекса и Филиппа) рассматриваются через призму отношения к науке как к определяющему или, наоборот, не определяющему фактору человеческой жизни. Прочитируем Б.Н. Любимова: «Отличительная черта писательского дара Солженицына — способность к несогласию с разделяемыми большинством модными убеждениями. И в частности, к наукомании» [8: с. 853].

Относительно «наукомании» в пьесе считаем нужным заметить следующее: в статье «Кино-театр Александра Солженицына» Б.Н. Любимов определяет: «Основная тема пьесы («Свеча на ветру» — современная наука и человек. Подчеркиваю, современная пьесе наука» [8: с. 853]. Мы же хотим подчеркнуть, что, на наш взгляд, в пьесе идет речь не о современной науке и, может быть, даже не о конкретных науках, а о последствиях, к которым наука может привести (или не привести).

В связи с этим приведем цитаты из статьи М.О. Смирнова «Уроки незамеченной пьесы».

(Пьеса предупреждает)

«...— об опасности ничем не ограниченного развития науки, обуславливающего галопирующее развитие машинной цивилизации;

— об ущербности примата материального над духовным, гибельности изгнания религии из жизни общества <...>;

— о неизбежной деградации общества, главной целью которого является стремление к максимальному получению материальных благ, к удовольствию;

— о забвении моральных критериев, приводящем к отмене морали;

— о тревожной возможности создания нового психотропного оружия массового поражения» [13: с. 196].

Но специфика текста пьесы в том, что подобного предупреждения читатель может и не заметить, поскольку содержание изложено таким образом и с такими персонажами, что прямого ответа на главные вопросы (например, о науке) нет. Читателям предстоит самим на них ответить. Есть ответы на «сквозные» вопросы, но и они рассматриваются ненавязчиво, как будто между делом. Например, в пьесе затрагивается известнейшая тема: «отцы и дети». Ясно, что если с малых лет сын называет отца Маврушкой, то, взрослея, вряд ли будет проявлять к нему уважение. Так, двенадцатилетний Джум, вбегая, изрекает своему семидесятилетнему отцу: «...ты не можешь мне водного слалома обезпечить (авторская орфография), Маврушка?» [17: с. 377] — и, только заметив незнакомца, говорит: «Виноват, я хотел сказать — отца» [17: с. 377]. Или поднимается такая

же тема «неравного брака». Тилия, вышедшая замуж по расчету, сообщает о больном муже: «Положение профессора Крэйга резко ухудшилось <...>. А ведь я как старалась его уберечь! Я всё время старалась, чтобы он не ложился, а продолжал работу до последнего дня!» [17: с. 428]. Даже циник Синбар, заявляющий Генералу о своем конкуренте: «Вот кого надо, генерал, душить в колыбели» [17: с. 415], отвечает Тилии: «Это несколько необычное лечение» [17: с. 428]. Между делом рассматривается и эгоизм занятой известной личности: профессор Маврикий Крэйг живет, ничего не зная ни о родственниках, ни о своей родной дочери. Например, своей тете Христине, живущей в бедности в течение двадцати лет, «не подал и гроша». «И ведь не от скупости (как говорит о нем Алекс), а — ровное благополучие, когда не хочется пальцем пошевелить. Тебя! (дочь Альду) — годами не видит — и спокоен» [17: с. 395]. Маврикий упрекает Алекса, что последний за восемнадцать лет ему «ни разу не написал» [17: с. 375], но за столько времени известный профессор Крэйг и сам мог разыскать своего племянника, если бы беспокоился о нем.

Н.А. Решетовская в книге «В споре со временем» утверждает, что «Маврикий — это, в значительной степени, мой дядя В.К. Куркин. Тут и многие детали его биографии, и черты характера, и трагическая коллизия — разлука с дочерью, которую он столько лет не знал» [11: с. 37]. Сам Солженицын о прототипах говорит следующее: «...я взял в основу подлинную историю одной московской семьи» [16: с. 16], но нигде он, по крайней мере публично, не заявляет, что это семья Туркиных. Так что абсолютно точного ответа о прототипе Маврикия у нас нет.

Еще одна «сквозная» тема — это презумпция невиновности, которая явно была нарушена. Так, Алекс рассказывает о себе и друге (Филиппе): «Судебная ошибка. Все улики так плотно сложились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. <...> Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, — но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?!» [17: с. 375]. Ему вторит и Филипп: «Это вот ножницами такими — слесарными! — выхватили из жизни кусок — нежных нервов! алой крови! молодого мяса!» [17: с. 386].

(Данный текст напоминает биографию А.И. Солженицына: он был полностью реабилитирован, «но кто бы мог вернуть нам эти одиннадцать лет?!».)

На вопрос же, как нужно относиться к своему несправедливому заключению, уже нет ответа: Алекс и Филипп имеют на это абсолютно противоположные взгляды. Приведем фрагмент из пьесы.

Алекс. Так ты что? О тюрьме не говоришь.

Филипп. Ты с ума сошел? Об этом никто не знает! Я это скрыл и зачкрнул!

Алекс. Но что скрывать? Если ты оказался невиновен...

Филипп. Невиновен! Тюрма накладывает черную тень! “Тот, кто раз поел тюремной баланды”!

Алекс. Не знаю. Я не стыжусь тюремных лет. Они были плодотворны...

Филипп. Плодотворны? Да как у тебя язык поворачивается?» [17: с. 386].

(В своих интервью и в книге «Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956: Опыт художественного исследования» Солженицын стоит на позициях своего персонажа Алекса, [14: с. 481–497], но в пьесе авторских убеждений нет.)

Последующие же вопросы, представленные в пьесе, повторим, характерные для любого цивилизационного государства, не имеют ни однозначного, ни односложного ответа.

Мы начинаем рассматривать проблематику поставленных вопросов с вопроса хрестоматийного, но чаще всего не подлежащего универсальному ответу «З а ч е м н а у к а?» (так в тексте). Алекс задает этот как будто бы простой вопрос Филиппу, и тот сначала теряется: «Ты просто разыгрываешь меня? В чем ты видишь тут вопрос? Алфавитные истины!» [17: с. 389]. Затем Филипп всё-таки начинает объяснять: «...все блага материальные на нашей планете на нашей планете, вся цивилизация, вся культура — всё создано наукой, всё!! О чем тут спорить?» [17: с. 389].

Конечно, и в предшествующие времена к наукам было трепетное отношение. Например, философ эпохи Возрождения Николай Кузанский провозгласил: «Они (науки) непреходяще, всегда остаются равными себе, и душа видит по ним и себя тоже непреходящей, всегда пребывающей в неизменной истине...» [10: с. 299]. Можно понять слова философа так: науки нужны для того, чтобы человеческая душа пребывала в истине. Алекс же отвечает на подобный текст так: ««О, великая наука!» Это все равно, что “о, МЫ — великие умы!” или точнее, “о, великий Я” <...>, боюсь, даже идолу поклоняться не так нищо, как самому себе» [17: с. 389].

По-другому рассуждает аспирант Филиппа африканец Кабимба. Будучи уверенным в том, что для его страны новейшая наука преждевременна, он заявляет дипломникам: «Биотоки! Для каждого самого это очень интересно, но моей стране еще о-о-ой сколько не понадобится. Я должен был вернуться домой с простой физикой» [17: с. 399]. В данной ситуации можно вспомнить вывод Г.В. Лейбница: «В математике же, физике и механике совершенно необходимы новые или заново переосмысленные термины, ибо предметы, рассматриваемые в этих дисциплинах, в большинстве случаев не сразу становятся доступными для восприятия или редко встречаются в обыденной практике» [6: с. 74]. Таким образом, занятия наукой для Кабимбы в его Центральной Африке сведены к тому, чтобы объяснять своим согражданам новые термины.

Оппонент Филиппа Тербольтм после рассуждения о науке заключает: «Наука нам бывает нужна — и как совесть!» [17: с. 422]. При таком заключении можно вспомнит умильные слова М.В. Ломоносова:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут [7: с. 70].

Наконец, вспомним слова Гоббса (в пьесе Алекс указывает, что наука может стать электронным Левиафаном [17: с. 443]): «...наука есть знание связей и зависимостей фактов. Благодаря такому знанию, исходя из того, что мы можем сделать в данный момент, мы знаем, как сделать что-нибудь отличное от этого или сходное с этим в иное время, если таково будет наше желание» [3: с. 35]. Иными словами, овладев наукой, человек не делает ничего лишнего, и поэтому Филипп восклицает: «Да не сомневаться, а — на колени! Преклоняться перед наукой» [17: с. 389], но тут же добавляет: «Мы живем наукой, мы дышим наукой, но, если при этом деньги выскакивают сами собой и весьма обильно, — это приятно, поверь!» [19: с. 390]. Получается, что Филипп преклоняется перед наукой не так уж бескорыстно. И если его научная отрасль — «биофизика» [17: с. 388] — перестанет приносить ему большой доход, он, судя по всему, будет заниматься другой научной деятельностью, более доходной.

В упомянутой уже нами книге «В споре со временем» Н.А. Решетовская отмечала: «Создавая образ Филиппа, Солженицын видел Николая Виткевича. Но образ был страшно гиперболизирован, наделен стократным честолюбием и стократными успехами в жизни. Он чуть ли не корифей науки, в то время как Виткевич в жизни был в ту пору лишь новоиспеченным кандидатом химических наук» [11: с. 37]. Заметим, что Солженицын создавал художественный, а не «запротоколированный образ». Кроме того, характеристика, данная Солженицыным Виткевичу как человеку, почти полностью совпадает с деятельностью Филиппа. Солженицын пишет: «Мой друг и одноделец Николай Виткевич <...> воспринял (тюремное заключение), как постыдную неудачу глупца. И устремился в науку — наиболее безопасное предприятие, чтобы подняться на ней. В 1959 году, когда Пастернак еще был жив, но плотно обложен травлей, — я стал говорить ему о Пастернаке. Он отмахнулся “Что говорить об этих старых галошах! Слушай лучше, как я борюсь у себя на кафедре” (Он всё время с кем-нибудь борется, чтобы возвысится в должности)» [15: с. 402]. Вспомним слова Филиппа в «Свече на ветру»: «...надо н а в е р с т ы в а т ь (*Размахивает кулаком.*) Надо брать от жизни вдвойне и втройне! Это наше право! <...> Я показал им, как надо работать! Сам себя не щажу — ну, и вокруг меня тянут! Увлекательный спорт: выжигать рутинеров из гнезд одряхлевших теорий» [17: с. 386–387]. Как Виткевич пренебрежительно отзывается о культуре, в частности, о Пастернаке, так и Филипп отзывается о музыке Бетховена, обращаясь к Алексу: «Музычку слушаешь? Какую-нибудь нудь зеленую. <...> У тебя парагвайских танцев нет? Вот зажигают!» [17: с. 439].

В пьесе есть еще такой фактор из жизни Филиппа (не Виткевича) — больная жена. Предельно четко выразился о тексте пьесы, посвященном личной жизни Филиппа (кстати, по объему очень лаконичном), Б.Н. Любимов: «А поставить на ноги жену-калеку со всей своей наукой Филипп не может и без колебаний сдает ее в больницу» [8: с. 853]. На вопрос своей коллеги и новой избранницы Эни: «С чем же ей (жене Филиппа) примириться, Фли? С тем, что мы ждем ее смерти?» — Филипп отвечает: «А мы вовсе не ждем. Пусть живет. Но будем жить и мы» [17: с. 425]. По нашему мнению, вывод о Филиппе очень точно изложен в статье Л.А. Назаровой «К вопросу о драматургической технике А.И. Солженицына в пьесе “Свет, который в тебе” (“Свеча на ветру”): в пьесе представлен «ложный блеск Филиппа Радагайса» [9: с. 49].

Ответ на вопрос «зачем — наука?» читатели так и не получают, вопрос плавно перетекает в проблему автоматизации и роботизации в социуме. Вопрос «к чему может привести создание интеллектуальных машин?» такой же хрестоматийный, как и предыдущий о науке. Но насколько же специфически он рассматривается в «Свече на ветру». В доме у Филиппа появляется персонаж пьесы — Генерал. Как будто бы это персонаж отрицательный. Например, он не верит в невиновность тех, кто был осужден судом, а затем оправдан, так он заявляет Алексу: «Ну знаете “оправдан” — этим не следует козырять. Это не следует понимать так, что вы вовсе не виновны» [17: с. 418]. Кроме того, согласно тексту, Генерал не придает значения плохому питанию каторжан и плохому обращению с ними [17: с. 417]. Но именно Генерал высказывает здравые опасения о результатах внедрения машин в человеческую деятельность. Так, он единственный, кто поднимает вопрос о сохранении рабочих мест при наличии интеллектуальных машин, и упомянутый нами циник Синбар отвечает Генералу словами: «Начинаю улавливать» [17: с. 414]. Правда, речь идет только о сохранении мест в военной сфере, но легко представить, что подобное может распространиться и на все сферы деятельности. Так же вполне разумно Генерал спрашивает: Кто обслуживает машину (в военной сфере)? Университетские мальчишки!» [17: с. 414]. Действительно, если вспомнить дипломников Филиппа, которые халатно относятся к своей работе и при каждой возможности предпочитают играть в шахматы, умело их пряча в ящик [17: с. 398–401], то, в самом деле, становится страшно: что будет, если таким поручить обслуживать «военную» машину.

Такая же опасность возможна при использовании «социальных» или «политических» машин. Кибернетик и социолог Тербольт говорит о своей идее: «Машина будет моделью общества. Любую реформу, предлагаемую для общества, не надо долго обсуждать, не надо гадать, голосовать — укрепит она общество? или ослабит? или разрушит? Реформу эту мы кодируем, впускаем в машину, и через несколько минут — ответ!!» [17: с. 416]. И по-

нятны опасения Генерала, который недоумевает, как можно «Проверить реформу на какой-то безответственной электронной машине» [17: с. 416]. Тербольт же доказывает, что машина лучше людей: «Видите ли, беда в том, что люди могут находиться в власти случайных настроений. Оскорбленных самолюбий. Групповых пристрастий и антагонизмов. Тщеславия. Поспешности» [17: с. 416]. Терболту вторит и Алекс: «Да сказать просто — они (люди) могут быть корыстны! <...> Эта электронная машина, во всяком случае, не будет стремиться нажать капиталы, пристроить родственников! потребить общественной энергии больше, чем ей отведено по схеме» [17: с. 417]. На опасения Генерала: «А если этот ваш... коллектив автоматов... сойдет с ума и погубит нацию?» [17: с. 417], Тербольт отвечает: «Опасность есть всегда. Во всякой конструкции <...>. Мы только разрабатываем правила перехода к идеально регулируемому обществу» [17: с. 417–418].

Вспомним появление государства, согласно Т. Гоббсу: «...я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой <...>. Таково рождение того великого Левиафана или, <...>, того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [3: с. 133].

Герои пьесы не признают Божественной воли, но некоторые из них готовы признать волю машины. И высказывание Гоббса вполне можно перефразировать так: «Я уполномочиваю эту машину или “коллектив автоматов” и передаю ей или ему мое право управлять собой». И до сегодняшнего дня окончательно не определено, где следует остановиться в процессе автоматизации. Кому из наших ученых (да и учителей) неизвестно, что компьютеризация и Интернет могут способствовать развитию личности, а могут и привести эту личность к полной деградации. Прописная истина гласит: во всем нужна мера. Нелишними здесь, на наш взгляд, являются слова Р. Декарта: «Я с детства был вскормлен науками, и так как меня уверяли, что с их помощью можно приобрести ясное и надежное познание всего полезного для жизни, то у меня было чрезвычайно большое желание изучить эти науки. Но как только я окончил курс учения <...> я совершенно переменял свое мнение, что казалось, своими стараниями в учении достиг лишь одного: все более и более убеждался в своем незнании» [4: с. 33]. После этих слов вспоминается известный афоризм: «я знаю, что я ничего не знаю», правда у него есть продолжение — «а некоторые не знают и этого». Размышляя о своем незнании, Декарт всё же приходит к знанию, изложенному им в труде «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» [4: с. 31–80], который сейчас доступен всем и на бумажном, и на электронном носителе. Алекс же, размышляя о пользе науки, приходит к выводу, что наука может оказать помощь его сестре Альде, изменив ее отношение к окружающему миру.

В упомянутой нами статье Б.Н. Любимова излагается рассуждение: «Лаборатория Филиппа Радагайса может поставить опыт на человеке и из застенчивой, закомплексованной Альды <...> сделать нормальную “стабилизированную” женщину, но что-то человеческое, ее личное оказывается безвозвратно утерянным» [8: с. 853]. На наш взгляд, Альда — не просто закомплексованная и даже не просто истеричная женщина — она находится на грани разрушения личности: она вздрагивает от каждого шума, боится выйти из дома, дома же боится одиночества и темноты, не знает, как одеться, что приготовить поесть [17: с. 423]. Направляя Альду в лабораторию Филиппа, Алекс рассказывает о ней: «Альда — она такая, она может прийти и на час раньше <...> и на полдня позже. Она искренно будет спешить, стремиться, но любое столкновение может отбросить ее в сторону. <...> Она начинает мысль — и забывает ее. То она слушает тебя — и как будто не слышит. Смеется — и вдруг плачет» [17: с. 401]. Общаясь же с Альдой, Алекс заключает: «Нет, так нельзя. Так тебя надолго не хватит. <...> Тебе надо помочь жить» [17: с. 396–397]. Можно обвинить в таком состоянии Альды ее отца — профессора Маврикия Крэйга, который не пустил ее учиться искусству музыки [17: с. 434], но это уже в прошлом, и нужно решать, что предпринять сейчас, чтобы в буквальном смысле спасти человека. И Алекс отправляет Альду в лабораторию Филиппа, где с помощью «кибернетической нейростабилизации» (вот он, новый научный термин) из нее делают «человека негнибавшего», который лишен эмоций и ничего не боится. Впоследствии Алекс говорит Тербольту: «Вот мы здесь взяли одно человеческое создание — и что наделали?» [17: с. 418], а затем обвиняет всю лабораторию и себя: «Мы взяли чудо природы! — и превратили его в камень!» [17: с. 432]. Но это одержимое чудо природы, разрушающее себя, действительно нуждалось в помощи «извне». Смерть отца низводит Альду до прежнего психологического уровня, но если она вновь будет прежней, то ее ждет деградация личности, несмотря на музыкальные способности. Недаром, когда Алекс заявляет Филиппу: «Нет хватит! Альды ты уже не тронешь» [17: с. 439], Альда спрашивает, размышляя: «А почему? Мне было тогда так покойно» [17: с. 439].

Н.А. Решетовская вспоминала: «Дочь Маврикия Альда — во многом моя двоюродная сестра Вероника» [11: с. 37], но в исследовании биографа Солженицына Л.И. Сараскиной Вероника Туркина — очень рассудительная личность [12: с. 433, 439, 648], да и сам Солженицын пишет о ней как о здравомыслящем человеке [16: с. 126, 155, 220, 231, 271]. Отсюда следует, что Вероника Туркина не такой прототип Альды, как Николай Виткевич — Филиппа, но именно такой образ был нужен Солженицыну, чтобы заострить проблему психологической помощи, также характерную практически для всех цивилизаций. В случае с Альдой — не вмешаться

нельзя, но и вмешиваться надо осторожно, «чтобы не превратить (человека) в камень» [17: с. 432].

И, наконец, мы подходим к последнему, но не менее важному вопросу: есть ли в пьесе персонаж, который может дать правильные указания, как следует использовать научные достижения относительно личности, социума и государства? Как будто бы таким персонажем должен быть Алекс. Например, он объясняет свой переход в лабораторию Терболяма такими словами: «Я пойду к ним для того, чтобы не дать и им когда-нибудь со временем стать Левиафаном, только электронным» [17: с. 443]. Но кто такой сам Алекс, чтобы брать на себя контролирующую функцию. Как писал Декарт: «Кто берется давать наставления другим, должен считать себя искуснее тех, кого наставляет, и если он хоть в малейшем окажется несостоятельным, то подлежит порицанию» [4: с. 33]. Рассмотрим сущность этого почти центрального персонажа. Название пьесы «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру») связано с эмпирическими ощущениями Алекса. Он говорит об Альде: «Она — трепетная свечечка на ужасном нашем ветру! <...> Не задуйте ее! Не повредите!» [17: с. 411]. Если «Свеча на ветру» — это Альда, то такая «свечечка», совсем того не желая, может вызвать пожар, сжечь себя и опалить окружающих. О «Свете, который в тебе» укажем словами пьесы.

«Алекс (Филиппу). Помнишь, говорил ты как-то, что гордился бы эстафету великой физики передать Двадцать Первому веку. (Заметим, что в текст можно вставить слова “двадцать второму веку, двадцать третьему веку” и т. п., в этом и проявляется особенность творчества А.И. Солженицына: обозначить проблему для каждого временного пространства).

Филипп. Было, кажется.

Алекс. <...> Так хотел бы и я помочь донести туда одну эстафетку. Коллеблюмую свечечку нашей души. <...> Там, в Двадцать Первом веке, пусть делают с ней, что хотят. Но только б не в нашем ее задули, не в нашем — стальном, атомном, космическом, энергетическом, кибернетическом...

Филипп (недоумевая). И что для этого практически надо делать?

Алекс. Вот это-то и вопрос» [17: с. 440].

Несколько фрагментов пьесы порождают большие сомнения, что такой человек, как Алекс Кориэл, способен ответить на этот вопрос.

Например, объясняя Филиппу причину прекращения своей деятельности школьного учителя, Алекс заключает: «...честно говоря, на-до-е-ло как-то. Из года в год параграфы — потом спрашивать, опять параграфы — и опять каждого спрашивать. Мозги сохнут» [17: с. 387]. Иными словами, школьными учителями могут быть только недалекие личности, неспособные к научной деятельности. А рассуждения Алекса о детях почти циничное. Приведем текст из пьесы.

«Алекс (Филиппу). Ну, без ребенка ты можешь и прожить.

Филипп. Как это без ребенка?

Алекс. Все равно дети дети никогда не вырастают такими, как мы хотим. Рождаются эгоистами, живут для себя. Ищи духовных детей.

Филипп. <...> Я хочу собственного сына, династического! Неужели ты этого не чувствуешь?

Алекс. Да как-то нет...» [17: с. 403].

Именно в этом диалоге, несмотря на «ложный блеск» [9: с. 49], Филипп более симпатичен, чем Алекс.

Алекс обвиняет своего дядю Маврикия в равнодушии к близким, но фактически сам оказывается таким же. После оправдания Алекс пять лет ищет для себя смысл жизни и на вопрос Маврикия «Почему ты за все годы мне ни разу не написал?» отвечает вопросом «А о чем бы, дядюшка, я тебе писал. И — зачем?» [17: с. 375]. Вместо слов Маврикия «Хотя бы затем, чтоб я тебе помог» [17: с. 375] можно поставить и такие слова: «Хотя бы затем, чтобы узнать, не нуждаются ли в помощи близкие родственники, ведь за столько лет могло многое измениться». Алекс возмущается тем, что Маврикий не помогает живущей в бедности Христине — «пол земляной, печка дымит, крыша течет» [17: с. 392], но мы не видим по тексту пьесы, чтобы жизнь Христины изменилась с возвращением Алекса (она по-прежнему живет в «земляночке, хижине»), хотя, работая в лаборатории у Филиппа, он получал значительную денежную сумму.

Н.А. Решетовская находит, что Алекс «во многом» — это Солженицын [11: с. 37], но автор пьесы вкладывает в речь Алекса свои убеждения только один раз, когда Алекс рассказывает Маврикию о тюремных годах: «У меня бывают минуты, когда я говорю: благословение тебе, тюрьма!» [17: с. 375]. В «Архипелаге» Солженицын пишет о себе: «Я — достаточно там (в тюрьме) посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно:

— Благословение, тебе тюрьма, что была в моей жизни!» [14: с. 497].

Солженицын благословляет тюрьму еще и потому, что именно там он по-настоящему узнал, что такое быть писателем. В «Телёнке» он пишет: «Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы) если б меня не посадили» [16: с. 7]).

Во всех остальных словах и поступках, даже в рассуждениях о науке Алекс — не Солженицын. Алекс — вымышленный персонаж, далеко не идеальный. Именно экзистенциализм (существование) Алекса демонстрирует читателю, что не следует искать и в жизни, и в книгах универсального разрешения животрепещущих проблем, о них нужно рассуждать самим, сопоставляя при этом изложенные концепции. Недаром та самая опасная «свечечка» Альда говорит Алексу (не спрашивает): «А что — важно? Ты разве сам — знаешь, что важно?» [17: с. 433].

О.В. Гаркавенко, на наш взгляд, очень точно определяет наличие «структурообразующих антитез в пьесе» [2: с. 208–217]. Действительно, *противопоставление контрастных понятий* (курсив мой. — Е.Г.) при рас-

смотрении аксиологических ценностей общего мирового пространства (вопросы о науке, о роботизации и автоматизации человеческой деятельности, о пределах психологической помощи) составляет сущность пьесы. Но мы считаем нужным заметить еще и отсутствие синтеза в тексте. Аксиология (система ценностей) персонажей вольно излагается каждым из них, даже страдающей Альдой, и Солженицын, как автор, заостряя вышперечисленные «вселенские» вопросы, не указывает читателям персонаж, который мог бы каждому правильно объяснить, к чему приведет развитие цивилизации, в частности, развитие новых технологий, влияющих на состояние социума в целом. Авторская же речь в тексте отсутствует. Именно поэтому мы считаем уместным привести в конце статьи выражение митрополита Анастасия (Грибановского) о Пушкине: у него (Пушкина) нет предвзятых тенденций, которым он стремится подчинить своего читателя [1: с. 68]. По нашему мнению, подобные слова можно отнести и к Солженицыну: у него (Солженицына) нет предвзятых тенденций; обозначив глобальные проблемы в пьесе «Свеча на ветру» он не стремится подчинить читателя своим взглядам.

Литература

1. Анастасий, митр. (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви // А.С. Пушкин: путь к Православию. Сб. ст., соств., подгот. текста, примеч. А.Н. Стрижева. М.: Отчий дом, 1997. С. 66–129.
2. Гаркавенко О.В. «Свеча на ветру» А.И. Солженицына: структурообразующие антитезы в пьесе // А.И. Солженицын и русская культура: Науч. докл. / Отв. ред. А. Ванюков; ред. кол.: Л. Герасимова, А. Дырдин и др. Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 2004. С. 208–217.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 732 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Рене Декарт. Сочинения. Калининград. Янтар. сказ., 2005. С. 31–80.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. СПб.: Издание А.Ф. Маркса. Т. 11. Ч. 1. 1895. 552 с.
6. Лейбниц Г.В. Предисловие к изданию сочинения Мария Низолия «Об истинном принципе и истинном методе философствования против псевдофилософов» // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 54–96.
7. Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1947 года // Ломоносов М.В. Избранные стихотворения. М.: де Агостини, 2018. С. 57–71.
8. Любимов Б.Н. Кино-театр Александра Солженицына // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М.: Время, 2017. С. 84–861.
9. Назарова Л.А. К вопросу о драматургической технике А.И. Солженицына в пьесе «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру») // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 1 (184). С. 44–56.

10. Николай Кузанский. Игра в шар // Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 249–315.
11. Решетовская Н.А. В споре со временем. М.: АПН, 1975. 206 с.
12. Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2018. 959 с.
13. Смирнов М.О. Уроки незамеченной пьесы // Вопросы литературы. 2020. № 5. С. 178–196.
14. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. III–IV // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М.: Время, 2010. 560 с.
15. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. V–VII // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М.: Время, 2010. 624 с.
16. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М.: Время, 2018. 768 с.
17. Солженицын А.И. Свет, который в тебе (Свеча на ветру) // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М.: Время, 2017. С. 371–444.

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИИ И СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*О.В. ШУЛЬГИНА,
доктор исторических наук, кандидат географических наук, профессор,
зав. кафедрой географии и туризма,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: ShulginaOV@mgu.ru*

Аннотация: В статье рассмотрена роль географических карт в науке, образовании и жизни общества. Подчеркнуто значение картографического языка как средства современного общения. Приведены примеры традиционных и нестандартных картографических изображений и показана их роль в межкультурной системе коммуникаций. Сделан вывод о важности развития картографической культуры не только в процессе освоения географии, но и в других видах научно-практической, просветительской и художественной деятельности.

Ключевые слова: картографическая культура, язык карты, пространственная информация, способ коммуникации, национальный атлас.

CARTOGRAPHIC CULTURE AS A PHENOMENON OF CIVILIZATION AND A WAY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

*O. SHULGINA,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Geographical Sciences,
Professor, Head of the Department of Geography and Tourism,
Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: ShulginaOV@mgu.ru*

Abstract: The article examines the role of geographical maps in science, education and society. The importance of cartographic language as a means of modern communication is emphasized. Examples of traditional and non-standard cartographic images are given and their role in the intercultural communication system is shown. The conclusion is made about the importance

of the development of cartographic culture not only in the process of mastering geography, but also in other types of scientific, practical, educational and artistic activities.

Keywords: cartographic culture, map language, spatial information, method of communication, national atlas.

В год 510-летия выдающегося голландского картографа Герарда Меркатора, называемого еще при жизни «королем картографов» [1], обратим внимание на яркий и значимый феномен цивилизации, каким является географическая карта. Повседневная жизнь современного человека немыслима без этого поистине всеобъемлющего явления, которое уже признано своеобразным языком человечества [6], мощным каналом информации и общепонятным способом человеческой межкультурной коммуникации.

Смотрим ли мы схему метро, прокладываем ли на смартфоне маршрут движения, переносимся ли мысленно из одного города в другой, пытаемся осмыслить взаиморасположение различных объектов на земной поверхности — это лишь немногие примеры повседневного обращения к картам обычного человека. Не вызывает сомнений необходимость или возможность обращения к картам и в различных профессиональных сферах: в науке, образовании, политике, управлении, рекламе и даже в литературе [4], живописи [12; 13], архитектуре и других областях, таких, например, как филателия [11].

Картографическая культура, несомненно, является важной составной частью общей культуры человечества [7], но этот феномен складывался постепенно. Интересно, что до сих пор дискутируется вопрос о принадлежности картографии к сферам деятельности, и есть на эту тему различные мнения, которые, впрочем, не противоречат разноплановой и разносторонней сути картографической деятельности. Картография — это и наука, и техника, и производство, и искусство, и сфера коммуникации, и еще много аспектов, которые появляются в процессе цивилизационного развития.

Отдавая дань гению Герарда Меркатора, сумевшего еще в XVI веке воплотить в географических картах синтез точной науки и высокого искусства, создавшего неповторимые образцы картографического творчества, отметим, что этот выдающийся деятель науки и культуры вдохновил последующие поколения картографов на новые достижения. А людей, по роду своей деятельности не причастных к профессиональной картографической сфере, Меркатор тоже вдохновил, но уже на восприятие карт в научном, практическом и эстетическом аспектах.

Рассмотрим многообразие ролевых функций географических карт, свидетельствующее о непреходящем значении этого феномена во все времена. На рис. 1 перечислены сферы человеческой деятельности, в которых трудно, а зачастую и невозможно обойтись без карт.

Рис. 1. Сферы человеческой деятельности, в которых используются карты

Карты формируют пространственное восприятие действительности и выступают символом многих современных явлений: глобализации, туризма, популяризации географических знаний, утверждению геополитических реалий, распространении цифровизации (геоинформационных — ГИС-технологий), источника вдохновения в художественном, архитектурном и литературном творчестве и др.

Коммуникационные возможности географических карт, проявляющиеся во всех этих сферах, очень разнообразны, как разнообразны и методы построения карт, и способы картографического изображения, и виды карт. Точнее, следует говорить о картографических произведениях или геоизображениях, понимая, насколько велик диапазон приемов пространственного представления явлений и процессов [2].

Картам подвластно представление не только реальной действительности, но и мысленных образов. Ментальные карты мы встречаем в литературных произведениях, в живописи и графике, а можем сами их составлять, опираясь на собственные фантазии, выражая свой взгляд на те или иные аспекты, требующие пространственного мышления и передачи пространственно-координированной информации. В этом случае возможно отступление от классических канонов составления карт и переход к лишенным строгой математической основы картоподобным изображениям — картоидам [8]. Такими изображениями часто пользуются в рекламе, на разного рода флаерах, в художественной графике. Картоиды

используются для передачи особых смыслов, акцентов в распространяемой информации.

Информативным приемом передачи пространственной информации является составление непривычных, видоизмененных — анаморфированных карт [5; 9]. На них сохраняется топологическое соответствие изображаемых территорий, а масштаб передается не в обычной метричности (метры, километры), а в других единицах измерения: численность населения, объем ВВП по странам мира или уровень занятости и т.п. Например, на карте-анаморфозе численности населения по странам мира при сохранении соседства государств и формы территорий, величина их площади, соответствующей не квадратным километрам, а тысячам жителей, наглядно передает рейтинг стран по количеству жителей. Самыми «объемными фигурами» представляются здесь Китай, Индия, США, Индонезия, Пакистан, а Россия, занимающая девятое место в мире по численности населения, выглядит гораздо менее объемной, чем на традиционной географической карте, где площадь России — самого большого по размеру территории государства в мире, передается в км².

Или еще пример, связанный с отражением на карте объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО по странам мира (рис. 2).

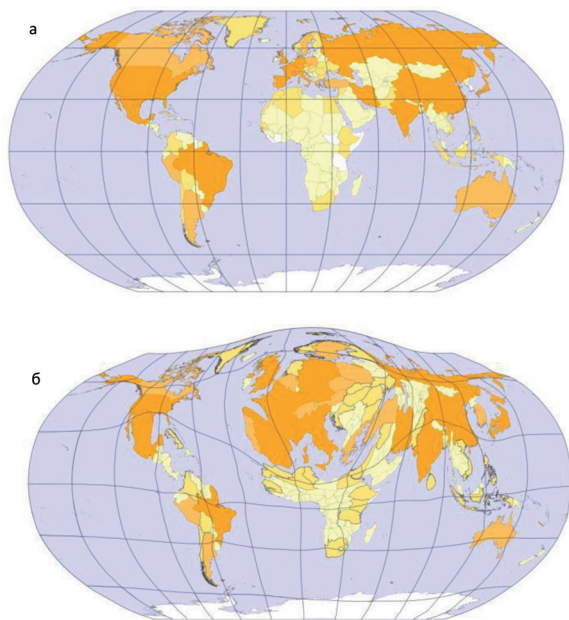

Рис. 2. Размещение объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО по странам мира: а — на традиционной карте; б — анаморфированное изображение [3: с. 6]

Сравним обычную карту со стандартной метричностью, на которой количество таких объектов по странам отражено в ступенчатой шкале цветов: чем темнее тон, тем больше объектов (рис. 2а) и карту, анаморфированную, измененную, на которой площади стран увеличены пропорционально количеству объектов (рис. 2б).

Анализируя вторую карту, отчетливо видим, что площади государств, выделяющихся значительным количеством объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: Италия, Франция, Германия — выглядят гипертрофированно увеличенными, а другие страны, в том числе и Россия, выглядят на их фоне более скромно. Этот наглядный (хоть и абстрактный) пример передачи информации весьма эффективен для восприятия.

Картографический язык по праву является одним из лидирующих в межкультурной коммуникации, создавая неповторимые пространственные образы, транслируя всему человеческому сообществу общепонятные символы, утверждающие геополитические, исторические, экономические и культурные приоритеты государств и народов [14]. Особая роль в этом принадлежит Национальным атласам, служащим своеобразными визитными карточками стран. Достойный пример тому — четырехтомный Национальный атлас России [10], отражающий природу, историю, экономику, культуру, экологию нашего государства и создающий целостный образ России в стране и за рубежом. Издан этот атлас в 2004–2009 гг., и некоторые его страницы нуждаются в актуализации, тем не менее это фундаментальное картографическое произведение, включающее высокопрофессиональные аналитические статьи и множественные справочные данные, надолго останется выдающимся трудом историко-географического значения.

Понятие картографической культуры охватывает несколько аспектов, среди которых умения человека понимать, знать, читать карты; иметь развитое картографическое мышление и сформированное картографическое мировоззрение; представление о богатстве и разнообразии картографических произведений; умение создавать хотя бы на элементарном уровне тематические картосхемы. Бесспорно, обладание высокой картографической культурой присуще картографам-профессионалам и многим современным географам, которые, помимо перечисленных аспектов, обладают умением составлять и грамотно анализировать карты, в том числе с применением цифровых технологий и геоинформационных систем.

Развитие картографической культуры является одной из задач школьного обучения географии. Эта задача, безусловно, является более значимой и всеобъемлющей, поскольку картографические произведения и картографические методы исследования широко используются и в других дисциплинах и областях деятельности. Символические образы карт и глобусов вдохновляли художников разных эпох на создание живописных полотен

[12; 13] с явно выраженным геополитическим, пространственным, историческим смысловым подтекстом. Современные средства массовой информации немислимы без географических карт, когда необходимо представить территориальную привязку освещаемых событий.

Картографический язык, как и любой язык Человечества, прошел длительный путь развития. С внедрением компьютерных технологий он стал более доступным и распространенным, занимая все более значимое место в системе межкультурных коммуникаций.

Литература

1. Берлянт А.М. К пятисотлетию Герарда Меркатора // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 1. С. 91–97.
2. Берлянт А.М. Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986. 238 с.
3. Еделькина А.А., Ларина А.В. Картографирование объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО // Современные проблемы территориального развития. 2020. № 1. С. 4–8.
4. Калущков В.Н., Морозова М.М. Литературные карты и их типологические репрезентации // Вопросы географии. Сб. 151. М.: РГО, 2020. С.160–185.
5. Куданкина М.И., Веккессер А.А. Восприятие информации посредством карт-анаморфоз // Человек и язык в коммуникативном пространстве: Сборник научных статей. 2021. № 12 (21). С. 135–141.
6. Лютый А.М. Язык карты: сущность, система, функции. 2-е изд., испр. М.: ИГ РАН, 2002. 333 с.
7. Нурминен Марье Т. Мир на карте: географические карты в истории мировой культуры. М.: Изд-во Paulsen, 2018. 352 с.
8. Родоман Б.Б. Научные географические картоиды // Географический вестник. 2010. № 2 (13). С. 88–92.
9. Стрелова О.Ю., Паневина Г.Н. Дидактические ресурсы: карты-анаморфозы — мир, каким вы его еще не видели // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 2. С. 64–70.
10. Шульгина О.В. Национальный атлас России — визитная карточка страны // Россия и современный мир. 2009. № 3 (64). С. 248–253.
11. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Картографические изображения на почтовых марках в изучении географии и историко-географическом осмыслении пространства // География в школе. 2016. № 5. С. 42–49.
12. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Картографические мотивы, образы и символы в зарубежной живописи // Геодезия и картография. 2021. Т. 82. № 6. С. 55–64.
13. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Картографические мотивы, образы и символы в российской живописи // Геодезия и картография. 2011. № 11. С. 54–60.
14. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Топонимика как объект нематериального наследия, связанного с Отечественной войной 1812 года в России // NB: Исторические исследования. 2012. № 1. С. 34–67.

ГАСТРОЛИ ФЕЛИКСА ФОН ВАЙНГАРТНЕРА В МУЗЫКАЛЬНО-КОНЦЕРТНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*О.А. ОГОРОДНИКОВА,
кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: OgorodnikovaOA@mgpu.ru*

Аннотация: Статья посвящена видному немецкому дирижеру и композитору Феликсу фон Вайнгартнеру, его связям с отечественной музыкальной культурой и участию в концертной жизни российских столиц в конце XIX — начале XX в. Представлена гастрольная деятельность артиста, восприятие его творчества отечественной публикой и музыкальной критикой; проанализированы причины отсутствия достаточной степени популярности, на которую рассчитывал маэстро, отправляясь в Россию.

Ключевые слова: Феликс фон Вайнгартнер, русско-немецкие музыкальные связи, концертная жизнь, гастролы, дирижер, композитор.

FELIX VON WEINGARTNER'S TOUR IN THE MUSICAL AND CONCERT LIFE OF THE RUSSIAN EMPIRE

*О. OGORODNIKOVA,
PhD (History), Associate Professor of the Department of General and Russian
History Institute of Humanities Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: OgorodnikovaOA@mgpu.ru*

Abstract: The article is devoted to the prominent German conductor and composer F. Weingartner, his connections with the national musical culture and participation in the concert life of Russian capitals in the late 19th and early 20th centuries. The touring activity of the artist, the perception of creativity by the domestic public and music criticism are presented; the reasons for the “cool attitude” of the audience and the lack of a sufficient degree of popularity, which the maestro counted on when going to Russia, are analyzed.

Keywords: Felix von Weingartner, Russian-German musical ties, concert life, tours, conductor, composer.

Музыкальная-концертная жизнь России конца XIX — начала XX столетия развивалась во многом под влиянием и во взаимодействии с исполнительской и сочинительской традицией Германии, на фоне широких контактов с немецкими виртуозами-исполнителями и композиторами.

Ярким эпизодом интенсивной гастрольной практики немецких деятелей искусств в России были выступления Феликса фон Вайнгартнера (Felix von Weingartner; в русской транслитерации нередко — Вейнгартнер) (1863—1942)¹ — известного композитора, оставившего впечатляющее творческое наследие, и одного из крупнейших дирижеров в истории европейской музыкальной культуры XX века.

Обладая «редкой между музыкантами развитой способностью философского мышления» [10: с. 843], Вайнгартнер был заметным музыкальным писателем и критиком. В одном из своих литературных произведений, посвященных искусству дирижирования [2], переведенном на русский язык и опубликованном в 1896 г. «Русской музыкальной газетой», маэстро изложил свою точку зрения на задачи интерпретатора, основной из которых являлось «исполнение произведений наших великих мастеров в стиле и духе их авторов» [8: с. 12]. Творчество Вайнгартнера-дирижера, по общему признанию, вполне отвечало этим требованиям, отличаясь «исключительной художественной ровностью, точностью и планомерностью, «классически уравновешенной манерой» [8: с. 12].

Вайнгартнер завоевал широкое признание исполнением классики и современной музыки, в том числе произведений композиторов-новаторов, энергично гастролируя во многих европейских странах, включая Российскую империю (много позже — Советский Союз²), где выступал многократно.

Реализация первого проекта российских гастролей музыканта была запланирована на 1897 г., о чем свидетельствует переписка с директором Московской консерватории В.И. Сафоновым, отложившаяся в Национальном музее музыки, отчасти опубликованная. В течение нескольких месяцев деятели культуры двух стран обсуждали организационные вопросы, касавшиеся проведения двух симфонических концертов в Москве и Петербурге (Российский национальный музей музыки. Ф. 80. Ед. хр. 1631, 1633, 1634).

¹ Выпускник Лейпцигской консерватории, ученик Ф. Листа, с 1891 по 1908 г. Вайнгартнер занимал пост придворного капельмейстера Берлинской оперы, затем руководил оркестром в Венском оперном театре. Дальнейшая его деятельность проходила на оперных сценах Гамбурга (1912—1914) и Дармштадта (1914—1919). Вайнгартнер был известным композитором, автором опер и ряда других произведений.

² В СССР Вайнгартнер приезжал на гастроли в апреле 1926 г. Два его концерта состоялись в Ленинградской филармонии. Программа состояла из произведений Баха, Чайковского, Берлиоза, Бетховена, Вагнера и его собственного сочинения — Пятой симфонии.

В преддверии намеченных выступлений маститый историк музыки, создатель и бессменный редактор «Русской музыкальной газеты» (РМГ) Н.Ф. Финдейзен, не так давно познакомившийся с дирижером на собрании Всеобщего немецкого музыкального союза в Мангейме, опубликовал на страницах своего издания статью, в которой особенно лестно отозвался об этом «музыкальном художнике чистой крови», «глубоко талантливым, передовым, блестящем» [11: с. 1168]. Номер газеты автор отправил Вайнгартнеру в Берлин, который, в свою очередь, «был приятно поражен, что нашел в России друга своих произведений» [6: с. 117].

Начавшаяся вслед за публикацией рекламная кампания будущих гастролей, развернутая Финдейзеном, набирала обороты — Вайнгартнер выслал свою фотографию и в скором времени намеревался отправить биографические заметки [12]¹, но «из-за переутомления и тяжелого нервного состояния» довольно неожиданно для организаторов вынужден был нарушить договоренность. В письме к В.И. Сафонову дирижер просил понять его и выражал надежду, что отказ от концертов не приведет к разрыву установившегося сотрудничества в будущем (Российский национальный музей музыки. Ф. 80. Ед. хр. 1635), в одном из следующих — уверял, что «приедет в Россию следующей зимой» [7: с. 40].

Ангажемент для Москвы и Петербурга, на 19 и 26 декабря, соответственно, по сообщению директора Московской консерватории от 13 августа 1898 г., был составлен, в связи с чем требовалось согласие Вайнгартнера, которое на этот раз было получено (Российский национальный музей музыки. Ф. 1. Ед. хр. 181).

Не отклоняясь от гастрольного графика, маэстро продирижировал Четвертым собранием Московского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) и Четвертым собранием его Санкт-Петербургского отделения.

Приезд «выдающегося артиста» в Москву, как отмечали многие рецензенты, стал «крупным событием нашей жизни». Сложная, но продуманная и интересно подобранная программа², особенно «превосходная по настроению, изобилующая чарующей гармонией, тонкой инструментовкой» симфоническая поэма “*Das Gefilde der Seligen*”, прозвучавшая в авторском исполнении, произвели яркое впечатление на москвичей [4: с. 62].

¹ Статья о жизни и творчестве музыканта Финдейзеном все же была написана, но вышла в свет лишь в октябрьском номере журнала за 1898 г. См.: Финдейзен Н. Феликс Вейнгартнер // Русская музыкальная газета. 1898. № 10. С. 837–843.

² Программа концертов в Москве и Петербурге включала: Вторую симфонию Бородина; Увертюру к опере «Альцеста» Глюка (в обработке Вайнгартнера); симфоническую поэму “*Das Gefilde der Seligen*” Вайнгартнера (исп. в первый раз); «Приглашение к танцам» Вебера (в инструментовке Вайнгартнера) (исп. в первый раз); Увертюру к опере «Риенци» Вагнера.

Вайнгартнер дирижировал в самобытной манере, лишенной «виртуозного шика, строго, самоуглубленно, без всякой рисовки, но понятно и ясно», исполняя роль посредника «между произведением и оркестром», как и «между автором и публикой», чем и заслужил ее признание.

Более прохладный прием ожидал дебютанта в Петербурге. Конституция «курьезный казус», результат стечения целого ряда почти фатальных для гастролера обстоятельств, один из музыкальных обозревателей отметил основные причины неудачи, сводившиеся к следующему. Во-первых, «дирижер с крупным именем за границей» был неизвестен в России, однако это утверждение не совсем справедливо, поскольку творчеству и биографии мастера был посвящен ряд статей, опубликованных в том числе и на страницах «Русской музыкальной газеты». Во-вторых, для проведения концерта, как утверждалось в статье, было выбрано крайне неудачное время — разгар рождественских праздников, когда публика была откровенно не настроена воспринимать «очень серьезную программу», состоявшую из четырех симфонических произведений, что, к слову, не помешало по достоинству оценить концерт москвичам. Собственное сочинение Вайнгартнера не произвело впечатление на слушателей, принявших его «за какой-то раритет, на который де нынешние немецкие музыканты именно только и способны» [13: с. 58]. В-третьих, среди музыкантов не было ни одного солиста, чье участие украсило бы собой концерт и являлось бы своего рода приманкой для аудитории. Но самое главное — «между дирижером и его орудием наблюдался страшный разлад» — оркестр, генеральная репетиция которого была проведена всего за два дня до концерта, к тому же уставший после дневного спектакля в Мариинском театре, играл слишком посредственно, вступая в диссонанс с художественными намерениями своего руководителя [13: с. 57–58]. Музыканты, выступавшие с Вайнгартнером в Москве, по наблюдению Финдейзена, значительно уступали блестящим профессионалам Мариинки, однако провели концерт не в пример им лучше [10: с. 237].

По мнению сочувственно настроенного по отношению к Вайнгартнеру журналиста РМГ, ответственность за ненадлежащую организацию концерта всецело лежала на Дирекции ИРМО, которая не уведомила дебютанта «о всех обстоятельствах» и даже не позаботилась «напечатать текста программы, принадлежавшей перу самого композитора» [13: с. 57–58].

Финдейзен вспоминал, что Вайнгартнер был возмущен исполнением враждебно настроенного оркестра еще на репетиции, в результате концертом он дирижировал «вполне деморализованный» [10: с. 237]. Желая поддержать не слишком удачливого артиста, издатель устроил прощальный завтрак и преподнес лавровый венок, который его «очень тронул», а после отвез в Мариинский театр, где в тот день шла опера «Жизнь за Царя», — попутно заметим, — не в полной мере понятая Вайнгартне-

ром «и по новизне характера музыки, и по отсталости драматического развития» [Там же].

Несмотря на то, что составить целостное представление об иностранном гастролере, судя по дурно организованному концерту, публике было довольно затруднительно, его популярность у русских коллег значительно возросла. Во всяком случае, интерес к творчеству композитора после авторских выступлений обозначился достаточно четко. Не в последнюю очередь это было заслугой Финдейзена — пропагандиста и популяризатора творчества Вайнгартнера в России, по инициативе которого 15 ноября 1900 г. в петербургском «Обществе музыкальных педагогов и других музыкальных деятелей» был устроен «Вейнгартнеровский вечер», который, как заметил его организатор, «заинтересовал многих» [10: с. 265]. В программу концерта вошли Первая симфония, симфоническая поэма «Король Лир» и романсы, «полные драматизма, сердечности и поэзии», превосходно исполненные камерной певицей А.С. Гляссер [14: с. 1180].

Вайнгартнер, который, по собственному признанию, «не отваживался даже мечтать» о том, что в Петербурге состоится концерт в его честь, был польщен, отметив, по утвердившейся традиции, вклад своего «энергичного и деятельного друга» [6: с. 178].

В Россию маэстро вернулся после более чем десятилетнего перерыва, на этот раз — по приглашению А.И. Зилоти, музыкального деятеля, обладавшего, как известно, не только незаурядными исполнительскими способностями, но и выдающимся талантом антрепренера. В качестве дирижера, композитора и аккомпаниатора Вайнгартнер принял участие в нескольких «Концертах Зилоти», проходивших в декабре 1910 — январе 1911 гг., и в следующем сезоне: ноябре — декабре 1911 г.

Не имея возможности в рамках статьи рассмотреть все указанные мероприятия, в качестве примера остановимся на одном из них, представившем публике Вайнгартнера-композитора. Концерт, состоявший исключительно из произведений автора — двух скрипичных сонат, фортепианного секстета и семи поэтических романсов в исполнении певицы Л. Марсель¹, впервые звучавших в России, состоялся 11 января 1911 г.

Несмотря на «хорошую форму, ясное и прекрасное изложение музыкальной мысли», рецензенты, после этих гастролей Вайнгартнера утвердившиеся в своей уверенности, вынуждены были констатировать очевидное — музыка мастера «прививается у нас с трудом», она «не волнует слушателя, не развлекает его крикливостью диссонансного красноречия». Некоторые критики на этом не остановились, хладнокровно обвиняя

¹ В программу вошли сочинения Вайнгартнера: 1) Соната для фортепиано и скрипки, D-dur, соч. 42. № 1 (Автор и К. Флеш); 2) Романсы: а) Der Sommerfaden, б) Sommerfaden, в) Die Marchen, г) Schifferlidchen (Л. Марсель).

композитора в отсутствии собственного стиля и подражательстве Гайдну, Шуберту, Мендельсону и Листу, который не способен «создать что-либо крупное свое, выходящее из рамок красиво звучащей и прекрасно сделанной обыденности» [3: с. 104–105].

Вайнгартнер-композитор, при всем уважении к личности художника, «серьезной» и «даровитой», остался для отечественной публики «талантом золотой середины», произведения которого представляют собой «здоровую музыкальную пищу», но не более того [Там же].

«Чистокровный аристократ во всем», Вайнгартнер-дирижер, напротив, весьма импонировал своей «простотой и стильностью» если не широкой публике, то, по крайней мере, ценителям музыки, в частности, супруге А.И. Зилоти — Вере Павловне, чье мнение, возможно, было не самым авторитетным, однако при этом основывалось на впечатлениях от выступлений целой плеяды блестящих иностранных знаменитостей [1: с. 382].

Посетить концерт или оперу под управлением маэстро считали для себя профессиональным долгом многие русские музыканты. Так, например, композитор, пианист и дирижер Н.К. Метнер, в 1904 г. гастролируя в Берлине, присутствовал на концерте Вайнгартнера и остался «в восторге» [5: с. 68].

Бесспорным подтверждением одаренности и высокого профессионализма музыканта являлось и то, что один из наиболее востребованных в Германии русских композиторов А.Н. Скрябин, в 1905 г. находившийся в поисках дирижера для исполнения своей «Третьей симфонии», среди многих немецких коллег отдал предпочтение Вайнгартнеру [9: с. 366].

И еще один факт: А.И. Зилоти пригласил именно этого артиста для участия в концерте к 100-летию со дня рождения Ф. Листа, их общего с Вайнгартнером (и Ф. Моттлем) учителя, осознав, что дирижировать «Гранской мессой» ему «не под силу» [1: с. 390].

Итак, гастролируя в России, художник успешно решал задачу популяризации и пропаганды немецкой классической и современной музыки, демонстрируя высококлассное ее исполнение и профессиональное мастерство. Вайнгартнер смог параллельно решить и личную проблему — показать себя иностранному слушателю как композитора — менее талантливому, чем исполнителю, но достаточно интересному. И эта задача, пусть не в полном объеме, была решена. Маэстро приобрел сторонников и поклонников, а его произведения вошли в репертуар отечественных музыкантов.

Литература

1. Александр Ильич Зилоти. Воспоминания и письма. Л.: Музгиз (Ленингр. отделение), 1963. 467 с.

2. Вейнгартнер Ф. О дирижировании. Л.: Тритон, 1927. 46 с.
3. Концерты // Русская музыкальная газета. 1911. № 4. С. 104–108.
4. Липаев Ив. Из Москвы // Русская музыкальная газета. 1899. № 2. С. 61–63.
5. Метнер Н.К. Письма. М.: Сов. композитор, 1973. 615 с.
6. Письма зарубежных музыкантов. Из русских архивов. Л.: Музыка (Ленингр. отделение), 1967. 378 с.
7. Письма зарубежных музыкантов XIX–XX вв.: Из фондов музея музыкальной культуры: Аннотированный каталог. М.: Б/и., 2002. 447 с. (Труды ГЦММК им. М.И. Глинки).
8. Розеншильд К.К. Густав Малер: Из истории зарубежной музыки XX в. М.: Музыка, 1975. 207 с.
9. Скрябин А. Н. Письма. М.: Музыка, 1965. 720 с.
10. Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1892–1901. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. 430 с.
11. Финдейзен Н. Музыкальные впечатления за границей // Русская музыкальная газета. 1897. № 9. С. 1159–1193.
12. Финдейзен Н. Феликс Вейнгартнер // Русская музыкальная газета. 1898. № 10. С. 837–843.
13. Хроника. С.-Петербург. Опера и концерты // Русская музыкальная газета. 1899. № 2. С. 54–60.
14. Хроника. Концерты // Русская музыкальная газета. 1899. № 48. С. 1180–1182.

РУССКИЙ ВКЛАД В АМЕРИКАНСКУЮ НАУКУ И КУЛЬТУРУ

*Т.В. АЛЕНТЬЕВА,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск
e-mail: alenttv@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется вклад русских людей и выходцев из Российской империи в науку и культуру США. Кратко характеризуются достижения ученых в области гуманитарных и естественных наук. Рассматривается участие россиян в создании Голливуда. Отдельная часть посвящена достижениям русских в американском изобразительном искусстве.

Ключевые слова: XX век, США, русские эмигранты, историческая наука, естественные науки, Голливуд, живопись.

RUSSIAN CONTRIBUTION TO AMERICAN SCIENCE AND CULTURE

*T. ALENTYEVA,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General History,
Kursk State University, Russia, Kursk
e-mail: alenttv@mail.ru*

Abstract: The article analyzes the contribution of Russian people and immigrants from the Russian Empire to the science and culture of the United States. The achievements of scientists in the field of humanities and natural sciences are briefly characterized. The participation of Russians in the creation of Hollywood is being considered. A separate part is devoted to the achievements of Russians in American fine art.

Keywords: XX century, USA, Russian emigrants, historical science, natural sciences, Hollywood, painting.

В условиях непрекращающейся информационной войны, ведущейся против России, весьма важно помнить те факты истории, которые сближают различные народы. Выходцы из России внесли выдающийся вклад в науку и культуру США. Для Соединенных Штатов фактор эмиграции всегда

играл важнейшую роль. Американские исследователи долгое время подчеркивали, что доминирующими являлись процессы ассимиляции. Была разработана теория «правильного котла», согласно которой в процессе развития страны сформировалась единая американская нация с общими языком и культурой. Влияние идей мультикультурализма заставило пересмотреть категоричные оценки и признать, что для современных США больше подходит теория «миски с салатом», констатирующей, что на их территории гармонично проживают представители самых разных национальностей и народностей, являющиеся выходцами из различных уголков планеты. Новые волны «иммиграции» сделали американское общество более разнообразным, внося свой вклад в то, что один из историков назвал «первой универсальной нацией» [1: р. 353]. Русская диаспора в США представляет собой выходцев как из России, так и из других бывших союзных республик СССР, и включает не только людей русской национальности, но и всех, кто считает своим родным языком русский. Из 332 403 650 человек населения страны 3 129 738, или 1%, относят себя к русскоязычным жителям. 900 тыс. американцев указали русский язык в качестве родного, согласно цензу 2020 года. Русский язык занял седьмое место по распространенности в США [5], т.е. входит в десятку самых широко используемых в стране языков.

Несмотря на весьма существенное присутствие русской диаспоры в США, до сих пор в России нет обобщающих исследований, которые бы в полной мере оценили историческое и культурное наследие русских в США, при том что существует огромное количество специальных работ, посвященных частным проблемам. Цель данной статьи — проанализировать, какой вклад внесли русские в науку и культуру США в XX столетии.

Мощная волна эмиграции из Российской империи пришла на конец XIX — начало XX в. и была обусловлена экономическими, политическими и этноконфессиональными причинами. Она была одной из самых массовых и происходила в 1880-х — 1920-х гг. Большинство (до 95%) прибывших в этот период составляли евреи, которые подвергались преследованиям и ограничениям в Российской империи (черта оседлости, массовые погромы и др.) Всего за период 1880—1914 гг. в США эмигрировали 1 млн 557 тыс. российских евреев [4: р. 172—182]. Также массовый характер носила эмиграция из России молокан, духоборов и других религиозных групп.

Многие иммигранты из России в начале XX века имели левые политические взгляды, являлись активистами профсоюзного и рабочего движения, что усиливало предрассудки в американском обществе в отношении мигрантов [2: р. 910]. Октябрьская революция 1917 г. породила волну «белой эмиграции», чьи потомки до сих пор живут в США. Они бережно сохраняли родной язык, культурные ценности, традиции, учили детей

русскому языку. В 1940-е гг. продолжалась и даже усилилась эмиграция в США, связанная с тем, что в Америку уезжали те, кто был в лагерях для перемещенных лиц, иными словами, беженцы, а также военнопленные. В годы Второй мировой войны в США прибывали и те русские эмигранты, которые обосновались в Европе, но вынуждены были ее покинуть в связи с немецкой оккупацией. Последняя волна была связана с разрушением и гибелью СССР, когда в начале 1990-х гг. в США прибыли многочисленные группы не только евреев, но и русских, украинцев и других.

«Американцы русского происхождения» оказали существенное влияние на науку и культуру США в XX веке. Русские ученые внесли существенный вклад в развитие американской науки. Важно отметить, что у истоков русистики — отрасли исторической науки в США, которая изучает историю России, стояли русские ученые-эмигранты *Георгий Владимирович Вернадский* (1887, Москва — 1973, Нью-Хейвен), *Михаил Михайлович Карпович* (1888, Тифлис — 1959, Нью-Йорк), *Михаил Тимофеевич Флоринский* (1895, Киев — 1981, Нью-Йорк) [8]. Сейчас центры русистики есть во всех крупных американских университетах. Научную школу изучения античности в США заложил русский историк *Михаил Иванович Ростовцев* (1870, Киев — 1952, Нью-Хейвен). *Питирим Александрович Сорокин* (1889, село Турья, Вологодская губерния — 1968, Винчестер, Массачусетс, США) — русско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. В 1922 г. выслан за границу. С 1923 г. в США. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 г. В 1965 г. занимал пост президента Американской социологической ассоциации [19].

Во всем мире хорошо известно имя *Александра Николаевича Лодыгина* (1847–1923) уроженца Тамбовской губернии, выходца из старинной и знатной дворянской фамилии (его род, как и род Романовых, вел свое происхождение от Андрея Кобылы), изобретателя первой в мире лампы накаливания (1874). После Февральской революции 1917 г. изобретатель не сработался с новой властью и уехал в США. Приглашение вернуться в РСФСР для участия в разработке плана ГОЭЛРО Александр Николаевич вынужден был отклонить из-за болезни. В марте 1923 г. он умер в Бруклине [7].

Великим изобретением, которым пользуется все человечество, — телевидением — мы обязаны двум русским: Д. Сарнову и В. Зворыкину. *Давид Сарнов* (1891–1971) родился в небольшой белорусской деревне Узляны в 1891 г. Уже в 1900 г. его семья иммигрирует в США, где Давид из-за болезни начинает работать сначала газетчиком, затем курьером. За несколько лет он становится коммерческим директором в компании беспроводного телеграфа Маркони, затем вице-президентом фирмы «Рэдио корпорейшн оф Америка». В 1926 г. основал Национальную радиовещательную компа-

нию (NBC). С начала 1920-х гг. являлся советником десяти президентов США. Участвовал в создании систем космической связи, компьютеризации США. Международный институт инженеров-электриков учредил премию его имени за достижения в области электроники (1959). Именно он оказал дружескую, финансовую и организационную поддержку российскому инженеру-изобретателю *Владимиру Козьмичу Зворыкину* (1888–1982). Владимир Козьмич родился в Муроме в семье купца первой гильдии Козьмы Зворыкина, который торговал хлебом, владел пароходами и был председателем Муромского общественного банка. Он с отличием окончил Санкт-Петербургский технологический институт, в 1919 г. бежал от гражданской войны в США, где прожил половину жизни. В 1923 г. Зворыкин подал патентную заявку на телевидение, осуществляемое полностью на электронном принципе. В 1933 г. он выступил на годичной конференции Американского общества радиоинженеров с докладом о созданной им электронной телевизионной системе. В 1940-е гг. работал над изобретением цветного телевидения. Зворыкин разработал прибор ночного видения, электронный микроскоп и многое другое. Он получил 120 патентов на свои изобретения, был удостоен множества наград. Его изобретательская и научная деятельность была отмечена занесением его имени в Американскую национальную галерею славы изобретателей [9: с. 201–218].

Игоря Ивановича Сикорского (1889–1972) называют русским и американским изобретателем-авиаконструктором. Выпускник Киевского политехнического института И.И. Сикорский был младшим ребенком в семье известного психиатра — профессора Киевского университета Ивана Алексеевича Сикорского и Марии Стефановны Сикорской (урожденной Темрюк-Черкасовой). Ранние его разработки в авиастроении были сделаны в России. Именно в нашей стране появились легендарные самолеты «Гранд», «Русский витязь» и «Илья Муромец». Здесь он также разработал и испытал аэросани. В 1919 г. он уехал в США, где основал свою фирму. За 20 лет активной работы Сикорский создал 15 типов самолетов, а потом перешел к работе над вертолетами. Он разработал гидроплан и одновинтовой вертолет. В 1963 г. ученый получил медаль Американского общества инженеров-механиков [16]. За свою жизнь он был удостоен множества почетных званий и наград. Президенты США, начиная с Дуайта Эйзенхауэра, летают на вертолетах с надписью “Sikorsky” на борту.

В США жил и работал ученый, сын известного архитектора, генерал-лейтенант, доктор химических наук, профессор, академик Санкт-Петербургской академии наук *Владимир Николаевич Ипатьев* (1867–1962). После эмиграции в 1930 г. в США основным местом его работы стал Исследовательский центр фирмы «Юниверсал Ойл продактс (ЮОП)», где он стал руководителем исследований по нефтепереработке. В этом центре (г. Риверсайд, штат Иллинойс) фирма оборудовала для него хорошо осна-

щенную лабораторию высоких давлений. Ипатьев и его студенты внесли значительный вклад в органический синтез и перегонку нефти. Ученый считается одним из основателей нефтехимии в США. В 1945 г. Ипатьев опубликовал в двух томах книгу воспоминаний «Жизнь одного химика». Похоронен на русском кладбище в городе Джексон, штат Нью-Джерси [13: с. 367–376].

Химик и физик *Георгий Богданович Кистяковский* (1900–1982) учился в частной гимназии в Москве и в Киеве. Осенью 1918 г. вступил в ряды Белой армии и участвовал в боевых действиях до осени 1920 г. Эмигрировал в Турцию, а затем в Югославию. Учился в Берлинском университете. В 1926 г. эмигрировал в США, написал книгу по фотохимии — «Фотохимические процессы». С 1930 г. преподавал в Гарварде, с которым остался связан до конца жизни. С 1941 г. Кистяковский — член Комитета по атомной энергии при Национальной Академии наук; участвовал в работе Манхэттенского проекта, в 1944 г. возглавил отдел по разработке традиционных взрывчатых веществ для атомной бомбы. 1953–1958 гг. — член консультативного комитета министерства обороны по баллистическим ракетам, с 1959 г. — член консультативного комитета по химической энергии в Национальном управлении по аэронавтике (НАСА). В 1968 г., в знак протеста против войны во Вьетнаме, он подал в отставку и оставил все свои должности в правительственных учреждениях [12].

Среди людей искусства, покинувших Россию в начале XX века и перебравшихся в США, следует назвать известные имена писателей: *Давид Бурлюк* (1882–1967), *Владимир Набоков* (1899–1977); композиторов и музыкантов: *Сергей Рахманинов* (1873–1943), *Игорь Стравинский* (1882–1971), *Дмитрий Тёмкин* (1894–1979), *Владимир Горовиц* (1903–1989); *Сергей Кузевицкий* (1879–1951); певцов, солистов балета и балетмейстеров: *Федор Шаляпин* (1873–1938), *Георгий Баланчин* (1904–1983).

Создателями Голливуда являлись выходцы из Российской империи. *Сэмюэл Голдвин* (Шмуль Гелбфиш; 1879, Варшава — 1974, Лос-Анджелес) — патриарх Голливуда и писатель, один из самых успешных кинопродюсеров в истории США. В 1898 г. эмигрировал в США. Участвовал в создании 3 киностудий, которые существуют и по сей день [20]. *Льюис Селзник* (Лейзер Иосифович Железник; 1869, Гринкишки, Ковенская губерния — 1933, Лос-Анджелес) — американский продюсер. В 1886 г. эмигрировал в США. Создатель 3 кинокомпаний [15]. *Луис Барт Майер* (Лазарь Меир; 1884, Минск — 1957, Лос-Анджелес) — один из первых кинопродюсеров и один из основателей голливудской киностудии “Metro-Goldwyn-Mayer” (MGM) и американской Академии кинематографических искусств и наук, ежегодно вручающей главную кинопремию «Оскар», также предложенную им [14]. *Джозеф Майкл Шенк* (Иосиф Михайлович Шейнкер; 1878, Рыбинск — 1961, Лос-Анджелес) — американский кинопродюсер, пионер

киноиндустрии, сыгравший ключевую роль в ее развитии в США. Семья эмигрировала в США в 1893 г. С 1925 г. был вторым президентом новой киностудии “United Artists”. В 1934 г. вместе с Деррилом Зануком основал компанию “20th Century Pictures”, которая в 1935 г. была преобразована в корпорацию “20th Century Fox”. Был ее первым президентом. Как один из основателей Американской Академии кинематографических искусств и наук, в 1952 г. получил специальный «Оскар» в знак признания его значительного вклада в развитие киноиндустрии. *Николас Майкл Шенк* (Николай Михайлович Шейнкер; 1881, Рыбинск — 1969, Флорида) — американский киномагнат. С 1927 г. руководил корпорацией “Metro-Goldwyn-Mayer” (MGM), которая благодаря студийной системе собрала под своей крышей множество талантов. Был восьмым богатейшим человеком в США в 1930-х гг. [23].

Стоит отметить российских актеров, покоривших Голливуд. *Алла Назимова* (Марем-Идес Левентон; 1879, Ялта — 1945, Лос-Анджелес) — русская и американская кино- и театральная актриса, продюсер и сценарист. В 1906 г. эмигрировала в США. Актриса была удостоена звезды на Голливудской аллее славы. *Мария Алексеевна Успенская* (1876, Тула — 1949, Лос-Анджелес) — русско-американская актриса и театральная педагог. Эмигрировала в США в 1922 г. Снялась в 17 фильмах. В 1929 г. на Бродвее (Нью-Йорк) основала школу драматического искусства. *Ольга Владимировна Бакланова* (1896, Москва — 1974, Веве, Швейцария) — кино- и театральная актриса. В 1926 г. эмигрировала и продолжила карьеру в США. Снялась в 20 фильмах. Один из критиков назвал ее «русской тигрицей». *Анна Стэн* (Анна Петровна Фесак; 1908, Киев — 1993, Нью-Йорк) — американская актриса русского происхождения. До 1929 г. снималась в СССР, затем эмигрировала и продолжила карьеру в Европе и США. Снялась в 27 фильмах. Из нее хотели сделать вторую Грету Гарбо. *Миша Ауэр* (Михаил Семенович Унковский; 1905, Санкт-Петербург — 1967, Нью-Йорк) — американский актер русского происхождения. Эмигрировал с матерью в 1918 г. Снялся в 150 фильмах. *Юл Бриннер* (Юлий Борисович Бринер; 1920, Владивосток — 1985, Нью-Йорк) — американский актер театра и кино русского происхождения. В 1926 г. эмигрировал с матерью в Китай. В США с 1941 г. Снялся в 44 фильмах. Премия «Оскар» — 1957 г. [22].

Не менее значительным оказался вклад россиян в изобразительное искусство США. *Николай Иванович Фешин* (1881–1955). Родился в Казани, умер в Санта-Моника, США. Живописец, график, скульптор, резчик, представитель импрессионизма и модерна. Окончил Академию художеств в мастерской И.Е. Репина, в дальнейшем вернулся в Казань и преподавал в Казанской художественной школе, ныне носящей его имя. В 1916 г. избран академиком Императорской Академии художеств. В 1923 г. эмигрировал с семьей в США, где прожил до самой смерти. В 1976 г. дочь переэмигрировала в Россию.

хоронила прах отца в Казани. Был достаточно известен в России и СССР, в США считается национальным американским живописцем. Создал более 2000 произведений, которые находятся в коллекциях более 30 музеев в США [21]. *Иван Григорьевич Олинский* (1878–1962). Родился в Елизаветграде (Украина), умер в Нью-Йорке. Семья эмигрировала в США, когда ему было 12 лет. Учился в Национальной академии рисунка в Нью-Йорке, членом которой был избран в 1919 г. Вел класс портретной живописи в Художественной студенческой лиге (1928–1934). Среди его учеников — И. Болотовский, Л. Лозовик, Р. и М. Сойеры. Его дочь Тоска также стала знаменитой художницей [11]. *Савелий Абрамович Сорин* (1878–1953). Род. в Полоцке, умер в Нью-Йорке. Ученик И.Е. Репина. В 1907 г. за картину «Вдохновенная минута» был выпущен из Академии со званием художника и правом поездки за границу. В 1911 г. работы Сорина экспонировались на Всемирной выставке в Турине, Италия. В 1913, 1915 и 1917 гг. принял участие в выставках «Мира искусства» в Петербурге. В 1920 г. эмигрировал сначала во Францию. Устраивал выставки в США: в Бруклинском музее (1923), галерее «Вильденштайн» в Нью-Йорке (1927, 1934), Вашингтоне (1924), Питтсбурге (1924–1925), Чикаго (1927). В 1932 г. принял участие в выставке современного русского искусства в Филадельфии. В 1940 г. поселился в США. Сделал несколько крупных денежных взносов в Фонд помощи СССР в период Второй мировой войны [18]. *Николай Васильевич Харитонов* (1880–1944). Родился в Ярославской губернии, умер в Нью-Йорке. Выходец из крестьян. В 1895 г. уехал на Валаам, стал послушником в монастыре, два года писал иконы. В 1901 г. поступил вольнослушателем в Петербургскую Академию художеств. Ученик И.Е. Репина. В 1909 г. Харитонову за картину «Икар» было присвоено звание художника. Он работал в Петербурге, писал портреты и жанровые сцены, участвовал в выставках передвижников. В 1919 г. эмигрировал, с 1923 г. жил в Нью-Йорке, принял американское гражданство. Работал как портретист. Связи с белогвардейскими офицерами на Кубани и гибель многих работ определили его «забвение» в России. Наиболее известна картина Харитонова «Федор Иванович Шаляпин в роли Бориса Годунова» [17]. *Григорий Григорьевич Орлов* (1890–1981). Родился в Киеве, умер в Юнион Пиер (Мичиган). Начинал учиться живописи в Киеве, продолжил в 1920-е гг. в Нью-Йорке, в Национальной академии рисунка. В 1930-е гг. работал в Чикаго, рисовал городскую жизнь, отдых и развлечения горожан. В годы экономического кризиса по заказу исполнил несколько настенных картин для чикагских школ Управления развития общественных работ. Затем увлекся мотивами сельской жизни [6]. *Рафаэль Сойер* (1899–1987). Родился в Борисоглебске, умер в Нью-Йорке. Семья эмигрировала в США в 1912 г. Учился в Национальной академии рисунка в Нью-Йорке. Входил в кружок художников 14-й стрит. Был социальным реалистом. Работал в разных жанрах. Сотруд-

начал с кино. Его картины есть во всех музеях США. Братья Мозес и Айзек также были художниками [3]. *Григорий Ефимович Глюкман* (1898–1973). Родился в Витебске, умер в Лос-Анджелесе. В 1918 г. поступил в Первые Государственные свободные художественные мастерские, ставшие позже МУЖВЗ (Московское училище живописи, ваяния и зодчества). В 1920 г. эмигрировал во Францию. 1930-е — пик карьеры художника. В это время Глюкман обратился к станковой живописи. Основными его темами были парижские уличные сцены, заполненные людьми, чувственные обнаженные фигуры стиля «ню» и парижская ночная жизнь. В 1941 г. переехал в США. Работал в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе [10].

На конференции «Русская диаспора в США и культурная дипломатия», состоявшейся в Нью-Йорке в ноябре 2013 г., отмечалось: «Русскоговорящие американцы внесли огромный вклад в науку и культуру Соединенных Штатов, но, к сожалению, в Америке об этом знают единицы». Можно утверждать, что и в России широкой общественности об этом известно далеко не все. Подводя итоги, стоит отметить, что в рамках небольшой статьи невозможно в полном объеме представить вклад русских в науку и культуру Америки, но то, что он поистине важен и представляет интерес для России, несомненно.

Литература

1. An Outline of American History. Washington: USIA, 1994. 400 p.
2. Encyclopedia of American Emigration / Ed. by C.L. Bankston III. Tulane: Salem Press, Inc., 2010. 910 p.
3. Goodrich L. Raphael Soyer. NY.: The Whitney Museum of American Art, 1967.
4. Ida M. Russian Jews as Desirable Immigrants // Van Etten Forum. 1893. № 15. P. 172–182.
5. Language Use and English-Speaking Ability 2000. U.S. Census. URL: www.census.gov/main/www/cen2000.html (дата обращения: 21.03.2022).
6. Scanlan P.S. Gregory Orlof. Modernism in the New City: Chicago Artists, 1920–1950. URL: http://www.chicagomodern.org/artists/gregory_orloff (дата обращения: 04.02.2022).
7. Александр Николаевич Лодыгин. URL: http://www.hrnon.ru/biograf/bio_1/lodygin.php (дата обращения: 26.04.2022).
8. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоренский) и становление русистики в США. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 142 с.
9. Васин А.Н., Велембовская К.М. Страницы биографии «Отца телевидения» В.К. Зворыкина // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 201–218.
10. Глюкман Григорий. URL: <https://artbelarus.by/ru/artists/1572.html> (дата обращения: 26.04.2022).
11. Иван Григорьевич Олинский. Мастер психологического портрета. URL: <https://lovers-of-art.livejournal.com/907746.html> (дата обращения: 26.04.2022).

12. Кистяковский Георгий Богданович. URL: <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/kistiakovskii.htm> (дата обращения: 26.04.2022).
13. Кузнецов В.И. Превратности творчества академика В.Н. Ипатьева // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 367–376.
14. Луис Майер: наш человек в американской киноакадемии. URL: <https://was.media/microformats/louis-mayer> (дата обращения: 26.04.2022).
15. Льюис Селзник. Так создавался американский кинематограф. URL: <https://usarussia.livejournal.com/3640.html> (дата обращения: 26.04.2022).
16. Надеждин Н.Я. Игорь Сикорский: «Русский витязь». М.: Майор, 2011. 192 с.
17. Николай Васильевич Харитонов (1880–1944). Гений живописи из Мологи. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/pkfnf/post369896938> (дата обращения: 06.04.2022).
18. Панова Т. Тайна соринского портрета // Дикое поле. Интеллектуально-художественный журнал. 2005. № 7 (дата обращения: 26.04.2022).
19. Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман / Пер. с англ. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР, 1991. 304 с.
20. Сэмюэл Голдвин — голливудский самородок. URL: https://russianheritagemuseum.com/ru/RHM_Samuel_Goldwyn/(дата обращения: 26.04.2022).
21. Тулузакова Г.П. Николай Фешин. СПб.: Золотой Век, 2012. 504 с.
22. Чернявский Г., Дубова Л. Русский Голливуд. Выходцы из российского пространства и их потомки на «фабрике грез». М.: Молодая гвардия, 2021. 464 с.
23. Ярославцы — основатели Голливуда. URL: <https://vk.com/@yerdvig-yaroslavcy-osnovateli-gollivuda> (дата обращения: 18.04.2022).

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК МИРОВОЙ ЯЗЫК

*И.А. КОСЕНКОВА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов
e-mail: irina.kosenkova11@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется состояние современного русского языка, определяются его место и роль на мировой арене. Автор подробно останавливается на критериях, по которым можно определить международный язык, дает ответ на вопрос, почему русский язык стал международным, и освещает роль русского языка как официального языка ООН. Выступление нацелено на воспитание национального самосознания человека, чувства гордости за родной язык, который сохранил в себе культуру и историю народа

Ключевые слова: русский язык, мировой, международный, официальный, языки.

PROBLEMS OF LINGUISTIC GEOPOLITICS: RUSSIAN LANGUAGE AS A WORLD LANGUAGE

*I. KOSENKOVA,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of Linguistics and Humanities and Pedagogical Education,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Russia, Tambov
e-mail: irina.kosenkova11@mail.ru*

Abstract: The article analyzes the state of the modern Russian language, determines its place and role on the world stage. Author dwells in detail on the criteria by which an international language can be determined, gives an answer to the question of why the Russian language has become international, and highlights the role of the Russian language as the official language of the United Nations. The speech is aimed at fostering a person's national identity, a sense of pride in his native language, which has preserved the culture and history of the people

Keywords: Russian language, world, international, official, languages.

В современном мире насчитывается около семи тысяч языков. Мы говорим о приблизительном количестве, поскольку у ученых нет уверенно-

сти в том, что описаны все существующие языки. Лингвисты допускают, что на земном шаре есть еще территории, на которые не ступала нога ученого, где люди говорят на неизвестном пока науке языке. Уже описанные на сегодня языки имеют свои фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические и другие языковые особенности. Кроме языковых, есть и другие отличия. Прежде всего обращаем внимание на количество носителей того или иного языка. И здесь мы видим, что оно очень разнится: есть языки, носителей которых насчитывается несколько десятков или сотен человек, а есть, которые знают и которыми владеют сотни тысяч и даже миллионы человек. Таких языков (с большим количеством носителей) немного. По разным классификациям их выделяют от шести до одиннадцати. Они часто называются мировыми языками, или используется термин — «международные языки». В число таких языков входит и русский.

Мировой язык или язык международного общения — это высокий статус. За что русский язык признан международным? Во-первых, он является одним из самых распространенных. Русский является родным для 170 миллионов человек. Еще около 125 миллионов используют его в качестве второго языка. Люди, которые в анкетах и опросных листах указывают, что владеют русским языком, живут не только на территории нашего государства. Это и жители других стран, прежде всего бывших советских республик и стран соцлагеря. На русском языке говорят жители на нескольких континентах. Мы акцентируем ваше внимание на последних словах, поскольку это также одна из отличительных особенностей мирового языка. Распространенность китайского, прежде всего, объясняется высокой численностью населения Китая. Английский и испанский языки получили широкое распространение благодаря колониальной политике этих стран. Все мы знаем из истории, что морские державы имели колонии в Африке, Азии и Латинской Америке. Россия никогда не вела такую политику, не занималась колонизацией народов и захватом чужих территорий. Не может сравниться Россия и с Китаем по уровню рождаемости. Тем не менее сегодня в мире русский язык занимает четвертое место среди мировых языков по количеству людей, владеющих им. Кроме того, русский язык находится на восьмом месте среди самых распространенных языков планеты

Обратимся к критериям, по которым можно определить международный язык:

1. Этот язык является родным для большого числа людей мира.
2. Этим языком должны хорошо владеть, даже если он для них не родной.
3. Этот язык используется жителями разных государств на нескольких континентах.

4. Этот язык преподается в школах большинства стран как иностранный.
5. Этот язык используется международными организациями как официальный язык.

Всеми этими критериями, значимыми для международного языка, обладает русский язык: изучение в разных странах в качестве иностранного языка, широкое распространение, большое число носителей языка, использование в качестве официального языка международными организациями. Остановимся на последнем подробнее.

В число мировых (международных) языков входят, прежде всего, официальные языки ООН. Организация Объединенных Наций была создана странами-победителями в тысяча девятьсот сорок пятом году после окончания Второй мировой войны. Для организации работы органов в системе ООН установлены официальные и рабочие языки. Официальными языками ООН являются **английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский**. На официальных языках ООН идут выступления во время заседаний, на официальные языки переводятся доклады, ведется документация. Русский язык является как официальным, так и рабочим языком ООН.

Почему русский язык является одним из языков ООН? Советский Союз был одной из держав — учредителей ООН. Соответственно, и русский, как государственный язык СССР, стал одним из официальных языков организации. Хартию о создании ООН опубликовали на пяти языках — русском, английском, французском, испанском и китайском, поэтому изначально именно эти пять стали считаться официальными языками ООН. Позднее к ним добавился и арабский (в 1973 году).

Помимо официальных языков ООН, к числу мировых языков относят португальский и немецкий языки.

Как уже отмечалось выше, количество говорящих на языке и распространенность его на планете не являются достаточными для придания ему статуса «мирового языка». Немаловажную роль играют и заслуги страны в той или иной сфере жизни людей. Есть международные и межгосударственные сферы, в которых широко используется русский язык.

Прежде всего, русский язык — это язык науки. Благодаря русским ученым было сделано много открытий в различных областях знаний. Роль этих открытий велика. Отечественные научные труды известны во всем мире и переведены на многие языки.

При этом русский язык используется для хранения и кодирования мировых знаний. Большая их часть сохранена именно на русском и английском языках.

Бесспорны заслуги Советского Союза, а теперь и России, в космической сфере. Мы являемся первооткрывателями космоса. Наши достижения

неоспоримы. Труды написаны, соответственно, на русском языке. Его активно используют космическая связь, авиасвязь, радиопередачи и т.п.

Русский язык — это язык великой русской литературы. В девятнадцатом веке начали переводить труды русских писателей на иностранные языки. И с тех пор они не оставляют равнодушными жителей других стран. Многие иностранцы начинают учить русский язык, чтобы прочитать тексты в подлиннике, так впечатляет их русская литература. Пять лауреатов Нобелевской премии по литературе являются представителями нашей страны, нашей литературы, носителями русского языка.

В каждом из нас живет чувство гордости за родной язык, который сохранил в себе культуру и историю народа. Но удалось ли нам сохранить тот прекрасный язык, который достался нам от предков? Смогли ли мы его приумножить и украсить, развить и усовершенствовать? Владеем ли мы хотя бы на том уровне, на котором владели в девятнадцатом веке Тургенев, Достоевский, Гончаров? Можно ли утверждать, что сегодня речь большинства наших соотечественников отражает богатство и величие национального языка?

К сожалению, сегодняшнее состояние современного русского языка является удручающим. Филологи давно бьют тревогу, но сейчас низкий уровень владения языком стал очевиден и для простого обывателя. Уровень культуры русского общества, в том числе интеллигенции, упал очень низко. В стране происходит активное, целенаправленное уничтожение литературных норм, повсюду насаждается стилистически сниженная лексика. Не приходится даже вести разговор об использовании изобразительно-выразительных средств языка в повседневном общении. Большинство носителей языка не в состоянии просто и связно выразить свою мысль. Грубость в речи русских людей достигла невиданных масштабов. (Здесь еще остро стоит и вопрос культуры поведения.) В средствах массовой информации идет чрезмерное засилье иностранных слов, которое приветствуется и усиленно насаждается в массы. Такого большого ничем не обоснованного количества иностранных слов, пожалуй, русский язык не заимствовал ни в какие века. При Президенте Российской Федерации создан Совет по русскому языку, который призван, в первую очередь, спасти язык. Наконец-то заговорили о проблемах языка и занялись поиском средств его сохранения и приумножения.

В учреждениях среднего специального и высшего образования ввели курс «Русский язык и культура речи». В средних общеобразовательных школах в рамках курса «Родной язык» знакомят с литературными нормами русского языка.

Кроме того, в настоящее время на рынке труда прослеживается положительная тенденция: все чаще работодатель, оценивая своих сотруд-

ников, обращает внимание на культуру речи подчиненных, умение общаться, убеждать.

Именно сегодня интерес к родному языку стала проявлять молодежь, стремящаяся достичь успехов в карьерном росте.

Русский язык дает его носителю огромные возможности. Благодаря трудам наших предков, их достижениям и заслугам в различных сферах, русский язык включен в число мировых языков. Он является официальным языком ООН. Что это значит для носителя русского языка? То, что любое значимое литературное произведение, написанное в какой-либо точке земного шара, будет переведено на русский язык. Это означает, что любое научное открытие, сделанное в любой стране мира, будет описано в научной литературе и переведено на русский язык. Это значит, что любой исторический документ и резолюции ООН носитель русского языка сможет прочитать на своем родном языке. Давайте ценить и беречь эти завоевания. Давайте гордиться тем, что нам дан такой великий язык. Давайте сохраним и передадим его потомкам. А для этого каждый должен проявить внимание к русскому языку, поскольку современный русский литературный язык проявляется, прежде всего, в речи каждого из нас.

Литература

1. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие / Л.А. Введенская, М.Н. Черкасова. 15-е изд., стер. Ростов н/Д.: Феникс, 2014. 381 с.
2. Головкин Н.В. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие (курс лекций) для студентов нефилологических специальностей. М.: Литера, 2017. 319 с.
3. Русский язык и культура в европейском пространстве. *Orosz nyelv es kultura az europaí tersegben*: Сб. докл. междунар. конф. (9–10 октября 2013 г.) / Фонд «Рус. мир»; Печ. ун-т, фак. гуманитар. наук, каф. славян. фил.; Рус. центр г. Печ; [ред. В. Вегвари]. Печ, 2014. 141 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

*А.Ф. РАГИМОВА,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: ragimova.afa@mail.ru*

Аннотация: Русский язык остается одним из главных средств коммуникации в постсоветском пространстве. Сохранение русскоязычного пространства и популяризация русского языка в Азербайджане являются одним из основных факторов укрепления отношений с Россией. Межвузовское сотрудничество — одно из направлений, определяющих взаимоотношения двух государств в гуманитарной сфере. Внимание к русской литературе существовало и существует независимо от общественно-политического развития Азербайджана.

Ключевые слова: Россия, Азербайджан, межгосударственные отношения, постсоветское пространство, русский язык, литература.

RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE AS A FACTOR IN INTERSTATE RELATION BETWEEN RUSSIA AND AZERBAIJAN

*A. RAGIMOVA,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Russian History,
Moscow City University, Russia, Moscow
e-mail: ragimova.afa@mail.ru*

Abstract: The Russian language remains one of the main means of communication in the post-Soviet space. The preservation of the Russian-speaking space and the popularization of the Russian language in Azerbaijan is one of the main factors in strengthening relationship between the two states in the humanitarian sphere. Attention to Russian literature existed and exists regardless of the socio-political development in Azerbaijan.

Keywords: Russia, Azerbaijan, interstate relations, post-Soviet space, Russian language, literature.

Формирование и сохранение интегрального образовательного пространства для стран постсоветского пространства представляет собой одну из приоритетных задач в их внешней политике. Активное гуманитарное сотрудничество, развитие экономических и торговых связей, а также взаимодействие в сфере образования и науки ставят на повестку дня этих стран сохранение единого русскоязычного пространства. Это объясняется ролью русского языка в межнациональном общении представителей большинства постсоветских государств. Как известно, русский язык — официальный и рабочий язык международных организаций в этом пространстве. Это СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и др. О важности русского языка в странах СНГ говорит тот факт, что 2023 год планируют объявить Годом русского языка как языка межнационального общения.

Дестабилизация политической ситуации в начале 1990-х годов привела к ослаблению внимания к русскому языку настолько, что в образовательных программах бывших республик СССР он был сведен до уровня факультативных занятий. Безусловно, здесь сказались и внешнеполитические ориентиры как России, так и других стран бывшего Союза. Нельзя не отметить и субъективные факторы — отношения между лидерами государств снизились до минимума. Интерес к русскому языку и литературе снова вырос после прихода к власти В.В. Путина в 2000 году. Объяснением является нивелирование настороженности государств по отношению друг к другу и новым этапом в части официальных визитов политической элиты, что послужило стабилизации общего фона отношений и укреплению гуманитарного сотрудничества. Предпринятые встречные шаги лидеров государств приводят к усилению сотрудничества в гуманитарной сфере. Сегодня русский язык остается одним из главных средств коммуникации в постсоветском пространстве. Также необходимо отметить тот факт, что в 2000-х годах ведущие политические акторы, в том числе и Россия, стали активно наращивать потенциал так называемой «мягкой силы», а русский язык — это ее серьезный ресурс, переоценить важность которого невозможно. Русская культура и русский язык являются стратегически важными рычагами воздействия в контексте *power*.

Как было отмечено выше, распад СССР, приведший к утрате Россией прежнего влияния в мире и на постсоветском пространстве, отразился на положении русского языка и русской литературы в ближнем зарубежье. Не секрет, что роль языка в мире определяется в том числе престижем и общей мощью (политической, экономической) носителя языка. А Россия на тот момент переживала как внутренний, так и внешнеполитический кризис, что не способствовало повышению престижа русского языка в мире и формированию политики по продвижению национального языка в бывших республиках. Но в Азербайджане, в отличие от других стран СНГ, русский язык сохранил свои позиции, что при встрече

президентов двух стран неоднократно отмечал В.В. Путин: «После распада Советского Союза Азербайджан остался единственным государством, где не закрылись русские школы, а издание книг на русском языке не только не сократилось, но даже увеличилось. Более чем в 340 средних школах Азербайджана обучение проходит на русском языке, преподавание на нем ведется в высших учебных заведениях страны. Разумеется, это очень высокие показатели, и они не могут не радовать нас» [8]. Сохранение «русской улицы» на территории Азербайджана выступает крепкой основой взаимовыгодного партнерства двух государств не только в гуманитарной, но и в других сферах.

Говоря о роли русского языка в межнациональном общении стран СНГ, нельзя не отметить его значения как мощного механизма межгосударственных отношений, в том числе и между Россией и Азербайджаном. Данный фактор можно еще дополнить ролью русской литературы и ее влиянием на углубление межнациональных и межгосударственных отношений в гуманитарной сфере, о чем речь пойдет ниже.

В 2018 году Министерством образования Азербайджана был издан приказ о реализации проекта под названием «Интенсивное обучение русскому языку». Такие инициативные шаги позволяют молодежи Азербайджана поступать в вузы России, участвовать в форумах, строить диалог со своими сверстниками в России.

Как отмечает профессор Университета дружбы народов К.П. Курьлев: «...в Азербайджане статус русского языка в системе образования гораздо шире понятия русскоязычного образования. В современный период в образовательной системе Азербайджана русский язык функционирует в четырех ракурсах: как язык обучения, язык аудиторного и внеаудиторного общения, один из иностранных языков в школах и вузах с азербайджанским языком обучения, один из основных предметов в учебных заведениях с русским языком обучения» [5: с. 157–158].

В Азербайджане русскоязычное направление средств массовой информации составляет приблизительно 15 процентов от общего количества СМИ. Общеизвестно, что СМИ представляют собой не только мощный инструмент пропаганды официальных доктрин, но и являются средством популяризации национального языка в государствах, имеющих среди своих резидентов носителей этого языка. Что, в свою очередь, помогает усилить межгосударственное взаимодействие, увеличить процент «присутствия» на чужой территории. Дело не только в непосредственном использовании русского языка как средства коммуникации и написания текстов, но и трансляция присущих ему культурных кодов и аллюзий, которые знакомы русскоязычной аудитории и соответствуют ее нравственным и культурным потребностям. По некоторым данным, сегодня в Азербайджане действуют около 7 крупных информационных агентств,

работающих на русском языке. Самыми популярными среди них являются “Trend”, “Day.az”, “1News.az” и «Интерфакс-Азербайджан». Свои корпункты в республике имеет ТАСС. На русском языке выходят газеты «Бакинский рабочий», «Зеркало», «Эхо», «Азербайджанские известия» [6: с. 65]. Это еще раз демонстрирует уровень развития русского языка в республике, а также внимательного отношения руководства республики к культуре и языковому пространству России и, в свою очередь, позволяет русскоязычным СМИ находиться в престижном и выгодном положении. Этим отличаются место и роль русского языка в Азербайджане от восприятия его на Южном Кавказе. Отсутствие в Азербайджане специальных законов и других правовых норм в поддержку русского языка не мешает созданию благоприятной обстановки, способствующей русскоязычному социокультурному развитию.

Можно привести такое сравнение. Русских, проживающих в Казахстане, — 21%, что позволяет считать русский язык одним из основных языков в республике. Беларусь является союзным с Россией государством, и здесь тоже не приходится удивляться важности русского языка. А что касается Азербайджана, где русских не более 3 процентов от общего числа населения, необходимости в сохранении высокой статусности русского языка, казалось бы, нет, но тем не менее наблюдается активная популяризация русской культуры и русского языка.

Межвузовское сотрудничество считается одним из главных направлений, которое определяет межгосударственные взаимоотношения в гуманитарной сфере. И в контексте принятого в РФ государственного приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (2017) открытие и поддержка работы филиалов российских вузов являются опорой русскоязычного обучения, усиления влияния русского культурного наследия и сохранения русскоязычного пространства. В 2008 году в Баку состоялось открытие азербайджанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Данное событие можно назвать удачным примером активного сотрудничества высших школ обоих государств. Тем более что азербайджанский филиал МГУ считается одним из лучших пяти зарубежных филиалов, который имеет свою собственную инфраструктуру и бюджетные возможности.

Нельзя не указать и на деятельность другого бакинского филиала — Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, который открылся в 2015 году по инициативе президента Азербайджана И. Алиева и ректора университета П. Глыбочко. Бакинский филиал — это первый зарубежный филиал МГМУ.

Вышесказанное подтверждает тот факт, что экспорт культуры и образования — сильнейший рычаг «мягкой силы» и возможность для дальнейшего сближения России и Азербайджана по целому ряду вопросов

не только гуманитарной, но и социальной, политической и экономической орбит партнерства.

Чтобы поддержать и укрепить положение русского языка и популяризировать русскую науку, культуру и образование, в Баку и в других городах республики часто проводятся различные мероприятия, как, например, неделя русского языка. Тематика мероприятий свидетельствует о серьезном подходе организаторов к распространению русского языка. Это интерактивные занятия, лекции о методике обучения русскому языку, мастер-классы, круглые столы, конференции и др. Экономическая и политическая необходимость также требует предпринимать серьезные шаги в сфере образования, особенно в изучении и популяризации русского языка в республике.

Ежегодно 6 июня в Баку, как и в других республиках СНГ, отмечается Международный день русского языка, приуроченный ко дню рождения великого поэта А.С. Пушкина. Десятки, а то и сотни поклонников творчества поэта собираются у памятника Пушкину в парке, который расположен в центре столицы. Здесь звучат стихи поэта, говорят о его творчестве. Выступающие подчеркивают, что произведения поэта — это бессмертное наследие, которое переживет века. Среди выступающих можно увидеть депутатов, общественных деятелей, писателей, а также учителей, студентов и школьников. Хорошее знание русского языка позволяет писателям Азербайджана делать качественные переводы произведений великого поэта. Традиционно здесь же проходит награждение победителей республиканской олимпиады по русскому языку и литературе. Памятник А.С. Пушкину считают символом дружеских отношений между Россией и Азербайджаном, которые складывались веками. Мероприятие не обходится без участия представителей посольства России в Азербайджане. В одном из своих выступлений посол Бочарников М.Н. выразил надежду, что добрососедские отношения между Россией и Азербайджаном будут вечными, как поэзия А.С. Пушкина [3].

Огромную роль в развитии и популяризации русского языка и литературы в стране играет деятельность Азербайджанского государственного академического русского драматического театра. Его роль в этом направлении неопределима, о чем свидетельствует репертуар театра. Он разнообразен и богат произведениями русской классики, а также яркими пьесами мировой драматургии. Здесь также ставятся спектакли на русском языке по произведениям азербайджанских авторов. Если посмотреть афишу театра на май 2022 года, то можно увидеть спектакли по произведениям: А.П. Чехова «Две шутки Чехова», Н.В. Гоголя «Женитьба», И. Милосердова «Миллион за дверь», Е. Пермякова «Сказочки на лавочке» и др. В 2016 году по распоряжению президента России В.В. Путина коллективу театра была объявлена благодарность за большой вклад в укрепле-

ние российско-азербайджанских культурных связей и развитие традиций русского театрального искусства.

Учитывая вышеуказанные факты, можно утверждать, что русский язык является ценным компонентом воспроизводства духовно-культурной общности русского и азербайджанского народов, а также межгосударственных отношений с высоким потенциалом и положительной динамикой. Здесь нельзя не отметить и роль русской общины в республике, которая считается одной из самых крупных за пределами России и вносит свой вклад в поддержку и сохранение русского языка в Азербайджане. Русский язык в данном случае является важнейшим каналом сохранения традиций и родственных связей между поколениями.

2019 год стал юбилейным для Дома русской книги, который был открыт в 2009 году. В праздновании 10-летнего юбилея принимали участие государственные и общественные деятели России и Азербайджана, в том числе Посол России в Азербайджане М. Бочарников, председатель Русской общины Азербайджана М. Забелин, а также гости из России. Впервые на постсоветском пространстве именно в Баку был открыт специализированный магазин по реализации произведений российских и зарубежных писателей разных жанров на русском языке [4]. Здесь проводятся встречи писателей, историков, представителей науки и образования России, Азербайджана и других стран, где русский язык признают и ценят. Поэтому можно смело утверждать, что Дом русской книги занимается не только распространением русского языка и литературы, но и является местом для творческой дискуссии, обмена мнениями и опытом.

Распад Советского Союза привел к новому этапу развития литературы. Формируются ее новые стереотипы, не подверженные политическому влиянию. В развитии литературы, в литературных отношениях наблюдаются новые направления, свободные от идеологических концепций и догм. Это также способствует укреплению связей между народами, взаимопроникновению культур, повышению статуса русского языка, лояльности населения к стране в целом.

В Азербайджане большой популярностью пользуются представители «серебряного века». Это, скорее всего, объясняется тем, что некоторые из них были связаны с Востоком и Азербайджаном. Мотивы Востока и Азербайджана имели место и в их творчестве. Известно, что В. Брюсов дважды бывал в Баку и посвятил столице два значительных произведения. Один из представителей русского символизма – В. Иванов – некоторое время жил, творил и занимался педагогической деятельностью в Баку. С. Городецкий был членом нескольких литературных объединений в Баку и описал жизнь бакинских нефтяников [1: с. 3]. Аналогичное можно сказать и о В. Хлебникове. Для него Баку стал перевалочным пунктом на пути в Персию. Но даже и за такой короткий период пребывания

(октябрь 1920 г. — апрель 1921 г.) он успел поработать в бакинском отделении РосТА. Однако идеологические запреты советского времени долгое время не давали возможности азербайджанским литераторам и исследователям глубоко изучать и переводить литературу того периода. Только начиная с середины 1990-х годов это стало возможным. В январе 2001 года, когда В.В. Путин свой первый зарубежный визит начал с поездки в Азербайджан, в Бакинском славянском университете состоялась церемония вручения диплома почетного доктора БСУ президенту России. В своей речи ректор БСУ К. Абдуллаев отметил, что «В нынешнее очень нелегкое для переводчиков и поэтов время в Баку в 2000 году изданы 6 книг, состоящих из переводов стихотворений А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Гумилева и других, что свидетельствует об интересе к русской литературе, культуре и является показателем того, что усилившиеся в период “парада суверенитетов” негативные, деструктивные тенденции не смогли уничтожить этот интерес» [1: с. 4].

Внимание и интерес к русской литературе существовали и существуют независимо от общественно-политического развития в Азербайджане. Обогащение переводческим и издательским опытом русской литературы вносит свой вклад в установление тесных связей не только между народами, но и на государственном уровне. Вообще, всё, что касается культурной экспансии, — будь то продвижение и укрепление статуса русского языка, экспорт театрального искусства, продвижение русской драматургии, выпуск литературы на русском языке — абсолютно все составляющие культурного обмена способствуют установлению и поддержанию более тесных связей на всех уровнях межгосударственного взаимодействия.

Говоря о вкладе литературного творчества в международные двусторонние отношения России и Азербайджана, нельзя не отметить деятельность журнала «Литературный Азербайджан», объединяющего создателей русскоязычной азербайджанской литературы. Это литературно-художественный журнал Союза писателей Азербайджана, который выходит с 1931 года. В нем публикуются произведения азербайджанских поэтов, писателей и драматургов, которые пишут на русском и на азербайджанском языках (в переводе на русский язык). После распада Союза для журнала наступили как финансовые, так и морально-психологические тяжелые времена. Но время показало, что потребность в аналогичном русскоязычном издании стала еще более важной, так как число желающих опубликовать свои произведения на его страницах возросло. Это объясняется тем, что публикация в русскоязычном журнале дает возможность азербайджанским авторам открывать дорогу к российскому и зарубежному читателю. В последнее время, в связи с выходом электронного варианта журнала, читательская аудитория стала еще более обширной.

В 2017 году в Баку отмечали 70-летний юбилей журнала «Русский язык и литература в Азербайджане», который начал издаваться с 1947 года под названием «В помощь учителю русского языка в нерусской школе». В этом 2022 году творческая интеллигенция Азербайджана будет отмечать его 75-летний юбилей. Избегая ретроспективного анализа деятельности журнала, хочется отметить, что начиная с 2000-х годов в его «жизни» наступает новый этап. Он был полностью обновлен не только по форме, но и по содержанию и общей концепции. Нельзя не отметить, что своим возрождением и обновлением журнал обязан ректору Бакинского славянского университета, члену-корреспонденту АН Азербайджана, заслуженному деятелю науки, профессору К.М. Абдуллаеву [2: с. 81]. Современные российские и азербайджанские авторы публикуют в журнале свои произведения. Здесь также можно найти материалы по новейшим проблемам лингвистики и литературоведения в целом, русского языка и русской литературы в частности. Большое внимание уделяется вопросам художественного перевода, языка СМИ и рекламы [2: с. 82].

В настоящее время связи журнала довольно обширны. Благодаря упорной работе редакционной коллегии расширены связи с ведущими вузами России. Многие признают журнал как «визитную карточку» не только Бакинского славянского университета, но и всей русистики и русской культуры в Азербайджане. В журнале также публикуются материалы о работе международных научных конференций, посвященных актуальным проблемам русского языка и литературы не только в республике, но и за ее пределами. В последнее время сложились более тесные связи между журналом и печатными органами Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Современная русскоязычная азербайджанская литература оказалась в области пересечения двух мощных культурных традиций — западной и восточной, породив тем самым уникальные художественные образцы [9: с. 89].

3 октября 2021 года Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Азербайджане М.Н. Бочарников принял участие в открытии фестиваля «Есенинская осень», организованного Русским домом в Баку (Российским информационным культурным центром (РИКЦ)) на территории Мемориального Дома-музея С. Есенина в связи со 126-летием со дня рождения поэта. В мероприятии принимали участие депутаты Милли Меджлиса, члены Союза писателей России и Азербайджана. Состоялась презентация Дому-музею книг политолога-публициста, автора научных исследований в области русской литературы Р. Мирзазаде, которая рассказала о своих произведениях, посвященных С. Есенину. За год до мероприятия (к 125-летию поэта) азербайджанским режиссером Р. Гусейновым был снят документальный фильм о жизни и творчестве С. Есенина. Фильм повествует о жизни поэта в Баку, раскрывает обстоятель-

ства, которые привели его в столицу, о первых публикациях ряда произведений, а также влиянии личности и творчества поэта на литературную жизнь в Азербайджане.

В 2019 году в Азербайджане проводились торжества в честь 220-летия А.С. Пушкина. К юбилею великого поэта был приурочен традиционный конкурс «Пушкиниана», который ежегодно организует республиканская Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений при содействии представительства Россотрудничества, посольства РФ и Русской общины Азербайджана. Следует также отметить, что известный азербайджанский писатель В. Йолчуев решением Союза писателей России был удостоен медали «Александр Пушкин 220 лет» первой степени. Медаль вручается участникам «Антологии русской поэзии» и «Антологии русской прозы».

В 2019 году не только в России, но и Азербайджане отмечали 205-летие М.Ю. Лермонтова. Все мероприятия проводились под руководством вице-президента республики М.А. Алиевой. На мероприятии выступили искусствоведы и филологи, которые представили широкую информацию о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. На вечере, посвященном юбилею, звучали фрагменты опер и песни на слова поэта, читались его стихи. Также был представлен альманах поэзии и прозы «Горы Кавказа, я вам не чужой». В книгу вошли произведения бакинских литераторов. Известно, что в период ссылки на Кавказ Лермонтов провел несколько дней в Азербайджане, ознакомился с культурой страны и пытался изучить язык, как он называл — татарский.

Конечно, в одной небольшой статье невозможно отразить всё, что связано с популяризацией русского языка и литературы в Азербайджане. Но из вышеизложенного совершенно очевидно значение языка, в частности русского, как средства общения в многосторонних и двусторонних отношениях стран постсоветского пространства. В силу вовлечения в масштабные интеграционные проекты, Азербайджану для полноценного участия в них необходимо укреплять не только экономический потенциал, но и научный, образовательный. А это требует глубокого знания иностранных языков, в частности русского. В Программе по обучению молодежи за рубежом, которая финансируется за счет средств Государственного нефтяного фонда, в список вузов включены 50 ведущих вузов России. А это, как правило, предусматривает улучшение изучения и сохранения русского языка. Следует отметить, что взаимное сотрудничество между РФ и Азербайджаном в различных сферах, историческая память, которая объединяет народы двух стран, будут и далее поддерживать позиции русского языка и литературы в Азербайджане.

В Московской декларации о союзническом взаимодействии между Россией и Азербайджаном, подписанной президентами двух стран 22 февраля 2022 года к 30-летию установления дипломатических отно-

шений, указано, что данный документ будет определять развитие двусторонних отношений в ближайшие десятилетия. В разделе «Сотрудничество в культурной, научной, образовательной и гуманитарных сферах» пункт № 40 обязывает обе страны «обеспечивать защиту, сохранение и развитие исторического, культурного и религиозного наследия, а также этнической, языковой и культурной самобытности проживающих на территориях сторон национальных меньшинств, создавать условия для активного участия их представителей в общественно-политической, культурной и социально-экономической жизни в соответствии с национальным законодательством» [7].

В заключение заметим, что потенциал двустороннего партнерства России и Азербайджана базируется не только на успешных проектах экономического и политического партнерства, но и на взаимопроникновении культур, базисом которого, вне всяких сомнений, является русский язык как средство усиления влияния России в Азербайджане и инструментарий механизмов формирования позитивного и продуктивного диалога стран в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Агамиров А.И. Русская литература «серебряного века» в азербайджанских литературных изданиях постсоветского периода. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literatura-serebryanogo-veka-v-azerbaydzhanskih-literaturnyh-izdaniyah-postsovetskogo-perioda/viewer> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Алхасов Я.К. Славный путь длиною в шестьдесят лет (Журнал «Русский язык и литература в Азербайджане») // Мир русского слова. 2008. № 1. С. 81–83.
3. Баку празднует день русского языка. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Baku-prazdnuet-den-rozhdeniya-Pushkina-i-Den-russkogo-yazyka.html> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Дому русской книги в Баку — 10 лет. URL: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=24500> (дата обращения: 05.05.2022).
5. Курьлев К.П. Русский язык как инструмент гуманитарного сотрудничества России и Азербайджана // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 2. С. 150–162.
6. Мехдиева У.М. Роль азербайджанской диаспоры в развитии социокультурных связей между Россией и Азербайджаном (2003–2010 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 129 с.
7. Московская декларация Российской Федерации и Азербайджанской Республики Москва, 22 февраля 2022 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901916409> (дата обращения: 08.05.2022).
8. Путин В.В. поблагодарил Алиева И.Г. за поддержку русского языка. URL: <https://ria.ru/20211126/putin-1760893977.html> (дата обращения: 05.05.2022).
9. Сорокина В.В. Русскоязычная проза Азербайджана начала XXI в. Литературные связи и художественные особенности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 2. С. 84–121.

**КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
И ИХ ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
«ЧЕЛЯБИНСК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»)**

*О.И. БАБИНА,
кандидат филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой лингвистики и перевода,
Южно-Уральский государственный университет,
Россия, г. Челябинск
e-mail: babinaoi@susu.ru*

*А.Л. ВОЛКОВА,
магистрант, Южно-Уральский государственный университет,
Россия, г. Челябинск
e-mail: volkova2120@gmail.com*

Аннотация: В работе рассматривается лексика, специфичная для русскоязычной культуры, отобранная на материале текстов словаря культурного наследия. Данный пласт лексики распределен по концептам: «звание», «награда», «элемент городской жизни», «культура и творчество», «название местности», «история». В статье оценивается перевод этих концептов на английский язык как язык международного общения.

Ключевые слова: культуроним, концепт, словарь культурного наследия.

**CONCEPTS OF RUSSIAN CULTURE:
LEXICAL REPRESENTATIONS
AND THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH
(BY THE MATERIAL OF THE MULTIMEDIA
ENCYCLOPEDIA OF CULTURAL
HERITAGE “CHELYABINSK IN LIFE”
AND CREATIVITY OF REMARKABLE PEOPLE”)**

O. BABINA,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Linguistics and Translation,
South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk
e-mail: babinaoi@susu.ru*

A. VOLKOVA,

*undergraduate, South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk
e-mail: volkova2120@gmail.com*

Abstract: The paper deals with vocabulary specific to the Russian-speaking culture, selected on the basis of the texts of the cultural heritage dictionary. This layer of vocabulary is divided into concepts: “title”, “award”, “element of city life”, “culture and creativity”, “name of the place”, “history”. The article evaluates the translation of these concepts into English as the language of international communication.

Keywords: cultural name, concept, dictionary of cultural heritage.

В условиях глобализации особо актуальным является вопрос выстраивания межкультурной коммуникации. Одной из составляющих межкультурного диалога является интеллектуальный туризм. Вслед за М.Г. Денисенко мы определяем интеллектуальный туризм как культурно-познавательный, основной целью которого является знакомство с культурным наследием данной местности [2]. В рамках интеллектуального туризма появляются новые формы подачи интеллектуальной информации для гидов и туристов, в том числе словари культурного наследия, составление которых вызывает интерес лингвистов [8]. Понятие «словарь культурного наследия» было предложено О.М. Карповой. Это словарь, содержащий энциклопедическую информацию о выдающихся личностях, живших и творивших в определенном локусе и оказавших заметное влияние на развитие локальной и глобальной культуры [5].

Создание привлекательного образа региона, а также трансляция неискаженного, не подвергнутого влияниям различных стереотипов, куль-

турного облика города — одна из задач, стоящих перед жителями Южного Урала и Челябинска в частности. С этой целью был создан словарь культурного наследия Челябинска, который рассказывает об известных персоналиях, родившихся или творивших в этом городе [9]. Данный словарь является источником информации не только для жителей региона и страны, но и направлен на иностранную аудиторию. Для этого словарные статьи были переведены на английский язык. От качества перевода зависит эффективность коммуникации с англоязычной аудиторией, что подтверждает актуальность нашего исследования, направленного на выделение культурных концептов и анализ их перевода на английский язык.

К практическим задачам исследования относятся: выделение концептов, специфичных для исследуемого дискурса, и оценка качества их перевода. Результаты выполнения поставленных задач затем будут использованы для построения фреймовой структуры концептов и концептуальной разметки текстов словаря.

Теоретическая значимость исследования состоит в выделении специфичного пласта культурных концептов и отличительных черт, существенных для перевода статей словаря культурного наследия, что вносит вклад в теорию перевода. Практическая значимость заключается в возможности дальнейшего применения полученных разработок для перевода текстов схожей тематики. Выполненная концептуальная разметка может быть применена для осуществления фасетного поиска по информационному ресурсу словаря культурного наследия.

Перевод включает в себя не только взаимодействие языков, но и культур. Коммуникативный акт перевода раскрывает различия в культурной ситуации или, иными словами, лингвокультурный барьер, преодоление которого является одной из задач переводчика. В статьях словаря культурного наследия Челябинска встречается описание быта и культуры, отражающихся в сознании русскоязычных людей, при этом англоязычные переводы статей должны быть максимально понятны носителям разных культур, так как английский язык в данном случае является языком международного общения. В этой ситуации мы можем говорить о таких понятиях, как «культурно-специфичная лексика», или «идионим».

В работах по теории и практике межкультурной коммуникации говорится о существовании специфичной лексики, затрудняющей понимание, и предлагается термин «культурно-специфичная лексика» [1]. Также для наименования элементов культуры существует понятие «культуроним», которое, в свою очередь, включает в себя полионимы — элементы, встречающиеся почти во всех культурах, и идиокультуронимы, которые используются для обозначения специфических элементов культур. Идио-

культуронимы также подразделяются на идионимы — элементы, специфичные для внутренней культуры, и ксенонимы — элементы иноязычных культур. Перевод идионимов на другой язык значительно упрощается при наличии в переводном языке ксенонима для идионима исходного языка [4].

Непереводимость или сложность в выборе эквивалентов для культуронимов заключается в разных лингвокультурных моделях, что также обусловлено различиями в концептосферах двух языков. Представители культурологического направления (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чейненко) определяют концепт как ментальное образование, обладающее в той или иной степени этносемантической спецификой [3]. Для перевода культурно-специфичной лексики переводчику необходимо осознавать, что подобные единицы встречаются довольно часто, но их культурная специфичность незаметна для носителя, пока не появляется необходимость перевода их на другой язык, а также для адекватного перевода необходимо учитывать концептосферу не только исходного языка, но и переводного. По определению академика Д.С. Лихачева концептосфера — это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка [7].

Нами был проведен сопоставительный анализ статей словаря культурного наследия Челябинска «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей». Статьи словаря были составлены и переведены студентами-переводчиками 4 и 5 курсов Института лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ под редакцией Н.А. Антипина и Вегнер Аманда Рианне. Нами были выделены единицы культурно-специфичной лексики в статьях на русском языке и проанализированы их переводы на английский язык. В культурно-специфичной лексике в рамках данного словаря были выделены следующие концепты первого уровня: Звание, Награда, Городская Жизнь, Творчество, Локация, История. Концепты первого уровня включают в себя концепты второго уровня (см. табл. 1).

Таблица 1

Культурные концепты словаря культурного наследия Челябинска

Концепт первого уровня	Концепты второго уровня
Звание	Спортивное достижение Достижение в области культуры
Награда	Воинская награда Общегражданская награда

Окончание табл. 1

Концепт первого уровня	Концепты второго уровня
Городская жизнь	Объект городской инфраструктуры Учреждение культуры Городская реалья
Творчество	Фольклор Музыка Ремесло Изобразительное искусство
Локация	Город Область Страна
История	История Российской империи История СССР

Рассмотрим каждый из концептов первого уровня и некоторые концепты второго уровня. Концепт «звание» включает в себя концепты второго уровня «звание за спортивные достижения» и «звание за достижения в области культуры». Примечательно, что некоторые единицы концепта «звание» могут синкретично пересекаться с концептом «история». Например, «заслуженный работник культуры РСФСР» находится на пересечении концептов второго уровня «звание за достижение в области культуры» и «история СССР». Все регалии в областях культуры и спорта, упомянутые в статьях словаря, являются российскими, что объясняет их культурную специфичность. В русском языке звания представлены именными группами и переводятся на английский с помощью калькирования. Так, «Заслуженный мастер спорта» — *“Honored Master of Sport”*, «Член Союза художников СССР» — *“Member of the Union of Artists of the USSR”*. Но и при дословном переводе могут возникать трудности, например, для звания «Народный артист» было предложено два перевода: *“People’s Artist”* и *“Folk Artist”*. Для выбора наиболее адекватного перевода необходимо обратиться к определению звания «народный артист». «Почетное звание “Народный артист Российской Федерации” является высшим званием Российской Федерации за выдающиеся заслуги и достижения в области театрального, музыкального, циркового, эстрадного и киноискусства» (в ред. Указа Президента РФ от 19.11.2021 № 665). Таким образом, можно сделать вывод, что это звание не ограничивается лишь народным творчеством, что соответствует переводу *“Folk Artist”*, речь скорее идет о народном признании, а это значит, что из двух вариантов перевод *“People’s Artist”* является единственно верным.

Концепт «награда» также подразделяется на два концепта «воинская награда» и «общегражданская награда», единицы которых также могут

находиться в области пересечения концептов «награда» и «история». При переводе используется калькирование «медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”» — “the medal «For Valiant Labor in the Great Patriotic War of 1941–1945»”, «орден Дружбы» — “the Order of Friendship”.

Концепт «городская жизнь» включает три концепта второго уровня. Первый из них — «учреждения культуры», например, такие названия, как «Дворец Пионеров» — “The Palace of Pioneers”, «Дом культуры» — “The House of Culture” были переведены дословно, что приемлемо для перевода названий. Второй концепт — «городские объекты», сюда можно отнести «ледовый городок» — “ice town”, но здесь дословный перевод работает уже не так хорошо. Из перевода следует, что мы говорим о небольшом городе, сделанном из льда. Это отчасти так, в ледовых городках могут присутствовать скульптуры, имитирующие городские здания, наряду с ними также встречаются фигуры персонажей народных сказок или других героев, ассоциирующихся с празднованием Нового года. Но одним из главных сооружений из льда являются горки, сооруженные для развлечения детей. В целях уменьшения потери информации при переводе мы предлагаем вариант перевода “ice town for children”. К последнему концепту «городские реалии» можно отнести следующий пример: «родные дымы», это словосочетание встречается в прямой речи, житель Челябинска описывает увиденный из иллюминатора Металлургический район. Действительно, Челябинск — промышленный город, а дым и смог стали его постоянными атрибутами. Один из предложенных вариантов перевода “familiar smoke” близок к оригиналу, но все же наблюдается потеря информации, слово «родные» более эмоционально окрашено.

Концепт «творчество» обобщает такие концепты, как «фольклор», «музыка», «ремесло», «изобразительное искусство». Так, например, «сказ» относится к концепту «фольклор» и переводится на английский как “fairy tale”. В русской культуре присутствует разграничение между понятиями «сказ» и «сказка». Сказ — «особый тип повествования, ориентированный на современную, живую, резко отличную от авторской, монологическую речь рассказчика, вышедшего из какой-либо экзотической для читателя (бытовой, национальной, народной) среды» [6]. В контексте статьи словаря мы говорим о сказах П.П. Бажова — «старинных устных преданиях» уральских горнорабочих, и тогда логичнее использовать перевод “folktale” — “a traditional story that people of a particular region or group repeat among themselves” [10]. Также необходимо добавить уточнение о роли рассказчика в данном типе повествования, тогда переводим «сказ» как “folktale in first person”. К литературным произведениям также относятся малые жанры фольклора для детей, сопровождающиеся физическими играми, цель которых — приободрить ребенка. Например, для слов «*потешки*» и «*журилки*» был предложен перевод “jokes” и “crooks” соответственно, что не передает

изначального смысла в полной мере. В толковании Cambridge Academic Content Dictionary “crook — a very dishonest person, especially a criminal or a cheat”, что вообще не соответствует искомому значению [10]. Мы предлагаем перевести названия этих жанров при помощи описательного перевода, так, «*журилки*» — “*nursery rhymes to stop children from behaving in some unpleasant way*”, «*нотешки*» — “*nursery rhymes to cheer children up by involving them in some action*”. Аббревиатура «ВИА», относящаяся к концепту «музыка» и дословно переведенная на английский язык в тексте статьи как “VIA”, имеет при себе достаточно подробное объяснение, оформленное в качестве гиперссылки, что возможно благодаря мультимедийной работе словаря. Некоторые единицы, так же как и «ВИА», имеют исторический компонент, например, «*социальный реализм*» — “*social realism*”, «*поколение “шестидесятников”*» — “*the generation of the «sixties»*” помимо элементов культуры и творчества относятся к элементам истории, концепт «история СССР».

Концепт «локация» представлен такими концептами второго уровня, как «город», «регион», «страна». Для вербализации данных концептов в статьях словаря часто используются устойчивые выражения. Например, «*северная столица*» переводится как “*Leningrad*”. С одной стороны, при переводе происходит демегафоризация, что может привести к потере информации с точки зрения эмоциональной окраски, но с другой — единица “*Leningrad*” в дополнение имеет компонент «история СССР», что не отражается в единице исходного языка. Еще одно выражение концепта «город» «*уездный город*» было переведено как “*county town*”. Дадим определение каждому из понятий. Уездный город — административный центр уезда, низшей административной, судебной и фискальной единицы в Российской империи. В то же время носители русскоязычной культуры часто могли встречать это выражение в произведениях русской литературы, например, «уездный город N» у Н.В. Гоголя, где это понятие трактуется как провинциальный, захолустный город. “*County town*” — понятие, специфичное для жителей Великобритании, где присутствует такая административная единица, как графство (county), и “*county town*” является его самым важным городом, где обычно располагаются местные власти. В статье словаря понятие «уездный город» затем противопоставляется промышленному, индустриальному городу, оба описания относятся к Челябинску и отражают его статус в разные временные отрезки. Основываясь на этом противопоставлении, можно сделать вывод, что в данном контексте «уездный город» имеет значение «провинциальный», что может быть переведено как “*country town*” в значении «город, обычно небольшой и занимающийся в первую очередь обслуживанием окружающей сельской местности». Устойчивое выражение «*опорный край державы*», относящееся к концепту «регион», было использовано в словаре для описа-

ния Челябинской области дважды, представлены следующие переводы: *“the supporting region of the country”* и *“a backbone of the state”*. Оба перевода передают суть исходного понятия, однако в английском отсутствует коллокация *“supporting region”* в качестве именно группы, так в постоянно обновляющемся новостном корпусе NOW Corpus объемом более 14 млрд слов для этого выражения есть лишь 10 вхождений, причем в 9 случаях *“supporting”* является глагольной формой. *“A backbone of the state”* является эквивалентным переводом, так как устойчивое выражение *“a backbone of sth”* имеет значение «самая важная часть чего-либо, оказывающая поддержку для всего остального». Интересно выражение *«уезжать за океан»*, переведенное как *“leave overseas”*. Здесь для оценки перевода необходимо обратить внимание на языковую картину мира русскоговорящих, для которых *«уезжать за океан»* значит переезжать в США или Канаду, в то время как для американца эта фраза может значить, наоборот, переезд в Европу. Английский в нашем случае используется как язык межкультурной коммуникации, и мы не можем предугадать, про какой океан и какую страну подумает наш читатель, поэтому следует сделать небольшое пояснение. Так, в тексте статьи речь шла о переезде хоккеиста, тогда перевод может звучать следующим образом *“leave overseas to NHL”*, Национальная хоккейная лига уже отсылает читателя к США и Канаде.

Концепт «история» уже был упомянут ранее в качестве смежного, но при этом имеются единицы, принадлежащие только к нему. При переводе совпадающих исторических реалий есть возможность найти наиболее близкие эквиваленты, например *«дворянин»* — *“nobleman”*. Для перевода исторических идиомов характерно использование транслитерации и спецификации, например *«комсомольцы»* — *“komsomol members”*, калькирования *«кулацкие банды»* — *“kulak gangs”*. Для лучшего понимания исторические термины лучше снабжать гиперссылкой с пояснением или к уже имеющимся в переводе добавлять описательный перевод.

Таким образом, перевод культурно-специфичной лексики является трудновыполнимой задачей. Для корректного выбора перевода необходимо не только опираться на контекст, но и обладать фоновыми знаниями в области культуры, истории и т.п., понимать особенности русскоязычной картины мира и картины мира переводного языка. В нашем же случае эта задача еще более усложнена, так как английский выступает в роли международного языка, и нам необходимо обращаться к глобальной культуре и истории.

Концепты с национальной спецификой и единицы, их вербализующие, определяют переводческую стратегию. При поиске эквивалентов необходимо обращать внимание на семантику, коннотацию единицы и ассоциации, возникающие у носителей разных культур. Так, безэквивалентная лексика, репрезентирующая концепты русской культуры «спортивное

достижение» и «достижение в области культуры», «учреждение культуры» могут быть переведены с помощью калькирования. В случаях, когда коннотативное значение особенно важно (например, концепты «фольклор», «город», «регион», «страна»), для достижения адекватного понимания могут быть использованы добавление, описательный перевод. Особое внимание необходимо уделять поиску эквивалентов для репрезентаций концепта «история». Несовпадающие реалии могут быть переведены при помощи комбинации приемов, основным из которых является транслитерация. При этом для лучшего понимания исторические термины лучше снабжать гиперссылкой с пояснением или к уже имеющимся переводам добавить описательный перевод.

Литература

1. Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики (проспект учебного пособия) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 54–68.
2. Денисенко М.Г. Энциклопедический дискурс интеллектуального туризма: интегральный подход (на материале словарей культурного наследия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2021. 22 с.
3. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2002. 19 с.
4. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 165–193.
5. Карпова О.М. Словари культурного наследия. Проект словаря “Florence in the works of world famous people” // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 150–155.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 751 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. 1993. № 1. С. 3–9.
8. Хомутова Т.Н., Денисенко М.Г. Словари культурного наследия «гений места»: интегральная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2020. Т. 17. № 3. С. 43–52.
9. Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей / Под рук. Т.Н. Хомутовой. URL: <https://dict.susu.ru/personel/>. Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей. Яз. рус. (дата обращения: 10.03.2022).
10. Cambridge Academic Content Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>. — Cambridge Academic Content Dictionary. Яз. рус. (дата обращения: 10.03.2022).

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ИОРДАНСКОМ ХАШИМИТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

*Н.В. БУБНОВА,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского,
Россия, г. Смоленск
e-mail: 85ninochka67@mail.ru*

*Я. АЛАЙВАХ,
курсант 5 курса специального факультета,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского,
Россия, г. Смоленск
e-mail: yanalhani98@gmail.com*

Аннотация: В работе охарактеризованы основные способы популяризации русского языка и культуры в Иордании: функционирование Российского центра науки и культуры в Аммане, преподавание русского языка в университетах и в Национальной православной школе, работа «пятничных школ», организация обучающих семинаров по вопросам преподавания русского языка как иностранного с участием преподавателей российских вузов, деятельность клуба иорданских выпускников университетов и институтов бывшего СССР «Ибн Сина».

Ключевые слова: Иорданское Хашимитское Королевство (Иордания), Российский центр науки и культуры в Аммане, Национальная православная школа в Аммане, «пятничные школы» в Иордании, иорданский клуб «Ибн Сина».

RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN THE HASHEMITE KINGDOM OF JORDAN

N. BUBNOVA,

*Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Russian Language,
Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky,
Russia, Smolensk
e-mail: 85ninochka67@mail.ru*

YA. ALAIWAH,

*cadet of the 5th year of the special faculty,
Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky,
Russia, Smolensk
e-mail: yanalhani98@gmail.com*

Abstract: The paper describes the main ways of popularizing the Russian language and culture in Jordan: the functioning of the Russian Center for Science and Culture in Amman, the teaching of the Russian language at universities and the National Orthodox School, the work of “Friday schools”, the organization of training seminars on teaching the Russian language as foreign with the participation of teachers of Russian universities, the activities of the club of Jordanian graduates of universities and institutes of the former USSR “Ibn Sina”.

Keywords: Hashemite Kingdom of Jordan (Jordan), Russian Center for Science and Culture in Amman, National Orthodox School in Amman, “Friday Schools” in Jordan, Jordanian club “Ibn Sina”.

В 2023 году Россия и Иордания отметят 60 лет с момента установления дипломатических отношений. Королевство является одним из лидеров среди арабских государств по количеству выпускников советских и российских вузов. Подготовка специалистов для Иордании ведется с 1951 года. Во времена Советского Союза иорданцы обучались в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку и в настоящее время учатся в разных городах России и постсоветского пространства. Так, в частности, в Военную академию войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск) иорданские курсанты регулярно приезжают на обучение, начиная с 2006 года.

На сегодняшний день русский язык — это второй по распространенности иностранный язык в Королевстве после английского (см. подробнее: [1]). В настоящей работе рассмотрим факторы, которые способствуют

укреплению позиций русского языка и популяризации культуры России в Иордании.

1. Функционирование Российского центра науки и культуры в Аммане: торжественное открытие Центра состоялось 16 декабря 2009 года. Российский центр науки и культуры в Аммане стал седьмым представительством Россотрудничества в арабских странах. Основными задачами Центра являются активная работа по всестороннему ознакомлению иорданцев с российской культурой, развитие двусторонних связей в сфере науки и образования, поддержание контактов с общественными организациями по вопросам сотрудничества в гуманитарной области. Российский центр науки и культуры в Аммане организует различные мероприятия, способствующие популяризации русского языка в Иордании. Например, концерт «У сердца нет границ», фестиваль национальных культур «Мы вместе», торжественный прием в честь Дня народного единства (4 ноября), литературные вечера, посвященные русским классикам, и др. (см. подробнее: [4]).

2. Преподавание русского языка в университетах: в двух университетах Иордании преподается русский язык — в Университете Иордании в Аммане (это первый и главный университет страны среди 28 вузов) и в университете Аль-Ярмук. Более того, в 2009/10 учебном году в Государственном университете открыт бакалавриат по направлению подготовки «Преподавание русского и английского языков». Ежегодно в Иорданском университете при поддержке Посольства Российской Федерации и посольской школы проходят Дни русского языка и культуры. На этих праздниках звучат гимны России и Иордании, которые весь зал слушает стоя. Гостей, по русской традиции, встречают хлебом-солью. Затем их вниманию предлагают просмотр фильма о России и концерт, на котором иорданские студенты читают стихи А.С. Пушкина и других классиков русской литературы на русском и арабском языках, поют песни «Подмосковные вечера», «Одинокая гармонь», «Журавли» и другие. Школьники посольской школы в национальных русских костюмах исполняют русские танцы и поют частушки. Всем участникам праздника также предлагаются блюда русской кухни. Лучшие студенты Иорданского университета в течение месяца проходят стажировку в Москве (см. подробнее: [5]).

3. Функционирование так называемых «пятничных школ», в которых к русскому языку и культуре приобщаются дети из смешанных семей, а также представители русской, украинской, армянской, чеченской и черкесской диаспор Иордании. Учителями этих школ, в большинстве своем, являются русские жены иорданцев. В Иордании существует объединение русских жен, которое занимается образовательной деятельностью с детьми из двуязычных семей. Эта организация отмечает русские праздники, где знакомит свои семьи с национальными русскими традициями (см. подробнее: [2]).

4. Преподавание русского языка как иностранного в Национальной православной школе в Аммане, где с иорданскими детьми работают преподаватели Российского университета дружбы народов. Занятия проходят в течение двух месяцев два раза в неделю по полтора часа. Школьники изучают основы фонетики и грамматики русского языка, а также немного знакомятся с культурой России посредством просмотра видеофильмов (см. подробнее: [6]). Необходимо отметить, что вопросы преподавания русского языка как иностранного и второго родного регулярно обсуждаются на различных обучающих семинарах в Аммане. На семинарах преподаватели из российских вузов читают лекции о месте русского языка в мире, об основных направлениях переводческой деятельности в России, представляют новинки учебной литературы, проводят мастер-классы по использованию компьютерных технологий при обучении русскому языку.

5. Деятельность клуба иорданских выпускников университетов и институтов бывшего СССР под названием «Ибн Сина». Данная организация была создана в 2000 году наиболее активными выпускниками, и сегодня клуб объединяет около 400 человек (см. подробнее: [3]). Али ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, — это самый известный и влиятельный философ и ученый средневекового исламского мира, поражающий своими энциклопедическими знаниями. На наш взгляд, клубу было дано имя этого философа именно в силу энциклопедичности его научной личности. Иорданские студенты и курсанты советских и российских вузов изучают различные науки: от медицины до военного дела, от инженерной науки до филологии. Следует особо отметить, что несмотря на то, что сейчас Советского Союза не существует и отношения между республиками, входившими в его состав, претерпели изменения, в Иордании советские выпускники по-прежнему успешно сосуществуют в одной организации. Представители некоторых посольств из бывших советских республик пытались расколоть ассоциацию и призывали создать отдельные национальные объединения выпускников, но клуб сохранил свое единство.

На наш взгляд, отношение «русских иорданцев» к России как нельзя лучше демонстрируют слова первого руководителя клуба «Ибн Сина» Иссы Даббаха, произнесенные им на Всемирном форуме иностранных выпускников российских (советских) высших учебных заведений в Москве в мае 2003 года: «От имени более чем 15 тысяч выпускников из Иордании, от имени десятков тысяч выпускников арабских стран хочу сказать большое спасибо дорогому русскому народу, великой России, русской земле, русским ученым и преподавателям, русской науке и великому, могучему, справедливому и свободному русскому языку! Мы навсегда запомнили замечательные слова Владимира Маяковского: “И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое Отечество, республику мою!”

Эти слова В.В. Маяковского говорят о том, что мы, как и наши народы, хотим видеть Россию великой, полной духовности, и процветающей».

Таким образом, в настоящей работе систематизированы и кратко охарактеризованы основные способы популяризации русского языка и культуры в Иордании, где они занимают действительно достойное место.

Литература

1. Антонов И.А. В Иордании по-прежнему понимают русский. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-iordanii-po-prezhnemu-ponimayut-russkiy.html> (дата обращения: 02.03.2022).
2. В Иордании любят русский язык и русских. URL: http://www.rosnou.ru/interest/amman_itog/ (дата обращения: 01.04.2022).
3. Российские соотечественники в Иордании: история и современность / Под общ. ред. А.М. Калугина. Амман: Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, 2010. 234 с.
4. Российский центр науки и культуры в Аммане. URL: <http://jor.rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Студенческий меридиан. Русский язык в Иордании. URL: <http://communa.ru/nauka/> (дата обращения: 01.04.2022).
6. 24 ученика в Иордании подтвердили знание русского языка. URL: <http://www.rudn.ru/media/news/international-cooperation/24-uchenika-v-iordanii-podtverdili-znanie-russkogo-yazyka> URL: (дата обращения: 01.04.2022).

«РУССКОЕ» КАК БРЕНД НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (КНР)

*А. В. ОРОБИЙ,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологического образования,
Благовещенский государственный педагогический университет,
Россия, г. Благовещенск
e-mail: a.orobiy@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается использование приграничными китайскими территориями (в частности, в пров. Хэйлунцзян) туристических объектов, маркированных как «русские»: российские товары, съемочная площадка сериала «А зори здесь тихие», «Русские деревни», усадьба «Волга» и пр. Делается вывод о достаточно высоком туристическом спросе на «русское» у китайских туристов.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, пров. Хэйлунцзян, русская культура, бренд, туризм.

“RUSSIAN” AS A BRAND IN THE BORDER TERRITORIES OF HEILONGJIANG PROVINCE (CHINA)

*A. OROBIY,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Philological Education,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Russia, Blagoveshchensk
e-mail: a.orobiy@gmail.com*

Abstract: The article discusses the use of Chinese border territories (in particular, in the prov. Heilongjiang) tourist sites marked as “Russian”: Russian goods, the set of the TV series “And the dawns are quiet here”, “Russian villages”, the Estate “Volga”, etc. The conclusion is made about a fairly high tourist demand for “Russian” among Chinese tourists.

Keywords: Russian-Chinese borderland, prov. Heilongjiang, Russian culture, brand, tourism.

Отношения России и Китая за свою 400-летнюю историю переживали периоды дружбы и охлаждения. Даже на протяжении XX века полюсы ме-

нялись от «русский и китаец братья навек» до почти полного прекращения контактов. И уже на ближайшей исторической дистанции произошло открытие российско-китайской границы. В процессе более чем тридцатилетнего налаживания контактов народы двух стран не только познакомились с культурами друг друга, но и стали использовать их как бренд для привлечения туристов. Китай по-своему отреагировал на сближение со своим северным соседом. Еще с конца 1970-х в КНР начала осуществляться программа модернизации страны и ее открытости внешнему миру. Хотя основное внимание при этом уделялось политическим и экономическим вопросам, развитие культуры также стало актуальной задачей. В 1985 г. возникла идея создания «культурного коридора», проходящего по нескольким территориям Китая. На Северо-Востоке «культурный коридор» проходит по трем провинциям, в том числе пров. Хэйлунцзян. Его основной целью стало создание единого культурного пояса открытости во внешний мир. Населенные пункты этих провинций, граничащие с Россией, со временем стали использовать как туристические объекты, в основном притягивающие внимание внутренних туристов.

Рассмотрим несколько явлений, привлекающих китайских граждан в приграничные города и деревни.

Русские товары

В Китае ценят некоторые российские товары, которые заслужили репутацию «экологически чистых». Наибольшим спросом пользуется российский мед, который скупают в больших количествах в специализированных магазинах, а также «выходят» на владельцев частных пасек. Китайских граждан интересуют и российские сладости. Так, кондитерская фабрика «Зоя» (Благовещенск) поставляет свою продукцию в Хэйхэ.

При этом приграничная торговля между Россией и Китаем изменила географический вектор. Если еще несколько лет назад жители Благовещенска могли посещать Хэйхэ каждые выходные — за дешевыми вещами, за экзотикой, за китайской кухней — и челночный бизнес занимал в регионе значительные позиции, то после девальвации рубля постоянными гостями Амурской области стали туристы из Китая. Жители Благовещенска стали замечать в российских торговых центрах китайских туристов, которым «тарой» для российских сладостей, золота, косметики служили большие чемоданы. Русские товары скупались целыми витринами.

Китайский малый бизнес быстро перестроился, и стало необязательным ехать в Россию за русскими (иногда условно русскими) товарами. Большинство потребительских товаров начали продаваться на пешеходной торговой улице соседнего с Благовещенском города Хэйхэ. Российские товары действительно популярны, поэтому бизнесмены заинтересовывают китайских туристов как оригинальными товарами, так и подделками, произведенными на китайских фабриках.

Проекты в сфере культуры: «Города-близнецы Благовещенск и Хэйхэ». В 2011 году в Маньчжурии (Китай) состоялся первый российско-китайский туристический форум, на котором обсуждались возможности туризма между регионами Дальнего Востока и Сибири России и северо-востока Китая. Участники форума представили несколько проектов, один из которых был разработан правительствами Амурской области и уезда Хэйхэ. Проект «Города-близнецы Благовещенск и Хэйхэ» был призван превратить два соседних города в один из крупных мировых туристических центров. Перспектива превращения в трансграничную агломерацию была обусловлена несколькими причинами: Благовещенск и Хэйхэ — крупные административные центры, оба города расположены менее чем в километре друг от друга; их население и территории примерно одинаковы; расположение фасадов городов направлено навстречу друг другу. Несмотря на то, что идея агломерации до сих пор не реализована, оба города сделали некоторые шаги к его воплощению — было реализовано несколько проектов.

«Четыре этнокультурные деревни» (более известные российским туристам как съемочная площадка сериала «А зори здесь тихие»). Комплекс, построенный специально для китайско-российской версии фильма «А зори здесь тихие» в качестве декораций, призван привлечь туристов, знакомых с советским кинематографом. Экранизацию героической драмы по одноименному роману Бориса Васильева «А зори здесь тихие» воплотил режиссер Мао Вынин. Премьера фильма состоялась на китайском телевидении в 2005 г. Съемки проходили в Москве и Амурской области, но, в основном, в приграничном г. Хэйхэ. В съемках участвовало более 200 амурских актеров [2]. Сейчас это место превратилось в туристический комплекс «Русская деревня». На базе комплекса была создана база кино и телевидения Хэйхэ. «Русская деревня» стала частью туристической достопримечательности «Четыре этнокультурные деревни». Она расположена в западном пригороде города Хэйхэ, и ее общая площадь составляет 10 км².

«Русские деревни». В районах, граничащих с Россией на севере пров. Хэйлунцзян, местные власти активно развивают туристическую отрасль, создавая «русские деревни». Например, деревня Бяньцзыан уезда Сюнькэ, где живут потомки эмигрировавших в Китай русских, попала в список туристических проектов: китайские фанзы переделали под русские деревянные избы, а некоторые дома построили целиком из дерева. Местные жители активно используют национальную русскую одежду, предметы быта и пр. Деревни с «русским колоритом» привлекают китайских туристов своей экзотикой [1].

Канатная дорога. Много надежд как у амурчан, так и хэйлунцзянцев связано с канатной дорогой, которая будет начинаться прямо в центре Благовещенска. Строительство уже ведется, завершить его планируют к 2025 году.

Усадьба «Волга». Есть туристические маршруты, проложенные в глубь регионов. На окраине Харбина в 2006 году был построен большой гостиничный комплекс — усадьба «Волга», — сочетающий в себе гостиницу, музей и базу отдыха в русском стиле. Тут есть и замок в романском стиле, и постройки «а-ля Голландия», и античные скульптуры среди берез, и деревянное русское зодчество, и художественный салон «Пушкин» с картинами амурских художников. Все это — русская усадьба: таким в представлении китайцев является русское.

Пользуется ли спросом «русское» на приграничных территориях Китая? Рассмотрим на примере округа Хэйхэ — китайского района, ближайшего к Амурской области. По статистике, в 2018 г. г. Хэйхэ посетили более 10 млн внутренних туристов, что на 18,2% больше по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. [4: с. 123]. В сентябре 2020 года, после закрытия границ из-за Covid-19, округ Хэйхэ изменил туристический вектор. Учитывая невозможность направить туристические потоки вовне, власти округа сделали ставку на внутренний туризм и начали создавать «русские» локации. За 1-й квартал 2022 г. Хэйхэ посетило более 180 тыс. туристов из других регионов Китая, а доход от туризма составил 90 миллионов юаней, что почти на 90% больше, чем за аналогичный период 2021-го [3].

И хотя культурный облик России в китайском исполнении выглядит несколько гротескным (смешение стилей; зачастую «русское» обозначено символически — кокошник и сарафан, матрешка и самовар — при том, что остальное наполнение локации — китайское; массовые подделки; вывески с орфографическими и грамматическими ошибками и пр.), мы видим, что этих общеизвестных маркеров достаточно, чтобы считаться «русским» и иметь экономический успех.

Литература

1. Китайский Новый год с русским колоритом: как отмечают праздник в китайской деревне напротив Амурской области // Amur.life. 06.02.2022. <https://www.amur.life/news/2022/02/06/kitayskiy-novyy-god-s-russkim-koloritom-kak-otmechayut-novyy-god-v-kitayskoy-derevne-naprotiv-amurskoy-oblasti> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Кошеленко П. На «А зори здесь тихие» сделан китайский ремейк // Коммерсантъ (Хабаровск). 07.05.2005. № 82.
3. Ларина Т. В Хэйхэ после карантина начали открывать туристические объекты // Амурская правда. 19.05.2022.
4. Стародубцева Н.С. Туризм в Китае в 2017–2018 гг. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 84. С. 121–129.

ОБРАЗ РОССИИ ГЛАЗАМИ АВСТРИЙЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Е.В. СИРОТКИНА,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры профильной довузовской подготовки,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов
e-mail: evgsirotkina@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваю особенности формирования «образа России» в общественном мнении Австрии на протяжении XIX — начала XX в. Автор подчеркивает, что стереотип восприятия России зависел преимущественно от эволюции австрийско-российских отношений и внешнеполитических задач, которые ставило перед собой политическое руководство Австрийской империи. Если в начале XIX в., когда Австрия была заинтересована в помощи России, образ России выглядел достаточно благовидным, то по мере роста напряженности в отношениях образ России обрстал все более агрессивными чертами.

Ключевые слова: Австрия, Россия, австрийско-российские отношения, образ России.

THE IMAGE OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF AUSTRIANS IN THE XIX — EARLY XX CENTURY

*E. SIROTKINA,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Specialized Pre-university Training,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Russia, Tambov
e-mail: evgsirotkina@yandex.ru*

Abstract: In the article I consider the peculiarities of the formation of the “image of Russia” in the public opinion of Austria during the XIX — early XX century. The author emphasizes that the stereotype of Russia’s perception depended mainly on the evolution of Austrian-Russian relations and the foreign policy tasks set for the political leadership of the Austrian Empire. If at the beginning of the XIX century, when Austria was interested in helping Russia, the image of Russia looked quite plausible, then as tensions in relations grew, the image of Russia acquired more and more aggressive features.

Keywords: Austria, Russia, Austrian-Russian relations, the image of Russia.

В XIX — начале XX века, в связи с распространением грамотности, книгопечатания и прессы, все более активно складывается общественное мнение. Его важной составляющей становится складывание стереотипов восприятия «врагов» и «друзей».

Трудно переоценить влияние стереотипов взаимного восприятия австрийцев и россиян, сформировавшихся в XIX — начале XX в., на развитие австрийско-российских отношений.

Начиная с Петра Великого Россия принимает всё более активное участие в европейских делах уже как великая мировая держава. Вступление России в ряд великих европейских держав крайне встревожило соседнюю Австрию. С одной стороны, Россия возбуждала чувство подавленности своими завоеваниями на Балтийском море, в Польше и на Черном море. С другой стороны, Россия появилась в Юго-Восточной Европе как ортодоксальная сила, которая оказывала поддержку, покровительство и помощь балканским славянам, находившимся под властью Турции. Национальное пробуждение славян, которое питалось в том числе контактами на культурном уровне с Россией, способствовало росту тревоги и недоверия многонациональной Австрии по отношению к могущественной восточнославянской империи.

В конце XVIII — начале XIX в. Россия и Австрия оказываются союзницами в борьбе против революционной Франции, а потому австрийское правительство с помощью цензуры тщательно контролирует негативные высказывания прессы по отношению к своей официальной союзнице. Осторожность в своих критических замечаниях к восточному соседу официальная пресса Австрии сохраняла на протяжении всей «эпохи Меттерниха» и Священного альянса двух держав.

Этот период отличался стабильностью в отношениях между двумя государствами. Династический принцип и традиционализм в европейской политике сближали Вену и Петербург, союзнические обязательства которых выдержали испытание наполеоновскими войнами, волнениями на Балканах, нерешенностью германского вопроса, разделами Польши. Благожелательный тон при подаче информации гарантировался цензурным подходом — весьма строгим как в России, так и в Австрии. Несмотря на общую традицию абсолютизма и имперский принцип государственности, стороны существенно различались между собой. Так, крепостное право и преследование иноверцев в России были для венской публики отголосками давно уже минувшего времени.

Австрийские журналы уделяли большое внимание изучению национального характера русских. Они использовали либо отрывки из книг о России, написанные иностранными путешественниками, либо сведения своих корреспондентов. К примеру, «Заммлер» в ноябре — декабре 1809 г. поместил серию анонимных статей («От одного наблюдателя») под на-

званием «Беглые заметки о характере русских». Приведем некоторые выдержки: «Русские прирожденные торговцы, это самая выраженная национальная особенность. У одного русского столько же ловкости, сколько у четырех евреев. При этом удивляет, что здесь, где каждый с удовольствием занимается торговлей, купец является презираемой фигурой для высшего сословия. ...Недостаток утонченности по отношению к браку и в исполнении чувства долга, влечение к излишнему употреблению возбуждающих напитков и высокая степень легкомысленности являются основными пороками национального характера, недостатками огромной массы людей... Аристократы по рождению здесь ноль, ценятся лишь те, кто получил титул за государственную службу... Женский пол здесь еще не так испорчен, как в других местах. Во всем народе женщину воспринимают как вьючное животное, на которое можно все свалить и которое при этом не ропщет на свою судьбу...» [7: S. 721]. Другой автор — профессор истории Юлиус Франц Шнеллер — обратил особое внимание на роскошь богатых и нищету народа. В 1820 г. он писал: «У русских противоречие между роскошью и нищетой бросается в глаза почти так же сильно, как у турок. За последние два столетия нового времени среди дворян и при дворе господствовала любовь к роскоши в восточном стиле; с XVIII в. вошел в моду и распространился западный образ роскоши...» [7: S. 723]. Вообще, иностранцы подмечали в русских «несокрушимое добродушие и наивность», «добродушное миролюбие», особенно проявляющееся, «если русский чертовски пьян» [7: S. 721], тонкое знание лошадей и любовь к быстрой езде. Подчеркивалось, что из всех иностранцев именно немцы пользуются в России наибольшим уважением, и многие из них обретают здесь вторую родину и натурализуются [7: S. 726].

Всплеск негативных эмоций по отношению к России приходится на 1830-е гг., когда либеральные идеи из Франции вновь проникают в Восточную Европу. Усиливает антипатию к России и жестко подавленный бунт поляков. Способствовала росту антирусских настроений и польская эмиграция со своим «польским впросом», вызвавшим сочувствие в Европе после восстания 1830—1831 гг. Таким образом, большая часть австрийцев оказалась отрицательно настроенной по отношению к России в целом.

Политика интервенций Священного альянса, который рассматривался либерально настроенными австрийцами как союз князей против народов [5: S. 23], приводит к тому, что Россия признается защитницей консерватизма и противницей всего прогрессивного, что есть на свете, и служит источником развития чувства растущего раздражения и даже ненависти.

В 1844 г. вышла работа анонимного автора «Австрия и Россия». Автор писал, что Россию представляют как огромную славянскую страну, соци-

альные отношения в которой окрашиваются в подчеркнуто мрачные тона. Автор цитирует популярную в то время брошюру «Восточный — это русский вопрос»: «Россия — это колосс, стоящий на трясущихся ногах, и потому легко можно воспрепятствовать его дальнейшему продвижению» [8: S. 34]. Однако сам автор, уделяя значительное внимание опасности панславизма, в целом оспаривает сложившийся негативный образ России. Более того, он подчеркивал, что, в отличие от европейских государств, Россия — это юное государство, которое лишено множества недостатков, присущих европейским цивилизациям. По ряду показателей Россия даже выигрывает у западных государств, ибо «коррупция во всяком случае здесь не проникла глубоко и зерно русского народа еще полностью здоровое» [8: S. 66]. Хвалил автор и характер великороссов, которым, по его мнению, присущ практический, граничащий с хитростью жизненный ум, эксплуатация склонности к насмешке и способность смеяться над другим, гостеприимство и безграничная любовь к Богу и своему императору. «Бог и Император — это понятия, которые русский для себя не может разделить».

Революция 1848–1849 гг. и помощь России в подавлении Венгерской 1849 гг. вызывают яростную ненависть по отношению к «полицейскому режиму» России. И эта ненависть, особенно со стороны венгров, будет преследовать «все русское» на протяжении всего XIX в. Увеличивается количество публикаций в австрийской прессе, которая имела очевидную антирусскую направленность. В образе России выделялось три главных аспекта, соответствующих связанным друг с другом обстоятельствам и подчеркивающих друг друга. Эти три аспекта можно определить так: «Россия как реакционное государство» (внутриполитический аспект), «Россия как славянское государство» (национальный аспект) и «Россия как экспансионистская держава» (внешнеполитический аспект) [8: S. 131].

Рост национальных движений славянских народов Австрийской империи и расцвет панславянской идеологии привели к тому, что общественное мнение немецких земель Австрии все сильнее оборачивалось против России. Граф Антон фон Ауэршперг (Анастасиус Грюн) в своем открытом послании к славянскому конгрессу в Праге, предостерегая славян Австрии от угроз, исходящих от России, заявил следующее: «Они говорят правду, да, я боюсь русских. Но я боюсь их не как врагов Германии, а как друзей Австрии и австрийских славян. Я боюсь их в качестве призываемых спасителей австрийского правительства из того ужасного бедствия внутреннего разлада, который угрожает породить отказ ее от Германии — нашего прекрасного Отчества, так что было бы величайшим несчастьем, если Австрии придется столкнуться с русской помощью... Никогда я не обвинял вас, мои господа, в преднамеренном сближении с Россией, но сейчас про-

тив своей воли вы через нынешнее отторжение от Германии неудержимо несетесь прямо в руки России» [3: S. 27].

В вышедшей в 1849 г. брошюре известного австрийского публициста можно было увидеть следующее утверждение: «Весь цивилизованный мир, — писал Шузелька, — смотрит на Россию с антипатией, страхом и гневом. Существует подозрение, что европейской свободе грозит опасность проникновения могущественной русской деспотии с ее азиатскими формами... В любом случае имя России всей Европе внушает ужас» [3: S. 41].

Рост враждебности общественного мнения Австрии по отношению к России достигает своей наивысшей точки в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Россия обвинялась в желании разрушить мир и европейское равновесие, что являлось следствием ее стремления завоевать Турцию. Такого рода восприятие австрийской общественностью России исходило из многочисленных газетных статей, из многократно поднимаемых тем различных политических брошюр и даже из научной литературы. Так, в статье от 30 декабря 1854 г. “Agramer Zeitung” утверждалось: «Во всех империях континента, во всех вопросах современной истории, во всех внешнеполитических вопросах, во всех внутренних и тайных отношениях отдельных стран, во всех кабинетах, во всех палатах парламентов, во всех служебных кабинетах и казармах, во всех общественных и частных кругах Россия имеет свою руку; всякая держава, которая не достаточно сильна, дабы защитить саму себя, ощущает ее тяжелую поступь, каждое движение — революционное или нет, находит в ней горячего друга и покровителя. Души были инфицированы русскими взглядами, характеры наполнены русскими плодами, вся культура Европы, столь могущественная своим внутренним прогрессом, заболела русской инфлюэнцей» [2].

В 1855 и 1856 гг. количество такого рода публикаций вновь снижается, из чего можно сделать вывод о том, что русофобские голоса пошли на убыль. Однако «образ России» как враждебной силы, направленной против европейской цивилизации в целом и Австрии в частности, останется действующим в общественном сознании вплоть до самого конца существования Габсбургской империи.

В 1860-х гг. дополнительным негативным фактором становилось также вновь обретенное влияние Венгрии, которая не смогла простить России подавление ее борьбы за независимость в 1848–1849 гг. Вместе с тем существовали и другие факторы, серьезно отягощавшие австро-русские отношения. Одним из них вновь были опасения панславизма, но на этот раз понимаемые не как «происки панславистских агентов» в Османской империи, а как политика, направленная на уничтожение самой Австрийской империи.

Начало полемики по поводу панславизма и угрозы распада Австро-Венгрии положило проведение в мае-июне 1867 г. Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве. Упреки России в агрессии, в стремлении распространить свое влияние на весь Балканский полуостров станут лейтмотивом всей второй половины XIX — начала XX в. Россию упрекают в духовной отсталости, в коррупции, в том, что она остается, по сути, азиатским государством, которому едва-едва удалось прикрыть свою сущность европейскими одеждами. Упрекают Россию и в отсутствии якобы собственной науки и культуры [4].

В начале XX в. рост негативных публикаций о России увеличивается в связи с усилением экспансионистских настроений Австро-Венгрии. Союз с могущественной Германской империей придает Австро-Венгрии уверенность, что ее агрессивные планы будут поддержаны соседями.

М. Хохловкин в своих воспоминаниях об австрийских умонастроениях накануне Первой мировой войны пишет, что в Австрии в начале XX в. усиливались русофобские настроения. Любые попытки убедить австрийцев в миролюбивых стремлениях России отвергались с крайним недоверием и иронией. Австрийское общественное мнение сознательно настраивалось газетами и политиками к предстоящей войне с Россией. Ее все чаще сравнивали с чудовищем, которое окружило Австрию и стремится к разжиганию войны в Европе.

Русофобские настроения усилились настолько, что в Праге закрываются русские клубы, запрещается произносить речи на русском языке. Свои действия пражский директор полиции в феврале 1914 г. объясняет тем, что «Австрия находится накануне войны с Россией» [1: с. 41].

Таким образом, в Австрии образ России менялся вместе с внутри- и внешнеполитической ситуацией. Союзнические отношения между Австрией и Россией способствовали складыванию образа последней как трудно предсказуемой, азиатской, но стремящейся получить покровительство и учиться у цивилизованной Европы. По мере роста противостояния России и Австрии и усиления их борьбы за влияние на Балканах усиливается рост антироссийской политики, а также антироссийских публикаций. Русофобские настроения целенаправленно формируются публикациями в прессе и выступлениями политиков с общественных трибун. Россию представляют как источник потенциальной агрессии, причем не только для самой Австрии, но и для всей Европы. Австрии в ее борьбе за Балканы была необходима поддержка Германии, да и моральная поддержка остальной Европы. Борьбу с Россией представляли как борьбу европейской свободы с деспотией, противопоставление европейского развития и азиатской стагнации, борьбы культуры против варварства. К сожалению, подобные методы борьбы мы наблюдаем и в настоящее время.

Литература

1. Хохловкин М. Из венских воспоминаний 1913–1914 гг. // Суворовцева Е.В. Вена в русской мемуаристике: Сборник материалов. Казань: Бук, 2016. 151 с.
2. Agramer Zeitung. 30.12.1854.
3. Auersperg F. Politische Reden und Schriften. Wien: Literarischer Verein, 1906. 584 S.
4. Debatte. 16.05.1867; 21.05.1867; 25.05.1867.
5. Hartig F. Genesis der Revolution 1848. Leipzig: F. Fleischer, 1850. 450 S.
6. Heppner H. Das Russlandbild in der öffentlichen Meinung Österreich 1848–1856. Graz, 1975. 262 S.
7. Marinelli-König G. Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1849). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. 844 S.
8. Österreich und Russland. Leipzig: Druck und Verlag von Philipp Reclamjun, 1844. 241 S.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И МИРА

РЕЛИГИЯ В XXI ВЕКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛИИ

*А.Г. КОСИЧЕНКО,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии,
политологии и религиоведения Министерства образования и науки
Республики Казахстан,
Республика Казахстан, г. Алматы
e-mail: anatkosichenko@mail.ru*

Аннотация: Падение уровня религиозности, доминирование негативных проявлений религии над позитивным ее образом, вытеснение религии из личной и общественной жизни — реалии нашего времени. Вместе с тем религия обладает большими позитивными возможностями в снижении уровня вызовов и угроз современности, в нравственном и духовном оздоровлении человека и общества; проблема заключается в реализации этих возможностей в условиях секулярного потребительского мировоззрения, духовной прострации общества и элит.

Ключевые слова: религия, человек, общество, возможности, духовность, реальность, бытие.

RELIGION IN THE XXI CENTURY: OPPORTUNITIES AND REALITIES

A. KOSICHENKO,

*Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy,
Political Science and Religious Studies of the Ministry
of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
Republic of Kazakhstan, Almaty
e-mail: anatkosichenko@mail.ru*

Abstract: The decline in the level of religiosity, the dominance of negative manifestations of religion over its positive image, the displacement of religion from personal and public life are the realities of our time. At the same time, religion has great positive opportunities in reducing the level of challenges and threats of modernity, in the moral and spiritual recovery of man and society; the problem lies in the realization of these opportunities in the conditions of a secular consumer worldview, spiritual prostration of society and elites.

Keywords: religion, man, society, opportunities, spirituality, reality, being.

Анализ роли, значения и тенденций в сфере религии (даже и основных религий современности), вследствие обширности материала, представляет заметную трудность, особенно в рамках небольшого объема статьи. Поэтому, говоря о религии как таковой, мы ограничимся христианством, что не мешает увидеть общие для всех религий закономерности их функционирования, возможности и реалии религии в современном мире. Не приходится отрицать, что положение различных религий в мире неодинаково. Так, принято считать, что ислам находится на подъеме, восточные религии как бы застыли в своем классическом выражении, а христианство теряет свои позиции. То есть специфика положения разных религий в мире существует, однако имеются их общее состояние в современном мире, общие проблемы и тенденции. На них и остановимся.

Хотя говорить о положении религии в XXI веке несколько преждевременно и самонадеянно, но все же имеющиеся тенденции в этой сфере позволяют делать вполне обоснованные предположения. Мы видим, что религия постепенно утрачивает свои позиции во всех сферах общественной и государственной жизни большинства современных стран. Тому много причин, но основной является падение уровня религиозности населения. Можно поставить вопрос: почему уменьшается религиозность населения почти всех государств и даже таких, как Россия, в которой совсем недавно имел место так называемый религиозный «ренессанс»?

Религиозность падает по ряду причин. Во-первых, обыденная жизнь «среднего» человека не способствует серьезному погружению в веру и каж-

додневную религиозную практику. Вся окружающая человека действительность построена на внерелигиозной основе. Ориентиры, ценности и предпочтения современного человека не религиозны по существу. От людей не требуется исполнения религиозных норм и обрядов. Они это могут делать по собственной инициативе в силу личной веры и потребности. Но общественная атмосфера не поддерживает эти устремления. Даже формально высокий уровень религиозности ряда стран не способствует религиозности населения. Религиозная идентичность и на личностном, и на общественном уровне зачастую носит ложный характер: люди позиционируют себя в качестве верующих, но не исполняют обряды, не посещают храмы и молитвенные дома, не реализуют в своей обыденной жизни религиозные нормы поведения.

Во-вторых, светские государства (а к ним относится абсолютное большинство современных государств) находятся в довольно противоречивом положении по отношению к религии. Заявляя о своей нейтральности ко всем имеющимся в государстве религиям, светское государство, как показывает опыт большинства европейских стран, на практике поддерживает одну-две исторически традиционных для него религии. Эти поддерживаемые государством религии имеют льготы по ряду позиций, но, странным образом, как раз эти религии показывают наибольший уровень падения религиозности своей паствы. Те же религии, которые, как, например, ислам в Европе, должны отстаивать свое место в обществе, напротив, демонстрируют устойчивость и жизнестойкость.

Помимо этого, светскость государства, основанная на свободе вероисповедания, на деле нередко вырождается в атеизм, духовную причину чего хорошо раскрыл лидер традиционалистского крыла Римско-католической церкви архиепископ М. Лефевр: «Свобода вероисповеданий подразумевает индифферентизм государства по отношению ко всем религиозным формам. Религиозная свобода с необходимостью означает государственный атеизм. Ибо государство, обязующееся признавать или поддерживать всех богов, на самом деле не признает никакого бога» [5: с. 124].

Наконец, в-третьих, на падение религиозности оказывают влияние изменения в понимании религии, сдвигающиеся от средства и формы общения с Богом к ее социально-политическим аспектам. И когда сегодня употребляется термин «религия», то именно эти социально-политические грани и всплывают в сознании нашего современника. Сдвиг в понимании религии с ее внутреннего, сущностного ей содержания на социальные и политические проявления влечет за собой снижение сакральности, духовности и цели религии, что ведет к падению религиозности в ее сути.

«Согласно многочисленным социологическим опросам, около половины европейцев считают, что христианские ценности по-прежнему значимы для Европы, но при этом признаются значимыми как раз внешние

для сущности христианства его ценности. Так, около 48% европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и для «солидарности с бедными». А собственно сакральное значение христианства в массовом европейском сознании утрачивается» [4: с. 104]. Такое отношение к христианству нельзя объяснить только потерей его актуальности для современного мира или концептуальной противоположностью христианских и либеральных ценностей, господствующих сегодня. Секуляризация как процесс «освобождения» мира от религии во всех сферах человеческой жизнедеятельности имеет, конечно, и объективную составляющую, но процесс этот явно управляем. Многие силы современности заинтересованы в устранении религии из общественного и личного пространства, так как религия удерживает человека и общество в пределах хотя бы минимальной духовности и нравственности, что не позволяет манипулировать ни сообществами, ни человеком, но именно манипуляции с ними и ставятся целью этих сил.

Над снижением религиозности в современном мире активно работают как на уровне государств — им удобнее быть светскими вплоть до утраты всякой религиозности, так как религия поддерживает самосознание человека в весьма высоком критическом состоянии, что требует от государства реальной заботы о гражданах, так и на международном уровне — на последнем в еще большей степени. Чтобы не быть голословными в утверждении этого тезиса, обратимся к реальной политике межгосударственных институтов в сфере религии.

В течение последних 10–15 лет в Европейском союзе создана законодательная база, существенно ограничивающая сферу и формы функционирования религии в европейских странах. Приняты и в жесткой форме рекомендованы к исполнению важнейшие документы, регламентирующие отношение к религии и ее восприятие населением Евросоюза. В ряде постановлений и резолюций Парламентской Ассамблеи Совета Европы, таких как Резолюция 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований» (2006), Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007), Резолюция 1577 «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию (2007)», название которой говорит само за себя, и др., религия поставлена в положение общественного феномена, далекого от приоритетов Евросоюза. Этими документами религия вытесняется на периферию общественного и личного бытия, ее ценности практически не признаются, свобода слова ставится намного выше религиозных норм, диффамация религии разрешается и даже поощряется. Те религиозные объединения и члены этих объединений, кто оскорбляется таким положением религии, согласно этим документам, имеет право подавать в суды и отстаивать там свои права.

Каков результат этих межгосударственных законодательных инициатив? За последние двадцать лет десятки тысяч храмов в Европе проданы, перепрофилированы, превращены в клубы, в развлекательные учреждения, в пивные, в лучшем случае — в концертные залы [1].

В США более половины населения считают себя верующими. Соединенные Штаты часто приводят в пример как государство высокого уровня жизни и вместе с тем как страну, сохраняющую религиозность (принято считать, что повышение уровня жизни ведет к падению религиозности). Но если присмотреться к характеру религиозности в США, то бросается в глаза ее глубокая специфичность. Вера граждан в значительной мере облегчена: посещением церкви или молитвенного дома по воскресеньям, предельно обрядовыми богослужениями, внешнею религиозностью при почти полной утрате сути христианства и т.д. Имеет место морализаторство, но не мораль, нравственность невысока, деньги — основная ценность. При желании можно именовать это состояние верой, а можно и неверием.

Англиканская церковь, бывшая в начале XX века ближе всех к православию, сегодня разрешила вначале женское священство, затем женский епископат, потом однополые браки, потом однополые браки священников между собой, затем браки женщин — епископов — лесбиянок. И это церковь? Это христианство? За три фунта стерлингов можно через интернет подать заявление о выходе из церкви, и оно будет удовлетворено. Впрочем, для иностранцев плата выше — десять фунтов.

Современный мир отходит от религии, не принимает ее ценности. Секуляризм, как всеобщее, глобальное и полное вытеснение религии из всех сфер жизни современного человека, превращает религию в рудимент, в феномен прошлого. Искажается религия, искажается ее сущность. «Церковь воспринимается обмирщенным обществом именно как организация. Общество не принимает Церковь в ее пророческом служении. Оно не принимает ее как обновление и преображение мира. Общество видит в ней структурную часть социума — институт среди других институтов. В этом институте совершаются браки, крещения, отпевания и прочие обряды, которые “нравятся” миру сему. Такую Церковь не отвергают даже атеисты. Священник для них — не отец своего прихода, но служащий религиозной организации. Религия становится тогда “религией по воскресеньям”: она не изменяет всю жизнь, все дни недели — ей отводится один час в воскресный день, когда мы ходим на литургию. Похоже, что мы становимся христианами на час в неделю, когда приходим в храм, а всю остальную неделю живем так, как будто нет Церкви и нет Христа» [2].

Концептуально, религия обладает огромными возможностями для улучшения состояния современного мира, для повышения уровня нравственности и духовности, для углубления и открытости общения людей между

собой, для стабильности международных отношений, для придания смысла жизни человеку. Но все эти возможности религия лишь в малой степени реализует в реальности. Почему? Потому что сталкивается с жестким противостоянием в осуществлении своих возможностей как со стороны господствующего мировоззрения современности, так и со стороны правящих элит. Религии с ее ориентацией на глубокие смыслы бытия трудно преодолеть эту реальную мощь, базирующуюся на власти и неограниченных финансах. Однако религия остается в горизонте современности, и возможности ее не уничтожены. В чем заключаются возможности религии? Что она сама говорит о себе и о своих возможностях?

Согласно религиозному взгляду, мир создан Богом из избытка любви, и потому именно любовь является сущностью бытия и осмысляет его. Отсюда понятно, что наилучшим способом жизни и человека, и общества являются не просто дружеские, партнерские, доверительные отношения со всеми, но намного более глубокие и продуктивные отношения любви между людьми. Любовь становится основным законом, по которому должны жить люди. Это очень глубокое понимание сущности жизни, но кто сегодня живет согласно этой заповеди? А вместе с тем нарушение этой заповеди приводит к различного рода неудачам и ошибкам. Тем самым эта возможность религии улучшить жизнь людей не реализуется.

Точно так же обстоит дело и со всеми другими глубокими заповедями и добродетелями христианства, каковыми являются: вера, надежда, любовь, смиренномудрие, свобода, милосердие, радость, кротость, покаяние, благодать, совесть. Это столпы христианства, их осуществление, воспитание в себе делают возможным превращение далекой от идеала жизни современного человека в содержательную, осмысленную и оправданную. Но кто сейчас исходит из перечисленных ценностей? Вот потому-то и не превращаются возможности религии в реалии нашей жизни.

Русская православная церковь в ряде своих соборных документов говорит фактически об одном и том же: надо бороться с греховностью как источником зла, греховностью и своей личной, и общественной. «Никакие человеческие установления, в том числе формы и механизмы общественно-политического устройства, не могут сами по себе сделать жизнь людей более нравственной и совершенной, искоренить зло и страдания. Важно помнить, что государственные и общественные силы имеют реальную способность и призвание пресекать зло в его социальных проявлениях, но они не могут одержать победу над его причиной — греховностью. Сущностная борьба со злом ведется в глубине человеческого духа и может иметь успех лишь на путях религиозной жизни личности» [6].

Римско-католическая церковь обращает внимание наших современников на утрату социального партнерства в экономических отношениях, в финансах, в социальном устройстве, требует от владельцев предприятий

справедливого распределения доходов, требует перемен в характере взаимоотношений в обществе, но эффекта от ее требований нет. И опять-таки, позитивные возможности религии не реализуются; и требования реализации социальной справедливости в сфере труда и доходов, проявления принципов свободы совести в личных и социальных отношениях представляются наивными, нелепыми и абсолютно нереализуемыми. «Свобода совести и религии касается человека и в плане индивидуальном, и в плане социальном: право на религиозную свободу должно быть закреплено в правовой системе как гражданское право; тем не менее оно само по себе не является неограниченным. Справедливые пределы осуществлению религиозной свободы должны быть установлены для всякой социальной ситуации с политической осмотрительностью, в соответствии с требованиями общего блага, и ратифицированы гражданской властью посредством юридических норм, сообразных объективному нравственному порядку. Эти нормы требуются для подлинной защиты прав в интересах всех граждан и их мирного сосуществования, а также для достаточной заботы о том достойном общественном мире, каковым является правильная совместная жизнь в истинной справедливости, равно как и для должной охраны общественной нравственности» [3: с. 278].

Самые последние события в мире несколько отодвинули на задний план проблематику межкультурного и межцивилизационного диалога. Но этот диалог все же остается в горизонте желательного взаимодействия между народами, странами и регионами. Почему же этот диалог малопродуктивен? Почему нет видимых результатов? Почему он хрупок? Уже довольно давно доказано, что в основе диалога цивилизаций лежит диалог культур, так как цивилизация есть не что иное, как «предметное тело культуры», и в цивилизации получают свое воплощение культурные особенности сторон диалога. Столь же убедительно показано, что в основании культур, особенно традиционных, лежат религии — культуры вырастают из религиозных оснований, хотя часто далеко отходят от этих оснований. Так вот, малая продуктивность и межцивилизационного и межкультурного диалога объясняется трудностями диалога между религиями, лежащими, как сказано, в основании и культуры, и цивилизации. А почему диалог между религиями труден, сложен и малорезультативен, хотя все согласны с тем, что диалог религий крайне желателен для сохранения мира? Он не продуктивен вследствие ухода вглубь, вовнутрь самых лучших возможностей религии и выдвижения на передний план негативных ее проявлений. Но на уровне негативных проявлений религии вести диалог в его позитивных ожиданиях невозможно, поэтому и нет ощутимых результатов ни от диалога культур, ни от диалога цивилизаций. Ни свобода слова, ни акцент на правах человека не могут быть положены в основание этих диалогов. «Действия, направленные на соблюдение прав человека, на совер-

шенствование общественных и экономических отношений и институций не увенчаются подлинным успехом, если будут игнорироваться духовные и культурные традиции стран и народов» [6].

Религия вполне способна проявлять свое позитивное влияние и в сфере культуры (имеющей, как говорилось, в религии свои предельные основания), и в сфере экономических отношений (ибо сегодня эти отношения зашли в тупик), и даже в сфере политики (самой жесткой и не принимающей моральных норм). Но во всех этих сферах религия только тогда способна реализовать свои возможности, когда человек восстановит свое присутствие в них (сегодня же отчуждение человека достигло максимума во всей исторической ретроспективе). Надежда на это восстановление есть, так как противоречия современности развились до состояния полного взаимоуничтожения. Альтернативы некоторого очеловечения глобальных процессов современности нет, если не считать таковой исчезновение человечества.

Мы отметили ряд возможностей религии. Они не эфемерны, они реальны. Но реализовать эти возможности трудно, причем чем далее «развивается» человечество, тем труднее их реализовать. Современный мир не принимает импульсы от религии, не усматривает их, не способен воплотить возможности религии. Мы видим ряд причин такому положению. Анализируя действительность и даже просто осматриваясь вокруг, человек видит, что религия выступает формой противостояния, формой разделения людей, народов, регионов. Ислам упрекают в радикализме, в потворстве экстремизму и терроризму; православие обвиняют в догматизме и косности, в неспособности к развитию; католицизм подозревают в претензиях на мировое господство и т.д. То есть негативные проявления религии (уточним: ложно понятой религии) легко усмотреть, а вот ее позитивные возможности и тем более достижения увидеть нелегко.

Да, так обстоят дела. Но не всё то, что очевидно и явно заметно, является истиной и реальностью. Часто искаженная реальность предстает как объективная и единственная, но массовые события и фактов такой реальности не делает эти факты и события сущностными. Применительно к возможностям религии сказанное означает лишь то, что массовые негативные проявления ни в коей мере не лишают религию ее сущностно позитивных возможностей и ее сути. Лишает ее и виной всему является доминирующая сегодня идеология эгоизма, индивидуализма, потребительства, которая, будучи всеобщей, блокирует реализацию идеалов и ценностей религии. И религия выглядит немощным, устаревшим, утратившим силу феноменом, который в прошлом еще что-то означал, а сегодня лишён. Наша эпоха проявляется в этих трансформациях. Современному миру не нужны ни религия, ни храмы. Жизнь становится очень хрупкой, нестабильной. Но, как ни странно, именно это непростое и даже тяжелое

положение, в котором сегодня находится человек, дает надежду на изменения к лучшему, ибо, осознав безвыходность этого положения и не принимая этой безысходности, человек способен преодолеть его на путях очеловечивания реальности и одухотворения своего бытия.

Литература

1. Бойко А. Европа поставила свои храмы на распродажу. URL: <https://www.kp.ru/daily/26729.7/3759271/> (дата обращения: 08.04.2022).
2. Георгий, архимандрит, игумен монастыря Преподобного Григория. Православие и гуманизм. Православие и папизм. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Karsanis/pravoslavie-i-gumanizm-pravoslavie-i-papizm (дата обращения: 10.09.2021).
3. Компендиум социального учения Церкви. Римско-католическая Архиепархия Божией Матери в Москве. М.: «Паолине», 2006. 628 с.
4. Косиченко А.Г. Религиозная идентичность в эпоху глобализации // Век глобализации. 2020. № 3.
5. Лефевр М. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. СПб.: «Владимир Даль», 2007. 350 с.
6. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616> (дата обращения: 20.07.2021).

МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕОЯЗЫЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ¹

*А.А. ИВАНОВ,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории,
Сибирский университет потребительской кооперации;
старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Геродот»,
Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск
e-mail: larsandr@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются произведения современного российского искусства неоязыческой направленности. Анализируются функции искусства в неоязыческой культуре. Обращение к неоязычеству рассматривается как реакция на сложность «текущей современности», поиск устойчивой партиципативной идентичности. В художественной образности и стилистике неоязыческого искусства прослеживаются признаки сегментивного и функционального типов партиципативной идентичности.

Ключевые слова: неоязычество, идентичность, партиципация, сегментивная идентичность, функциональная идентичность.

MODELS OF IDENTITY IN NEO-PAGAN ART

*A. IVANOV,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and History,
Siberian University of Consumer Cooperation; Senior Researcher,
Scientific and Educational Center “Herodot”,
Novosibirsk State Technical University,
Russia, Novosibirsk
e-mail: larsandr@mail.ru*

Abstract: The article deals with the works of modern Russian art of neo-pagan orientation. The functions of art in neo-pagan culture are analyzed. The appeal to neo-paganism is seen as a reaction to the complexity of “liquid modernity”, the search for a stable participatory identity. In the artistic imagery and stylistics of neo-pagan art, there are signs of segmental and functional types of participatory identity.

Key words: neo-paganism, identity, participation, segmental identity, functional identity.

¹ Выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01712).

Неоязычество представляет собой совокупность культурных объединений, движений и практик, основанных на реконструировании доавраамических религиозных верований и культов в условиях современной культуры и (пост)индустриального образа жизни. Показательным феноменом неоязыческой культуры является отражение и воплощение неоязыческих концептов, образов, ценностей в искусстве. В данной статье представлены результаты анализа художественных произведений в современной России, относящихся к славянскому неоязычеству.

Обращение к языческой тематике обнаруживается в разных видах и жанрах современного искусства. В литературе — это жанры славянского фэнтези и патриотической фантастики, мистической литературы, сказочных повествований, а также различные поэтические формы. В музыкальном творчестве неоязыческая тематика и образность находят отклик у представителей таких субкультурных течений, как neofolk, pagan-metal, dark-folk, ambient. Изобразительное искусство представлено в станковой живописи, в оформлении музыкальных альбомов, книжных иллюстрациях, «мерче» и брендовой символике музыкальных коллективов, спортивных и реконструкторских клубов и т.д. В декоративно-прикладной форме неоязыческая тематика и символика воплощаются в различных украшениях, амулетах, ремесленных изделиях (сумки, кошельки), одежде и татуировках.

Функциональная роль искусства в неоязыческой культуре обычно сводится к пропаганде неоязыческого мировоззрения. Для значительного корпуса произведений это суждение верно, так как эстетическая составляющая в них представляется целиком подчиненной трансляции неоязыческих мифологем. Многие исследователи обоснованно указывают на связь неоязычества с радикальными националистическими идеологиями и видят в подобных произведениях трансляцию ксенофобских установок [1; 4]. Однако пропагандистские возможности неоязыческого искусства сильно ограничены как со стороны российского законодательства, так и в свете маргинальности неоязыческой культуры. Кроме того, художественное произведение обладает самостоятельной эстетической ценностью, независимо от его принадлежности к религиозному культу или социальной идеологии. Эстетическая функция может «нейтрализовать» пропагандистскую: одни авторы не причисляют себя к язычникам, отмечая, что для них — это благодатная тема для творчества, другие разграничивают свое творчество и мировоззрение.

Сложное взаимодействие мировоззренческих и эстетических функций в неоязыческом искусстве редуцируется к более фундаментальной функциональной потребности в *идентичности* — устойчивом тождестве субъекта. Автор, работающий с языческими образами, скорее манифестирует свою мировоззренческую и/или эстетическую позицию, не пре-

тендуя на трансляцию целостной идеологической картины, но совершая автономную творческую работу по интериоризации и индивидуации отдельных элементов неоязыческого мировоззрения.

В случае неоязычества речь следует вести о *партиципативном* типе идентичности — идентичности участия, отождествлении индивида с устойчивой социальной общностью или культурной целостностью, понимании себя как части некоей тотальности. Актуальность партиципативной идентичности обусловлена условиями «текучей современности» с ее сложностью структурных взаимодействий, непредсказуемостью социальных процессов, неустойчивостью статусов. Возрожденная или реконструированная религиозно-магическая традиция представляет собой возможный «консервативный» ответ на риски и неопределенность общества постмодерна, давая индивиду сознание и чувство принадлежности к «древней, неизменной основе».

Социолог А. Хан выделил два типа партиципативной идентичности — сегментивную и функциональную [5]. Первая предполагает причисление себя к определенной группе «своих», противопоставленной «чужим», т.е. включающей инклюзивный и эксклюзивный аспекты идентичности. Как правило, в роли сегмента идентичности выступают сообщества «близких» по родству, проживанию, этнической принадлежности, образу жизни и формам досуга. Функциональная идентичность — это принадлежность к функционально-профессиональной группе, существующей в условиях сложной дифференциации труда и связанной с другими группами-функциями в пределах ограниченной профессиональной сферы (врач — медсестра — пациент, производитель — продавец — покупатель). Сегментивная и функциональная идентичности могут вступать в противоречие, вызывая внутрилличностные конфликты; функциональная идентификация способна порождать отчуждение, будучи обусловленной структурой анонимных институций; сегментивная идентичность ориентируется на более тесные связи и персональные характеристики, но несет угрозу «капсулизации» личности.

Как эти типы идентичности реализуются в произведениях неоязыческого искусства? Если говорить о сегментивном типе, то его проявления достаточно очевидны, учитывая исходную идею неоязычества — обращение к «исконному» славянскому наследию в противовес исторически связанной религиозной или светской культуре.

Во-первых, авторы используют определенные стилевые маркеры, презентующие мир самобытной славянской культуры, находящейся в гармонии с природой и противопоставленной иудеохристианской/технологической цивилизации. В живописи это применение стилей, ассоциирующихся со славянской фольклорной традицией (мезенская, палехская росписи, лубочный стиль и др.), стилистик национально-романтического

модерна, неоархаики и этнофутуризма. В литературных текстах — это отдельные элементы сказочного письма, речевые архаизмы, применение которых достаточно ограничено и подчинено законам современного языка и принципам массовых формульных повествований. В декоративно-прикладном искусстве — это обращение к народным орнаментам, естественным материалам (дерево, лен, металлы) и архаическим символам (свастика, руны).

Во-вторых, героев неоязыческого искусства отличают определенные антропологические черты, репрезентирующие условный славянский типаж. В реалистической живописи образ «чистокровного» славянина весьма вариативен, встречаются лица, тяготеющие к столь же условному «нордическому типу» или к греко-римскому эталону, однако практически обязательным признаком выступают русые волосы, голубые глаза и здоровое, сильное тело [1: с. 53]. Сходные признаки присутствуют в описаниях внешности персонажей литературных повествований.

В-третьих, «свой» мир репрезентируется в изобразительных видах искусства как особый древнеславянский хронотоп через характерные вещественные атрибуты (одежду, украшения, воинские доспехи, вооружение, орудия труда, утварь, архитектуру), народные орнаменты, природный ландшафт, фауну и другие признаки «золотого века» дохристианской/древней Руси. В литературных текстах сюжет чаще разворачивается в языческие времена или в фантастической альтернативной реальности, в которой прошлое остается живым.

В-четвертых, эксклюзивный аспект сегментивной идентичности — противопоставление «чужим» — реализуется в доминанте «воинствующего духа» [1: с. 177]: образы богов-воинов, былинных богатырей (Илья Муромец, Евпатий Коловрат, Вольга Святославич), полководцев (Святослав Храбрый, Александр Невский) символизируют героическую борьбу с инородцами и чужеродным началом, воплощением зла. Эта же функция исключения осуществляется в избегании признаков современности или в ее осуждении в образах упадка, гибели, катастрофы.

Функциональный тип идентичности отражается в дифференциации языческих божеств, духов, легитимирующей разделении традиционных славянских видов деятельности — волхва, ратника, ремесленника, травника, рукодельницы, пахаря и т.д. В живописи индивидуально-парных (Перун и Велес, Белобог и Чернобог) и коллективных изображений богов немного, но часто вместе с богом присутствуют люди — представители того рода занятий, которому он покровительствует. Атрибуты, животные, символы маркируют «сферу ответственности» бога или духа: Перун представлен в воинском облачении с оружием, Велес — в шкуре, с посохом в сопровождении медведя или быка, Макошь — с веретеном, Сварог — с кузнечными инструментами и т.д.

И состав неоязыческого пантеона, и имена, и функции божеств вызывают жаркие споры среди «родноверов». Эти споры отражаются в вариативности и противоречивости иконографии божеств [2]. Но дело, конечно, не в исторической достоверности, а в том, что «исконные» профессии, которым покровительствуют персонализированные сакральные сущности, предлагают функциональную идентичность, альтернативную повседневным профессиональным ролям и социальным статусам бизнесмена, IT-специалиста, журналиста, полицейского и т.д. Обращение к неоязыческим верованиям, организация календарных празднований и объединение в общины, реконструкция религиозно-магических, спортивных, военных, художественных и других видов культурных практик имеют значение в качестве досуговой альтернативы деперсонализированным, анонимным институтам постиндустриальной социально-профессиональной дифференциации. В пользу этого вывода говорят и некоторые результаты полевых исследований мировоззренческих установок российских неоязычников: «Жизнь отдельно взятого человека зависит, в определенной степени, от божественного замысла, но при этом мир как целое, по мнению язычников, управляется законами природы, то есть рассматривается с сугубо научных позиций. Чем более индивидуализируются вопросы анкеты, тем большее количество респондентов склонны отмечать волю божественных сил — божественного провидения» [3]. Обращение к персонализированным божественным сущностям именно в вопросах личной судьбы можно интерпретировать как реакцию на феномен отчуждения индивида в анонимных институтах, на переживание власти безличных сил общества над личной судьбой.

Итак, произведения современного неоязыческого искусства отражают мировоззренческий и эстетический поиск партиципативной идентичности и обнаруживают в себе две ее вариации — сегментивную идентичность принадлежности к родовому природно-культурному началу и функциональную идентичность персонального выбора сферы деятельности и самореализации.

Литература

1. Гизбрехт А.И. К вопросу об эстетике русского неоязычества (на материале изобразительного и декоративно-прикладного творчества) // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2016. С. 47–61.
2. Гизбрехт А.И. Старые боги «новой Руси»: иконография главных персонажей русского неоязыческого пантеона в произведениях современных русских художников // Культурная жизнь юга России. 2016. № 4. С. 84–91.

3. Шиженский Р.В., Тютина О.С., Смержевская О.А. Особенности современного языческого мировоззрения (по данным полевых исследований) // Вестник Мининского университета. 2016. № 1.
4. Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Изд-во Библийско-богословского ин-та, 2012. 302 с.
5. Hahn A. Konstruktionen des Selbst, der Welt und der Geschichte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000.

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В XXI ВЕКЕ

*Р.Ю. АТОРИН,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии,
Государственный университет управления,
Россия, г. Москва
e-mail: nrpsc@yandex.ru*

Аннотация: Русская Православная Старообрядческая Церковь (РПСЦ) — религиозная организация православных христиан, не принявших церковную реформу патриарха Никона в середине XVII века. В статье раскрывается деятельность РПСЦ в отношении сохранения дораскольной русской духовной культуры: богослужения, церковного искусства, образования, книгоиздания, исторического быта и традиционного социального уклада.

Ключевые слова: Древлеправославие, русская религиозная культура, духовное просвещение.

SPIRITUAL AND EDUCATIONAL MISSION OF RUSSIAN ORTHODOX OLD BELIEVERS CHURCH IN THE XXI CENTURY

*R. ATORIN,
Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Philosophy,
State University of Management, Russia, Moscow
e-mail: nrpsc@yandex.ru*

Abstract: The Russian Orthodox Old Believer Church (ROC) is a religious organization of Orthodox Christians who did not accept the church reform of Patriarch Nikon in the middle of the XVII century. The article reveals the activities of the Russian Orthodox Church in relation to the preservation of pre-schismatic Russian spiritual culture: worship, church art, education, book publishing, historical life and traditional social order.

Keywords: Ancient Orthodoxy, Russian religious culture, spiritual enlightenment.

Старообрядчество — православное христианство, последователи которого не приняли постановления церковной реформы бывшего патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, проведенной в середине XVII века. Русские христиане, не желавшие молиться по нововводимым церковным предписаниям, несмотря на жестокие гонения [4: с. 59], продолжали молиться по старому обряду. Отсюда и название «старообрядчество». Старообрядчество — понятие собирательное. Это «совокупность форм проявления и констатирования православного христианского вероучения, церковных установлений, обычаев, традиций, освященных авторитетом Священного Предания, окончательно сформировавшихся в русле осмысления византийско-русского наследия православной культуры, сохраненных и продолжающих свое существование, не теряющих вероучительную, сакральную значимость в церковном бытии русских православных христиан, не принявших нововводные положения церковной реформы XVII века» [2: с. 73–74].

Около 200 лет старообрядцы оставались без епископата и довольствовались священниками, переходящими из официальной церкви. Однако усилиями московских старообрядцев в 1846 г. было совершено присоединение Боснийско-сараевского митрополита Амвросия, проживавшего на покое в Константинополе, к старообрядчеству. Резиденцией митрополита стало селение Белая Криница, принадлежавшее тогда Австро-Венгрии. Так было положено основание так называемой белокрыницкой иерархии Русской Православной Старообрядческой Церкви (дореволюционное название — Древлеправославная Церковь Христова).

РПСЦ сегодня — это 15 епархий, более 300 зарегистрированных приходов, 10 архиереев и более 1 млн последователей, в том числе несколько полноценных приходов со своими священниками в Уганде и Пакистане. Она состоит в евхаристическом и каноническом общении с РПСЦ Румынии и Древлеправославной Архиепископией. Таким образом, это самая крупная на сегодня старообрядческая церковь. Духовным центром белокрыницких старообрядцев в России является Покровский собор, который находится в Москве, в Рогожской слободе. Во главе Церкви стоит митрополит Московский и всея Руси, соответствующий по сану и административным обязанностям древнерусским митрополитам и патриархам. Ныне здравствующий предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви — старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Корнилий Титов [10].

В современном обществе, к сожалению, всё еще существует предрасудок о закрытости русских староверов, их боязни всего нового, всякого удаления от технического прогресса. Однако данные утверждения далеки от истины. Социальная активность старообрядцев была известна еще до революции. Старообрядческим предпринимателям и меценатам, таким

как Строгановы, Морозовы, Рябушинские и др., принадлежало около 70% всего капитала Российской империи. Во многом благодаря их деятельности Россия превратилась из аграрной страны в мощную аграрно-индустриальную державу с фабриками, заводами, развитой сетью железных дорог и собственными сырьевыми ресурсами. Передовые старообрядческие умы не боялись внедрять в производство достижения науки и техники. Открытию собственного автомобильного машиностроения предприимчивым староверам помешала революция [8: с. 65–69].

Так называемый «золотой век старообрядчества» можно охарактеризовать как качественно новый виток истинной религиозной свободы для старообрядчества. Церковная жизнь развивалась быстрыми темпами. Численность старообрядцев увеличивалась, вместе с тем совершенствовалось качество церковной жизни. Повсюду создавались духовные центры, обучающие курсы, библиотеки, различные философские кружки. Повсюду проводились религиозные диспуты с официальной Синодальной церковью и представителями других религиозных конфессий [6: с. 80–83]. В 1911 году у старообрядцев появляется собственное высшее учебное заведение — Старообрядческий богословский учительский институт. С 1905 по 1912 год в Российской империи было освящено около 1000 храмов [6: с. 10].

После 1917 года старообрядческая церковь белокриницкой иерархии вместе с остальными религиозными организациями России оказались под мощным идеологическим контролем советской власти, с притеснениями, гонениями, конфискацией церковной недвижимости и имущества. Однако это отдельная тема.

1988 год (год 1000-летия Крещения Руси) ознаменовался началом новой модели отношений между государством и религиозными организациями. Последние получили свободу деятельности, в том числе и староверы. В 1988 году старообрядческой церкви белокриницкой иерархии было дано современное название — Русская Православная Старообрядческая Церковь [6: с. 103], а титул предстоятеля Церкви сменился с архиепископа на митрополита. Первым старообрядческим митрополитом стал Алимпий Гусев (1986–2003) [12].

Выход Русской Православной Старообрядческой Церкви в информационное пространство и начало ее социального служения связаны с избранием на должность первопрестоятеля церкви митрополита Андриана Четвергова. В период его недолгого правления в социальном служении РПСЦ произошли качественные изменения. Церковь начала активно взаимодействовать с культурными и общественными организациями, участвовать в различных просветительских проектах, установились теплые отношения с правительством г. Москвы. Избранный митрополит четко определил стратегию развития церкви, суть которой сводится к следующему:

- Восстановление апостольского служения, устной и письменной проповеди, миссионерства.
- Делать ставку на возрожденное в старообрядчестве духовное образование, особое внимание уделять молодежи.
- Активизировать социальное служение.
- Проявлять внешнюю активность. Установление дипломатических контактов с представителями власти и других религиозных организаций [6: с. 10–16].

В общем и целом, при митрополите Андриане РПСЦ осознанно и верно ступила на стезю открытости, а сам митрополит постоянно подчеркивал новую церковную концепцию в своих интервью [1: с. 156].

26 марта 2005 года, накануне 100-летнего юбилея распечатывания Рогожских алтарей, состоялась встреча митрополита Андриана и мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Она положила начало масштабной реконструкции архитектурного ансамбля Рогожской слободы, в контексте которой были предусмотрены проведение ремонта и реставрации зданий и сооружений, восстановление каскада прудов и благоустройство церковно-архитектурного ансамбля. Здания Рогожской слободы были переданы в безвозмездное и бессрочное пользование РПСЦ [3: с. 2]. Капитальный ремонт зданий «Рогожки» продолжается до сих пор.

Митрополит Андриан Четвергов правил недолго — всего 546 дней — и преставился сравнительно рано — в 54 года, в результате сердечной недостаточности.

18 октября 2005 года новым предстоятелем на старообрядческую митрополицию кафедру был избран епископ Казанско-Вятский Корнилий Титов. Митрополит Корнилий буквально сразу после своего избрания объявил о продолжении политики открытости, начатой при митрополите Андриане. Новый первопредстоятель уже 17 лет трудится на церковной ниве, и последние 10 лет характеризуются интенсивностью церковного развития. Значительно увеличивается количество храмов, приходов, числа духовенства. Митрополит Корнилий активно посещает общины в регионах и часто встречается с представителями местной муниципальной власти и прессой. Представители РПСЦ стали принимать участие в различных мероприятиях культурно-исторического и духовно-просветительского характера. В РПСЦ на постоянной основе проводятся мероприятия подобного рода: конференции, круглые столы, выставки, просветительские лекции. В разы возросло книгоиздательство. Привлекаются всё новые старообрядческие (и не старообрядческие) авторы и ученые.

Совместно с другими старообрядческими соглашениями РПСЦ активно участвует в Международном старообрядческом форуме — всемирной старообрядческой конференции, где на одной площадке представители старообрядчества обсуждают и решают насущные проблемы.

Стали регулярными встречи руководства и представителей РПСЦ с представителями городской администрации, видными деятелями науки и культуры. Сам митрополит имел несколько встреч с нынешним главой государства — президентом В.В. Путиным.

При Московской Митрополии существует Просветительский отдел с миссионерской направленностью, функционирует пресс-служба. РПСЦ выиграла несколько президентских грантов, направленных на развитие информационной и просветительской деятельности. Функционирует новый официальный сайт с постоянным обновлением информации и новостей.

Кроме развитого книгоиздания, РПСЦ выпускает периодическую литературу — старообрядческий календарь, Вестник Митрополии. Возрождается издание исторического журнала «Церковь», газета «Старообрядец», журнал «Во время оно». Издается множество газет и журналов в епархиях и на отдельных приходах. Просветительская миссия — одна из стратегических в РПСЦ.

На государственном и масштабном общественно-культурном уровне прошел юбилей 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума. Множество мероприятий прошло почти в каждом регионе страны с установлением памятников, обелисков, поклонных крестов, освящением новых часовен и храмов, не говоря уже о выставках и мероприятиях общественного характера (конференций, круглых столов, встреч).

В 2021 году праздновалась дата 250-летия основания Рогожской слободы. Рогожский поселок — исторический и культурный объект с уникальной церковной архитектурой, на территории которого расположены Московское старообрядческое духовное училище, восстанавливающийся старообрядческий институт, детская воскресная школа, духовно-просветительский центр, а также множество мастерских и выставок. Здесь можно получить первоначальное духовное образование, усвоить азы православного старообрядческого вероучения, овладеть навыками знаменного пения и чтения на церковнославянском языке, освоить азы книжного переплета и различных народных промыслов. Историю «Рогожки» наглядно показывает соседствующий рядом некрополь, где находится место захоронения старообрядческих первопрестоятелей, могилы известных дореволюционных предпринимателей и меценатов. Также на территории Рогожского поселка имеется несколько библиотек, регулярно проводятся выставки и встречи. Функционируют трапезная, казачья лавка, лавка книг и церковной утвари.

По Рогожской слободе проводятся регулярные экскурсии, а сам поселок давно стал известным паломническим центром.

31 мая 2017 года в Рогожский поселок прибыл с визитом президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, что является

историческим прецедентом, ибо В.В. Путин — первый в истории глава государства, посетивший Рогожское.

Таким образом, РПСЦ, с одной стороны, сохраняет древние богослужбные традиции, дораскольное церковное благочестие и здравый консерватизм, а с другой — здравомысленно ориентируется в современных реалиях, информационном пространстве, чувствует потребности и настроения общества.

Литература

1. Андриан, митрополит Московский и всея Руси. Вехи архипастырского пути. М.: «Медиа 77», 2006. 158 с.
2. Аторин Р.Ю. Протопоп Аввакум и «церковная реформа» XVII века. М.: Издание Московской Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви, 2018. 224 с.
3. Вестник Митрополии. № 1. М., 2005. 23 с.
4. Кутузов Б.П. Церковная реформа XVII века как идеологическая диверсия. М., 2004. 32 с.
5. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки строительства храма Покрова...», 2006. 384 с.
6. О современном состоянии РПСЦ. Доклад Освященному собору, состоявшемуся 19–22 октября 2004 г. Митрополита Московского и всея Руси Андриана // Вестник Митрополии. № 4. М., 2004. С. 10–16.
7. Православный старообрядческий церковный календарь 2020. М.: Издание Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. 208 с.
8. Старообрядчество в России. Энциклопедический иллюстрированный журнал. М.: «Фас-Медиа», 2005. 128 с.
9. Церковь. Старообрядческий общественно-просветительский журнал. Вып. 1. М., 2021. 88 с.
10. URL: <https://rpsc.ru/kornily/> (дата обращения: 01.04.2022).
11. URL: https://rpsc.ru/kornily/report/vrns_2011/ (дата обращения: 01.04.2022).
12. URL: <https://rpsc.ru/publications/person/mitropolit-alimpiy-gusev/> (дата обращения: 01.04.2022).

ИСЛАМСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК ЛИЧНОСТИ

*О. В. ВЕЛИМЕДОВА,
кандидат психологических наук, доцент,
преподаватель кафедры общей и социальной психологии,
Воронежский государственный университет,
Россия, г. Воронеж
e-mail: dosent.velimedova@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена влиянию духовных ценностей ислама на формирование вредных привычек личности. В статье излагаются основополагающие принципы исламской морали, мировоззрения и раскрывается необходимость их учета в проблеме преодоления вредных привычек, что придает ей особую актуальность и значимость. В плане борьбы с зависимостью личности от вредных привычек необходим поиск всевозможных путей решения этой проблемы, в том числе организация и проведение мероприятий по здоровому образу жизни, духовному и физическому здоровью по линии религиозного просвещения.

Ключевые слова: Ислам, духовные ценности, вредные привычки, алкоголизм, наркомания, одурманивающие вещества, нравственность, глобализация.

ISLAMIC VALUES AND THE PROBLEM OF BAD HABITS OF THE INDIVIDUAL

*O. VELIMEDOVA,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Lecturer of the Department of General and Social Psychology,
Voronezh State University, Russia, Voronezh
e-mail: dosent.velimedova@rambler.ru*

Abstract: The article is devoted to the influence of the spiritual values of Islam on the formation of bad habits of the individual. The article outlines the fundamental principles of Islamic morality, worldview and reveals the need to take them into account in the problem of overcoming bad habits, which gives it special relevance and significance. In terms of combating the dependence of the individual on bad habits, it is necessary to search for all possible ways to solve this problem, including organizing and conducting activities for a healthy lifestyle, spiritual and physical health through religious education.

Keywords: Islam, spiritual values, bad habits, alcoholism, drug addiction, intoxicating substances, morality, globalization.

Ислам — это образ жизни, который исповедуют миллиарды людей всего мира. Он входит в тройку влиятельных религий, авторитет которых неуклонно растет. Исламская религия играет важную роль в формировании духовных ценностей и этнонациональных культур мусульманских народов. Духовные принципы Ислама направлены, главным образом, на формирование моральных ценностей, духовного и физического здоровья общества. Базовые ценности Ислама основываются на принципах морали, основой которого являются такие понятия, как халал (дозволенное), правда, честность, справедливость, вера, истина, уважение и др., которыми человечество руководствуется в жизни.

Проблема употребления вредных привычек характерна для всего мира и, к сожалению, она приобрела масштаб глобального бедствия, не обойдя стороной ни одно государство.

В свете исламской морали вредные привычки: никотино- и кальяномания, употребление алкоголя, пива, чифира, наркотических, токсических и других одурманивающих средств — считаются грехом.

Употребление спиртных напитков является преступлением категории хадда. Бесспорно, алкоголь наносит значительный вред и несет угрозу разуму, телу, морали, религии и жизни человека в целом. Разрушая семейный уклад, причиняет горе семье, близким, а также угрозу обществу как в материальном, так и в духовно-нравственном смысле.

Во времена джахилии арабы чрезмерно увлекались вином и устраивали попойки. Это пристрастие нашло свое непосредственное отражение в языке этого народа, в котором вино имеет около ста названий, в его поэзии, которая воздаст хвалу вину, кубкам и застольям. Для искоренения этого порока Ислам избрал мудрый метод, запрещая его поэтапно. Вначале Аллах разъяснил превосходство в нем греха над пользой. Затем Он предписал не вставать на намаз в состоянии опьянения. И наконец Аллах ниспосылает аяты в суре «Аль-Маида», где полностью запрещает хамр: «О вы, которые уверовали! Опьяняющий напиток, майсир, [жертвоприношения] на каменных жертвенниках [и гадание] по стрелам — скверные деяния [внушаемые] шайтаном. Сторонитесь этого, может быть, вы преуспеете. Воистину, шайтан при помощи вина и майсира хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Прекратите ли вы?» (Коран, 5:90,91). В этих аятах Аллах запрещает алкоголь и азартные игры, поставив их в ряд с жертвенниками и стрелами, используемыми для языческих гаданий, и объявляет их риджесом, т.е. мерзостью, скверной, а также относит их к деяниям Сатаны. Ислам призывает верующих воздерживаться от таких деяний, потому что в этом заключается путь к успеху. В священных книгах также говорится о том, что с приближением конца света прелюбодеяние и пьянство станут повсеместным явлением, и в этой связи вино-

сится предупреждение о том, что Всевышний Аллах не допустит в Рай любителей алкоголя.

Мусульманину не позволяется принимать алкоголь ни в большом, ни в малом количестве, ни под каким предлогом, будь то продажа или покупка, подарок или производство. Ему не разрешается продавать его или держать дома, подавать на праздниках и по другим случаям, предлагать гостям из немусульман, а также смешивать с пищей и питьем. Ислам запрещает принимать вино даже в болезни. Пророк (Мир ему!) произнес: «Это не лекарство, а болезнь. Аллах ниспослал болезни и лекарства, создав для каждой болезни свое лекарство, и лечитесь им. И не лечитесь запретным (харам)» [1: с. 80]. Как объяснял имам Ибн Кайим, запрещение чего-либо означает, что необходимо воздерживаться и отдаляться от этого продукта всевозможными способами. Если брать запретное в качестве лекарства, оно становится желанным и необходимым, а это противоречит предписаниям Законодателя. Мусульманский богослов Ибн Кайим аль-Джаузийя обращает внимание на психологическую сторону вопроса, говоря: «Важным моментом для излечения больного является его вера в эффективность данного лекарства и в то, что Аллах даст через него ему Свое благословенное излечение. В сознании мусульманина запретное несомненно с понятиями пользы и благодати, и он не может воспринимать запретное лекарство. Чем богобоязненнее человек, тем отвратительнее ему это лекарство, и эффект для него от его применения будет обратным» [2: с. 115–116].

Вместе с тем шариат предусматривает исключительные случаи. Если для спасения жизни человека понадобился хамр либо то, что включает его в состав лекарства, и нет ему замены, тогда необходимо, чтобы квалифицированный и богобоязненный врач дал добро на применение этого лекарства, так как шариатские правила предусматривают снисхождение. Однако это разрешение должно быть максимально ограничено: «Если же кто-нибудь будет вынужден съесть [вышеупомянутое] без умысла, не будучи нечестивцем и преступающим [предписание], то воистину, твой Господь — Прощающий, Милосердный!» (Коран, 6:145).

В этой связи необходимо отметить, что о вреде алкоголя известно всему миру, и некоторые страны Европы, в том числе бывший Советский Союз и современная Россия, пытались запретить или же ограничить употребление спиртного. Но, как известно, любой запрет приводит к прямо противоположному результату, усиливая желание. Ислам добился успеха в этом благодаря четкой позиции — запрещение алкоголя и всего, что способствует его потреблению.

Наряду со спиртными напитками, недозволенными считаются наркотики и одурманивающие вещества. Необходимо добавить то, что мусульманскому населению религия запрещала употребление только спиртных напитков, а запрет на применение наркотических средств отсутствовал,

несмотря на то, что наркосодержащие растения (мак, опиум, конопля), применявшиеся в медицине и быту, были известны на Востоке с древних времен. И даже в священной для мусульман книге — Коране, которая является основой ислама, по поводу наркомании ничего не говорится. Наряду с этим, мусульманские религиозные источники утверждают, что всякое одурманивающее средство называется по-арабски «хамр» и полностью запрещено мусульманам. Аллах проклял хамр, и тех, кто производит его, и тех, для кого он производится, и тех, кто употребляет его, и тех, кто подает его, и тех, кто носит его, и тех, кому его приносят, и тех, кто продает его, и тех, кто покупает его. Мусульмане не могут войти в состояние вуду, находясь под воздействием наркотика или алкоголя, а также пребывая в полубесчувственном состоянии и рассеянии ума; слово «хамара» означает скрытый, покрытый. «Всякое одурманивающее средство — хамр, и всякое одурманивающее средство запрещено» (Муслим). Хамр — это то, что «затуманивает разум» [5: с. 80]. Все, что перекрывает разум и выводит человека из нормального состояния, является запрещенным Аллахом и Его Посланником до Судного Дня. Наркотики, типа гашиша, кокаина, опиума и им подобных, искажают нормальное восприятие окружающего мира, делая близкое — далеким, а далекое — близким. Человек под наркотическим воздействием теряет контроль над собой и находится в иллюзорном мире, на смену здоровым интересам приходят квазиинтересы. Такой человек отключается от всего: самого себя, своей религии и бытия. Это не только влечет за собой физиологические проблемы: вялость, нервное расстройство, ухудшение самочувствия, но и падение духа, морали, воли, нравственности, чувства долга. В итоге увлечение наркотиками превращает человека в нездорового члена общества, дегенерата. Кроме того, склонность к употреблению наркотиков приводит к разрушению семьи, утрате моральных ценностей, направляя человека на преступление ради приобретения зелья.

Мусульманские законоведы всех времен единодушно запрещали подобные мерзости. Один из таких — Шейх-уль-ислам Ибн Таймийя — сказал: «Гашиш независимо от того, вызывает опьянение или нет, запрещен... Грешные люди курят его, так как находят, что он вызывает восторг и наслаждение, эффект, подобный опьянению алкоголем. Тогда как вино делает человека, пьющего его, буйным и вздорным, гашиш вызывает вялость и апатию, более того, его курение расстраивает разум и изменяет нрав, вызывает постыдные влечения. Это большее зло, чем пьянство. Согласно шариатскому правилу, запретные действия, совершаемые с вожделием, такие, как употребление вина и прелюбодеяние, подлежат наказанию» [4: с. 262]. Гашиш является предметом вожделия для наркомана, от которого ему трудно отказаться. Запрещающие тексты Корана и сунны относятся как к наркотикам, так и к другим подобным вещам.

Принципы и догматы Ислама полностью оправданы целым рядом современных наук. Негативное действие алкоголя и других одурманивающих веществ пагубно влияет на организм, нарушая мыслительный процесс, познавательные способности, интеллект, эмоционально-волевую сферу и др. Во всех случаях пристрастие к употреблению вредных, одурманивающих мозг веществ подрывает морально-нравственные устои человека как субъекта общества, приводит к физической и умственной деградации, духовной бедности, разрушает семьи, приводит к потере работоспособности, безработице, распущенности, невостребованности, бродяжничеству, а нередко — к криминалу.

В мусульманских странах ограничению наркопристрастия во многом способствует наличие ментальных особенностей (менталитет — общепринятая научная категория, отражающая национальное своеобразие культуры, присущий ей тип сознания, образ жизни, традицию и т.д. [3: с. 14]). Одним из элементов ментального образа жизни является синдром стыдливости, непредание огласке негативных сторон жизни. Ментальный образ жизни мусульман сочетается с чувством стыда, которое контролирует их нравственное поведение и удерживает в рамках традиции, не позволяет им выходить за пределы допустимого образа жизни.

Ученые всех направлений для придания большей убедительности, помимо прямых научных доводов, опираются также на базовые религиозные ценности.

Что касается здорового образа жизни, то надо отметить, что общее правило исламского шариата гласит, что мусульманину запрещено есть и пить все, что может привести к мгновенной и постепенной смерти, например яды и вещества, наносящие вред здоровью. Также запрещено есть и пить в больших количествах то, что приводит к болезни. Поскольку мусульманин, являясь частью своей религии и уммы, не принадлежит самому себе, он не должен пренебрегать своей жизнью, здоровьем, имуществом и всем остальным, что даровано ему Всевышним в силу доверия. «И не убивайте самих себя; поистине Аллах к вам милосерден» (Коран, 4:29). Он также подчеркивает: «...и не ввергайте себя собственными руками в гибель...» (Коран, 2:195). В этой связи необходимо отметить вредное влияние табакокурения. Курение табака вредит здоровью, он запрещен (харам), особенно это касается того, кому курение противопоказано врачом. Доказано, что никотин поражает нервную систему, органы дыхания, чувств, пищеварения, кровеносную систему, вызывает онкологию и др. Учеными давно установлено, что табачный дым по содержанию токсичных веществ намного превышает выхлопной газ автомобиля. Если даже не брать во внимание вред здоровью, курение есть напрасная растрата средств, от которой нет пользы в религии и в мирских делах. Тем более что, как и любая другая страсть, курение сопровождается демоническим воздействием.

Известно, что первоначально никотин использовался колдунами и шаманами в мистических целях. Так, для приведения себя в состояние транса индийские и африканские колдуны, кроме ряда наркотических средств, использовали курение. Например, в храме Будо медиумы выполняли действия, напоминающие шаманские: перед прорицанием они с помощью крепкого табака с различными примесями и специально приготовленного одурманивающего снадобья доводили себя до состояния транса. Также известно, что сибирские шаманы перед камланием (т.е. погружением в транс, общением с миром духов и исцелением) употребляют наркотические вещества, куда обязательно входит табак. Предполагалось, что шаманские духи вселяются в шамана и будут питаться дымом. С течением времени мистическое назначение табака утратилось, курить стали для получения удовольствия. Но независимо от понимания этого любителями табака, оккультная, мистическая сущность курения осталась.

Пристрастие к вредным привычкам подрывает материальное благосостояние. Пророк (Мир ему!) запретил расточительность, и этот запрет подталкивает человека на рациональную трату средств, которые необходимы для обеспечения себя или своей семьи.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от употребления алкоголя в мире ежегодно умирают свыше трех миллионов человек, что составляет около 6% всех случаев смерти. По данным ВОЗ ООН, количество наркоманов во всем мире составляет более 48 миллионов человек. Во многих странах употребление наркотиков превратилось в национальное бедствие, и решение этой проблемы требует скоординированных усилий специалистов различных направлений. В этой связи представляется необходимым усилить такую работу по линии религиозного просвещения. Это, прежде всего, представляет особую актуальность в мусульманском мире из-за сохранения пережитков патриархальных отношений, социального неравенства, безработицы, недостатка или отсутствия образования, профессиональной медицины. Не является секретом и то, что на территориях некоторых восточных мусульманских государств выращиваются различные наркосодержащие растения, которые транспортируются затем в различные страны. Кроме того, духовно-нравственные ценности мусульманской религии Ислам представляют актуальность для всего человечества, так как содержат в себе установку на здоровье, благосостояние, жизнь в согласии с Высшим началом — Богом, семейное счастье и благополучие подрастающего поколения, мораль и уважение в обществе и много других благ.

Сейчас, в эпоху глобализации, особенно возросла необходимость в религиозных ценностях исламской религии, основывающихся на высоких духовных ценностях, преследующих благородную цель — воспитание нравственности, психически и морально здорового поколения людей, достойных граждан своей страны. Склонность к вредным привычкам противо-

речит духовности, моральным принципам и нравственным ценностям личности, в особенности у мусульман, веками формировавших моральные устои общества. И поэтому борьба с вредными привычками — это борьба за здоровый образ жизни, за настоящее и будущее всего человечества.

Литература

1. Ибн Каййим аль-Джаузий. Задуль Маад. Т. 3.
2. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002.
3. Фетвы Ибн Таймийи. Т. 4.
4. Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2005.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ РУССКОЙ И ЭФИОПСКОЙ ЦЕРКВЕЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*С.В. ГРИГОРЬЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: svetl-grigor@yandex.ru*

Аннотация: В статье выявлены и охарактеризованы основные этапы русско-эфиопского межконфессионального сотрудничества, дан анализ современного периода двухсторонних межцерковных связей, обозначены факторы, способствующие диалогу культур и конфессий, показана роль религиозных организаций в установлении, восстановлении и развитии российско-эфиопских отношений.

Ключевые слова: межконфессиональный диалог, РПЦ, Эфиопская церковь, сотрудничество.

INTERFAITH DIALOGUE OF THE RUSSIAN AND ETHIOPIAN CHURCHES: HISTORY AND MODERNITY

*S. GRIGORIEVA,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History,
N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Russia, Nizhny Novgorod
e-mail: svetl-grigor@yandex.ru*

Abstract: The report identifies and characterizes the main stages of Russian-Ethiopian interfaith cooperation, analyzes the modern period of bilateral inter-church relations, identifies factors contributing to the dialogue of cultures and faiths, shows the role of religious organizations in the establishment, restoration and development of Russian-Ethiopian relations.

Keywords: interfaith dialogue, ROC, Ethiopian Church, cooperation.

Русская православная и Эфиопская монофизитская церкви имеют давние связи. Не случайно во второй половине XIX в. церковнослужителями,

прежде всего главой Русской духовной миссии в Иерусалиме Порфирием Успенским, рассматривались проекты объединения двух церквей под эгидой Святейшего Синода [10; 11]. Борьба абиссинского народа с итальянскими колонизаторами и установление официальных русско-эфиопских связей в 1898 г. стимулировали в Российской империи интерес к этой африканской стране и ее вере, о чем свидетельствуют обширные разделы, посвященные истории христианизации Эфиопии в дневниках и очерках российских путешественников [3; 5]. Большинство из них отстаивали идею возможности перехода абиссинцев в православие, видели много общего в историческом пути двух стран, догматике и обрядовости русской и коптской церквей. Хотя были и скептики, среди которых следует упомянуть профессора Санкт-Петербургской духовной академии В.В. Болотова, который, основательно проработав данный вопрос [2] и подчеркивая необходимость развития церковных контактов, отстаивал идею невозможности объединения двух церквей на данном историческом этапе.

Таким образом, планы реализации концепции «Москва — третий Рим», предпринятые Порфирием Успенским, способствовали росту интереса русского православного духовенства и правящих кругов Российской империи второй половины XIX в. к истории Эфиопии, ее религии и культуре.

В 1880-е гг. религиозная общность двух стран использовалась российской правящей элитой для маскировки своих колониальных планов на побережье Красного моря. Под духовную миссию была завуалирована русская захватническая экспедиция Н.И. Ашинова 1888–1889 гг., имевшая целью основать в Таджурском заливе Африканского побережья русскую колонию Новая Москва [4: с. 51–92].

Эфиопские негусы также считали близость религии важным фактором сближения двух государств. Имперская форма государственности, тесная взаимосвязь монархических и религиозных институтов, отсутствие у Российской империи явных колониальных интересов в Эфиопии и реальных возможностей их реализации способствовали активизации русско-эфиопских отношений на рубеже XIX–XX вв. Это касается и религиозных контактов. В частности, негус Менелик II (1889–1913) неоднократно обращался к российским представителям с просьбами помочь отстоять эфиопские интересы в Иерусалиме; поспособствовать подготовке квалифицированных кадров для Эфиопской церкви. Первая партия эфиопских студентов приехала в Санкт-Петербург в 1899 г. В их числе оказался будущий министр финансов Эфиопии Такла Наварят [13].

События Великой российской революции 1917 года на некоторое время приостановили развитие двухсторонних контактов, а ориентация Эфиопской империи на страны Антанты стала серьезным препятствием для восстановления отношений в 1920-е гг. К тому же свержение монархии и гонения на церковь, которые активно продвигали русские революционеры,

не могли быть поддержаны в Эфиопии. Отношения возобновились только в 1943 г. на почве борьбы с фашистской агрессией.

Во время Великой Отечественной войны Московскому патриархату разрешили возобновить контакты с христианами за рубежом, что должно было помочь выполнению дипломатических задач советского государства. Представители Русского патриархата были отправлены во многие государства Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки с целью возобновить связи между православными церквями. Для повышения эффективности межцерковного диалога в 1946 г. в Московской патриархии был создан Отдел внешних церковных связей.

Важные изменения произошли и в истории Эфиопской церкви, которая в 1959 г. обрела автокефалию, что способствовало активизации церковных связей. В 1959 г. Эфиопию посетила делегация РПЦ во главе с начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Никодимом. В том же 1959 г. состоялся ответный визит: митрополит Харарский Феофил с коллегами прибыл в СССР. В Одессе состоялась встреча делегации Эфиопской церкви с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I. Стороны договорились о сотрудничестве и взаимной поддержке, обмене паломническими группами, официальными делегациями, информацией, содействии экуменическому и миротворческому движениям, подготовке священнослужителей для Эфиопской церкви в высших духовных учреждениях Советского Союза в Ленинграде и Загорске [7]. Эта задача была успешно решена, Эфиопская православная церковь в период с 1966 по 1974 г. послала в Страну Советов около 25 студентов для получения высшего духовного образования [13]. По возвращении в Эфиопию выпускники духовных академий СССР заняли важные посты в эфиопской церковной иерархии — среди них начальник Отдела внешних связей Эфиопской православной церкви Абба Хабте Селассие [13], архиепископы Тимофей Хабтеселласие Тесфа и Габриэль Петрос Ийясу [12].

Визиты на самом высоком церковном уровне состоялись в 1970-е гг. В 1974 г. Эфиопию посетила делегация РПЦ во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом, а в 1978 г. состоялся ответный визит Патриарха-Католикоса Эфиопии абуны Текла Хайманота в Москву.

После распада СССР и падения режима Менгисту Хайле Мариама в Эфиопии двусторонние контакты ослабли. В 1990-е гг. НДРЭ была вовлечена в конфликт с Эритреей, новая Россия переживала время становления новых рыночных отношений и институтов, политических и социальных реформ. На смену идеологическим и политическим приоритетам во внешней политике России в отношении Африканского континента пришли приоритеты экономические. Наследница Советского Союза — Российская Федерация — потихоньку сдавала свои позиции в африканских странах. На какое-то время угасли и церковные контакты.

Однако в начале 2000-х гг. стало приходить понимание того, что полицентричность современного мира предполагает многовекторность внешней политики, развитие партнерских дружественных отношений с разными странами и народами. Началось возвращение российской дипломатии на Черный континент, в том числе и в Эфиопию. Определенный импульс развитию двухсторонних связей был дан в ходе совместного празднования 100-летнего юбилея установления русско-эфиопских отношений в 1998 г. Возобновились и межцерковные контакты.

Особенно заметной их активизация стала в последние годы. Основные направления межконфессионального сотрудничества на современном этапе были обсуждены и сформулированы в коммюнике по итогам встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Патриарха-Католикоса Эфиопского абуну Матфия 15–20 мая 2018 г. в Москве. К ним относятся:

- совместная поддержка страдающих братьев и сестер на Ближнем Востоке и в Африке;
- выработка солидарной позиции по вопросу защиты традиционных нравственных ценностей;
- обмен опытом работы в медийном пространстве и в сфере выстраивания отношений с общественными институтами;
- организация взаимодействия в области социальной работы и диаконии;
- обмен опытом миссионерской работы;
- активизация контактов в академической сфере. В частности, возобновление практики обучения студентов из Эфиопии в русских духовных школах;
- налаживание сотрудничества в области церковного искусства и производства церковной утвари [6].

Для системного развития взаимодействия было принято решение создать двустороннюю комиссию по диалогу между Русской православной и Эфиопской церквями, которая начала свою работу 21–25 января 2019 г. в Аддис-Абебе [12].

Эфиопская церковь, объединяющая около 60 миллионов верующих, является одной из крупнейших в мире, она имеет 63 епархии и около 500 тысяч священников, которые служат в 45 тысячах храмах. Это христианская церковь на Африканском континенте, берущая свое начало с апостольских времен, в настоящее время является интересным направлением паломнического туризма. К местам паломничества можно отнести древний Аксум — первую столицу Эфиопии, где в IV в. проповедовал святой Фрументий, а местный царь Эзана одним из первых в мире придал христианству статус государственной религии. Лалибелу — высеченный в скалах уникальный комплекс храмов XII–XIII вв. Гондер — столицу Эфиопии

периода правления в стране христианских государей XVII–XIX вв. Посещение мест, связанных с историей христианства в этой стране и ознакомление с современной жизнью христиан в Эфиопии для создания соответствующих медиаматериалов стало важной задачей нескольких поездок делегации церковных и светских СМИ из России [12]. О значении данного направления межцерковного и межгосударственного сотрудничества говорит тот факт, что на открытии в декабре 2017 г. прямого рейса «Эфиопских авиалиний» из Аддис-Абебы в Москву авиакомпания «Эфиопские авиалинии» в аэропорту Домодедово присутствовал лично Предстоятель Эфиопской церкви [12].

Кроме прочего, важным направлением международной деятельности РПЦ является совместное отстаивание многополярного устройства глобального мира.

Цели и задачи внешней церковной деятельности в 2021 г. были дополнены Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в его Обращении по случаю 75-летия Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, где Предстоятель РПЦ особо выделил новые вызовы, с которыми столкнулась внешняя церковная деятельность в последнее время. Один из них — это гонения на христиан во многих странах мира, особенно на Ближнем Востоке и в Африке, и необходимость «высказать свой голос в защиту преследуемых христиан как в диалоге с политическими, религиозными и общественными лидерами, так и на площадках всевозможных международных государственных и общественных организаций, напоминая миру о реальном положении наших страждущих братьев и сестер» [9]. В частности, большую озабоченность Московского патриархата вызывает положение христианского населения в Эфиопии, которое в 2019–2021 гг. подвергалось систематическим атакам со стороны боевого крыла «Фронта освобождения Оромо» [8; 14]. По просьбе Эфиопской церкви Московский патриархат предпринял усилия по привлечению внимания мировой общественности к теме гонений на христиан в Эфиопии; Патриарх Московский и всея Руси Кирилл направил Патриарху Эфиопскому абуне Матфию и Премьер-министру ФДРЭ А. Али письма с выражением обеспокоенности тревожным развитием ситуации и выражением поддержки. В декабре 2020 г. была организована международная онлайн-конференция «О положении христиан в Африке», на которой выступили представители крупнейших христианских церквей стран Экваториальной Африки.

Таким образом, в развитии русско-эфиопских межконфессиональных связей можно выделить три этапа. Первый — дореволюционный, с середины XIX в. до 1917 г., характеризовался активными контактами, поддержкой церковью в Иерусалиме, планами объединения под эгидой православия. Близость православия и коптского монофизитства стали

важной платформой для налаживания русско-эфиопских межгосударственных связей. На втором — советском — этапе межконфессионального сотрудничества (1959–1991) церковь стала важным геополитическим ресурсом для пропаганды советского строя по миру в странах с православным населением. Эту общественную организацию активно использовала как советская сторона в налаживании дипломатических и культурных контактов, так и Эфиопская империя, а впоследствии и НДРЭ.

Третий — современный — этап (1991 — наши дни) отличается активизацией межконфессионального диалога. У двух церквей схожие позиции в вопросах поддержки христианского населения Ближнего Востока и Африки; солидарная позиция в деле защиты традиционных нравственных ценностей; готовность сотрудничества с властями в налаживании культурных связей между двумя странами. Диалог осуществляется в разных формах: путем регулярного обмена делегациями, совместного участия в межконфессиональных международных конференциях и форумах, обмена опытом в различных сферах, взаимной поддержке и взаимопомощи в сложных жизненных ситуациях, академической мобильности студентов и преподавателей духовных учебных заведений. Таким образом, РПЦ и Эфиопская церковь играли и продолжают играть важную роль в развитии российско-эфиопских отношений.

Литература

1. Безбородов М.И. Международная деятельность Русской Православной Церкви: внешнеполитические позиции и сотрудничество с государством // Социум и власть. 2010. С. 84–89.
2. Болотов В.В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии: I. К вопросу о соединении абиссин с православною церковию. II. Богословские споры в эфиопской церкви / [Соч.] В. Болотова. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 111 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Bolotov/neskolko-stranits-iz-tserkovnoj-istorii-efiopii/ (дата обращения 17.01.2022).
3. Булатович А.К. С войсками Менелика II. М.: Глав. ред. вост. лит., 1971. 352 с.
4. Григорьева С.В. Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого: Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2014. 200 с.
5. Долганев Е.Е. Страна эфиопов (Абиссиния). СПб.: Паровая скоропечатня И.А. Богельман, 1896. 249 с.
6. Коммюнике по итогам встречи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла со Святейшим Патриархом-Католикосом Эфиопским абунуей Матфием. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5206039.html> (дата обращения: 17.01.2022).
7. Нелюбов Б.А. Древние восточные церкви. Эфиопская церковь // Альманах «Альфа и омега». 1998. № 16, 17. URL: <https://www.pravmir.ru/drevnie-vostochnyie-tserkvi-2/> (дата обращения: 17.01.2022).

8. О положении христианского населения в странах Африки. 27 апреля 2021 г. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5803081.html> (дата обращения: 17.01.2022).
9. Обращение Святейшего Патриарха Кирилла в связи с 75-летием Отдела внешних церковных связей Московского патриархата // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5813303.html> (дата обращения: 17.01.2022).
10. Порфирий (Успенский Константин Александрович). Богослужение Абиссинов. Киев, 1869. 77 с.
11. Порфирий (Успенский Константин Александрович). Участие России в судьбе Абиссинии // Труды Киевской Духовной Академии. 1866. № 8. С. 415–440.
12. РПЦ. Официальный сайт Московского патриархата. Межрелигиозные отношения. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5843268.html>
13. Руппрехт Т. «Африканские братья по вере»: Россия, СССР и их «эфиопская политика» (вторая половина XIX — конец XX века) // Неприкосновенный запас. 2016. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/3/afrikanskie-bratya-po-vere-rossiya-sssr-i-ih-efiopskaya-politika.html> (дата обращения: 17.01.2022).
14. Страдающая церковь. Интервью с митрополитом Волоколамским Иларионом (Алфеевым) // Российская газета. 2020. 2 октября.

СОВРЕМЕННОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ В ПОЛЬШЕ

*И.Ю. БРОВЧЕНКО,
научный сотрудник Архива Российской академии наук,
Россия, г. Москва
e-mail: ig.brow@ya.ru*

Аннотация: Статья посвящена современному религиозному состоянию в Польше. В качестве источников использованы материалы Ватикана, Германии и Польши. Рассмотрение проблемы показало, что идет сложный взаимосвязанный процесс между основными государственными институтами — религией, политикой, экономикой и культурой. Одновременно заметны различия их развития в отдельных регионах, будь то страна, иная часть света или континент. Исследование отмечает наличие результатов среди процессов, происходящих в современном религиозном и политико-экономическом институтах, которые требуют дополнительного изучения.

Ключевые слова: религия, Польша, Германия, общество, католицизм, культура, церковь, церковная статистика, современность, государство.

MODERN RELIGIOUS STATEMENT IN POLAND

*I. BROVCHENKO,
Research fellow in Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow
e-mail: ig.brow@ya.ru*

Abstract: The article is dedicated to the modern religious statement in Poland. The materials of Germany, Poland and the Vatican were used as sources. The investigation showed complex interrelated process between main state institutions, such as religion, politics, economics and culture. At the same time we can see the differences in different regions as a country even a continent. The research points to results among processes occurring in modern religious, political and economical institutions. The results are necessary to be investigated.

Keywords: religion, Poland, Germany, society, Catholicism, culture, church, clerical statistics, modern time, state.

Современный мир характеризуется не только многообразием, присущим ему быстрым темпом развития общественных, институциональных, культурных и экономических процессов.

Если взять временной промежуток в 15–20 лет, то можно заметить, что в образе священника нашей современности произошли ощутимые пе-

ремены. Это связано с развитием и доступностью компьютерной техники, связи и Интернета. Имеется масса различных возможностей распространить новость, рассказать о предстоящих изменениях, и всё это лишь за считанные секунды. Существует великое разнообразие социальных сетей и новостных лент, а кроме того, масса всевозможных компактных устройств помогают нам в этом. Стартап-фирмы, крупные компании и даже большие корпорации используют все эти средства для распространения информации о себе и о том, что они хотят показать обществу в целом и каждой личности в отдельности.

Современная церковь как социальный институт государства и неотъемлемая часть общества не остается в стороне, используя возможности Интернета, телевидения, социальных сетей и т.д. Но можем ли мы сказать, что тем самым меняется лицо современного священнослужителя? Скорее меняется его внешний вид, скорость и охват распространения информации. Конечно, это тоже оказывает влияние на человека как прихожанина и на человека как священнослужителя. Это также влияет на скорость происходящей в мире глобализации, которая, в свою очередь, связывает города, регионы, страны и континенты между собой, тем самым давая возможность и заставляя людей перемещаться чаще и дальше. Частое перемещение людей и быстрое проникновение информации дает возможность прийти к вере многим другим людям, которые живут в совершенно разных местах, отдаленных от исторического и культурного центра развития Церкви. Под воздействием этих процессов сфера влияния и распространения Церкви увеличивается и выходит за рамки государственных границ, этнической территории и языкового пространства.

Будущие священнослужители выезжают на обучение в другие страны, пишут научные исследования в университетах (духовных академиях) разных городов и государств. Но, к сожалению, количество священнослужителей в некоторых странах снижается (равно как и количество прихожан), поэтому главенство Церкви вынуждено высылать священников из других регионов и даже стран. Например, в Германии, в южной ее части, исторически католической Баварии и Швабии, количество местных немецких священников резко упало за последние годы. Возможно, это связано с современным атеистическим, «агностическим» образом жизни. Местные приходы не могут обеспечить наличие священников повсеместно. Это приводит к тому, что приходы, особенно в деревнях, остаются без священнослужителя, и они вынуждены обращаться к главе диоцеза или писать в Ватикан напрямую, чтобы им назначили (выслали) священника в приход. Поскольку среди местного населения всё сложнее найти священника, готового возглавить паству, Ватикан высылает к ним священников из других частей канонической территории, где ситуация обстоит совершенно иначе. В результате таких манипуляций в Германию приез-

жают священники абсолютно из разных частей света, включая Африку, Юго-Восточную Азию или Южную Америку. Приезжают именно для того, чтобы возглавить местную баварскую паству, не зная немецкого языка, не говоря уже о местном непростом диалекте. Поначалу мессы проходят довольно затруднительно, так как люди и священник совершенно не понимают друг друга, но со временем он начинает учить язык и понимать людей, и ситуация сглаживается. Такая ситуация парадоксально имеет положительную сторону для прихода. Приезжая в новый приход, священник привносит на протяжении долгого времени что-то новое — то, чему он научился у себя на родине, в своем приходе. Он показывает и рассказывает, как в разных странах и в разных частях света существуют свои собственные реалии, которые оказывают влияние на проведении мессы и молитв и даже на отношение к Богу. Как результат, жители баварской деревни, не покидая своих родных полей, узнают о мире много нового, узнают о разных точках зрения на церковные вопросы, а также учатся смотреть на ту же самую ситуацию и тот же самый предмет с другого ракурса, ранее им не открытого. Конечно, местные жители в не меньшей степени оказывают влияние на нового священнослужителя — он набирается нового опыта, знаний и узнаёт о местных традициях. Зачастую священники воспринимают этот новый опыт и пропускают его через себя, а затем делаются им в других новых приходах, где бы те ни находились [2].

Немного иная ситуация происходит в Польше. Вначале стоит отметить то, что показатели роста числа людей, исповедующих католицизм, разнятся в зависимости от стран и континентов. Общее же число католиков в мире за последние годы увеличилось. Например, согласно результатам, опубликованным пресс-службой Ватикана [5], рост составляет 1% с 2014 по 2015 год (с 1,272 млрд до 1,285 млрд). Особенно большой рост числа католиков наблюдается в Африке, далее идут Америка и Азия, Европа же испытывает стагнацию в росте числа верующих и даже небольшую отрицательную динамику. Согласно подсчетам Ватикана, количество католиков в мире составляет 17,7%, а в Европе — 56,3%. Польша — один из немногих регионов Европы, где наблюдается явный рост числа католиков.

Результаты Института Статистики Католической Церкви (“Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego”, в дальнейшем — ИСКЦ) показывают рост и падение числа людей, желающих вступить на путь священнослужителя. Результаты за период 1991–2011 гг. показывают, что число диоцезов выросло с 27 до 44. Число епископов также увеличилось со 106 до 133, а кардиналов с 3 до 6. Как сообщает ИСКЦ, выросла численность приходов с 9089 (1993) до 10 201 (2012). Что касается греко-католиков, то число их приходов также увеличилось с 63 (1993) до 134 (2012). Начиная с 1990 г. число ксендзов увеличилось на 33%. Наибольший процент увеличения священнослужителей и прихожан наблюдается в Тарновском диоцезе [4].

Число священнослужителей на число католиков

Общая статистика указывает на тот факт, что большинство людей, относящих себя к католикам, а также самая высокая динамика роста находятся в юго-восточной части страны. Обусловлено ли это экономическим состоянием Польши, так как наименее финансово-развитым регионом является восточная Польша? Эти регионы еще не полностью восстановились после резких изменений, произошедших в конце 80-х — начале 90-х годов в связи со сменой политического курса.

Исследователи из ИСКЦ отмечают, что значительную роль в росте числа священнослужителей и приходов сыграл тогдашний Папа Римский Иоанн Павел II. Что касается возрастной статистики, то польское духовенство в целом молодое, хотя в последние годы наблюдается динамика «старения». Например, в 2010 г. больше половины духовенства было в возрасте моложе 50 лет, а почти 30% оставалось в рамках до 40 лет. Наибольший рост молодых людей, заканчивающих духовные заведения и принимающих сан в возрасте 18–22 лет, наблюдался в 2000–2004 гг. После этого фиксируется постепенный спад.

Данные ИСКЦ о посещаемости воскресных служб и причащающихся свидетельствуют о том, что немалую роль также играет расположение приходов и диоцезов [3]. В Польше статистика показывает, что наиболее верующие регионы — юго-восточная Польша и восток страны. На это могут

влиять два фактора: экономический и исторический. Например, как упоминалось выше, экономическим фактором могла стать резкая смена политико-экономического курса после окончания Варшавского договора. Многие промышленные фабрики и шахты были закрыты, а народ начал мигрировать на Запад. Исторической составляющей является период после Второй мировой войны, когда был подписан документ о прекращении существования Пруссии, и часть ее земель передавалась Польше и Украинской советской республике. Тогда большинство поляков переселялось из регионов с довольно сильной религиозной составляющей (сегодня это западная территория современной Украины) на территорию современной восточной Польши и частично на север страны.

Интересен тот факт, как финансируется католическая церковь в Польше. Стоит отметить, что в польской конституции от 1989 г. отношения между церковью и государством (вновь закрепленные в 1997 г.) являются «дружелюбными», так называемое «дружественное отделение церкви от государства» (*przyjazny rozdział Kościoła od państwa*). Финансовая сторона католического костёла в Польше всегда считалась непубличной темой. Официальная информация о финансовом положении появилась лишь единожды в 2012 году, когда информационное католическое агентство (*Katolicka Agencja Informacyjna*) подготовило рапорт для консультации с епископатом. Публикация этого рапорта показала огромную диспропорцию в финансовом положении церкви. Годовые доходы парафий колеблются от 30 тыс. до 400 тыс. злотых. Например, средний «доход» после воскресной мессы в маленькой деревне близ Тарнова составляет 487 злотых, в то время как в большой городской парафии — 4000 злотых. Отсюда следует и большая разница в «зарплатах» священнослужителей, она колеблется от 800 до 5500 злотых в месяц. Согласно рапорту, государство также финансирует церковь в размере 500 млн злотых, а помимо этого выделяются деньги на высшее духовное образование (свыше 200 млн злотых), реновацию церковных памятников (свыше 26 млн) и на благотворительную организацию «Каритас» (около 5 млн). Дополнительно имеет место финансирование фондов ЕС на модернизацию и реновацию церквей после «социалистического периода» (свыше 120 млн злотых) [1]. После 2012 года больше не публиковалось ни одного официального рапорта о финансировании католической церкви в Польше. На сегодняшний день эта сторона вызывает больше всего споров, а порой даже скандалов в польском обществе. Вероятно, это вызвано тем, что не имеется единой официальной информации, поэтому каждый год появляются всё новые слухи и сплетни о финансировании церкви, и среди такого количества информации очень сложно выявить, где правда, а где ложь.

Таким образом, рассмотрение данной проблемы констатирует, что религиозное состояние Европы тесным образом переплетается с проблемами

социально-экономического, политического и культурного развития стран. Этот процесс, отраженный в исследовании, показывает, что он сопровождается различными результатами, которые влияют на развитие взаимоотношений как индивидов, так и государственных институтов.

Литература

1. Manna dla nieba. URL: https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1764232,1,ile-zarabiaja-ksieza.read?fbclid=IwAR14wSBWcuZROgyIVcAsPaWELTvGGjeD7FJO3Ihud1Q_m7WK2J_7JtXBG7I (дата обращения: 05.03.2022).
2. Modernes Gesicht des Pfarrers. Süddeutsche Zeitung Nr. 135, Mittwoch/Donnerstag, 14./15. Juni 2017.
3. Praktyki niedzielne Polaków — Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego. URL: http://www.iskk.pl/badania/religijnosci/211-praktyki-niedzielne-polakow-dominicantes?fbclid=IwAR2S_tE0uSSlytGroTDxneOloUecKW0Thi4uoX_P-D_xJqnd4hEnoYjAxLw (дата обращения: 06.03.2022).
4. Statystyka sakramentów — Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego. URL: http://www.iskk.pl/badania/diecezje/213-statystyka-sakramentow?fbclid=IwAR3dhfRQSYqQkZuP_eFmopAMFUDpDYddiF9mZNV1tyZ-9CQ27wK96XLYntk (дата обращения: 06.03.2022).
5. The Pontifical Yearbook 2017 and the „Annuario Statisticum Ecclesiae” 2015, 06.04.2017. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2017/04/06/170406e.html> (дата обращения: 06.03.2022).

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА — КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО МОНАШЕСТВА И ДРАГОЦЕННОЕ СОКРОВИЩЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

*С.В. ЯРЦЕВ,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и археологии,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н Толстого,
Россия, г. Тула
e-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена истории и актуальным проблемам Киево-Печерской Лавры. Раскрывается ключевая роль Печерского монастыря в развитии русского монашества. Автор приходит к выводу, что Киево-Печерская Лавра является бесценной национальной святыней русского народа.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, Киево-Печерская Лавра, монашество.

KIEV-PECHERSK LAVRA IS THE CRADE OF RUSSIAN MONASHRY AND A PRECIOUS TREASURE OF ANCIENT RUSSIA

*S. YARTSEV,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula
e-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Abstract: The article is devoted to the history and current problems of the Kiev-Pechersk Lavra. The key role of the Pechersky Monastery in the development of Russian monasticism is revealed. The author comes to the conclusion that the Kiev-Pechersk Lavra is a priceless national shrine of the Russian people.

Keywords: Ancient Russia, Kyiv, Kiev-Pechersk Lavra, monasticism.

История Киево-Печерской Лавры насчитывает уже почти тысячу лет. Она неразрывно связана с началом становления русского государства, распространением христианства, а также возникновением необходимости присутствия зримого воплощения Царства Божия на русской земле.

В качестве Святых православия Печерская обитель является неисчерпаемой духовной сокровищницей Святой Руси и всего православного народа.

Еще в XI в., недалеко от села Берестово под Киевом, в небольшой выкопанной пещерке, нашел свое уединение знаменитый Иларион — автор слова «О Законе и Благодати», ставший вскоре после этого, по решению Ярослава Мудрого в 1051 г., первым русским по происхождению киевским митрополитом. Не случайно в одном из лаврских преданий митрополита Илариона отождествляют с Никоном Великим, почивающим в пещерах Лавры [1: с. 4; 2: с. 5]. К этому времени из Эсфигменского афонского монастыря в Древнюю Русь возвращается преподобный Антоний Печерский. Он был русским человеком из города Любеча под Черниговом и в свое время, отправившись паломником в Константинополь и на Святую Гору Афон, принял там монашеский постриг с именем Антоний. Сохранилась легенда, по которой постригавший Антония игумен Феоктист благословил монаха словами: «Антоние, иди паки в Русию, Богу тако хотящу...» [1: с. 6].

Большинство исследователей считают, что преподобный Антоний поселился в районе Дальних пещер будущей Лавры в 1051 году (поэтому именно этот год сейчас считается датой начала основания Киево-Печерского монастыря). Этот духовный подвиг сразу же привлек внимание русской знати и простых горожан, которые стали все чаще приходить к Антонию за благословением и духовным советом. Некоторые из последователей решили даже остаться рядом с преподобным. Они стали жить в пещерах, известных еще со времен Илариона, но благодаря их трудам все более расширявшихся. Предполагается, что здесь были также использованы древние, так называемые Варяжские, пещеры, в которых укрывались первые христиане на Руси, бежавшие от преследователей-язычников [1: с. 8].

Постепенно пещеры перестраивались, их число непрестанно росло, увеличивалось и число монашеской братии. Жизнь монахов проходила в непрестанной молитве, строгом соблюдении постов, ежедневной работе, борьбе с человеческими слабостями, страстями и искушениями. В этой связи требовалось больше подземных монашеских келий, которые, кстати, сразу создавались исходя из высоты человеческого роста, с учетом удобства передвижения. Вскоре в той самой Иларионовой пещере был создан первый пещерный монастырь. Рядом под землей стали возникать подземные церкви и т.д. В какой-то момент преподобный Антоний, ищущий уединения, решил удалиться от шумной монастырской братии на соседний холм, где стал копать новые пещеры. Тем самым он положил начало соседнему монастырскому комплексу Ближних пещер. По своему смирению он отказался от священства и игуменства, оставшись для монастырской братии отцом и духовным наставником [1: с. 9–10].

За достаточно короткий срок монастырские пещеры превратились в довольно сложный комплекс подземного поселения, в котором уединялись те, кто хотел отречься от погрязшей в грехах мирской жизни, спасти свою душу и найти Бога. Некоторые монахи решались на личный подвиг, фактически замуровывая себя в кельях и оставляя для общения с миром только небольшое окошко. Такие монахи там же и оканчивали свой земной подвиг [1: с. 10].

В 1060–1062 гг., когда число монастырской братии превысило несколько десятков человек, над самыми древними Дальними пещерами были возведены деревянные кельи и церковь Успения Божией Матери. Далее (в 1073–1078 гг.) на месте выпадения росы и схождения огня с неба по молитвам преподобного Антония князем Святославом Ярославовичем был возведен Успенский собор в качестве главного храма монастыря. Его наружное и внутреннее убранство отличалось красотой и великолепием. Стены были покрыты мозаикой и росписью, крест на куполе был из чистого золота [2: с. 21–23]. Вскоре (в 1108 г.) рядом с Успенским собором черниговским князем Святославом Давыдовичем, который принял постриг и сам стал монахом обители, была возведена надвратная Троицкая церковь, во многом сохранившая свой первоначальный древний облик. Надо сказать, что своей конструкцией и изящными формами она сильно напоминает Благовещенскую церковь над Золотыми воротами Ярослава Мудрого [7: с. 14]. Так как преподобный Антоний отказался от игуменства, старшим над братией был поставлен преподобный Варлаам. Однако после того как он был назначен Изяславом Ярославовичем в «родовой» Дмитриевский монастырь, печерским игуменом был избран преподобный Феодосий. Именно он на основании устава Студийской обители Константинополя составил устав Печерского монастыря, который был впоследствии принят всеми русскими монастырями [1: с. 10].

После возведения Успенского собора большинство монахов переселились в район современной Верхней Лавры. Одновременно, после погребения в пещере преподобного Антония в 1073 году, подземелье начинают использовать не только в качестве молитвенного уединения, но и с целью захоронений представителей монашеской братии. Такой, казалось бы, необычный погребальный обряд был подробно прописан в Студийском монастырском уставе. Следуя ему, умершего монаха вначале помещали в специально выкопанную локулу, вход в которую тщательно замуровывался. Локула выглядела как специальная ниша глубиной до двух и шириной до половины метра [2: с. 5–6]. Через три года место погребения вскрывалось, и кости складывались в специальные хранилища — костницы. Но, в случае с Киево-Печерской Лаврой, очень скоро выяснилось, что многие тела подвижников после вскрытия локулы оказывались нетленными.

Более того, тела святых, которые даже за сотни лет не подверглись разрушению, источали благоухание и исцеляли многочисленных паломников. Мощи таких святых решено было оставлять там, где они и были погребены (в локулах), здесь же размещались иконы и указывались подвиги, которыми славились преподобные [1: с. 11]. Так как в Древней Руси обретение нетленных мошей являлось одним из главных признаков праведника, возникла необходимость систематизации и увековечивания памяти печерских подвижников. Всё это в полной мере и отразил «Печерский патерик», составленный в начале XIII в.

В ходе татаро-монгольского завоевания Печерский монастырь сильно пострадал и пришел в запустение. В конце 1240 г. захватчики, взяв Киев, разграбили не только св. Софию, но и все окрестные монастыри, а людей «от мала и до велика вся убиша мечем» [12: с. 176]. По словам Плано Карпини — посланника папы Иннокентия VII, проезжавшего Киев в 1246 году, он видел лишь «неисчислимые головы и кости мертвых людей, которые лежали на поле, ибо город этот был очень большим и многолюдным; а теперь он низведен почти ни на что, едва имеется там 200 домов, а людей держат они в тяжелейшем рабстве» [4: с. 25]. Есть предположение, что именно Ближние пещеры Печерского монастыря, судя по обнаруженным многочисленным костям, стали местом массового погребения русских людей, погибших от рук завоевателей [1: с. 14].

Восстанавливаться древнейшая сокровищница Древней Руси стала лишь со второй половины XIV века при литовских князьях. Со временем переписывается «Печерский патерик», появляется должность блюстителя пещер, вновь возобновляются погребения в локулах. В 1643 г. составляется «Канон Печерским святым», а в 1762 году Русская Православная Церковь признает Печерских святых общерусскими [1: с. 14–17]. К этому времени Киево-Печерская Лавра превратилась в самый настоящий русский Иерусалим — главный центр паломничества русских верующих [2: с. 7]. Конечно, этому способствовало возвращение Киева в состав русского государства по итогам тридцатилетней войны с Речью Посполитой в 1654–1667 гг. Именно с этого времени на фоне увеличения потока паломников в Лавру начинаются работы по реконструкции обители: стены и своды укрепляются кирпичной кладкой, узкие места расширяются, мощи святых перекадываются из локул в специальные раки, которые устанавливаются в нишах стен. В 1745 году по проекту архитектора И.Г. Шеделя заканчивается возведение четырехъярусной колокольни — главной высотной доминанты Лавры. Ее высота вместе с крестом составляет 96,5 м [8: с. 16]. В этом же XVIII веке оформляется и церковный наземный комплекс Нижних пещер. Это Крестовоздвиженская церковь с тремя позолоченными куполами, возведенная П. Герциком в 1700 г., а также колокольня 1763 года, построенная С. Ковниром и С. Итальянцем, внутри

которой и стала располагаться галерея, ведущая в нижние пещеры [10: с. 18]. В 1895 году по проекту академика архитектуры В. Николаева в византийском стиле возводится Трапезная церковь с Трапезной палатой. Именно здесь, у северной стены, находится погребение премьер-министра России А.П. Столыпина [9: с. 17]. В самих пещерах в XIX веке мощи святых были размещены в новые раки, которые были специально изготовлены из кипариса, дуба и липы. Перед каждой из них была размещена икона святого, написанная на меди лучшими мастерами-иконописцами. Пол пещеры был вымощен чугунными плитами, изготовленными в Туле [1: с. 17–18, 28].

В советское время Киево-Печерская Лавра вначале функционировала как музей, что однозначно является положительным моментом, так как началось научное исследование этого уникального памятника русской истории и культуры. В дальнейшем, уже в период немецкой оккупации Киева в 1941 году, фашистами был взорван Успенский собор — жемчужина Лавры. Перед взрывом собор был полностью разграблен, а сам момент взрыва запечатлен немцами на киноленту [13]. Возобновившиеся вскоре богослужения вновь прервались на небольшой срок (1961–1965 гг.) в период хрущевских гонений на Церковь [1: с. 44–45]. В 1988 году нижняя территория Лавры была полностью передана Русской Православной Церкви. Началось восстановление святой обители [1: с. 51; 2: с. 10–11].

Однако вскоре после распада государства в 1991 году Киево-Печерская Лавра вновь оказалась оторванной от России. Начались тяжелые времена — годы гонений и противостояния с недругами православия и русской культуры. Правда, в первые годы после этой катастрофы люди еще пытались сохранять единое культурное пространство распавшейся страны, возрождали и отстраивали святую для всего народа древнюю Печерскую обитель. В 1998–2000 гг. усилиями мэра А.А. Омельченко был полностью восстановлен Успенский собор Лавры [13]. Однако в дальнейшем всё большую активность стали проявлять внешне, враждебные единству страны и силы. Из-за отсутствия должного внимания вскоре появилась угроза разрушения лабиринтов пещер, что в любой момент может привести к человеческим жертвам и утрате святыни Русского Православия. Это происходит из-за увеличения уровня увлажненности грунтов, многолетней амортизации и плохого состояния инженерных подземных коммуникаций [5]. Не менее серьезная проблема исходит сейчас от раскольников, которые активно захватывают храмы Украинской православной церкви Московского патриархата. Нападению подвергаются и священнослужители. Сообщения об угрозах убийства поступают из разных мест Украины [11; 6]. Более того, на современный момент каноническая православная церковь оказалась вообще под угрозой полного уничтожения. В Верхов-

ной раде уже прошел регистрацию законопроект «О запрете Московского патриархата на территории Украины», который предусматривает национализацию и инвентаризацию всего имущества церкви [3].

Колыбель русского монашества и драгоценное сокровище Древней Руси — Киево-Печерская Лавра испытывает сейчас колоссальное давление от людей, добровольно отлучивших себя от Бога и Церкви. Место, где почивают первый русский историк Нестор Летописец, богатырь и монах Илья Муромец, первый русский иконописец преподобный Алипий, воины, святые целители, выдающиеся русские государственные и церковные деятели, является бесценной национальной святыней русского народа. Надеемся, что нравственный подвиг печерских иноков лучом света поможет растопить лед вражды, недопонимания и греховных помыслов, способствуя сохранению в наших сердцах яркого примера непревзойденных духовных подвигов.

Литература

1. Ефимова М.Ю. (сост.) Пещеры Киево-Печерской Лавры. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2010. 56 с.
2. Ефимова М.Ю. (сост.) Святыни Киево-Печерской Лавры. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2011. 80 с.
3. Ильяшевич А. «Предатели в рясах»: на Украине уничтожают каноническую православную церковь / RUBALTIC.RU. 19 апреля 2022 г. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20220419-predатели-v-ryasakh-na-ukraine-unichtozhayut-kanonicheskuyu-pravoslavnyuyu-tserkov/> (дата обращения: 19.04. 2022).
4. Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1911. 224 с.
5. Киево-Печерская Лавра заявила об опасности разрушения пещер и угрозе жизни посетителей / ТАСС. 5 июля 2021 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/11827755?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.04.2022).
6. Светов П. «Их можно сравнить с фанатиками»: как на Украине радикалы захватывают православные храмы и преследуют священнослужителей / RT на русском. 12 марта 2022 г. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/974927-fanatiki-radikaly-hramy-zahvat> (дата обращения: 11.04. 2022).
7. Сорокин А. Троицкая надвратная церковь // Православные монастыри. Путешествия по святым местам. 2009. № 4. С. 14.
8. Сорокин А. Большая Лаврская колокольня // Православные монастыри. Путешествия по святым местам. 2009. № 4. С. 16.
9. Сорокин А. Трапезная церковь с Палатой (собор Антония и Феодосия Печерских) // Православные монастыри. Путешествия по святым местам. 2009. № 4. С. 17.
10. Сорокин А. Территории ближних и дальних пещер // Православные монастыри. Путешествия по святым местам. 2009. № 4. С. 18—19.

11. Суворова А. Если нападут националисты, Русская церковь на Украине не продержится и часа / Комсомольская правда. 26 октября 2018 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/26899/3944339/> (дата обращения 11.04.2022).
12. Толочко П.П. Кочевые народы и Киевская Русь. Киев: Абрис, 1999. 200 с.
13. Успенский собор. URL: <https://zavalinka-alexashka.blogspot.com/2018/01/6.html> (дата обращения 19.04.2022).

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*О.Н. СЕНЮТКИНА,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: senutkina@mail.ru*

Аннотация: Среди элементов, составляющих иерархию самоидентификации человека, религия занимает существенную позицию. В условиях наличия богатой палитры конфессий мира явной необходимостью является диалог между религиями, в том числе между христианством и исламом, которые охватывают большинство людей планеты. Этот диалог проходит через всю мировую историю. Автор статьи исследует возможности соприкосновения христианства и ислама через оптику диалога.

Ключевые слова: религия, культура, христианство, ислам, диалог.

CHRISTIANITY AND ISLAM IN THE CONTEXT OF MODERN DOMESTIC AND WORLD CULTURE

*O. SENYUTKINA,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of Department of Philosophy,
History and Theory of Social Communication,
Nizhny Novgorod State Linguistic University of N.A. Dobrolyubov,
Russia, Nizhny Novgorod
e-mail: senutkina@mail.ru*

Abstract: Among components hierarchy of self-identification of the person the religion takes an essential position. In the conditions of a rich palette of faiths of the world obvious need is dialogue between religions, including between Christianity and Islam which cover most people of the world. This dialogue passes through all world history. The author of article investigates possibilities of contact of Christianity and Islam through dialogue optics.

Keywords: religion, culture, Christianity, Islam, dialogue.

«Ключевые тенденции и перспективы взаимодействия между христианской и исламской цивилизациями представляют собой предметную область, проявляющую признаки несомненной приоритетности и высокой значимости для современного мира в целом» [6: с. 143], — отмечают сегодня многие ученые.

Возможности диалога христианства и ислама. Если изучать возможные соприкосновения христианства и ислама через оптику диалога применительно к современным условиям, то следует, по-видимому, задаться вопросом о возможности этого диалога в принципе. Ответ на вопрос дает прошлое, которое подтверждает стремление людей к межкультурной коммуникации в конфессиональном кейсе. Однако негативные тенденции, ведущие к конфликтам, начали выявляться с самого начала соприкосновений исламского мира с христианским.

«Первое столкновение мусульман с христианским миром в лице Византийской империи произошло в 630–632 гг., при вторжении арабо-мусульманского отряда, целью которого было наказание какого-то арабского шейха, чьи владения оказались в пределах имперских границ. Однако карательная экспедиция, возглавленная названным сыном Мухаммада Саидом, была вполне справедливо расценена византийцами как разбойничий набег и фактически полностью уничтожена. Но уже в 634 году, Абу-Бекр — преемник Мухаммада, умершего в 632 году, — объявил поход в Южную Палестину и под Газой нанес сокрушительное поражение византийскому войску. Всего через несколько лет арабы, одержав блистательные победы под Босрой и Йармуком, захватили всю Сирию. Так они начали победоносное шествие, в течение всего нескольких десятилетий сделавшего их хозяевами огромных территорий от Индийского до Атлантического океана» [4]. В пространстве Восточно-Европейской равнины диалогу христиан и мусульман способствовал факт принятия ислама населением Волжской Булгарии [3: с. 27–29], приведший к сближению жизненных пространств христиан и мусульман и развитию соприкосновений и узнавания друг друга.

Опираясь на материалы Интернет-Сети [5; 6], можно разграничить содержательные аспекты подобного диалога: диалог, который ведется в теологическом кейсе, и тот диалог, который является обсуждением реальной жизни (в политической и социальной сфере) представителей разных конфессий (в нашем контексте — христиан и мусульман).

Теоретически можно говорить о первом варианте диалога, поскольку и христианство, и ислам (и, добавим еще, иудаизм) объединяет то, что все эти религии являются авраамическими. Есть примеры общения на теологической почве между христианами и мусульманами. Но далее следует поставить вопрос о смысле такого диалога. Сторонники сближения религий подтверждают его наличие. Но если привлечь точки зрения людей внутри

конфессий, то легко убедиться, что у такого рода диалога много противников. Согласимся с тем, что возможности диалога в богословском ключе весьма ограничены. Взаимодействия христианства и ислама в историческом прошлом говорят в большей степени о различиях между религиями, а не о чем-то общем. Есть много рассуждений об искажениях со стороны мусульман христианской догматики, о более глубоком и единственно правильном, последовательном монотеизме со стороны мусульманского восприятия высших сил [2].

Согласимся с учеными из Дагестана, что «все существующие системы религиозных верований претендуют на универсальную истинность исключительно своих ценностей и, несмотря на определенную схожесть, не могут совпасть в основных, принципиальных с точки зрения конкретной религии, вопросах. Кроме того, хотелось бы обратить внимание еще на один принципиальный момент — догматические постулаты любых религий никак не могут серьезно обсуждаться в ходе дискуссий между представителями различных конфессий (это предопределено объективными характеристиками, заключающимися в самой природе религии). В межконфессиональном диалоге, если он инициируется, речь идет не о том, чтобы постараться любой ценой убедить партнера в собственном видении истины или же перейти к синкретическому согласию» [1].

Сегодня постоянно звучат голоса о бессмысленности диалога христианства и ислама в теологическом ключе. Но это не означает, что мусульмане и христиане не могут выстраивать и не должны выстраивать диалог, касающийся земной жизни: обсуждать социальные проблемы. Если встать на точку зрения обособления конфессий друг от друга, то мы сами будем увеличивать конфликтогенный потенциал обеих сторон.

Примеры диалога христианства и ислама в современных условиях. В современных условиях есть попытки сближения конфессий и усилия по узнаванию и пониманию друг друга. В качестве одного из последних ярких примеров тому можно вспомнить первый русскоязычный перевод третьей энциклики Папы Римского Франциска *Fratelli tutti* («Все братья»), посвященной всеобщему братству и социальной дружбе. Центральная тема энциклики — «культура встречи». «Встреча преодолевает конфликт и безразличие. Встреча сулит плодотворный обмен дарами. Встреча открывает уникальное в каждом участнике» [7]. Эти и многие другие идеи энциклики были вдохновлены встречей Папы Римского Франциска с Ахмадом ат-Тайбом — шейхом Ал-Азхара. «Благим наставлением данной встречи стал призыв к братству, продолжаемый в энциклике *Fratelli tutti*. Без братства, без родства не может быть ни свободы, ни подлинного равенства. Благодаря этому мы можем идти дальше, становиться лучше, исправлять направление. Энциклика *Fratelli tutti* — это беспрецедентный этап в межрелигиозном диалоге. Этот этап отмечен проблемой совместной жизни, про-

блемой социальности. Основой общественного взаимодействия должны стать идея всеохватной Божией милости и любовь к ближнему. В энциклике папы Франциска рассказывается о социальной милости и любви. Всякий, кто заботится о любви и милости, участвует в диалоге. Приглашением к этому диалогу стала энциклика *Fratelli tutti*. Распространение послания Папы Римского на русском языке послужит делу диалога, социальной дружбы, всеобщего братства. Тем самым будет укреплена культура встречи. Перевод обращен ко всем людям доброй воли» [7].

Можно указать на проект «Христианство и ислам в контексте современной культуры», инициированный Бюро ЮНЕСКО в Москве и Бюро ЮНЕСКО в Бейруте, имеющий особое значение для процесса развития диалога культур [6].

Мы еще раз подтверждаем, что отказываться от диалога ни в коем случае нельзя. Но вынуждены признать, что примеры межконфессионального диалога конфессий все-таки единичны.

Факторы, усложняющие проведение конфессионального диалога в современных условиях. Отвечая на вопросы, чем осложняется диалог ислама и христианства в современных условиях и как современный мир меняет характер межконфессионального диалога, мы выявляем необходимость исследовать его особенности в культурологической оптике. А это означает, что обязателен учет факторов влияния на диалог в мире, в котором присутствуют и религиозность, и светскость. Для исследователя важен аспект христианско-исламского диалога в формате современной мировой культуры.

Если культура — это возвращение и укрепление творческой деятельности человека во имя реализации гуманных целей, то именно диалог и позволяет религиям не сталкиваться, а находить общие точки соприкосновения.

Однако есть сложности современного мира. Применительно к современности, прежде всего, скажем о так называемой культуре отмены или культуре исключения. Словосочетание «культура отмены» возникло в США и Европе как социально-политический термин, означающий современную форму остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах, как в онлайн-среде и в социальных медиа, так и в реальном мире.

В настоящее время подвергается культурному отчуждению всё русское. Значит, и православная христианская, и исламская традиции, стабильно занимающие сильные позиции в российской культуре, также могут быть подвергнуты остракизму.

Из многих проблем в контексте избранного нами сюжета можно назвать специфику поликультурного пространства, выраженного формулой

«культура — единство в многообразии». Формулу надо поддерживать и не руководствоваться культурой исключения.

Вот это самое многообразие культурных традиций и культурного бытия и создает сложности для христианско-исламского диалога.

Дело в том, что диалог происходит в конкретике той или иной культурной среды. А она, в свою очередь, несет в себе разнообразие сочетаний секулярного и религиозного. Соотношение этих культурологических величин имеет серьезные различия в разных локальных цивилизациях.

Современный мир демонстрирует не только тенденцию укрепления светскости, но и значительное движение к большей религиозности. При рассмотрении диалога христианства и ислама в современной культурной среде приходится постоянно иметь в виду светскую составляющую поликультурного пространства. Рассуждая о нем, приходится искать сочетание сакральности и секулярности.

Таким образом, исследование диалога становится все более сложным делом для ученого, и сегодня все сложнее становится говорить о межконфессиональном диалоге. Но надо ли от него отказываться? Конечно, нет. Иначе будет теряться то, что составляет суть человеческих взаимодействий. Академическому сообществу следует продолжать поиск механизмов сближения людей, а не их разделения. Последствия отказа от диалога могут быть более вредоносными, нежели, пусть даже слабые, попытки вести этот диалог, несмотря на осложняющиеся обстоятельства жизни мирового сообщества.

Вывод. В качестве заключения хотелось бы привести слова, часто повторяемые современными авторами, когда встает вопрос об оценке многоконфессиональной России. «...Россия имеет уникальный исторический опыт не только добрососедских отношений с мусульманскими народами, но и опыт строительства многонационального и поликонфессионального государства. Мы непременно должны возродить такое российское государство, в котором учитываются интересы не только национального и религиозного большинства, но и всех российских подданных — тех, кто связал свою жизнь с Россией, независимо от национальности и вероисповедания. Нам представляется весьма необходимым учесть исторический опыт в сегодняшнем строительстве новой России, где бок о бок живут и трудятся и христиане, и мусульмане, которые, при сохранении своей религиозной самоидентификации, должны видеть друг в друге добрых соседей, но не врагов» [4].

Литература

1. Бабатова А.Ш., Ферзалиев Д.С., Асадова З.Н. Христианство и ислам: диалог религиозных культур // Исламоведение. 2012. № 4. С. 109–114.

2. Как сторонники ислама критикуют христианство. 22.05.2018. URL: <https://kritix.ru/religion-and-atheism/2353-kak-storonniki-islama-kritikuyut-khristianstvo>
3. Мухетдинов Д. История ислама в России: Учебное пособие. М.: ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019. 296 с.
4. Скорик А., Немыкин А. Христианство и ислам: диалог культур и эстафета ценностей. URL: <http://evrazia.org/article/2028>.
5. Фарах С.К разумному диалогу между православным и исламским мирами. 15.05.2008. URL: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2889>.
6. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке / Под ред. Д. Спивака, Н. Таббара. СПб.; Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009. 287 с.
7. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе / Франциск; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2021. 232 с. (Серия: «Межрелигиозный диалог»).

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ В ОЦЕНКАХ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ПОЛУОСТРОВА

*В.А. ЧИГРИН,
доктор социологических наук, профессор,
научный руководитель и главный научный сотрудник Крымского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Россия, г. Симферополь
e-mail: sociochigrin@mail.ru*

*Н.В. ЧИГРИНА,
кандидат социологических наук, доцент,
научный сотрудник Крымского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Россия, г. Симферополь
e-mail: sociochigrin@mail.ru*

Аннотация: В статье на основе социологических исследований приводятся характеристики отношения крымской молодежи к религии и церкви, анализируется динамика степени религиозности разных групп, когорт и отрядов молодежи Крыма. Показана важность дальнейшего изучения отношения молодежи к религии и церкви в условиях крымского полиэтнического социума с применением социологических методов.

Ключевые слова: религия, церковь, молодежь, религиозность, социум, социология.

THE ETHNO-CONFESSIONAL SITUATION IN CRIMEA IN THE ASSESSMENTS OF STUDENTS OF THE PENINSULA

*V. CHYGRYN,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor Managing the Department of Sociology TA KFU the Name of V.I. Vernadsky,
Russia, Simferopol
e-mail: sociochigrin@mail.ru*

*N. CHIGRINA,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Researcher at the Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Simferopol
e-mail: sociochigrin@mail.ru*

Abstract: In the article Based on sociological research, the article describes the characteristics of the attitude of Crimean youth to religion and the church, analyzes the dynamics of the degree

of religiosity of different groups, cohorts and detachments of Crimean youth. The importance of further studying the attitude of young people to religion and the church in the conditions of the Crimean multiethnic society with the use of sociological methods is shown.

Keywords: religion, church, youth, religiosity, society, sociology.

С точки зрения социологии вопросы отношения людей к религии и церкви, пожалуй, всегда относились к наиболее закрытым. Если анализировать работы классиков социологической науки — Макса Вебера или Питирима Сорокина, которые ближе всего подходили к данной проблеме, то они старались как можно более деликатно освещать причины и глубинные основы религиозности разных групп людей. А об истоках религиозности молодежи говорили, скорее, историки и этнографы, изучавшие процессы инициации в первобытных обществах [1; 2; 3; 8; 9].

В отечественной практике социологические исследования религиозности россиян, лишенные идеологической окраски, характерной для работ советских исследователей, проводились Аналитическим центром Юрия Левады и Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ). Так, по свидетельству И.А. Савченко и С.В. Устинкина [7], Аналитическим центром Юрия Левады изучались отношение граждан к Православной церкви [6], общественное восприятие взаимоотношений церкви и государства [10]. Всероссийским центром исследования общественного мнения анализировалась роль православия в российском обществе [4], получены интересные данные о трансформации религиозных ориентиров российских граждан по сравнению с началом 1990-х годов [5].

Однако особый интерес сегодня приобретают региональные социологические исследования, которые дают возможность более глубоко анализировать имеющие место этноконфессиональные отличия в громадном социокультурном и конфессиональном пространстве, называемом Россией.

Крым представляет собой весьма примечательный в этих отношениях регион. И речь здесь не только о его полиэтничности, хотя сама по себе она стала предтечей поликонфессиональности населения полуострова.

Говоря о разнообразии народов Крыма, надо сделать хотя бы краткий экскурс в этническую историю. Откуда и как появились различные народы в Крыму? Без ответа на этот вопрос не может быть понятной нынешняя этноконфессиональная ситуация на полуострове.

Через крымскую землю прошли разные народы. Одни остались здесь навсегда, другие лишь мелькнули в череде веков. Попробуем обозначить те этносы, о пребывании которых в Крыму достоверно известно из письменных или иных источников и которые оставили заметный след в истории полуострова. При этом будем стараться просто придерживаться хронологии, не определяя роль и значение того или иного народа.

Античное время (X в. до н. э. — III в. н. э.). В этот период на территории Крыма проживали тавры, позднее сюда проникали киммерийцы, скифы, древние греки (эллины), сарматы, древние римляне. Все они, кроме последних, расселились на полуострове, перемешивались, формируя этническую основу местного населения.

Раннее средневековье (III—XI вв.). В это время в Тавриде появились аланы (поздние сарматы), готы, гунны, ранние тюрки (хазары и др.) византийцы (греки), хазары, евреи, протоболгары, мадьяры, печенег, древние славяно-руссы. Часть их оседала на полуострове, принося на его земли свои верования. Заметим, однако, что именно распространение христианства привело к расширению связей между народами, проживающими на полуострове, и к заметному культурному влиянию на них Византии.

Позднее средневековье (XI—XVIII вв.). В этот период на полуостров разными путями попали половцы, турки-сельджуки, армяне, татары-ордынцы, венецианцы, генуэзцы, турки-османы и еще ряд народов. В это время, в результате долгих процессов межэтнического взаимопроникновения, на основе своего вероисповедания образовались и чисто крымские этносы — крымские греки, крымские армяне, караимы и крымчаки.

Позднее довольно неоднородное тюркское население Крыма (половцы, ордынцы и др.), а также потомки части христиан, принявших ислам, стали единым этносом крымских татар.

Естественно, что все эти народы вступали в различные отношения друг с другом, иной раз не очень мирные и почти всегда непростые. Тем не менее процессы межэтнического взаимопроникновения ассимиляции и образования новых этнических групп шли в это время в Крыму довольно активно.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. на его территории наряду с крымскими татарами, караимами, крымчаками и местным христианским населением (армяне, крымские греки и др.) стали расселяться русские и украинцы, греки и болгары, а также немецкие, чешские, эстонские и польские колонисты. Последние также строили свои храмы и отправляли в них службы.

Говорить о советском периоде истории Крыма нет смысла, поскольку, наряду с депортациями, «организованными» переселениями и разгромом церквей, мечетей, кенасс, синагог и кирх, в этот период были заложены ядовитые ростки противостояния. Речь идет о межэтническом противостоянии с межконфессиональным привкусом, которое позднее украинские власти фактически культивировали на полуострове, разрешив возвращаться в Крым депортированным народам, но не решая их проблем, в том числе культурных, образовательных, языковых и конфессиональных.

Поэтому мы вправе предполагать, что смещение геополитических акцентов во внешней политике Украины, наметившееся в 2004 году, вполне могло послужить детонатором столкновения народов Крыма на национальной и религиозной почве, если бы не произошло исторического воссоединения Крыма с Россией.

В определенной степени это наше предположение подтверждает высокий уровень тревожности респондентов исследования (который транслировался в их ответах), проведенного центром «Социо» в Крыму в 2008 году, на следующий вопрос анкеты:

Таблица 1

Как Вы считаете — межнациональное противостояние в Крыму...
(N=3134, %)

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Острая проблема, которая может перерасти в открытую межнациональную разнь	30,9
Напряженность есть, но это не острая проблема, которую надо решать в первую очередь	28,1
Межнациональные противоречия навязываются заинтересованными структурами, как такового конфликта между разными национальностями нет	27,7
Межнациональная проблема в Крыму на сегодняшний день не актуальна	13,3

Как видим, всего лишь 13 процентов респондентов указали, что проблема межнациональных отношений не актуальна. Зато остальные отметили не только ее присутствие, но и указали на провокаторов, искусственно раздувающих противоречия между этносами и их конфессиями.

В это противостояние лидеры межджиса и эмиссары украинских националистов пытались втянуть представителей мусульманской церкви, а также служителей УПЦ Киевского патриархата. К счастью, тех, кто поддался на эту провокацию, оказалось немного, хотя известны факты так называемых «крестопалов», споров насчет принадлежности тех или иных православных храмов и т.п.

Это свидетельствует о том, что в стратегию раскола народов Крыма при Украине стал довольно активно входить этнокультурный аспект, к которому «пристегивались» языковое и конфессиональное преимущества.

Ситуация резко изменилась с воссоединением Крыма с Россией. В своих исследованиях по Крыму в 2016–2022 гг. наблюдалось ощутимое превышение оценки населением положительных последствий воссоеди-

нения Крыма с Россией, которое, естественно, не нравилось украинским политикам и их западным хозяевам.

В условиях усиления глобальных вызовов и обострения угроз, в ситуации пандемии коронавируса и возникающей на ее фоне социальной аномии в ряде стран в отношении России и ее регионов ведется целенаправленная кампания дискредитации стратегии развития, направленной на консолидацию полиэтнического, поликонфессионального и поликультурного по своей природе общества. Искажается многовековая история российского государства от его первооснов до итогов Великой Отечественной войны и современного развития. Прямо или косвенно атакуются устои информационного пространства, инициируются попытки разрушения образовательной системы — от начальной школы до высшего образования. Наконец, что немаловажно, реализуются попытки раскола России по региональному вектору. Речь идет о противопоставлении центра и регионов, о раздувании языковых проблем, а особенно, о попытках отторжения от России таких приграничных регионов, как Республика Крым.

Наши исследования, проводящиеся в рамках программы Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, показывают, что эти вызовы и угрозы направлены на такие группы, как молодежь Крыма, часть людей, ранее занятых в «серой зоне» экономики Крыма, часть крымских татар и этнических украинцев, большую часть интеллигенции и специалистов, представителей разных конфессий.

Следует отметить, что довольно сложное отношение «молодежь — религия — церковь» изучается отечественными социологами довольно бессистемно, хотя зарубежные коллеги уделяют данной проблеме пристальное внимание. Судя по всему, такое внимание возникло на волне появления на Западе различного рода неформальных псевдорелигиозных движений. И.А. Савченко и С.В. Устинкина приводят интересный материал статьи Б. Поуп, Дж. Прайс, Д.Р. Лиллард «Воздействие религии на поведение молодежи». В ней исследователи «оценивают соотношение между посещением церкви и юношеской делинквентностью и приходят к важному выводу, что молодые люди, достаточно часто посещающие церковь, с наименьшей вероятностью могут стать наркоманами, правонарушителями и преступниками» [7: с. 237].

В проводимых в России исследованиях, материалы которых приводят наши социологи, несмотря на поставленные интересные и важные вопросы, нет, пожалуй, главного — системности. Так, не совсем понятно, каковы же главные тренды отношения разных групп молодежи к религии и церкви (по полу, возрасту, образованию, поселенческим характеристикам)? Можно ли говорить о том, что существующие тенденции в равной мере касаются православия, ислама, католицизма, других религий?

Как влияет на религиозность молодежи Интернет? Имеются ли региональные особенности религиозности молодежи? Какие процессы мы наблюдаем и можем прогнозировать в условиях моно- или поликонфессионального социума? И таких вопросов мы можем задавать много, не получая на них вразумительных ответов.

А что же молодежь? Наши крымские разведки свидетельствуют, что уровень религиозности молодежи невысок.

Вот сравнительные данные исследования 2016–2017 гг., проведенные по методикам и под руководством московского центра «Циркон».

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы себя верующим человеком и если «да», то какого вероисповедания Вы придерживаетесь?» (%)

Суждения респондентов исследования	В среднем	Молодежь
Не считаю себя верующим человеком	26,0	50,0
Православный христианин	49,2	19,4
Исповедую ислам	14,8	12,7
Верю в бога, но без принадлежности к конкретной конфессии	4,4	9,9
Буддист	0,0	0,0
Иудей	0,0	0,0
Другие верования	0,4	1,6
Затрудняюсь ответить	5,2	6,4

Из данной таблицы мы видим, что крымская молодежь менее религиозна, чем старшие поколения, хотя потенциальные верующие среди молодежи имеются. Судя по всему, они стыдятся заходить в храмы, почему-то боясь осуждения своих сверстников. Среди сторонников ислама этот разрыв выглядит более скромно. К более высокой религиозности этой части молодежи Крыма привело множество ограничений языкового, персонального характера, ограничений на традиции и обряды, веру. Нужно также признать, что здесь духовные скрепы поколений более сильны, чем у других многочисленных этносов, населяющих полуостров.

Увы, этот вопрос нуждается в углубленном изучении, как, впрочем, и вопрос о степени религиозности городской и сельской молодежи (по данным одного из украинских исследований 2004 года — религиозность молодых жителей села была на 11% выше). Нуждается в детальном исследовании и проблема влияния образования на религиозность молодежи. Пока же отметим, что наши разведки дали интересные результаты:

Таблица 3

**Ответы респондентов на вопрос: «Какие предметы
или темы по народной культуре Вам были бы интересны при обучении?»
(N=2403, в %)**

Суждения респондентов исследования	Всего	%
География родного края	678	28,2
История родного края	987	41,1
История народа / история народов Вашего региона	680	28,3
Национальная литература, народный эпос, народные сказания	584	24,3
Национальные традиции, народные праздники	717	29,8
Национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла	614	25,5
Традиционная религиозная культура	317	13,2
Народная музыка, народное песенное творчество	449	18,7
Национальные танцы	502	20,9
Национальные виды спорта	622	25,9
Традиционный костюм	250	10,4
Национальная кухня	1008	41,9
Традиционные виды труда и хозяйственной деятельности	234	9,7
Ваш вариант	57	2,4
Затрудняюсь ответить	18	0,7

Как следует из таблицы, традиционная религиозная культура занимает в данной иерархии лишь десятое место, существенно отставая от истории родного края, от национальной кухни, истории народов региона, национальных традиций и народных праздников и даже от национальных видов спорта.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в процессе вхождения Крыма в состав Российской Федерации уровень религиозности молодежи пошел на спад. Ведь в украинский период доверие молодежи к церкви росло, прежде всего потому, что падало доверие к власти, доверие к ее региональным и местным структурам, политическим партиям и лидерам.

Однако наши социологические разведки не снимают поставленных выше вопросов, и только совместная работа социологов и религиоведов может поправить ситуацию.

Литература

1. Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

2. Левинтов Г.А. Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. I. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 543–544.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
4. Православие в России: прошлое и настоящее. Опрос ВЦИОМ. 12 ноября 2013. Пресс-выпуск № 2451. URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/statesmen/article/pravoslavie-v-rossii-proshloe-i-nastojashchee.html> (дата обращения: 20.04.2018).
5. Религия: за и против Опрос ВЦИОМ. 26 июля 2015. Пресс-выпуск № 2888. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (дата обращения: 20.04.2018).
6. Россияне отделяют патриарха от церкви. 2014. Опрос Аналитического центра Юрия Левады от 3 февраля 2014. URL: <http://www.levada.ru/2014/02/03/rossiyane-otdelyayutpatriarha-ot-tserkvi/> (дата обращения: 20.04.2018).
7. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) / Modern Research of Social Problems. 2016. № 7(63). С. 232–263.
8. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 688 с.
9. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
10. Церковь и государство. Опрос Аналитического центра Юрия Левады от 19 февраля 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/> (дата обращения: 20.04.2018).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ «ИНОМ МИРЕ» В НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ: ДВОЕВЕРИЕ ИЛИ СИНТЕЗ?

*Ю.С. ОБИДИНА,
доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: basiley@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются представления об ином мире, являющиеся неотъемлемой частью русского национального самосознания и исторической памяти народа. Предпринята попытка рассмотреть представления об ином мире в народном православии не с точки зрения традиционной бинарной оппозиции, а в рамках синтеза христианских и дохристианских представлений. Сделан вывод, что синкретическая модель, а не двоеверие позволяет уделить должное внимание сохранению культуры, признавая ее преемственность для формирования культурной памяти.

Ключевые слова: народное православие, иной мир, двоеверие, синтез, бинарные оппозиции.

THE VIEW OF THE “OTHER WORLD” IN FOLK ORTHODOXY: DUAL-FAITH OR SYNTHESIS?

*Yu. OBIDINA,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages,
National Research Nizhny Novgorod State University,
Russia, Nizhny Novgorod
e-mail: basiley@mail.ru*

Abstract: The article deals with the ideas about another world, which are an integral part of the Russian national self-consciousness and the historical memory of the people. An attempt is made to consider the idea of another world in folk Orthodoxy not from the point of view of the traditional binary opposition, but within the framework of a synthesis of Christian and pre-Christian ideas. It is concluded that the syncretic model, rather than dual faith, allows

paying due attention to the preservation of culture, recognizing its continuity for the formation of cultural memory.

Keywords: folk orthodoxy, another world, dual faith, synthesis, binary oppositions.

Желание знать, куда идут мертвые, представить и сконструировать альтернативный мир, в котором они обитают, является общим для всех человеческих обществ. Полученный культурный конструкт становится моделью, которая прививается и поддерживается через религиозное либо традиционное обучение, или через и то, и другое.

Рассмотрение эсхатологического пространства, воображаемого другого мира и особенно пространственные отношения между раем и адом являются неотъемлемой частью русского национального самосознания и исторической памяти народа. В традиционной культуре России как до революции, так и до сих пор существуют разнообразные представления о местонахождении умерших. Проблемы исследования загробного мира чаще всего помещаются в рамки концепции бинарных оппозиций как основного ментального структурирующего приема в русской культуре, особенно ярко выраженного в культуре традиционной [2; 4]. Бинарные оппозиции настолько самоочевидны в традиционном российском мировоззрении, что часто используются без должного критического подхода. На первый взгляд кажется, что бинарное противостояниерая и ада является особенно сильным, учитывая фокус на противоположностях в христианстве (добро/зло, небо/ ад, свет/тьма и т. д.), а также отсутствие формальной доктрины чистилища в православии. Цель данной статьи — рассмотреть, можно ли представления о загробном мире в рамках народного православия рассматривать как проявление синтеза, то есть сочетания христианского и славянского мифологического представлений о мире мертвых, либо это проявление классической бинарной оппозиции.

Обсуждение концепции потустороннего мира требует описания источников и традиций, которые формируют популярные представления о загробной жизни. Некоторые тексты происходят из монашеских или церковных кругов, другие передаются в письменной форме и поступают из городской среды, но большая часть являются устными (с неизбежным воздействием устности на материал). Часть текстов являются дореволюционными, исходящими от населения, знакомого с христианским обучением. Большинство из них были записаны в позднесоветское или постсоветское время, что демонстрирует как необычайную стойкость традиции, так и снижение знакомства с православным учением о рае и аде. Устные рассказы в основном появились недавно, в то время как большинство письменных текстов являются дореволюционными.

Также следует сделать несколько общих замечаний. Информация о рае скуднее, чем об аде, который как место наказания за грехи изображен более полно. Подобный акцент проявляется и в раннехристианских и средневековых западноевропейских свидетельствах [7: р. 92; 1: с. 22–23]. В значительной степени это обратные образы друг друга, классические бинарные оппозиции. Небо — яркий свет, ад — тьма, рай — покой и отдых, ад — страдания и/или непосильные работы. Ад отмечен крайностями жары и холода: огненные реки, кипящие котлы, ледяные пустоши; небеса — вечный солнечный свет [3: с. 200]; ад — это вонючая пустошь, полная воплей грешников, рай наполнен пением птиц, зеленью и цветами. Интересно также то, как этот резкий контраст стирается в народном православии. В основном путаница возникает из-за двух факторов: продолжающегося существования верований о загробной жизни, которые имеют дохристианское происхождение, поскольку засвидетельствованы в различных ранних источниках, а во-вторых, неоднородностью самой унаследованной христианской традиции.

Говоря о народном православии, можно выделить несколько концепций его проявления. Концепция, которую часто называют мифологической, отражена в крестьянском погребальном обряде, народных поверьях, погребальных причитаниях и в светской волшебной сказке, имеющей близкие параллели в других культурах. Некоторые из этих верований, такие как представление о смерти как путешествии, легко сосуществуют с православием (и со многими другими традициями). Другие аспекты плохо согласуются с моральными соображениями, которые доминируют в христианском взгляде на загробную жизнь, поскольку последние порождают пространственные различия загробного мира, например, не только отделение нечестивых от праведных, но и «сортировка» грешников по категориям с разным местом для каждого. Напротив, место, где обитают мертвые, согласно «мифологическому» мировоззрению, не делится на разные и контрастные области, а отсюда и представления, которые рассматривают рай и ад территориально как единое целое, отражают самые архаичные верования [4: с. 93–94]. Эти понятия смешиваются в разной степени в зависимости от жанра, географического ареала и даже внутри отдельных повествований. В народных верованиях мир мертвых далеко не противоположен этому миру, очень похож на этот свет: леса и избы, деревенские дома, где умершие «живут» так же, как они делали это дома; вообще это похоже на сельскую Россию с вариациями в ландшафте и образе жизни. Доступ в потусторонний мир может потребовать смены уровней — лететь или взбираться вверх или спускаться вниз — хотя это также может означать выход за пределы, возможно, пересекая водную границу или дремучий лес. Каким бы ни был маршрут, загробная жизнь проходит на одном уровне.

С другой стороны, уровни являются определяющей чертой христианского представления о рае и аде, хотя и по-разному. В этом случае источниками потустороннего видения являются Библия, переводные апокрифы и ряд агиографической и проповеднической литературы. Пространственное расположение рая и ада в различных текстах часто противоречиво. Частично это связано с предполагаемым местоположением рая: было ли это реальное место где-то на Земле или где-то рядом с жилищем Всевышнего на небесах? Миф об Эдемском саде встречается в различных ближневосточных религиях, включая иудаизм и христианство [6: р. 11–16]. Хотя позже христианская традиция расширилась, она опирается на описание Книги Бытия (2, 8–14), в котором рай находится на востоке как место изобилия и красоты с его четырьмя реками и пышной флорой и фауной. В дополнение к основной информации в Книге Бытия, подробности о рае содержались в апокрифической литературе, большая часть которой была чрезвычайно популярна в восточнославянском ареале (например, паломничество Агапия в рай, паломничество Зосимы в Рахманы (V–VI вв.), или житие Макария Римского).

Достижение рая, согласно этим рассказам, было полно трудностей, представляло собой воду или пустынную местность, которую нужно было пересечь, или гору, на которую необходимо подняться. Он был условно окружен стенами или перилами с воротами и отличался ярким светом, который исходил из него. Так что, возможно, после подъема земной рай был, по существу, на том же уровне, что и этот мир, просто далеко и с четкой границей, а также стенами вокруг него.

В народном православии представление о рае вверху и аде внизу — стандартный взгляд с обычной неопределенностью в отношении того, где ад находится по отношению к Земле.

Ад в мифологическом понимании кажется менее ужасным местом, чем обычный ад православного учения. Несмотря на то, что православие формально не выделяет срединного места между раем и адом — чистилища, одни и те же источники, бывшие и частью наследия Восточной Церкви, привели к эволюции концепции чистилища на Западе между третьим и тринадцатым веками [5]. В ортодоксальном русском православии акцент делается на заступнической силе молитвы живых об умерших. В западном христианстве идея мессы усиливается учением о специальном месте, где у души есть возможность очиститься от своих грехов.

Важно, что «карта» рая и ада в мифологической концепции определяется, прежде всего, нравственными соображениями. Именно они создают контрастные области. Моральные соображения явно первичны, потому что они иногда отвергают символические пространственные деления. Таким образом, контраст присущ моральной категории, а не пространственному отношению. Связь между моральной оценкой и пространственными

отношениями в церковной традиции чаще всего базируется на представлениях о вертикали, но в народном православии, особенно в устных нарративах, иерархические структуры не доминируют. В основном, оппозиция поддерживается в горизонтальной структуре, через левое/правое деление одноуровневого потустороннего пространства.

Может показаться, что народное воображение воспринимает степени блаженства и греховности, из-за чего трудно уместить всех в двухуровневый другой мир. Следовательно, представления о другом мире расходятся от простых бинарных противоположностей к пространственным контрастам, которые не только варьируются, но и сами по себе не являются абсолютными. Само срединное (третье) место (хотя оно редко обозначается как таковое) происходит из христианской традиции, пусть даже в православии это не переросло в полномасштабное чистилище. Некоторые представления помещают это место индивидуального суда в ад (возможно, предлагая градации адского, которые отражаются топографически), другие предпочитают отдельное место или даже подходы к небу.

Таким образом, разнообразие пространственных концепций предполагает, что бинарные оппозиции в этой области далеко не монолитны и часто более интересны в разрезе. Хотя взаимосвязь между различными традициями, православными и «мифологическими» взглядами на загробную жизнь очевидна, чрезмерное использование бинарных оппозиций может упрощать и схематизировать представления о потустороннем мире.

Представления об ином мире — это лишь часть более общей проблемы, связанной с тем, может ли концепция двоеверия и народного православия адекватно объяснить то, что мы находим в традиционных представлениях русского народа. Общая картина потустороннего мира в его смеси дохристианских и христианских идей, таким образом, представляет собой первичный пример двоеверия. Предположение приобретает дополнительный вес, когда становится понятным, что не только большинство устных повествований, но и письменные тексты принимают горизонтальный потусторонний мир (пусть даже частично).

Хотя горизонтальный иной мир можно найти и в апокрифах, и раннерусской церковной литературе, его структура, по-видимому, свидетельствует о переносе «мифологических» понятий из традиционных верований о смерти (как в причитаниях и погребальных верованиях) в народные представления. Образ другого мира как дубликата нашего собственного, хотя и более приятного, можно увидеть тогда, когда он влияет на визуализацию загробного мира, описание промежуточного или нейтрального пространства, пересекаемого на пути из ада в рай (или наоборот). То есть здесь проявляется (или для тех, кто предпочитает преуменьшать христианское влияние, даже подменяется) неразвитая концепция срединного третьего места в учении Православной Церкви.

В основе этого подхода лежит сомнительное предположение, что всё, что не является частью христианской традиции, должно приписывать «мифологическим верованиям». Разделение народных религиозных верований на христианско-православные и дохристианские, то есть использование понятия «двоеверие», снимает импульс к изучению не только моральных и физических оттенков представлений о загробном мире, но и возможность рассмотрения целого ряда исторических и современных влияний и импульсов. Более глубокие исследования исключаются из-за того, что не используется термин «синкретизм». В частности, в отношении происхождения народных представлений о загробной жизни это означает, что элементы, не соответствующие православному учению, имеют тенденцию рассматриваться как фрагменты гораздо более древнего мифологического мировоззрения. Те нехристианские детали и понятия, которые явно не подходят предлагаемой модели мифологического мировоззрения, практически никогда не обсуждались исследователями.

Очевидны проблемы и с определением того, какие нехристианские элементы возникают в «мифологических». Если традиционная мифологическая карта другого мира — это место, подобное нашему, где обитают умершие, то сходство логически должно выходить за рамки природного пейзажа и охватывать другие аспекты жизни. Конечно, моральные акценты меняются с течением времени в соответствии с изменением социальных обстоятельств, культурных реалий, снижения знаний ортодоксального православия, но не могут исключаться полностью.

В целом, эти типы изменений сохраняют существенную бинарную оппозицию модели двоеверия. Но тогда возникает вопрос, можно ли такую ограниченную концепцию считать специфически славянской и дохристианской?

К сожалению, на этом проблемы с двоеверием не заканчиваются. Если верования, предшествовавшие христианству, оказываются сильнее христианских, то каковы причины того, что это происходит фактически автоматически?

Таким образом, моделирование другого мира как дубликата нашего собственного может быть вариантом по умолчанию, когда христианское влияние уже значительно, но, несмотря на это, традиционная культура еще может сохранить свои верования. Культ предков и морально недифференцированный другой мир все еще являются важной частью исторической и культурной памяти. Тем не менее, выбирая синкретическую модель, а не двоеверие, мы можем уделить должное внимание отношениям потустороннего видения культуры, времени и места, в котором она действует, признавая ее преемственность. Методики изучения фольклора, которые возникли из романтических представлений об отличительных чертах наций и народов, привносят опасность исключения культуры, ко-

торая не вписывается в традиционные исследовательские рамки (в данном случае — в традиционную структуру бинарных оппозиций), и слишком часто это было особенностью исследований русской и славянской устной культуры. Более тонкий компаративистский взгляд не лишает культуру ее самобытности, что и отражают особенности представлений о загробном мире в контексте народного православия.

Литература

1. Гуревич А.Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 8. С. 3–27.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 247 с.
3. Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
4. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
5. Le Goff J. The Learned and Popular Dimensions of Journeys in the Otherworld in the Middle Ages // Understanding Popular Culture. Europe from the Middle Ages to the Nineteenth Century. Berlin, 1984. P. 19–37.
6. Patch H.R. The Other World according to Descriptions in Medieval Literature. Cambridge: Mass., 1950. 395 p.
7. Zaleski C. Otherworld Journeys: Accounts of Near-death Experience in Medieval and Modern Times. Oxford: Oxford University Press, 1987. 275 p.

ПРАКТИКИ ИЗГНАНИЯ ДЖИННОВ СРЕДИ МУСУЛЬМАН РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

*Т.В. КЛЯЧИНА,
младший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан,
Россия, г. Казань
e-mail: tatyana-1096@mail.ru*

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются различные практики изгнания джиннов среди мусульман, проживающих в Республике Татарстан. Опрос студентов Российского исламского института РТ показал, что у большей части опрошенных респондентов есть родственники или знакомые, которые обращались к специалистам по изгнанию джиннов, некоторые из них обращались к таким людям лично. Ответы на вопросы интервью с «исламскими» экзорцистами или, как некоторые из них себя называют — «духовными» врачевателями, позволили сделать вывод о неодинаковости методов (практик) по изгнанию вселившихся в человека джиннов (шайтанов).

Ключевые слова: джинны, «исламский» экзорцизм, «духовный» врачеватель, ислам.

PRACTICES OF JINN EXPULSION AMONG MUSLIMS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

*T. KLYACHINA,
PhD student, Junior Researcher at the Center for Islamic Studies of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan
e-mail: tatyana-1096@mail.ru*

Abstract: This paper discusses various practices of expelling jinn among Muslims living in the Republic of Tatarstan. A survey of students at the Russian Islamic Institute of the Republic of Tatarstan showed that a large part of the respondents have relatives or acquaintances who turned to specialists in the expulsion of genies, some of them turned to such people personally. Answers to interview questions with “Islamic” exorcists or, as some of them call themselves, “spiritual” healers, made it possible to conclude that the methods (practices) for expelling genies (shaitans) who have inhabited a person are different.

Keywords: Jinn, “Islamic” exorcism, “spiritual” healer, Islam.

Вера в потусторонний мир, населенный ангелами и джиннами, является важной вероучительной основой в исламе. С точки зрения ислама ан-

гелы — бесполое, безгрешные существа, созданные из божественного света (нур), которые, в отличие от людей и джиннов, не наделены нафсом (эгоизм, отрицательные черты души), не обладают правом выбора, а следовательно, не будут отвечать в Судный день за свои деяния перед Аллахом.

Джинны — невидимые для людей существа, созданные из бездымного пламени, которые живут параллельно с людьми, но появились раньше их и, подобно людям, восприимчивы к вере/неверию в Аллаха. В Священной книге мусульман сказано, что джинны, так же как и люди, женятся, заводят детей [2: (Коран 55:26)] , они смертны [2: (Коран 55:26–28)] , после смерти попадут в рай [2: (Коран 55: 46–47)] или ад [2: (Коран 7:38, 7:179)]. Джинны обладают быстрой скоростью передвижения [2: (Коран 27: 39–40)], они могут подниматься на небеса, однако только до определенного уровня неба [2: (Коран 72: 8–9)], джинны обладают выдающимися способностями в различных сферах жизни [2: (Коран 34: 12–13)] , могут перевоплощаться в разных существ, в том числе и людей [2: (Коран 8: 48)].

В Священной книге мусульман сказано, что Иблис (джинн, который благодаря своему усердию достиг того, что был приближен к Аллаху и пребывал среди ангелов, но из-за своей гордыни был низвергнут с небес) поклялся Аллаху, что всяческими способами будет вредить человеку и сбивать его с истинного пути. В Коране об этом говорится так:

«За то, что Ты совратил меня, я непременно засяду против них на Твоем прямом пути. А затем я буду подходить к ним спереди и сзади, справа и слева, и Ты не найдешь большинство из них благодарными» [2: (Коран 7: 16–17)]. Аллах предостерегает человека от действий Иблиса и его помощников.

В Коране нет прямого упоминания о том, что джинны могут вселяться в человека и навредить ему, однако некоторые люди и, прежде всего, мусульмане считают иначе. Чаще всего их убеждения основываются на хадисах (хадис — это предание о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины). Опрос студентов, обучающихся в Российском исламском институте Республики Татарстан и в Казанском исламском университете, показал, что у большей части опрошенных респондентов есть родственники или знакомые, которые обращались к специалистам по изгнанию джиннов, некоторые из них обращались к таким людям лично.

Причины вселения джинна в тело человека различны. Джинн может вселиться в человека как по собственному желанию (например, чтобы отомстить человеку), так и «по просьбе» колдуна [3].

Основные признаки вселения джинна в тело человека: бессонница; кошмары; часто снятся сны, в которых присутствуют львы, собаки, змеи и т.п., пытающиеся укусить человека; человек может сильно плакать

или смеяться без причины; человек не хочет и не может ничего слышать об Аллахе; частые головные боли (не по медицинским показателям) и т.д. [4].

Часто в человека (особенно в девушку) вселяется влюбленный джинн. Такого джинна можно определить по таким признакам: нежелание создавать семью, эротические сны, желание заниматься сексуальными извращениями и т.п. [5].

Требования к человеку, который изгоняет джиннов:

1. Все действия совершаются от имени Аллаха.
2. Суры и выдержки из хадисов должны произноситься на арабском языке, экзорцист должен понимать их смысл.
3. Изгоняющий джинна должен иметь твердое убеждение, что сам заговор не имеет никакого значения. Всё делается только по воле Аллаха.
4. Ритуал экзорцизма не должен иметь какую-либо запрещенную форму или форму нововведения. Например, не может читаться в туалете, на кладбище. Чтец заговора не должен находиться в состоянии осквернения или требовать этого от того, кого он лечит.
5. Чтец заговоров не должен быть ни колдуном, ни предсказателем, ни гадальщиком и т. д. [6].

Рассмотрим, как это происходит на практике. Нами было опрошено пять чтецов, которые могут изгонять джиннов, география их проживания: Казань, Уфа, Санкт-Петербург, однако все эти специалисты помогают людям, которые в том числе проживают в Татарстане. Интервью с казанскими чтецами проводилось при личной встрече, с другими — по видеосвязи в конференции zoom. Все экзорцисты заявляют, что дар «исцеления» приходит, как правило, по наследству. Некоторые специалисты по изгнанию джиннов называют себя «духовными» врачевателями и экзорцистами, поэтому эти термины будут встречаться в тексте.

Опрошенные нами чтецы имеют схожие методологические элементы, которые они используют при изгнании джиннов, однако имеются и существенные различия.

Респонденты утверждают, что изгоняют джиннов из тела человека исключительно от имени Аллаха, так как только по воле Аллаха возникают болезни, и только Он дает исцеление, а изгоняющий джиннов является лишь причиной (посредником) этого исцеления. Чтобы изгнать «пассажира» (так некоторые чтецы называют вселившегося джинна) из тела человека, почти все экзорцисты используют аяты из Корана и строки из хадисов, всё это читается на арабском языке. Экзорцисты изгоняют джиннов не только у себя или у клиента дома, но также используют современные технологии, например, по телефону или по интернету, иногда сеанс происходит в машине. Из этой короткой сводки можно сделать вывод, что фор-

мальные требования выполняются всеми опрошенными чтецами, однако в остальном имеются существенные различия.

Например, «духовный врачеватель» из Казани сообщил, что либо перед сеансом, либо после дает пациенту выпить ладан, тмин и другие лечебные травы, которые использовал пророк Мухаммед [1]. По мнению другого казанского специалиста по изгнанию джиннов, те «духовные» врачеватели, которые лечат пациентов с помощью аятов и хадисов, однако при этом используют лечебные травы (тмин, ладан, мед), попадают в куфр (неверие) и становятся колдунами, иногда сами того не понимая.

Экзорцист из Уфы использует иной способ изгнания джиннов. Сеанс у респондента длится недолго — от 2 до 5 минут. Чтец, уполномоченный Всевышним Аллахом, начинает разговаривать с джиннами. Джинны знают, кто он такой и чего он от них хочет. И им (джиннам) предлагается два варианта: первый — они отпускают человека и идут туда, где им хорошо (место, где они могут заводить детей, и т.д.), либо, если джинны сопротивляются и не желают выходить из тела человека, в таком случае его забирают неведомые сущности. Как таковые аяты из Корана или фразы из хадисов он не использует.

Другой специалист из Уфы сообщил, что на своих сеансах ему иногда приходится использовать палки, однако, как отмечает респондент, он не бьет пациента палками, а всего лишь касается ими. Он применяет эту крайнюю меру для очень сильных джиннов, которые, прежде всего, угрожают ему. Однако другой специалист из Уфы (который был упомянут выше) отмечает, что использование какой-либо атрибутики (например, палки) бессмысленно и нецелесообразно, так как джинны физически сильнее людей и, соответственно, палки не помогут.

Экзорцист из Санкт-Петербурга сообщил, что 90% людей, которые к нему обращаются, не одержимы джиннами, но у них имеются психосоматические проблемы. Таким людям он тоже помогает, успокаивая их чтением аятов из Корана.

Как борются с колдунами:

Некоторые специалисты снимают вред, нанесенный колдуном, но ничего с ним не делают. Другие в некотором роде мстят обидчикам и делают так, чтобы все беды и болезни, которые навел на их клиента колдун, вернулись к нему в большом размере.

Способ оплаты: У некоторых чтецов нет фиксированной цены за предоставленную ими услугу, и они берут только ту сумму, которую клиент назначает сам. У других специалистов есть фиксированная цена. Например, у экзорциста из Уфы массовый сеанс стоит 2000 руб. с каждого человека. Чтецы заявляют, что лечат многие болезни, вызванные джиннами, в числе такие болезни, как аллергия, аутизм, шизофрения и даже ДЦП.

Как находят клиентов:

Клиенты находят специалистов с помощью так называемого сарафанного радио, также их объявление можно найти в социальных сетях, например, «ВКонтакте». Специалист по изгнанию джиннов из Уфы сообщил, что у него есть свой YouTube канал, на котором он выкладывает видеозаписи своих сеансов.

Работа была посвящена практикам изгнания джиннов среди мусульман, проживающих в Республике Татарстан. Опросив специалистов по изгнанию джиннов, мы пришли к выводу, что опрошенные нами чтецы имеют схожие методологические черты, например, они изгоняют джиннов только от имени Аллаха. Чтения сур и выдержек из хадисов произносят на арабском языке. Сеансы проводят дома, в машине, а также используют современные технологии (телефон, интернет). Однако имеются и различия. Например, некоторые экзорцисты во время сеанса используют лечебные травы (тмин, ладан), деревянные палки, которые помогают бороться с джиннами, однако другие не признают таких способов избавления от одержимости. Некоторые специалисты, узнав, что джинн был занесен в тело человека по вине колдуна, избавляют обратившегося к ним клиента от джинна, но ничего не делают с колдуном, другие «мстят» обидчикам. Что касается оплаты за предоставленную услугу, то часть экзорцистов имеют фиксированный прейскурант, другие же берут с клиента такую сумму, которую тот считает нужным дать.

Литература

1. Котыня О. «Медицина Пророка» как форма исламской традиционной медицины // Медицинская антропология и биоэтика. 2014. № 2 (8). С. 1–27.
2. Кулиев Э. Коран. Перевод смыслов и комментарии. М.: Эксмо, 2020. 816 с.
3. URL: <http://as-sunna.ru/post/1814.html> (дата обращения: 12.04.2022).
4. URL: <https://islam.kz/ru/articles/islam-i-nauka/raznoe/kak-opredelit-sidit-li-v-tebe-djinn-i-kak-izgnat-ego-iz-tela-974/#gsc.tab=0> (дата обращения: 11.04.2022).
5. URL: <https://as-salam.ru/news/826/> (дата обращения: 10.04.2022).
6. URL: <https://medinaschool.org/library/creed/vera/izgnanie-dzhinov> (дата обращения: 09.04.2022).

ПЕДАГОГИКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

СОЗВУЧИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л.Н. ТОЛСТОГО С ПРОГРЕССИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ ЯПОНИИ

*Н.А. ШАЙДЕНКО¹,
член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий центром стратегического планирования развития образования,
экспертизы и научного консультирования
Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки
работников образования Тульской области,
Россия, г. Тула
e-mail: Nadezhda.Shaydenko@tularegion.org*

Аннотация: Гуманистические педагогические идеи Л.Н. Толстого оказали значительное влияние на развитие систем образования многих стран. Интересным примером такого воздействия является опыт их трансформации и реализации в двух японских университетах Сока и Сёва, основанных Д. Икеда — известным японским общественным политическим и религиозным деятелем, в соответствии с учением Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: система образования, процесс воспитания, духовные ценности, японская школа, ценности жизни, гуманистические идеи.

¹ Статья подготовлена по результатам неоднократного пребывания автора в университетах Сока и Сёва.

CONSONANCE OF L. TOLSTOY'S HUMANISTIC IDEAS WITH THE PROGRESSIVE PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE OF JAPAN

N. SHAIKENKO,

*Corresponding member of RAO, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of the Center for Strategic Planning of education Development,
Expertise and Scientific Consulting of the Institute of Advanced Training
and Professional Retraining of Education Workers of the Tula region,*

Russia, Tula

e-mail: Nadezhda.Shaydenko@tularegion.org

Abstract: L.N. Tolstoy's humanistic pedagogical ideas had a significant impact on the development of education systems in many countries. An interesting example of such an impact is the experience of their transformation and implementation in two Japanese universities Soka and Seva, founded by D. Ikeda, a well-known Japanese public political and religious figure, in accordance with the teachings of Leo Tolstoy.

Keywords: Education system, upbringing process, spiritual values, Japanese school, values of life, humanistic ideas.

Л.Н. Толстой покорил Японию на рубеже XIX–XX веков как художник и мыслитель. В 1920-е годы, когда началась интенсивная милитаризация страны, наследие великого человека открылось с другой стороны. Для многих образованных людей Японии стала очевидной необходимость противостояния духу зла и насилия через систему образования и воспитания личности человека. Потому и оказались востребованными прежде всего педагогические идеи Л.Н. Толстого [3: с. 15].

В последние десятилетия человечество оказалось перед серьезной проблемой выбора — или оно пойдет по пути тоталитаризма, бездумного коллективизма с акцентом на подавление личностного достоинства, или оно избрет путь диалогического (вариативного) общения, когда каждый из пришедших в этот мир сохранит в себе неповторимость, национально-историческую традиционность, общепланетарность.

Нами показан второй путь движения человечества к истине и радости в системе образования Японии. Два японских университета, включающие в себя все ступени непрерывного образования — «Сёва» (Женский университет Сёва (昭和女子大学, Сёва Джоши Дайгаку) — женский частный университет в Сетагая, Токио, Япония. Университет был основан на принципах «любви, сострадания и гармонии в соответствии с учением Льва Толстого) и «Сока» (Soka University или 創価大学 — частное высшее учебное заведение в Японии. Soka University был официально учрежден

в 1971 году. Основной корпус вуза находится в районе города Токио. Soka University — престижное учебное заведение Японии, которое стабильно вход в топ 70 вузов страны), развивая гуманистические идеи Л.Н. Толстого, создали удивительную систему образования и воспитания человека с учетом планетарного, национально-исторического, индивидуально неповторимого в каждом человеке, независимо от социального положения, но с учетом его природных способностей и фаз развития [4: с. 108].

Мы постарались представить основные данные о системах образования и воспитания в школах «Сёва» и «Сока» (школа в Японии — это комплекс учебных заведений разного типа, от детского сада до университета), и проследить взаимосвязь педагогических идей Л.Н. Толстого и основных образовательно-воспитательных установок двух известных университетов Японии.

Наиболее близко воспринял идеи Л.Н. Толстого японский педагог Макигути (Макигучи) Цунэсабуро (1871–1944, 牧口常三郎). Он основал Сока Кёйку Гаккай (Образовательное общество, создающее ценность) и стал его первым президентом.

За более чем 30 лет работы в школах у него накопилось много записей по педагогической практике, на основе которых он создал новую систему образования «Сока», что значит создание духовных ценностей.

Макигути Цунэсабуро в своей статье «Система образования Сока» изложил конкретные предложения о реформе системы образования в Японии.

По его мнению, цель образования и воспитания детей заключается в создании счастья детям и развитии их творческой силы и способностей приносить добро людям, создавать новую ценность для общества. В данном случае очень важно толкование слов «счастье» и «ценность» с точки зрения педагогики. По мнению Макигути Цунэсабуро, настоящее «счастье», которое не зависит от настроения и характера людей, времени, мест и других внешних факторов, возможно только в том случае, когда человек на основе своей здоровой силы (в духовном и физическом смысле) способен создать добро для других людей, а «ценность» формируется, когда «счастье» и «добро» находятся в полной гармонии. Все жалобы и недовольства людей в обществе возникают из-за несоответствия «счастья» и «добра».

Макигути Цунэсабуро выдвинул три новые категории ценностей, которые заключаются в «красоте», «полезности» и «добре».

Им разработан трехэтапный дидактический принцип:

- 1) «Сю» (сохранить): В начальной стадии преподавания, пока не накапливается достаточный опыт, учитель должен основываться на одной из существующих дидактических школ, следовать только ее правилам, не переплетая их с другими школами, и освоить систему образования одной из школ.

- 2) «Ха» (разрушить): После того как учитель выучил одну из дидактических школ, он должен расширить свой педагогический кругозор за счет знакомства с другими дидактическими школами и развивать свою технологию преподавания на практике.
- 3) «Ри» (расстаться): После того как учитель осмыслил различные дидактические школы, он должен стремиться к созданию своего направления. Если он способен на основе собственного опыта проявить оригинальность в создании нового направления, он считается мастером-педагогом.

Макигути Цунэсабуро описал шесть педагогических ориентиров для всестороннего развития личности:

- 1) Преобразование эмоции в разумную сферу: развивать у ребенка способность контролировать свои эмоции и действовать разумно.
- 2) Создание ценностей из «естественного состояния»: учить ребенка, как создать культурную ценность «естественного состояния» того или иного объекта.
- 3) Формирование общественной личности: прививать ребенку желание и стремление приносить добро людям и обществу, отказываясь от эгоизма.
- 4) Следование не за кем-нибудь, а за «Законом бытия»: развивать у ребенка видение вещей и явлений, которое не зависит от суждения кого-либо, а основывается на «Законе бытия» (Макигути Цунэсабуро прежде всего имеет в виду буддийское учение).
- 5) Самоконтроль: учить детей, чтобы они не ждали контроля с чьей-то стороны, а сами контролировали себя.
- 6) Стремление к цели: привить детям стремление к собственной цели, не поддаваясь своим страстям.

Содержание учебного материала, по мнению Макигути Цунэсабуро, должно охватывать:

- явления природы (все явления на небе и земле): явления в природе, явления на планете, явления на суше, явления на море, явления живого мира, явления неживого мира, явления человеческого мира;
- явления жизни (явления, возникающие в человеческих отношениях): явления жизни, способ бытовой жизни, способ единства, общество и организация, общественные классы, разделение труда в обществе, политические явления, экономические явления, культурные явления.

Классификация предметов:

- фундаментальный предмет, касающийся непосредственно человеческой жизни (предмет «Родина»);
- предмет, изучаемый в классе;

- предмет, применяемый в реальной жизни, отражающий «Новый стиль школы» — «Полдневная школа». Основная цель данной школы заключается в совмещении учебы и реальной жизни, гармонии умственного и физического развития ребенка, одновременном приривитии знаний и трудовых навыков, расширении возможности приема учащихся в каждой школе для снижения конкурса.

Совершенствование непосредственных объектов образования — институтов, готовящих педагогов, исполнительного органа образования, органов, контролирующих образование.

Создание педагогических исследовательских экспериментальных школ.

Создание арбитражей для решения педагогических споров:

- проводить государственные экзамены для приема директоров начальных школ;
- установить требования для директоров школ по дидактическому знанию, опыту и способности управления школой.

Улучшение условий труда для учителей: плохие условия труда для учителей, т.е. неуважение к образованию, приводят к потере педагогической силы и, в конце концов, к гибели государства.

Установление автономии школ: автономия школ нужна для защиты учителей от несправедливого вмешательства власти и обеспечения стабильного статуса учителей, а также для защиты прав на образование.

Далее покажем, каким образом отражаются идеи Л.Н. Толстого и Макигути Цунэсабуро на практике в конкретной школе.

Идеи Макигути Цунэсабуро унаследовал общественно-религиозный деятель Дайсаку Икэда. В 1970—1980-х гг. он основал учебные заведения всех этапов, от детского сада до университета. Кроме того, он открыл филиал университета в Лос-Анджелесе и филиалы детского сада в Гонконге, Сингапуре и Малайзии.

В школе «Сока» предмет «Родина», введенный Макигути Цунэсабуро, осуществляется как «опытная учеба». Например, ученики с учителями ездят на ближайшую реку для того, чтобы изучать качество ее воды, или выращивают на территории школы светлячков для того, чтобы узнать, какие условия им нужны для нормального развития, и, когда светлячки начинают летать, приглашают соседей вместе любоваться. Самое главное — через такую работу дети начинают больше уважать ценность жизни.

Дети собирают на улицах мусор с целью охраны окружающей среды и изучения, какой мусор является главной причиной загрязнения. На основе такого занятия периодически один раз в 3—5 лет проводится выставка на тему защиты и охраны окружающей среды, которую полностью готовят сами дети: собирают материалы, проводят опрос мнений соседей, рисуют графики и плакаты, пишут рефераты, даже обращаются к профессорам и общественным деятелям.

Что касается системы «полдневной школы», хотя нынешний режим образования Японии не позволяет внедрить ее полностью, — идея Макигути Цунэсабуру совместить учебу с трудом осуществлена. При школе «Сока» имеется свой огород, где дети сами выращивают огурцы, помидоры, картофель и другие овощи. Кстати, часто бывает такая забавная картина, когда дети, собирая урожай, находят на земле лягушек и кузнечиков, которые являются большой редкостью в Токио, и начинают играть с ними, забывая о сборе урожая.

Подобно тому, как Макигути Цунэсабуру создал благотворительную группу школьников «Маленькое добро» для оказания помощи пострадавшим от крупного землетрясения в 1923 году, дети школы «Сока» активно принимают участие в разной благотворительной деятельности.

Для развития творческих способностей, например, во время урока естественных наук, проводится самостоятельное групповое исследование на любую тему. Учителя при этом объясняют только способ поиска материалов.

Однако самой большой особенностью этой школы надо назвать огромную заботу учителей о детях. К примеру, кабинет директора этой школы называется комнатой «мечты». Ее дверь постоянно открыта детям, и там они могут пить чай и беседовать с директором. Кроме того, каждый день проводится совещание учителей по классу, где конкретно обсуждают, нет ли ребенка, который мучается какой-нибудь проблемой. И если его находят, то все вместе решают, как помочь ребенку разрешить эту проблему, кому лучше поговорить с ним и его родителями... Таким образом они, сотрудничая между собой, стремятся не допустить малейших признаков проблем учащихся [5].

Педагоги «Сока» большое внимание уделяют проблеме издевательств, которые существуют практически во всех школах Японии. Такая позиция исходит из духа Макигути Цунэсабуру и основателя школы Д. Икэда.

Д. Икэда сказал в беседе с учителями, что для разрешения проблемы издевательств учителя должны прежде всего иметь «духовную энергию», чтобы прислушиваться к голосу души детей, а «духовная энергия» означает сильное чувство ответственности и желания во что бы то ни стало не допустить или решить проблему, чтобы глубокая любовь сумела защитить своих учеников. Он говорит, что, если у учителей имеется такая духовная энергия, то дети всегда чувствуют себя спокойно [2: с. 146].

Д. Икэда, видя главную причину издевательств в предрассудках или нетерпении к различию, расширяет сотрудничество в области образования с разными странами мира. Из-за рубежа приезжают к нему дети и ученые, общественные деятели для взаимного общения [6]. Это одновременно расширяет у детей и ученых взгляд на мир, развивает глобальное мышление.

В школе Сока уделяется большое внимание каждому отдельному ребенку. Основатель Д. Икэда говорит: «У каждого человека есть своя миссия на Земле. Если ребенок сможет осознать это, ростки возможностей детей будут распускаться безгранично» [1: с. 169].

В университете Сока, созданном Д. Икэдой, стоит памятник Льву Николаевичу Толстому вместе с памятниками другим мудрецам мира.

Литература

1. Икеда Дайсаку. Страна детства: книга-диалог / Дайсаку Икеда, Альберт Лиханов. М.: Детство. Отрочество. Юность, 2007. 285 с
2. Садовничий В.А. На рубеже веков. At the turn of the century: разговор о главном / Виктор Садовничий и Дайсаку Икеда. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 420 с.
3. Шайденко Н.А. Влияние духовно-нравственной концепции Л.Н. Толстого на его педагогические воззрения // Современный ученый. 2020. № 6. С. 73–77.
4. Шайденко Н.А. Гуманистическая педагогическая парадигма России конца XIX века и идеи Л.Н. Толстого // Стратегии развития современной науки: Сборник научных статей. М.: Перо, 2019. С. 106–110.
5. Школьная система Soka. URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/Soka_School_System (дата обращения: 12.04.2022).
6. Soka Gakkai International (SGI). URL: <https://www.sgi.org/ru/sgi-president/president-overview.html> (дата обращения: 12.04.2022).

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕОГРАФИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Т.С. ВОРОНОВА,
кандидат географических наук, доцент,
доцент кафедры географии и туризма,
Институт естествознания и спортивных технологий,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: voronova.t@mgpu.ru*

*Т.П. ГРУШИНА,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры географии и туризма,
Институт естествознания и спортивных технологий,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: grushina.t@mgpu.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые методические аспекты преподавания географии на постсоветском пространстве. После распада СССР, для ряда его бывших республик, ставших независимыми государствами, начался новый этап в развитии образования, который одновременно сохранил в себе традиции советского образования и способствовал созданию национальных систем образования, отличающихся обновлением содержания, форм обучения, технологий, обращению к опыту западных стран и внедрению разнообразных методик в образовательный процесс. Проводится анализ структуры и содержания школьных курсов географии по классам в России, Белоруссии и Казахстане, выделяются сходства и различия некоторых методических аспектов.

Ключевые слова: география, система образования, постсоветское пространство, методика преподавания географии, образовательные платформы.

TEACHING GEOGRAPHY METHODOLOGICAL FEATURES IN POST-SOVIET COUNTRIES

T. VORONOVA,

*Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Geography and Tourism,
Institute of Natural Sciences and Spots Technologies*

Moscow City University,

Russia, Moscow

e-mail: voronova.t@mgpu.ru

T. GRUSHINA,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Geography and Tourism,
Institute of Natural Sciences and Spots Technologies*

Moscow City University,

Russia, Moscow

e-mail: grushina.t@mgpu.ru

Abstract: The article discusses some methodological aspects geography teaching in the post-soviet countries. After the USSR collapse, a number of its former republics that became independent states. In that period a new era in education development had begun. National educational systems at the same time preserved the traditions of Soviet education and contributed to the creation of national features. They are characterized by the renewal of content, educational forms, technologies, appeal to the experience of Western countries and the introduction of various methods in the educational process. The article analyzes the structure and content of school geography courses by class in Russia, Belarus and Kazakhstan, highlights the similarities and differences of some methodological aspects.

Keywords: geography, educational system, post-soviet countries, methodology of geographical education, educational platforms.

После распада СССР перестала существовать единая для всей страны система образования. Начался новый этап развития и переориентации национальных образовательных систем на постсоветском пространстве. Каждая страна проходила свой путь развития и ориентировалась на разные нормы и правила: одни — на советскую образовательную систему, другие — на западный опыт. Сейчас, анализируя более чем тридцатилетнюю историю самостоятельного развития стран, можно увидеть особенности разных национальных систем образования, собственные тренды во многих областях образования стран постсоветского пространства. Это отражено как в нормативных документах, так и научных статьях [1; 3; 6; 7; 8].

Важно отметить, что многие аспекты современного образования были унаследованы большинством стран постсоветского пространства от системы советского образования и взяты ими за основу своих националь-

ных систем. Яркими примерами являются такие страны, как Белоруссия и Казахстан. Стоит начать с того, что образовательные программы Белоруссии и Казахстана предусматривают преподавание как на родном, так и на русском языках [1; 5].

Рассмотрим методические особенности преподавания географии в странах постсоветского пространства на примере России, Белоруссии и Казахстана.

В качестве критериев для сравнительного анализа возьмем следующие:

- структура школьных курсов по классам;
- количество часов в неделю, отводимое на изучение предмета;
- содержание курсов.

Структура школьных курсов по классам. В структуре и распределении школьных курсов по годам обучения можно выделить как общие черты, так и различия. В таблице 1 представлена структура школьных курсов географии исследуемых стран по годам обучения.

Таблица 1

Структура школьных курсов географии по классам в России, Белоруссии и Казахстане (составлено по [1,4,6,7,9])

Страна	Класс, название курса						
	5	6	7	8	9	10	11
Россия	География. Начальный курс		География. Материки, океаны, народы и страны	География России		География. Экономическая и социальная география мира*	
Белоруссия		География. Физическая география	География. Материки океаны	География. Страны и народы	География Беларуси	Социально-экономическая география мира	География. Глобальные проблемы человечества
Казахстан			География	География	География Казахстана	География	География

*В зависимости от учебного плана школы данный курс может быть реализован только в 10 классе при нагрузке 2 ч в неделю, либо в 10–11 классах при нагрузке 1 ч в неделю

Данные, представленные в таблице, позволяют выделить ряд особенностей в структурах курсов географии в исследуемых странах:

1. Раньше всех курс географии начинают изучать в школах России — в 5 классе.
2. Позже всех — с 7 класса — начинается знакомство с географией в Казахстане. До этого (в 5–6 классах) преподается естествознание.
3. Завершается дисциплина в России — в 10 классе на базовом уровне, и только на профильном уровне она может быть продолжена в 11 классе; в Белоруссии и Казахстане география официально изучается до 11 класса как на базовом, так и на профильном уровнях;

4. Во всех трех странах изучается география собственной страны, однако этот курс ведется на разных ступенях и длительность его различается. Так, на географию России отводится два года изучения в 8–9 классах. География Белоруссии и Казахстана изучается только в 9 классе.
5. В России и Белоруссии курс обучения географии основан на линейной системе — последовательном переходе от курса к курсу (начальный курс, география материков и океанов и т.д.). В Казахстане изучение предмета осуществляется по спиральной системе, т.е. основные разделы курса изучаются повторно в следующем году, однако их содержание представлено в более углубленном и расширенном формате.
6. По названиям, структуре построения курсов и содержанию школьной географии более сходными являются образовательные системы России и Белоруссии.

Стоит отметить, что до 2017 г. структура образовательной программы по географии в Казахстане имела общие черты с аналогичными документами России и Белоруссии. Освоение дисциплины осуществлялось по линейной системе. В 2017 г. Казахстан перешел на учебную программу обновленного содержания [7], в основе которой разделы географии изучаются по спирали, т.е. содержание одних и тех же разделов от класса к классу постепенно углубляется, тем самым способствуя расширению географических знаний.

Количество часов в неделю, отводимое на изучение предмета. Анализ источников [1; 3; 4; 5] показал, что количество часов в неделю, отводимое на изучение географии, имеет как сходные, так специфические особенности по странам. На диаграмме (рис. 1) показано распределение количества часов географии по классам и уровням образования.

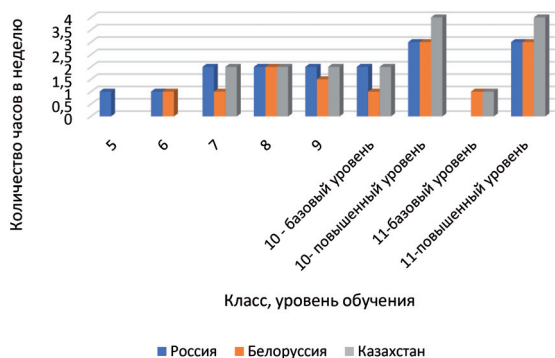

Рис. 1. Распределение часов уроков географии в неделю в школах России, Белоруссии и Казахстана (составлено по [1,3,4,5,6,7,])

Данная диаграмма иллюстрирует достаточно интересную картину:

1. Наибольшее совокупное количество часов в неделю на изучение географии по всем классам приходится на Казахстан.
2. На освоение курса «География Белоруссии» отведено 1,5 ч в неделю, что не характерно для двух других стран.
3. Сходная ситуация по распределению нагрузки в России и Казахстане: в 7–9 классах на изучение географии отводится по 2 часа в неделю; в Белоруссии только в 8 классе дается 2 часа, по всем остальным годам обучения этот показатель варьирует.
4. Значительное количество часов отведено на освоение географии на углубленном уровне во всех трех странах: в России и Белоруссии — по 3 часа, в Казахстане — 3–4 часа в зависимости от профиля обучения.

Содержание курсов. Стоит сказать, что содержательная составляющая школьного географического образования многое переняла от советской системы. Особенно хорошо это прослеживается через структуру учебных программ и материалы учебников. Наиболее ярко эти особенности отражены в курсах географии России и Белоруссии. В обновленной образовательной программе Казахстана структура изучения дисциплины несколько иная. В табл. 2 представлено краткое содержание курсов географии по годам.

Таблица 2

**Краткое содержание курсов географии в России, Белоруссии и Казахстане
(составлено по [1; 3; 4; 6; 9])**

Класс	Россия	Белоруссия	Казахстан
5	Основное содержание: Земля как планета Солнечной системы;		
6	Изображение земной поверхности; Геосферы Земли (литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, географическая оболочка)	Основное содержание: Земля на плане местности, глобусе и карте; Природа Земли (литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера)	
7	Основное содержание: Современный облик планеты Земля; Население; Главные особенности природы Земли; Материки и страны (Африка, Австралия и Океания, Южная Америка, Антарктида, Северная Америка, Евразия); Природа Земли и человек	Основное содержание: Общая характеристика земного шара; Региональный обзор земного шара (океаны, Африка, Австралия и Океания, Антарктида, Южная Америка, Северная Америка, Евразия)	Основное содержание: Методы географических исследований, исследователи; Картография и географические базы данных, географические карты; Физическая география; Социальная география; Экономическая география; Страноведение с основами политической географии*

Окончание табл. 2

Класс	Россия	Белоруссия	Казахстан
8	Основное содержание: Географическое положение и формирование территории России. Характеристика природы, населения, хозяйства. Региональный обзор территории России. Россия в современном мире	Основное содержание: Население и его хозяйственная деятельность. Региональный обзор мира (Европа, Российская Федерация, Азия, Северная и Центральная Америка, Южная Америка, Африка, Австралия и Океания)	Разделы те же, что и 7 классе, но на более углубленном уровне
9		Основное содержание: Географическое положение и исследования Беларуси. Природные условия и ресурсы, ландшафты. Геоэкологические проблемы. Природное районирование. География населения, хозяйства, внешнеэкономические связи Беларуси; Области и город Минск	Основное содержание: Начальные разделы те же, что и в предыдущих курсах, но на более углубленном уровне. Разделы по физической, социальной, экономической географии рассматривают природу, географию населения и хозяйства Казахстана. Раздел «Страноведение с основами политической географии» рассматривает Казахстан на политической карте мира
10	Основное содержание: Состоит из двух разделов: Раздел 1. «Общая характеристика мира» (политическая карта, население, природные ресурсы, отрасли мирового хозяйства и НТР, глобальные проблемы человечества); Раздел 2. «Региональная характеристика мира» (Зарубежная Европа, Зарубежная Азия, Англо-Америка, Латинская Америка, Африка, Австралия и Океания)	Основное содержание: Современная политическая карта мира и политическая география. География населения мира и мирового хозяйства	Основное содержание: Методы географических исследований; Картография и геоинформатика; Природопользование и геоэкология. Геоэкономика. Геополитика. Страноведение. Глобальные проблемы человечества
11		Основное содержание: Геоэкологические проблемы географической оболочки; Социально-экономические глобальные проблемы	

* Все курсы географии имеют идентичную структуру, но содержание разделов углубляется и расширяется от класса к классу. Такие особенности характерны для спиралевидной системы изучения предмета.

Анализ данной таблицы позволяет выявить следующие особенности:

1. Содержание начальных курсов географии России (5–6 кл.) и Белоруссии (6 кл.) практически идентичны — получение начальных

- картографических знаний и умений и изучение оболочек Земли. Однако в программе начального курса географии также рассматривается Земля как часть Солнечной системы.
2. На «Географию материков и океанов, стран и народов» в российской образовательной программе отведен один учебный год — 7 класс. В Белоруссии аналогичный курс рассчитан на два года — 7–8 классы: в 7 классе изучаются материки и океаны, а в 8 — страны и народы. В целом же содержание материала во многом сходно в обеих странах.
 3. Во всех трех странах практически на одной возрастной ступени изучается география своей страны. Структура построения материала в России и Белоруссии во многом похожа: начинается с изучения географического положения своей страны и завершается региональным обзором. В курсе географии Белоруссии отдельно выделен раздел «Области и город Минск». География Казахстана изучается в общемировом контексте.
 4. На старшей ступени образования содержание достаточно вариативно, однако стоит отметить, что общими разделами для всех стран являются страноведение и геоэкологические проблемы современности.
 5. При изучении курса географии Казахстана на всех ступенях достаточно серьезное внимание уделено методам географических исследований, картографии и геоинформатике. В образовательных программах России и Белоруссии этому аспекту посвящено значительно меньшее количество времени.

На основе всего вышесказанного определим некоторые аспекты сходства и различий в методических особенностях изучения географии в трех странах постсоветского пространства. Наиболее показательно это представлено в табл. 3.

Таблица 3

**Сходства и различия
некоторых методических аспектов школьных курсов
России, Белоруссии, Казахстана**

Критерий	Россия	Белоруссия	Казахстан
Длительность изучения, лет	6 (7)	6	5
Предметная область	Общественно-научные предметы	Естественнонаучные предметы	Естествознание
Модель обучения	Линейная		Спиральная

Окончание табл. 3

Критерий	Россия	Белоруссия	Казахстан
Наличие уровней образования	Основное общее 5–9 классы. Базовый — 10 класс, углубленный 10–11 классы	Основное общее 6–9 классы. Базовый и повышенный уровень изучения географии в 10–11 классах	Основное общее 7–9 классы. В 10–11 классах два направления: общественно-гуманитарное (аналог базового) и естественно-математическое (аналог повышенного)
География своей страны, класс	8–9	9	9
Краеведческая составляющая	Контрольный аппарат (вопросы и задания)	Контрольный аппарат (вопросы и задания)	Контрольный аппарат (вопросы и задания), дополнительные сведения, факты
Интернет-источники, электронные приложения	Присутствуют		

Итак, данное исследование показало значительное сходство структурных и содержательных компонентов школьного географического образования в некоторых странах постсоветского пространства. Однако есть и свои сформировавшиеся и устоявшиеся черты. Несмотря на то, что в каждой из рассмотренных стран сформировались своя собственная система образования и образовательные стандарты, некоторые элементы являются наследием советской системы.

Литература

1. География. Учебные программы / Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2021-2022/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3817-geografiya.html> (дата обращения: 23.04.2022).
2. Канатова Ж.К. Особенности обновленного содержания учебной программы по географии в казахстанских школах // Молодой ученый. 2018. № 20 (206). С. 385–388.
3. Летагин А.А., Душина И.В., Пятунин В.Б., Таможняя Е.А. География: 5–9 классы: Рабочая программа. М.: Вентана-Граф, 2017. 276 с.
4. Об особенностях организации учебно-воспитательного процесса в организациях среднего образования Республики Казахстан в 2019–2020 учебном году. Инструктивно-методическое письмо. URL: <http://matkan.ru/wp-content/uploads/2019/09/ИМП-2019-2020.pdf> (дата обращения: 23.04.2022).
5. О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Республики Казахстан от 7 июля 2016 года № 432 «О внесении дополнений в приказ Мини-

- стра образования и науки Республики Казахстан» от 8 ноября 2012 года № 500 «Об утверждении типовых учебных планов начального, основного среднего, общего среднего образования Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700015583> (дата обращения: 23.04.2022).
6. Программа курса «География». 10–11 классы. Базовый уровень / Авт.-сост. Е.М. Домогацких. М.: Русское слово – учебник, 2019. 88 с.
 7. Типовая учебная программа по учебному предмету «География» для 7–9 классов уровня основного среднего образования по обновленному содержанию / Приложение 205 к приказу Министра образования и науки Республики Казахстан от 3 апреля 2013 года № 115. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V13008424_0#z16505 (дата обращения: 24.04.2022).
 8. Шульгина О.В., Воронова Т.С., Грушина Т.П. Бенчмаркинг-исследование высшего географического образования в вузах России и зарубежных стран // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2018. № 2 (30). С. 66–80.
 9. Электронные учебники / Образовательный портал mhhelp.kz. Время делиться знаниями. URL: <https://mhhelp.kz/skachat-elektronnye-uchebniki-kazahstan/> (дата обращения: 23.04.2022).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ (ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО)

*Ю.Б. НАДТОЧИЙ,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент департамента менеджмента и инноваций,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва;
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Университет «Синергия»,
Россия, г. Москва
e-mail: yflnjxbq-7e@yandex.ru*

*Н.А. ТИМОШКИНА,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент института «Инженерная экономика и гуманитарные науки»,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Россия, г. Москва;
доцент института детства,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва
e-mail: nad-timoshkina@yandex.ru*

Аннотация: Необходимость проведения воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования неоспорима. Однако относительно того, кто должен заниматься организацией и проведением данной работы, существуют разные позиции: некоторые преподаватели (преподаватели-практики) считают, что это работа не преподавателя, а специального подразделения в образовательной организации. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи воспитания и культуры, особенности организации воспитательной работы с позиции преподавателя, изучаются факторы, влияющие на качество воспитательной работы в образовательных организациях в современных условиях.

Ключевые слова: культура, воспитание, воспитательная работа, студенты, преподаватели, образовательные организации.

ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH STUDENTS (POST-SOVIET SPACE)

Yu. NADTOCHIY,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management and Innovation,
Financial University under the Government of the Russian Federation,*

Russia, Moscow;

*Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Synergy University,*

Russia, Moscow

e-mail: yflnjxbq-7e@yandex.ru

N. TIMOSHKINA,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Institute of Engineering Economics and Humanities,
Moscow Aviation Institute (National Research University), Russia, Moscow;*

*Associate Professor of the Institute of Childhood,
Moscow Pedagogical State University,*

Russia, Moscow

e-mail: nad-timoshkina@yandex.ru

Abstract: The need for educational work in educational institutions of higher education is indisputable. However, there are different positions regarding who should be involved in the organization and conduct of this work: some teachers (practical teachers) believe that this is not the work of a teacher, but of a special unit in an educational organization. The article examines the issues of the relationship between education and culture, the peculiarities of the organization of educational work from the position of a teacher, examines the factors affecting the quality of educational work in educational organizations in modern conditions.

Keywords: culture, education, educational work, students, teachers, educational organizations.

Воспитание и культура. Сейчас можно услышать очень много разнообразных суждений о взаимосвязи культуры и воспитания в современном контексте развития нашего общества:

- воспитание — это элемент (компонент) культуры;
- культура — это неотъемлемая часть воспитания;
- культурологический подход к воспитанию;
- и др.

Указывается на необходимость воспитания культурой и внимания к вопросам культуры воспитания. Рассматриваются, изучаются возможности культурологического подхода к воспитанию как одного из современных подходов к организации воспитательной работы в образовательных организациях.

С точки зрения культурологического подхода к воспитанию профессиональную деятельность педагога (преподавателя/учителя) можно оценивать и рассматривать с позиции культуры по следующим аспектам [4]:

- какова мера использования в профессиональной работе всех продуктов цивилизации;
- какова мера владения методикой организации разносторонней деятельности и какова мера ее присутствия в воспитательном процессе образовательной организации;
- какова мера и каков уровень организуемого приобщения воспитанников (студентов/школьников) к осмыслению жизни в контексте культуры.

При всем разнообразии мнений относительно соотношения понятий «культура» и «воспитание» неоспоримо одно: между культурой и воспитанием существует тесная взаимосвязь.

Специфика воспитательной работы в образовательных организациях. В настоящее время возникает очень много спорных моментов относительно организации и проведения воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования. Существуют такая позиция: некоторые преподаватели (в основном это преподаватели-практики) считают, что воспитательная работа — это работа не преподавателя, а специального подразделения в образовательной организации и преподаватель не должен касаться данной работы. Как показывает многолетний опыт работы, это чаще всего мнение преподавателей, не имеющих педагогического образования.

В целом приглашение преподавателей-практиков для проведения занятий — это хорошая тенденция в образовательном процессе, но она должна применяться в меру, и самый оптимальный вариант — приглашать таких преподавателей на одно-два занятия. Как правило, все они трудятся в разных областях и студентам рассказывают в основном о своей работе в этой области. Поэтому лучше приглашать разных преподавателей-практиков для полноценного ознакомления студентов с работой (спецификой профессиональной деятельности) в разных областях. Также часть преподавателей в образовательных организациях высшего образования — это бывшие выпускники разных кафедр без педагогического образования, а иногда и без необходимого специального образования (например, выпускник по специальности менеджер или маркетолог ведет дисциплины «Экономическая теория» или «Теория систем и системный анализ»).

Как показывает многолетний опыт, необходимость в профессиональных преподавателях (с педагогическим образованием) не отпадает. К тому же среди практиков сейчас отмечается не очень хорошая тенден-

ция — модно быть преподавателем (по совместительству со своей основной работой), именно поэтому большинство практиков и стремится стать по совместительству преподавателями в престижных образовательных организациях. Но эта так называемая мода на преподавательство иногда отрицательно сказывается на качестве образования, в основном из-за отсутствия элементарных педагогических знаний у практиков. Подчеркнем, что так бывает не во всех случаях. Это зависит от самого человека (практика), который берется за преподавательскую деятельность. Есть и преподаватели с педагогическим образованием, но не любящие свою профессию или оказавшиеся не на своем месте, и они также отрицательно влияют на студентов, а есть и преподаватели-практики с хорошим педагогическим подходом (хоть иногда и на интуитивном уровне). Всё очень индивидуально.

При всей описанной ситуации стоит отметить, что необходимость проведения воспитательной работы в образовательных организациях, как показывает практика, в современных условиях развития нашего общества неоспорима.

В связи с этим определяются основные направления воспитательной работы в образовательной организации высшего образования — это:

- формирование/воспитание профессионально значимых качеств личности;
- формирование/воспитание патриотизма и гражданственности личности;
- формирование/воспитание качеств нравственной и поликультурной личности;
- формирование/воспитание направленности на здоровый образ жизни [2].

В целом, если рассматривать особенности организации воспитательной работы с позиции преподавателя, можно предложить реализацию и дальнейшую доработку трехидейной концепции развития воспитательной деятельности (работы) в образовательных организациях высшего образования (в университетах), создания единой воспитательной/воспитывающей среды (табл. 1) [1].

Таблица 1

Концепции развития воспитательной деятельности [1]

Связь с учебной работой	Связь со студенческой жизнью	Связь с административным управлением и самоуправлением студентов
<ul style="list-style-type: none"> — воспитание в контексте целей и задач профессионального образования; — реализация воспитательной функции в единстве учебной и внеучебной деятельности; — и др. 	<ul style="list-style-type: none"> — ориентация на нравственные идеалы и ценности гражданского общества; — развитие сети студенческих объединений и организация их взаимосвязи с другими объединениями/организациями; — добровольное участие в решении значимых для студента личных и общественных проблем; — и др. 	<ul style="list-style-type: none"> — сбалансированное сочетание административного управления и самоуправления студентов; — активность факультетов, кафедр в организации и проведении воспитательной работы; — укрепление связей факультетов с общеузовскими структурами, занимающимися воспитательной деятельностью; — возможность саморазвития и гибкость воспитательной деятельности в образовательной организации; — и др.

Как необходимую составляющую воспитательной работы в образовательной организации можно назвать мотивацию. Это как мотивация самого преподавателя к организации и проведению воспитательной работы со студентами, так и мотивация студентов к организации и участию в различных воспитательных мероприятиях и даже мотивация студентов со стороны преподавателей к обучению, учебному процессу, к выполнению разных научно-исследовательских работ (НИР) и др. Таким образом, можно рассматривать и мотивацию студентов как составляющий компонент воспитательной работы преподавателя.

Проведение опросов студентов на предмет интереса к воспитательным мероприятиям, оказание помощи студентам в организации и проведении различных мероприятий (например, студенческий КВН, брейн-ринг, викторина, посещение музеев и др.) — вот еще одна часть воспитательной работы современного преподавателя.

Факторы, влияющие на качество воспитательной работы. Что касается отечественного образования на постсоветском пространстве, то можно говорить о постоянном изучении и мониторинге его качества. Постоянно обсуждаются вопросы о факторах и индикаторах качества образования, и воспитание рассматривается как один из его компонентов [3]:

- уровень подготовки абитуриентов;
- организация учебного процесса на кафедре;
- оснащение кафедры;
- организация самостоятельной работы студентов;
- мотивация студентов к учебной и научной деятельности;
- практические умения студентов;
- внедрение научных достижений в учебный процесс;
- внеучебная работа, воспитательная работа;
- уровень подготовки преподавателей, подбор кадров, повышение их квалификации, социальная защищенность сотрудников;
- использование информационных технологий.

Как видно из представленного списка факторов, влияющих на качество образования на уровне кафедры, организация воспитательной работы (внеучебной работы), ее качество являются одним из компонентов качества образования.

Оценить качество воспитательной работы очень сложно. Тем более что проявляться сформированные у студента качества могут уже в будущем и, скорее всего, будут более заметны в его близком окружении (в семье, с друзьями, с близкими коллегами по работе). Поэтому оценка дается не с точки зрения сформированности уже определенных качеств, а с точки зрения организации воспитательного процесса в образовательной организации.

Выделяются следующие факторы, влияющие на качество воспитательной работы в образовательных организациях:

- среда образовательного процесса (социальная, организационная, культурная и др.);
- система отношений: «преподаватель — студент», «преподаватель — преподаватель», «преподаватель — заведующий кафедрой», «преподаватели — родители» и т.д.;
- поведение преподавателя, его личностные и профессиональные качества (как пример для студента);
- профессиональная компетентность преподавателя.

При изучении факторов, влияющих на качество воспитательной работы в образовательных организациях, представляют интерес результаты некоторых опросов.

Так, в опросе, проведенном в 2018 году с целью изучения мнения студентов о возможностях оценки ими интеллектуального ка-

питала преподавателя (приняли участие 103 студента бакалавриата I–IV курсов РТУ МИРЭА, обучающихся по направлениям: «Инноватика», «Менеджмент», «Оптотехника» и «Биотехнические системы и технологии»), респондентам были заданы вопросы: 1) По каким критериям и показателям Вы лично можете оценить интеллектуальный капитал преподавателя? 2) По каким критериям и показателям Ваши родители смогут оценить интеллектуальный капитал преподавателя?

Некоторые полученные в ходе опроса ответы касались налаживания хорошего контакта с преподавателем и складывающихся взаимоотношений между преподавателем и студентом в учебном процессе: «адекватное уважительное отношение к студентам» — 19,4% и «открытость в общении со студентами» — 20,4% (рис. 1).

Рис. 1. Наиболее популярные ответы на вопрос об оценке интеллектуального капитала преподавателя студентами, в % от числа опрошенных

Опрос 2019 года, проведенный с целью более детального изучения составляющих качества образовательного процесса (опрошено 243 студента I–IV курсов РТУ МИРЭА), также показал внимание студентов к установлению контактов с преподавателями. Участникам опроса был задан один вопрос: «Что вы понимаете под качеством образовательного процесса?» Ответ «хороший контакт с преподавателем, взаимопонимание» (как индикатор выстроенной грамотно системы отношений «преподаватель — студент») набрал 24,3% голосов. Здесь, наверное, можно отметить еще и ответ «квалифицированные преподаватели» — 25,1%, где студенты

считают компетентными преподавателей, в том числе и умеющих организовать воспитательную работу со студентами, а также показать им хороший личный пример (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о составляющих качества современного образования, в % от числа опрошенных

Таким образом, одна из составляющих качества воспитательной работы — система отношений: «преподаватель — студент» — является значимой и с точки зрения самих студентов.

Выводы. В заключение отметим несколько важных моментов в рамках рассматриваемой темы:

- признание того, что воспитание — это неотъемлемая часть образовательного процесса;
- значимость личного примера педагога (преподавателя);
- значимость личных качеств преподавателя;

- отношение преподавателя в воспитательной работе в образовательных организациях, мотивация к такому виду работ;
- значимость складывающихся взаимоотношений со студентами, в том числе и формирование своего отношения к студентам;
- значимость взаимоотношений преподавателя с другими преподавателями (коллегами), с администрацией и др.

Важно при этом и соблюдение правил профессиональной этики, уделение внимания формированию профессиональной культуры педагога (преподавателя) и выстраивание единой воспитательной среды образовательной организации, которая будет являться частью всей воспитательной среды нашей страны в современных условиях.

Литература

1. Расщепкина Е.Д. Специфика воспитательной работы в вузе // Теория и технологии металлургического производства. 2010. № 10. С. 212–218.
2. Тажбаева С.Г. Педагогические инновации в формировании воспитательной системы и анализ воспитания студенческой молодежи в вузе // Вестник КазНПУ. Серия «Педагогические науки». 2015. № 1 (45). С. 116–122.
3. Шкарин В., Буланов Г. Внутривузовское управление качеством обучения // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 29–33.
4. Щуркова Н.Е. Педагогика. Воспитательная деятельность педагога: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 319 с.

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ТАЙВАНЬСКИХ ВУЗОВ

*О.В. ВАСИЛЬЕВА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: barcarola@list.ru*

Аннотация: В период пандемии, когда иностранные студенты не имеют возможности изучать русский язык в России, интернет-технологии позволяют не только качественно общаться преподавателям и студентам, живущим в разных странах, не только совершенствовать навыки владения русским языком как иностранным, но и показывать студентам шедевры русской живописи, архитектуры и других искусств, знакомить их с русской классической музыкой и лучшими произведениями русской кинематографии, с богатой русской культурой.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, знакомство иностранцев с Россией и русской культурой.

TEACHING RUSSIAN TO STUDENTS OF TAIWAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

*O. VASILYEVA,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language Department,
St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg
e-mail: barcarola@list.ru*

Abstract: During the pandemic, when foreign students do not have the opportunity to study Russian in Russia, Internet technologies allow not only high-quality communication between teachers and students living in different countries, not only improve their skills in Russian as a foreign language, but also show students the masterpieces of Russian painting, architecture and other arts, to acquaint them with Russian classical music and the best works of Russian cinematography, with rich Russian culture.

Keywords: Russian as a foreign language, intercultural communication, acquaintance of foreigners with Russia and Russian culture.

Мир в эпоху развитого интернета открыт — это действительно мир без границ. И хотя пандемия и политические события снова существенно ограничили перемещение людей, это не очень повлияло на научные и культурные контакты. И если эффективность общения преподавателей вузов со студентами стала зависеть в том числе и от качества интернета у обучающихся, то международные научные конференции, как видится, даже выиграли от того, что проводились в онлайн-формате, поскольку для участия в научном мероприятии нет необходимости надолго отрываться от работы и лететь в другие города и страны. Достаточно просто выделить время на заседания и включить нужную программу. Конечно, при этом мы лишаемся возможности познакомиться с новыми для себя местами, сменить на несколько дней обстановку, но это, безусловно, оправданные потери ради сохранения здоровья и снижения уровня заболеваемости. Онлайн-формат многих международных научных конференций последних лет нисколько не помешал ни научному общению, ни обмену мыслями и эмоциями между участниками этих мероприятий. При этом география общения легко расширяется. Так, например, наши коллеги из дальних городов смогли присоединиться онлайн не только к масштабной международной конференции филологов, прошедшей на филологическом факультете СПбГУ [3], но и к гораздо более скромному мероприятию, тем не менее важному и дорогому для бывших студентов нашего университета, — к Ларинским чтениям [1], проводимым в память о Б.А. Ларине, учителе и ученом, заложившем основы и разработавшем научные концепции многих научных проектов, работа над которыми велась и ведется в настоящее время на филологическом факультете СПбГУ.

В последние два года закрытых границ и отсутствия авиасообщения между странами онлайн-обучение стало единственно возможным для иностранных студентов, желающих получить высшее образование в России. Безусловно, при очевидных плюсах онлайн-обучения у него имеются и очевидные минусы, но люди живут, работают или учатся в тех условиях, которые сложились в мире в настоящее время.

С конца XX века возобновилось обучение в вузах России студентов из Китая. Помню, как в середине семестра 1990 года, в середине пары, в аудитории, где профессор Г.Н. Акимова читала русистам ЛГУ лекцию по морфологии русского языка, приоткрылась дверь и в нее тихо друг за другом стали заходить такие тогда необычные, похожие друг на друга, все черноволосые, юноши и девушки. Год от года количество студентов и аспирантов из КНР неуклонно растет не только в СПбГУ, в вузах не только Санкт-Петербурга, но и других городов России. Китай — большая, сильная страна, и контакты между нашими державами неуклонно расширяются и крепнут. Вместе с тем есть и другие, малые страны Азии,

столь же давно и неустанно развивающие культурное и научное сотрудничество с Россией.

В 2007 году в СПбГУ защитила кандидатскую диссертацию по русскому языку аспирантка с Тайваня У Шу-Хуа [2]. За годы обучения в Петербурге она не только существенно повысила уровень владения русским языком, приобрела научные знания и написала достойную диссертацию, но и очень полюбила и город, и Россию. Вот уже 15 лет она преподает у себя на родине русский язык. За время, предшествовавшее пандемии, ежегодно, а иногда и дважды в год, прилетала в Петербург. Причем только в текущем учебном году ей наконец-то предложили в качестве основного места работы должность преподавателя русского языка в вузе Тайбэя. А все предыдущие 15 лет Шу-Хуа днем преподавала в одном из вузов юга страны английский язык, а по вечерам работала в центре любителей русского языка — вела факультативные занятия для студентов, желающих изучить в качестве второго иностранного наш, такой непростой для иностранцев, русский язык. Причем вела она эти факультативы так хорошо, так серьезно, что ее студенты — инженеры, программисты, историки, социологи — сдавали экзамен по русскому языку лучше, чем филологи, изучавшие русский язык в основное учебное время.

На зимних каникулах Шу-Хуа привозила своих тайваньских студентов в Россию, где они не только познакомились воочию с русской культурой, но и интенсивно занимались с русскими педагогами. Все дни (кроме воскресных), когда они были в Петербурге (2–3 недели), мы с коллегами каждое утро занимались с ними русским языком, а после обеда они ходили в Эрмитаж, Русский музей, гуляли по городу, посещали интересные им выставки. Среди обязательных мероприятий был и визит в Мариинский театр. Студенты из страны, лежащей недалеко от экватора (23 градуса северной широты), с тропическим и субтропическим климатом, где зимой температура +13–15° («очень холодно» — говорят студенты), а летом все 30°, выходят в Пулково в январский мороз, впервые видят снег, а некоторые чуть-чуть отважные в дальнейшем даже оказываются на катке и пытаются чуть-чуть освоить этот северный, зимний вид спорта — катание на коньках.

Пандемия прервала это непосредственное, контактное, воздействующее на все органы чувств, знакомство с Россией, с ее климатом, языком, культурой, традиционной кухней, народными обычаями и привычками русских людей. Но Шу-Хуа и в этих сложных обстоятельствах организовала дело так, что ее студенты, изучающие русский язык, продолжают получать навыки живого разговорного общения с носителями языка. Занятия вот уже второй год перенесены в онлайн-формат, отчего они выиграли, поскольку стали более длительными. Вместо двухнедельного интенсива студенты планомерно и регулярно на протяжении двух

лет занимаются русским языком с его носителями, получая домашние задания и общаясь с педагогами онлайн несмотря на пятичасовую разницу во времени.

При этом интернет позволяет не только развивать навыки владения иностранным языком, но и показывать студентам шедевры русской живописи, архитектуры и других искусств. Видеоряд, фотографии известных мест и произведений русского искусства, небольшие видео, безусловно, делают занятия по русскому языку занятиями не только по языку, но и по истории и культуре нашей страны.

Например, текст «29 мест России, которые включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО» стал не только познавательным для молодых людей, живущих так далеко, но и весьма интересным, поскольку половину объема в нем составляют красочные фотографии исторического центра Санкт-Петербурга, известного деревянного храма в Кижях и восьмикрылой мельницы, Московского Кремля, Царь-пушки, Царь-колокола, Красной площади, Великого Новгорода, Соловецкого монастыря, белокаменных Владимира и Суздаля, храмов Пскова, а также таких уникальных природных объектов, как леса Коми, озеро Байкал, вулканы Камчатки, Алтайские горы и так далее. Безусловно, все эти фотографии представлены в интернете, и студенты-иностранцы, конечно, могли бы и сами их найти, но они вставлены в текст, к ним прилагаются устные вопросы преподавателя — так что они являются не просто красивыми вкраплениями, а очень важным элементом данного обучающего текста.

Точно так же организована подача материала в других больших текстах. Например, «История России», где параллельно с рассказом, специально составленным для данных студентов с данным уровнем владения русским языком, представлены качественные иллюстрации (летописец, Чудское побоище, Куликовская битва, древняя Москва, стрелецкое войско, рукописные и печатные книги времен Ивана Грозного, карта Руси — России в 16—18-м веках, строительство кораблей в Петербурге, первая русская печатная газета, картины «Екатерина Великая в Академии Художеств», «Пушкин на экзамене в Царскосельском Лицее», «Бородинская битва», экспедиция парусных российских судов к Антарктиде, первая железная дорога. А затем уже фотографии: Первая мировая война, СССР, Великая Отечественная война, Дорога Жизни, Юрий Гагарин и старт ракеты на Байконуре.

Текст «Великие ученые России» не только знакомит тайваньских студентов с М.В. Ломоносовым, Д.И. Менделеевым и другими выдающимися нашими соотечественниками, но также содержит портреты этих знаменитых людей, фотографии мест, с ними связанных, их изобретений и открытий. Так, например, студентам было интересно познакомиться с картой, на которой нанесен маршрут пешего перехода юного Ломоносова из Хол-

могор в Москву, с мозаикой, выполненной Ломоносовым, на которой студенты узнали Петра Первого. Не меньший интерес вызвала картина, изображающая здание Двенадцати коллегий, где жил и работал Менделеев, с конными экипажами перед ним, а также фотография воздушного шара, на котором Дмитрий Иванович летал для наблюдения полного солнечного затмения, и макета ледокола, над которым он трудился для того, чтобы была возможность плавать среди льдов Арктики.

Качественные копии картин, представленные в интернете, сделали возможным создание полноценного текста «Живопись», где не только описываются, но и представлены древнерусские иконы, портреты работы русских художников 18-го века (Ивана Никитина, Андрея Матвеева, Алексея Антропова, Ивана Аргунова, известнейшие портреты Рокотова, Левицкого, Боровиковского, пейзажи Федора Алексея, исторические полотна Лосенко и Угрюмова). Невозможно вести беседы о русской живописи без знакомства с полотнами художников. Из богатейшего наследия XIX века были выбраны для бесед такие выдающиеся художники, как Тропинин, Кипренский, Щедрин, Венецианов, Александр Иванов, Карл Брюллов, Павел Федотов, Айвазовский, Крамской, Василий Перов, Саврасов, Шишкин, Суриков, Репин, Поленов, Васнецов, Куинджи, Левитан, Валентин Серов и Врубель. Разумеется, в текстах об этих художниках содержатся качественные репродукции самых известных их полотен.

Таким образом, не имея возможности приехать в Россию, посетить Русский музей в Петербурге и Третьяковскую галерею в Москве, студенты далекого Тайваня все же получают полноценное представление о русской живописи. Отработка грамматики русского языка, расширение словарного запаса студентов-иностранцев происходит параллельно с углубленным знакомством с историей и культурой России. Благодаря богатству фотографий в интернете, студенты заочно — но очень хорошо — познакомились с историческими сооружениями Москвы и Петербурга, с главными их проспектами и площадями, дворцами и парками.

Поэтому хочется надеяться на то, что в не очень отдаленном будущем, когда завершится пандемия и международное авиасообщение возобновится, студенты У Шу-Хуа, успешно сдавшие экзамен по русскому языку, смогут прилететь в Россию, чтобы дальше учиться и работать, и наша прекрасная страна не будет для них совершенно чужой, незнакомой и непонятной. Они будут ходить по местам, о которых читали, узнавать памятники, которые видели на фотографиях — и всё это благодаря возможности вербального и визуального общения в интернете, благодаря тому, что в Сети в настоящее время представлены разнообразнейшие видео- и аудиоматериалы, отражающие прекрасные произведения русской культуры.

Литература

1. Ларинские чтения — 2022. URL: <http://msk.phil.spbu.ru/pamyati-i.s.lutovinovoi> (дата обращения: 06.03.2022).
2. У Шу-Хуа. Русские фразеологизмы с компонентами «голова», «рука», «сердце» на фоне китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/russkie-frazeologizmy-s-komponentami-golova-ruka-serdtse-na-fone-kitaiskogo-yazyka> (дата обращения: 06.03.2022).
3. 50-я Международная научная филологическая конференция им. Л.А. Вербицкой. 15–23 марта 2022 г. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/45/> (дата обращения: 06.03.2022).

ВУЗОВСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА УРОКАХ РКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

*Л. ТОРРЕЗИН,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
стипендиат-исследователь программы Марии Склодовской-Кюри —
MSCA Seal of Excellence@Unipd,
Падуанский университет,
Италия, г. Падуа
e-mail: linda.torresin@unipd.it*

Аннотация: Цель данной статьи — предложить новые взгляды на тему «Русская литература и РКИ в межкультурном отношении». Рассмотрены исследования по РКИ за период с 2008 по 2021 год. Автором делается вывод о том, что даже самые последние исследования всё еще опираются на эссенциализированную и стереотипную идею русской культуры и литературы, что имеет важные последствия для преподавания РКИ. Предполагается, что только через переосмысление роли русской литературы на основе новых критических и транснациональных категорий РКИ может стать средством для понимания русской культуры.

Ключевые слова: русская литература; русский язык как иностранный; вузовское преподавание русского языка; межкультурная коммуникативная компетенция; межкультурная коммуникация; русская культура; транснациональность.

HIGHER EDUCATION TEACHING OF RUSSIAN LITERATURE IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES: AN INTERCULTURAL PERSPECTIVE

*L. TORRESIN,
Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Research Grant Holder
under the Marie Skłodowska-Curie (MSCA) programme Seal of Excellence@Unipd,
University of Padua,
Italy, Padua
e-mail: linda.torresin@unipd.it*

Abstract: The purpose of this article is to offer new perspectives on the topic of Russian literature and RFL in intercultural terms. Having reviewed literature on RFL for the period from 2008

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «RETEACH» (Seal of Excellence @UNIPD).

to 2021, the author concludes that even the most recent studies still rely on an essentialized and stereotyped idea of Russian culture and literature, which has important implications for RFL teaching. It is therefore suggested that only through a rethinking of the role of Russian literature based on new critical and transnational categories can RFL become a means for understanding Russian culture.

Keywords: Russian literature; Russian as a foreign language; university teaching of Russian; intercultural communicative competence; intercultural communication; Russian culture; transnationality.

Введение. В современном вузовском преподавании русского языка для иностранцев (далее — РКИ) самую большую проблему создает необходимость «обучить» студентов грамоте, познакомив их не только с языком, но и с самой русской культурой. Как в бакалавриате, так и в магистратуре изучение русского языка обычно сочетается с изучением русской литературы, которая играет центральную роль в развитии языковой компетенции обучающихся, но прежде всего межкультурной коммуникативной компетенции (МКК) — предмета данной работы.

1. Исследовательский вопрос. Исследовательский вопрос, лежащий в основе данной работы, заключается в следующем:

- а) рассматривается ли дидактика русской литературы в русскоязычных исследованиях, подготовленных за период 2008–2021 гг.;
- б) какова ее роль в российских теориях преподавания/обучения РКИ в университетском контексте;
- в) какова ее связь с МКК (т.е. преподается ли русская литература с межкультурной точки зрения).

Наконец, будут также выявлены проблематичные стороны дидактики литературы в РКИ и будут предложены новые пути для преподавания РКИ.

2. Обзор литературы. Настоящая работа на теоретическом уровне является частью исследовательского направления межкультурного лингвистического образования [30; 34]. В РКИ нет недостатка внимания к разработке МКК для целей изучения языка и эффективной межкультурной коммуникации (далее — МК). Вслед за исследованиями Эдварда Т. Холла МК вошла в общий лексикон российских лингводидактов после выхода работ Д. Гудкова [10] и С. Тер-Минасовой [27]. Как известно, в РКИ МК стала предметом научного интереса после 11-го конгресса МАПРЯЛА, состоявшегося в Болгарии в 2007 году [19: с. 313]. МК и МКК находятся в центре внимания новейших исследований, раскрывающих связь между языком и культурой в преподавании русского языка, как и других языков в разных контекстах, в том числе и в вузовском [5; 36]. Исследования, посвященные преподаванию литературы на уроке РКИ, многочисленны. В частности, отметим, что имеется давняя традиция осмысления художественных текстов в связи с развитием МКК [17; 6; 3].

3. Методология и научная новизна исследования. Данная работа основывается на «критическом дискурс-анализе» [32: с. 234–236], позволяющем выявить в языковых структурах властные отношения. Новизна исследования состоит в применении вышеназванного метода к изучению темы межкультурного преподавания русской литературы в РКИ. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в том, что полученные результаты способствуют новым разработкам в области РКИ.

4. Межкультурная коммуникативная компетенция и понятие культуры. МКК собеседников в РКИ, как и в изучении любых иностранных языков, связана с необходимостью обладать базовыми межкультурными знаниями, чтобы иметь возможность взаимодействовать с представителями разных культур. В РКИ принято определение МКК, которое трактует ее как «способность человека достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры» [1: с. 134].

Для лингводидактиков в области общего межкультурного языкового образования МКК близка к «коммуникативной компетенции», отождествляющейся со способностью обучающегося достигать своих целей в коммуникативном событии [29: с. 11–31], используя, с одной стороны, знание мира собеседника, а с другой — осознание своего собственного мира.

Другими словами, МКК можно объяснить как «надлежащее и эффективное управление взаимодействием между людьми, которые так или иначе представляют собой различные или несовпадающие аффективные, когнитивные и поведенческие ориентации по отношению к миру» [38: с. 7]. Такое определение МКК позволяет избежать рисков создания стереотипов и эссенциализации культуры [33: с. 7].

Если рассматривать *культуру* как комплекс духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных характеристик общества или социальной группы [35: с. 41; 40], то в рамках конструктивистской перспективы [37: с. 15–16] мы должны представлять себе сами культуры как «множественные» [33: с. 10], т.е. не однородные, а сложные и дифференцированные внутри себя. Это связано с тем, что «ни один человек не принадлежит только к одной культуре: у каждого есть многочисленные идентичности» [33: с. 12]. Более того, сама культура может рассматриваться как процесс становления, в котором смыслы и границы между группами или сообществами постоянно переопределяются.

Преподавание русской литературы. Под *литературой* подразумевается «высоко ценимый тип письма» [31: с. 9], то есть социально-исторически обусловленный конструкт. Что касается *русской литературы*, то будем использовать это выражение также и для обозначения *русскоязычной литературы*, произведенной нерусскими (но русскоязычными) этносами. В государстве, которое самопрезентует себя как «литератуροобразующая нация», как Россия [24: с. 323], *художественный текст* — здесь понима-

емый как «эстетическая система языковых средств, характеризующаяся высокой степенью целостности и структурированности» [20: с. 21] — остается самым сложным материалом для использования, поскольку требует от преподавателя хорошей филологической и языковой подготовки [15: с. 222]. Русская литература может стать препятствием и для студента, который часто не в состоянии понять «идеалы, стремления эпохи» [11: с. 5]; не говоря уже о трудностях литературных произведений, требующих от читателя высокого интеллектуального уровня и тонкого языкового чутья.

Таким образом, возникает необходимость в эффективной *дидактике русской литературы* (далее — ДРЛ). Под ДРЛ мы понимаем преподавание русской литературы (определенное в соответствии с вышеизложенными соображениями) с учетом исключительно вузовского контекста в РКИ.

6. Русскоязычные исследования по преподаванию русской литературы в РКИ (2008–2021 гг.). В этой главе мы рассмотрим русскоязычные исследования по ДРЛ, проведенные за период 2008–2021 гг.

Безусловно, *текстоориентированное преподавание*, т. е. обучение РКИ на основе текста, представляющего собой основную единицу обучения — и художественный текст в частности — предлагает множество преимуществ, в том числе приближение к русской культуре через развитие целого ряда необходимых навыков для студентов университета.

Сегодняшние исследования по РКИ, наряду с его полезностью для усвоения грамматики, показывают межкультурный потенциал художественного текста [8; 26; 18], который представляет собой своего рода «строительный материал», с помощью которого иностранные студенты «моделируют иноязычное культурное пространство» [3: с. 171], тем самым учась «овладеть контекстом русской жизни» [7: с. 152]. Ведь именно через литературу учащиеся «знакомятся с русской культурой, историей и современностью» [23: с. 137].

Таким образом, русская литература, судя по рассмотренным здесь исследованиям 2008–2021 годов, находит в РКИ действительно важный, если не сказать незаменимый, инструмент для развития МКК. В этом сценарии художественный текст утверждается как «транслятор информации, заключающий в себе языковой и ментальный код носителей иной культуры» [25: с. 944], а его чтение иностранным обучающимся приравнивается к реальному акту МК [16: с. 27].

Сама Н. Кулибина, которая сегодня является ведущим ученым в этой области, объясняет, как «лингводидактический потенциал» художественного текста связан с тем, что он помогает учащемуся «освоиться в новом языковом пространстве» [14: с. 13].

Благодаря видению художественного текста как «коммуникативной единицы» и «дидактической единицы» одновременно, постоянно растет интерес к конкретной дидактической практике. Этот интерес проявляется

в сегодняшних работах по РКИ в особом внимании к чтению [14; 13; 12], в котором собрано наследие исследований 1970–1990-х годов и начала нового тысячелетия. В итоге дидактическое осмысление использования русской литературы в РКИ, в котором задействованы филологические, коммуникативные, когнитивные, психологические и лингводидактические аспекты, сегодня действительно оказывается очень актуальным.

В конце этого краткого рассмотрения мы можем сделать некоторые первоначальные выводы.

Во-первых, в исследованиях 2008–2021 годов по ДРЛ, посвященных межкультурному потенциалу художественного текста, часто отсутствует определение *культуры* и/или представлен упрощенный и непроблематичный взгляд на нее. На самом деле это общая проблема трактовки МКК в РКИ [39]. Например, Кулибина утверждает, что одной из задач преподавателя РКИ является «ознакомление учащихся с культурой страны изучаемого языка, как материальной, так и духовной» [14: с. 16]. Хотя и признавая сложность понятия «культуры», она дает лишь частичную контекстуализацию данного термина, определяя его как «форму и/или средство общения» [14: с. 57] и не упоминая о его более обсуждаемых сторонах.

Во-вторых, исследования, посвященные ДРЛ как средству МКК, на основе лингвострановедения и лингвокультурологии [39], неизбежно связаны с *национальной* динамикой. По мнению Л. Подручной, «включение элементов русской *национальной* языковой и ценностной картины мира» [22: с. 39] (здесь и далее курсивы мои. — Л. Т.) необходимо для эффективного МК (и, вместе с ним, МКК). Обращаясь к литературе, иностранный студент получает «представления о *культуре русского народа*, о его глубинных особенностях и ценностях, которые и по сей день составляют своеобразие *русского менталитета*» [22: с. 40–41]. Но Подручная в этом убеждении не одинока. Е. Антипина предлагает на этапе выполнения при-текстовых заданий «обратить внимание иностранных студентов на поведение героев с точки зрения обусловленности *национальной культурой и менталитетом*» [3: с. 172]. Не сильно отличается идея Л. Соколовой, для которой художественное произведение является «средством познания *культуры, ее национальных и общечеловеческих ценностей*» [25: с. 945]. По мнению Т. Гринцевича, литература, с точки зрения МК, возвышается до «интерпретатора *национальной культуры*», поскольку она «помогает иностранцу понять, осознать и почувствовать <...> *специфичность поэтического мышления народа*», или, выражаясь точнее, «душу народа» [9: с. 345]. Е. Близнюк-Бискуп утверждает, что художественный текст «приближает к пониманию *русской ментальности*, помогает проникнуть в тайны *русского характера*» [4: с. 152]. Столь же откровенно Т. Ващекина и А. Соломонова называют его «феноменом *национальной культуры*» [6: с. 516; 26:

с. 257]. Наконец, Кулибина говорит о нарративном тексте как о «единице *русского национального дискурса*» [14: с. 46] и утверждает, что, в конце концов, он как «трижды культурный объект» (по содержанию, языку и самой своей художественной природе) представляет национальную культуру «по определению» [14: с. 60].

По мнению большинства ученых, русская литература вводит учащихся в мир «национальной культуры» со всеми проблемами эссенциализации культуры и идентичности, которые влекут за собой термин «национальная культура» и связанные с ним термины «менталитет»/«ментальность», «характер», «ценности» [28; 39].

Сама роль преподавателя РКИ не уклоняется от национальной интерпретации русской литературы, поскольку его задача — «помочь иностранному учащемуся познать менталитет, нравственную позицию, эстетические представления, характерные для русской культуры» [3: с. 173]. При этом национальный характер языка также играет свою роль, поскольку учитель призван формировать у студентов представление о языке как об «источнике сведений о *национальной культуре народа*» [8: с. 48].

Нетрудно заметить, что даже за самыми последними рассмотренными нами теориями ДРЛ прослеживается характерная для немецкого романтизма концепция о существенном единстве между языком и национальной принадлежностью [2: с. 15], т.е. русская литература и русский язык якобы являются выражением национальных черт русского народа.

Взгляд на язык как на выражение национальной самобытности русских, характерный для лингвострановедения и лингвокультурологии [39], прослеживается во всех без исключения проанализированных нами исследованиях. Следовательно, в ДРЛ, согласно русскоязычным ученым, русский язык должен изучаться как «портрет национальной культуры» [21].

Таким образом, язык и литература оказываются взаимозависимыми, если считать первый (как и ученые ДРЛ) «частью национальной культуры» [14: с. 56], а вторую — «образцом отражения в языке русского языкового сознания» [4: с. 152].

В этом случае проведение ДРЛ было бы равносильно предложению с помощью литературных текстов «модели национальной культуры» [18: с. 62], где национальный дискурс становится фактически конституирующим мифом российской идентичности. В итоге для ученых РКИ литература служит «способом познания культуры сквозь призму языка и языка сквозь призму культуры» [4: с. 145] в национальном смысле. Но может ли литература быть только и/или прежде всего основным источником сведений о национальной (исключительно русской) культуре?

Идею и/или определение (как явное, так и неявное) *русской литературы* в сегодняшнем РКИ, безусловно, можно определить как формаль-

ный недостаток: не хватает более сложного видения русской литературы (и ее преподавания), включающего и ненациональный/*транснациональный* элемент и способного уловить и вместить в себя сегодняшнюю культурную ситуацию «гибридизации» и «креолизации» собственно Российской Федерации. Например, следует помнить, что среди современных русскоязычных авторов есть много нерусских (напоминаем всемирно известных писателей — украинца М. Елизарова, армянку Н. Абгарян, татарку Г. Яхину, казаха С. Лукьяненко).

К сожалению, ученые РКИ всё еще привязаны к традиционному видению литературы, уходящему корнями в прошлое; следовательно, ДРЛ последних лет, за редким исключением, лишь увековечивает национальный миф и устаревшую модель межкультурного преподавания/обучения.

Заключение. В русскоязычных исследованиях по РКИ 2008–2021 годов важное место занимает тема развития МКК в РКИ в вузовской среде. Одним из наиболее используемых ресурсов для преподавания РКИ в межкультурном отношении, несомненно, является художественный текст.

Однако в проанализированных исследованиях отсутствует *органичное* осмысление вклада русской литературы в развитие МКК. В частности, как мы видели, не хватает структурированной разработки, связывающей ДРЛ с МКК и выделяющей критерии, методы и характеристики преподавания русского языка, литературы и культуры, способного продвигать МКК, поощряя подлинный межкультурный диалог.

Что касается конкретно ДРЛ, то одна из самых больших проблем с РКИ — это терминология. Исследования 2008–2021 годов увековечивают «миф» о художественном тексте как «образце национальной культуры», полностью игнорируя — даже в самом ярлыке *русская литература* — вклад представителей нерусских этнических групп, которые также выражают себя на русском языке. В то же время не хватает особого внимания к самому вкладу русской литературы и ДРЛ в укрепление МКК в рамках межкультурного подхода, основанного на динамичной и многослойной идее *культуры* и на критическом пересмотре самой идеи *русской литературы*.

Тем не менее, как мы попытались показать, преподавание РКИ сегодня в университетском контексте через литературу означает обучение и продвижение РКИ в принятом здесь смысле термина *культура*. Само собой разумеется, что необходимым условием для МКК является переосмысление своей собственной культуры — понимаемой не как прочный и неприступный фундамент идентичности, а скорее как «транзитная культура», находящаяся в постоянном поиске диалога с собой и другими. Для этого требуются новые интерпретационные категории (транснациональные, проблематизированные и критические) восприятия себя и другого.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам): Слов. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Айсман В. Идентичность, язык, нация и этнос. Этноцентризм и глобализация // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Г. Брагина, А.Г. Жукова. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 14–16.
3. Антипина Е.С. Потенциал художественного текста в укреплении диалога культур: стратегии обучения китайских студентов-филологов // Российско-китайские исследования. 2018. Т. 2. № 3–4. С. 169–175.
4. Близнюк-Бискуп Е. Художественный текст как ключ к пониманию изучаемого языка (на примере произведений А. Чехова и Н. Гоголя) // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. И. Попадейкиной и Р. Чахора. Вроцлав, 2012. С. 145–152.
5. Боровкова И.В. Формирование межкультурной компетенции и стойкой мотивации к общению на иностранном языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 222–225.
6. Вашекина Т.В. Художественный текст на занятиях по РКИ: анализ и комментирование // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы: Сб. ст. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 515–521.
7. Ворождова И.Б., Урсегова Е.Б. Обучение чтению художественной литературы на русском языке как иностранном: деятельностный подход, читательские и речевые практики // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 151–157.
8. Городецкая Е.В. К вопросу о развитии межкультурной коммуникативной компетенции при работе с художественным текстом в процессе обучения РКИ // Международное сотрудничество в образовании и науке: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Александров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. Т. 4. С. 48–54.
9. Гриневич Т.И. Произведение художественной литературы как интерпретатор национальной культуры // Text. Literary Work. Reader. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2014. Pp. 343–346.
10. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения: лекцион. курс для студентов РКИ. М.: Изд-во МГУ, 2000. 120 с.
11. Журавлева Л.С., Зиновьева М.Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов): Учеб. пособие. М.: Русский язык, 1984. 96 с.
12. Кулибина Н.В. Как преодолеть границы непонимания при чтении русского художественного текста инофоном // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Г. Брагина, А.Г. Жукова. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 155–156.
13. Кулибина Н.В. Методика обучения чтению художественной литературы: Моногр. М.: ФЛИНТА, 2018. 304 с.
14. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: Метод. пособие. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.
15. Кулибина Н.В. Уроки русского языка с использованием художественных текстов // Тексты лекции и образцы уроков (для зарубежных преподавателей русского языка). М.: Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2011. С. 222–240.

16. Кулибина Н.В. Текст литературного произведения в лингводидактическом осмыслении // Текст в лингводидактическом аспекте. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 25–41.
17. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: Моногр. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2000. 301 с.
18. Миксюк Р.В. Художественный текст на уроках русского языка как иностранного // Высшее техническое образование. 2019. Т. 3. № 1. С. 59–62.
19. Московкин Л.В., Шукин А.Н. История методики обучения русскому языку как иностранному: Моногр. М.: Русский язык, 2013. 400 с.
20. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
21. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: Метод. пособие. М.: Русский язык, 2010. 568 с.
22. Подручная Л. Фольклорный текст на занятиях РКИ: восприятие и интерпретация русской народной сказки // Слово.ру: Балтийский акцент, 2013. С. 39–44.
23. Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. И. Попадейкиной и Р. Чахора. Вроцлав, 2012. С. 136–144.
24. Скатов Н. О культуре: Сб. соч. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2014. 416 с.
25. Соколова Л.В. Интерпретация поэтического текста на уроках РКИ в аспекте межкультурной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. СПб., 2015. Т. 10. С. 944–949.
26. Соломонова А.А. Художественный текст в межкультурном учебном процессе // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. ст. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 257–258.
27. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 261 с.
28. Торрезин Л. «Русская душа» в преподавании РКИ: критический анализ стереотипных дискурсов в современной дидактической практике // Языки и культуре у времени и простору 10, Нови Сад, 2022. [В печати]
29. Balboni P.E., Caon F. La comunicazione interculturale. Venezia: Marsilio, 2015. 170 pp.
30. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
31. Eagleton T. Literary Theory. An Introduction. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 234 pp.
32. Hjeltn T. Discourse Analysis. The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion. 2nd ed. Eds. S. Engler, M. Stausberg. London, New York: Routledge, 2022. Pp. 229–244.
33. Intercultural competences. Conceptual and operational framework. Paris: UNESCO, 2013.
34. Liddicoat A.J., Scarino A. Intercultural Language Teaching and Learning. New York: Wiley and Sons, 2013.
35. Mexico City Declaration on Cultural Policies. World Conference on Cultural Policies (Mexico City, 26 July — 6 August 1982). Final Report. Paris: UNESCO, 1982. Pp. 41–46. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000052505> (дата обращения: 06.05.2022).

36. Nemtchinova E. Developing Intercultural Competence in a Russian Language Class. *The Art of Teaching Russian*. Eds. E. Dengub, I. Dubinina, J. Merrill. Washington (DC), Georgetown University Press, 2020. Pp. 333–358.
37. Nestian Sandu O., Lyamouri-Bajja N. T-KIT 4: Intercultural Learning. Strasbourg: Council of Europe, 2018.
38. Spitzberg B.H., Changnon G. Conceptualizing intercultural competence. *The SAGE Handbook of Intercultural Competence* / Ed. D.K. Deardorff. Thousand Oaks (CA): Sage, 2009. Pp. 2–52.
39. Torresin L. Come si sviluppa la ‘competenza comunicativa interculturale’ nell’insegnamento del russo come lingua straniera (RKI). *Teorie e pratiche, problemi e criticità*. SeLM, 2022, 1.
40. Universal Declaration on Cultural Diversity. UNESCO, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13179&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 06.05.2022).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД — КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*Ю.А. КОЛОМОЙЦЕВ,
старший преподаватель кафедры культурологии и музыковедения,
Луганский государственный педагогический университет,
Россия, г. Луганск
e-mail: juriy100@mail.ru*

Аннотация: В статье дан анализ категориям культуры и образования, показана их взаимосвязь. Автором рассмотрено осмысление культурологического подхода как концептуальной основы модернизации содержания образования.

Ключевые слова: культура, образование, культурологический подход к образованию.

CULTURAL APPROACH — A CONCEPTUAL BASIS FOR THE MODERNIZATION OF THE CONTENT OF EDUCATION

*Yu. KOLOMOITSEV,
Senior Lecturer at the Department of Culturology and Musicology,
Lugansk State Pedagogical University,
Russia, Lugansk
e-mail: juriy100@mail.ru*

Abstract: The article analyzes the categories of culture and education, shows their relationship. The author considers the understanding of the culturological approach as a conceptual basis for the modernization of the content of education.

Keywords: culture, education, culturological approach to education.

Осмысление проблем образования в широком социально-культурном контексте является одной из важнейших задач настоящего времени. Современные ученые стремятся постичь общекультурный смысл масштабных процессов глобализации, рассмотреть проблему в культурно-историческом и социокультурном ракурсах, найти культурные альтернативы этому явлению. Поиски моделей содержания образования, адекватных современному типу культуры, соответствующих новому этапу развития

цивилизации, составляют одну из актуальных задач современной педагогики. При этом на передний план выходит необходимость разработки теоретических основ целостного учебно-воспитательного процесса в отношении таких категорий, как содержание, методы и организация обучения. Решение указанных задач требует обращения к фундаментальным истокам образования, рассмотрения их как части культуры, культурно-созидательного процесса.

В педагогической науке проблемам моделирования содержания высшего образования были посвящены труды таких отечественных исследователей, как: Г.У. Матушанский, В.И. Михеев, А.Г. Фролов, А.А. Орлов, А.В. Репринцев, В.А. Сластёнин, В.С. Ильин, Е.В. Бондаревская, М.С. Каган, Э.Ф. Зеер, В.В. Краевский, М.Н. Скаткина, и зарубежных: А. Аустерманн, Я. Гайда, С. Ющик, Й. Беднарк и другие. Культурологическая модель содержания образования исследовалась следующими учеными: Н.В. Бордовская, С.И. Гессен, И.Ф. Исаев, И.Я. Лернер, И.М. Осмоловская, В.В. Сериков, И.Н. Леонов и другие.

Однако наличие значительного количества научных работ не обеспечило всестороннего раскрытия взаимосвязи категорий культуры и образования. А следовательно, цель статьи состоит в раскрытии взаимосвязи понятий «культура» и «образование», лежащих в основе культурологического подхода в образовании. Итак, проанализируем понятие «культура». Анализ научных источников свидетельствует о том, что существует много определений культуры. Одни ученые под культурой понимают ценности духовной жизни. Другие, сужая это понятие, относят к культуре только идеологию, которая должна обслуживать сферу производства. Некоторые культурологи считают, что сегодня существует более 500 определений термина «культура». Это объясняется многогранностью феномена и широким употреблением в конкретных дисциплинах.

Собственно термин «культура» имеет латинское происхождение от *colere* — обрабатывать, заселять, выращивать, заботиться о чем-то; производное от него — *cultus* (чествование). Отсюда «культ» — богов, предков, культ силы, культ любви и т.д. Также и *colonus* — колония, т.е. земля; *agri cultura* — возделывание земли, выращивание. Позже М.Т. Цицерон употребляет слово *cultura* метафорически: по его мнению, основная задача философии — культивировать, выпестовывать, выращивать в человеке мудрость, делать из него добродетельного гражданина, научив его чтить разум, то есть философия есть культ разума [3: с. 62].

Эта метафора закрепилась, стала привычной и с конца XVIII — на протяжении XIX века в европейских языках слово «культура» употребляется как определение чего-то прогрессивного и совершенного.

В толковом словаре русского языка В.И. Даля находим, что культура — это «обработка и уход, возделывание; образование, умственное и нрав-

ственное; говорят даже культивировать вместо обработки, возделывать, образовывать» [2: с. 557]. Отметим, что до сих пор слово «культура» широко употребляется как общее название выращиваемых (культивируемых) в искусственных условиях биологических объектов: растений, грибов, бактерий, других микроорганизмов, отдельных тканей, клеток или органов.

В отношении человека долгое время термин «культура» употреблялся параллельно с термином «цивилизация» в значении определенного уровня достижений общества — сферы законности, общественного порядка, воспитанности, манеры поведения представителей этого сообщества, в общем, образа жизни, который противопоставлялся дикому, «варварскому».

Хотим отметить, что словоупотребление термина «культура» остается многозначным, его единственного общепринятого толкования пока не существует. Тем не менее нам импонирует мнение П.С. Гуревича, который под культурой понимает совокупность материальных и духовных ценностей, отражающих активную творческую деятельность людей в освоении мира в ходе исторического развития общества [1: с. 223].

Специфика культуры как качественной характеристики духовно-практического освоения человеком мира (внешнего и собственного, внутреннего) отражается в том, что она (культура) свидетельствует, в какой степени человек стал для себя и других человеком, как он чувствует и осознаёт себя таковым. Культура, как и труд, делает человека человеком. Но если труд — это единственная социальная субстанция, что создает человека и развивает его сущностные силы, то культура является единой в социальной степени, демонстрируя, в какой степени человек стал человеком.

Иными словами, культура — это качественная характеристика развития общества. Анализ сущности культуры, ее места, роли в обществе позволяет выделить основные взаимосвязанные стороны и аспекты [4: с. 367]:

- культура — рожденное обществом, свойственное обществу социальное явление, отражающее его качественную характеристику и обогащающее духовную жизнь человека;
- культура — процесс творческой деятельности человека, направленный на познание окружающего мира и самого человека в этом мире, на получение объективной и достоверной информации о мире, где главную роль играет наука и искусство;
- культура призвана помочь человеку не только познать мир и самого себя, но и определить свое место в мире, определиться в мировоззренческих установках;
- культура включает в себя сущность достигнутых человеком в процессе освоения мира материальных и духовных ценностей, а также соответствующих ценностных ориентаций человека в мире;
- культура, создавая необходимые для ориентации человека в мире нормы поведения и оценки, обеспечивает регулирование социальных отношений людей;

- культура выступает как мощный фактор формирования человеческих сущностных сил, формирования человека в человеке, превращения его естественных увлечений, потребностей, эмоций в подлинно человеческие. Именно в этом состоит ее гуманистическое содержание.

Говоря о культурологическом подходе в образовании, нужно обратиться к понятию «культурология». Культурология как относительно самостоятельная наука, как учебная дисциплина существует сравнительно недавно, само понятие «культурология» появилось в начале XIX века. Культурологией называют науку о культуре, ее сущность, закономерности, взаимовлияние национальных культур, цивилизаций. Культурология включает в себя теорию культуры и истории культур. Теория культуры изучает сущность, закономерности развития культуры, исследует процесс возникновения и развития конкретных культур и цивилизаций.

По специфике своего предмета и методам исследования культурологию относят к классу гуманитарных наук. Гуманитарные науки (языкознание, психология и т.д.), по сути, являются науками о культуре в широком смысле этого слова. Языкознание, искусствоведение, литературоведение, политические, юридические науки изучают разные аспекты, стороны культур, но не изучают культуру в целом — последнее является предметом культурологии как науки.

Теоретическое осмысление закономерного характера взаимосвязи образования и культуры из их расплывчатого тождества позволяет выдвинуть гипотезу о перспективности и производительности использования культурологического подхода как концептуальной основы модернизации содержания образования.

При построении содержания образования культурологический подход расценивается как реализация гуманистической установки в понимании социальной функции человека, предполагающего включение в контекст содержания образования структуры культуры в разных ее проявлениях, но прежде всего духовной культуры.

Компонентами содержания образования признаются общая, базовая и профессиональная культуры. Интегральным результатом культурологической направленности содержания образования выступает становление человека, готового к гуманистически ориентированному выбору, обладающего многофункциональными компетенциями. По нашему мнению, культурологический подход к концептуализации содержания образования подчеркивает позицию, в соответствии с которой культура, выступая его основным источником, рассматривается как целостность, развивается и функционирует по особым законам.

Таким образом, основные обобщения по культурологическому подходу сводятся к следующему:

- видение образования как феномена культуры;
- культурологический подход становится важнейшим условием развития образования и средством реализации идеи его гуманизации;
- приближение образования к человеку через культуру;
- признание культурологического подхода решающим фактором развития профессионально-личностных качеств;
- единство аксиологии и культурной антропологии для обеспечения комплексности научного подхода [5: с. 182].

Анализ современных тенденций и проблем развития образования показал, что и отечественная, и зарубежная школы уделяют особое внимание воспитательной стороне содержания образования. Высокие требования предъявляются к развитию духовно-нравственного облика, должного отношения к студентам, коллегам, товарищам, обществу и окружающей среде.

Концепция культурологических основ целостности содержания образования базируется на тождестве систем образования и культуры, отраженной в модели гуманитарной культурно-образовательной структуры. Целостность содержания образования рассматривается в единстве следующих аспектов: культурологической сущности содержания образования, культурологического личностного подхода к проектированию содержания образования. Это дает основания рассматривать категории «образование», «человек» и «культура» как подсистемы единой гуманитарной культурно-образовательной системы, которая может служить методологической моделью разработки культурологических образовательных подходов, концепций, парадигм. Выделение подсистемы «человек» как отдельного системного элемента является принципиальным и существенным моментом, подчеркивающим тот факт, что в общей целостной гуманитарной культурно-образовательной системе человек выступает субъектом по отношению и к культуре, и к образованию.

Итак, культура — это внутреннее духовное содержание цивилизации, тогда как цивилизация — это только материальная сторона культуры. В содержании образования культура находит отражение в духовных ценностях, достижениях философии, произведениях искусства, а цивилизация характеризуется уровнем технологического, хозяйственного, социально-политического развития общества.

Литература

1. Гуревич П.С. Культурология. М.: Гардарики, 2005. 223 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [соч.] Владимира Даля. Т. 1—4. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1911. 557 с.
3. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Либроком, 2012. 62 с.

4. Филипчук Г.Г. Культурологическая основа современного образования // Педагогическая и психологическая науки в Украине. Киев: Педагогична думка, 2007. Т. 2. 367 с.
5. Флиер А.Я. Категории культурологии // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 182 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПЛАТФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ДИНАМИЧНО ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

*И.В. КУТЫРЕВА,
кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, г. Саратов
e-mail: Kutyrina@mail.ru*

*С.А. ШИРНОВ,
студент, направление «Теология»,
профиль «Организационно-управленческая деятельность
в православной теологии»,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, г. Саратов
e-mail: Sera5546@gmail.com*

Аннотация: В статье рассмотрен институт образования как один из главных и действенных механизмов, посредством которого возможно выстраивание межкультурного и межконфессионального диалога. Для современного общества характерны динамичность, изменчивость, вариативность. В подобных условиях выстраивание процесса коммуникации представляется более сложным и вместе с тем более необходимым, в связи с чем особое внимание следует уделять образовательной политике.

Ключевые слова: информационное пространство, межкультурный диалог, информационное общество, коммуникация.

EDUCATION AS A PLATFORM FOR ORGANIZING INTERCULTURAL AND INTERRELIGIOUS DIALOGUE IN THE CONDITIONS OF A DYNAMICLY CHANGING INFORMATION SPACE

I. KUTYREVA,

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theology and Religious Studies,
Saratov State University, Russia, Saratov
e-mail: Kutyrina@mail.ru*

S. Shirnov,

*student, direction "Theology",
profile "Organizational and managerial activity in Orthodox theology",
Saratov State University, Russia, Saratov
e-mail: Sera5546@gmail.com*

Abstract: The article considers the institution of education as one of the main and effective mechanisms through which it is possible to build an intercultural and interfaith dialogue. Modern society is characterized by dynamism, variability, variability. In such conditions, building a communication process seems more difficult, and at the same time more necessary, and therefore special attention should be paid to educational policy.

Key words: information space, intercultural dialogue, information society, communication.

Вопросы межкультурного диалога на сегодняшний день являются крайне актуальными, так как он происходит в том числе в условиях изменяющегося информационного пространства.

Под понятием «межкультурный диалог» принято понимать способ и возможность коммуникации, выстраивания конструктивного взаимодействия между разными культурами. В условиях динамично изменяющегося информационного общества и информационного пространства расширены возможности и инструменты реализации коммуникаций. В то же время возникают и сложности в связи с основными характеристиками информационного пространства, в котором создается, перемещается и потребляется информация. Одной из подобных характеристик является незавершенность, невозможность информационного пространства быть статичным. Оно всегда изменчиво, вариативно, активно реагирует на любые изменения, происходящие в разных областях общественной жизни. Таким образом, информационная среда является системообразующим фактором жизни общества и активно влияет на все его сферы.

В реалиях динамично изменяющегося общества важным условием гармоничного развития и сохранения конструктивных основ является обеспечение межкультурного и межрелигиозного диалога, который возможен на базе социально-значимых, действенных и активных общественных и политических институтов. Одним из подобных институтов выступает институт образования, который изначально направлен на выстраивание диалога между поколениями, культурами, на обеспечение межличностной коммуникации.

Вопросы выстраивания диалога в условиях возможностей цифровой среды крайне актуальны для современного подрастающего поколения, так как, несмотря на все, казалось бы, безграничные возможности информационного пространства, возникают сложности, обусловленные как раз этой безграничностью, отсутствием конструктивного начала и т. д. Включение ребенка в информационное пространство и цифровую культуру сегодня происходит достаточно рано, что порождает зависимость от нее и ее бескрайних возможностей. Подрастающее поколение включается в виртуальные коммуникации зачастую даже до того, как научится читать и писать. Конечно, это представляется достаточно спорным достоинством, так как на этапе развития и становления ребенок еще не может адекватно соотносить безграничные возможности интернет-коммуникаций со своими потребностями и пониманием необходимости, пользы и вреда или опасности. Следует отметить, что интернет-пространство и цифровые технологии в большей степени ориентированы на уже сформировавшуюся личность, владеющую навыками критического восприятия и умеющую проводить поиск, отбор информации, ее анализ, а также владеющую способностью выстраивать конструктивный диалог с разными субъектами.

Для института образования как той платформы или основы, на которой строится и держится весь механизм коммуникации, где складываются диалог между разными культурами, поколениями, межличностное взаимодействие, представляется важным научить современного ребенка, подростка мыслить и рассуждать, обращаться к качественной информации, уметь выстраивать коммуникацию. Актуальность создания цифровых образовательных контентов обусловлена в том числе подобной необходимостью.

При этом следует отметить, что образовательный контент нуждается в постоянном изменении, совершенствовании, приспособлении его под интересы подрастающего поколения.

Тем не менее использование возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, должно быть продуманным, необходимым и не безграничным. Зачастую образовательные платформы используют игровую составляющую для привлечения интереса к познавательному процессу, обеспечивают определенную мотивацию путем получения наград, дипломов, грамот по результатам прохождения образовательных марафонов.

Но, на наш взгляд, включение игровой составляющей в образовательный процесс должно быть ограниченным, чтобы не отождествить образование как таковое и развлекательный потенциал игры, чтобы избежать нивелирования знаний.

Задача, которая стоит перед педагогическим сообществом, — это не только научить, но еще и воспитать, сформировать достойную личность с конструктивным осознанием духовно-нравственных ценностей. Особенно эта задача становится актуальной для условий, присущих цифровой культуре. Ключевую роль в решении данных задач, на наш взгляд, играет гуманитарное образование, так как оно находится в неразрывной связке с приобщением к знанию, осуществляет задачу становления личности, выборе ею приоритетов, осознания ее роли в формировании общества.

Следует выделить проблемы, которые являются актуальными для всех участников образовательно-воспитательного процесса, а также обеспечивающих данный процесс институтов.

Дети и подростки сталкиваются с наличием огромного количества негативного контента в интернете и средствах массовой информации, что влияет на неокрепшую психику и приводит к росту агрессивности, озлобленности, деструктивных проявлений. Отсутствие положительных идеалов для подрастающего поколения также приводит к деградации моральных устоев. Отсутствие культуры поведения и речи, часто демонстрируемое в средствах массовой информации, воспринимается как нечто адекватное, может быть, даже модное, к чему следует стремиться.

Уменьшение объемов культурной и досуговой работы со стороны разных институтов в итоге приводит к увеличению дистанции между родителями и детьми, учителями и учащимися.

Следует отметить, что воспитание социально ответственного гражданина, с конструктивным пониманием жизненных ценностей, правильных ценностных ориентиров невозможно без участия института школы и его взаимодействия с другими общественными институтами. Изменения в образовательной политике с акцентированием внимания именно на воспитании свидетельствуют о приоритетности данного компонента для государства.

Науки, связанные с изучением общественных отношений, являются той платформой, на которой зиждется и осуществляется укрепление основ гармонично развивающегося социума.

Таким образом, можно отметить, что развитие гуманитарного образования является приоритетным направлением, позволяющим решать стоящие перед обществом проблемы.

В сегодняшней ситуации очевидно, что задача современного образования заключается не в том, чтобы бездумно следовать или подстраиваться под изменения, которые диктует наша действительность, а в том, чтобы

посредством этих нововведений делать обучение качественнее и интереснее, следовать принципу выстраивания диалоговой модели.

Для выстраивания внутренних взаимоотношений в институте образования необходимо акцентировать внимание на воспитательной деятельности педагога, необходимости укрепления воспитательного потенциала современной школы, так как именно институт образования включается в процесс формирования гражданского общества с присущими ему характеристиками. Акцент при этом необходимо сделать на духовно-нравственном воспитании, которое представляет собой процесс формирования:

во-первых, нравственных чувств, к которым можно отнести понимание ответственности, гражданственности, патриотизма, чувства долга, совести; во-вторых, нравственного облика;

в-третьих, нравственной позиции, которая заключается в способности к проведению дефиниций между добром и злом, понимании самоотверженности и т.д.;

в-четвертых, нравственного поведения, которое заключается в готовности помогать людям, в проявлении духовной рассудительности и прочем.

Дискуссии о необходимости, целесообразности, возможности включения изучения и воспитания духовно-нравственных основ в пространство школы велись долгое время и обусловлены кризисным состоянием общества и упадком культуры подрастающего поколения.

Рассматривая необходимость теологического образования, потребность в нем, следует сослаться на работу Г. Флоровского «Пути русского богословия», где полно и емко отражена позиция, актуальная на сегодняшний день: «Наступает время, когда богословие перестает быть личным или “частным делом”, которым каждый волен заниматься или не заниматься, в зависимости от своей одаренности, влечений, вдохновения. В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то «общим делом», становится всеобщим и католическим призванием... Вновь открывается богословская эпоха... Наше время вновь призвано к богословию» [1: с. 45].

Воспитание социально ответственного гражданина с конструктивным пониманием жизненных ценностей, правильных ценностных ориентиров невозможно без участия института школы и его взаимодействия с другими общественными институтами. Изменения в образовательной политике с акцентированием внимания именно на воспитании свидетельствуют о приоритетности данного компонента для государства.

Реализуя концепцию духовно-нравственного воспитания российских школьников, необходимо формировать именно ценностное отношение к окружающей действительности, воспитывать стремление к созидательному началу, диалогу с разными культурами, принципу взаимоуважения,

сохранению традиционных устоев общества, духовных основ и нравственных ориентиров.

Конечно, воспитание — это длительный процесс, систематическое воздействие, которое реализуется в рамках всех дисциплин на протяжении всего периода обучения. Тем не менее закрепление отдельных дисциплин для реализации конструктивной воспитательной модели является безусловно правильным и целесообразным.

На сегодняшний день мы уже можем оценить как плюсы, так и сложности включения курсов «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственных культур народов России» в школьную программу.

Говоря о сложностях в реализации, на наш взгляд, нужно не просто «ставить минусы», а задумываться и рассуждать, как можно усовершенствовать процесс. Так как формирование как личностного, так и коллективного самосознания — задача, безусловно, непростая.

Закрепление задач воспитания духовно-нравственных основ непосредственно в конкретных дисциплинах имеет своей целью целенаправленное воздействие на личность каждого обучающегося через знание и привитие ценностно-ориентированных качеств и отношения к окружающей действительности. Пространство, в котором проживает и воспитывается ребенок, всегда накладывает свой отпечаток. Когда окружающее пространство формируется на основе взаимоуважения и доброжелательности, среда становится одним из влиятельных положительных средств. В агрессивной и безнравственной среде формирование высоко духовной личности очень затруднено.

Литература

1. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 599 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА 1917–1919 гг.

*Р.А. ГУРКИН,
преподаватель кафедры тактики,
Новосибирское высшее военное командное училище,
Россия, г. Новосибирск
e-mail: gurkinrus@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается офицерский корпус командного состава Советской армии в образе советского офицера. Чем определялось формирование самого массового и боеспособного в мире офицерского корпуса и чем обеспечивалась уникальная боеспособность Советской России и СССР. Проведен анализ историко-педагогических исследований системы профессионального военного образования в целом и системы профессионального воспитания в частности. Выделены основные периоды развития советской системы профессионального воспитания офицеров. Рассмотрена непродуктивная и опровергнутая временем марксистско-ленинская идея отказа от регулярной армии в пользу всенародного вооружения. Делается вывод о том, что марксистско-ленинская теория войны и военной организации, трансформируясь под влиянием опыта войн и организационной деятельности, стала целостной и продуктивной философией военного строительства в СССР.

Ключевые слова: офицерский корпус, профессиональное воспитание советских офицеров, РККА и СА, педагогическое наследие советских полководцев и военачальников, марксистско-ленинская теория.

INNOVATIVE IDEAS OF PROFESSIONAL EDUCATION OF THE COMMAND STAFF OF THE RED ARMY 1917–1919

*R. GURKIN,
Lecturer of the Department of Tactics,
Novosibirsk Higher Military Command School, Russia, Novosibirsk
e-mail: gurkinrus@mail.ru*

Annotation. The article examines the officer corps of the commanding staff of the Soviet army in the image of a Soviet officer. What determined the formation of the most massive and combat-ready officer corps in the world, what ensured the unique combat capability of Soviet Russia and the USSR. The cultural image and the system of professional education of a Soviet officer

are also considered. What the Soviet military school included. The ideas of Soviet military pedagogy are presented. The boundaries of the study of the existence of the Soviet state military organization are determined. The analysis of historical and pedagogical studies of the system of professional military education in general and the system of professional education in particular is carried out. The main periods of development of the Soviet system of professional education of officers are highlighted. The unproductive and time-refuted Marxist-Leninist idea of abandoning the regular army in favor of national armament is considered. It is concluded that the Marxist-Leninist theory of war and military organization, being transformed under the influence of the experience of wars and organizational activities, has become an integral and productive philosophy of military construction in the USSR.

Keywords: officer corps, professional education of Soviet officers, Red Army and SA, pedagogical heritage of Soviet commanders and military leaders, Marxist-Leninist theory.

Советская армия — одно из самых мощных государственных военных формирований в истории человечества. Ее уникальная боеспособность обеспечивалась не только вооружением и техникой, стратегией и тактикой, боевым опытом и боевой подготовкой, но, прежде всего, качеством офицерского корпуса, командного состава. В образе советского офицера, закреплённом в национальной культуре, профессионально важные качества, необходимые для боя, сочетаются с качествами человеческими, нужными в мирной и созидательной жизни, прагматизм и деловая хватка находятся в равновесии с духовно-нравственным обликом, а активность и предприимчивость согласуются с консерватизмом и приверженностью культурным ценностям. Безусловно, формирование не самого «блестящего», но самого массового и боеспособного в мире офицерского корпуса определялось качеством системы профессионального воспитания, органично связанной в Советской России и СССР с жизнью армии и флота [2: с. 306].

Репрезентация господствующих идей профессионального воспитания командиров, офицеров РККА и СА на основе педагогического наследия советских полководцев и военачальников как научная задача исследования требует обоснования собственной методологии. Основными при решении задачи стали метод исторической периодизации, а также метод сравнительно-исторического исследования И.Д. Ковальченко [5], Л.П. Репина [10].

Анализируя историко-педагогические исследования системы профессионального военного образования в целом и системы профессионального воспитания в частности (А.В. Барабанщиков, Н.И. Кирьяшов, Н.Ф. Феденко [1: с. 158], А.И. Каменев [4: с. 261], и др.), мы приходим к выводу, что в известных работах не в полной мере прослеживается связь между характером актуального, переживаемого руководством армии и флота опыта войны, военного управления, боевой подготовки РККА и СА и приня-

тремя подходами к профессиональному воспитанию командного состава, офицеров. В обобщающих исследованиях по проблеме не в полной мере учитывается социокультурная ситуация и, в частности, актуальный, пережитый непосредственными организаторами профессиональной подготовки опыт. Вместе с тем именно эта связь превалирует в педагогическом наследии советских полководцев и военачальников, иллюстрирует вклад и место конкретной личности в истории. Используя «актуальный опыт» в качестве критерия периодизации, мы выделили четыре периода развития советской системы профессионального воспитания офицеров: период инновационных поисков; период становления; период преобразования на основе опыта Второй мировой войны; период систематизации и научного оформления (табл. 1).

Таблица 1

**Периоды развития системы профессионального воспитания
советских офицеров**

№ п/п	Период	Хронологические рамки	Характер опыта, оказавшего влияние на педагогическое наследие
1	инновационных поисков	1917–1919	<ul style="list-style-type: none"> – опытная проверка марксистско-ленинских положений о военной организации пролетарского государства; – опыт формирования красногвардейских отрядов, борьбы с контрреволюцией и интервенцией в кризисных условиях; – опыт организации регулярной Красной армии, гражданской войны
2	становления	1920–1940	<ul style="list-style-type: none"> – опыт организации революционной системы подготовки командных кадров; – опыт боевой подготовки на основе новейших стратегий и тактических концепций; – опыт локальных военных конфликтов; – опыт ускоренной подготовки РККА к масштабной войне
3	осмысления опыта Второй мировой войны	1941–1959	<ul style="list-style-type: none"> – переосмысления и восстановления дореволюционных традиций профессионального воспитания; – опыт подготовки командных кадров в боевых условиях; – опыт побед и поражений; – опыт партийно-политической и воспитательной работы

Окончание табл. 1

№ п/п	Период	Хронологические рамки	Характер опыта, оказавшего влияние на педагогическое наследие
4	систематизации и научного оформления	1960–1991	<ul style="list-style-type: none"> – опыт научных исследований закономерностей военно-педагогического процесса; – опыт гуманитаризации профессионального военного образования; – опыт локальных войн и вооруженных конфликтов; – опыт политической деятельности офицеров, офицеров запаса, профессиональных сообществ

Закономерные связи между актуальным, переживаемым опытом и взглядами советских полководцев и военачальников на профессиональное воспитание офицеров принадлежат историческому процессу такого типа, который И.Д. Ковальченко назвал внутрисистемными изменениями в пределах определенных временных промежутков [5]. Периодизация исторического процесса становления и развития системы профессионального воспитания советских офицеров дает возможность использовать сравнительно-исторический метод исследования, заключающийся в сопоставлении однородных и развивающихся явлений, поиске их сходств и отличий, анализе и определении тенденций, позволяющих «...определять перспективы развития педагогической теории и образовательной практики» [9: с. 188]. В настоящем исследовании на основе идей советских полководцев и военачальников сравниваются:

- образы командира, офицера, представления о его профессиональных и личностных качествах, необходимых для победы;
- ценностные основы и идеология профессионального воспитания;
- подходы к организации и принципы профессионального воспитания советских офицеров. Идеи непосредственных участников исторического процесса, связанные с перечисленными явлениями, в какой-то мере дают возможность репрезентации исторического процесса во всем многообразии отечественной военной мысли.

Поиски новых способов организации военной силы велись классиками марксизма задолго до Великой Октябрьской социалистической революции (1917) и образования Рабоче-крестьянской красной армии (1918) на основе сильных и слабых сторон буржуазных империалистических армий. Военным вопросам, в частности, посвящены обзорные работы Ф. Энгельса, подготовленные им в период активного увлечения военной теорией (1851–1858). Не имея военного образования и почти не имея военного опыта

(но В.И. Ленин считал его «великим знатоком этого (военного) дела» [6: с. 340]), Ф. Энгельс оценивает качество и боеспособность европейских армий по итогам Крымской войны (1853–1856), которая и в России послужила толчком к переосмыслению национальной военной организации и системы подготовки военных кадров. Оценки Ф. Энгельса шли «вразрез» с критикой отечественных военных теоретиков не в отношении вооружения, тактики и управления, а именно в отношении профессиональных и личностных качеств солдата и офицера, проявленных в Крымской войне, т.е. прямо адресовались действующей системе профессионального воспитания. Мысль, которая из работ Ф. Энгельса перекочевала в марксистско-ленинское учение о войне и армии, заключается в том, что словесные армии с высоким входным личностным порогом офицеров, словесно-профессиональным воспитанием утратили свою эффективность. Здесь и ранее, в статье «Крестьянская война в Германии» (1950) [13: с. 184] Ф. Энгельс делает вывод о том, что военная корпорация с ее семейным военно-профессиональным воспитанием изжила себя, офицер — продукт общественного воспитания и качественное отражение общественных достижений и общественных проблем. Командный состав армии, справедливо считал Ф. Энгельс, есть продукт общественного воспитания, вернее, господствующего класса. Единственным критерием оценки офицера автор считает его образованность (сейчас — компетентность), все остальное есть «...дух пышности и парадности, которым отравлены все старые армии» К. Маркс, Ф. Энгельс [12: с. 451]. Много позже, анализируя итоги Первой мировой войны, Л.Д. Троцкий отметил, что командный состав дореволюционной армии, его кастовость и классовая отчужденность рядовому стали фактором будущего поражения. «Старая армия, которая состояла, конечно, в своей массе из крестьян и рабочих, имела правящий аппарат, который так был простроен, организован и воспитан, что эта армия автоматически служила господствующему тогда классу, увенчивавшемуся монархической верхушкой» Л.Д. Троцкий [11: с. 3–4].

Вопросы войны и военной организации занимают существенное место в марксистско-ленинской теории, где война, мир и военная сила как ведущие категории военной философии получили новое значение. Политический анализ империалистических, захватнических и, напротив, национально-освободительных войн приводит сначала К. Маркса, а затем В.И. Ленина к выводу о необходимости принципиально новых подходов к организации армии пролетарского государства [8: с. 512]. Марксистско-ленинская теория войны имеет три отличительные позиции, надолго определившие подходы к профессиональному воспитанию командного состава армии.

Во-первых, она ставит под сомнение неизбежность войны, ее неустрашимость и естественный характер. Еще в 1905 г. В.И. Ленин в лекции

«Война и революция» опирался на следующий тезис: «...наша цель — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранил всякую возможность войн вообще» [7: с. 78].

Отсюда и военное дело не считается профессией с соответствующим образом профессионала, но временной борьбой классов и наций за освобождение, вынужденным занятием, отрывающим людей от производства и мирного созидательного труда. Даже в период классовой борьбы регулярная армия с профессиональным офицерским корпусом признавалась вынужденной и нежелательной организационной формой военной силы. В теории преимуществом пользовался милиционный принцип организации, который должен быть со временем трансформирован во всенародное вооружение. «Постоянное войско, — по В.И. Ленину, — везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы... Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой». Непродуктивная и опровергнутая временем марксистско-ленинская идея отказа от регулярной армии в пользу всенародного вооружения тем не менее позднее трансформировалась в концепцию единства армии и народа — одну из самых успешных конструкций идеологии советского военного строительства, почти утраченную сегодня. «Без того, чтобы самые глубокие слои народа, — писал в 1918 г. Г.Е. Зиновьев (Председатель Петроградского Совета), — самая толща народа на это откликнулась, без этого мы армии не создадим» [3: с. 16].

Принцип классовости отбора политически благонадежных командиров закрепился в комплектовании командного состава РККА уже после Гражданской войны, но в подготовке новых военных кадров он действовал практически с самого начала и вплоть до Великой Отечественной войны, когда практика «заставила вспомнить» о более серьезных ценностях военной службы офицера, чем классовые интересы пролетариата. Один из организаторов РККА — Л.Д. Троцкий (1918–1925 гг. — Народный комиссар по военным и морским делам) так конкретизирует его: «...этот принцип, на котором мы строим нашу армию. ...при Советской рабоче-крестьянской политике необходимо иметь Советскую красную рабоче-крестьянскую армию» [11: с. 12]. Однако у опыта создания политически единой и классовой армии есть и весьма положительные эффекты, среди которых наиболее существенными являются:

- сильнейшая партийная политическая работа с будущими командирами, которые сами становились ее организаторами в войсках, политическая подготовка командиров;
- государственная система политического воспитания, обеспечивающая возможность отбора кандидатов из числа наиболее революционно настроенных граждан, создающая опору профессионального воспитания;
- идеологически выверенные идейно-ценностные основы профессионального воспитания советских командиров, офицеров.

Анализируя развитие педагогических идей полководцев и начальников под влиянием опыта организации РККА, сделаем следующие выводы.

Изменение условий Гражданской войны, вынужденные компромиссы с положениями марксистско-ленинской теории, полученный опыт организационной, педагогической и политической работы дополнили и конкретизировали инновационный образ будущего красного командира. В число уже выделенных качеств включены дисциплина и сознательность, актуализированы профессиональная компетентность во всех ее проявлениях и стремление к самообразованию. Идеологию будущего профессионального воспитания составили коммунистические ценности и идеалы. Главные идеологические конструкции формировались в плоскости борьбы за мировую революцию. Фактически сформирован заказ будущей системе профессионального воспитания, превышающий по уровню сложности все остальные задачи профессиональной подготовки командиров.

Литература

1. Барабанщиков А.В., Кирышов Н.И., Феденко Н.Ф. Советская педагогика и психология в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ВПА, 1987. 158 с.
2. Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества: философско-культурологическая концепция: Дис. ... докт. филос. наук: 09.00.13. М., 2011. 306 с.
3. Зиновьев Г.Е. Наше положение и задача создания Красной армии: речь, произнесенная т. Г. Зиновьевым в Народном доме 24 марта 1918 г. перед многотысячным собранием // РКП (б). Пг.: Изд. Кронштадтского комитета РКП, 1918. 16 с.
4. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.
5. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
6. Ленин В.И. Революционная армия и революционное правительство // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 10. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 578 с.
7. Ленин В.И. Война и революция. Лекция 14 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 32. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 433 с.
8. Маркс К. и др. О войне и армии: Сб. произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. М.: Воениздат, 1982. 512 с.
9. Просветова Т.С. Специфика методологии историко-педагогических исследований // Вестник ВГУ. 2018. № 3. С. 188–193.

10. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.
11. Троцкий Л.Д. Организации Красной Армии: доклад на 5-ом Всерос. съезде Советов р., с., к. и к. деп. Киев: Изд-во Народного комиссариата по военным делам Украины, 1919. 23 с.
12. Маркс К, Энгельс Ф. Армии Европы. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1880/mil/europe.htm>
13. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М.: Госполитиздат, 1952. 184 с.

НАРОДЫ И СТРАНЫ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ ГОД В КОНЦЕ XIX ВЕКА В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА

*О.В. ПЕЛЕВИНА,
кандидат философских наук, доцент,
декан факультета международных отношений,
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»,
Россия, г. Благовещенск
e-mail: olpelevina@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению истории российско-китайских отношений в конце XIX века в условиях непосредственного взаимодействия народов. В основе статьи лежит теоретический подход к дальневосточному фронтиру как к особой контактной зоне в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где с середины XIX века проходило тесное взаимодействие восточнославянских народов с народами Восточной Азии. Эмпирическую базу составляют публикации в периодических изданиях краеведа Приамурья второй половины XIX века А.В. Кириллова, которому удалось зафиксировать специфические религиозные и бытовые особенности празднования Китайского нового года в приграничном китайском городе Хэйхэ (в XIX в. Сахалинь).

Ключевые слова: Россия, Китай, дальневосточный фронт, китайские традиции, Китайский новый год, русские, обычаи русских, этнические установки.

CHINESE NEW YEAR AT THE END OF THE 19TH CENTURY IN THE CONDITIONS OF THE FAR EASTERN FRONTIER

O. PELEVINA,

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Dean of the Faculty of International
Relations, Amur State University, Russia, Blagoveshchensk
e-mail: olpelevina@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to the study of the history of Russian–Chinese relations at the end of the 19th century in the conditions of direct interaction between peoples. The article is based on a theoretical approach about the Far Eastern frontier as a special contact zone in the Asia–Pacific region, where since the middle of the 19th century there has been close interaction between the East Slavic peoples and the peoples of East Asia. The empirical base is made up of publications in periodicals of one of the local historians of the Amur region in the second half of the 19th century, A.V. Kirillov, who managed to record the specific religious and everyday features of the celebration of the Chinese New Year in the border Chinese city of Heihe (in the 19th century Sakhalyan).

Keywords: Russia, China, Far Eastern frontier, Chinese traditions, Chinese New Year, Russians, Russian customs, ethnic attitudes.

Теория дальневосточного фронта как контактной зоны между странами, народами, культурами активно развивается в работах современных ученых. Дальневосточный фронт определяется как особая контактная зона в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где с середины XIX века проходило тесное взаимодействие русского, китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения, что повлекло за собой формирование психологических, языковых, религиозных, культурных границ совместимости этносов [4: с. 11].

Опыт сосуществования и активного взаимодействия подданных России и Китая восходит ко второй половине XIX века. Близкое географическое расположение российского г. Благовещенска и китайского г. Хэйхэ (в XIX в. — Сахалынь) способствует установлению непосредственных торговых, культурных, этнорелигиозных и иных контактов между населением [5: с. 19–28]. Чтобы полноценно охарактеризовать специфику российско-китайских отношений в XIX веке и в последующие периоды, необходимо учитывать широкий спектр источников. Историки отмечают, что китайцы, обитавшие на российской территории в XIX в., не стремились к получению российского гражданства. Многие из них были без семей или имели семьи на родине, которые содержали за счет заработков в России. Многие состояли в общинах, для которых были характерны закрытость, иерархичность,

прочность семейных уз. Правительство и местные власти относились к китайским подданным двойственно. С одной стороны, была заинтересованность в трудовых ресурсах китайских рабочих, а с другой — в массовом сознании распространялась идея китайской экспансии, что поддерживалось демографическим ростом китайцев на рубеже XIX–XX вв. [2: с. 14]. Помимо официальных источников и преобладавших среди русских стереотипов относительно китайцев, стоит обращать внимание на наблюдения, которые стали возможны в условиях непосредственного сосуществования русских и китайцев. К таким источникам стоит отнести заметки одного из наиболее известных и продуктивных краеведов Приамурья второй половины XIX века А.В. Кириллова. Он родился в 1851 г. в Архангельске и там же получил начальное и среднее образование. По окончании Московской академии в 1877 г. Александр Васильевич получил степень кандидата богословия и был направлен в Амурскую область для преподавания латинского языка в духовной семинарии г. Благовещенска. Интерес к истории и этнографии, который сформировался еще в Архангельске, сохранился и на Дальнем Востоке. Работы А.В. Кириллова были посвящены широкому кругу тем: быт, культура, религия, обычаи местного населения; природа, климат, экономика, география и прочее. В 1890 г. были изданы фундаментальные работы А.В. Кириллова — «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей»; «Переселения в Амурскую область» [7]. Заметка А.В. Кириллова о праздновании Китайского нового года в «Сибирской газете» за 1882 г. была обнаружена современным историком Е.И. Пастуховой [1].

Примечательно, что российские переселенцы на Дальнем Востоке представляли различные социальные, этнические, религиозные группы людей. Одной из основ этнического самосознания переселенцев была принадлежность к русскому православию [6: с. 21–22]. Вместе с первыми казаками еще в 17-м веке на Амур прибыл иеромонах Гермоген; защитников Абазинской крепости, ушедших в Пекин, сопровождал священник Максим Леонтьев. В условиях тесных контактов с инокультурной средой идентификация с русской культурой и православной традицией актуализировалась. А.В. Кириллов также получил духовное образование в рамках православной традиции. Будучи человеком православной культуры, он рассматривает в своих публикациях отношения русских и китайцев с позиции непосредственных отношений двух соседей, которые в XIX веке еще не имели длительного опыта взаимодействия, но проявляли интерес друг к другу в силу географической близости [8]. Публикации А.В. Кириллова являются своего рода доказательством того, что уже в XIX в. население приграничных городов с интересом взаимодействовало, перенимало бытовые привычки друг друга, при этом осознавая этнокультурные и религиозные различия и сходства.

Во-первых, стоит обратить внимание на то, что А.В. Кириллов сразу же сопоставляет празднование Китайского нового года с понятными российскому читателю традициями, имея в виду, что это особое время, когда люди предаются отдыху и выполнению религиозных церемоний. Краевед отмечал: Новый год — единственный праздник, который они [китайцы] празднуют в том же смысле, как и мы; других таких праздников в их календарях не существует [8: с. 302]. Известно, что Китайский новый год отмечают по лунному календарю в конце зимы — начале весны, что соотносится с традицией празднования Масленицы и дальнейшим церковным постом. Идея соотнесения русских и китайских праздников звучит в заключительной части статьи, когда автор описывает, что российские подданные любят посещать праздничный Сахалянь и получать угощения в китайских фанзах, однако в описываемом году китайский праздник пришелся на последние дни Масленицы (Сырной недели) и первые дни Великого поста. Вследствие этого, замечает Кириллов, празднования в тот год были не особенно оживленными; немногие страстные любители китайской кухни и поклонники китайского гостеприимства посещали Сахалянь [8: с. 303].

Во-вторых, особое внимание А.В. Кириллов уделял описанию китайских религиозных церемоний, которые сопровождали встречу Нового года. Празднование начиналось с ночи. Во дворе устанавливали жертвенник, разукрашенных идолов, перед которыми выставляли жертвы, воскурения. В домах (фанзах) также размещали молельни с изображением идолов. В полночь домочадцы обращались лицом к открытым дверям, поклонялись духам неба и земли [8: с. 302]. Описания А.В. Кириллова соответствуют наблюдениям других отечественных синологов. Например, И.Г. Баранов также указывал на то, что встреча Нового года у китайцев сначала сопровождалась земными поклонами (*кэтоу*) перед изображениями богов Неба и Земли; а затем домочадцы переходили в комнату, где хранились таблички предков, и делали 9 земных поклонов [3: с. 59–60]. Неотъемлемым атрибутом новогодних гуляний китайцев являются хлопушки и фейерверки, призванные отгонять злых духов. Об этом неоднократно упоминается в анализируемой статье.

Помимо религиозных особенностей, можно узнать о профанной стороне времяпрепровождения китайцев. Кроме взаимных визитов и поздравлений китайцами друг друга, А.В. Кириллов обратил внимание на то, что люди позволяли себе азартные игры (в карты): «в праздник он [китаец] так режется и с таким увлечением обирает другого, что этому могут позавидовать и благовещенские рьяные любители винта. Более того, в праздничные дни курение опиума происходит свободно и не обращает на себя внимания заботливого начальства [8: с. 302].

Заключительным этапом празднования Нового года у китайцев является праздник фонарей. Будучи свидетелем этой традиции, Кириллов приводит подробные описания. Сахалынь, который автор называет древней напротив Благовещенска, был иллюминирован. Вокруг жилых домов и торговых лавок с обеих сторон развешивали разноцветные фонари, от которых исходил яркий свет. Среди двора также можно было наблюдать жертвенник, но его убранство по сравнению с первыми праздничными днями отличалось еще большим богатством. А.В. Кириллов отмечает присутствие винограда, яблок, маленьких хлебцев, приготовленных на травяном масле, и разных сортов мяса и рыбы; сало и масло, китайская капуста и огурцы. Особенно автора поразила убранная разными бумажками голова свиньи, в пасть которой для чего-то были вставлены хвост и нога [8: с. 302]. Кириллов не дает объяснения данной традиции, ограничиваясь лишь описанием. Считается, что употребление в пищу головы свиньи способствует обретению силы для новых свершений в будущем году [9]. По другой версии, традиция «Праздника свиной головы» распространена в провинции Чжэцзян, где местное население благодарит во время этого праздника за то, что освоили эти земли [10].

Праздник фонарей также сопровождали домашние религиозные церемонии, связанные с почитанием предков. Из дверей фанзы выбегал глава семейства или старший в доме, падал перед жертвенником на колени, три раза ударялся лбом о мерзлую землю и, как бы стыдясь за такое проявление религиозного чувства, быстро убегал в другую дверь, не смея ни на кого оглянуться. Вслед за ним то же самое и в таком же порядке проделывали другие. Молодые китайцы совершали церемонию со смехом, а также смеялись над стариками, когда последние растягивались перед жертвенником [8: с. 302–303].

Особенно важно указать в контексте данной статьи, что вместе с китайцами и маньчжурами Новый год отмечали многие благовещенцы того времени. Как писал краевед, российский подданный приезжали в Сахалынь на своих рысаках или лихих извозчиках. Исходя из описаний А.В. Кириллова, социальный состав желающих приобщиться к китайскому празднику был весьма разнообразен. Автор замечал дам и кавалеров; солдат, которые боязливо вели себя, опасаясь встречи с офицерами. Конфессиональный состав Благовещенска с момента освоения города русскими отличался разнообразием, в регионе были сильны общины духовных христиан, поэтому неудивительно, что А.В. Кириллов отмечает присутствие молокан на китайском празднике [8: с. 303]. Краевед подчеркивает гостеприимство китайцев и особую атмосферу общения жителей приграничных территорий. Зажиточные китайцы приглашали гостей с российской стороны на обед или ужин. Основу меню чаще всего составляли китайские пельмени или иные блюда, которые называли самовар. А.В. Кирил-

лов описывал приготовление этого блюда следующим образом: «Подают на стол кипящий самовар, приносят тарелки с мясом, нарезанным мелкими кусочками, опускают последнее в самовар с вермишелью и, поваривши его несколько минут, разливают по тарелкам или в маленькие китайские чашечки, и кушанье готово!» [8: с. 303]. Подобные заведения, где гости из готовых ингредиентов могут приготовить блюдо, распространены на северо-востоке КНР и поныне.

Таким образом, стоит сделать вывод, что, несмотря на общий неоднозначный контекст российско-китайских отношений во второй половине XIX в., опыт непосредственного взаимодействия русских и китайцев в условиях дальневосточного фронта формировался в позитивном ключе. На уровне личного взаимодействия российские краеведы отмечали открытость и гостеприимство китайцев и маньчжур. Российские подданные, в том числе представители некоторых конфессий (православие, духовное христианство), не только наблюдали с интересом за жизнью новых для себя соседей, но и были готовы принять участие в традиционных китайских празднествах, соотнося их с привычными для русского человека Масленицей и Пасхой. Хотя следует согласиться с исследователями в том, что межэтнические контакты были наиболее ощутимы в хозяйственном и материальном быту, меньше — в духовной культуре [2: с. 7]. Религиозные традиции китайцев для А.В. Кириллова представлялись несколько экзотичными и не всегда понятными. Заимствования в области хозяйственной деятельности позволяли российским подданным, как пришлому народу, успешнее адаптироваться в новых для себя природно-климатических условиях, в том числе посредством принятия угощений от китайцев. Тем самым были заложены специфические особенности жизни населения дальневосточных российских территорий, которые актуальны на современном этапе.

Литература

1. Амурский историк Е. Пастухова обнаружила свидетельства, как Благовещенск праздновал китайский новый год 140 лет назад. URL: <https://www.amur.life/news/2021/02/07/amurskiy-istorik-elena-pastuhova-obnaruzhila-svidetelstva-kak-blagoveschensk-prazdnoval-kitayskiy-novyy-god-140-let-nazad> (дата обращения: 01.04.2022).
2. Аргудяева Ю.В. Межэтнические контакты коренного населения, восточных славян и народов Восточной Азии в дальневосточном регионе // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4: Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 7.
3. Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев. М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999. 304 с.
4. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. 437 с.

5. Забияко А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4: Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 19–28.
6. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
7. Кириллов. URL: <https://www.amurmuseum.ru/osnovopolozhniki/kirillov> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Кириллов А.В. Новый год у китайцев // Сибирская газета. 1882. № 13. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-1437/> (дата обращения: 05.04.2022).
9. Китайский новый год. URL: <https://chinaexpo.ru/blog/kitayskiy-novyy-god/> (дата обращения: 05.04.2022).
10. «Праздник свиной головы» в китайской провинции Чжэцзян. URL: <https://ekd.me/2015/04/pig-head-feast/> (дата обращения: 05.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛТОРА ВЕКА

*Н.М. ТВЕРДЫНИН,
доктор философских наук, кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,
профессор кафедры химии и материаловедения,
Академия гражданской защиты МЧС,
Россия, г. Химки
e-mail: tvernick@mail.ru*

*А.И. ШАРИФУЛЛИНА,
магистрант,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва
e-mail: aline-cat2000@mail.ru*

Аннотация: В статье показано, как менялось восприятие технического прогресса в России у различных социальных групп российского общества с конца девятнадцатого века по сей день. Дана корреляция с восприятием научно-технических достижений в других странах. Техничко-технологические, экономические и социально-психологические характеристики данного исторического периода служат основой для социально-философского анализа.

Ключевые слова: технократизм, технофобия, аксиология, социально-исторический анализ, техническая культура, социальная динамика.

FEATURES OF THE FORMATION OF TECHNICAL CULTURE IN RUSSIAN SOCIETY OVER THE PAST CENTURY AND A HALF

N. TVERDYNIN,

*Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher,
Professor of the Department of Chemistry and Materials Science,
Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki
e-mail: tvernick@mail.ru*

A. SHARIFULLINA,

*master's student,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: aline-cat2000@mail.ru*

Abstract: The article shows how the perception of technological progress in Russia has changed among various social groups of Russian society since the end of the nineteenth century to the present day. The correlation with the perception of scientific and technical achievements in other countries is given. Technical and technological, economic and socio-psychological characteristics of this historical period serve as the basis for socio-philosophical analysis.

Keywords: technocracy, technophobia, axiology of socio-historical analysis, technical culture, social dynamics.

Формирование технической культуры в нашей стране было сложным многофакторным процессом, который имел как социально-исторические, так и социально-политические корни, которые в максимальной степени связаны с экономическими реалиями нашего государства в тот или иной исторический период. Этот процесс отражен в культуре и искусстве: литературе, кино, театре, архитектуре. В данной статье большинство примеров отражения взглядов на технику и технологию связано с русской и советской литературой.

Восприятие техники и технологии в историко-культурном контексте представляет собой неравномерный во временных параметрах и неоднозначный в психологическом плане процесс. К последней четверти XIX века техника не просто стала неотъемлемой частью жизни общества (пусть и не доминирующей составляющей, обеспечивающей функционирование социума, как в настоящее время). Это привело к тому, что стало активно формироваться особое технокультурное пространство, которое было связано не только с непосредственно участвующими с промышленным производством группами людей, но и имело прямое отношение ко всем, кто стал активно использовать достижения научно-технического прогресса: поезда, пароходы, телеграф, фотографию, а несколько позд-

нее: автомобили, радио и многое другое. Соответственно, произошли изменения социокультурных стереотипов и их трансформации по отношению к новому образу жизни, который диктовался техническими инновациями того времени.

Россия занимала достаточно противоречивое положение среди других стран по уровню технического развития в конце XIX — начале XX в. С одной стороны, в ряде регионов активно развивалась современная промышленность, но с другой — наша страна значительно отставала во внедрении передовых для того времени промышленных технологий из наиболее развитых в этом отношении стран. Хотя в России (Бакинский экономический район) были развиты добыча нефти и даже ее переработка, имелась вполне конкурентноспособная угольная промышленность и металлургия (Донбасс) и машиностроение (предприятия Санкт-Петербурга), не говоря уже о текстильной промышленности (районы Москвы, Лодзи, Иваново-Вознесенска), но практически или полностью отсутствовали предприятия автомобильной, сельскохозяйственной, химической и других отраслей промышленности, продукцию которых приходилось экспортировать. Можно еще долго перечислять те технологии, которые уже существовали в наиболее развитых странах, а в России появились лишь в советский период, но это вызовет отклонение от заявленной темы.

Те противоречия, которые имелись в научно-техническом развитии России конца XIX века, отражались и на формировании отношения к техническому прогрессу и технологиям, бывшим на тот момент инновационными. Именно в тот период противоречия традиционного для России противостояния славянофилов и западников обрели новую грань и могут рассматриваться как противоречие в системе ценностей, обусловленном различием между технократическим подходом и технофобией. Можно с очень большой долей условности сказать, что большая часть людей того времени, которую привлекали социал-демократические и другие левые идеи, стала придерживаться технократических взглядов, а консервативно настроенные слои общества в большей степени были привержены технофобии. При этом следует отметить, что в России была своя специфика: ни народолюбцев, ни анархистов к технократам явно не отнесешь. Одновременно они находились в идейной оппозиции и к последователям славянофильства. Только русские марксисты, начиная с Г.В. Плеханова, могут быть отнесены к людям с преимущественно технократическим мышлением.

Начиная с последних десятилетий XIX века интерес к технике как к передовой области, играющей преимущественно положительную роль в развитии общества, стал доминировать в общественном сознании. Этому в немалой степени способствовали фантастические литературные произведения, переводимые на русский язык. Творения таких писателей,

как Жюль Верн, а затем и Герберт Уэллс, бьют тиражные рекорды и становятся для многих молодых людей настольными книгами.

А ведь в России литература всегда была основным проводником общественных идей. Учитывая то, что прежде в России количество литературы, где герой увлекался техникой, практически не существовало, это стало прорывом в формировании аксиологических приоритетов у молодого поколения. Ведь еще за несколько десятилетий до этого даже фигура молодого ученого-естествоиспытателя (Евгений Базаров из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети») вызвала далеко не однозначную реакцию в общественном мнении. Но на рубеже XIX–XX вв. положение меняется: одним из самых популярных писателей становится Н.Г. Гарин-Михайловский — известный инженер и писатель, герои ряда произведений которого тоже инженеры.

После Первой мировой войны и особенно после тех ужасов, которые принесли новейшие технические изобретения (орудия крупного калибра, огнеметы, отравляющие газы и многое другое) для уничтожения людей в невиданных до того времени масштабах, уровень технофобии во всем мире резко повышается. Однако в Советском Союзе этого не только не происходит, но, наоборот, инженерные профессии все более и более выходят на первый план в системе ценностных приоритетов молодого поколения. Об отрицательных сторонах технического прогресса, который, по их мнению, ведет к оболваниванию людей и способствует развитию тоталитаризма, пишут ряд русских писателей, эмигрировавших из Советской России. Характерный пример — роман-антиутопия Е.И. Замятина «Мы» (интересно, что сам автор по изначальной профессии — морской инженер). Взаимосвязь и сложность взаимодействия технического и социального показана в известнейших научно-фантастических произведениях А.Н. Толстого «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина». Учитывая, что Алексей Николаевич по своему первоначальному образованию был инженером-химиком и сравнивая между собой аксиологические позиции разных русских авторов, можно констатировать, что профессия далеко не всегда определяет предпочтения автора по отношению к роли технического прогресса и его полезности для социума [4: с. 176–183; 1: с. 52–57].

С полной уверенностью можно сказать, что технократическая позиция в советской культуре довоенного периода, официально поддерживаемая государством, сформировала у советской молодежи массовое стремление к освоению технических специальностей (как военных, так и гражданских), что было немаловажным фактором в модернизации Красной армии и флота в предвоенный период, а затем и Советской — в послевоенный.

После первого применения ядерного оружия произошел резкий взлет технофобских настроений по всему миру [3: с. 159–164]. Но в Советском

Союзе этот процесс нарастал постепенно и реально затронул часть нашей гуманитарной интеллигенции лишь в семидесятые годы. Конец пятидесятых и шестидесятых годов ознаменовался всеобщим интересом к космонавтике, мирному применению ядерной энергии и другим достижениям науки и техники, например, полупроводникам, синтетическим волокнам и тканям и другим технологиям и изобретениям, которые качественно изменили быт населения в положительную сторону.

Но к семидесятым и особенно к началу восьмидесятых годов стало понятно, что научно-техническое развитие не решает все социальные проблемы, рост которых всё увеличивался. Постепенно стали проявляться экологические проблемы, связанные с промышленными технологиями [2: с. 35–41]. (Одним из первых произведений, которые затронули этот феномен, был художественный фильм С.А. Герасимова «У озера».) Затем, после катастрофы на Чернобыльской АЭС и общего кризиса советской системы, феномен отчуждения техники и технологии от культурного пространства принял доминирующий характер. Однако экологические движения не обрели в России той массовости, которая характеризует большинство развитых стран, и их социальная база остается невелика. Тем не менее зеленое движение в России достаточно развито, структурировано и в целом оппозиционно власти.

В настоящее время наблюдается весьма интересное явление в восприятии техники и технологий широкими слоями российского населения. Иногда оно следует за спекулятивно раздуваемыми группами экологических активистов псевдоопасностями, которые при ближайшем рассмотрении оказываются связанными с экономической и политической борьбой, а иногда приветствуют строительство/модернизацию различных предприятий, сулящее экономические преференции для населения региона.

Именно поэтому можно констатировать, что интерес общества к науке, технике и научно-техническому развитию, то есть к тем аспектам, которые непосредственно отвечают за формирование технологической культуры, носит характер устойчивого «динамического равновесия», в котором состоят несколько «участников», несколько переориентирующихся в тот или иной временной интервал интересы общества в пользу технофобии или технократизма, но не влияющих на социально-культурную картину в целом.

Литература

1. Буханцева А.С., Леонтьева В.Л. Технофобия в обществе во время перехода к четвертой промышленной революции // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Матер. XIV Всерос. науч.-практич. конф. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2019. С. 52–57.

2. Елисеев К.В. Технофобия в современном российском обществе // Наука, культура, техника: креативный потенциал России. Четвертые Арефьевские чтения. Матер. Всерос. науч.-практич. конф., посв. 90-летию Г.С. Арефьевой / Под общ. ред. З.К. Селивановой, И.В. Юдина. М.: МЭИ, 2018. С. 35–41.
3. Моторина И.Е., Акимова И.А., Кондаурова К.И., Малолетнева И.В. Технофобия как реальность современного мира // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4 (106). Ч. 3. С. 159–164.
4. Родионов Д.А. Экзистенциальная и эпистемическая модальности технофобии как культурного феномена // Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы. Матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием: В 2-х ч. / Под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Н. Новгород, 2021. С. 176–183.

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

*А.А. БОЛТАЕВСКИЙ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков,
Российский университет кооперации, Россия, г. Мытищи
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

Аннотация: Эпидемия новой коронавирусной инфекции привлекла внимание к системе здравоохранения и вызвала интерес не только у специалистов, но и среди широкой читательской аудитории к историческому опыту борьбы с эпидемиями и инфекционными заболеваниями. На примере истории Великобритании в работе показано соотношение инфекционных заболеваний и средней продолжительности жизни.

Ключевые слова: эпидемии, инфекции, голод, средняя продолжительность жизни, Великобритания.

INFECTIOUS DISEASES AND LIFE EXPECTANCY (BY THE EXAMPLE OF THE GREAT BRITAIN)

*A. BOLTAEVSKY,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines
and Foreign Languages,
Russian University of Cooperation, Russia, Mytishchi
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

Abstract: The epidemic of a new coronavirus infection drew attention to the healthcare system and aroused interest not only among specialists, but also among a wide readership in the historical experience of combating epidemics and infectious diseases. Using the example of the history of Great Britain, the paper shows the ratio of infectious diseases and average life expectancy.

Keywords: epidemics, infections, hunger, average life expectancy, Great Britain.

2020 год оказался одним из самых сложных в начавшемся двадцать первом веке. Разумеется, различные исследователи — социологи, экономисты —

и ранее говорили о том, что новый век будет гораздо более сложным, а в Западной Европе поколение миллениалов впервые после Второй мировой войны будет жить хуже, чем их родители. Однако, говоря об ухудшении ситуации, специалисты подразумевали либо финансово-экономические, либо экологические кризисы на фоне истощения природных ресурсов. И хотя раздавались отдельные голоса (в том числе основывавшиеся на «птичьем гриппе», лихорадке Зика и памятном СПИДе, именовавшемся в 1990-е гг. не иначе как «чума XX века») о возможных пандемиях, которые могут угрожать существованию человеческой цивилизации, тем не менее чаще всего ее опасность показывали на киноэкранах режиссеры художественных фильмов («Эпидемия» В. Петерсона, «Пандемия» Д. Сьютса, «Обитель зла» П. Андерсона, «Репортаж» Ж. Балагуэро и П. Пласа и др.). И всё же весной 2020 г. действительность, казалось, превзошла вымышленную антиутопию: неслучайно в преддверии 2021 г. канцлер ФРГ А. Меркель назвала борьбу с COVID-19 «задачей столетия в политическом, социальном и экономическом планах» [4].

В этой связи представляет интерес изучение исторического опыта борьбы с пандемиями и инфекционными заболеваниями, а также становлении санитарно-гигиенических мероприятий. Напомним, что даже традиция мытья рук перед едой была принесена в Европу крестоносцами с Ближнего Востока, тесные улочки средневековых западноевропейских городов были идеальным рассадником для эпидемий, а отдельные историки моды полагают, что в основе появления широкополых шляп была защита головы от выбрасываемого мусора и нечистот из окон домов. В середине XIX в. в английском Манчестере средняя продолжительность жизни состоятельного слоя общества составляла 38 лет, рабочих — 17 лет [3]. Если еще в позапрошлом столетии основной причиной смертности взрослых были инфекционные заболевания, то в наши дни это дегенеративные изменения и онкологические заболевания. По данным Всемирного банка, в 2018 г. тройка лидеров средней продолжительности жизни была следующей: 84,9 в Гонконге, 84,9 в Японии и 84,1 в Макао [9]. Но даже в таких неблагополучных странах, как Южный Судан и Центрально-Африканская Республика, средняя продолжительность жизни выше, чем, например, в Великобритании на рубеже XIX–XX вв.

Таблица 1

**Продолжительность жизни в Великобритании
(таблица составлена по [9; 10])**

Год	Средняя продолжительность жизни
1900	46
2018	81,4

Географическое расположение Британских островов (определенная отрезанность от континентальной Европы, что, правда, не мешало вторжению викингов и норманнскому завоеванию Англии в 1066 г.) привело к известной обособленности туманного Альбиона (чего стоит только англосаксонское право), что приводило к отличиям и в эпидемиологической обстановке.

Известно, что на протяжении столетий голод оказывал серьезное влияние на социально-экономическую обстановку в различных странах, приводя и к повышению смертности. По данным историка Ю.А. Полякова, в восемнадцатом столетии в России было отмечено свыше 30 случаев массового голода, а в следующем столетии — до сорока [5: с. 3]. Известный своими «Письмами из деревни» отечественный публицист А.Н. Энгельгардт полагал, что в Смоленской губернии «и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватало своего хлеба до нови; приходилось покупать хлеб, а кому купить не на что, те посылали детей, стариков, старух в “кусочки” побираться по миру» [6: с. 20].

В отличие от континентальной Европы и, тем более, от Ирландии, в Англии массовый голод как явление исчезает на несколько столетий раньше. Крупнейший в Европе голод 1314–1317 гг. привел к гибели до 15% населения от «пневмонии, бронхита, туберкулеза и других болезней, которые слабость голодающих сделала смертельными» [12]. Последним значимым голодом в масштабах всей страны были события 1597–1598 гг., а голод 1623–1624 гг. был, в основном, локализован горными районами на северо-западе. Примечательно, что голод конца XVII в., удвоивший смертность во Франции и Германии, практически не затронул Англию [2: с. 80–81]. Как отмечает исследователь Л. Шоу-Тейлор, Англия «полностью избежала голода благодаря некоторому сочетанию улучшенного сельского хозяйства, эффективной системы социального обеспечения и более эффективного функционирования межрегиональных рынков» [11].

По-другому обстояло дело с эпидемиологической обстановкой. В отличие от Западной Европы различные санитарные меры, в том числе изоляция, не пользовались большим распространением в Англии. Историки зафиксировали в Англии XVII в. четыре эпидемии чумы (1603, 1625, 1636, 1665–1666 гг.), тем не менее эпидемия 1665–1666 гг. стала последней, если не считать отдельные вспышки, имевшие место в том числе и в XX в. Д. Дефо так описывал 1665 г. в Лондоне: «Плач и причитания раздавались почти в каждом доме, особенно в начале мора, потому что позднее сердца ожесточились, так как смерть была постоянно у всех пред глазами, и люди утратили способность сокрушаться потерей близких и друзей, ежечасно ожидая, что их самих постигнет та же участь» [1: с. 52].

Обратим внимание и на еще одно обстоятельство: долгое время скученность и антисанитария в больших городах приводили к гораздо большей смертности, чем в сельской местности. В Великобритании средняя продолжительность жизни в городах сравнивалась со средней продолжительностью жизни в сельской местности только в 1930-е гг. [7].

И всё же на фоне постепенного улучшения санитарной обстановки значительную роль в искоренении эпидемий сыграла вакцинация. Еще в XVIII в. в Англии оспа была причиной каждой десятой смерти, а после начала вакцинации по методу Э. Дженнера (1800) уже к середине XIX в. смертность, вызванная оспой, не превышала 1% [8].

Подведем некоторые итоги. Последние столетия наблюдается устойчивое снижение смертности от инфекционных заболеваний, при этом возрастает смертность от неинфекционных заболеваний (онкология). В будущее можно смотреть с осторожным оптимизмом — ведь на уроках пандемии коронавируса всё более понятно, насколько важна налаженная система здравоохранения в современном мире.

Литература

1. Дефо Д. Дневник чумного года, содержащий наблюдения и воспоминания о самых замечательных событиях как общественных, так и сугубо личных, произошедших в Лондоне во время последнего великого испытания в 1665 году. М.: Наука; Ладомир, 1996.
2. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010. 304 с.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1989.
4. Мыльников П. Меркель назвала борьбу с COVID-19 задачей столетия. URL: <https://www.dw.com/ru/merkel-nazvala-borbu-s-covid-19-zadachej-stoletija/a-56101533> (дата обращения: 16.02.2022).
5. Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975. 112 с.
6. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 708 с.
7. Davenport R.J., Smith R.M. The early history of public health from an evolutionary perspective, Open Access Government (2019). URL: <https://www.openaccessgovernment.org/history-of-public-health/74610/> (дата обращения: 18.02.2022).
8. Davenport R.J., Smith R.M. The early history of public health from an evolutionary perspective, Open Access Government (2019). URL: <https://www.openaccessgovernment.org/history-of-public-health/74610/> (дата обращения: 18.02.2022).
9. Life expectancy at birth, total (years). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (дата обращения: 16.02.2022).
10. Life expectancy (from birth) in the United Kingdom from 1765 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1040159/life-expectancy-united-kingdom-all-time/> (дата обращения: 16.02.2022).

11. Shaw-Taylor L. An introduction to the history of infectious diseases, epidemics and the early phases of the long-run decline in mortality // *Econ Hist Rev.* 2020. V. 73. P. 1–19. doi:10.1111/ehr.13019
12. The Great Famine (1315–1317) and the Black Death (1346–1351). URL: http://www.vlib.us/medieval/lectures/black_death.html (дата обращения: 17.02.2022).

КОМИЗАЦИЯ ПАНДЕМИИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ И РУССКИХ АНЕКДОТОВ И МЕМОВ

*А.А. ОСЬМУШИНА,
кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка
для профессиональной коммуникации,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева»,
Россия, г. Саранск
e-mail: 98761985@mail.ru*

Аннотация: Содержание комического фольклора позволяет выявить стереотипические оценки явлению, преобладающие в этносе в целом и в различных социодемографических группах в частности. Это определяет актуальность анализа этносоциальных особенностей семантики пандемийного комического. Цель данного исследования — выявить и сопоставить оценки пандемии Covid-19 в России и США. Восприятие перемен, вызванных пандемией, различно в разных этнических и социодемографических группах, что демонстрируют результаты настоящей работы.

Ключевые слова: пандемия Covid-19, анекдоты, мемы, семантика, Россия, США.

COMIZATION OF THE PANDEMIC: A COMPARATIVE STUDY OF THE CONTENT OF NORTH AMERICAN AND RUSSIAN ANECDOTES AND MEMES

*OSMUSHINA A. A.,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of English Language
for Professional Communication,
National Research Mordovia State University, Russia, Saransk
e-mail: 98761985@mail.ru*

Abstract: The content of comical folklore enables us to identify stereotypical assessments of the comicalized phenomenon prevailing in the ethnos in general and in various social groups in particular. This determines the relevance of the analysis of the ethnic features of the semantics of the pandemic comical. This study aims to identify and compare assessments of the Covid-19

pandemic in Russia and the USA. The perception of the changes caused by the pandemic is different in different ethnic and social groups, as the results of this work demonstrate.

Keywords: Covid-19 pandemic, jokes, memes, semantics, Russia, the USA.

Фольклор отражает и транслирует нормы и ценности [2; 4], стереотипические оценки [4; 5], мировосприятие этноса [10; 11; 15]. В современном фольклоре активно обсуждаются пандемия Covid-19 и сопутствующие общественные изменения. Однако содержание ковид-фольклора в разных этносах заметно отличается, определяя актуальность настоящего исследования. Тем не менее сравнительный анализ пандемийного фольклора России и США прежде не предпринимался.

Фокусируя внимание на лингвистической репрезентации новых понятий и явлений [7], дискурсивном содержании ковид-фольклора [6] и морально-этических последствиях пандемии [1; 12], ученые обошли вниманием семантику пандемии как отражение коллективной рефлексии этноса, что и определило направление настоящей работы. Этническая семантика ярко отражается в таких формах современного фольклора, как анекдоты и мемы [3; 4; 5; 9]. К настоящему времени насчитывается множество работ, посвященных роли комического в условиях пандемии [13; 14] или содержанию пандемийных анекдотов некоторых этносов [8], но семантика русских и американских анекдотов и мемов до сих пор остается неизученной.

В качестве материала для исследования выбран североамериканский и русский фольклор, в частности комический фольклор в форме анекдотов и мемов. Объект изучения — репрезентация и оценки пандемии. Предмет изучения включает в себя общественные изменения в функционировании социальных институтов и поведении индивидов, вызванные пандемией; достоинства и пороки индивидов и социальных групп, выявляемые пандемией и сопутствующими изменениями в общественных запросах; изменения в нормативно-ценностной системе общества, спровоцированные пандемией Covid-19. Цель нашего исследования — выявить и сопоставить оценки пандемии Covid-19 в разных социальных контекстах и группах в России и США.

Основополагающим принципом исследования является сравнительно-исторический подход. Выбор материала для изучения выполнен при помощи метода критического отбора источников, ограничившего нас аутентичным современным фольклором; применяется случайная выборка. Для выявления частотности тех или иных социальных контекстов комизации пандемии применяется метод количественно-качественного контент-анализа. Для определения содержания материала и стереотипических оценок пандемийных явлений применяется метод дейксистого анализа фольклорного текста в рамках аналитической философии.

Как в русском, так и в североамериканском фольклоре пандемия Covid-19 нашла отражение во всех социальных контекстах.

Превалирует социодемографический контекст (43% случаев в русской и 68% в североамериканской выборке). При этом в американской выборке большую часть составляет комизация глупости как преобладание формы над смыслом, бесцельное и неадекватное избыточное применение ограничений, как-то: приложение изменений социальных и общекультурных к абстрактным формам, т.е. фильмам, картинам, обложкам музыкальных дисков, книгам и т.п. В русской выборке также комизируется глупость, но в большей степени как нездоровое поведение представителей разных социодемографических групп: чрезмерная забота женщин о собственной внешности даже в период самоизоляции, ригидность пожилых людей. Отмечается, что пандемия и общественные изменения выявляют ряд пороков: неверность мужчин, нелюбовь к семье и близким, стремление проводить время вне дома, бытовую неряшливость взрослых, склонность к обжорству и лени, нежелание взрослых воспитывать детей, пристрастие к социальным сетям. Обличаются стремление детей обманывать взрослых и попустительство родителей к обману учителя на дистанционном обучении. Некоторые же недостатки удобнее скрывать под видом самоизоляции: жадность и нежелание дарить близким подарки, нежелание посещать культурные мероприятия, пьянство.

В американском пандемийном фольклоре также обличается учащение конфликтов с лицами, проживающими вместе с объектом (семьей или соседями), а также то, что до самоизоляции мужа уделяли мало внимания женам; зато пандемия позволяет скрыть нежелание общаться. В американской выборке чаще и разнообразнее представлены недостатки детей, которые выявила пандемия и, как следствие, ее самоизоляция: родители стараются учить детей, но те не хотят учиться и запоминают только непотребство, не справляются с бытовыми делами без помощи родителей, беспокоя их по каждому пустяку во время дистанционной работы; дети манипулируют родителями, желая только развлекаться с планшетами и питаться сладостями и снеками; как и в русской выборке, в американской родители делают домашние задания за детей, обманывая учителя. Если в русском фольклоре пандемия выявляет дегуманизацию человека (питомцы не любимы, но используются как основание для прогулок), то в американском происходит гуманизация животного: на дистанционной работе питомец оценивается как коллега. В русском комическом фольклоре значительное внимание уделяется спорам сторонников и противников вакцинации, при том что опасения диванных конспирологов и вирусологов осуждаются как глупость и ханжество, тогда как в фольклоре США подобная тематика не актуальна. В то же время в обеих культурах пандемия выявила отсутствие здравого смысла в форме панических закупок, только

в России самый востребованный продукт — гречка, а в США — туалетная бумага. Также в американском фольклоре не представлены такие средства профилактики и лечения ковида, как пьянство и народная медицина, получающие осуждение в русском фольклоре. Непонимание и формальное понимание санитарных мер, приводящее к их невыполнению, обличается как в России, так и в США, тогда как вакцинация ради получения QR-кода или фальсификация вакцинации комизируется только в русском социуме.

Около 40% русской выборки и всего 4% американской подборки анекдотов и мемов содержат комизацию социополитического контекста. Если в фольклоре США осуждается закрытие границ и ухудшение обстановки без указания на конкретных виновных, то в русском комическом демонстрируется недоверие к отдельным представителям, институтам местной власти и правительству в целом на основаниях прежних неэффективных решений и связанных с пандемией невнятных, непоследовательных или невыполнимых распоряжений; отмечается недостаточность государственной помощи гражданам, введение штрафов за нарушение санитарных требований; осуждаются как длительный карантин, так и мероприятия в период пандемии, как политические и экономические махинации, так и теории заговора, фальсификация статистики заболеваемости и пренебрежение обязанностями/коррупция контролирующих органов. В фольклоре США собственное правительство осуждается только в плане глупости (так, уведомления от правительства о необходимости санитарных мер приходят даже покойным), при этом несправедливость, авторитаризм и опасность относятся исключительно к чужим политическим режимам, например, Кореи. Если в русском социуме затянувшаяся пандемия вызывает ощущение нестабильности и провоцирует пессимистичный прогноз, в американском этого не наблюдается.

Комизация социоэкономического контекста составляет 9% русской выборки и насчитывает единичные случаи (не более 0,5%) в американской. Если в американском фольклоре отмечается только необходимость финансовой поддержки тех, кто не получил ее, не работая официально (т. е. фрилансеров), то в русском фиксируются ухудшение материального положения граждан и рост безработицы, вызывающие ненависть к обладателям сверхдоходов, рост цен на лекарства и средства санитарной защиты как способ их производителей и поставщиков обогатиться на пандемии, нищета учреждений здравоохранения, поляризация доходов, создающая неравные возможности излечения и выживания. В русской выборке также отмечается новый — более выгодный — путь развития бизнеса: перевод большинства операций в цифровую сферу, хотя в целом экономический прогноз носит пессимистичный характер.

Социокультурный контекст широко представлен в американской выборке и значительно меньше — в русской: 27% и 7,5% соответственно.

В то время как в американской выборке наблюдаются единичные случаи комизации выявленных пандемией проблем в образовании и медицине, при пресуппозиции, что учителя страдают на карантине, осваивая новые методы работы, в русской подборке комизируется деградация школы и учителя, родителя в функции воспитателя и учителя, а также культуры и искусства, медицины и врача и руководителей религиозных институтов. Во всех сферах выявляется стремление к обогащению без желания добросовестно работать, без творчества, истины и перфекции, развитие лжи, фальсификации, ригидности, формализация и абсурдизация культурных институтов под гнетом чрезмерной бюрократической нагрузки. При этом приоритет отдается соблюдению санитарных норм, нежели традиций или религиозных обрядов. Тогда как в американском фольклоре отмечается редукция человека к растительному существованию на карантине, лишение человека свободы передвижения и действий при освобождении природы (формируется образ человека в клетке), то в русском фиксируется функциональная редукция человека (несвобода выбора и планирования) и обнаруживается слабость человека перед силами природы, свержение человека с мнимого трона. Как в американской, так и в русской культуре фиксируется формирование новых повседневных привычек и обычаев. При этом в русском комическом отмечается изменение общественной нормативно-ценностной системы в целом, включая стереотипические оценки и общественные ожидания от разных социальных институтов. В культурном контексте США год 2020-й оценивается как наихудший, таким образом, выражая оптимистический прогноз, а также широко применяется экстраполяция ассоциаций с пандемией на не связанные с вирусом объекты — по сходству названия (пиво «Корона»), по симптомам («начинаешь кашлять и испытываешь внезапную потребность путешествовать»), на поведение людей — по сходству («люди с ковидом также не знают границ»), на старую игру («кто в домике, тот и выиграл»), на символику (разделение олимпийских колец), на лингвистические единицы и на абстрактные понятия по смежности.

Социомиграционный контекст в фольклоре обеих стран затронут мало (в единичных случаях), но всё же присутствует (по 0,5%). В североамериканском фольклоре комизируются нездоровые ограничительные меры в отношении потока мигрантов, закрытие границ и отмена полетов без учета того, что США сами лидировали по числу заболевших. Соответственно, комизируется официальное закрытие границ для американцев как разносчиков инфекции в страны третьего мира, граждане которых составляли основной поток нелегальных мигрантов в США. В русском фольклоре отмечается рост ксенофобии в отношении приезжих из стран — лидеров по числу заболевших (Китая и Италии) и перенос настороженного отношения на товары из этих стран.

Анализируя оценочное отношение к общественным изменениям, вызванным пандемией, мы видим, что среди американцев преобладает нейтральное, положительное отношение к повседневно-бытовым переменам, а именно «смешно, безопасно», выраженное юмором (47%). В русском фольклоре такая оценка насчитывает 21% случаев и относится к тому, что пандемия выявила и затруднила реализацию индивидуальных недостатков. Изменения норм, ценностей, стереотипов, повседневных практик, прогноз длительного сохранения этих изменений получают отрицательную оценку «прискорбно, недопустимо», выраженную в форме блага (20% случаев в американской выборке и 4% в русской). Умеренно отрицательная оценка «нежелательно» выражена иронией (15% в американской выборке и 18% в русской) и относится к различным формам проявления глупости, ханжества и лицемерия в русском и американском фольклоре, а в русском, кроме того, к холодным отношениям в семье, редукции гуманизма к прагматизму и снижению уровня жизни. Резко отрицательную оценку «недопустимо, крайне нежелательно» в форме сарказма получают 8% американских и 34% русских анекдотов и мемов. В американском фольклоре эту оценку получают как политические решения (необоснованные ограничения въезда в страну, противоречивые заявления вирусологов, неадекватные меры по улучшению статистики заболеваемости в других странах), так и глупость и лицемерие в повседневной жизни (панические закупки, создающие скопление людей и дефицит, необходимость проводить время на самоизоляции с неприятными людьми, изменение ценности отпуска, скука и жажда развлечений. Антиваксеры, которые выступали против других вакцин, сами страдают без вакцины от ковида, несбывшиеся ожидания от апокалипсиса (выявление низости), игнорирование близких под видом социальной дистанции). В русском сарказм применяется не к индивидуальному поведению, а именно к социальным явлениям и процессам, таким как неразумные, чрезмерные или непонятные распоряжения властей, способствующие росту напряжения в обществе, уменьшению прав и свобод невакцинированных граждан, подозрению в махинациях со статистикой заболеваемости, утрате доходов и работы, неспособности ни организаций здравоохранения, ни политиков коренным образом изменить ситуацию, ничтожеству человечества перед силами природы и редукции *homo sapiens* до примитивного существования и выполнения некоторых функций. В 3% случаев в США и в 14% в России встречается сатирическая форма комизации, транслирующая резко отрицательную оценку «отвратительно, крайне нежелательно». В США такая оценка относится к слабости социальных институтов, обязанных справляться с пандемией: ученым и политикам, врачам, применяющим панически чрезмерные меры по лечению заболевших, неверной оценке ситуации в целом, выражающейся в глупости, попыткам обойти ограни-

чения, приведению доводов против санитарных мер. Сатирически изображаются ханжество антипрививочников и глупость в форме перевода на дистанционную работу не подходящих для этого профессий. В России резко отрицательно оцениваются экономические проблемы: коррупция и стремление нажиться на пандемии, но не прекратить ее, неравные возможности богатых и бедных вылечиться и выжить с учетом скудного оснащения больниц, а также деградация человека творческого в форме меркантильности в сферах искусства и образования.

Во всех социальных контекстах русская выборка содержит существенный процент самоиронии (9%) («хорошо, смешно, желательно в некотором отношении»). В американском фольклоре самоирония насчитывает 7% случаев и оправдывает незначительные недостатки, выявленные карантинном. В русском фольклоре, помимо индивидуальных недостатков, обнаруженных благодаря пандемии, комизируется, без осуждения, обход ограничений как проявление находчивости. Если в фольклоре США попытка индивида нарушить санитарные предписания расценивается как глупость и осуждается, то в русском это оценивается положительно: в демографическом контексте как уверенность в своих силах и смекалке, в политическом — как обман нечестного и способ восстановления справедливости, в экономическом — как способ сохранить необходимый доход.

Американцы рассматривают социальные последствия пандемии в первую очередь именно в применении к повседневной, бытовой, обыденной жизни. Политические, экономические, межэтнические изменения, коррелирующие с ковидом, оцениваются ими как совершенно незначительные. Культурные последствия пандемии — это в первую очередь изменение стереотипов, повседневных практик, норм и оценок. Они касаются каждого лично, поэтому, как и демографический контекст, находят наиболее широкое отражение в комическом. В русском комическом фольклоре выражены экзистенциальные проблемы, выявленные пандемией: вскрытие ничтожности во мнимом, ошибочном величии человека, редукция человека мыслящего до человека функционирующего, творящего до зарабатывающего, действующего до существующего. Также гораздо большее значение для русского, нежели для американца, имеют политический и экономический контексты: если американский фольклор демонстрирует некоторую ограниченность интересов референтной группы повседневно-бытовой, демографической сферой, то в понимании русского носителя коллективной памяти и стереотипических оценок политические решения в не меньшей степени важны для граждан и составляют значительную часть комической рефлексии. Русский берется оценивать решения властей, и оценка негативна вследствие длительности пандемии, общественного напряжения и недоверия к институтам власти за прежние ошибки. Экономические проблемы, выявленные или обостривши-

еся во время пандемии, также имеют большое значение и обсуждаются в русском комическом фольклоре.

Литература

1. Агзамова Н.Ш., Адилова А.Ш. Этические последствия пандемии ковид-19 // Академический вестник ЕЛПИТ. 2020. Т. 5. № 3(13). С. 6–10.
2. Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов). Спец. 19.00.05 — Социальная психология. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 202 с.
3. Лубина Л.Н. Комический эффект как трансформация нормы, национально-культурное в комическом // Вестник Югорского государственного университета. 2011. № 1(20). С. 85–88.
4. Осьмушина А.А. Социально-философские основания комического социо-демографических и этнокультурных групп. Спец. 09.00.11 — Социальная философия. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2017. 22 с.
5. Осьмушина А.А., Ингл О.П. Этнопедагогическое значение комического в творчестве мордовского народа // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 3. С. 415–421.
6. Сарна А.А. Covid-19 как медиавирус: дискурсы профилактики и паники // Стратегические коммуникации в современном мире: Сборник материалов по результатам научно-практических конференций. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2020. С. 152–161.
7. Уханова М.А. Анекдоты в цифровой среде (лингвокогнитивный анализ анекдотов в сети) // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3(42). С. 483–488.
8. Chlopicki W., Brzozowska D. Sophisticated humor against Covid – the Polish case // Humor: International Journal of Humor Research. 2021. № 34(2). P. 201–227.
9. Davies C. Jokes and targets. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 300 p.
10. Grimm J., Grimm W. Kinder- und Hausmaerchen. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1815. URL: <https://archive.org/details/GrimmKinderUndHausmaerchen2-1815/page/n22/mode/1up> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Karsdorp F., Fonteyn L. Cultural entrenchment of folktales is encoded in language // Palgrave Commun. 2019. Vol. 5. № 25.
12. Morales F.X. Society and the moral semantics of the COVID-19 pandemic: a social systems approach // Kybernetes. 2021. Vol. ahead-of-print. No. ahead-of-print.
13. Olah A.R., Ford E.T. Humor styles predict emotional and behavioral responses to COVID-19 // Humor: International Journal of Humor Research. 2021. № 34(2). P. 177–199.
14. Olah A.R., Hempelmann C.F. Humor in the age of coronavirus: a recapitulation and a call to action // HUMOR. 2021. № 34 (2). P. 329–338.
15. Toelken B. The dynamics of folklore. Houghton mifflin company, 1979. 395 p. URL: <https://archive.org/details/dynamicsoffolklo0000toel/page/225/mode/1up> (дата обращения: 10.02.2022).

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ 1830 ГОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

*А.А. СОБОЛЕВА,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
Россия, г. Москва
e-mail: soboleva84@inbox.ru*

Аннотация: Эпидемия холеры 1830 года нашла отражение в стихотворениях многих авторов: Н.М. Шатрова, П.А. Вяземского, Н.М. Языкова, М.Ю. Лермонтова. В этих произведениях авторы с тоской говорят о вынужденных ограничениях, размышляют об опасностях внезапной болезни, переживают смерть близких и осмысливают скоротечность земного бытия.

Ключевые слова: Н.М. Шатров, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, М.Ю. Лермонтов, эпидемия.

EPIDEMID OF CHOLERA OF 1830 IN THE RUSSIAN POETRY

*А.А. SOBOLEVA,
Candidate of Philological Sciences,
Senior Teacher of the Department of Foreign Languages,
Moscow University of Finance and Law MFUA,
Russia, Moscow
e-mail: soboleva84@inbox.ru*

Abstract: The epidemic of cholera of 1830 was described in the poems by many authors: N.M. Shatrov, P.A. Vyazemsky, N.M. Yazykov, M.U. Lermontov. In these works the poets sadly speak about forced restrictions, think about dangers of the sudden disease, suffer the death of their loved ones and comprehend transience of the earthly life.

Keywords: N.M. Shatrov, P.A. Vyazemsky, N.M. Yazykov, M.U. Lermontov, epidemic.

Эпидемия холеры 1830–1831 годов как событие, оказавшее большое влияние на жизнь российского общества, нашла отражение в отечественной поэзии. Принесенная с юга болезнь распространилась в Москве в 1830 году, что описано в поэтических произведениях очевидцев.

В конце августа 1830 года М.Ю. Лермонтов пишет стихотворение «Чума в Саратове» [2: с. 188—189]. Вероятно, поводом к его написанию стали известия об эпидемии холеры в Поволжье. Первая строка стихотворения без вводных фраз сообщает, какое событие меняет жизнь людей: «Чума явилась в наш предел». Слово «чума» в быту использовалось для обозначения любой смертельной эпидемии. Лирический герой на фоне всеобщего бедствия, «хоть сердце страхом стеснено», будет жалеть только о расставании со своей возлюбленной. В произведении особенно трагически звучит описание последних минут умирающей от заразной болезни («Никто не прикоснется в ней, // Чтоб облегчить последний миг») и погребения без традиционного христианского обряда:

Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

Эпидемия ставит вопросы, над которыми человек не задумывается в повседневной жизни. Человеку кажется, что его жизнь бесконечна. Стихотворение напоминает, что он может оказаться один в минуту смерти и что наш мир предназначен огню.

Также в конце августа 1830 года написано произведение «Чума (Отрывок)» [2: с. 121—123], имитирующее отрывок из поэмы. В «Чуме в Саратове» лирический герой готов «лобзать» уста возлюбленной, к которой другие боятся даже прикоснуться. В «Чуме (Отрывок)» друзья обнимались без страха, несмотря на то, что «толпами гиб отчаянный народ». Как и в предыдущем стихотворении, личные чувства героев, их отношения не меняются во время всеобщего смятения, чем они выделяются из толпы. Они не отказались от дружбы, «Когда всех занимала смерть одна». Друзья хотят жить, «гладный мор» их пугает. Один из них заболевает. Будучи здоровым, «В движениях и в мыслях он был скор», а под действием болезни «Стал медленно слабеть», «говорить // Не мог». Смерть юноши становится потрясением для его товарища. Описания последней минуты умирающего и реакция любящего на смерть близкого человека переключаются. Об умирающем читаем:

...Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

Физическая реакция живого передается сходным образом, Лермонтов показывает неспособность двигаться, издать звук, перевести взгляд:

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
 Стоял его товарищ. Он хотел
 Смеяться... и с открытым ртом
 Остался — взгляд его оцепенел.

Снова Лермонтов описывает контрастное отношение к человеку его любящих и посторонних людей, которые воспринимают его и его прах в первую очередь как источник смертельной заразы:

Пришли к ним люди: зацепив крючком
 Холодный труп, к высокой груде тел
 Они без сожаленья повлекли,
 И подложили бревен, и зажгли...

В стихотворении «Смерть» («Закат горит огнистой полосой...», 1830) [2: с. 128—129], которое также может быть связано с появлением в Москве холеры, лирический герой любит закатом и констатирует, что завтра может стать «безжизненным холодным мертвецом». Герой грустит, потому что может умереть вдали от близких людей, своей возлюбленной, которую любил «так пламенно и так чистосердечно». Стоит обратить внимание на понимание загробной участи человека в раннем стихотворении Лермонтова:

...В сырую землю буду я зарыт.
 Мой дух утонет в бездне бесконечной!..

Датированное 1830—1831 годом стихотворение «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...») связано с упомянутыми выше произведениями тематически, но в нем не говорится об эпидемии. Лирический герой — разочарованный молодой человек, готовый на муки ада, только бы не видеть людей. Сон о загробной участи человека видит герой стихотворения «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830—1831 годы).

Под непосредственным впечатлением от эпидемии в 1830 году создано стихотворение П.А. Вяземского «Осень 1830 года». Поэт укрывался от болезни в своем подмосковном имении, и в произведении представлен контраст между прекрасным осенним пейзажем и смертельной опасностью, витающей в воздухе. Вяземский обращается к Творцу, недоумевая, как созданная Им природа может быть враждебна человеку [1].

Разразившаяся в России эпидемия становится темой произведения Н.М. Шатрова «Осень 1830 года. Лирико-историческое песнопение слепого» [3: с. 1—31], опубликованного отдельным изданием в 1831 году. Как указывает подзаголовок стихотворения, поэт предлагает читателю не только свои впечатления о недавних событиях, но собирает представить хронику происходящего. Цикл состоит из четырех стихотворений «Сентябрь», «Октябрь», «Ноябрь», «Декабрь». В первом Шатров говорит о появлении «болезни моровой»:

...Призрак счастья земного
Вдруг развеялся как сон.
Как надежды наши ложны,
Как веселия ничтожны:
Шаг один — до похорон!

Окружающая природа словно чувствует смертельную опасность: «златоясный» сентябрь внезапно побагровел, стал похожим на ноябрь:

Все как черной пеленою
Страшной, мертвой тишиною
Обложилось кругом.
Где природы украшенья?

Увядание природы сравнивается с внезапной гибелью человека:

Так и мы, в одно мгновенье
Блекнем смерти под крылом...

В соответствии с заявленной в заглавии установкой Шатров сообщает географию распространения заболевания:

Тяжкий бич земного круга
Страх Гангесских берегов,
Волгой шумною от юга,
Как прилив морских валов,
К нам на север накатился
Над Москвой отяготился...

В стихотворении представлена хроника возникновения эпидемии. Люди не задумываются о смерти, занимаются повседневными делами, строят планы:

Мы вчера умом летали
Кто в Париж, а кто в Царьград...

Появление смертельной болезни делает очевидной слабость человека, рождает ужас в сердцах:

Как ничтожны смертных силы!
Что наш ум? — Одни слова! —
Растворилися могилы
И трепещет вся Москва.

Шатров говорит об отмене развлекательных мероприятий, самоизоляции, распространении слухов, констатируя замирание не только общественной, но и внутренней жизни человека: «...Смогло сердце, смолк и ум...»

Поэт не ободряет панических настроений и напоминает о необходимости рассуждения:

Мир стихийный — море тленья,
 В нем всегда гроза шумит,
 И напрасно в дни волненья
 Кормчий сердца — разум, спит.

Образы, в которых изображается болезнь, передают настроения людей: «...Гробовым, печальным звоном // Час ужасный прозвенел», «Смерть... крылом махнула...», «...Засверкала, зазвенела // Смертоносная коса», «...как вебрь ужасный, // Рыщет смерть из дома в дом», «...Смерть пирует с мертвецами...»

Страх перед болезнью и смертью заставляет Москву обратиться к Всевышнему:

...И вздохнули все в тот раз —
 Вздохом внутренним пред Богом...

Во второй части стихотворения Шатров описывает молитву в храмах, кропление святой водой, крестные ходы. Весь город превращается в храм. Молитвенное обращение народа в стихотворении позволяет увидеть авторскую оценку происходящего:

«...Царь небесный! сохрани! —
 Удержи десницу мщенья,
 Просят грешники прощенья...
 Все мы грех, но Ты — любовь!»

Заключительная часть стихотворения оптимистичная — Шатров рассказывает о приезде в Москву императора, что воспринимается как подвиг, и о предпринимаемых мерах. Поэт уже от своего лица просит Царя Небесного помочь царю земному в его заботе о подданных.

В следующей части цикла ухудшающаяся погода соответствует росту заболеваемости:

...Умножается ненастье;
 Умножается несчастье;
 Умножается и страх.

В «Сентябре» холера называлась «драконом злым». В «Октябре» это уже «адский пламенный дракон», также используются образы греческой мифологии: Гидра Лернская, Химера, Тифон.

Как и в первом стихотворении, подчеркивается, что холера одинаково смертоносна для всех социальных слоев:

...Повсеместно страхом веет
 Повсеместно страстность сеет,
 Повсеместно всех следит,
 В шумных рынках заражает,
 В богадельнях поражает
 И в чертогах не шадит.

В «Сентябре» народ обращается к Богу, молится, деятельными представлены только император и правительство, выполняющее его поручения. В «Октябре» все заняты делом: «...Каждый бодрствует в беде...» Действия правительства оцениваются положительно, идеализируются. Военный генерал-губернатор Д.В. Голицын «строгим бдением, // Повсеместным наблюдением» похож на «бессменного часового».

Поэт подчеркивает, что люди добровольно оказывали помощь нуждающимся:

...Все содействуют друг другу
По сочувствию сердец...

Значительную часть стихотворения занимает обращение митрополита Филарета к народу. Митрополит призывает не забывать, что смертному трудно понять суды Божии.

...над нами
Казни временной крылами,
Гнев отеческий шумит...

Филарет призывает покаяться и изменить злые нравы на благие, чтобы помочь побороть эпидемию, прилагая к вере подвиги.

Слепой поэт видит «сердечными глазами», что жители идут в храмы «С духом кротким и смиренным». Переполненные церкви напоминают о Пасхе, что дарит надежду на избавление.

Завершается стихотворение патетическим возгласом автора:

Верю! — Бог увидит слезы:
Он любовь; он защитит!
<...>

Новая весна придет:
Недалек от нас Предвечный
Нужен только вздох сердечный,
И Москва вновь зацветет.

Страх и мрак продолжают и в следующем стихотворении цикла — «Ноябрь». Смерть по-прежнему «рыщет волком по домам». Московский почт-директор А.Я. Булгаков в дневниках пишет: «Болезнь, как сказывают, не сообщается прикосновением, но в поветрии» [2: с. 466]. Это представление передается Шатровым словами о «мрачном воздухе гнилом». В «Ноябре» поэт уже без подробностей говорит о мерах борьбы с эпидемией и покаянном плаче народа:

...и вздох души с земного дола
Взвился до Божьего престола
И луч любви — над ним блеснул!

Приход зимы совпадает с ослаблением эпидемии, воспринимается как облегчение. Поэт уверен, что холера отступает, потому что смирение

народа приносит свой плод, утишает Божий гнев. Шатров говорит о возобновлении как общественной, так и внутренней жизни человека («И жизни мысль загляся вновь»). Мрак болезни и смерть противопоставляются «радостной заре», рассвету, которую дарует Небесный Царь, Воскреситель.

Первые три стихотворения цикла начинаются угрожающим описанием болезни, перекликающимся с осенним пейзажем. В конце произведений автор дарит читателям надежду на избавление от несчастий. «Декабрь», завершающий цикл, построен иначе. В первых строках стихотворения — сияющий снежный пейзаж, людское оживление. Cholera «Зимы косматыми крылами // В бездонный ад унесена». Болезнь, посланная как наказание за преступления, по милости Божией отступает. Упоминает поэт об утихших «ропоте и молве», «злых слухах» черни. Прославляя Всевышнего, благодаря императора Николая за отеческую заботу о гражданах, поэт обращается к людям с нравственным увещанием. Эпидемия должна стать для жителей уроком, напомнить, «Что корень всех болезней — грех». Обращаясь к своим читателям «Граждане! братья, христиане!», поэт призывает их отказаться от сиюминутных развлечений, которые вливают в душу «яд смерти», напоминает, что для достижения блаженства человеку нужно обратиться к Богу и следовать его заповедям. В последних строках Шатров просит помнить о смертном часе:

...Щедрота Божия богата,
 Сам Бог не далеко от нас;
 Заметим, — быстро жизнь несется
 И мало время остается, —
 И не далек ужасный час!

Сходный взгляд на недавние события представлен в «Хоре, петом в Московском благородном собрании, по случаю прекращения холеры в Москве» [4: с. 360–361]. Данный торжественный гимн был создан Н.М. Языковым в 1830 году для благотворительного концерта. Произведение состоит из 12 строк и прославляет святой Божественный закон:

Велик господь! Земля и неба своды
 Свершители судеб его святых!
 Благословен, когда казнит народы,
 Благословен, когда спасает их.

Литература

1. Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1986. 542 с.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 776 с.
3. Шатров Н.М. Осень 1830 года. Лирико-историческое песнопение слепого. М.: Университетская типография, 1831. 31 с.
4. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Academia, 1934. 925 с.

Д.В. ГОЛИЦЫН В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ В МОСКВЕ В 1830–1831 гг.

*М.В. БАТШЕВ,
старший научный сотрудник РНИИ культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева,
Россия, г. Москва
e-mail: bmv@list.ru*

*С.А. ТРИФОНОВА,
научный сотрудник Архива Российской академии наук,
Россия, г. Москва
e-mail: trifonova_s@mail.ru*

Аннотация: Деятельность Московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына в период эпидемии холеры 1830–1831 гг. способствовала протеканию болезни в городе без общественных потрясений и «бунтов». Непрестанная забота о населении его главы принесла ему уважение среди всех сословий Москвы, сделал Д.В. Голицына самым известным и популярным правителем города.

Ключевые слова: Д.В. Голицын, холера, эпидемия, Москва в 1830–1831 гг.

D.V. GOLITSYN DURING THE EPIDEMIC OF CHOLERA IN MOSCOW IN 1830–1831

*M.V. BATSHEV,
Senior Researcher,
RNII Cultural and Natural Heritage named after A.I. D.S. Likhachev,
Russia, Moscow
e-mail: bmv@list.ru*

*S.A. TRIFONOVA,
Researcher at the Archive of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow
e-mail: trifonova_s@mail.ru*

Abstract: The activities of the Moscow Governor-General Prince Dmitry Vladimirovich Golitsyn during the cholera epidemic of 1830–1831 contributed to the course of the disease in the city without social upheavals and “riots”. The constant concern for the population of his head brought him respect among all the estates of Moscow, making D.V. Golitsyn the most famous and popular ruler of the city.

Keywords: D.V. Golitsyn, cholera, epidemic, Moscow in 1830–1831.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын был назначен московским военным генерал-губернатором в 1820 году. За десятилетие, предшествовавшее эпидемии холеры, показал себя как правитель города, хорошо понимающий его нужды и потребности. При нем были закончены начатые при его предшественнике Алексее Петровиче Торماسове работы по восстановлению Москвы после пожара 1812 года. Однако именно разразившаяся в городе эпидемия стала для Д.В. Голицына самым серьезным испытанием. Она не застала московского генерал-губернатора врасплох. Уже 18 сентября 1830 г. было издано «постановление Московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына по случаю начала эпидемии холеры с указанием мер по созданию Соединительного Совета, организации Карантина и открытия больниц» [3: л. 1]. В своем постановлении «начальник Москвы» подтверждал принятые им ранее «предохранительные меры», как-то: пресечение сообщений с жителями губерний, в которых уже свирепствовала холера, установление воинских кордонов, вплоть до снятия мостов на реках, и уничтожение перевозок, создание 14-дневных карантинных пунктов. При таких строгих мерах московские власти пытались сохранить необходимые для города промыслы. Так, рыбакам на пограничных с городом реках было разрешено продолжать заниматься рыбной ловлей.

Соединительный Совет, созданный постановлением генерал-губернатора, был разделен на две части. В первую входили должностные лица, начиная от самого Дмитрия Владимировича Голицына и митрополита Московского и Коломенского Филарета и заканчивая уездным предводителем дворянства В.П. Бахметьевым. Во вторую часть входили врачи, среди которых были известные московские доктора Лодер, Мухин, Высоцкий, Гааз. Московские сенаторы принимали на себя ответственность за надзор и попечение над различными частями города, который был разделен на двадцать частей. Участники первой части Совета, в связи с тем, что они находились на службе, по распоряжению Голицына собирались все вместе только в чрезвычайных ситуациях, ежедневные же заседания Совета проходили в составе не более пяти человек.

Одновременно с организацией контроля за распространением холеры в городе генерал-губернатор обратился к сенаторам, входящим в Совет, и предложил им открыть во взятых на их попечение частях города специальные холерные больницы. Эти больницы «для подания скорейшей помощи», вмещавшие от 20 до 50 больных, могли быть финансированы властями не более чем по три тысячи рублей. В связи с незначительностью данной суммы оплачивать эти больницы согласились представители московского купечества. Несмотря на то, что основное финансирование было получено от частных лиц, Голицын в своем постановлении писал, что «<...>, с своей стороны вменить себе в священную обязанность всеми

способами, от него зависящими, снабжать учрежденные больницы медикаментами и всем тем, что будет нужно» [3: л. 2].

Понимая о необходимости информировать жителей о происходящем и о принимаемых мерах по борьбе с эпидемией, Дмитрий Владимирович поддержал предложение историка — профессора Московского университета Михаила Петровича Погодина об издании в Москве специальной холерной газеты. Она начала выходить с 23 сентября 1830 года в качестве приложения к «Московским Ведомостям» и получила название «Ведомости о состоянии города Москвы». Данное приложение к «Московским Ведомостям» стал редактировать его инициатор Михаил Петрович Погодин. Оно существовало с 23 сентября 1830 года по 6 января 1831 года. Всего вышло 160 номеров [1: с. 216]. По сути, это были официальные статистические данные, которые дублировались в донесениях императору. Впервые в период эпидемии население Москвы смогло получать достоверную информацию одновременно с правительством. Кроме того, на полосах приложения печатались официальные сообщения об обстановке в городе, о том, как жителям предохранить себя от заражения, а также предоставлялась информация о благотворительных пожертвованиях на борьбу с болезнью. Случались в издании и очень забавные опечатки: «В 36-м номере Ведомости, в статье о пожертвованиях от неизвестного, напечатано 15 арапников. Сие произошло, вероятно, от опечатки написанного слова арапчиков. Нужно исправить сию ошибку, заменив слово: арапников словом червонцев» [1: с. 216].

Стремясь не допустить распространения холеры по стране, Голицын приказывает директору московского почтамта окуривать все письма, отправляемые в другие регионы. Но, наряду с этим, городские власти не закрыли театры, рынки и церкви, а также иные общественные места.

Во время холеры в Москве было неспокойно. Участились грабежи частных домов. Сергей Михайлович Голицын просил у своего однофамильца солдат, чтобы окружить дополнительным кольцом охраны вверенный ему воспитательный дом. Генерал-губернатор в просьбе отказал, но, как писал хорошо информированный современник: «князь Сергей Михайлович точно оцепил Воспитательный дом, но не войском, а своими сторожами» [2: с. 295].

Вскоре после отъезда императора из Москвы последовал указ о создании вокруг Москвы карантина, который бы не выпускал никого из города. Одновременно с этим император настаивал на том, что необходимо оцепить войсками и каждую из частей Москвы, запретив передвижение жителей между ними. Генерал-губернатор возражал: «что физически это почти невозможно, а в моральном отношении очень опасно. Государь настаивал, но князь в другой раз возразил, и после этого Государь ограничился приказанием оцепить только Тверскую часть, с тем чтобы никто

туда не входил и никого из нее не выпускали» [4: с. 147]. Эта мера, как писали современники, была предложена не московскими, а петербургскими врачами. Генерал-губернатор, чтобы не быть отрезанным от города после оцепления Тверской части, переехал из своего дома на Тверской в дом матери на Садовую. Уже упоминавшийся нами А.Я. Булгаков в одном из своих писем к брату сообщал, что он не понимает, зачем генерал-губернатору понадобился этот переезд. 17 октября 1830 года он писал: «Князь Дмитрий Владимирович оставил дом наместнический, который теперь весь окуривают и переехал жить в лачужку». Возвращение через месяц князя обратно в генерал-губернаторский дом вызывает одобрение у Булгакова: «Князь Дмитрий Владимирович переехал наконец опять в дом наместнический и хорошо сделал. Все находили, что неприлично было ему не жить там только оттого, что умерла там какая-то женщина» [2: с. 299].

Имевшиеся у московских купцов большие запасы товаров требовалось обрабатывать в соответствии с санитарными правилами, но хозяева были настроены против этих мер. Очевидец писал: «Купцы не знают, как им быть. Эти почтенные люди заявляют, что больницы содержатся почти исключительно на их пожертвования (как оно и есть на самом деле, и что вы можете прочесть в Ведомостях), и во внимание к тому просят, чтобы их не довели до неминуемого разорения. Один из них говорит, что в лавках у него на триста тысяч рублей чаю, который никуда не годится, если станут взрезывать цибики и опрыскивать их хлором. Меховщики уверяют, что от этой извести волос лезет из мездры; ситцевые фабриканты, что от нее краска линяет; торгующие бронзой, что от нее позолота сходит и т.д. Словом 168 купцов первых двух гильдий послали, как слышно, прошение к государю об отмене этого распоряжения» [4: с. 149]. Эту просьбу поддержал и Дмитрий Владимирович Голицын. В результате император отменил свой указ.

Для демонстрации поддержки императором подданных в древней столице Николай I в начале октября 1830 года посетил Москву. Знал ли о точной дате прибытия царя Д.В. Голицын, неизвестно. Официально же приезд был обставлен как сюрприз горожанам и не обошелся без определенной театральности. Хорошо информированный и при этом не любивший московского генерал-губернатора Голицына, Александр Яковлевич Булгаков писал своему брату Константину о театральных эффектах, которыми сопровождался приезд императора: «Император изволил прибыть в одиннадцать часов утра прямо в дом князя Дмитрия Владимировича. Бросились было докладывать; не велел никому трогаться с места, а только показать одному дорогу к князеву кабинету. Он, по своему обыкновению долго нежится и работает в постели, недавно встал (что, верно, не очень понравилось государю; в теперешнее время можно и должно бы в 6 часов

быть на ногах), был в халате своем перед зеркалом маленьким, чистил рот. Государь подошел тихонько к нему.

Вообрази же себе удивление князя, увидевшего в зеркале лицо государя, за ним стоявшего. По приказанию, полученному им от государя, уведомлять его ежедневно эстафетами о состоянии Москвы, мог ли князь Дмитрий Владимирович вообразить, что государь прибыл в Москву сам? Он вскочил со стула испуганный» [2: с. 274].

После доклада генерал-губернатора император проследовал к иконе Иверской Божьей Матери, где молился, стоя на коленях, чем вызвал восторг у сопровождавшей его, по словам Булгакова, несметной толпы. Переданная Булгаковым внезапность приезда императора для Голицына выглядит несколько преувеличенной. Если обратиться к публикации писем Булгаковых, то мы увидим, что в предшествующем письме самого Булгакова содержится упоминание о полученном московским генерал-губернатором рескрипте императора о том, что тот планирует приехать в Москву, чтобы успокоить умы. Погодин, в свою очередь, и вовсе приводит небольшой фрагмент из этого рескрипта: «Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все ваши меры» [1: с. 209].

Деятельность московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына была высоко оценена жителями Москвы. Московское купечество решило отблагодарить его за поддержку, которую он оказывал во время эпидемии. В конце 1831 года городское общество приняло решение преподнести Голицыну бюст. Это было сделано с разрешения императора в виде исключения и в ознаменование особых заслуг. Его изготовил знаменитый скульптор Витали, и он был торжественно открыт в 1834 году. Недолгое время бюст стоял в доме генерал-губернатора на Тверской, а после был перевезен в подмосковное имение Голицыных Большие Вяземы. В ходе революции бюст был утрачен.

Литература

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1898.
2. Братья Булгаковы: Письма. М.: «Захаров», 2010. Т. 3. 624 с.
3. Постановление, данное 18 сентября 1830 года Московским военным Генерал-Губернатором князем Д.В. Голицыным по случаю начала эпидемии холеры с указанием мер по созданию Соединительного Света, организации Карантина и открытия больницы // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 375 «Лечебное дело в России». Оп. 1. Д. 9.
4. Холера в Москве. Письма Кристина к графине Бобринской // Русский Архив. 1884. Т. 3. С. 138–153.

РОССИЯ И ДОНБАСС В КОНТЕКСТЕ КАРТЕЗИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*Т.В. КУЛЕМЗИНА,
доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой интегративной и восстановительной медицины,
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
имени М. Горького», Россия, г. Донецк
e-mail: medrecovery@rambler.ru*

*В.Е. ПАПКОВ,
ассистент кафедры интегративной и восстановительной медицины.
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
имени М. Горького», Россия, г. Донецк
e-mail: papkovvalery@rambler.ru*

Аннотация: Предпринята попытка рассмотреть в едином дискурсе проблематику сущностей Донбасса и России в контексте дуализма субстанций картезианской антропологии: cogito и протяженности. Используются, в том числе, литературные мемы русских писателей и поэтов, выявлен связанный и многоукладный характер этих двух сущностей.

Ключевые слова: Россия, Донбасс, картезианская антропология, cogito, протяженность.

RUSSIA AND DONBASS IN THE CONTEXT OF CARTESIAN ANTHROPOLOGY

*T.V. KULEMZINA,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Department of Integrative and Restorative Medicine,
SEO HPE "Donetsk national medical university n. M. Gorky", Russia, Donetsk
e-mail: medrecovery@rambler.ru*

*V.E. PAPKOV,
Assistant of the department of integrative and restorative medicine,
SEO HPE "Donetsk national medical university n. M. Gorky", Russia, Donetsk
e-mail: papkovvalery@rambler.ru*

Abstract: An attempt is made to consider in a single discourse the problematic of the essences of Donbass and Russia in the context of the dualism of the substances of Cartesian anthropology: cogito and extension. Literary memes of Russian writers and poets were used, among other things, and the connected and multi-layered nature of these two entities was revealed.

Keywords: Russia, Donbass, Cartesian anthropology, cogito, extension.

В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть в едином дискурсе проблематику сущностей Донбасса и России в контексте дуализма субстанций картезианской антропологии: *cogito* и протяженности. Уже первичные литературные мемы позволяют непосредственно применить метод картезианского дуализма к России в определении ее сущности, которую в 1866 году сформулировал Федор Тютчев: «Умом (=cogito) — Россию не понять, Аршином (=протяженностью) общим не измерить: Уней особенная стать — В Россию можно только верить» [5]. Таким образом, упоминая основные субстанции Р. Декарта, Ф. Тютчев тем не менее отличает Россию как от картезианского ума, так и от картезианской протяженности. Это, странное на первый взгляд, стихотворение автора близко по смыслу к формуле малороссийского писателя Николая Гоголя, понимавшего Россию как «тройку»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [2: с. 287–288].

В этих двух поэтических формулах онтологии (=гносеологии) России есть некие общие смысловые моменты, которые необходимо рассмотреть вне поэтической формы и стиля, в контексте картезианской антропологии, которая, по мнению А.Ф. Лосева, и есть, собственно, антропология как таковая [4].

У Ф. Тютчева это прежде всего указание на возможность или необходимость измерения протяженности неким аршином — инструментом, предназначенным для точного измерения длин и протяженностей вообще. Поэт предполагает очевидность протяженности «Руси», однако сразу же указывает на невозможность ее измерения обычным — «общим» для других «протяженностей» — аршином. И это есть прямое указание на субстанциальность (субъектность) этих несоизмеримых протяженностей. Европа имеет самую большую протяженность береговой линии относительно площади суши, вследствие чего стоимость доставки груза (издержки логистики) несоизмеримо мала по сравнению с нормой прибыли. По сути, европейский аршин представляет собой калькулятор стоимости товара относительно его наценки. *Cogito* Р. Декарта, не имеющее протяженности

и пренебрегающее ею, могло появиться в месте, где земля как суша исчерпана. Голландия с ее уровнем суши ниже уровня моря представляет собой *coqito*, в которой конфигурация берегов обусловлена топологией размещения плотин ветряков, выкачивающих море. Отсюда возражения Баруха Спинозы, упрекнувшего учителя в надуманности психофизической проблемы: ум определяет конфигурацию протяженности суши, а конфигурация протяженного тела Голландии определяет конфигурацию ее умствований. Если бы Р. Декарт прибыл не из континентальной Франции и не участвовал бы в качестве наемника в европейских войнах, исходя собственными ногами протяженности Европы, то он бы с легкостью коренного жителя Голландии признал бы единство субстанции, оставив за *coqito* и телом определения атрибуции. Это факт несоизмерности протяженностей Европы и водной логистики голландского капитализма заставила изобретателя дуализма признать себя (как *coqito*) несоизмерным собственной и какой-либо другой телесной протяженности.

В чем состоит трудность измерения необозримых протяженностей России? В том, что ум не может одновременно охватить все ее сущности, которые сами по себе, являясь некими субъектностями, не позволяют охватить это множество единым взором. Однако, если у Ф. Тютчева символ протяженности сокрытой сущности или коллективного бессознательного дан кратко, то у Н. Гоголя этот принцип расшифровки символа, которым, безусловно, является его «тройка», дан вполне развернуто: *«Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух»* [2: с. 287].

Иначе говоря, запряжка повозки (саней) из трех лошадей в ряд является способом преодоления бескрайних просторов России, и такая схема в Европе, да и в других странах больше нигде не встречается. До появления паровозов это был один из самых скоростных видов транспорта, развивавший скорость до 45–50 км/ч (что являлось достаточно высокой скоростью) и способный преодолевать даже полное бездорожье, включая снежные заносы зимой. Именно поэтому на конных тройках было построено всё почтовое сообщение на бескрайних просторах Российской империи. Более того, это вообще единственная в мире *разноаллюрная запряжка!* Ко-

ренник — центральная лошадь — использует аллюр быстрой четкой рыси, а пристяжные в аллуре галопа, реализуя преимущества тройки — скорость и выносливость. Но управление таким транспортным средством требует от кучера особого мастерства [3].

Столь исключительная возможность преодоления картезианской протяженности демонстрирует чрезвычайную роль фактора логистики для такой страны, как Россия. Нигде больше в мире протяженность не предъявляла человеку столь жесткие требования для ее преодоления! Русский гений изобрел уникальное средство передвижения по этим бескрайним просторам, большую часть года являющихся сплошным бездорожьем! Следует отметить еще одно удивительное свойство этой русской логистики с точки зрения картезианской антропологии. Тройка была способом информационного взаимодействия коллективного ума — *cogito*! Нигде в мире столь огромные логистические ресурсы не расходовались исключительно на информационное сообщение. Себестоимость логистического перемещения по просторам России была столь высока, что ее экономика могла себе позволить перемещать только письма и людей, то есть только информацию, что является признаком непротяженного *cogito*.

Непреодолимые просторы России вызвали небывалый для других стран рост эпистолярного жанра — искусства писем (от греческого *epistola* — послание, письмо). Письма предполагают наличие адресанта и адресата. Исторически эпистолярный жанр вначале возник в частной, а позднее в государственной переписке, и затем уже трансформировался в своеобразный вид литературного повествования [1], обусловив появление великой русской художественной литературы и ее жанров: эпистолярной повести, романа, стихотворного послания. Таким образом, *протяженность* в России явилась каузальной причиной развития *cogito*. Европа перемещала товары, имевшие точное значение платежных эквивалентов (золото и деньги). Европа занимает первое место среди регионов мира по соотношению протяженности берега и площади суши, имея самую идеальную логистическую природную систему с точки зрения себестоимости, сезонной доступности и пропускной способности. Затраты водного транспорта на перевозку людей, ценностей и грузов стремятся к нулю. И это обуславливает невиданный рост глобализма с его безудержным индивидуализмом, когда человек якобы может опереться только на собственные усилия. Соответственно, этот глобализм порождает небывалый прогресс потребительской цивилизации достатка. Россия порождает своими почтовыми тройками коммуникативность эпистолярного — грамматико-лингвистического типа, с невиданной больше в мире распределенной экономикой, когда дешевле произвести натуральный продукт возле дома, нежели «за морем телушка — полушка, да рубль перевозу». А. Пушкин, характеризуя Евгения Онегина «глубоким экономом», имел в виду и себя — «читал Адама

Смита и был глубокой эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Формула «простого продукта» вызвала оживленную дискуссию уже на заре современного мира, когда в лице А. Чаянова экономика как наука с необходимостью констатирует *некапиталистический* характер производства российского крестьянского хозяйства, представлявшего собой многопоколенную семью патриархального типа. Тем самым Россия в экономико-логистическом смысле стала прямой противоположностью западной глобалистической цивилизации, создав культуру распределительно-модульного типа. Это, наряду с бесспорной специализацией территорий, опять же, в силу «логистического запрета» на транспортировку «простого продукта», вызвало к жизни многоукладную экономику с наличием «архаичного» и патриархального крестьянского уклада, когда развитие производства сельскохозяйственной продукции, и другой — направленной на местное потребление — консервировалось на том уровне производительных сил, которого было достаточно для локального потребления, с учетом неоправданно высоких затрат на его транспортировку.

Не вдаваясь в детали логистической революции Петра I, направленной на товарно-капиталистическую модернизацию России с попыткой ввести ее в глобальную цивилизацию, следует признать полную безуспешность и крайне ограниченную модернизацию, которая свелась больше к внешней ассимиляции ряда западных технологий, не оказавших сколь-нибудь значимого влияния на модульно-распределенную структуру российской цивилизации. В отличие от Р. Декарта, Петр I сопоставил не протяженность континентальности с водной логистикой Голландии, но, напротив, попытался привнести в необозримую континентальность России буржуазную логистику воды. Его (Петра) цивилизация заканчивалась там, где нужно было перегрузить груз из трюма корабля на телегу, запряженную обычной упряжью европейского типа, подобно тому, как все капиталистические контракты завершаются указанием на цену в порту, который в Европе и ее кольцевых морских империях является как началом, так и концом перемещения товара.

Донбасс оказался на острие этого конфликта изначально. Руководители Российской империи привлекли на ее окраины представителей западного капитализма, чтобы решить чисто русскую проблему логистики бескрайних просторов путем модернизации и трансформации почтовой системы тройки в товарную систему железных дорог. В силу этого возник крайне странный симбиоз, с одной стороны, западного предпринимательства с его безудержным глобалистическим индивидуализмом, а с другой — с патриархальным укладом русской распределительно-модульной культуры. Плюс наличие логистических морских и сухопутных цепочек транзита различных товаров. Но прежде всего миссией этой окраины являлось

преодоление логистической проблемы *всей* необозримой *протяженности* России, а сопутствующая *многоукладность* экономики с выраженной патриархальностью института семьи делало эту территорию Донбасса частью того, что сейчас принято называть «*русским миром*».

Более того, значимость роли Донбасса для логистической модернизации империи явно превышает петровские реформы, поскольку Петр I при всех своих успехах смог только прорубить окно в Европу, не изменив характер протяженности России, а предпринимателям Донбасса удалось создать квазиевропейскую логистику на всей территории империи. Железная дорога, способствовавшая выходу донецкого угля на внутренний рынок России, одновременно сама являлась его потребителем, используя в огромных количествах в топках паровозных котлов. «Железнодорожный бум» и «угольная лихорадка» вдохнули новую жизнь в степной аграрный регион. В середине XIX в. по количеству добытого угля Донбасс вышел на второе место в Российской империи, уступая лишь Силезскому угольному бассейну в Польше. Развитие угледобычи дало толчок появлению металлургической промышленности. В апреле 1875 г. правительство приняло решение о строительстве Донецкой каменноугольной железной дороги. 1 декабря 1878 г. открылось движение на линиях общей протяженностью в 389 верст. А в 1879 г. общая протяженность Донецкой каменноугольной железной дороги достигла 479 верст. Уже к началу XX в. в Донбассе были построены 13 больших заводов. В отчете Славяносербского земства за 1895 г. говорилось: «За последние пять лет Донецкий бассейн по справедливости можно назвать русской Бельгией не только по характеру промышленности, но и по тому, что она находится в руках иностранцев-бельгийцев». В начале XX в. в регионе работало более 300 промышленных предприятий. Заводы Донбасса производили 60 млн пудов металла (33% общероссийского производства). Параллельно с металлургией развивались другие отрасли промышленности: соляная, содовая, машиностроение, металлообработка, цементная. В 1895 г. вблизи с. Никитовка русские инженеры А. Ауэрбах и А. Миненков построили первый российский завод по производству ртути, которая шла на экспорт. В 1897 г. заработал Енакиевский металлургический завод. В день рождения императора Николая II (6 мая 1895 года) состоялось торжественное открытие Луганского казенного патронного завода, вокруг которого разросся город Луганск. Донбасс превратился в крупнейший промышленный центр, обогнавший по темпам экономического роста старый промышленный центр — Урал, и стал ведущей горно-металлургической базой страны.

Присоединение Крыма и Причерноморья к России стало для донбасских чумаков подарком судьбы. Исчезли таможи, в степях выросли десятки городов и сел, а вместе с ними открылся и новый рынок сбыта. Купцы стали использовать чумацкий транспорт для доставки различных

товаров: хлеба, сахара, алкоголя, леса и др. Выросли объемы экспортной торговли хлебом: если в 1786 году через южные порты было вывезено 68,7 тыс. четвертей зерна (около 11 тыс. т), то уже к 1830-му эта цифра достигла почти 2,3 млн четвертей (около 360 тыс. т), а к середине XIX века и вовсе превысила 6 млн четвертей (96 млн т). Все эти достижения были бы невозможны без чумацких воез, которые в то время были самым дешевым и распространенным грузовым транспортом Новороссии. Услугами торговцев пользовались сахарные заводы, солеварни, винокурни, азовские порты и даже стоянки Черноморского флота в Николаеве и Севастополе. С открытием шахт в перевозках чумаков для севастопольского адмиралтейства все большее место стал занимать каменный уголь. Поначалу Черноморское пароходство использовало привозной английский уголь. Однако лисичанский уголь оказался не хуже английского. Поэтому с весны 1841 года в качестве буксира на Донце стали использовать выпущенный из Англии пароход с металлическим корпусом, получивший название «Донец». Он буксировал пустые барки из Ростова до Лисичанска, где барки загружали каменным углем и своим ходом сплавляли обратно до Ростова. Так было сплавлено до 300 тысяч пудов угля.

Во время Крымской войны весь бассейн Черного моря контролировался флотом союзников. Участники европейской коалиции планировали высадку десанта на берег Азовского моря с целью полной изоляции Крыма. Через Таганрог и Мариуполь русские войска обеспечивались пушками и снарядами с Луганского чугунолитейного завода. Он делал снаряды для защиты Севастополя и других объектов круглосуточно, ежедневно отправляя более 100 подвод. Если в 1853 г. на заводе было отлито 32 715 пудов бомб и ядер, то в 1855 г. выпуск снарядов вырос более чем в 9 раз и составил 298 299 пудов. Изготовленные луганскими рабочими пушки устанавливались в севастопольских бастионах, превращая их в неприступные крепости. Через Мариуполь осуществлялось почтовое сообщение «Екатеринослав — Кавказ». В 1855 г. население Мариуполя насчитывало около 4600 человек. Таким образом, азовское побережье превратилось в важный стратегический объект как для России, так и для союзников. В стихотворении «Новая Америка» (1913) А. Блок описывал территорию Новороссии в конце XIX — начале XX в., когда процесс хозяйственного освоения земель сменился быстрой индустриализацией:

*Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не нестреляют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.
Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода.*

*Города из рабочих лачуг...
Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!*

«Донбасс был Америкой для бедного человека. Донбасс имел репутацию края возможностей, где смелый, сильный человек мог заработать хорошие деньги», — вторит ему американка Мак Каффри. Эту драматическую историю отношений нового русского предпринимателя как чистого *cogito*, относительно тех протяженностей, которые и вызвали его к жизни, зафиксировал в своей последней комедии «Вишневый сад» А. Чехов, описав буржуазную трансформацию огромного и протяженного фруктового сада в дачное товарищество с его небольшими и легко обозримыми индивидуалистическими усадьбами, когда эпоха гоголевской тройки трансформировалась в эпоху угля и стали где-то между Таганрогом и Харьковом. Россия, благодаря Донбассу, приобрела еще один слой своей многоукладной жизни и экономики, а Донбасс освоил форму чисто европейского индивидуализма, оставаясь частью русского многоукладного мира.

Таким образом, использование методологии картезианской антропологии позволяет прояснить некоторые существенные моменты дискурса столь непростых сущностей и субъектностей, коими являются Россия и ее неотъемлемая, хотя и особенная, часть как Донбасс — Донецкий каменноугольный бассейн, что позволит в дальнейшем, по мнению авторов, создать более фундаментальную парадигму данного предмета изучения.

Литература

1. Багиева З.Н. Эпистолярный жанр в русской литературе // Актуальные исследования. 2020. № 2 (5). С. 26–28.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского и др. Т. 5: Мертвые души. Поэма. М.: Худож. лит.-ра, 1967. 622 с.
3. Константинов Е. Апельсин, Салют и Балет. Зимний тест-драйв конной тройки. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/23621/> (дата обращения: 15.05.2022).
4. Лосев А.Ф. О единстве онтологии // Журнальный клуб Интелрос “Credo New”. 2008. № 1. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1863-a.f.-losev.-o-edinstve-ontologii.html (дата обращения: 15.05.2022).
5. Тютчев Ф.И. Стихи // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat> (дата обращения: 15.05.2022).

ИНОГОРОДНИЕ МЕЩАНЕ НА БРАЧНОМ РЫНКЕ МОСКВЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

*А.А. ЕМЕЛЬЯНОВА,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: PlatonovaE@mgpu.ru*

*Г.А. РТИЩЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: galla@mgpu.ru*

Аннотация: В статье на основе данных метрических книг исследуется брачное поведение мещан и мещанок, венчавшихся в Москве, но приписанных к другим городам. Авторы рассматривают географию городов, из которых приезжали женихи и невесты, и социальный состав «их партий».

Ключевые слова: мещане, брак, семья, Москва, XIX век, социальная история России.

CITIZENS FROM OTHER CITIES IN THE MARRIAGE MARKET OF MOSCOW IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO METRIC BOOKS)

A. EMELYANOVA,

Ph.D. (History),

Senior Lecturer of the Department of General and Russian History,

Moscow City University, Russia, Moscow

e-mail: PlatonovaE@mgpu.ru

G. RTISCHEVA,

Ph.D. (History), Docent,

Docent of the Department of General and Russian History,

Moscow City University, Russia, Moscow

e-mail: galla@mgpu.ru

Abstract: The article examines the marital behavior of citizens married in Moscow, but assigned to other cities, on the basis of data from metric books. The authors examine the geography of the cities from which the brides and grooms came, the social composition of the spouses, reconstructs the model of the creation of married couples.

Keywords: philistines, marriage, family, Moscow, XIX century, social history of Russia.

Мещанство — наиболее массовое городское сословие России XVIII—XIX вв., податное население городов, жившее за счет мелкой торговли, ремесла, сдачи в наем жилья, огородничества, сезонных и иных заработков.

Даже в XIX в. российское мещанство, составлявшее основную часть «городских простолюдинов», было «безмолвствующим большинством». Поэтому исследование социокультурной истории русского города XIX в. вынуждено опираться на массовые источники. Метрические записи о браках мещан в Москве дают интересный материал о динамике социальной дистанции между мещанами и другими сословными группами, возрасте вступления в брак, географии городов, из которых приезжали женихи и невесты.

В данной работе предметом исследования выступает брачное поведение мещан и мещанок, имевших приписку в других городах, но венчавшихся в Москве.

Мещанство принадлежало к «податным» сословиям. Со времен Петра I податные, покидая место приписки, обязаны были получать паспорт, который выдавался на определенный срок. В XIX в. мещане, отбывающие далее 30 верст от своего места жительства и на срок более полугода, должны были получать так называемые плакатные паспорта: полугодо-

вые, годовые, двухгодовые, трехгодовые. За выдачу документа мещанская управа взымала плату, цена паспорта возрастала вместе с продолжительностью оформляемой отлучки [6]. Мещане и мещанки получали паспорта с согласия мещанского общества своего города. В праве на выезд отказывали тем, кто имел налоговые долги. Эпоха Великих реформ не принесла мещанству свободы передвижения: отлучка из города «по хозяйственным делам» и с иными целями по закону продолжала сопровождаться получением «срочного» паспорта. Приписку мещан к городам отменили только в 1906 г. в результате первой русской революции [5: с. 8–9].

Административный контроль за иногородним мещанством был особенно строгим в Санкт-Петербурге и Москве. В начале XIX в. в обеих столицах учреждаются конторы адресов (позже преобразованные в адресные экспедиции), в которых приезжавшие, в том числе мещане, представляли паспорт (вид на жительство или другой документ, удостоверяющий личность), сообщали фамилию, имя, отчество, время прибытия, сословие, к которому принадлежали, место жительства и род занятий. Адресные конторы изымали паспорта у приезжих и выдавали вместо них билеты на жительство (адресные билеты). В 1808 г. были установлены высокие штрафы для столичных домовладельцев, сдававших жилье незарегистрированным приезжим, лицам с просроченным паспортом или беспаспортным (до 25 руб. за сутки) [8].

Когда срок действия паспорта подходил к концу (при этом автоматически кончался срок действия билета на жительство), мещанин должен был выправить новый паспорт. Человек писал прошение в мещанскую управу своего города, и мещанская управа высылала в Москву новый паспорт. Часто о выдаче документа хлопотали оставшиеся в городе родственники, в том числе женщины. Достаточны активно здесь действовали матери уехавших на заработки мещан [4].

Парадокс заключался в том, что при юридическом ограничении свободы передвижения заработки в других городах относились к важнейшим источникам дохода мещан в России.

На основе анализа выборки метрических книг была создана база данных о венчаниях мещан в Москве. В выборку вошла 1/3 всех московских метрических записей о браках за 1801, 1821, 1841 гг. (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 127, 130, 230, 232, 357, 358, 359, 363) Кроме того, была собрана информация о венчаниях на территории двух из шести сороков (церковно-административных районов) Москвы за следующие годы: 1787, 1801, 1810, 1813, 1821, 1841, 1859 (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 52, 55, 126, 129, 171, 174, 185, 188, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557) Были выбраны сороки, существенно отличавшиеся по составу населения, — Никитский (мещанско-разночинный) и Замоскворецкий (преимущественно купеческий).

Исследование показало медленный рост доли женихов, принадлежащих к немосковскому мещанству. В 1801 г. среди венчавшихся в Москве мужчин-мещан иногородние составляли 8%, в 1821 г. — 8,5%, в 1841 г. — 9,2%. У женщин мы видим противоположную тенденцию, в течение первой половины века доля браков иногородних мещанок в Москве сокращалась: 1801 г. — 11,2%, в 1821 г. — 6,4%, в 1841 г. — 4,3%.

География приписки мещан, заключавших браки в Москве, охватывает всю Центральную Россию. Кроме жителей ближайших к старой столице уездных городов, часто встречались обыватели из Тульской, Рязанской, Владимирской, Калужской, Тамбовской губерний. По всей видимости, в Москве доля браков мещан, приезжавших из городов за пределами Центральной России (например, из Сибири или западных регионов Российской империи), была статистически очень мала, поэтому в выборку не попала. Однако исключать существование таких браков нельзя. Косвенным подтверждением родственных связей московского мещанства с собратьями по сословию за пределами Центральной России может служить факт, отмеченный историком Л.В. Кошман: в 1861–1867 гг. около 14% московских купцов, переведенных по бедности в мещане, вновь записались в купечество, но уже не только Москвы и Московской губернии, но и очень отдаленных провинциальных центров — Перми, Ардатов, Тюмени, Иркутска [5: с. 7].

Большинство иногородних мещанок, вышедших замуж в Москве, были приписаны к городам Московской губернии: Волоколамск, Подольск, Дмитров, Сергиевский посад (совр. Сергиев Посад), Коломна и др., однако встречались невесты-мещанки из Тульской, Смоленской, Рязанской, Калужской губерний.

В XIX в. традиционно венчались в приходе жениха [1: с. 120], хотя допускалось венчание в приходе невесты [7: с. 947–948]. На практике в первой половине XIX в. в Москве случались церковные благословения пар, в которых и жених, и невеста формально не принадлежали к постоянному населению. Например, в выборку 1821 г. попал заключенный в Москве брак вдовца — мещанина из Малоярославца, и девушки — мещанки из Рузы.

Среди социальных групп, образовывавших брачный круг провинциальных мещан в Москве, самой массовой являлось московское мещанство. Доля мещанок-москвичек в составе жен иногородних мещан колебалась: в 1801 г. — 50%, в 1821 г. — 22,2%, в 1841 г. — 66,6%. У иногородних мещанок женихи из московских собратьев по сословию составляли: в 1801 г. — 33,3%, в 1821 г. — 50%, в 1841 г. — 50%. Обобщая, можно сказать, что венчавшиеся в Москве представители провинциального мещанства примерно в половине случаев находили супругов из числа мещан, приписанных к Москве. Помимо мещанок-москвичек, иногородние мещане женились в первопрестольной на купеческих дочерях,

крестьянках, в том числе вольноотпущенных крепостных, на солдатских и унтер-офицерских дочерях, воспитанницах Московского воспитательного дома и представительницах других бедных разночинных кругов. Провинциальные мещанки в Москве, кроме мещан, выходили замуж за купцов, крепостных людей (как правило, дворовых), цеховых, солдат, бедных разночинцев: штатных служителей монастырей, служителей комиссариатского депо, изредка за мелких чиновников и крестьян (удельных и государственных).

По наблюдению исследовательницы З.М. Кобозевой, сделанном преимущественно на материале второй половины XIX в., среди провинциальных мещанок, получавших паспорта с целью покинуть родной город, преобладали вдовы и брошенные жены, которые уезжали в поисках пропитания [4]. Оставленные мужьями женщины в глазах закона — замужние, поэтому, если бы иногородние мещанки, венчавшиеся в Москве в первой половине XIX в., оказались в старой столице на заработках, в их составе должны были превалировать исключительно вдовы.

Однако приезжие мещане обоих полов, за редким исключением, создавали супружеские пары впервые. В нашем исследовании 1/3 браков Москвы за 1801, 1821 и 1841 гг. не зафиксировано ни одного венчания вдовы, представлявшей немосковское мещанство, и всего один случай женитьбы овдовевшего иногороднего мещанина. Если повторные браки составляли около 10% браков московских мещанок в год, то для иногородних этот показатель был, вероятно, еще ниже. Следовательно, более 90% провинциальных мещанок, выходявших замуж в Москве в первой половине XIX в., были девушками.

Средний возраст иногороднего мещанина, женившегося в Москве в середине XIX в., составлял 28,8 года, у невест-мещанок, приписанных к другим городам, — 21,1 года. Примерно в таком же возрасте заключали первые браки московские мещане [3: с. 75–80].

Источники личного происхождения, такие как «Воспоминания лавочника» из собрания Государственного Исторического музея [2], дают представление о порядке подготовки брака в интересующих нас слоях городского населения: девушкам на выданье искали женихов при помощи родственников, знакомых, земляков. В случае, когда описание девицы и ее приданого устраивали жениха, назначали смотрины, при успехе которых готовили свадьбу. Для понимания того, как создавались семейные пары между москвичами и иногородними мещанками, стоит обратить внимание на два брака, заключенных в 1810 г. на территории Никитского сорока. 9 февраля 1810 г. в храме Вознесения Господня на Царицыне улице венчались московский портной и девушка-мещанка из г. Боровска Калужской губернии (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 174. Л. 435 об.) Примерно три месяца спустя в этом же приходе и снова за московского ремесленника

вышла замуж еще одна мещанка из Боровска, на этот раз вдова (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. № 174. Л. 436 об.)

С высокой долей вероятности можно предполагать, что обе иногородние невесты имели сватов из числа происходивших из Боровска прихожан храма Вознесения Господня. Жили эти женщины до брака в Москве или приехали уже после сговора? Если допустить второй вариант, то мы имеем дело с практикой выписывания невест-мещанок из других городов. Помочь доказать или опровергнуть существование подобной практики может дальнейшее исследование московских метрических книг.

Иногородние мещане занимали нишу на брачном рынке первопрестольной, весьма близкую московским мещанам. Их брачный круг подходил на брачный круг московских мещан: включал те же социальные группы. Более 90% иногородних мещан, игравших свадьбы в Москве, происходили из городов Центральной России. Подавляющее большинство иногородних мещанок, выходящих замуж в Москве, были отнюдь не вдовами, приезжавшими на заработки, но молодыми мещанскими дочерьми, не самостоятельными ни юридически, ни экономически. На наш взгляд, исследование позволяет предположить существование в Москве XIX в. практики сватовства и сговора (возможно, без смотрин) мещанок из других городов, посредниками при этом должны были выступать проживающие в старой столице земляки и родственники невест.

Литература

1. Белоусов И.А. Ушедшая Москва. М.: Моск. товарищество писателей, 1927. 131 с.
2. Воспоминания лавочника // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XV. М.: Рос. Фонд Культуры, 2007. С. 306–342.
3. Емельянова А.А. Московские мещане в первой половине XIX в.: брачный круг и брачный выбор. М.: МГПУ, 2017. 184 с.
4. Кобозева З.М. Мещанка и паспорт: как женщины мещанского сословия преодолевали и использовали «паспортную зависимость» // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 132–139.
5. Кошман Л.В. Мещанство в России XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 3–20.
6. Лучинин А.В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pasportnaya-sistema-dorevoljucionnoy-rossii-istoricheskiy-obzor> (дата обращения: 20.02.2022).
7. ПСЗ. Собр. 2. Т. XII. Отд. 2. 1837.
8. Тарасов А.Ю. Особенности развития паспортной системы и паспортного режима в Российской империи в первой половине XIX века // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 12–15.

КУЛЬТУРА ПРИМИРЕНИЯ ДЕТЕЙ С ПОМОЩЬЮ МИРИЛКИ

*А.С. КИНДЕРКНЕХТ,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. академика Д.Н. Прянишникова,
Россия, г. Пермь
e-mail: a_kinderknecht@mail.ru*

Аннотация: Мирилка — небольшой стишок для примирения в ссоре, который дети произносят, сцепившись мизинцами и раскачивая руками. Несмотря на изменение условий коммуникации детей и каналов распространения текстов детского фольклора, мирилки продолжают активно создаваться и использоваться в практике воспитания подрастающего поколения. Примирение детей с помощью мирилки дает нам понимание традиционных основ социального урегулирования конфликтов с самого раннего возраста.

Ключевые слова: мирилка, примирение, детский фольклор, традиция, медиация.

CULTURE OF RECONCILIATION OF CHILDREN WITH THE HELP OF MIRILKA

*A. KINDERKNECHT,
Candidate of Philological Sciences, Docent,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Perm State Agro-Technological University named after Academician
D.N. Pryanishnikov,
Russia, Perm
e-mail: a_kinderknecht@mail.ru*

Abstract: “Mirilka” is a small rhyme for reconciliation in a quarrel, which children pronounce, clasping their little fingers and swinging their arms. Despite the change in the conditions of children’s communication and channels for the distribution of children’s folklore texts, “mirilka” texts continue to be actively created and used in the practice of educating the younger generation. Reconciliation of children with the help of “mirilka” gives us an understanding of the traditional foundations of social conflict resolution from an early age.

Keywords: “mirilka”, reconciliation, children’s folklore, tradition, mediation.

Понятие примирения сегодня социально особенно значимо. Как отмечает Т.В. Чернышова, «существование в мире и согласии — это не только нравственный идеал, к которому нужно стремиться в межличностных отношениях, но и системообразующий ориентир в упорядочении всевозможных юридических связей, призванный оптимальным образом сбалансировать разнообразные (зачастую противоречивые) социальные интересы» [9: с. 3]. Рассматривая понятие примирения как «многоуровневое образование, затрагивающее и внутреннюю мотивацию человека, и его социальные связи» [7: с. 100], нельзя не учитывать имеющиеся традиции примирения, отраженные в словесной культуре народа.

Мирилка — это небольшой стишок, который дети произносят для примирения в ссоре. За незнакомым названием скрываются всем известные строчки из детства:

Миришь, миришь, миришь
И больше не дерись.
А если будешь драться,
То я буду кусаться,
А кусаться ни при чем,
Буду драться кирпичом.
А кирпич сломается,
Дружба начинается!

При произнесении мирилки мы сцепляем мизинцы, раскачиваем руки, дружно скандируем строчки, а по окончании примирения кто-то третий разбивает нам руки, завершая примирение.

В фольклоре мирилка рассматривается наряду с другими малыми фольклорными жанрами для детей: потешками, прибаутками, считалками, скороговорками, закличками, загадками, дразнилками, кричалками, поддѣвками, молчанками, отговорками и т.п. Однако мирилка имеет свое специальное назначение: привести к согласию «враждующие» стороны, прекратить ссору. Утверждение мира во взаимоотношениях встречаем с первых строк мирилки: «Мир, мир навсегда, больше ссориться нельзя...»; «Мир-миром...»

Мирилка в живом бытовании тесно связана с другими жанрами, взаимодействует с ними. Так, рассуждая о жанре дразнилки, И.Н. Райкова справедливо замечает: «Детям, в отличие от взрослых, не свойственны длительные ссоры, злопамятность: за “накалом страстей” следует психологическая разрядка, используются другие жанры детского фольклора — мирилки и отговорки, ситуация и повод для обидных слов быстро забываются» [8: с. 11].

В мирилке мы находим прототип медиации как технологии работы с конфликтом в дошкольной среде [4]. Мирилка является одним из эффективных способов научить детей договариваться и понимать друг друга.

Это адекватная уровню развития ребенка форма мирного разрешения конфликтов среди сверстников. Примирительным стишкам сейчас специально учат в детских садах, потому что они позволяют быстро помириться даже тогда, когда дети еще не научились дружить.

Анализ фольклорных сборников показывает, что мирилки представлены очень ограниченным количеством текстов или же вовсе отсутствуют в изданиях. Однако отсутствие большого количества мирилок в печатных источниках может свидетельствовать о том, что собиратели мало обращали на них внимания. Было проведено специальное исследование мирилок, включающее поиск зафиксированных текстов, запись мирилок в опросах взрослых респондентов с 2018 по 2021 г., фиксация мирилок на различных интернет-площадках, где они представлены в небольших картотеках, наблюдение за дошкольниками с 2002 по 2022 г. — всё это позволило собрать около 100 мирилок, ранее нигде вместе не зафиксированных и не напечатанных.

Если рассматривать мирилку как игру, то возрастной предел ее использования определяется только в нижней границе — возрастом осознания условий игры: полтора-два года. В верхней границе возраст определить весьма затруднительно, так как примирение с помощью мизинцев и с исполнением мирилки может осуществляться и в подростковом возрасте, и, по опросам среди взрослых, в возрасте 70+. Мы знаем, например, что в русской культуре протянутый другому человеку мизинец означает желание и предложение помириться. Здесь интересно следующее наблюдение: чем старше становится ребенок, тем меньше он произносит строчки вслух — мирилка уходит во внутреннюю речь, знакомые строчки не произносятся, но подразумеваются. Поэтому взрослым достаточно протянуть друг другу мизинцы.

Мирилку можно сравнить с неким обрядом, в котором сочетаются вербальный, акциональный и предметный коды ритуала. Вербальный код — скандирование ритмичных строк с содержательной установкой примирения, с призывами помириться, не драться, не ругаться, не обзывать, простить все обиды. Слова могут встречаться в искаженной форме и быть лишены смысла. Здесь, как и в считалках, слово «выступает не столько выразителем определенного смысла, сколько носителем необходимой ритмической единицы и рифмы» [6: с. 278]:

Ну-ка ссора — хва-хва!
К нам мирилка — ать-два.
Прочь обиды — брысь-брысь!
Больше не дерись-рись!

Акциональный код мирилки — рукопожатие или сцепление мизинцев. Рукопожатие — универсальный символ дружбы, братства, приветствия, соглашения, примирения. Жесту рукопожатия близок жест рукобитья,

используемый традиционно при заключении договора, после этого жеста решение уже не пересматривается. Сравните: в мирилке есть третья сторона, которая разбивает руки детей, завершая игру-ритуал.

В ритуале мирилки остается открытым вопрос о смещении действующей части жеста с рук на мизинцы. Здесь может быть несколько предположений. Одно из самых вероятных объяснений связано с размером пальца. В разных культурах мизинцы символически соотносятся с детьми. Другое объяснение мы обнаруживаем в сакральных текстах, где описывается ритуальный язык жестов, символика каждого пальца и значение расположения пальцев и рук. Так, например, в индуизме и буддизме мизинцу приписывается способность разбираться в тонкостях общения, «это палец людей, умеющих думать, вести переговоры, считать и сопоставлять» [3]. Данное значение очень подходит для объяснения использования мизинцев в ритуале мирилки. Примирение — это всё же путь к ведению конструктивных переговоров: дети перестают пререкаться и ссориться, просят друг друга обиды и вновь становятся друзьями.

Предметный код мирилки — использование атрибутов примирения: муфточек, ковриков, коробок, ленточек, «плащей примирения». Например, в закрытой коробке проделывается два отверстия для рук детей. Сцепление мизинцев или рукопожатие осуществляется в коробке незаметно от других детей. Это некое волшебное таинство, преобразующее ссору в мир. Разновидностью коробки примирения является подарок-мирилка — та же коробка, оформленная как подарок. Неслучайно существует вариант мирилки, обыгрывающий идею подарка:

Это ты, а это я.
Ты хороший у меня.
Мой подарок дорогой,
И не нужен мне другой.

Интересно было обнаружить традиционную основу применения такого атрибута. В русской культуре примечательна символика покрытой руки, когда, подавая руки, оборачивают их полой одежды [2: с. 37]. Здесь и интерпретация руки как презумпции доверия, и таинство договора. Получается, что примирение в мирилке с помощью муфточек и коробок — это современное преломление традиции.

В результате сбора и анализа мирилок выяснилось, что тексты мирилок возрождаются в современной практике взаимодействия детей. Мирилка до сих пор служит их социализацией. Как пишет А.Р. Хабибуллина, детский фольклор «раскрывает мифологическое и ритуальное мировоззрение социума, влияет на выстраивание детьми структуры взаимосвязей со всеми сферами жизни, в которых им приходится вращаться» [9: с. 106].

По мнению известного исследователя фольклора В.П. Аникина, все виды детского фольклора выполняют «человекообразующую» роль

[1: с. 593]. Справедливо и утверждение профессионального медиатора, автора концепции школьных служб примирения А.Ю. Коновалова: «Важно “насыщать” общество (в том числе образовательные учреждения) медиативными практиками для повышения взаимопонимания и доверия между людьми», для «снижения насилия и агрессивности» [5]. Хочется надеяться, что сохранение мирилок, введение их в активное использование, «возвращение» в детскую среду будет способствовать делу воспитания формирующегося человека.

Литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: Учебник. М.: Высш. шк., 2001. 726 с.
2. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1990. 165 с.
3. Брахмачари С. Исцеляющая сила мудр. Здоровье на кончиках пальцев. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/64764/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 09.03.2022).
4. Киндеркнехт А.С. Прототип медиации в традиционном тексте мирилки // Медиация в современном образовательном пространстве: Сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф. / Психол. ин-т Рос. акад. образования. М.: Психол. ин-т Рос. акад. образования, 2020. С. 54–59.
5. Коновалов А.Ю. Восстановительная медиация: рождение взаимопонимания. URL: <https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Восстановительная-медиация-рождение-взаимопонимания.pdf> (дата обращения: 21.03.2022).
6. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для фил. спец. ун-тов. М.: Альянс, 2014. 448 с.
7. Марголина Т.И., Суровяткина П.А. Базовые основы примирения в работе с конфликтами // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2020. № 4. С. 100–112.
8. Райкова И.Н. Детский фольклор и народная педагогика // Отечественная филология: курсы по выбору: Учебное пособие для бакалавров / Сост. И.Н. Райкова, отв. ред. А.И. Смирнова. М.: МГПУ; Книгодел, 2018. С. 5–19.
9. Хабибуллина А.Р. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре башкир (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 106–110.
10. Чернышова Т.В. Примирение в праве: понятие и виды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
«РОССИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР»**

РАБОТЫ АСПИРАНТОВ

**ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

*Н.Д. ШИХЕР,
аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы Российской Федерации,
Россия, г. Москва
e-mail: Raspberry33@yandex.ru*

Аннотация: Автор статьи обращается к толкованию термина «светскость», изучает опыт современных зарубежных стран, позиционирующих себя светскими государствами. На основе исследования делается вывод о том, что светский характер государства не исключает возможности активного государственно-конфессионального взаимодействия, а последние конституционные поправки подчеркивают контекст, в котором следует рассматривать российский принцип светскости: несмотря на четкое разграничение сфер деятельности государства и религиозных объединений, религия не может оставаться вне поля зрения государства, но, напротив, должна иметь законный статус хранителя морально-нравственных идеалов.

Ключевые слова: светское государство, светскость, государственно-конфессиональные отношения, религиозные объединения.

UNDERSTANDING THE PRINCIPLE OF SECULARISM IN THE CONDITIONS OF MODERN POLITICAL AND LEGAL REALITY

N. SHIKHER,

*Postgraduate student of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration of the Russian Federation,
Head of the Department for the Protection of Political Rights of the Office
of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: Raspberry33@yandex.ru*

Abstract: The author of the article turns to the interpretation of the term “secularity”, as well as studies the experience of modern foreign countries that position themselves as secular states. Based on the study, it is concluded that the secular nature of the state does not exclude the possibility of active state-confessional interaction, and the latest constitutional amendments emphasize the context in which the Russian principle of secularity should be considered: despite the clear delineation of the spheres of activity of the state and religious associations, religion does not may remain out of sight of the state, but, on the contrary, should have the legal status of the custodian of moral and ethical ideals.

Keywords: secular state, secularism, state-confessional relations, religious associations.

Действующая Конституция Российской Федерации [12] закрепляет принцип светскости (статья 14) и гарантирует каждому право на свободу совести и вероисповедания (статья 28). Однако внесенные в нее в июле 2020 года изменения засвидетельствовали, что современные государственно-конфессиональные отношения не ограничиваются рамками названных принципов и нуждаются в легитимации религии, которая после десятилетий атеистического режима вновь претендует на роль духовно-нравственного арбитра в общественно-государственном пространстве. В силу внесенных поправок «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [12]. Как пояснил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Заключении от 16.03.2020: «включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога, переданную народу России предками, не означает отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ее статье 14, и от свободы совести, гарантируемой ее статьей 28, поскольку по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех ли иных религиозных убеждений обязательными в Российской Федерации, не ставит вопреки статье 19 (части 2) Консти-

туции Российской Федерации граждан России в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности и призвано лишь подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» [6: п. 3].

Показательно, что названные конституционные положения гармонично раскрываются и в принятом ранее федеральном законодательстве. Так, согласно преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [27], православие отводится особая роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, а христианство, ислам, иудаизм и буддизм составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России. А в силу Федерального закона № 314-ФЗ от 23.11.2015 «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”», священные книги четырех мировых религий — Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами [28]. Кроме этого, в Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24.12.2004, подчеркивается, что «в формировании системы ценностей России особую роль сыграло православие. Ислам, буддизм, иудаизм, другие религии и верования, традиционные для нашего Отечества, также внесли свой вклад в формирование национально-культурного самосознания народов России» [26].

Таким образом, с одной стороны, законодатель следует принципу светскости, а с другой — акцентирует внимание на вере в Бога и общественно-государственной значимости определенных вероучений. На первый взгляд такое регулирование кажется противоречивым, что подтверждается соответствующими мнениями авторов научного сообщества [3; 8: с. 62–65; 18: с. 660]. Однако более внимательное изучение вопроса позволяет несколько иначе расставить акценты в данной проблематике. Для разрешения кажущегося противоречия необходимо, прежде всего, обратиться к толкованию принципа светскости.

В законодательстве отсутствует официальное определение термина «светскость», поэтому и в науке, и в общественном дискурсе существует множество различных интерпретаций его толкования. Если обратиться к Толковому словарю В.И. Даля, «светскость — к свету (миру) в разн. знач. относящ., земной, мирской, суетный; или гражданский. Светская власть, противополож. Духовная» [25: с. 158]. Другими словами, светская власть противопоставляется толкователем власти духовной, то есть речь идет о власти мирских лиц, а не религиозных деятелей. Аналогичное мнение высказывает П.Н. Дозорцев: «светское государство» — это государство

нецерковное, противоположное государству клерикальному (clerical State) или теократическому, в котором власть светская (мирская, гражданская) находится у главы церкви» [5: с. 124]. К похожему выводу приходит американская исследовательница Э. Сьюэлл, полагающая, что светскость означает «запрет на утверждение государственной религии, обязательной религии или официального государственного предпочтения особой религии» [24: с. 47]. Наконец, И.В. Понкин предлагает определять светскость как «характеристику государственных или общественных институтов, сфер общественной жизни, отражающей их общегражданскую, мирскую направленность, независимость от религиозного или идеологического санкционирования или давления, от религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии, или от подчинения таковым...» [19: с. 19]. В представленных дефинициях светскости усматривается, что антонимом светского государства является государство теократическое, где у политической власти находятся лица, имеющие также и духовную власть. В светском же государстве никакая религиозная идеология не используется в качестве официальной, что означает, в первую очередь, отсутствие в органах управления государством религиозного элемента.

Однако существует и иной взгляд на светскость как синоним атеизма. На наш взгляд, примирить эти две противоположные позиции может трехуровневая концепция Т.Ф. Акчурина, который, ссылаясь на труд Ж. Баберо «Французское понятие светскости», определяет эти уровни следующим образом:

- первый уровень: гражданское общество не зависит от религии, при этом сама религия используется как источник морали и нравственности, а также социализации;
- второй уровень: утверждение принципа свободы совести, дифференциация религии и иных социальных институтов (к примеру, отделение школы от церкви);
- третий уровень: кризис моральной социализации, трансформация института церкви [1: с. 55–56].

Как видно, каждый из этих уровней имеет свое содержательное наполнение, которое существенным образом отличает его от другого уровня. Светскость понимается довольно широко и многообразно. Если на первом уровне религия играет важную общественно-нравственную роль, то на третьем она фактически упраздняется. В данном случае речь идет как раз об отождествлении светскости с атеизмом. Ярким примером светского государства такого типа являлся Советский Союз. Однако сегодняшняя Россия, конечно, не может рассматриваться лишь в контексте советского прошлого, поскольку существует в совсем иных политико-правовых условиях.

Как справедливо замечают В.С. Малахов и Д.Э. Летняков, «ответы на вопрос, что означает для государства быть светским, сильно варьируются. Во Франции невозможно себе представить заседание кабинета министров, которое открывается молитвой, что было вполне нормальным для США в начале 2000-х гг. В тех же США немыслимо, чтобы федеральные власти финансировали ту или иную конфессию, тогда как в Дании священнослужители Датской народной церкви получают жалование, поскольку эта церковь имеет статус государственной. В Ирландии Конституция запрещает государственную поддержку какой-либо конфессии, однако католическая церковь имеет столь большое политическое влияние, что до недавнего времени она успешно блокировала принятие либерального законодательства об абортах. В ФРГ отделение государства от церкви закреплено законодательно, но вместе с тем в Конституции декларируется, что государство сотрудничает с церковью в таких сферах, как образование и социальная поддержка. С немецких граждан государство взимает налог в пользу церкви, что представляется рутинной повседневности, скажем, в Австрии и Италии, однако подобное налогообложение эксплицитно запрещено законом во Франции и США» [16: с. 50].

Более того, в большинстве светских европейских государств одной или несколькими конфессиями отдаются некоторое предпочтение. Как указывает в своем исследовании И.А. Алебастрова: «в современном мире есть немало клерикальных государств, занимающих промежуточное положение между светскими и теократическими государствами. Структурно не совпадая с религиозными институтами, они, тем не менее, явно отдают предпочтение одной религии (реже — нескольким); там существуют юридические предпосылки и реальные практики взаимного влияния государства и религиозной организации (организаций)... Такие государства сегодня достаточно многочисленны, наблюдается даже тенденция к некоторому усилению клерикализации, на что первым обратил внимание в 1977 году известный современный социолог, профессор Гарвардского университета Д. Белл [34: с. 324—325].

Действительно, большинство современных конституций [33: с. 5—12], актов текущего законодательства и (или) политическая практика содержат элементы государственного клерикализма. В Конституциях современных светских государств упоминание о Боге встречается довольно часто. К примеру, Конституция Швейцарии начинается со слов: «Во имя Бога всемогущего! Швейцарский народ и кантоны, в ответственности перед Творением... принимает данную Конституцию» [14]; преамбула Конституции Германии гласит: «Осознавая ответственность перед Богом и народом, ...немецкий народ придает этому закону конституционную силу» [10]; в преамбуле Конституции Аргентины закреплено следующее: «...испрашивая благословение у Бога — источника всякого разума и справед-

ливости... утверждаем настоящую Конституцию Аргентинской Республики» [11]; в преамбуле Конституции Филиппин заявлено следующее: «мы, суверенный филиппинский народ, взывая к помощи у всемогущего Бога, ...в условиях верховенства закона и режима истины, справедливости, свободы, любви, равенства и мира, устанавливаем и провозглашаем настоящую Конституцию» [13] и т.д.

При этом даже в государствах, конституции которых наиболее обстоятельно и (или) последовательно провозглашают принцип светского государства, имеются правовые нормы и (или) практические явления, свидетельствующие об особой роли того или иного верования и соответствующей религиозной организации. Так, несмотря на то, что регламентация концепции светского государства действующей Конституцией Италии (ст. 8) оценивается некоторыми конституционалистами как образцовая [15: с. 313], в ней имеются положения, подчеркивающие особый статус католической церкви. «Государство и католическая церковь в своих соответствующих сферах независимы и суверенны. Их отношения регулируются Латеранскими пактами», — гласит статья 7 Конституции» [2: с. 117–136].

В Австрии, которая является демократической республикой и в Конституции которой закреплен принцип равенства всех людей независимо от их вероисповедания, с 1997 года действует Закон о религиозных меньшинствах, предусматривающий для новых религиозных движений «второклассный статус» с испытательным сроком от 10 до 20 лет и количественный ценз не менее 300 человек [7: с. 114].

Другими словами, большинство развитых демократических государств, позиционирующих себя открытыми для любых конфессий и обеспечивающих правовое равенство религиозных объединений на своей территории, считают необходимым сохранять и поддерживать на законодательном уровне связь государства с определенными традиционными для общества или национально обусловленными конфессиями.

А.В. Пчелинцев констатирует, что «сравнительный анализ западных конституций с Конституцией Российской Федерации показывает, что с формально-правовой точки зрения Россия является одним из самых светских государств мира» [22: с. 64]. Среди европейских государств лишь два, подобно России, провозгласили в своих Конституциях принцип светскости — Турция и Франция. Однако, в отличие от российской Конституции, в турецком и французском Основных Законах принцип отделения религиозных объединений от государства не обозначается в качестве самостоятельного. Более того, Конституционный Совет Франции не одобрил представление о том, что светскость государства непременно связана с отделением от него религиозных объединений, признав, что в светском государстве священнослужителям может выплачиваться государственное денежное содержание [17].

Если говорить о государствах, в Основных Законах которых содержится оба принципа (и светскости, и отделения религиозных объединений от государства), то в мире их всего четыре, и все они являются бывшими республиками Советского Союза — Азербайджан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан. Логично предположить, что обязательную связку принципа светскости с принципом отделения религиозных объединений от государства видят лишь страны с атеистическим прошлым. Для других стран сочетание этих двух принципов либо недопустимо, либо незначимо.

Исходя из анализа доктринальных точек зрения [9: с. 7; 20: с. 19; 29: с. 66; 30: с. 88–89; 31: с. 9], можно выделить несколько признаков светского государства, которые в той или иной комбинации могут выступать в качестве характеристики светскости:

- отделение религиозных объединений от государства;
- равенство религиозных объединений перед законом;
- равенство прав и свобод человека вне зависимости от его отношения к религии и убеждений;
- запрет на установление религии, идеологии или мировоззрения в качестве государственных или обязательных;
- запрет для религиозных объединений на занятие политической деятельностью;
- разделение светского и религиозного образования.

С точки зрения отечественного законодательства, принцип светскости включает все указанные характеристики. Однако формальная строгость российской Конституции, основанная, как было выяснено, на атеистическом советском опыте, не создает позитивных предпосылок для решения задач в области государственно-конфессиональных отношений. Как отметил в своем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации: «принцип светского государства не может истолковываться и реализовываться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий» [21].

Более того, как отмечает М.О. Шахов, введение в российскую Конституцию положения о светскости государства не привнесло никакой новой смысловой нагрузки в правовое регулирование, «провозглашение государства светским — это, прежде всего, политическая декларация в Конституции о религиозной и идеологической нейтральности государства» [31: с. 352]. И надо заметить, что в представлении российской власти именно такое понимание светскости является приоритетным. По мнению В.К. Пинкевича [23: с. 106], резкое изменение в этом понимании произошло в 2013 году, когда президент Путин, обращаясь к участникам Архиерейского собора, заявил о необходимости «отказаться от вульгарного по-

нимания светскости» и тем самым расширить толкование понятия «светское государство» в сторону признания за церковью бóльших полномочий в жизни общества [4].

На наш взгляд, внесенные в 2020 году изменения в российскую Конституцию определили угол зрения, под которым следует понимать конституционный принцип светскости, не отождествляя его с атеистическим отношением к религии. С одной стороны, принцип светскости предполагает разделение сфер компетенции между государством и религиозными объединениями и невмешательство в дела друг друга, а с другой — не запрещает их сотрудничество в тех сферах, где задействованы морально-нравственные категории. Исходя из проведенного в различных странах сравнительно-правового анализа реализации принципа светскости, можно заключить, что единый стандарт светского государства отсутствует: где-то религиозные объединения полностью отделены от государства, где-то выделяются доминирующие религиозные объединения, с которыми заключаются договоры, где-то доминирующему религиозному объединению предоставляются определенные преференции и т.п. Как представляется, наиболее оптимальным вариантом светского государства можно назвать такое, где не допускается вмешательство в дела религиозных объединений и религиозные нормы не включаются в систему права, но религия не только не исключается из общественной жизни, но приветствуется активное взаимодействие органов власти с религиозными объединениями как хранителями непреложных морально-нравственных ценностей. Именно такой вариант гармоничен для современной светской России, где вектор государственно-конфессиональной политики направлен в сторону повышения общественного статуса религиозных объединений и защиты духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Акчурин Т.Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) // *Пространство и Время*. 2011. № 3. С. 55–65.
2. Алебастрова И.А. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // *Сравнительное и конституционное обозрение*. 2016. № 5. С. 117–136.
3. Бурьянов С.А. Свобода совести в Российской Федерации. Специализированный доклад за 2010 год, подготовленный при содействии МХГ и интернет-издания «Портал-Credo.Ru». Ч. 1. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2910> (дата обращения: 01.05.2020).
4. Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече с участниками Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Русская Православная Церковь: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html> (дата обращения: 08.04.2020).
5. Дозорцев П.Н. Развитие светской государственности в России: история и современность. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. 124 с.

6. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета от 17.03.2020. № 56 (8110).
7. Ильченко В.Н., Тайлакова С.Д. Опыт правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в зарубежных странах и России // Право и личность: история, теория, практика: Сборник научно-методических работ кафедры права, экономики и методики их преподавания Института общественных наук УрГПУ. 2019.
8. Каневский К.Г. Религиозный ренессанс в России: Проблемы государственно-конфессиональных отношений // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 62–65.
9. Козлова Н.В. Государственное регулирование деятельности религиозных объединений в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
10. Конституция Германии // Официальный сайт библиотеки конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 15.11.2021).
11. Конституция Ирландии // Официальный сайт библиотеки конституций Пашкова Романа. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета от 04.07.2020. № 144.
13. Конституция Филиппин // Официальный сайт библиотеки конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=36> (дата обращения: 15.11.2021).
14. Конституция Швейцарии // Официальный сайт библиотеки конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=135> (дата обращения: 15.11.2021).
15. Маклаков В.В. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Общая часть. 2-е изд. М.: Infotropic, 2012. 313 с.
16. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или Национальные особенности секуляризма // Мир России. 2019. Т. 28. № 4.
17. Официальный сайт Конституционного Совета Франции. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank/pdf/conseil-constitutionnel-136084.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
18. Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4.
19. Понкин И.В. Светскость государства. М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2004.
20. Понкин И.В., Савва С.С. Современное светское государство // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 2.
21. Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 15 декабря 2004 г. «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О по-

- литических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина // Российская газета. 2004. № 3663, от 24 декабря.
22. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации // Конституционно-правовые основы. М., 2012.
 23. Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества / Под ред. С.Ю. Глазьева, С.В. Рязанцева и др. М., 2018. (Демография. Социология. Экономика.)
 24. Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. М.: Центр «Сова», 2003.
 25. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. Т. 4. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. (Репр. изд.: М.: Рус. яз., 1978).
 26. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29.12.2014, № 52 (ч. I), ст. 7753.
 27. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ, 29.09.1997, № 39, ст. 4465.
 28. Федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 30.11.2015, № 48 (ч. I), ст. 6680.
 29. Филина Н.В. Понятие и признаки светского государства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. №1 (1).
 30. Шандыбина М. Современное понимание сущности светского государства // Право и управление. XXI век. 2013. № 4 (29). С. 88–89.
 31. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 352 с.
 32. Шмакова О.А. Институты религиозной правовой политики в современном светском государстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008.
 33. Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея // Государство и право. 2007. № 5. С. 5–12.
 34. Bell D. The Return of the Sacred // Bell D. The Winding Passage: Essays and Sociological Journeys, 1960–1980. New York: Basic Books, 1980. P. 324–354.

ДВА ОПЫТА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ: ГАЙТО ГАЗДАНОВ И ПРИМО ЛЕВИ

*П.В. ЛАКАЕВ,
аспирант, ассистент общеуниверситетской кафедры философии
и социальных наук, институт гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: LakaevP@mgpu.ru*

Аннотация: В статье анализируются работы русско-осетинского писателя-эмигранта и мыслителя Гайто Газданова и итальянского химика и философа Примо Леви, посвященные изучению поведения людей, оказавшихся в экстремальных обстоятельствах. Гайто Газданов и Примо Леви сами были участниками тех событий, о которых они рассказывали в своих книгах. Автором статьи выявлено, что одна из возможных стратегий выживания — это писательство, которое в тяжелые времена становится терапией и способствует сохранению личности человека от разрушительных последствий.

Ключевые слова: Гайто Газданов, Примо Леви, «На французской земле», «Человек ли это?», война, поведение человека.

TWO EXPERIENCES OF HUMAN BEHAVIOR IN THE FACE OF DEATH: GAITO GAZDANOV AND PRIMO LEVI

*P. LAKAEV,
Graduate Student, Assistant,
Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: LakaevP@mgpu.ru*

Abstract: The article analyzes the works of the Russian-Ossetian emigrant writer and thinker Gaito Gazdanov and the Italian chemist and philosopher Primo Levi devoted to the study of the behavior of people who find themselves in extreme circumstances. Gaito Gazdanov and Primo Levi were themselves participants in the events they described in their books. The author of the article revealed that one of the possible survival strategies is writing, which in difficult times becomes therapy and helps to preserve a person's personality from destructive consequences.

Keywords: Gaito Gazdanov, Primo Levi, “On the French land”, “Is it a man?”, war, human behavior.

Будущее невозможно без знания прошлого. Самое страшное, что может произойти сейчас, — это забвение человеком своей истории, своего прошлого, особенно тех его моментов, когда в самые беспокойные времена были люди, которые оказывались способны сопротивляться безжалостному и изощренному уничтожению других людей: Освенцим, Бухенвальд, Треблинка, Равенсбрюк, ГУЛАГ, «лагеря для беженцев», невольничьи лагеря. «Может быть, мы бессильны против неизбежности забвения. Но я считаю, что мы не имеем на это права», — пишет Гайто Газданов, и эту мысль разделяет автор статьи, считая ее главной в этой работе.

Гайто Газданов и Примо Леви никогда не были знакомы. Их не связывают ни страна, где они жили, ни язык, ни профессия — в сущности, ничего, кроме глубинной внутренней гуманистической философии, желания писать, которое стало для них, с одной стороны, тем состоянием, благодаря которому они смогли сохранить свою сущность в тяжелые времена, а с другой — стратегией выживания, а также одного события, участниками которого они оказались, — Второй мировой войны. Оба остались живы и написали книги о поведении, реакциях и чувствах человека, находящегося в экстремальных обстоятельствах. Цель настоящей работы — сопоставить, сравнить и проанализировать общие идеи в творчестве Гайто Газданова и Примо Леви, связанные с поведением человека в экстремальных обстоятельствах.

Гайто Газданов (1903–1971) — «писатель-шофер», мыслитель и литературный критик — родился в Санкт-Петербурге. Он был осетином по происхождению, но языка не знал, и Кавказ помнил лишь по воспоминаниям из детства [7]. В составе Белой армии эмигрировал из России в 1920 году, когда ему было шестнадцать лет. Сам Газданов позже писал, что его желание участвовать в гражданской войне было связано с тем, что он хотел знать, «что такое война», и потому, что находился на территории «белых», «а будь там красные, поступил бы, наверное, в красную армию» [3: с. 117]. В конце 1923 г. оказался в Париже. Первые пять лет работал грузчиком, сверлильщиком на автозаводе «Ситроен», сотрудником издательства, мыл паровозы и локомотивы, иногда преподавал французский и русский языки, но это были, в основном, редкие заработки. Бывали периоды (особенно в первые годы жизни в эмиграции), когда он неделями бродяжничал, а по ночам спал в метро. С 1930-х и до начала Второй мировой войны зарабатывал на жизнь ночным таксистом, совмещая работу с учебой в Сорбонне, где изучал историю литературы, социологию, экономику. Написал девять романов и более сорока рассказов, но в истории литературы остался автором одного бессмертного произведения — «Вечер у Клэр» [3: с. 37–163]. В основном Газданов писал после ночной работы. В своих произведениях он поднимает философские вопросы о смысле человеческого бытия, исследует природу человека и пишет главным образом о жизни простых людей [8]. Все его работы объединяет одна общая

идея — запомнить и отразить на бумаге всё, что происходило и происходит. К 1943 году, во время германской оккупации Парижа, Газданов с женой вступили в ряды французского Сопротивления, укрывали в своей квартире евреев, помогали французским и советским партизанам. В 1946 году Газданов описал в документальном романе «На французской земле» подвиги партизан-подпольщиков. Эта книга — память о том вкладе, который сделали советские партизаны для освобождения Франции, о подлинном героизме русских, и не только, людей, но, прежде всего, это роман о человечности.

Примо Леви (1919–1987) — химик, называвший себя «писателем по воскресеньям», еврей, родившийся в Турине. До 1938 года в его жизни сложно выделить какие-то особенные моменты. Он учился в классическом лицее (1934–1937), затем поступил на химический факультет. В 1938 году были изданы расовые законы, запрещающие евреям поступать в государственные учебные заведения. Исключение сделали для тех, кто уже учился. В 1941 г. Леви заканчивает университет и получает аттестат, в котором сделана пометка о том, что он еврей. Эта пометка не дает ему получить работу по своей специальности. Работа химика оказалась не для евреев. Несколько месяцев Примо Леви безрезультатно искал работу. Под вымышленным именем и с фальшивыми документами он нелегально устроился на работу в асбестовую шахту, где занимался добычей никеля для немецкой военной промышленности. 1943 г. становится поворотным в жизни Примо Леви — вместе с товарищами он входит в партизанское движение Сопротивления. Они попались немцам на первом же задании — сделать марш-бросок через Альпы. Гитлеровцы схватили Леви в декабре 1943 г., когда ему было двадцать четыре года. «В ту пору я еще не знал принципа, который позднее мне столь поспешно пришлось усваивать в лагере... человек обязан добиваться своих целей всеми возможными средствами, и тот, кто хоть раз оступился, дорого за это заплатит», — писал Примо Леви в своей первой книге «Человек ли это?» [6: с. 13]. Эта книга охватывает период с декабря 1943 года (момент задержания Примо Леви фашистскими полицейскими) по январь 1945 года (момент его освобождения из Аушвица). Книга была издана в 1947 г. в небольшом издательстве «Де Сильва» тиражом в 2500 экземпляров и не произвела практически никакого эффекта. Понадобилось еще четырнадцать лет, чтобы в 1961 году книга вышла на немецком языке, а на русском она появилась лишь в 2001 году. Основная ее цель — с одной стороны, показать немецким людям то, свидетелями чего они либо не были, либо верить во что не хотели, и не допустить того, чтобы «расчеловечивание» произошло снова, а с другой — и в этом одно из сходств Примо Леви и Гайто Газданова, — изучить особенности человеческой души, человеческого поведения, разобраться в том, кто же такой «человек», у которого отняли Родину, свободу, семью, и прежде всего самого себя.

Несмотря на личное участие в событиях Второй мировой войны, писатели не концентрируются только на своем опыте, по большей части они выступают свидетелями и регистраторами событий. Газданов почти ничего не пишет о своем личном участии в движении Сопротивления. О том, что делали он и его жена Фаина, мы, в основном, узнаем из других источников [7; 9]. «Сами о себе они не напишут и даже не расскажут. <...> Я не советский гражданин и не коммунист — и мне не угрожает никакая критика личного порядка. И я пользуюсь этим, чтобы подчеркнуть еще раз, это торжество героизма над насилием, воли над действительностью, настоящей непобедимости над мнимой победой и — я надеюсь — благодарности над забвением» [4: с. 694]. Примо Леви не концентрируется только на своем опыте. «Я» повествователя непосредственно соприкасается с историями всех тех, кого встречал автор. Описание повседневной жизни в лагере смешивается с авторской рефлексией о человеческой природе, страданиях и надеждах.

Гайто Газданов и Примо Леви не размышляют и не пишут о тех, кто убивал и был приверженцем нацистского режима. Их интересуют обычные люди, повседневная жизнь которых изменилась из-за чьей-то воли. Скорее, война, немецкие лагеря, фашизм — это контекст, внутри которого разворачиваются драмы «маленького человека». Персонажи их книг — это люди, затронутые нацистским режимом и искренне пытающиеся сохранить себя, веру в добро и человечность и каким-то образом выжить: «...человек, одетый в полуарестанскую куртку, худой, как скелет, с темным небритым лицом...» [4: с. 597], «...Вальтер Бонн, интеллигентный, довольно образованный голландец...» [6: с. 41], «...Он не знал ни слова по-французски, имел самое приблизительное представление об этой стране, но кажущаяся невозможность выполнить эту задачу для него не существовала, и в том, что он ее выполнит, он не сомневался» [4: с. 598], «...Темплер ... у него особый нюх на супы для вольных, как у пчел на цветы» [6: с. 91], «Капитан Васильев — небольшой человек с очень добродушным лицом, решительным выражением глаз и взъерошенными волосами» [4: с. 633], «...Альберто вошел в лагерь с высоко поднятой головой и до сих пор невредим и не сломлен. Он раньше всех понял, что в лагере — как на войне: он не пытался искать защитников, не терял времени на бесполезные жалобы и сочувствие к другим, а с первого же дня вступил в бой» [6: с. 68] — это обычные описания героев в книгах Газданова и Леви. Сначала они делают акцент на том, что стало с человеком, а потом воспроизводят его судьбу такой, как ее преподносил сам человек. Один из выводов, который делают в своих работах оба автора: экстремальные обстоятельства полностью меняют людей. В спокойное и мирное время это могут быть стеснительные, тревожные и неуверенные в себе люди. В экстремальных обстоятельствах эти же люди становятся героями, которые способны пожертвовать собой и защитить близких людей.

Особое место в работах писателей занимают размышления о групповом конформизме. Как группа влияет на человека? Почему одни люди соглашаются, а другие — нет? В каких условиях происходит «молчаливое и пассивное соглашение»? Советские партизаны, немецкие солдаты, узники концлагеря подвержены воздействию группового конформизма, основными характеристиками которого являются: коллективная сплоченность и коллективная уязвимость, растворенность индивидуального «Я» в групповом «Мы», особенное влияние группы на человека. Многие герои книг Газданова и Леви обладают некоторыми схожими чертами, благодаря которым они могут выжить в группе: «Мы научились, кто раньше, кто позже, в зависимости от способностей, отвечать начальству “Jawohl” — “Слушаюсь”, ни о чем не спрашивать и всегда делать вид, что все поняли. Мы узнали цену еде <...> Мы узнали, что ненужных вещей не бывает <...> Мы узнали, что кража в лагере — обычное дело, воруют всё, что плохо лежит» [6: с. 39]; «Было в нем еще нечто особенное, характерное, впрочем, не только для него, но для многих советских людей: быстрая приспособляемость к внешним условиям жизни, к внешним отличиям... Он нигде не мог научиться этому искусству, это был его природный дар» [4: с. 601]. Многие ситуации, описываемые в книгах, показывают процесс растворения отдельного человека в коллективной ответственности его группы. Газданов и Леви считают эту приспособляемость врожденным инстинктом, позволяющим выжить. Самым удивительным и почти необъяснимым в характере советских партизан Газданов считал «инстинктивный героизм» и «единую непобедимость». Советские партизаны, перед тем, как вступить во французское Сопротивление, обыкновенно проходили через лагерь, плен, долгие пытки, которые могли бы их сломать, лишить их желания бороться. Но, не зная ни страны, в которой оказались, ни людей, с которыми им приходилось взаимодействовать, ни языка, они продолжали бороться, и «останавливать как стена... все волны иностранных нашествий» [4: с. 611].

Именно благодаря позитивному конформизму, благодаря способности человека объединяться в этом общем подчинении, с одной стороны, и подчиняться чужой индивидуальной или коллективной воле — с другой, образуются группы и движения в целом. Гайто Газданов и Примо Леви показывают действие группового конформизма в разных ситуациях, как меняется поведение человека в зависимости от той группы, в которую он попал, и как меняется сам человек, подчиняясь чьему-то авторитету. Человек становится еще более вовлеченным в движение, группу, коллектив благодаря столкновению с «противником», которого зачастую демонизируют и лишают человеческих черт. Газданов пишет о людях, которые саботировали работу, несмотря на избиения, наказания, запугивания, карцер, страх возможного расстрела: «Эти люди проделали огромную вредитель-

скую работу <...> девятнадцать воинских железнодорожных составов было пушено под откос... было взорвано семь электрических линий высокого напряжения, уничтожено пятьдесят телеграфно-телефонных линий, взорвано два моста, уничтожено множество паровозов, сотни вагонов и приведено в негодность огромное количество военного материала» [4: с. 660]. Они саботировали работу, делая плохие моторы, портили машины, засыпая детали песком. В одной из сцен книги «Человек ли это?» Примо Леви рассказывает историю, как начавшиеся в августе 1944 г. бомбардировки Верхней Силезии, которые продолжались всю осень и зиму, дали надежду тысячам заключенных, и те, почти не сговариваясь друг с другом, саботировали работу. Дисциплина ослабевала, труд терял свою продуктивность. И люди перед лицом опасности вспомнили, что все они — одной крови. Лагерь раскололся пополам — на немцев и не немцев, а те, кто под давлением чужого авторитета и чужой силы вынуждены были когда-то подчиняться, перестали беспрекословно выполнять приказы [6: с. 140–141]. Бруно Беттельгейм — американский психолог, который был узником Дахау в 1938–1939 гг., в своей знаменитой работе «Люди в концлагере» описал принцип «групповой ответственности», введенный в Дахау. Суть его заключалась в том, что если один участник группы в чем-то провинился, то виноватыми оказывались все. С введением этого принципа контроль за узниками осуществлялся в большей степени остальными участниками группы, нежели солдатами СС или другими надзирателями. Самым страшным надзирателем мог оказаться сосед по койке. Самым опасным — тот, кто привлекал к себе внимание и выделялся. Угроза возможного наказания держала всех в «подозрительном страхе» и ситуации постоянной тревоги [2].

Как в экстремальных обстоятельствах с помощью насилия подавлялась личность человека и его способность к сопротивлению? Примо Леви пишет, что, пока человек способен сопротивляться (даже в своих мыслях), он подлинно живой [5]. Условия жизни, еда и одежда были такими, чтобы держать узников на грани выживания. При полуголодном существовании они должны были выполнять тяжелые работы. Долгое пребывание в экстремальных обстоятельствах способно деформировать, разрушить личность человека, превратив его в инертную и послушную массу. В концлагере, где почти невозможно ни индивидуальное, ни групповое сопротивление, выстроилась вертикаль насилия. Узник был против другого узника. Среди узников выделяли «капо» — привилегированного узника, который сотрудничал с лагерной администрацией. Это могло продлить жизнь узника, но далеко не всегда — спасти. Лагеря служили также тренировочным пунктом для эсэсовцев, где они избавлялись от своих прежних человеческих реакций и эмоций. Еще одна форма психологического насилия — заключенных переводили из одной рабочей группы в другую и из барака в барак, чтобы те не могли устанавливать близкие отноше-

ния. Примо Леви сменил несколько групп и несколько барачков. В каждом из них были сотни заключенных.

Первый шок от насилия человек получал при аресте, при крайне жестком обращении с ним. Второй — при транспортировке в лагерь, которая являлась мучением. «Вагонов было двенадцать, нас — шестьсот пятьдесят. В моем вагоне оказалось всего сорок пять человек, правда, и вагон был небольшой. Вот он... пресловутый поезд в один конец, о котором мы слышали... Только теперь в вагонах — мы сами» [6: с. 18]. Леви описывает отсутствие элементарных удобств, долгие изматывающие остановки, жажду и холод, голод и бессонницу, грубость охраны и все те страдания, которые узники пережили на пути в лагерь [6: с. 19–20]. Третий шок — «инициация» в концлагере, которая происходила после транспортировки в лагерь. Отбирали тех, кто останется жив. «Вдруг они (эсэсовцы) двинулись вперед, вошли в толпу и негромко, с каменными лицами, стали быстро задавать вопросы на плохом итальянском. Выборочно, не всем. “Сколько лет?” “Здоров или болен?” И в зависимости от ответов направляли в одну или другую сторону. Тишина была, как в аквариуме или иногда во сне. <...> Кто-то не хотел расставаться с женой. “Скоро опять будете вместе”, — успокоили его. Многие матери не отпустили от себя детей. “Хорошо, хорошо, пусть останутся с вами”, — разрешили им. И всё это с терпеливым спокойствием тех, кто изо дня в день выполняет привычную работу. Меньше чем за десять минут все трудоспособные мужчины оказались собранными в одну группу. Что случилось с остальными — женщинами, детьми, стариками, — мы не знали и не узнали до самого конца. Их просто поглотила ночь» [6: с. 21]. Другой пример: в концентрационном лагере Равенсбрюк — единственном месте заключения для женщин — всем им по прибытии в лагерь сбривали волосы на голове и теле. По замыслу тех, кто отдавал приказы, подобные принудительные практики нужны были для того, чтобы подавить личность человека, депersonализировать его [1].

Что происходит с тем человеком, который оказался полностью изолированным от мира, в котором он жил раньше? Как ведет себя человек, оказавшись перед лицом смерти? Согласно наблюдениям Примо Леви, в лагере можно выделить также стадию физиологической и психологической адаптации, когда пропадают эмоции, желания и появляются безразличие и равнодушие ко многому, что раньше имело значение. Согласно наблюдениям Гайто Газданова, советские партизаны, которых он называл «спутниками смерти», потому что, согласившись заниматься тем, чем они занимались, они сознательно обрекали себя на «мучительную смерть», попавшие на территорию Франции, не зная ни слова по-французски, ни людей, ни страны, движимые одними только инстинктами и интуицией, практически сразу «включались» в организацию антифашистской деятельности. «Но, так или иначе, одно остается несомненным: деятельность этих людей, и в особенности немногих организаторов, стоявших во главе совет-

ского партизанского движения, была возможна только при том условии, что каждый из них заранее и совершенно сознательно, без тени иллюзии или сомнения, согласился на мучительную смерть в каком-то неизвестном подвале гестапо» [4: с. 600].

Чтобы выжить в лагере, надо было привыкнуть к постоянному отсутствию удобств, тесноте, яркому и неприятному свету, который описывают многие узники в своих мемуарах, жидкой и невкусной пище, с одной стороны, а с другой — заключенный мог перейти все моральные границы. Но где взяться морали в концлагере или на войне? Можно ли остаться человеком в нечеловеческих условиях? Те, кто подчинялся всем установленным правилам, выполнял все приказы, не врал, не крал, и т.д., становились чаще всего «доходягами», «ходячими трупами». Лагерный рацион и лагерные правила не способствовали долгому существованию человека. Те люди, которые инертно следовали установленному порядку, быстро умирали. «Вступив в лагерь, они либо от присущей им беспомощности, либо от невезения, либо по неблагоприятному стечению обстоятельств быстро оказывались сломленными, не сделав даже попытки приспособиться <...> превращались в ходячие трупы, и ничто уже не могло спасти их от селекции или от смерти в результате истощения [6: с. 107].

В случае с советскими партизанами Газданов не выделяет «героев» и «доходяг». Размышления Газданова на протяжении всей книги философичны и глобальны. Он пишет об одиночестве и судьбе России и советского мира, которые одни были способны бороться против другого — гитлеровского мира. Он пишет о миссии советских партизан во время оккупации, о единстве и силе партизан, о том периоде в истории России, когда все силы, ресурсы и воля были направлены на защиту национального бытия: «Теперь, в конце войны, становится очевидна та истина, что человечество в предвоенные годы культурного двадцатого столетия существовало, не подозревая этого, под угрозой древнего и первобытного закона: уничтожить или быть уничтоженным, разрушить или быть разрушенным, убить или быть убитым» [4: с. 653]. Газданов воспринимает советских партизан и советских людей как изначально самоотверженных и не боящихся смерти людей. Для них не было индивидуальной жизни без идеи общего блага. Невозможно было для каждого из них представить себе жизнь без Родины.

Стремление к сопротивлению, жажда жить у узников, попавших в нацистские лагеря, и у советских партизан, попавших во Францию, различны. В одном случае это стремление ослаблено потому, что узники постоянно голодали, у них не было нормального сна, они лишались прав, социального статуса, имущества, и особенно потому, что все их социальные связи и эмоциональные привязанности были разрушены. Каждый узник был сам по себе. В другом случае, наоборот, у человека снова появлялись некоторые права, возможность продолжать борьбу, кров, еда,

сон, самоуважение, товарищи и все необходимые связи. И воля советских партизан была коллективной. По наблюдениям Гайто Газданова и Примо Леви, многие заключенные и многие партизаны, попадая в экстремальные обстоятельства, неожиданно обнаруживали удивительные способности человеческого духа и человеческого организма. Выживание человека физически во многом зависело от случайного стечения обстоятельств: соседа по койке, товарищей по бараку, трудности работы, отношения начальства, той же погоды, но духовно — только от самого человека. Перед лицом смертельной опасности каждый человек проверял свой внутренний мир на прочность.

Таким образом, остаться человеком и уберечь свою личность от разрушения в условиях экстремальных обстоятельств (война, концлагерь, человеческая жестокость, неопределенность) можно только при условии «двойного существования», отделив физический мир от духовного, отделив свое тело от способности мыслить. Гайто Газданов и Примо Леви перед лицом смерти и опасности смогли сохранить себя и память о минувших событиях, сознательно воспринимая военную и лагерную действительность как материал для исследования, отстранившись от нее. Они писали, чтобы выжить и затем рассказать людям будущего о случившихся зверствах прошлого с той лишь целью, чтобы они больше никогда не повторялись. Одна из возможных стратегий выживания для человека — это литература, которая после окончания «ужасов» становится терапией. Стремление к писательству для Газданова и Леви — это попытка привнести в жизнь вечные ценности, не потерять смысл этой жизни, не растерять веру в людей и в человеческий потенциал и никогда не забывать того, что происходило.

Литература

1. Аристов С.В. Женщина в концентрационном лагере Равенсбрюк: насилие и противостояние // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 113–124.
2. Беттельгейм Б. Просвещенное сердце: автономность человека в эпоху массовых обществ. М.: ИРК, 2021. 391 с.
3. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1: Романы; Рассказы; Литературно-критические эссе; Рецензии и заметки. 2009. 875 с.
4. Газданов Г. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 2: Роман; Рассказы; Документальная проза. 2009. 732 с.
5. Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое изд-во, 2010. 195 с.
6. Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. 203 с.
7. Орлова О.М. Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003. 276 с.
8. Смирнова А.И. Онтология смерти в рассказах Гайто Газданова // Slavica Wratislaviensia. 2018. Т. 167. С. 311–319.
9. Цховребов Н.Д. Гайто Газданов. Владикавказ: Ир, 2003. 269 с.

ВКЛАД ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*М.Ю. КОЗЛОВА,
аспирант кафедры философии,
Государственное образовательное учреждение высшего образования Луганской
Народной Республики
«Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Россия, г. Луганск
e-mail: kozlova.maria1985@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются культурологические идеи Павла Александровича Флоренского, его концепция религиозно-культового понимания культуры. Задача настоящей статьи — выявить влияние его идей на современную отечественную гуманитарную мысль. Подводя итоги, автор указывает, что в своих рассуждениях о культуре Флоренский исходит из определенной антропологии, а также предлагает альтернативный подход к изучению античной религиозно-философской культуры.

Ключевые слова: культура, православная антропология, русское богословие, религия.

PAVEL FLORENSKY'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURE

*M. KOZLOVA,
Postgraduate student of the Department of Philosophy of the State Educational
Institution of Higher Education of the Luhansk People's Republic "Lugansk State
University named after Vladimir Dal",
Russia, Lugansk
e-mail: kozlova.maria1985@mail.ru*

Abstract: The article examines the culturological ideas of Pavel Alexandrovich Florensky, his concept of religious and cult understanding of culture. The purpose of this article is to identify the influence of his ideas on modern Russian humanitarian thought. Summing up, the author points out that in his arguments about culture, Florensky proceeds from a certain anthropology, and also offers an alternative approach to the study of ancient religious and philosophical culture.

Keywords: culture, Orthodox anthropology, Russian theology, religion.

Актуальность исследования культурологических идей Павла Александровича Флоренского обусловлена необходимостью постижения малоизучен-

ных страниц в развитии теории культуры. Научное сообщество культурологов не так давно получило возможность свободного и полного исследования творчества религиозных мыслителей. Как известно, многие труды русских религиозных философов XX века уничтожались или хранились в засекреченных архивах. Многие признают значимость Флоренского — мыслителя, в научном мире стало общим правилом называть его «русским Леонардо Да Винчи».

Общественный резонанс философских идей Павла Александровича Флоренского чрезвычайно широк, заметно влияние его идей на современную отечественную гуманитарную мысль. Редко современные научные конференции проходят без доклада, посвященного Павлу Флоренскому.

Начав свой творческий путь с выдающихся богословских сочинений, он затем обратился к познанию путей Божественного Промысла в материальном мире и в истории человеческой культуры. Многочисленные публикации и исследования церковных и светских ученых всего мира свидетельствуют о том, что жизнь, личность и творчество отца Павла имеют общекультурное и общецерковное значение.

Священник Павел Флоренский прекрасно развивал тему онтологии культуры. Им был задуман широкий проект работ под названием «У водоразделов мысли», посвященный философским основаниям различных сфер культуры: естествознанию, гуманитарным наукам, искусству, и т.д. Но все эти работы должны были объединяться общим методологическим принципом: как у рек существуют водоразделы, горные хребты, вершины, возвышенности, откуда они проистекают и спускаются в равнины и моря, так и у созданий человеческой культуры, есть ли это естественнонаучные теории или традиции в искусстве, философские системы или правовые кодексы, в основании всегда существует некий духовный исток, некое нерационализируемое до конца живое касание бытия, оживотворяющее всю эту культурную традицию, дающее ей смысл и границы. Исследованию этих «водоразделов мысли» и должны были быть посвящены задуманные отцом Павлом работы. Оригинальность этих планов, отчасти воплощенных в жизнь Флоренским, состояла в том, что каждый раз путь должен был начинаться с анализа конкретных феноменов культуры и подниматься до истоков, до прафеноменов и архетипов, если использовать термин известной теории.

В своих построениях о культуре Флоренский исходит из определенной антропологии. Человек есть для него живое существо, строящее орудия. Этим он отличается и от животных, и от неживых вещей. Принадлежа одновременно двум мирам, миру материальному и миру идеальному, человек в каждом из них создает свои орудия. В мире материальном — топоры, лопаты, машины и т.д. — инструменты, в широком смысле слова. В мире идеальном он создает понятия — орудия мысли, без которых не-

возможно осуществлять мыслительный процесс. Орудия служат человеку для овладения действительностью. Инструменты, в частности, служат познанию, весь материальный мир должен быть познан, объяснен, сделан прозрачным для мысли. Мир материальный должен быть просвещен светом идеальных смыслов. Но эту задачу, постоянно стоящую перед человеком, решить до конца не удастся — познание превращается в бесконечный процесс. Другим способом просвещения мира является художественное творчество. В нем соединяется практическая сторона — воплощение разумом своих замыслов с теоретической стороной — осмысливанием деятельности. Произведение искусства не нуждается ни в доказательстве своей вещной реальности, ибо оно явно реально, явно есть такая вещь, ни в доказательстве своего идеального смысла, ибо оно бесспорно постигается, бесспорно не лишено смысла. Оно «вещь», но оно же и непрестанно струящаяся и вибрирующая деятельность духа. Произведения пластических искусств с особою явностью свидетельствуют о том, что есть искомая нами деятельность человеческого духа, и деятельность эта, как мы сказали, ближайшим примером своим имеет изящное искусство. Но и в искусстве мы имеем лишь частичное просветление, одухотворение материального: мрамор самых совершенных статуй и краски самых прекрасных картин остаются все-таки лишь косной материей. Однако само стремление человека к соединению двух миров, к которым он принадлежит телесно и духовно, к просветлению материи и воплощению идеального, говорит о скрытом исходном единстве этих двух деятельностей. Этот незабываемый, парадигмальный исток любой человеческой деятельности Флоренский называет феургия (или теургия, др.-греч. — богодейство). Феургия как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла, была во времена древнейшие точкой опоры всех деятельностей жизни; являлась материнским лоном всех наук и всех искусств. Она была реальным условием развития самосознания, родником жизни, всей деятельностью человека. Все деятельности находили в ней свое единство и вне ее рассматривались как существующие легкомысленно, поверхностно, блудно, так сказать, и, следовательно, незаконно и болезненно. Но со временем, которое рассматривается Флоренским отнюдь не в прогрессивской перспективе, а именно как процесс деградации человека, отпадения от Бога, утери целостного смысла жизни, стало распадаться и единство человеческой деятельности, затушевывалась и забывалась теургическая связь жизни с глубинами бытия. Теургическое начало осталось, собственно, лишь в культе, постепенно выделившемся из общей экономики жизни, а отдельные творческие способности человека все более утверждались в своей внебожественной отдельности. Это не прошло даром для них. «Они тогда лишились истинной точки своего приложения,

а потому — и прочной уверенности в безусловной нужности своей. Форма и содержание разделились и стали соприкасаться случайно и произвольно. Деятельности перестали быть сами собою разумеющимися в уставе жизни и стали капризом, прихотью, роскошью, выдумкою — не «в самом деле», а «нарочно». И тогда деятельности обратились от Реальности и Смысла — к реальности и смыслам, т. е. в своей отдельности от Первых, стали реальности пустыми и смыслы ложными. Вещи стали только утилитарными (полезными), понятия — только убедительными. Всё стало подобным Истине, перестав быть причастным Истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче — всё стало светским. Так произошла западноевропейская гуманитарная цивилизация — гниение, распад и почти уже смерть человеческой культуры. Так рассыпалась душа в сумму помыслов и приражений, т.е. состояний, навеваемых случайными ветрами извне [2: с. 4].

Для русской культуры конца XIX — начала XX в. тема античности была одной из ведущих. Особое место среди исследователей античности начала XX в. занимает и Павел Флоренский, предложивший в определенном смысле альтернативный подход к изучению античной религиозно-философской культуры. Чтобы понять основной подход Флоренского к античной религии и античной философии, имеет смысл сразу обратиться к лекции Флоренского, где он делает вывод о соотношении философии и мифологии: «Философские учения возникают на почве уже готовых религиозных. Флоренский, опираясь на многочисленные факты, мнения различных ученых, в том числе Трубецкого и Иванова, настаивает на том, что первые ионийские философы — суть «зрелый плод многовековой культуры», и появились они в эпоху, напоминающую итальянское Возрождение. Рождению же философии предшествовало многовековое развитие религии и религиозных представлений. Найти «религиозные корни античной философии» — такую задачу ставит перед собой Флоренский. Заимствуя у Вячеслава Иванова идею о смене «мировых дней» и «мировых ночей» культуры, Флоренский утверждал, что появлению ионийской философии, началу «дня», предшествовал не период «греческого средневековья», а еще более ранняя эпоха, которую он связывал с крито-микенской цивилизацией, ее религией и культурой. Новейшие археологические раскопки А. Эванса на Крите позволили Флоренскому по-новому взглянуть на культуру Древнего Крита — эту «дневную культуру», ставшую отдаленным источником, «почвой» для появления греческой философии. Флоренский обращается к самым древним слоям религии греков и обнаруживает здесь хтонические культ и представление о Мировой Богине (Великой Матери), являющейся одновременно источником рождения и смерти. Культ женского божества зафиксирован учеными в разных местах Средиземноморья, в том числе на территории Древней Греции, и Флоренский полагает, что связанное с этим культом

представление о порождающей силе божества есть древнейшее религиозное понятие о первоначале бытия.

По мнению Флоренского, на Крите были заложены основы эллинской религии и эллинской философии. Именно Крит считался родиной Зевса, и для Флоренского важно понять истоки этого мифа. Обобщив целый ряд фактов, он приходит к выводу, что в религии Древнего Крита появляется образ верховного бога как Небесного Отца, позднее получивший развитие в культах Зевса и Посейдона. Сначала этот образ представлен быком, который символизировал оплодотворяющую силу неба. Вокруг идеи брака Неба-Отца и Матери-Земли вращаются все религиозные образы Древнего Крита. В этих древних «пластах» религиозного сознания Флоренский находит общие мифологемы, повлиявшие на дальнейшее развитие эллинской религии и появление философии. Флоренский предлагает следующую схему: идея божества связана с понятием божественной субстанции, а имя божества — с понятием закона и сущности. Из дуализма божества и его имени впоследствии появляется философия. Исконный дуализм философии обязан своим происхождением причинам богословского характера, а именно — несовместимости религиозного переживания в рамки рассудка. Основное положение всякой философии религии может быть только одно: боги — не олицетворения, не цветистый способ выражаться, а реальности. Отношение человека к этим реальностям — центральная проблема в исследовании той или иной религии. Иначе говоря, для понимания религиозного сознания важным является вопрос, как боги реально являются людям, т.е. вопрос теофании. Свой общий подход Флоренский демонстрирует на примере философии Фалеса, выявляя ее религиозные истоки. По мнению Флоренского, Фалес дал философское толкование религии Посейдона: вода есть божественная субстанция Посейдона, или стихия, через которую происходит теофания морского бога. Фалес перешел от религиозного восприятия к философскому сознанию, задав метафизический вопрос «Что такое Посейдон?» (как субстанция, а не почитаемое в Милете божество). Один метафизический вопрос породил целый ряд других вопросов — начался процесс философского мышления (диалектика). Это и стало первым признаком философии, который определил Флоренский: наша мысль находится в непрестанном течении, в непрестанном изменении, в непрестанном процессе. Фалес пришел к понятию бесконечности, которая является свойством божественной субстанции. В то же время особенностью языческой религии, по мнению Флоренского, была подмена бесконечного конечным. Возникло религиозно-философское противоречие, ставшее дополнительным импульсом для развития философии. Исходя из этого, Флоренский пишет, что обычное представление о развитии языческой религии и языческой философии — будто оно постепенно привело к со-

знанию истин Бога, — ложно коренным образом. Флоренский полагает, что античная философия, проделав путь от рождения из религии до возвращения к религиозной апологетике (поздний неоплатонизм), завершила цикл своего развития.

Софисты приводят философию к вырождению, развивая ее чисто внешние рациональные приемы. Происходит полная дискредитация философии. Однако затем наступает религиозно-философское «Возрождение», связанное с именами Сократа и Платона. Главным, в отличие от предыдущей эпохи, где господствовал релятивизм софистов, стало Сократово понятие философской истины, а затем систематически разработанное учение Платона. Иначе говоря, рождается философский идеал. Философия Сократа — это существование его личности как воплощенное искание мудрости, как само стремление к знанию, как вечно юное, вечно критическое, вечно гибкое и никогда не становившееся догматическим и затвердевшим непосредственное переживание истины. Наиболее значимую трактовку платонизма Флоренский дал в своей знаменитой работе «Смысл идеализма», где представил Платона основателем религиозно-философской традиции («вечной философии»), не прерывающейся от античности до XX в. А.Ф. Лосев говорил, что символически-магическая природа мифа — вот то подлинно новое, почти небывалое, что Флоренский вносит в мировую сокровищницу историко-философских учений, старающихся проникнуть в тайны платонизма. Флоренский создал не только новую концепцию платонизма, но и совершенно оригинальную интерпретацию всей античной философии в ее историческом развитии. Поскольку важный пункт концепции Флоренского заключается в том, что поздний, эллинистический период античной философии знаменуется возвращением к религии. Особо значимыми для нас являются его лекции, относящиеся к неоплатонизму и эллинизму. К сожалению, полных текстов данных лекционных курсов не сохранилось; существуют только выписки, наброски и материалы для подготовки к ним. Лекция «Эллинизм» является первой (или одной из первых) лекцией большого курса. Здесь Флоренский прежде всего утверждает, что Эллада есть не далекое прошлое, представляющее археологический интерес, а часть настоящего. Эллада какой-то таинственною привязью держит нас при себе и волнует без конца. Волнует же нас создание прекрасной личности, создание прекрасного. И вот, под православием мы находим еще подобное же нечто — эллинизм. Те же задачи ставил перед собой эллинизм, и во многом в идеях своих и устремлениях напоминал православие. Флоренский уточняет, что имеет в виду не выводимость православия из эллинизма, а только некоторое «систематическое сходство» между спасением, преображением личности в христианстве и исканием истины, красоты в эллинизме. Древняя Греция прошла многовековую путь исторического развития, оставив для последующих

поколений высокий идеал. В этом идеале, в его загадке и есть для Флоренского главная ценность античной религии и античной философии. Он полагает, что в них сделана попытка вернуться к райскому (эдемскому) состоянию человека, и утверждает: «Много столетий лежат в основе эллинской культуры. Греки пережили реализм, пережили и декаданс. Были грубыми, были и утонченными. И, в конце концов, поняли, что мир во зле лежит и что нужно жить и действовать так, как если бы не знали, что есть хаос, есть зло. Долгий, долгий путь истории научил умеренности и умирности. Они стали кроткими [1: с. 96–104].

Далее, в числе прочего, можно указать на феномен широкой разработки в русском богословии наследия свт. Григория Паламы, в котором участвовали, помимо прот. С.Н. Булгакова, прот. Георгий Флоровский, архим. Киприан (Керн), В.Н. Лосский, прот. Иоанн Мейендорф. Истоки этого феномена, несомненно, ведут к имяславческой полемике 1908–1913 гг., а более конкретно — к свящ. П.А. Флоренскому [3: с. 93–113].

Флоренский интересуется истоками античной религии только для того, чтобы проследить путь от древней религиозности к философским идеям, объясняющим религию, а далее — к поздним религиозным и философским учениям. Флоренский оставил заметный след в истории русского богословия. Он одним из первых в России указал на необходимость «возврата» к свидетельствам живого святоотеческого опыта, стал разрабатывать тему обожения как причастия человека нетварному божественному свету.

Литература

1. Ермишин О.Т. Об интерпретациях античной религии и философии (Вячеслав Иванов и священник Павел Флоренский) // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 96–104.
2. Катасонов В.Н. Онтология культурных ценностей и актуальная культурная политика России // Культурологический журнал. 2016. № 4 (26).
3. Павлюченков Н.Н. К вопросу о богословском значении трудов священника Павла Флоренского // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 93–113.

РОЛЬ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ РОССИИ

*Р.С. ГАСАНОВА,
аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории,
Институт гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: raziyat.gasanova7676@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые этапы взаимодействия России с народами Северного Кавказа. Выделяются особая роль терского казачества в процессе интеграции Дагестана в социально-экономическую и культурную жизнь России и тот вклад, который терские казаки внесли в развитии новых отраслей хозяйства для Дагестана — виноградарства и виноделия.

Ключевые слова: диалог культур, интеграция, терское казачество, виноделие, виноградарство.

THE ROLE OF THE COSSACKS IN THE PROCESS OF INTEGRATION OF THE PEOPLES OF DAGESTAN INTO THE SOCIO-ECONOMIK AND CULTURAL LIFE OF RUSSIA

*R. GASANOVA,
Post-graduate student, Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: raziyat.gasanova7676@mail.ru*

Abstract: The article discusses some stages of Russia's interaction with the peoples of the North Caucasus. The special role of the Terek Cossacks in the process of Dagestan's integration into the socio-economic and cultural life of Russia and the contribution that the Terek Cossacks made in the development of new branches of economy for Dagestan — viticulture and winemaking is highlighted.

Keywords: dialogue of cultures, integration, Terek Cossacks, winemaking, viticulture.

Россия — многонациональная и многокультурная страна. На территории Российской Федерации проживает огромное количество разных народов и национальностей.

Исторический путь становления России как государства — уникален. С самого начала она формировалась как многонациональная общность, по крупицам, по частям собирая свой неповторимый узор из разных народов и культур. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных, но и духовных ценностей. Россия — не абстрактное явление. Развивая ее культуру, надо знать, что она представляла собой в прошлом и чем является сегодня. Как это ни сложно, Россию необходимо изучать. Чтобы владеть путями нашей культуры, надо, прежде всего, изучить особенности истории и культуры России». Действительно, нужно изучить и сохранить многовековой опыт культурного сотрудничества и сотворчества народов России. Опыт сложный и противоречивый, но очень важный и крайне необходимый для дальнейшего развития нашей страны.

Во главе процессов культурного и экономического объединения, несомненно, стоит русский народ. Именно он стал той направляющей силой, которая определила вектор развития для многих народов, являющихся сейчас частью населения России.

Русская культура стала системообразующим фактором межнационального диалога на Северном Кавказе, стабилизирующей основой для межэтнических отношений в регионе. Северный Кавказ обрел историко-культурную и экономико-географическую общность в результате вхождения в состав Российского государства и вступления в диалог в первую очередь с русским языком и культурой. Русское присутствие и влияние в этом регионе является неотъемлемой частью культуры всего Северного Кавказа на протяжении столетий [4: с. 11].

Основные исторические вехи, определившие значение русской культуры как фактора межнационального взаимодействия на Северном Кавказе, можно разделить на несколько крупных периодов — неравнозначных по времени протекания и глубине осуществления указанных процессов, но важных с точки зрения последовательности и содержания.

Первый период определяется рамками с X по XIII в., он связан с образованием в X в. Тмутараканского княжества, занимавшего территорию Таманского полуострова и объединявшего в своих границах полиэтничное население.

Тмутаракань стал крупным торговым и культурным центром, он оказывал сильное влияние на развитие экономики и культуры народов Северного Кавказа. Это княжество связывало население Северо-Западного Кавказа с Русью, Византией и другими странами. Происходило активное включение в процессы взаимного общения северокавказских наро-

дов и русичей. Также город играл видную роль в распространении христианства на Северном Кавказе. Однако возникшие плодотворные связи были прерваны в результате татаро-монгольского нашествия. По мнению военного историка В.А. Потто, сношения России с Северным Кавказом прекращаются надолго, но «дорожка, проторенная к нему (Северному Кавказу) во дни величия и славы, не западала и в это скорбное время» [5: с. 15].

После исчезновения Тмутаракани как русского анклава на юге дальнейшие следы русской культуры на Северном Кавказе имеют слабо выраженный характер вплоть до XVI в. — времени активизации политики Московского государства на Северном Кавказе. Этот период развития отношений Руси с народами Северного Кавказа связан с активным притоком русского населения, которое бегством спасалось от усиливавшегося феодального гнета. Основной миграционный поток был направлен на Дон, Днепр, Терек, на просторы южно-русских степей. Это было весьма разнородное население, которое силой самих обстоятельств стало в дальнейшем крепкой передовой стражей русской земли. На Тереке начинает складываться ядро гребенских и терских казаков.

В царской грамоте 1581 г. есть первые фиксированные письменные сведения о вольных казаках в регионе. В ней указывалось, что «Беглые казаки живут на Тереке на море», то есть по нижнему течению Терека [2: с. 31].

Эти переселенцы, по существу, и положили начало хозяйственному и культурному освоению этого края, поскольку до появления здесь русских он не имел оседлого населения. А так как большая часть этих земель вообще не была занята никем, именно русские основали первые постоянные поселения в низовьях Терека.

Как же складывались отношения русских переселенцев с соседними северокавказскими народами? На этот вопрос можно ответить, прочитав высказывание германского канцлера Отто фон Бисмарка: «Русские привлекают к себе народы, которые они включают в империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними».

Действительно, уникальная способность русского характера понимать и принимать другие народы способствовала, чаще всего, гармоничному и естественному процессу вхождения разных по вере и культуре народов в большую семью Российского государства. Для России это тоже был важный этап. Горцы Кавказа вызывали у россиян удивление, чувство тревоги и в то же время восхищение. С одной стороны, воинственность и горячность, с другой — бесподобное гостеприимство и куначество, стремление к вольной и свободной жизни, особый колорит в природе и в людях. Великий русский критик В.Г. Белинский писал: «Кавказ сделался для русских заветною страню не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страню кипучей жизни и смелых мечтаний».

Терская земля связала русских людей с Кавказом, стала «окном» в другой мир.

Характеризуя пришедших в этот период на Северный Кавказ русских, В.А. Потто обращает внимание на то, что, «перероднившись со своими затеречными соседями, они переняли их одежду, образ жизни и даже некоторые обычаи, что явилось у них простым результатом общего закона применения к тем или иным условиям жизни» [5: с. 16]. Эта мысль отражена и в художественной литературе. Л.Н. Толстой в «Казаках» свидетельствует: «Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и воюли себе обычай, образ жизни, нравы горцев».

В свою очередь, русские переселенцы тоже оказали большое влияние на горцев в хозяйственной и культурной сферах.

Русские крестьяне обладали более высокой культурой земледелия. Они широко применяли усовершенствованные орудия труда и новую технику, использовали трехпольный севооборот. Жители казачьих станиц занимались огородничеством, садоводством и виноградарством, в то время как у местных народов эти виды хозяйства были слабо развиты. Развитие виноделия тоже тесно связано с деятельностью русских, так как местное население не занималось производством вина в силу религиозных запретов [6: с. 39].

Со второй половины XVI в. на Кавказе стали возводиться русские крепости. Кроме военно-оборонительных задач они выполняли и другие разнообразные функции. В этот период именно данные города-крепости становятся местами наиболее интенсивных межнациональных контактов. Внутри крепостных стен размещались торговые ряды, гостиные двory для купцов, харчевни, церкви и другие постройки. Одним из самых крупных и значимых крепостей был Терский городок. Сюда в силу различных причин (феодалные усобицы, опасность со стороны Османской империи, Крымского ханства, Ирана и т.п.) в надежде на защиту прибывали на постоянное место жительства северокавказские князья со своими подданными. В XVII в. под стенами Терского городка сложились Черкасская, Окотская, Новокрещенская и Татарская слободы. Население слобод, где проживали народы Дагестана — чеченцы, ингуши, татары и др., активно использовалось на военной, дипломатической, административной службе у Русского государства. Из их среды рекрутировались переводчики, послы, проводники, «служилые воинские люди».

В XVIII в. Северный Кавказ (и Дагестан в частности) находится в орбите интересов таких государств, как Иран, Турция и Россия, так как этот регион являлся центром переплетения важнейших военно-стратегических и торговых путей, имеющих важное экономическое и политическое значение.

После завершения Северной войны Россия стала активнее отстаивать свои интересы в этом регионе.

Разумеется, российское правительство прежде всего заботилось об упрочении безопасности и мощи своего государства, распространении политического влияния на новые территории. Но это одновременно способствовало развитию устойчивых экономических и торговых связей.

В XVIII–XIX вв. было основано большинство городов Юга России, через которые транслировались модернизационные процессы и русская культура. Одним из таких городов являлся Кизляр, годом основания которого считается 1735-й. Он очень быстро заселялся, чему способствовало правительство, предоставляя переселенцам всевозможные льготы. Сюда устремились русские, украинцы, армяне, грузины. Через город проходил крупный торговый путь, по которому с Востока в Россию шли шелка, пряности Северного Кавказа, марена, овчина, фрукты, чихирь (терское виноградное вино) и другое. Некоторые восточные страны имели в Кизляре свои консульства [1: с. 5].

Кизляр становится главным политическим, экономическим и культурным центром, а в одно время — и «Русской столицей на Кавказе». Здесь открывались первые русские школы, в которых дети кавказских народов изучали русский язык и знакомились с русской культурой. В низовьях Терека впервые в России получают развитие такие отрасли хозяйства, как виноделие и виноградарство, будет основан первый в России завод по производству шелка-сырца, выработан первый отечественный коньяк.

Как отмечалось выше, виноградарством и виноделием в Дагестане терские казаки занимались и ранее, но эти отрасли хозяйства находились на уровне кустарного производства и нуждались в дальнейшем развитии и совершенствовании.

Временем наиболее бурного развития виноградарства и виноделия в низовьях Терека станет вторая половина XVIII — XIX в. Это было связано с наличием поблизости дешевого водного пути, а также с увеличением спроса на внутреннюю алкогольную продукцию, потому что из-за наполеоновских войн в Европе и континентальной блокады значительно снизился ввоз зарубежных вин в Россию. Эти факторы стимулировали производство отечественных вин и спирта [3: с. 187].

Согласно императорскому указу Александра I от 1803 года, в Кизляре было открыто первое в России Кавказское казенное училище виноградарства и виноделия. Училище подчинялось Кизлярскому коменданту. Во главе училища в разное время стояли такие знатоки и энтузиасты виноградарства, как барон Бибернштейн, ученый ботаник Х.Х. Стивен, немец Барт и другие.

Училище просуществовало до 1866 года и сыграло огромную роль в развитии виноградарства и виноделия в этом крае. Здесь проводились экс-

перименты по выращиванию и разведению различных сортов винограда. Оно совершенно бесплатно обеспечивало всех желающих посадочным материалом. Однако станичники с неохотой обращались за новыми сортами, предпочитая проверенный сорт «Алый Терской» — наиболее пригодный для спиртокурения. При училище был казенный сад, который засаживался и расширялся стараниями учеников и их наставников. В 1850-х годах его площадь достигла внушительных размеров, и было засажено 97 293 отборных лозы.

«Золотым» периодом для училища стало приглашение из Германии винодела Барта. Он привез с собой много новых сортов винограда (Рислинг, Мальвазия, Сильванер, Опорто, мускаты и другие). Под его руководством был построен большой каменный подвал для хранения готовой продукции. Вина, производимые на винодельне училища, стоили в несколько раз дороже казачьих. Берт хорошо знал свое дело и доказал, что в России можно производить высококлассное вино.

В 1842 году высочайшим указом Николая I Кизляру будет присвоен герб, который город носит и по сей день. В нижней части герба на голубом фоне изображен символ Кизляра — виноградная лоза.

После завершения Кавказской войны, в 1860 году, была образована Дагестанская область. По мере утверждения в Дагестане царской администрации шло его хозяйственное освоение, строительство дорог, вовлечение в общероссийский рынок, внедрение в сельское хозяйство новых земледельческих культур, фабричного инвентаря, создание первых промышленных предприятий. Одним из таких предприятий стал Кизлярский коньячный завод, основанный в 1885 году. Завод постепенно будет расширять свою значимость в экономике края и станет системообразующим предприятием. Вокруг Кизляра разбиваются виноградники, население обеспечивается рабочими местами, в регионе становятся широко востребованы высококвалифицированные виноградари и виноделы.

Заложенное еще терскими казаками виноделие в XX в. стало одной из приоритетных отраслей народного хозяйства. Винная продукция Дагестана в 70-е годы выходит на международный уровень, по ассортименту и качеству она могла конкурировать с импортной, неоднократно становилась лауреатом престижных премий на международных выставках. Эта отрасль пережила антиалкогольную кампанию государства середины 80-х годов, выстояла в тяжелые 90-е годы XX столетия. Сейчас виноградарство и виноделие в Дагестане постепенно возрождается и имеет хорошие перспективы на будущее.

В Дагестане сегодня мирно сосуществуют более ста национальностей, тридцать четыре из которых относятся к коренным. Русский народ тоже является коренным народом Дагестана и неотъемлемой частью большой дагестанской семьи. Также и Дагестан невозможно представить вне России.

На терско-кизлярской земле, ставшей своеобразным «мостиком» между Дагестаном и Россией, бережно относятся к истории своего края. В 2007 г. в Кизляре был открыт «Музей казачьей культуры». Здесь посетители могут погрузиться в быт и культуру терских казаков и убедиться в том, насколько они были яркими носителями огромного русского культурного наследия.

Литература

1. Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политического, социального-экономического и культурного развития. Махачкала: б. и., 1999. 23 с.
2. Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII — XXI вв. Махачкала: б. и., 2009. 335 с.
3. Иноземцева Е.И. Дагестан и России в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 188 с.
4. Науменко В.Е., Чумаченко В.К., Еремеева А.Н. Русская культура как системообразующий фактор межнационального взаимодействия на Северном Кавказе: (сборник материалов). М.: Институт Наследия, 2016. 250 с.
5. Потто В.А. Два века Терского Казачества (1557–1801). Т. 1. Владикавказ: Электротпечатная Типография Терского Областного Правления, 1912. 247 с.
6. Суздальцева И.А. О роли русских переселенцев в развитии новых отраслей экономики Дагестана (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник Дагестанского государственного университета: Научно-образовательный журнал. 2014. № 4 (125). (История. Педагогика. Психология). С. 39–44.

СОТРУДНИЧЕСТВО С КНР В РАМКАХ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВКИ «К СТОЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ...») В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ КИТАЯ

*О.Б. ГОЛОВАЦКИЙ,
аспирант, младший научный сотрудник,
Московский городской педагогический университет,
Государственный исторический музей,
Россия, г. Москва
e-mail: oleggolovatskiybor@gmail.com*

Аннотация: В статье рассмотрено сотрудничество КНР и России в контексте культурного обмена. В последние годы ежедневно увеличиваются культурные контакты между Национальным музеем Китая и российскими музеями. 2006 год был объявлен годом России в Китае, а 2007-й — годом Китая в России. В те годы в Государственном историческом музее прошли две уникальные выставки: «Терракотовая армия первого императора Китая» и «Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка». В 2016–2017 гг. с успехом прошла выставка «Древнее искусство провинции Шаньси», а в КНР отправилась выставка «Сокровища Российской империи из собрания ГИМ».

В 2018 г. в Национальном музее Китая проходила выставка «К 100-летию Октябрьской революции — выставка памятников ГИМР об Октябрьской революции» — совместный проект Национального музея Китая и ГИМ. На ее примере в статье показано, как происходит сотрудничество наших стран в области культуры, какие существуют сложности и каковы пути развития культурных взаимоотношений.

Ключевые слова: сотрудничество, Китай, музей, выставка, экспонат, культура.

COOPERATION WITH THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE FRAMEWORK OF MUSEUM BUSINESS (ON THE EXAMPLE OF THE EXHIBITION "TO THE CENTENARY OF THE OCTOBER REVOLUTION..." AT THE NATIONAL MUSEUM OF CHINA)

O. GOLOVATSKY,

*Graduate student of the first year of study, junior research assistant,
Department of National History, Moscow City Pedagogical University,
State Historical Museum,
Russia, Moscow
e-mail: oleggolovatskiybor@gmail.com*

Abstract: The article considers the cooperation between China and Russia in the context of cultural exchange. In recent years, cultural contacts between the National Museum of China and Russian museums have been increasing daily. 2006 was declared the year of Russia in China, and 2007 was declared the year of China in Russia. In those years, the State Historical Museum hosted two unique exhibitions: "The Terracotta Army of the First Emperor of China" and "The Silk Road. 5000 years of silk art. In 2016–2017 the exhibition "Ancient Art of Shanxi Province" was successfully held, and the exhibition "Treasures of the Russian Empire from the Collection of the State Historical Museum" went to China.

In 2018, the National Museum of China hosted the exhibition "To the 100th Anniversary of the October Revolution — Exhibition of GIMR monuments about the October Revolution" — a joint project of the National Museum of China and the State Historical Museum. Using her example, the article shows how our countries cooperate in the field of culture, what difficulties exist and what are the ways of developing cultural relations.

Keywords: Cooperation, China, museum, exhibition, exhibit, culture.

Музеи являются важнейшим институтом культуры как для отдельного государства, так и для международных взаимоотношений. Благодаря международным контактам между музеями разных стран формируются прочные связи между различными государствами в культурном и политическом контекстах. Процесс глобализации оказал прямое влияние на сотрудничество между музеями. Важно уточнить, что статус музея как некоммерческой организации определяет Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». В международной практике обычно используют определение, данное Международным советом музеев (ИКОМ — International Council of Museums), где музей определяется как «постоянное некоммерческое учреждение, призванное

служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретение, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения **духовных** потребностей» [4].

Совместные выставки, акции и программы способствовали установлению связей между руководителями и крупнейшими хранителями музеев. Конечно, нельзя игнорировать тот кризис, который мир переживает в данный момент, влияющий в том числе и на культурные связи между государствами. Например, в определенный момент решалась судьба коллекций Морозовых, и были реальные опасения того, что они не вернутся в Россию. Невзирая на это, мы понимаем, что любой кризис имеет как начало, так и конец, поэтому необходимо рассмотреть успешные примеры международного сотрудничества между музеями Российской Федерации и музеями стран, которые являются дружественными для России в данный период времени.

Государственный исторический музей выстраивал отношения с коллегами из Национального музея Китая с 2006 г. В тот год в рамках программы «Год Китая в России» в Государственном историческом музее прошли две уникальные выставки — «Терракотовая армия первого императора Китая» и «Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка». К 2017 году сформировались партнерские отношения, которые вылились в дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Государственный исторический музей обладает уникальными фондами, которые охватывают различные периоды истории России. В том числе фонд музея В.И. Ленина, в котором представлены предметы, отражающие весь XX век отечественной истории. Фонд уникален тем, что в нем хранятся предметы целого музея, который вошел в состав Государственного исторического музея в 1993 году и стал его филиалом. 2017 год стал юбилейным для Великой Октябрьской революции. Безусловно, для КНР — государства, которое и по сей день проповедует коммунистическую идеологию, — это событие остается крайне важным с точки зрения истории мирового коммунистического движения. В докладе XIX съезду Коммунистической партии Китая генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Сто лет назад оружейные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм. Научные истины марксизма-ленинизма указали передовым элементам в Китае пути решения китайских проблем. На этом фоне в 1921 году родилась Коммунистическая партия Китая. С тех пор КПК стала надежной опорой китайского народа в борьбе за национальную независимость, за народное освобождение, за могущество страны и счастье народа. В духовном отношении в китайском народе произошла трансформация от пассивного ожидания

к активным действиям» [2]. Таким образом, Си Цзиньпин подчеркивает важность Октябрьской революции для всего Китая. Бывший директор Национального музея Китая вспоминал: «В нынешнем году (2017. — *Прим. автора*) отмечается 100-я годовщина Великой Октябрьской революции. Еще три года назад мы уже начали планировать проведение выставки в честь столетия Октябрьской революции» [2]. Благодаря высокопрофессиональной работе сотрудников ГИМ, в частности, хранителей фонда музея В.И. Ленина, в Национальном музее Китая успешно прошла выставка «К 100-летию Октябрьской революции — выставка памятников ГИМР об Октябрьской революции». На ней были представлены 238 экспонатов, среди которых были картины, скульптуры, плакаты, личные вещи Ленина и Сталина. Экспонаты отбирались совместно российскими и китайскими специалистами.

Процесс организации подобной выставки весьма трудоемок и долог. Когда человек, не искушенный работой в музее, приходит на выставку, он видит уже готовые экспозиции и действительно может подумать, что в музее происходит некоторая «магия», поскольку подготовка к экспозиции остается за кадром. Однако учреждения уровня Государственного исторического музея или Национального музея Китая — это крупнейшие в своем роде организации, с развитой инфраструктурой и большим количеством сотрудников. Каждый аспект международного сотрудничества отработан, поэтому организация выставки за рубежом может пройти достаточно быстро. Следует отметить, что активно функционирует Государственный каталог музейного фонда РФ. «Госкаталог Музейного фонда РФ — это единая информационная система, выполняющая функции регистрации данных о музейных предметах в электронной базе данных Государственного каталога» [3]. Он позволяет дистанционно выбирать предметы для выставки, поскольку обладает рядом стандартов. Это описание предмета, его фото, место и год создания. В музее существует отдел международных связей, который обрабатывает запрос от зарубежного партнера и передает его фондам. В свою очередь, фонды предлагают собственные варианты, какие предметы можно предоставить для экспонирования на выставке. И только после всех утверждений начинается процесс подготовки. «Музейная выставка — наглядная демонстрация политических символов, знаков, в том числе и в международной сфере» [1: с. 2]. Важно отметить роль музейного хранителя. Хранитель несет материальную ответственность за экспонаты, которые находятся в его компетенции. Хранитель сопровождает предмет до музея, где проходит выставка, следит за сохранностью, подписывает акты временного хранения. Одним словом, этот сотрудник неразрывно связан с предметами своего фонда. Он же осуществляет возврат экспоната в родной музей. Принимающая сторона берет на себя расходы и организацию транспортной перевозки.

Благодаря успешно проведенной совместной выставке Национального музея Китая и Государственного исторического музея «К столетию октябрьской революции — выставка памятников ГИМР об Октябрьской революции», был получен неоценимый опыт в контексте международного сотрудничества. Для руководства Коммунистической партии Китая крайне важно то, что в Российской Федерации чтят и помнят свою историю, в том числе советскую. Экспонаты, которые выставлялись на данной выставке, были полностью представлены из фонда музея В.И. Ленина. Нельзя не отметить символизм данного совпадения. Выставка прошла успешно, широко освещалась прессой и получила хорошие отзывы.

Итак, международная деятельность музеев служит важным вкладом в развитие культурной сферы, отношений между народами и обеспечивает мирные процессы в современном мире. Международное сотрудничество в сфере культуры позволяет найти новые точки соприкосновения между государствами. К сожалению, мы видим, что существует и «культура отмены», но всегда есть возможность расширить горизонты взаимодействия между странами, которые стремятся к плодотворному сотрудничеству и дружбе.

Литература

1. Александров А.А. Музеи в контексте современных международных отношений // Человек и общество перед судом истории: Сборник статей. М.: РГГУ, 2012. С. 1–12.
2. Национальный музей Пекина. Каталог выставки «К столетию октябрьской революции — выставка памятников ГИМР об Октябрьской революции». Пекин, 2018.
3. URL: <https://www.cultmanager.ru/article/7311-goskatalog-muzeynogo-fonda-rf-21-m07-02> (дата обращения: 14.05.2022).
4. URL: https://studbooks.net/1435298/menedzhment/mezhdunarodnaya_vystavochnaya_deyatelnost_muzeev_obespechenie_sohrannosti_kulturnogo_naslediya (дата обращения: 14.05.2022).

КУЛЬТУРНАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1920–1930-е ГОДЫ ПО ЗАЩИТЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

*О.В. ТИХОНОВИЧ,
аспирант,*

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов
e-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru*

Аннотация: В статье раскрывается вопрос защиты Советским правительством культурной и конфессиональной идентичности той части белорусов, которые вошли в состав Польши по условиям Рижского мирного договора 1921 г. В статье проводится анализ политики правящих кругов Польской Республики в 1920–1930-е гг., которая была направлена на порабощение белорусского этнического меньшинства путем проведения денационализации и ревиндикации.

Ключевые слова: денационализация, Западная Белоруссия, национальная политика, ревиндикация.

CULTURAL AND CONFESSIOAL POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN THE 1920–1930s TO PROTECT WESTERN BELARUS

*O. TIKHONOVICH,
Graduate student,*

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Russia, Tambov
e-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru*

Abstract: The article deals with the issue of protection by the Soviet government of the cultural and confessional identity of that part of the Belarusians who became part of Poland under the terms of the Riga Peace Treaty of 1921. The article analyzes the policy of the ruling circles of the Polish Republic in the 20–30s, which was aimed at enslavement of the Belarusian ethnic minority through denationalization and revindication

Keywords: Denationalization, Western Belarus, national policy, revindication.

Стремительно развивающиеся внутривполитические и внешнеполитические события Союзного государства (России и Белоруссии) в XXI в. от-

четливо показали те исторические и культурные связи, которыми представители двух братских стран обладают в течение своей единой тысячелетней истории. И те давления и вызовы, исходящие от представителей западноевропейского мира, с которыми белорусскому и российскому народам приходится ежегодно сталкиваться, зародились не только в результате распада СССР. Такая массивная внешнеполитическая атака Запада на Москву и Минск уходит своими корнями, как бы сегодня показалось любителям истории, в далекие времена. Поэтому Союзному государству, чтобы не допустить у себя те западноевропейские процессы денационализации и децентрализации (уже показавшие, к сожалению, свои результаты в отношении украинского народа), необходимо выработать единую историческую память у представителей молодого поколения обеих стран. И такое историческое единство двух братских народов проявлялось на примере поддержки и помощи Советского Союза тем белорусам, которые были вынуждены в межвоенный период находиться в составе II Речи Посполитой.

Так, единый белорусский народ, проживающий в начале XX столетия в Российской империи, в 1921 г. оказался разделенным государственно-политическими и культурными границами двух стран — Советской Россией и Польской Республикой [1: с. 148]. Такая трагедия произошла в результате польско-советской войны 1919–1921 гг.

18 марта 1921 г. между Москвой и Варшавой был подписан Рижский мирный договор, по которому II Речь Посполитая приобретала огромные территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которые были богаты природными и человеческими ресурсами [5: с. 133].

Только одна Западная Белоруссия была размером в 100 тыс. км² с трехмиллионным населением, из которых 70% были этническими белорусами [2: с. 8]. В административно-территориальном отношении Западная Белоруссия в межвоенной Польше делилась на четыре воеводства — Белостокское, Полесское, Новогрудское и Виленское.

Польские правящие круги, получив эти просторные восточные территории, которые не являлись их исконными землями, начали уже в 1921 г. быстрыми и жесткими методами проводить свою националистическую политику, которая проявлялась в денационализации и ревиндикации белорусского населения [9: с. 194].

Денационализация представляла собой политику польских правящих кругов, стремившихся уничтожить национальное самосознание белорусского этнического меньшинства путем закрытия белорусских школ, библиотек и различных просветительских кружков, а ревиндикация преследовала цель передачи всего церковного имущества Православной церкви в Западной Белоруссии католическому престолу.

Но правительство РСФСР уже в 1920 г. осознало те задачи, которые польская буржуазная власть собиралась решить в отношении тех территорий, на которых проживали русские, белорусы и украинцы. Поэтому Рижский мирный договор 1921 года включал в себя все необходимые статьи, препятствующие и уничтожающие польский национализм на тех территориях, которые отошли к Варшаве по итогам польско-советской войны [3: с. 13].

О недопустимости насаждения всего польского на белорусских Восточных воеводствах II Речи Посполитой свидетельствует Статья VII мирного договора, в первом пункте которой прямо указывалось, что Варшава обязана обеспечить развитие «культуры, языка и выполнения религиозных обрядов» представителям национальных меньшинств, к которым относились белорусы, русские и украинцы, а это означало, что представители белорусской национальности, как прописывалось в первом пункте Статьи VII, имели полное право «культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы» [4: с. 33–34].

В третьем пункте Статьи VII также подробно проговаривалось положение Православной церкви, которая действовала на восточных территориях Польской Республики: «церкви и религиозные общества имеют права... пользоваться и приобретать движимое и недвижимое имущество, необходимое для выполнения религиозных обрядов, а также содержания духовенства и церковных учреждений» [4: с. 34].

Необходимо отметить тот факт, что Советская Россия брала на себя ровно такие же обязательства в отношении лиц «польской национальности, находящихся в России, Украине и Белоруссии», то есть данное положение также прописывалось в мирном договоре, и большевистское руководство России было обязано поддерживать развитие польской национальной культуры и католической церкви на территории Советских Республик.

Но исторические документы свидетельствуют о том, что политические круги II Речи Посполитой не желали и не стремились с самого начала подписания Рижского мирного договора выполнять свои обязательства по развитию национального самосознания белорусского народа. Об этом свидетельствует дипломатическая нота, которая поступила в Министерство иностранных дел Польской Республики 25 августа 1921 г. от председателя СНК БССР А.Г. Червякова.

Так, в Гродно, входившем в состав Белостокского воеводства, польские местные власти с помощью полиции к 1921 г. уже закрыли 148 белорусских школ из 150 действующих, и, более того, как сообщалось в ноте, полицейские постоянно «избивают и арестовывают крестьян за составление приговоров об открытии белорусских школ. Так было, например, в д. Малая Берестовица Гродненской губ., где избивали половину крестьян,

а 16 арестовали». Также польское Министерство внутренних дел с 1921 г. активно предпринимало попытки отлавливать тех белорусов, которые читали газеты, книги и журналы на белорусском языке. Как сообщал А.Г. Червяков, такие лица польскими националистами «считаются большевиками. У них производятся обыски и им грозят арестами за чтение белорусских газет... При переписи в Вилейском районе жителям, записывающимся белорусами, солдаты грозят арестом или высылкой в Советскую Россию» [4: с. 37].

Польские власти даже не останавливались в своих националистических идеях по привлечению и приобщению к польской культуре белорусских детей, находившихся в приютах. Вот как А.Г. Червяков в своей дипломатической ноте описывал метод, который польские националисты взяли себе на вооружение: «Белорусским детским приютам не отпускают продуктов даже из того, что присылается разоренной Белоруссии иностранными благотворительными организациями. Все это передается польским учреждениям, опекающим детей, привлекающим таким образом голодных белорусских детей в польские учреждения, где их полонизируют» [4: с. 37].

О начавшейся в Западной Белоруссии польской политике ревиндикации свидетельствует церковный мемориал, который отразил в себе первые преступления и нарушения, совершенные польскими властями в отношении Православной церкви в Восточных воеводствах II Речи Посполитой. Данный церковный мемориал был составлен в сентябре 1921 г. и направлен лично Патриарху Московскому и всея Руси Тихону. Этот церковный мемориал подчеркивает то стремление к единству с Православной церковью России, которое православное духовенство Западной Белоруссии стремилось осуществить, оказавшись в составе Польши [7: с. 71].

В данном церковном мемориале приводились не только конкретные количественные примеры закрытия Православных церквей в Западной Белоруссии, но и были детально представлены те террористические методы, которыми польские националисты пользовались во время разгона и уничтожения православных приходов. Так, к 1921 г. в Бельском уезде из 38 церквей «только 11 приходов осчастливлены правом свободного служения своему Богу» [4: с. 38], а остальные 27 были переданы католической церкви. Подобная ситуация в том же году складывалась и в остальных уездах Западной Белоруссии. Например, в Гродненском уезде католической церкви были переданы пять крупных православных церквей, столько же православных приходов было превращено в католические и в Брестском уезде [4: с. 42].

Протоиерей Гродненской епархии Иоанн Корчинский в 1921 г. констатировал тот факт, что в бывшей Гродненской губернии польскими властями было закрыто более 60 православных церквей, большая часть которых была передана католическому костелу [4: с. 44]. Но данные про-

тоиерея И. Корчинского не являются полными, так как он не указывал то количество православных приходов, которые были закрыты поляками в Пружанском уезде. Однако его данные прекрасно показывают те темпы и методы проведения политики ревиндикации, которыми польские власти руководствовались в Западной Белоруссии.

О постоянных нарушениях властями II Речи Посполитой Рижского мирного договора 1921 г. указывал Г.В. Чичерин, являвшийся первым наркомом СССР по иностранным делам в 1921—1930 гг. В своих многочисленных дипломатических документах он справедливо отмечал, что польская власть в центре и на местах не принимала никаких мер по защите национальных прав представителей непольской нации. Такую позицию нарком внешней политики СССР изложил в дипломатической ноте 10 мая 1924 г. польскому посланнику в Советском Союзе — Л. Доровскому.

Г.В. Чичерин в этой ноте подчеркивал, что высшая власть Польской Республики с 1921 г. не скрывала своего презрительного и пренебрежительного отношения к представителям наций, которые обитали в Восточных воеводствах страны. Ярким примером для наркома являлся случай посещения польским президентом Станиславом Войцеховским территории Kresy wschodni (польск. — Восточные воеводства). Во время данной поездки президент II Речи Посполитой в своих официальных речах прямо заявлял, что «единственным настоящим и законным хозяином Польши является только польский народ», то есть «граждане польской национальности и никто больше» [4: с. 54].

Г.В. Чичерин, подчеркивая преступные меры по денационализации польскими властями белорусских жителей, указывал на конкретные факты и результаты подобных действий Варшавы: «Сельские народные школы в Новогрудчине закрыты все, кроме одной; в Гродненщине осталась из существовавших ранее 153 лишь одна; в Виленщине из бывших ранее 200 осталось 36; в Полесье и Волыни закрыты все украинские школы» [4: с. 58], а попытки самих белорусов добиться открытия для их детей национальных школ не имели никаких положительных результатов, так как польские националисты стремились в детских домах и школах преподавать православным детям основы католической религии.

Подобную дискриминацию ощутило православное население белорусских воеводств, которое, по сообщению Г.В. Чичерина, было вынуждено терпеть «насилия, захваты, разрушения религиозных памятников», и это при том, что польская буржуазная власть в 1921 г. брала на себя обязательства выполнять «принцип невмешательства в дела и жизнь церкви, религиозных обществ, установленный п. 2. ст. VII Мирного договора», то есть, по верному замечанию советского наркома, Рижский договор польской стороной «остался выполненным лишь в самом договоре» [4: с. 57].

Все перечисленные Чичериным мероприятия, которые проводились в отношении представителей белорусской национальности, имели во II Речи Посполитой регулярный и массовый характер. Более того, как сообщал советский нарком в своей дипломатической ноте Доровскому, подобные меры польских властей являлись проявлением прямого «глумления и насилия». В связи с этим Г.В. Чичерин подчеркивал: «Атмосфера ужасного полицейского террора, свирепствующего на белорусских кресах и в Восточной Галиции, наполняет население этих областей страхом» [4: с. 54].

Церковная политика ревиндикации, направленная на уничтожение православия в белорусских воеводствах, по сообщению Г.В. Чичерина, проходила по одному сценарию: польские власти с помощью полиции устраивали в православных храмах «безобразные оргии разрушения: реликвии и церковные ценности подвергались беспощадным уничтожениям, не щадились при этом предметы, ценные с точки зрения художественно-археологической» [4: с. 57].

Польская сторона, получив дипломатические ноты от правительств Советских республик, касавшиеся многочисленных нарушений прав представителей национальных меньшинств II Речи Посполитой, встала на путь изменения своей национальной политики: ситуация в Восточных воеводствах Польской Республики изменилась, как тогда казалось, с принятием польским Сеймом 31 июля 1924 г. так называемого «Закона о языках», согласно которому обучение в школах должно было осуществляться на родном языке [8: с. 74].

Но политическая элита II Речи Посполитой не желала следовать своему внутреннему законодательству и внешним обязательствам. Об этом руководство СССР и советские граждане узнали из интервью, которое было дано в Варшаве осенью 1924 г. корреспонденту Российского телеграфного агентства (РОСТА) В.Т. Рогулем.

Белорусский националист-антикоммунист В.Т. Рогуль констатировал в интервью, что польские власти приняли летом 1924 г. «Закон о языках» с целью показать мировому сообществу, что Польша якобы выполняет все свои обязательства по защите представителей национальных меньшинств. «Законы о языке в школе, — подчеркивал Рогуль, — созданы специально на вывоз за границу, белорусам они ничего не дают, являются просто провокацией белорусского населения». И это означало, что данный Закон оставался лишь на бумаге, так как польская политическая элита не желала выполнять это на практике, а если белорусы стремились сами инициировать проведение этого закона в жизнь, то сталкивались со всевозможными препятствиями польских националистов. Данные препятствия и трудности проявлялись для белорусского населения в виде коррупции, о чем детально сообщал советскому корреспонденту белорусский нацио-

налист В.Т. Рогуль: «Чтобы открыть белорусскую школу необходимо собрать подписи населения, которые должны быть заверены. Власти обыкновенно этих подписей не заверяют, требуют с каждой подписи два злотовых, что совершенно непосильно белорусскому крестьянину» [4: с. 63].

Советская Россия не могла молчать и спокойно смотреть на все те нарушения и гонения, которые происходили во II Речи Посполитой в отношении представителей белорусской нации. И это было объяснимо, так как именно Москва являлась не просто центром сплочения мирового пролетариата и крестьянства в лице Коммунистического и Крестьянского интернационалов, но и выступала оплотом защиты прав народов на их самоопределение. Поэтому большевистское руководство не только внимательно отслеживало все происходящее в Польской Республике, но и предпринимало попытки донести так называемому мировому сообществу, включающему в себя представителей западноевропейских стран, все те культурные и языковые притеснения, которые польские националисты обрушали на белорусов.

Так, в начале 1927 г. в Минске прошло два съезда представителей науки и культуры БССР, на которых были не только устно высказаны, но и письменно составлены обращения белорусских советских интеллектуалов к западноевропейской интеллигенции. И в первом своем требовании, датированном 27 января, участники съезда в Минске констатировали следующее: «Современная польская государственность проводит политику жесточайшей колонизации и физического уничтожения белорусской национальности... Мы хотели бы обратить внимание научных работников на Западе на то, что 3 миллиона белорусов в Польше до сих пор не имеют массовой школы на родном языке. Школы, которые были — закрыты» [4: с. 93].

На втором всебелорусском съезде научных работников, прошедшем 17 февраля того же года, ученые умы, приехавшие в Минск со всего СССР (Москва, Ленинград, Киев, Казань, Ереван, Ташкент), делали вывод о том, что Польская Республика превратилась в европейскую «тюрьму народов» [4: с. 95].

Также 4 марта 1928 г. белорусский комитет научных работников и писателей СССР потребовал от прогрессивной мировой общественности организовать и провести в своих странах акции протеста против националистической политики польского правительства. Составители этого требования отдельно подчеркивали, что белорусское «население лишено права иметь на родном языке школу. Белорусские школы и учительские семинарии закрыты польским правительством в 1922 году. Белорусских детей силой загоняют в польские школы, родителей же за отказ отдать детей в эти школы штрафуют и наказывают, и это делается несмотря на то, что, согласно польской же довоенной статистике, в Западной Белоруссии насчитывалось не более 4% поляков» [4: с. 96]. И в заключение своего по-

слания советская интеллигенция БССР заявила, что и дальше будет протестовать и бороться «против политики польского правительства, направляемой к физическому уничтожению белорусского народа. Мы протестуем против суда, совершающегося над целой нацией» [4: с. 97].

Таким образом, польская буржуазная власть II Речи Посполитой в 20–30-е гг., нарушая Рижский мирный договор, активно проводила политику колонизации, составляющими элементами которой являлись денационализация и ревиндикация белорусского этнического меньшинства. Достаточно сказать, что к 1939 г. денационализация привела к полному закрытию всех имевшихся в Западной Белоруссии национальных школ, а также способствовала разгону и уничтожению белорусских просветительских организаций, библиотек (изб-читален) и кружков. Ревиндикация, в свою очередь, поставила на грань ликвидации Православную церковь на территории восточных воеводств Польской Республики, так как церковные сооружения и всё имущество православных приходов передавалось польскими националистами католическому престолу. И лишь Советский Союз на протяжении всего межвоенного периода активно вступался за угнетенных и униженных Варшавой белорусов. Страна Советов на протяжении двух десятилетий предпринимала попытки напомнить польским националистам их обязанность по сохранению и развитию тех национальностей, которых центральная власть панской Польши не стеснялась публично направлять в разряд лишних и второсортных. Такая позиция большевистского правительства России объяснялась не стремлением возродить «Красную империю» в территориальном отношении или реализовать принцип «мировой революции», а осознанием единства двух восточнославянских народов — белорусов и русских, которые обладали, обладают и будут обладать многовековыми историческими и культурными связями.

Литература

1. Борисёнок Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией — от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945 годы) // Новая и Новейшая история. 2015. № 5. С. 148–159.
2. Коваленя А.А. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: В 2 кн. Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск: Белорусская наука, 2014. Кн. 1. 594 с.
3. Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 286 с.
4. Польша — Беларусь (1921–1953): Сб. документов и материалов / Сост. И.А. Валяхонович и др.; ред. А.В. Волченко и др. Минск: Белорусская наука, 2012. 442 с.
5. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индик, 2012. 952 с.

6. Самосюк Н.В. Миссионерская деятельность Православной церкви в Полесской епархии (1921–1939) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2013. № 9. С. 88–96.
7. Самосюк Н.В. Развитие культурной идентичности православного населения Западной Беларуси в межвоенный период // Искусство и культура. 2016. № 3 (23). С. 70–76.
8. Шевченко В.А. Русские школы в межвоенной Польше // Славяноведение. 2016. № 4. С. 72–84.
9. Шевченко К.В. Положение белорусского национального меньшинства Второй Речи Посполитой в начале 1920-х годов в освещении западнобелорусской прессы // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. — Международная научная конференция, г. Новозыбков, Брянская обл., 28 марта 2020 г.: Сборник статей. Брянск, 2020. С. 194–202.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В РОССИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*К.А. ФЕДЯЕВ,
аспирант, Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: kirillfedyayev@gmail.com*

Аннотация: В статье на основании архивных источников изучены механизмы привлечения потенциальных колонистов; рассмотрена география расселения немецких колонистов. Прослежены процесс переселения иностранцев в Россию и его связь с обеспечением общественной и политической безопасности государства. Анализируются деятельность переселенцев, их вклад и влияние на развитие хозяйства местного населения.

Ключевые слова: колонистское движение, немцы-переселенцы, иностранные колонии, Российская империя, колонизация, историография.

FEATURES OF THE RESETTLEMENT OF GERMANS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

*K. FEDIAEV,
Postgraduate student,
Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: kirillfedyayev@gmail.com*

Abstract: In the article, based on archival sources, the mechanisms of attracting potential colonists are studied; the geography of the settlement of German colonists is considered. The process of resettlement of foreigners to Russia and its connection with ensuring public and political security of the state is traced. The activity of immigrants, their contribution and impact on the development of the economy of the local population is analyzed.

Keywords: colonist movement, German settlers, foreign colonies, Russian Empire, colonization, historiography.

С целью расширения экономического пространства и создания на этой основе могущественной державы в Россию, по приглашению правитель-

ства при императрице Екатерине II, стали активно приезжать иностранцы. Для этого были специально разработаны законодательные и нормативные акты, к которым относятся манифесты от 4 декабря 1762 года («О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу») [14] и от 22 июля 1763 года («О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах») [15], а также указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов и Инструкция, утвержденная для данной Канцелярии 22 июля 1763 года [16].

После оглашения принятых указов в Россию потянулся немалый поток иностранных граждан. Данные приглашения касались представителей всех европейских наций, но в большей степени они были рассчитаны на немцев. Таким образом, притягивая в Россию иностранцев, Екатерина II думала о пользе, которую иноземцы могли принести для освоения русских земель. Российская империя нуждалась в качественных и плодovitых хозяйствах, в формировании и развитии новых отраслевых аграрных производств. Правительство изыскивало возможности принятия новых партий переселенцев несмотря на то, что в то время не имелось достаточного количества пригодной для земледелия казенной земли.

Для иностранных жителей была создана особая система управленческого строя. Канцелярии опекунства иностранных колонистов, как самому главному органу колонистского управления в те времена, были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия, которые приравнивались к государственным коллегиям того периода времени [12].

Процесс приглашения в Россию возможных колонистов начинался с отправки дипломатических посланников. Они являлись первыми проводниками по колонизации в России за рубежом, на них была возложена обязанность по распространению указов и манифестов императрицы Екатерины II с приглашением переселиться. В тот период основным инструментом для решения определенной цели были газеты, являвшиеся единственным средством массовой информации. Вскоре стало понятно, что потенциальные колонисты в своем большинстве не владели грамотой и, соответственно, не читали газет [20]. В германские государства направлялись вербовщики, которые обещали переселенцам, в которых так нуждалась Россия, предоставление никем не занятых земель, создание необходимых условий для жизни и работы, различных привилегий — таких, как государственная поддержка и помощь [17].

Приехавшие лица представляли собой разнородную группу людей с различными правами и обязанностями, и первые немецкие переселенцы при обустройстве на новых местах столкнулись с немалыми трудностями, которые были вызваны нарушением российской стороной прав и приви-

легий, предложенных согласно Манифестам. Но возвратиться в Германию возможности уже не было — отъезд в Россию сопровождался полным разрывом с прежней жизнью и всем тем, что их связывало, и немцам приходилось приспособливаться к данным условиям [17].

При немецкой колонизации период хозяйственности, начавшийся во времена Екатерины II, отличается тем, что значительно расширилась география расселения немецких колонистов на юге России. В связи с благоприятным климатом в южных районах было широко распространено виноделие и садоводство, что предоставляло немцам хорошие возможности для сбыта своего продовольствия. Подразумевалось, что, после того как они окрепнут и станут экономически стабильны, начнется расширение их поселений в глубь российского государства [6].

Люди, жившие в нужде и лишениях, сами эмигрировали на территорию России, потому что предложенные привилегии им казались особенно привлекательными. В Германии разговоры о России становились предметом оживленных обсуждений, характер которых указывал о большом интересе немцев к жизненному укладу и развитию духовной, культурной и хозяйственной жизни россиян.

Рассмотренная историографическая литература свидетельствует о том, что вопросы особенностей переселения немцев актуальны и привлекают к себе интерес исследователей. В то же время в этой проблеме существовало множество нерешенных вопросов именно регионального характера, которые были необходимы для составления объективной и полной картины повседневной жизни и деятельности немецких поселенцев.

Говоря об историографии, следует отметить, что до 60-х годов XIX в. не было необходимых источников литературы, затрагивающих проблемы переселенцев в России. Впервые о немецких колониях стало известно от путешественников, посетивших их уже в 70–80-е годы XVIII в. [7]. Первые публикации появляются только с 1865 г. Серьезный вклад в изучение немецких поселений внес А.А. Клаус (Klaus) [5]. Только учитывая его работы, были составлены и сохранены важные первичные статистические данные о немецких колониях, что в дальнейшем и явилось основой для освещения истории немецкой колонизации в Российской империи. Советский и российский историк В.М. Кабузан также изучил основные направления формирования немецкого сообщества, обработал огромное количество архивных и статистических данных, проследил динамику размещения и проживания немецкого населения по регионам России более чем за 150 лет [3]. Исследователи обращали свое внимание не только на характерные элементы и черты жизни, присущие переселенцам, но и оценивали их вклад и влияние на развитие хозяйства местного населения. Это наглядно показано в работах М. Балласа, А.А. Кириша, Н.Н. Шаврова [4].

С самого начала поселения на новых землях немцы в основном ставили строения малыми группами, удаленными друг от друга, однако иногда они образовывали компактные группы. Значительный прирост приводил к образованию новых анклавов [18]. За небольшой промежуток времени (в 1764—1770 гг.) на берегах реки Волги уже возникло порядка 117 немецких колоний, в том числе в губерниях: Саратовской — 46; Самарской — 56. В ходе исполнения манифеста при реализации политики заселения многочисленные немецкие колонии появились в середине 1760-х годов в Поволжье, а в 1780-е годы — в Новороссии [19].

Колонисты из Польши переселились в Бессарабию (в 1815—1818 годах), мигрировав туда из Пруссии и Вюртемберга. С 1763 по 1767 г. распространялась основная волна переселения на Волгу. И позже (в начале XIX в.) — в Причерноморье. На юге Украины образуются 134 новых поселения, 8 поселений формируется в Крыму. В это же время возникают немецкие колонии в Грузии и Азербайджане. С начала XVIII в. также шло переселение немцев и в Закарпатье. [11]. Так в России появились жители из Германии. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 года, в России числилось 1,8 миллиона немцев.

Вплоть до конца XIX столетия Россия являлась единственным государством в мире, в которое был направлен постоянный переселенческий поток из Германии.

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что немецкие поселки отличались порядком и чистотой. К.Э. Линдемман придерживался мнения, что колонисты всегда были преданными гражданами России, помогали ее развитию и чтили как свою Родину [8].

Основу сельского хозяйства первых и последующих немецких переселенцев составляли садоводство, огородничество, табаководство и частично зерновое земледелие. Колонистам предоставлялось в пользование большое количество плодородной земли, выдавались соответствующие орудия труда и лес для строительства жилья и хозяйственных сооружений, также они получали необходимый домашний скот и освобождались от пошлин и поборов. Исследователи отмечают, что немецкие колонии довольно быстро достигали экономического благополучия и производили на современников «приятное впечатление своим опрятным и веселящим видом». Немецкие переселенцы оказали особенное влияние на развитие аграрного хозяйства местного населения [17].

В основном в сельской местности немецкие крестьяне занимались земледелием и скотоводством. Местные условия и климат помогали разводить и выращивать лошадей. Широкое развитие получило скотоводство, в особенности овцеводство, которое позволяло в достаточном количестве производить сырье для изготовления изделий из кожи и шерсти. Для обработки сырья в некоторых селах стали усиленно развиваться соответству-

ющие перерабатывающие предприятия, многие из которых занимались обработкой и выделкой овчины.

В горных районах, при скудности плодородной земли, немецкие переселенцы возводили кирпичные заводы, в которых изготовлялся не только красный кирпич, но также черепица, керамические трубы и другие строительные изделия. Изготовление и распространение строительных материалов привело к новому этапу формирования и развития строительного искусства у горских народов.

Кроме зерновых и огородных культур, в немецких колониях освоили выращивание технических культур, таких как табак и шелковица [13: с. 177]. Табачное производство в России было развито слабо, а колонисты смогли восполнить данный пробел, что способствовало вкладыванию заработанных средств в другие отрасли развития сельского хозяйства [13: с. 180]. Возведение тутовых деревьев велось колонистами неохотно. Не было опыта по выращиванию шелковицы, и, несмотря на приглашенных специалистов, данный вид хозяйствования не получил дальнейшего развития.

В соответствии с Манифестом от 22 июля 1763 г. государственную поддержку имели только те переселенцы, которые предлагали организовать производство, не получившее в тот период времени должного развития в России, и колонисты, которые занимались ремеслом, не могли полностью выйти на рынок сбыта, хотя и были востребованы, а выезд за пределы колоний было ограничен [13]. Таким образом, ремесленное производство не получило широкого распространения и осталось на стадии домашнего промысла.

Расширялись политические и экономические связи, происходило увеличение товарооборота, развитие культурного обмена и международных отношений на уровне средних слоев общества, но, несмотря на это, Россия так и не воспринималась в качестве европейского государства.

Активная миграция немецкого населения внутри Российской империи является достаточно интересным и весьма неоднозначным явлением в истории России. Основываясь на имеющихся источниках отечественных и зарубежных историков исследуемой области, можно сделать вывод о том, что в целом особенности переселения иностранцев в Россию в эпоху Екатерины II носят весьма актуальный характер как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке и представляются актуальной задачей для современного исследователя.

Литература

1. Дизендорф В.Ф. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. М., 2006. 786 с.
2. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. 496 с.

3. Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVII — начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12.
4. Кирш А.А. Сыроварение на Кавказе // Труды императорского вольного экономического общества. Вып. 3. Т. 2.
5. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб.: Типогр. В.В. Нусвальта, 1869.
6. Крапоткина И.Е. Хозяйственная деятельность немецких переселенцев в России во второй половине XVIII в. // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 12 (21).
7. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 г. Ч. 1. СПб., 1795.
8. Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля 1915 года (Об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние южной России. М.: К.Л. Меньшов, 1916.
9. Манифест 4 декабря 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVI. СПб., 1830. С. 313–316.
10. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // История российских немцев в документах. М., 1993. С. 18–21.
11. Немцы в России и СНГ, 1763-1997 / Пер. с нем. Тамары Адлер и Анетты Шульмейстер; Землячество немцев из России, Совет по культуре немцев из России. М.; Штутгарт: Землячество немцев из России и др., 1998. 64 с.
12. Об учреждении Канцелярии Опекунства иностранных колонистов // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11879. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 312–313.
13. Плевел И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008. 400 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16. № 11720.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16. № 11880.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16. № 11879, 11881.
17. Семакин С.И. Государственное управление // Электронный вестник. 2017. № 60.
18. Филимонова Т.Д., Смирнова Т.Б. Немцы // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. С. 370–375.
19. Шайдуров В.Н., Гончаров Ю.М. История немецкой колонизации в России второй половины XVIII в. В отечественных публикациях (1860–1917 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 4. С. 7–16.
20. Шпилевский М.М. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Одесса: Типогр. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.

ПРОМЫСЛОВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ МОРДОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

*М.И. СВЯТКИН,
аспирант кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск
e-mail: mihail_svyatkin@mail.ru*

Аннотация: Пореформенная эпоха характеризовалась быстрым ростом кустарных промыслов. Это явление отмечалось не только в русской, но и в мордовской деревне. В некоторых мордовских селах наблюдалось сосредоточение самых разнообразных видов кустарничества. В статье рассмотрен вопрос распределения кустарных промыслов среди мордовских селений. На основе дореволюционных статистических документов, отчетов губернских и уездных земских комитетов изучен уровень развития промысловой деятельности среди мордвы.

Ключевые слова: мордва, промыслы, ремесла, поселения, промысловая специализация, хозяйственная деятельность.

COMMERCIAL SPECIALIZATION OF MORDVA SETTLEMENTS

*M. SVJATKIN,
Postgraduate student of the Department of Russian History,
National Research Ogarev Mordovia State University,
Russia, Saransk
e-mail: mihail_svyatkin@mail.ru*

Abstract: The post-reform era was characterized by the rapid growth of handicrafts. This phenomenon was noted not only in the Russian, but also in the Mordva village. In some Mordva villages there was a concentration of a wide variety of types of handicrafts and they began to represent a kind of handicraft centers. The article pays attention to the study of the distribution of handicrafts among Mordva villages. On the basis of pre-revolutionary statistical documents, reports of provincial and county zemstvo committees, the level of development of fishing activity among the Mordva is considered.

Keywords: mordva, crafts, settlements, fishing specialization, economic activity.

Пореформенная эпоха характеризовалась быстрым ростом кустарных промыслов. Это явление отмечается не только в русской, но и в мордовской деревне. Однако по темпам развития кустарной промышленности мордовские промысловики отставали от русских. Среди мордвы были распространены те же виды кустарничества, что и среди русских.

В мордовских селениях во второй половине XIX — начале XX в. постепенно расширялось кустарное производство. Крестьяне начинали специализироваться в определенном виде кустарничества. Обычно в мордовских селах наблюдалось наличие сразу нескольких кустарных промыслов, но были и специализировавшиеся на одном. В подобных населенных пунктах, как правило, создавались кустарные артели. Сообща было легче работать, а уровень доходности и производительности резко возрастал [11; 12; 15].

Мордовский народ на протяжении истории являлся одним из самых многочисленных среди финно-угорских народностей. По данным Всероссийской переписи 1920 г., общее количество мордовского населения составило 1 154 301 человек обоого пола. Наибольшая доля мордвы была представлена в таких губерниях, как: Самарская (239 950 чел.), Пензенская (209 506 чел.), Симбирская (204 454 чел.), Саратовская (150 925 чел.), Тамбовская (108 945 чел.), Нижегородская (66 849 чел.) [13: с. 2–3].

В мордовских селениях Пензенской губернии в конце XIX — начале XX в. были распространены следующие кустарные промыслы: гончарный, ткацкий, деревообрабатывающий, кожевенный, кирпичный, корзиноплетение. Некоторые из этих промыслов, как, например, кожевенный и кирпичный, были сосредоточены в очень ограниченном районе, включающем одну-две деревни, и ими занимались небольшое число кустарей.

Широко были распространены промыслы по обработке дерева в мордовских селениях: Мордовское Баймаково, Болдово Инсарского уезда Пензенской губернии. Всего по Пензенской губернии занимались этим промыслом 2500 человек. Кустари, занимавшиеся обработкой дерева, производили такие изделия, как: сани, бочки, кадки, лопаты, телеги, колеса, полозья, навои, ведра, сундуки, столы, корыта, рамы, гребни, резная деревянная посуда [8, с. 194–195].

К деревообрабатывающим промыслам относился также и мочальный. Этот вид промысловой деятельности был развит в мордовских селениях Лемдяй Инсарского уезда и Коченяевка Карсунского уезда [16: с. 38]. Заготовкой мочала крестьяне занимались обычно в мае и в июне до дня Троицы. В это время начиналось активное сокодвижение, из-за чего луб свободно отделялся от древесины. Населенные пункты, специализировавшиеся на мочальном промысле, часто в этот период пустели. Мужчины вместе с женами и детьми уходили рано утром в лес собирать мочало. Мочальный

промысел часто сопровождался активной вырубкой лип. Со старых, рослых лип обычно получали больше луба, чем с молодых. Однако в условиях сокращения липовых рощ приходилось часто довольствоваться неокрепшим лубом молодых деревьев. Со стороны власти предпринимались попытки по ограничению мочального промысла, чтобы предотвратить уничтожение липы. Но крестьянину сложно было отказаться от мочального промысла, так как луб и мочало являлись важным сырьем и материалом и использовались для кровли крыш, изготовления лаптей, банных мочалок, рогож, кулей. Заготовка мочала продолжалась несколько недель. Часто приходилось трудиться в жаркую погоду. От тяжелой работы нередко погибали лошади. Снятием коры занимались в теплую погоду после дождя, так как в это время луб лучше отделялся от древесины [4: с. 4–5].

После снятия луб необходимо было замочить. Для этого специально рыли небольшие пруды, которые часто даже передавали по наследству. Луб отмачивали вплоть до заморозков. Плохо отмоченный луб быстро чернел. В конце сентября или в начале октября луб вытаскивали из воды и развешивали на козлах. Сушку производили в хорошо натопленной избе [11]. После того как луб полностью высохал, его раздирали на тонкие ленты. Чем дольше отмачивался луб, тем тоньше с него можно было снять мочало. Тонкое мочало пользовалось спросом, так как из него получались более качественные рогожи.

Ткали рогожи и циновки на специальном станке, представляющем четырехстороннюю раму с обыкновенным бердом. В Нижнем Новгороде циновка в первой половине XIX в. стоила 45 рублей [4: с. 7].

Луб также использовали для кровли крыш, но перед этим его необходимо было тщательно обработать. Для этого счищали с него все неровности и нагревали, чтобы хорошо просушить. Во время нагрева луб держали с двух концов, чтобы он не скрутился, а потом клали под груз, чтобы придать прямую форму. Луб для покрытия крыш пользовался спросом у населения, поэтому его производством часто занимались в рыночных целях. Цена на него колебалась от 32 до 40 рублей [4: с. 11].

Из лыка в зимнее время в избах также изготавливали веревки, канаты и лапти. На Нижегородскую ярмарку лапти привозили в больших количествах [15: с. 64]. Средняя цена на одну пару лаптей в первой половине XIX в. составляла 8 копеек. Лапти пользовались на рынке высоким спросом, так как они быстро изнашивались. Среди крестьян широко было распространено производство мочал, которые также использовались в банях во время мытья. Пуд (16,3 кг) мочал в Нижнем Новгороде в 1841 г. стоил 1 рубль. Однако не всегда крестьянам удавалось произвести и обработать большое количество мочала из-за погодных условий, что осложняло отделение коры. Это приводило к росту цен. Так, в 1836 г. из-за нехватки мочала цена на него выросла до 3 рублей [4: с. 15].

Бондарный промысел широко был распространен в Городищенском (с. Сабаново, с. Алово) и Мокшанском уездах, в которых насчитывалось около 230 кустарей-бондарей, а также в с. Ачадово, с. Анаево, с. Каргашино Спасского уезда Тамбовской губернии, с. Налитово Карсунского уезда Симбирской губернии [16: с. 37]. Бочки пользовались широким спросом у населения. Спиртовые бочки часто изготавливали из готового материала, который доставляли винокуренные заводчики. Одна бочка стоила около 60 копеек. Кровельный материал всегда пользовался спросом у населения, поэтому промыслы, связанные с его производством, были широко распространены. Производством кровельной стружки занимались в с. Сентмино Пензенской губернии. Произведенный товар продавали по 25–30 копеек за тысячу стружек и отправляли во Владимирскую, Тамбовскую, Саратовскую губернии. Стружку чаще изготавливали из осины [8: с. 194].

Рыночные цены на изделия деревообрабатывающих промыслов в конце XIX в. были следующие: бочка для спирта — 3–4 руб., боченок для конопляного масла — 50–70 коп., ведро — 12 коп., кадка — 50 коп., цинковка — 35–40 коп., рогожа от 8 до 15 руб. за сотню. Кули делились на три сорта. Первый сорт продавался по 15 руб. за 100 штук, второй — по 12 руб. и третий — по 6 руб. Телега стоила от 2 до 3 руб., сани — от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп., стан колес — от 3 руб. 50 коп. до 6 руб., спицы для колес — 80 коп. за 100 штук, стан ободьев до 2 руб., пара клещей — 25–40 коп., сундук — от 20 до 90 коп., стол — от 50 коп. до 1 руб., корыто — от 10 до 15 коп., чашка — от 2 до 10 коп., лопата — от 8 до 15 коп., тес — от 12 до 18 руб. за сотню, гребни с гребёнками — от 10 до 20 руб. за 100 пар, стружка для крыш — 75 коп. за тысячу, корье дубовое — 5–15 коп. за пуд, корье ивовое — 25–40 коп. за пуд [8: с. 196]. Деревянные лопаты на продажу изготавливали в таких мордовских селах, как Зарубкино Спасского уезда Тамбовской губернии, Найманы и Кузьмино Ардатовского уезда Симбирской губернии. Лопатники часто свои изделия продавали скупщикам, что приводило к повышению конечной цены. Если кустарь продавал лопаты по 3 копейки за штуку, то скупщики — по 8–10 коп. [14: с. 190].

Экипажный промысел был распространен в мордовских селениях Кудым и Сарга Инсарского уезда Пензенской губернии; Ачадово, Пичпанды, Тархановская Потьма, Журавкино Спасского уезда Тамбовской губернии; Дегилевка Саранского уезда Пензенской губернии; Болдасево, Маресьево Ардатовского уезда Симбирской губернии; Старое Ардашево, Лесное Плуксово, Цылино Темниковского уезда Тамбовской губернии. Высоким уровнем качества и красоты отличались изделия мордовских кустарей-тележников сел Тархановская Потьма Ачадовской волости Спасского уезда Тамбовской губернии и Дегилевка Саранского уезда Пензенской губернии [16: с. 38].

Промыслово-ремесленным производством часто занимались целые семьи. Изготовлением саней, телег, колес, полозьев также занимались в таких мордовских селениях Городищенского уезда Пензенской губернии, как с. Мордовский Ишим, с. Сабаново, с. Вичкими, д. Алово, с. Верхняя Мувала [8: с. 195].

В Краснослободском уезде Пензенской губернии в конце XIX в. было зарегистрировано около 7000 кустарей. В некоторых селах занимались разными видами промысловой деятельности. Так, например, в с. Шишкеево Инсарского уезда Пензенской губернии изготавливали сундуки, столы, деревянную посуду, чашки, корыта. Промысел по производству посуды среди мордвы встречался реже. Кустари-посудники были в с. Верхняя Мувала Городищенского уезда Пензенской губернии [8: с. 195].

Широкое распространение у мордвы получили промыслы по обработке растительного волокна. Так, например, в с. Новлей, Адашево Инсарского уезда Пензенской губернии и Гуляево Лукояновского уезда Нижегородской губернии кустари производили изделия из растительного волокна не только для себя, но и для продажи. Однако сырья не всегда хватало, поэтому крестьянам приходилось его закупать в соседних селах. Так, например, в с. Гуляево Лукояновского уезда обработкой пеньки было занято 9/10 крестьянских семей, которые круглый год закупали в ближайших селах пеньку и обрабатывали ее [16: с. 41].

Сапожным и башмачным промыслами обычно занимались мужчины. Сырье для производства чаще закупали в кожевенных лавках. Кустари-сапожники были в таких мордовских селах, как Тархановская Потьма, Кажлодка Спасского уезда; Атюрьево, Бабеево Темниковского уезда; Кулясово Ардатовского уезда, Кабаево Алатырского уезда. Сапоги в среднем стоили до 5 рублей 50 копеек, а башмаки до 2 рублей [8: с. 56]. Обувь у кустарей чаще всего приобреталась оптом скупщиками, которые занимались их продажей на крупных ярмарках и базарах.

Лапотный промысел из-за высокой востребованности в лаптях был распространен в мордовских селах повсеместно. Но наибольшая концентрация лапотников, которые занимались промыслом не только для самообеспечения семьи лаптями, но и для продажи, наблюдалась в селах Кученяево Алатырского уезда и Судосево Карсунского уезда.

Наибольшее распространение в мордовских селениях получил шерсточесальный промысел. Так, например, в Алатырском и Ардатовском уездах доля кустарей, занимавшихся шерсточесальным промыслом, среди русского населения составляла 4,2%, а среди мордвы — 13,4%. Этот промысел был распространен в следующих мордовских селениях: Болдово, Кулдым, Теризморга Инсарского уезда; Папулево, Манадыши Ардатовского уезда; Жабино Алатырского уезда, Тархановская Потьма Спасского уезда [16: с. 45].

Ткачеством занимались исключительно женщины. Второстепенные работы, как, например, разматывание пряжи, выполняли подростки. Широко распространено было ткачество в Мокшанском уезде Пензенской губернии. Изделия ткацкого промысла пользовались спросом у населения. Цены на них в конце XIX в. были следующие: сукно от 70 коп. до 1 руб. 25 коп. за аршин (71 см), мешки — по 25 коп. за штуку, подпруги — 15–20 коп., фартуки по 50 коп.

Широко распространенными промыслами в мордовских селениях были валяльный и вязальный. Так, например, кустари-валяльщики были в таких селах, как Старое Ардатово, Урусово Алатырского уезда; Старые Верхисы Инсарского уезда; Коченяевка Ардатовского уезда. Если вязальный промысел был исключительно женским занятием, то валяным промыслом обычно занимались мужчины, так как это дело требовало больших усилий. Валенки иногда расшивали женщины. В Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в. пара варежек стоила от 10 до 35 копеек, носки из серой шерсти — 25 коп., а из белой — 35–40 коп. Следует отметить то, что высокие цены на шерсть препятствовали развитию вязального и валяльного промыслов, поэтому кустари часто сами занимались овцеводством, чтобы не закупать сырье. Валенки продавали по следующим ценам: детские — от 50 коп. до 1 руб. 50 коп., женские — от 1 руб. до 2 руб., мужские — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. [8: с. 54–55].

Кузнечный промысел редко был представлен крупными скоплениями кустарей в отдельных мордовских селах. Обычно он носил ремесленный характер, и кустари чаще занимались им индивидуально. Кузнечный промысел был развит и распространен в следующих мордовских селениях: Болдово, Кулдым, Вертелим Инсарского уезда; Кочкурово Саранского уезда; Шугурово, Киржеманы, Собаченки Ардатовского уезда; Шокша Темниковского уезда; Кочелаево Наровчатского уезда; Кабаево, Дубенки Алатырского уезда. Среди мордовских кузнецов были умельцы, которые производили изделия, отличающиеся высоким уровнем качества. Так, например, в с. Кабаево Алатырского уезда кузнец Дешкин изготавливал триера, которые по качеству превосходили изделия русских кустарей из ближайших сел [16: с. 49].

Кузнечные изделия продавали по следующим ценам: кирки — 30–40 копеек, топоры 30–50 коп., подковы 5–10 коп., гвозди 4 руб. 40 коп. за пуд (16,3 кг), палицы к сохам до 1 руб. 50 коп. за штуку [8: с. 55]. Товары кузнечного промысла пользовались широким спросом среди городского и сельского населения. Металл кузнецам приходилось закупать. Часто кустари расплачивались за приобретенный материал своими же изделиями из-за нехватки денег. Торговцы закупали товары кузнечного дела по низкой цене, что было крайне невыгодно промысловикам.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. наблюдается расширение промысловой деятельности и специализация отдельных ее видов в некоторых населенных пунктах и уездах. Так, в Спасском уезде Тамбовской губернии доминировали деревообрабатывающие промыслы, в Алатырском и Ардатовском уездах Симбирской губернии — шерсточе-сальный и валяльный, в Саранском уезде Пензенской губернии широко был распространен экипажный промысел.

В настоящее время в некоторых мордовских селениях сохраняются отдельные виды промысловой деятельности. Так, например, широко распространен валяльный промысел в селах Ардатовского района Республики Мордовия — Урусово, Жабино, Старое Ардатово. В с. Подлесная Тавла Кочкуровского района мордовские мастера занимаются резьбой по дереву, изготавливают деревянные игрушки. Сохраняются такие промыслы, как вязальный, плетение корзин, столярное дело, плетение из бересты, бондарное дело и др.

Литература

1. Воробьев К.Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск: Симбирское губернское земство, 1916. 376 с.
2. Докладная записка губернского агронома о мероприятии по кустарным промыслам. Тамбов: [Б. и.], 1906. 76 с.
3. Журналы Ардатовского очередного Уездного Земского Собрания сессии 1902 г.: с прил. Сызрань: Типо-литогр. Е.М. Синявского, 1903. 291 с.
4. Кеппен П.И. О мочальном промысле // Журнал Министерства государственных имуществ. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1841. № 3. 61 с.
5. Корнишина Г.А. Функциональная структура промыслов по обработке растительного волокна в традиционном хозяйстве мордвы // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 3. С. 344–355.
6. Краткий очерк кустарных промыслов Пензенской губернии, составленный для Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 г. в С.-Петербурге // Сельскохозяйственное бюро Пензенского губернского зем-ства. СПб.: Пензенское губернское земство, 1902. 41 с.
7. Куклин В.Н. К вопросу о ткачестве у мордвы // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. С. 176–188.
8. Кустарные промыслы: текущая статистика за 1895/96 сельскохозяйственный год. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. 200 с.
9. Лузгин А.С. Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 216 с.
10. Лузгин А.С. Народные промыслы мордовского края. Вторая половина XIX — начало XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2016. 272 с.
11. Мокшина Е.Н., Святкин М.И. Традиционные хозяйственные надворные постройки мордвы // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 2. С. 154–165.

12. Мокшина Е.Н., Святкин М.И. Религиозные обряды и праздники мордвы-эрзи, связанные с жилищем и хозяйственными постройками // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 2 (50). С. 145–153.
13. Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние / Под ред. Г.А. Полумордвинова. Пенза: Издание агитационно-пропагандистского отдела Пензенского губкома В.К.П.(б), 1927. 137 с.
14. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Темниковский уезд. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1883. Т. 4. 459 с.
15. Святкин М.И. Плотничество в хозяйственной деятельности мордвы // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 1. С. 58–67.
16. Фирстов И.И. Основные виды кустарных промыслов в пореформенной Мордовии // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. С. 25–58.
17. Фирстов И.И. Отхожие кустарные промыслы мордовского пореформенного крестьянства // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. С. 99–131.

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИЕВСКОЙ РУСИ

*Е.В. СТЕФАНИШИНА,
аспирант кафедры философии,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»,
Россия, г. Луганск
e-mail: eliza.veta.1995@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы патриотизма в художественных произведениях Киевской Руси. В статье на материалах литературных произведений рассматривается процесс становления и эволюции патриотических идей и концепций древнерусского народа. Летописи, поучения, житийная литература этого периода являлись отражением мировоззренческих основ и патриотических ценностей общества.

Ключевые слова: патриотизм, культура, народ, летопись, христианство, Киевская Русь.

THE IDEA OF PATRIOTISM IN THE ART WORKS OF KIEVAN RUSSIA

*E. STEFANISHINA,
Postgraduate student of Department of Philosophy,
State Educational Establishment of Higher Education of Lugansk People's Republic
"Lugansk Vladimir Dahl State University",
Russia, Lugansk
e-mail: eliza.veta.1995@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the study of the problem of patriotism in the artistic works of Kievan Rus. The article examines the process of formation and evolution of patriotic ideas and concepts of the ancient Russian people based on the materials of literary works. Chronicles, teachings, hagiographic literature of this period were a reflection of the worldview foundations and patriotic values of society.

Keywords: patriotism, culture, people, chronicle, Christianity, Kievan Rus.

Письменность восточных славян зародилась в первой половине IX века. В «Житии» славянского просветителя Кирилла сохранилась легенда, что он

в 860 году видел в Крымском Херсонесе (Корсуне) книги, написанные «русскими письменами».

Исторические источники свидетельствуют о том, что русская письменность была распространена в Хазарии вместе с древнееврейской. Глиняный сосуд со старинной русской надписью «гороухша» (горчица) середины X в., обнаруженный в 1949 году в одном из смоленских курганов, стал главным доказательством того, что письменность была известна в Киевской Руси до крещения.

К особенностям письменной культуры на Руси можно отнести формирование двух типов литературного языка: церковнославянского и близкого к просторечию древнерусского. Первым была создана церковно-поучительная и житийная литература, а древнерусской велась деловая переписка, составлялись правовые акты («Русская Правда»), летописи, памятники светской литературы («Слово о полку Игореве»). В современном переводе М.Ф. Рыльского «Слова о полку Игореве» оба языка влияли друг на друга, взаимно обогащаясь. Оба они были понятны и близки людям, и сам факт введения богослужения на славянском языке был заслуженно оценен в «Повести временных лет»: «И рады были славяне, слушая о величии божьем на своем языке», а «словенский язык и русский одно есть» [5].

Письменная литература, сформировавшаяся на Руси в начале XI в., базировалась на двух основных источниках: устном народном творчестве и христианских традициях, пришедших из соседних государств, в основном из Византии.

Героические и обрядовые песни, поговорки, пословицы, загадки, заговоры и заклинания были широко распространены в произведениях литераторов того времени. По словам автора «Слова о полку Игореве», народные мотивы легли в основу творчества «вещего Бояна», которого он называл «соловьем старого времени». Народные песни и легенды широко использовались летописцами. От устного народного творчества Древней Руси в фольклоре сохранились яркие образцы обрядовой поэзии — песни и щедровки.

Вершиной устного народного творчества стал героический былинный эпос, сложившийся X в. и получивший свое развитие в XI—XIII вв. Основной темой былин киевского цикла была борьба с иностранными захватчиками, идея единства и величия Руси. В древнейших былинах народ идеализировал свое прошлое, когда крестьяне еще не зависели от феодалов. Оратай Микула Селянинович свободен и богат, богатырь Никита Кожемяка — бесстрашный защитник Родины. Истинно народными героями стали позже Илья Муромец, погребенный в пещерах Киево-Печерской лавры, упорный галичанин Дунай, волынец Михаил Казарин, ростовец Алеша, рязанец Добрыня, новгородец Садко. Их имена сохранились в памяти народа как символ мужества, отваги и доблести древних

русичей. Устное народное творчество оказало непосредственное влияние на письменную литературу.

С принятием христианства переводная литература начинает играть огромную роль. В литературных отношениях Киевская Русь стремилась к Византии — центру античных и восточно-средиземноморских ценностей. Церковные и светские произведения на греческом и других языках начали поступать из Константинополя в Киев вскоре после введения христианства. Одним из первых был перевод Евангелия, подготовленный диаконом Григорием в Киеве для новгородского посадника Остромира — Остромирово Евангелие. Распространялись также и апокрифические произведения — произведения религиозного содержания, не канонизированные церковью [9].

Древнерусские книжники подходили к переводу творчески: церковная литература воспроизводилась с максимальной точностью, а светские произведения часто перерабатывались, в результате чего, вероятно, получалось оригинальное произведение. Так были обработаны «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть об Акире Премудром», «Хроника» Иоанна Малалы, которая живо передавала библейские предания, легендарные истории Вавилона, Египта, Греции, Рима и Византии.

В дальнейшем на Руси появились оригинальные произведения. Пожалуй, первым самостоятельным жанром древнерусской литературы было летописание. Его начало восходит к концу X в. «Повесть временных лет» представляет собой летописный свод, созданный в начале XII в. монахом Нестором на основе нескольких старинных летописей X—XI вв. Одним из преимуществ Нестора является то, что он объединил местные, региональные записи «за летами» в единую общероссийскую летопись.

Древнерусские летописи значительно отличаются от западноевропейских и византийских с их придворно-феодальной и церковной тенденциозностью. Безусловно, русские летописи тоже не избежали этого, но они были более широкими по содержанию, пытаясь совместить задачи исторического рассказа, публицистики, религиозного просвещения и художественного повествования.

Исследуя возникновение древнерусской литературы после принятия христианства, мы не должны забывать о ее богатстве прежде всего своим национальным мироощущением. Древнерусские книжники призывали любить Родину, формировали патриотизм и желание исправлять недостатки общества. Апогеем художественного творчества в сочетании со сложным и довольно противоречивым видением мира (язычество с телесно-чувственным представлением о мире, в котором человек «растворен» в природе, и христианство с его привлечением к отказу от греховной жизни и человеческой ориентации на «божественные ценности»), стала героическая повесть-песня «Слово о полку Игореве». В ней представлен

широкий спектр народной символики, мифологии, обычаев, на основе которых формулируются основные моральные требования, предъявляемые воинам в борьбе с кочевниками, утверждалась рыцарская добродетель защитников государства. На примере неудачного похода князя Игоря Святославича автор показывает последствия раздробленности.

Тонким лиризмом пронизан образ Ярославны. «Слово о полку Игореве» — живое доказательство того, что даже после политической раздробленности страны в литературе продолжалось развитие традиций и идей, заложенных в едином Киевском государстве.

Среди произведений об отечественных героях отдельное место занимает «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — первое художественно-публицистическое панегирическое (похвальное) литературное произведение в честь Ольги, Владимира и Ярослава Мудрого. Патриотическая идея общественно-политической, религиозной и культурной независимости Руси воплотилась Иларионом в художественной форме. Основываясь на традициях христианской философской мысли, он доказал, что Закон, который Моисей дал только одному «старому» народу благодаря Благодати и Истине, будучи принесенным Иисусом Христом всему человечеству, делает все народы равными перед Богом. Поэтому Русь, которую крестил Владимир, не требует от «старших» никакой духовной защиты. «Слово» Илариона надолго оставалось образцом проповеднической литературы [8].

Летопись-автобиография, которую Б. Рыбаков рассматривает как своего рода предвыборную программу, — это «Поучение Мономаха детям». Хронологически оно охватывает период 1066–1117 гг. «Поучение» написано для детей — наследников государственной власти. Основная идея произведения — призыв к бескорыстному служению Родине, объединению князей. Герой произведения — мудрый государственный деятель, опытный хозяин и прекрасный семьянин. «Поучение» было морально-философской автобиографией Владимира Мономаха, в котором идеальный правитель противопоставлялся князьям, заботящимся только о собственном богатстве и власти.

Примером эпической поэзии, сочетающей рыцарскую храбрость, патриотизм и отвагу с письменной фиксацией, пением и частичным устным речитативом, была повесть-песня «Слово о полку Игореве». Созданное между 1185 и 1187 гг. неизвестным автором, «Слово» остается непревзойденным шедевром отечественной художественной литературы. Оно выделяется не только искусной формой, сочетанием поэтических средств, связью с народной традицией, но и переполнением его содержания языческими элементами. Автор часто использует языческие образы, потрясает также количество славянских богов. Это свидетельствует о жизнеспособности языческих традиций в древнерусском обществе и возникновении

двоеверия в сознании народа, которые объединили христианские традиции с язычниками [4].

Идеи патриотизма, единства русской земли, нравственного развития личности становятся основным содержанием просвещения на киевских землях. Особое значение в этом отношении имеет памятник древнерусской литературы — «Поучения» Владимира Мономаха — в котором содержится ряд нравственных наставлений, направленных на формирование гуманистического мировоззрения. С педагогической точки зрения особого внимания заслуживают «Изборники Святослава» 1073 и 1076 годов. Первый содержал отрывки из произведений византийских богословов, философов и писателей. Эта книга стала своеобразным учебником по биологии, астрономии, медицине, логике, математике. «Изборник» 1076 года содержал наставления по морально-этическим вопросам. Благодаря культурным связям с Византией, такие дисциплины, как философия, диалектика, грамматика, становятся популярными на Руси. Произведения Платона, Аристотеля, Сократа, Эпикура становятся главными источниками развития древнерусской философской мысли. Введение христианства имело важное значение для развития философского мышления. В рамках Киевской культуры развился присущий украинской духовной традиции тип мышления, не склонный к абстрактной философской теоретизации, в результате чего в Киевской культуре сложилось понимание философии и философа. В эпоху Киевского государства были заложены основы философского мышления, происходили усвоение и переработка элементов византийской и восточной философских культур. На этой основе развивались элементы духовной культуры Руси, росло представление о человеке и гармонии с окружающим миром. Киевские книжники выступали за мир между народами, отстаивая идеи общности человечества, равноправия народов, духовное совершенствование человечества.

В похвале «великому кагану» Владимиру патриотический пафос Илариона достигает наивысшего напряжения. Его патриотизм проявляется не только в отношении Русской земли, которая «дома и слышима есть всеми четырьмя концами замка», «славного града Киева... величеством сияющая», но и по отношению к русским князьям-язычникам, предшественникам Владимира, — Святослава и Игоря — князей, прославившихся в свое время отвагой и мудростью, которых помнят и почитают по сей день [7].

«Слово о законе и благодати» Илариона — выдающееся произведение древнерусской литературы первой половины XI в. В художественной форме оно воплощает патриотическую идею независимости Руси во всех сферах общественной жизни, прославляя ее выдающихся и культурных деятелей — Владимира, Ольгу, Ярослава. «Слово» вышло из культурного окружения Ярослава Мудрого, поэтому влияние господствовавших в то

время идей в киевском обществе, которое автор преследовал с большим упорством, не только в литературе XI в. (в «Слове» и в древнейшей части «Повести временных лет»), а и в светской монументальной живописи — ктиторской фреске Софийского собора и росписях башен.

Одним из паломников, посетивших «святые места» между 1106–1108 гг., был игумен Даниил — выходец из Русской земли (вероятно, с Черниговщины). Он начал свое путешествие с Константинополя, откуда отплыл в Яффу в Палестине, а затем шел в Иерусалим с другими паломниками. Здесь он поселился в палестинском монастыре Св. Саввы, где прожил 16 месяцев. Даниил не только исследовал легендарные памятники библейской истории, но и дал подробное описание всего увиденного, воспроизведя топографию средневековой Палестины, записав множество легенд и апокрифических сказаний. Его произведение — «Житье и хождение Данила Русской земли игумена» пронизано идеей любви к родной земле. Путешествуя за пределами родины, Даниил всегда чувствовал себя представителем Руси [1].

Большинство словарей определяют патриотизм как любовь к Родине. В частности, по Академическому толковому словарю, патриотизм — это любовь к своей родине, преданность своему народу, готовность на жертвы и подвиги ради них. По философскому словарю, патриотизм — (греч. *patre* — родина) — общественный и моральный принцип, характеризующий отношение людей к своей стране, проявляющийся в определенном образе действий и сложном комплексе общественных чувств, который обычно называют любовью к родине.

Особого внимания заслуживает литературная «заметка» «Слово о гибели русской земли» (примерно в 40-е годы XIII в.) в связи с татаро-монгольским нашествием. Она представляет научный интерес как сама по себе, так и в связи со «Словом о полку Игореве». Оба произведения характеризуются высоким патриотизмом, лирическим восприятием природы, совершенством художественной формы и особыми деталями поэтической фразеологии. В этих светских произведениях сочетаются элементы прославления и плача, главный герой — русская земля. Памятник найден в Псково-Печерском монастыре; впервые опубликован в 1892 г. в «Памятниках древней письменности».

На сегодняшний день в философском дискурсе ведутся поиски общих подходов к пониманию современной концепции патриотизма, однако это понятие достаточно четко определено на государственном уровне. В нем патриотизм трактуется как «любовь к Родине, преданность своей стране, стремление служить ее интересам и готовность жертвовать собой ради ее защиты» [3]. Конечно, во времена древнерусского государства не существовало четко определенного понятия патриотизма, да и сам термин «патриотизм» появляется в русском языке гораздо позже, но это ни-

как не означает отсутствия любви к Родине и вере, желания и готовности служить им и защищать их, стремлений и действий, которые в наше время называют патриотическими.

На страницах толкового словаря Д. Н. Ушакова можно встретить определение, которое гласит, что патриотизм — это любовь, преданность и привязанность к отечеству, к своему народу. В этом же словаре находим, определение слова «патриот» — это человек, преданный своему народу, любящий отечество, человек, который готов на жертвы и подвиги ради интересов своей родины, своей страны [10].

В русской культуре патриотизм проявлялся в любви к Отечеству, защите от внешних нападений, в единстве русской земли. В литературных памятниках Древней Руси отсутствуют слова «Родина», «патриотизм», но широко пользовались успехом слова «Русь-матушка», «Русская земля», «земля святорусская», «Святая Русь». Достаточно вспомнить такие произведения, как «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о Законе и Благодати», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В русской литературе тема патриотизма всегда была одной из важнейших.

Такое отношение к патриотизму связано с тем, что Российскому государству практически две трети своего существования приходилось воевать, защищая русскую землю.

Первые свидетельства появления патриотического сознания относятся к временам древнерусского государства. Со времен Киевской Руси до наших дней сохранились литературные памятники, где впервые предпринимались попытки осмысления места славян, Руси, православной веры в действовавшем геополитическом пространстве, которые являются началом формирования древнерусской патриотической концепции. Среди них, прежде всего, «Слово о законе и благодати» первого киевского митрополита Илариона, избранного на митрополичью кафедру собором русских епископов и поддержанного Великим князем Ярославом Мудрым в 1051 г.

Испокон веков защита Родины считалась высшим человеческим долгом у народов России. Общественное сознание русского народа прочно ассоциировалось с патриотизмом и исполнением воинского долга по защите Родины. Российские офицеры и солдаты всегда были носителями патриотической идеи бескорыстного, самоотверженного служения Отечеству. Они по праву считаются самым патриотичным слоем нашего общества, а патриотизм — душой Русской армии. Патриотизм, как и идея объединения русских земель в борьбе против общего врага, отчетливо прослеживается в «Повести временных лет» — наиболее ранней из сохранившихся летописей Древней Руси начала XII в. Кроме того, идеями патриотизма наполнены также проповеди святого Сергия Радонежского. Его считают духовным собирателем русского народа, с которым связан культурный

идеал Святой Руси и зарождение русской духовной культуры. Преподобный Сергей Радонежский — основатель множества монастырей, в том числе подмосковного Свято-Троицкого монастыря (ныне Троице-Сергиева Лавра). Преподобный Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на ратный подвиг в походе на Мамаю. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Сергей, несмотря на запрет инокам принимать участие в боях под угрозой отлучения от Церкви и гибели бессмертной души, благословил на битву добровольцев, выступивших против преступной орды Мамаю не только с крестом, но и с оружием у руках, двух схимонахов боярского рода — опытных в военном деле Пересвета и Ослябю, которые погибли как настоящие патриоты своей Родины во время Куликовского сражения.

Литературные произведения Древней Руси проникнуты любовью к Родине. «Слово о полку Игореве», написанное в XII в., является одним из них. В основе сюжета лежит описание похода русских князей на половцев, организованного князем Игорем Святославичем в 1185 году.

Уже в самом начале «Слова...» проявляется патриотизм произведения, когда автор демонстрирует нам характер повествования: «Да начнется песнь ему по былям нашего времени — не по замыслению Боянову!» Требуется немалое мужество, чтобы вместо традиционного прославления и величания князей отважиться преподать им урок.

Приемы ораторской речи в произведении — риторические вопросы, восклицания, призывы — служат для выражения патриотической идеи «Слова...». Остро, четко, убедительно звучат и речи князей («И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше в битве пасть, чем в полон сдаться... Хочу, — сказал, — копье преломить у степи половецкой с вами, русичи! Хочу голову свою сложить либо испить шеломом из Дону»), и собственный голос автора: «Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича... не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?.. Заградите в поле врата своими острыми стрелами за землю русскую, за раны Игоря!...» [8].

Помимо описания широких границ родной земли, автор прибегает к элементам одушевления природы. Так, например, природа пытается предупредить князя об опасности запланированного похода с помощью солнечного затмения, а уже в пути звери и птицы пытаются помешать внезапному нападению на врага криком и свистом.

Природа не просто пытается предупредить князя об опасности, она разделяет его переживания: радуется, когда Игорю удастся сбежать из плена, или плачет, теряя листву деревьев, когда он терпит поражение в битве.

К не менее выдающимся произведениям древнерусской литературы относится «Слово о законе и благодати». Оно представляет собой торжественную речь митрополита Илариона в середине XI века.

В силу характера исторического процесса любовь к Родине четко закрепилась в воинском долге, который был признан обязательным для любого мужчины. В традициях русского воинства — высокий боевой дух, отвага и бесстрашие на полях сражений, жертвенность и преданность долгу и Отечеству. Еще в X в. Князь Святослав Игоревич перед битвой с византийцами при Доростоле (Болгария) обратился к воину со словами: «Так не посрамят земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор. Если же победим — позор нам будет». Понимание выбора воинского служения отразилось в словах русского богатыря и монаха Киево-Печерского монастыря святого преподобного Илии Муромца, жившего в XII в., который не пожелал занять место воеводы и отвечал: «Мое богатство — сила богатырская, мое дело — Руси служить, от врагов ее оборонять». Святой князь Александр Невский выразил сакральный характер защиты Отечества: «Не в силе Бог, а в правде!»

Рассматривая патриотическое воспитание молодых людей в Древней Руси, без сомнения, можно обнаружить древние письмена и сводки того времени, имевшие патриотическую направленность. Особенно это заметно в пословицах, поговорках и просьбах. Например: «Где родился, там и пригодился», «Помоги, земляца мне родная», «Своя земля и в горсти мила», «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило» и т.д. Важную роль в повышении военно-патриотического воспитания молодежи сыграли русские народные сказки и былины, поскольку они указывали ей на определенные нравственные приоритеты [1]. Например, всеми любимые былинные герои — Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич — по сей день являются образцами идеальных защитников Родины как для солдат, так и для подрастающего поколения.

Привитие любви к Родине, желания отстоять ее было и остается первоочередной задачей государства и общества. Идеал храброго, отважного солдата, преданного Отечеству, верного, надежного товарища и друга, готового помочь в трудную минуту, проходит красной нитью через всю русскую культуру.

Литература

1. Артамонов В.А. Патриотизм и державное сознание в России: становление и эволюция IX–XX вв. // Патриотизм — составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М., 2010. С. 10–42.
2. Денисов Н.Г. Патриотическая культура эпохи перемен: Монографический сборник. Краснодар, 2015. 387 с.
3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (про-

- токол № 2 (12)-П4 от 21 мая 2003 г.)). URL: <http://base.garant.ru/6148105/> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд? Монография. Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. 120 с.
 5. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М., 1978. С. 24–55.
 6. Поучение Владимира Мономаха // Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Худ. лит., 1969. С. 146–171.
 7. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997. С. 3–14.
 8. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.-Л.: Наука, 1966. 619 с.
 9. Стрельцов А.С. Об истоках русского патриотизма // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 39–55.
 10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.). URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1168811>.

РАБОТЫ МАГИСТРАНТОВ И СТУДЕНТОВ

КУЛЬТУРНОЕ СХОДСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

*А.Х. МАСУМИ,
магистрант исторических исследований Средней Азии и Кавказа,
Тегеранский факультет литературы и гуманитарных наук,
Тегеранский университет,
Исламская Республика Иран, г. Тегеран
e-mail: masomya@ut.ac.ir*

Аннотация: Россия и Ближний Восток имеют давние исторические связи. Эти отношения делятся столетия и столетия, и каждый период имеет свои особенности. Отношения России с Ближним Востоком можно в определенном смысле разделить на разные периоды. Будучи ключевым игроком на Ближнем Востоке, Россия использует свое традиционное влияние, обусловленное историческими связями. Особенно, когда речь идет о разрешении современных региональных споров и проблем. Страны Ближнего Востока ценят нейтралитет и осторожный подход России, которая стремится решать все вопросы в регионе в соответствии с международным правом. В последние годы сотрудничество России со странами региона расширяется, а ее доминирование и влияние на Ближнем Востоке растет.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, культурное сходство, Иран, Турция, Египет.

RUSSIAN AND MIDDLE EASTERN CULTURAL SIMILARITIES: PAST, PRESENT, AND FUTURE

A. MASUMI,

*Graduate student of historical studies in Central Asia and the Caucasus,
Tehran Faculty of Literature and Humanities,
Tehran University, Tehran
e-mail: masomya@ut.ac.ir*

Abstract: Russia and the Middle East have long-standing historical ties. The relationships have lasted for centuries and centuries, and each period has its own characteristics. Russia's relations with the Middle East can be divided into different periods, in a sense. A key player in the Middle East, Russia makes use of its traditional influence as a result of its historical ties. Especially when it comes to resolving today's regional disputes and challenges. Countries in the Middle East are appreciative of Russia's neutrality and prudent approach, which seeks to resolve all issues in the region in accordance with international law. Russia's cooperation with the countries of the region has expanded in recent years, and its dominance and influence in the Middle East is growing.

Keywords: Russia, Middle East, cultural similarities, Iran, Turkey, Egypt.

Russia and the Middle East have a long history of relations. Numerous economic, cultural, and spiritual ties exist between Russia and the nations of the region. Due to these ties, Russia has become a key player on the Middle East scene, especially when it comes to resolving the region's conflicts and challenges. Middle Eastern countries, on the other hand, have always had great faith in Russia and its foreign policy. The countries of the Middle East appreciate Russia's neutrality and deliberate stance, which seeks to resolve all issues in the region according to the principles of international law. Thus, Russia's mutually beneficial cooperation with countries in the region has expanded in recent years. There have been several meetings between Russian and Middle Eastern leaders, and Moscow has also attempted to increase its presence in Middle Eastern organizations and institutions, such as the Organization of the Islamic Conference. Many powerful countries view the Middle East as an oil-producing region that can supply their energy needs. It is also natural that Russia is interested in acquiring these resources to maintain and complete its dominance in the energy market. Russian goals and strategies are very different from those of other influential players in the region. In fact, although Russia shares the same interests as the West in issues like the fight against terrorism, the peace process, the prohibition of weapons of mass destruction, the fight against drug trafficking and organized crime, the changing of military systems and the spread of Western liberalism in the countries in the region are of major concern to Russia. [1: p. 34].

The Russian involvement in the Middle East has deep historical roots. More than two hundred years ago, Russia's main foreign policy objective was to drive out the Ottoman Empire from the Balkans and the Black Sea region. Iran was divided into Russian and British spheres of influence. The main reason for Russia's entry into World War I was due to claims to Constantinople and the Bosphorus with the Dardanelles. From the mid-1950s, the Soviet Union actively engaged in Middle East politics, escalating quickly into an intense rivalry with the United States. As a result, Algeria, Egypt, Iraq, Libya, South Yemen, and Syria were all Soviet satellite countries and were de facto allies of the Soviet Union during the Cold War.

Iran

Culture and cultural exchange are vital pillars of international relations. Cultural relations are a vital part of international relations today, and any country that can establish constructive and fundamental cultural relations by utilizing cultural similarities and differences will be more successful in securing its political and economic interests. As senior officials of both countries have stressed, Iran-Russia relations should be strategized within the context of comprehensive cooperation, and this should be achieved through cultural ties and social affinities. Different concepts perceived as different kinds of interactions based on cultural diversity. Coexistence, understanding, dialogue, unity, and convergence of cultures are concepts that are well suited to the model of trade and relations between nations defined by culture, Cultural ties between Iran and Russia have always been important and prioritized, and their essence has been mainly political and security-oriented. Culture can provide a suitable platform to increase the share and role of elites in the development of bilateral relations, in addition to stabilizing these relations through interaction between the two countries. Including increased relations through government actors and increased bilateral economic presence in the region, but the level of cultural cooperation, particularly cultural intellectual interactions among elites, has decreased. The plant has not grown much. Perhaps the obvious reason for this disparity was the dominance of geopolitical interests. [2: p. 70].

“In both cultures there are structures that show absolute obedience to the ruler, such as Shah, Khan in Persian and Tsar and Knyaz in Russian.” During the mid-19th century, when European culture began in Iran and Russian culture became a part of it, Iranian society became more familiar with Russian culture. Russia's liberal-democratic and revolutionary ideas infiltrated Iran at the beginning of the twentieth century, which gave rise to educational activities, a progressive press, and new forms of literature. Iranians became acquainted with Russian literature during the first decades of the twentieth century. Gribaydov and L. Tolstoy have been translated into Persian. A. Pushkin, A. Chekhov. At the

beginning of the twentieth century, a Russian society formed in Iran, whose representatives contributed significantly to the development of performing arts, painting, and architectural photography. In recent years, Russian borrowings have also been introduced into the Persian language, illustrating the close connection between the two cultures. [3: p. 141]. The Russian society of today wants to establish ties with Iran, including “Alexander Dugin” and “Sergey Kurginyan,” who are elites and experts in Russian politics and have repeatedly emphasized the significance of Iran. In addition, it is not incorrect to say that the proponents of relations with Iran in Russia are staunch believers in “Eurasianism” and a “multipolar world.” Russia regards Iran as a great geostrategic asset; First, Iran and Russia share common interests regarding Syria and Afghanistan, and second, Russia sees Iran as a counterweight to extremist Sunnis who are Russia’s enemies. There are two issues that are of greater concern for the Russian elite; the first is Iran’s desire to develop its nuclear program for security reasons rather than to acquire nuclear weapons. Iran is also a potential ally and partner for Russia. Russian journalists, bloggers, and experts hold both views. The Iranians believe that Iran is a natural ally with common values and interests with Russia, which could upset the balance of influence of Russia, the enemy of Russia. Iran and Russia have many cultural similarities; There is a dichotomy in the discussion of religion in Iranian society: on the one hand, Iranians are pure Muslims, whose Shiite religion, like ancient culture, is a fundamental part of their lives, and on the other hand, part of society does not have a good view of religious people. In Russia, a similar situation occurs. ‘Byzantine’ Caesar wanted the power of religion, and Russia is his heir. Iran is an example of this, where the top of the pyramid of power is a combination of government and religion. Iran’s politics are entirely aligned with the country’s leaders, who are religious men, politicians, and scholars. Both countries consider themselves to have a long and rich history of empire and multiethnic culture. Empires must maintain their structure at the expense of dealing seriously with ethnic separatism.

Turkey

Russia has different views on Turkey because of the tumultuous history between the two countries. Due to the ongoing war between Russia and Turkey, For centuries, they centered powerful multi-ethnic and multi-religious empires, united around vast territories inhabited by people of different nationalities. Until the twentieth century, both empires followed religious-Orthodox and Sunni Islam, during which intense competition led to twelve wars. some see Ankara as an enemy. Some, however, wish to expand relations with Ankara, given the country’s geopolitical and strategic significance in Eurasia and the Middle East. As a result, economic relations between the two countries expanded, including Turkish companies engaged in construction in Russia, extensive

luggage trade between the two countries, and an increase in the number of Russian tourists in Turkey. The beginning of new Russian-Turkish relations can be dated back to December 2004, when President Vladimir Putin made his first official visit to Turkey, leading to the signing of a joint declaration about strengthening friendship and multidimensional cooperation between the two nations. In 2005, Erdoğan's visit to Russia marked a turning point in Russian-Turkish relations. Growth in trade between Russia and Turkey is dependent on several factors, including the reduction of mutual suspicions, the adoption of relatively independent policies against the United States and the European Union, opposition to radical Islamism, and convergence in South Caucasus policy. Moreover, there are no ideological differences between Russia and Turkey and no obstacles to the establishment of relations in all fields. Especially since the Russians are satisfied with the independent foreign policy of Turkey and consider it in accordance with their interests and goals. As a result, it appears that the shortcomings that existed in relations between Russia and Turkey have been removed completely, and both countries can now cooperate in the vast Eurasia region and complement each other's efforts. [1: p. 46].

Both Russia and Turkey are geographically located in Europe and Asia. Russia is promoting the idea of a Eurasian Union. Much of Turkey, like Russia, is in Asia. Both have a complex sense of self-identification. People in both Russia and Turkey are divided into those who want to integrate with Europe and those who want to develop independently. There are many women on the streets of Istanbul who dress according to Islamic traditions. 15 years ago, this was not the case. There has been a massive movement of people from small towns and villages in the Asian part of the country to Istanbul. Religious reinforcement is also expected in the European part of Russia.

Egypt

The Russian pays particular attention to its relations with Egypt, one of the most important countries in the Middle East. For several centuries, Egypt has played an important role in the cultural and economic leadership of North Africa and the Arab world because of its unique location at the meeting point of Eurasia and Africa. Moreover, there are a number of important political factors that shape the relations between the continent and Moscow on top of that. Unlike Russia, Egypt is not a major petroleum and gas producer and does not compete with it on the global energy market. Secondly, Egypt is a country that views Islamic fundamentalism as a threat. Moscow has no reason to believe that Cairo is supporting insurgents or fundamentalist Islamic movements in Chechnya. Russia and Egypt have had extensive trade relations for a long time, and Egypt is one of the largest buyers of Russian products, especially wheat. In a way, Egypt relies on Russian wheat and food. In addition, cultural relations are of

great importance as well. There is a long-standing cultural relationship between the two countries as well. Archaeologists and historians such as I.V. Tashkinov, N.S. Novgorodov, Y.D. Petukhov, and A.T. Fomenko discuss the migration of modern and ancient Egyptians from Russia. Over half a million Russian tourists visit Egypt every year. [1: p. 47].

Al-azhar University in Cairo, the largest university in the Islamic world, will welcome thousands of Russian Muslim students in 2021. According to the Russian Ministry of Education and Science, more than 12,000 Egyptian students will study in Russia by 2021. As part of the Russian government's scholarship program, 110 free scholarships have been provided to the Egyptian side for the academic year 2022–2023. With the high demand for Russian education among Egyptians, this number is likely to increase in the near future. In the gates of North Africa, Russia is consolidating its soft power and cultural influence.

Conclusion

As a great state, Russia sees itself as a reflection of a divine command, a kind of justice, and a sublime truth. Based on ideological, historical, and religious factors, this understanding has deep cultural roots. Particularly, Russian mythological narratives depict Europe in a protective and liberating light. As examples, Napoleon Bonaparte, Hitler, and part of the Mongols. Christians play a major role in history. Moscow as the third Rome, Russia as the protector and supporter of the Slavs, the Soviet Union as the model and source of the communist, socialist, and democratic revolutions in the world and the Russian world. Russia's culture and worldview have a national and international mission that goes beyond domestic security and welfare. [4: p. 173].

Language and tradition are not the only similarities between Russia and the Middle East. Similarities and similarities emerged from an Eastern perspective, i.e., from a security and political perspective, like those of other countries in the region, and later emerged as trade and economic relations. With this view of Moscow, along with the importance of the near abroad and the unique cultural, social, and ethnic similarities between Russia and the Middle East, Russia thought of increasing its influence and power in this region after the geographical expansion of the Tsarist Empire. We are witnessing its peak right now and the need to expand its influence after increasing energy importance and the attention of Russia's enemies. As a result of the need, penetration is likely to increase sharply through the desired tools. Radio and television, public diplomacy, free education, special research centers and study missions abroad, and publications can all be considered. Russian influence, along with its increasing reliance on the tools of influence and cultural and social dominance of the Middle East and the need for security attention, goes beyond a cultural and political relationship. Due to the need to contain Russia's enemies and create a barrier against them,

Russia has been expanding its sphere of influence in the Middle East. Although Moscow needs extensive and cordial relations with most of the Middle East, this influence can vary depending on the political and cultural context. We need to pay attention to the economic importance of Africa, which includes cheap labor and abundant natural resources. Because of its geographical proximity to Iran and Turkey, etc., Russian cultural conditions are better, and there are more grounds for influence. Due to these limitations, such influence in Egypt is less than in Iran and Turkey. The result should be an increase in influence while maintaining and promoting Russia's soft and mixed power in the Middle East.

Influence isn't easy to achieve. Due to the religious and Islamic nature of most Middle Eastern countries, Russia lacks access to important cultural sectors such as dance and song. People of the Middle East wear special clothing, especially women, which poses a problem for the exercise of soft power. Second, despite the strong religious beliefs in the Middle East, the Russian Orthodox propaganda is largely impossible. Therefore, Russia may not have to face the challenges it faces in overcoming these issues, and emphasis will be placed on commonalities; However, finding a solution will increase Russia's cultural and social influence. The reason for this is the opinion and attention of the people in Russia and the Middle East. With its careful planning and budgeting, Russia will usher in a new chapter in cultural and social relations in the Middle East, and reinforce Russian cultural ties and cultural commonalities as a result of strong political and economic ties. The process began with the establishment of Russian study centers and scientific research networks in the Middle East, followed by the Expansion of Russian language instruction in the Middle East and the creation of scholarships for students in these countries.

Literature

1. Athari, S.A. Bahman, Shoaib. New Russia and the Middle East, Strategies and Challenges. *Quarterly Journal of International Relations Studies*. 2009, 4 (17), 33–64.
2. Jahanparvar, Tahereh. Mohammad A.R. The role and function of cultural dialogue in cultural relations (with an emphasis on Iran-Russia cultural relations). *International Politics and Relations Third Fall and Winter*. 2018, No. 2.
3. Dunaev E.V. Russia and Iran: features of development and problems of intercultural communication. *Observatory of Culture*. 2014, No. 94(55).
4. Haji Yousefi, A.M. Zolfaghari, Abbas. The Strategic Culture and Foreign Policy of Russia in the Middle East. *Foreign Relations Year 9 Summer*. 2017, No. 2.

ЭКЗАРХАТЫ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ НА ЗАПАДНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

*Д.А. ЗАСТРОЖНОВА,
студент Московского городского педагогического университета,
Россия, г. Москва
e-mail: dazs97@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме экзархатов РПЦ за рубежом и на приграничных территориях СССР во второй половине XX века. В работе уделено особое внимание взаимоотношениям РПЦ и РКЦ. Автор приходит к выводу, что, как бы Ватикан ни заявлял об общем прошлом с православием, стремление доминировать в религиозных вопросах всегда перерастало у католиков в политику прозелитизма, что осложняло отношения между Московской Патриархией и католичеством.

Ключевые слова: Ватикан, Московская Патриархия, униатство, греко-католичество, прозелитизм, экзархат.

EXARCHATES OF THE MOSCOW PATRIARCHY IN THE WESTERN BORDER TERRITORIES OF THE USSR IN THE SECOND FLOOR XX CENTURY

*D. ZASTROZHNOVA,
student of the Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: dazs97@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the problem of exarchates of the Russian Orthodox Church abroad and in the border areas of the USSR in the 2nd half XX century. The work pays special attention to the relationship between the Russian Orthodox Church and the RCC. The author comes to the conclusion that no matter how the Vatican declares a common past with Orthodoxy, the desire to dominate in religious matters has always developed among Catholics into a policy of proselytism, which complicated relations between the Moscow Patriarchate and Catholicism.

Keywords: Vatican, Moscow Patriarchy, Uniatism, Greek Catholicism, proselytism, exarchate.

Русская Православная Церковь (РПЦ) всегда поддерживала свой народ, в том числе находящийся за пределами государства. Часто для этого созда-

вались экзархаты (от греч. *ἐξάρχος* — глава, начальник, наместник) [13], представляющие собой структурную единицу поместной Православной Церкви, расположенной на окраинах страны или за ее пределами. На момент 1917 г. экзархаты действовали как на приграничных территориях России (Грузия, Финляндия, Эстония, Польша), так и за границей (Китай, Япония, Америка).

После октябрьской революции новая власть санкционировала роспуск епархий и экзархатов за рубежом. Однако уже к середине XX в. Русской Православной Церкви удалось возобновить связи и вновь открыть миссии, епархии и экзархаты за границей. Многочисленная русская диаспора нуждалась в духовной пище. В состав Русской Православной Церкви вошли церкви в Европе (Западноевропейский экзархат: 1931–1990 гг.), [8], (Среднеевропейский экзархат: 1946–1948, 1960–1990 гг.) [8]; в Америке (Североамериканский экзархат: 1933–1954 гг.; преобразованный в 1954–1970 гг.) [4]; в Восточной Азии (Восточноазиатский экзархат 1945–1962 гг. [12].

Советское правительство, не сумевшее в первые годы своего существования сломить верующих, ослабило давление и изменило тактику по отношению к Русской Православной Церкви, тем более что духовенство пошло на компромисс с советской властью. Ведь православие в отношении к любой власти занимало одну позицию: вся власть — от Бога. Расширяя пределы РПЦ, СССР обретал необходимые контакты за рубежом. В годы Великой Отечественной войны власть пришла к пониманию необходимости народного единства. Политика в отношении церкви претерпела существенные перемены, и уже к 1942 году стали открываться храмы и освобождаться из заключения священники. Результаты были очевидными. Например, действующий с 1941 по 1944 г. Прибалтийский экзархат [15] оказывал населению не только благотворительную помощь, но был связан с партизанскими формированиями. Этот вклад в дело победы Русской православной церкви не остался незамеченным.

Для Русской Православной Церкви важнее всего была духовная связь Московской Патриархии с ее пастырями и паствой, находящимися вдали от митрополии. Экзархаты также были одной из немногих возможностей в установке международных связей, помогающих хоть как-то ослабить красный террор, а во время хрущевского правления — давление партии, одержимой идеей создать атеистическое государство. Разумеется, советское руководство, не препятствуя созданию экзархатов, руководствовалося своими интересами. В первую очередь это — влияние на политику тех или иных стран, распространение идей коммунизма, утверждение международного авторитета СССР. Советскую власть особенно беспокоили униатские церкви, связанные Ватиканом, который, в лице Пия XII, 23 сентября 1941 г. приветствовал Гитлера и поддержал его военный поход на Восток.

Ситуация с греко-католическими церквями в Белоруссии, Прибалтике и на Украине имеет давнюю историю. Ватикан всегда преследовал мысль обратить православный народ в католичество. Но исполнить это не удавалось, поэтому было решено подготовить переход в католичество окольным путем — через униатство, которое было основано на других экклезиологических принципах еще в 1596 году в Бресте. В течение нескольких веков приграничные территории часто отвоевывались друг у друга соседями, и жителям приходилось менять веру с православия на унию и наоборот.

Соседствуя с католиками, униаты сначала назывались русскими пренебрежительно — «схизматиками». Позже католики, которые постоянно вмешивались в дела других стран, стали втягивать униатов в политику. В XVIII в. в результате разделов Польши униаты, оставшиеся на территориях, отошедших к Австро-Венгрии, были постоянным инструментом антироссийской политики [10]. Во время Великой Отечественной войны националисты, идентифицирующие себя как униаты, вошли в формирование Организации украинских националистов (ОУН) и Украинскую повстанческую армию (УПА). Все известные униатские иерархи были связаны с Третьим Рейхом [11].

На территориях, отошедших к СССР, прежде всего на Западной Украине, необходимо было установить порядок. Возвращение обновленцев и греко-католиков в лоно Русской Православной Церкви не всегда было добровольным. Львовский церковный собор (март 1946 г.) объявил о воссоединении Греко-Католической Церкви с Украинским экзархатом РПЦ. За этим процессом стояло руководство страны, располагавшее особой информацией [14].

В 1946 г. стараниями советской власти закарпатские униаты перешли в Украинский экзархат — унию на территории Украины прекратила легальное существование. Однако переход из одной церкви в другую — вопрос непростой. Большинство священников, возвращенных в православие, служили в православных храмах и общались со своей паствой, в прошлом — униатской.

С приходом к власти Н.С. Хрущева (1958–1964) началось гонение на православие, и униаты активизировались. Пришедшие из лагерей униатские священники потребовали возврата церквей и церковного имущества. После ухода Хрущева униаты затаились. В 1966 г. на Украине сменился экзарх — им стал Филарет (Денисенко), руководивший экзархатом до получения самостоятельности (1990 г.), т.е. образования «Украинской Православной Церкви» (УПЦ), а в 2000 году был принят новый устав, по которому УПЦ наделялась правами автономии с подчинением Московской Патриархии (МП). Поездка М.С. Горбачева в Ватикан решила вопрос о снятии запрета с униатских церквей. Мирного раздела церковного

имущества и храмов не получилось, хотя для этого была создана специальная структура, включавшая все заинтересованные стороны, — четырехсторонняя комиссия. Но националисты воспротивились такому решению, их представители вышли из состава комиссии, работа была сорвана. Православная Церковь потеряла почти все храмы.

Между тем в 1990 году на Международной смешанной комиссии по богословскому диалогу было признано, что уния никогда не служила взаимопониманию, а напротив — вызывала вражду, была причиной борьбы и трагических столкновений, о которых помнят Церкви.

Прибалтийский экзархат (1941–1944) после окончания Великой Отечественной войны и получения прибалтийскими республиками своей государственности в составе СССР был преобразован. В Литве, которую называют старым котлом разных народов, с 1945 г. были образованы Виленская и Литовская епархии. Постепенно в ведение епархии стали возвращаться храмы.

В Латвии, где распространены лютеранство и католицизм, православие является третьей по величине конфессией. В 1940 г., после присоединения Латвии к СССР, в стране существуют две православные церкви разного подчинения — епархия, подчиненная Московской Патриархии, и Латвийская Православная Церковь Константинопольского Патриархата [6].

В Эстонии, еще до создания Прибалтийского экзархата, православная церковь существовала, но была разделена на две: одной руководил епископ Нарвский Павел, оставшийся верным Московскому Патриархату; другой — митрополит Александр, порвавший с Москвой и воссоединившийся с Константинопольским Патриархатом. В 1945 г. представитель МП учредил Епархиальный совет. Православные были подчинены епархии в составе Русской Православной Церкви [2]. Митрополит Александр эмигрировал с паствой в Швецию, где церковь продолжала свою деятельность до 1991 г., когда Эстония вышла из СССР. В 1993 г. церковь была переименована в Православную Апостольскую Церковь Эстонии (ПАЦЭ), а 20 февраля 1996 г. Вселенский Патриарх Варфоломей возобновил Томос, выданный в 1923 г., восстановив его каноническое подчинение Вселенскому Патриархату. Власть покровительствовала Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭПАЦ) во всем, и ее священство потребовало насильственно передать им храмы и церковное имущество, принадлежавшее Эстонской Православной Церкви МП. Только протесты русскоязычных православных по всей стране заставили власть приостановить этот процесс [2]. Негативное отношение к РПЦ имеет политическую подоплеку, а также ассоциативно связано у части населения с Российской империей или с советской оккупацией. Ксенофобия, как и националистические идеи, вероятно, умело кем-то поддерживаются. Например, в Эстонии стало модным язычество — пока только в декоративно-при-

кладном варианте. Оно идентифицируется с национальной, чисто эстонской особенностью [7].

Беларусь — традиционно поликонфессиональная страна, где было много и католиков, и протестантов, и православных. Здесь в XVI в. была Реформация, но в результате контрреформации шляхта и магнаты перешли в католичество [5]. Православная Церковь была упразднена после Брестской унии. Ее заменили католические и греко-католические церкви. В 1793 году постепенно стали возвращаться православные епархии, относящиеся к Святейшему синоду Российской империи. Православные храмы в Белоруссии существовали параллельно с католическими. В октябре 1989 г. был создан Белорусский экзархат, а его главой стал митрополит Филарет [3]. В настоящее время Белорусская Православная Церковь действует, оказывая благотворное влияние на белорусское общество.

История частых конфликтов между РПЦ и РКЦ, с которыми сталкиваются экзархаты Московской Патриархии на западных приграничных территориях бывшего Советского Союза, позволяет предположить, что большинство конфликтных ситуаций не касаются христианской догматики, а имеют в большей степени политическую подоплеку. Сюда можно отнести давнюю установку Ватикана на поглощение православия, называемую прозелитизмом. Разжигание межконфессионального конфликта и даже конфликта между двумя православными церквями, имеются в виду РПЦ и Константинопольская Православная Церковь (КПЦ), не раз предававшая православие, может быть политической игрой, хотя за ней стоит и конфликт цивилизационный — неприятие Западом Востока. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов проблему самоидентификации верующих. Даже в XX атеистический век, не говоря уже о XXI в., люди, независимо от того, являются ли они прихожанами храма, традиционно относят себя к той или иной конфессии, ориентируясь на предков. Например, белорусы воспринимают РПЦ как русскую веру, а РКЦ — как польскую [7]. Возможно, поэтому в начале XX века была предпринята попытка сделать Греко-Католическую Церковь белорусской, как на Украине — украинской [7]. Проблема отношений национальности и конфессиональности сложна. Есть исследователи, которые считают, что мир, двигаясь в сторону массового безверия, делает человека безразличным к тому, к какой нации он принадлежит, в соответствии с верой «<...> слишком очевидно, что конфессиональная парадигма работает только до тех пор, пока противник — православная империя царей или безбожная империя коммунистов. Как только этот противник оттеснен, начинаются конфликты между поляками и литовцами у самых стен костелов, наглядно доказывая, что современный национализм, по сути, самодостаточен и использует конфессиональную фразеологию как иноприродный ему инструмент» [1:

с. 643]. С другой стороны, в основе объединения епархий РПЦ в экзархаты лежит национально-религиозный принцип, потому что православная церковь окормляла русские диаспоры, являясь для них духовным и одновременно организующим началом. Вероятно, всё дело в том, с какой национальностью идентифицирует себя сам человек. Тогда фраза «русский, значит, православный» обозначает не национальность, а принадлежность даже не конфессии, а к цивилизации. Но в любом случае политики пользуются всем, что для них выгодно.

Итак, создание экзархатов во второй половине XX века оказалось политически важным для советского правительства, и поэтому оно поддерживало Московский Патриархат, особенно на западных приграничных территориях, где через католические и униатские церкви осуществлялись не только планы Ватикана, но и других западных недоброжелателей.

Отношения РПЦ с РКЦ в странах Балтии, Украины и Белоруссии складывались непросто. И хотя в 1990-е гг. во время диалогов между церквями и прозвучало утверждение, что униатство — непродуктивный метод, вызывающий не сближение, а разделение, ватиканская политика прозелитизма оставалась актуальной. К другим проблемам взаимоотношений РКЦ и РПЦ можно отнести цивилизационное противостояние Запада-Востоку. Оно включает в себя, в том числе, и западную политику по отношению к РПЦ, и цивилизационное понимание самоидентификации национального и религиозного. Экзархаты к этим проблемам имели непосредственное отношение.

Литература

1. Аверинцев С.С. Христианство в XX веке // Аверинцев С.С. Сборник сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух і літера, 2006. С. 640–698.
2. Автономия Эстонской Православной Церкви: страницы истории // Официальный сайт Московского Патриарха. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5725898.html> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Белорусский экзархат // Официальный портал Белорусской Православной Церкви. URL: <http://church.by/beloruskiy-ekzarhat/> (дата обращения: 03.04.2022).
4. Блохин В.С. Православная церковь в Америке в 1917–1970 гг. // История Поместных Православных Церквей. URL: <https://studfile.net/preview/5834025/page:68> (дата обращения: 07.03.2022).
5. Все христианские конфессии являются частью культуры Беларуси // Религовед — О взаимоотношениях католиков, православных и протестантов и их роли в обществе. URL: <https://katolik.life/rus/news/v-gomele/item/1689> (дата обращения: 18.03.2022).
6. Гаврилин А. Православная церковь в посткоммунистической Прибалтике: Проблемы и их истоки // Православная беседа. 2001/5. URL: <https://web.archive.org/web/20150226002611/http://p-eseda.ru/?article&id=251> (дата обращения: 18.03.2022).

7. Гронский А. Религия как фактор формирования альтернативных национальных идентичностей в современной Белоруссии (на примере неоязычества) // VIPPERSON, 25.09.2013. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=665850> (дата обращения: 02.03.2022).
8. Западноевропейский экзархат // Academic.ru. URL: <https://translate.academic.ru/западноевропейский%20экзархат/ru/en/> (дата обращения: 05.04.2022).
9. К вопросу о православной церкви в Эстонии в конце XX века // ПРАВОСЛАВИЕ.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5121.html> (дата обращения: 05.04.2022).
10. Липич О. Основная проблема в отношениях РПЦ и Ватикана — католический прозелитизм / Беседа с протоиереем Игорем (Выжановым) // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20050402/39607028.html>. (дата обращения: 05.04.2022).
11. Розживин П. Унии и униатство ТВ. 07.09.2013. URL: <https://phservice.ru/uniatstvo-i-ego-politicheskie-zadachi-kakoe-otnoshenie-rimo-katolikov-k.html> (дата обращения: 16.03.2022).
12. Свящ. Дионисий Поздняев, Прозорова Г.В. Восточноазиатский экзархат // Православная Энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/155366.html> (дата обращения: 28.03.2022).
13. Экзархат // Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/166268> (дата обращения: 15.03.2022).
14. Филонов В.И. История взаимоотношений русской православной и римско-католической церквей в 40–50-е гг. XX века // История: факты и символы. 2017. № 2 (11). С. 167–173.
15. Шкаровский М.В. Феномен экзархата Московской Патриархии в оккупированной Прибалтике // Нестор. 2000. № 1. С. 195–224.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БЛОКА НАТО: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.Р. СЕРАЕВ,
магистрант, Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: dak010@mail.ru*

Аннотация: В статье излагаются взгляды отечественных историков на трансформации военного блока НАТО после распада Советского Союза. Рассматриваются в историографии мнения о возможных поводах для увеличения геополитических интересов НАТО вне зоны Евроатлантического региона, представлены интерпретация отечественными исследователями основных документов НАТО и сравнение идеологических основ блока с нынешними реалиями, которые противоречат основным документам и положениям Североатлантического союза.

Ключевые слова: НАТО, историография, идеология, интерпретация, союз, трансформация.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE NATO BLOC, DOMESTIC RESEARCH

*A. SERAEV,
Student magistrate of Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: dak010@mail.ru*

Abstract: The article presents the views of Russian historians on the transformation of the NATO military bloc after the collapse of the Soviet Union. Opinions on possible reasons for increasing NATO geopolitical interests outside the Euro-Atlantic region are considered in historiography, as well as the interpretation of domestic researchers of the main documents of NATO and the comparison of the ideological foundations of the bloc with the current realities, which contradict the main documents and provisions of the Alliance.

Keywords: NATO, historiography, ideology, interpretation, alliance, transformation.

Победа нацистской Германии во Второй мировой войне в значительной степени увеличила авторитет Красной армии и Советского Союза как первого социалистического государства. Активная помощь иностранным государствам, а также поддержка социально-демократических революций

и национально-освободительных движений воспринимались капиталистическими странами как новая угроза для мирового порядка во главе с Советским Союзом.

Целью данной работы является историографический анализ трудов отечественных исследователей по вопросу идеологических основ деятельности военного блока НАТО. Необходимо рассмотреть основные статьи Североатлантического договора, фактический материал, связанный с деятельностью Альянса, а также оценку и интерпретацию российскими исследователями основных идеологических целей блока.

Фултонская речь Уинстона Черчилля 5 марта 1946 г. ознаменовала начало новой эпохи — противостояния капиталистического и коммунистического блоков. Основной посыл политического деятеля Великобритании заключался в призыве к англоговорящим государствам организовать союз с США для обеспечения дальнейшей безопасности на земном шаре.

Возникла необходимость формирования военно-политического союза. Президент Г. Трумэн отказался от сотрудничества с Советским Союзом. Обратившись в 1947 г. к конгрессу США, он призывал проводить активную политику для сохранения «свободного мира» и к «осуществлению жесткого давления в отношении Советского Союза» [6: с. 8]. Последним этапом в формировании Американской гегемонии в Западной Европе стал план, предложенный государственным секретарем США Дж. Маршаллом, в котором США оказывали политическую и экономическую помощь послевоенной Европе. Но вскоре этот процесс из экономической сферы плавно перешел и в военную. Закономерным продолжением активной внешней политики Соединенных Штатов явилось формирование Североатлантического союза во главе с США.

Юридическая основа военного блока — Североатлантический договор. В составлении документа принимали участие 5 стран Европы: Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а также США и Канада. В будущий военный блок планировалось включить не только государства атлантического региона, но и другие — преимущественно Европейско-Азиатского региона. Также планировалось включить не только страны, расположенные на побережье Атлантического океана, но и государства вплоть до Ирана. Американское правительство настаивало на предоставлении Вашингтону широких прав на территории стран-участниц, как экономических, так и военно-политических.

Проект договора был опубликован 18 марта 1949 г. При изучении статей документа особое внимание привлекают приверженность военного блока уставу ООН, ограничение и избежание любой военной агрессии, если это противоречит основным положениям Организации Объединенных Наций, а также основная задача блока — поддержание международного порядка и коллективной безопасности стран-участниц.

Доктор политических наук В.В. Штоль, изучая Североатлантический договор, делает вывод, что активное содействие между странами Североатлантического договора и оказание влияния на политические институты этих государств может выйти за рамки обсуждений и перейти к открытому вмешательству «во внутренние дела государств» [6: с. 16].

Особое внимание уделяется военной составляющей договора. Страны-участницы обязаны поддерживать и наращивать военный потенциал альянса. Это порождает проблему перенасыщения стран Европы вооружением, что негативно сказывается на отношениях с нейтральными государствами, в том числе и Россией.

М.В. Андреев, кандидат юридических наук, указывает на то, что Североатлантический альянс поначалу считался чисто оборонительным союзом, задачей которого являлось противостояние СССР. А расширение НАТО на восток рассматривалось как заполнение образовавшегося вакуума после падения СССР.

Исследователь указывает на то, что на протяжении всей своей деятельности НАТО стремилось наращивать свой военный и политический потенциал и «развивало механизмы в целях создания собственной, не согласующейся с общепризнанными принципами международного права» [1: с. 106].

Интересную точку зрения предлагает кандидат исторических наук А.В. Пилько. Он уделяет внимание стратегии в вопросах идеологического единства, в котором Вашингтон играет первостепенную роль, а остальные страны, входящие в альянс, «представляют собой особый тип цивилизации, что делает их отдельным культурным и политическим сообществом» [4: с. 29]. Эта цивилизация была создана на основе антисоветской и коммунистической позиций.

Изучая иерархию стран-участниц, исследователь разделяет их на три основные категории. К первой относятся сами Соединенные Штаты Америки — абсолютный лидер. Ко второй — менее влиятельные, но не менее привилегированные государства — Великобритания, Франция, ФРГ. И третья категория, к которой относятся все остальные страны-участницы, не имеющие значительного веса в иерархии НАТО.

Противостояние НАТО и Советского блока историк видит в политике неуступчивости СССР по ряду значимых вопросов, из-за чего Запад, вместо поиска альтернативных дипломатических решений, предпринял меры по созданию военного блока, который был «инструментом давления на Москву» [4: с. 35]. Оно осуществлялось с помощью западноевропейских стран, которые получали как экономическую, так и военно-политическую помощь для эффективного противостояния.

М.В. Андреев уделяет особое внимание Китайской революции 1949 г. Приход к власти коммунистической партии виделся капиталистическим

странам как новая угроза. Одним из коренных переломов, которые усугубили общественное мнение о Советском Союзе, явились события Корейской войны, в которой СССР принимал опосредованное участие, выступив против западного мира.

Отчетливую позицию высказывает кандидат военных наук, военный дипломат А.А. Бартош. Он излагает мнение о том, что именно развал Советского Союза и пассивная политика Российской Федерации в 1990-х гг. позволили Североатлантическому блоку проводить свою политику и создавать новую «модель мироустройства в 21 веке, где лидирующая роль у США» [2: с. 29]. В этой модели формально утрачивают силу обязательства, ранее предписанные военному блоку, игнорируются требования ООН и ОБСЕ, а мировое сообщество прислушивается к решению и мнению Вашингтона. Однако нынешняя Россия со всем своим потенциалом, по мнению автора, является равноправным конкурентом как в военной сфере, так и в дипломатических дискуссиях.

Примерно такую же позицию высказывает исследователь А.А. Будённый, который рассматривает фактологический материал и говорит о доминирующем решении Соединенных Штатов в создании ситуаций «в Югославии, на Ближнем Востоке и других регионах» [3: с. 172]. Итогом трансформации союза на протяжении его существования, стало изменение структуры из «сугубо военной в военно-политическую организацию» [3: с. 173], которая уже далеко за пределами евроатлантического региона проводит угодную себе политику во главе с Вашингтоном.

Итак, большинство исследователей схожи во мнении, что военно-оборонительной союз имеет тенденцию к трансформации в зависимости от политических или военных причин. Юридическая база альянса воспринимается исследователями как формальные акты, которые не имеют силы, поскольку именно Вашингтон ставит новые условия и строит модели для существования нынешнего миропорядка. В 1990-х гг., получив такую возможность, НАТО во главе с США начало проводить свою политику, выходя за пределы североатлантического региона. На современном этапе мирового устройства альянс столкнулся с возросшими геополитическими интересами Российской Федерации. Эти события ознаменовывают совершенно новый этап в международной политике, где идеология и нынешняя модель НАТО сталкивается с серьезным актором на мировой арене — Российской Федерацией.

Литература

1. Андреев М.В. Эволюция стратегий НАТО к евро-атлантической безопасности как потенциальная угроза национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. Т. 1. № 3. С. 100–107.

2. Бартош А.А. Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 320 с.
3. Будённый А.А. США и эволюция военной доктрины НАТО на рубеже XX–XXI веков. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2020. 228 с.
4. Пилько А.В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия (1947–1955) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2008. № 2. С. 22–38.
5. Текст Североатлантического Договора. НАТО. Справочник. Брюссель. 1998–1999.
6. Штоль В.В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М., 2006. 353 с.

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ НА УКРАИНЕ В 1991–2022 гг.

*Ф.В. КАРПЕЦ,
учитель истории, ГБОУ «Бауманская инженерная школа» № 1580;
магистрант, Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: irminsul@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена понятию «мягкой силы» и противостоянию «мягкой силы» России и Запада на Украине в 1991–2022 гг. Рассмотрены методы и средства, используемые Западом для создания собственного привлекательного образа в украинском обществе, ошибки России в построении отношений с соседним государством. Особое внимание уделено анализу причин поражения «мягкой силы» России на Украине. Также осуществлена попытка наметить путь, по которому Россия должна следовать в условиях современного военного кризиса.

Ключевые понятия: «мягкая сила», “soft power”, Оранжевая революция, Евромайдан, Крымская весна, специальная военная операция РФ на Украине.

RUSSIAN “SOFT POWER” IN UKRAINE IN 1991–2022

*E. KARPETS,
history teacher, Bauman Engineering School № 1580;
undergraduate student at Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: irminsul@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the concept of “soft power” and the confrontation between the “soft power” of Russia and the West in Ukraine in 1991–2022. The methods and means used by the West to create their own attractive image in Ukrainian society, Russia’s mistakes in building relations with a neighboring state are considered. Particular attention is paid to the analysis of the reasons for the defeat of Russia’s “soft power” in Ukraine. Also, an attempt was made to outline the path that Russia should follow in the current military crisis.

Keywords: “soft power”, Orange Revolution, Euromaidan, Crimean Spring, special military operation of the Russian Federation in Ukraine.

«Мягкая сила» (“soft power”) как явление существовала на протяжении всей истории человечества, но само понятие было сформулировано

в конце 80-х годов XX в. Заслуга эта принадлежит профессору Гарвардского университета Джозефу С. Наю-младшему, и с тех пор термин прочно укрепился в научном обиходе.

«Мягкая сила» — форма политической власти, предполагающая способность кого-либо добиваться от кого-либо желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Другими словами, «мягкая сила» — это способность «убедить других захотеть то, что хочешь ты» [4].

События на Украине показывают необходимость переосмысления политики России в этой стране, что невозможно без анализа взаимоотношений двух стран на протяжении последних 30 лет. Мы рассмотрим их с точки зрения феномена «мягкой силы». Цель этой статьи — проанализировать политику «мягкой силы» России, а также Запада на Украине, начиная с распада СССР и до начала современного кризиса, а также обозначить направление, в котором России следует двигаться дальше в текущих реалиях.

Источниками «мягкой силы» могут являться как непосредственно государство, так и институты гражданского общества — благотворительные фонды, образовательные организации и программы, культурные объединения. Но она может быть успешной лишь тогда, когда имеет продуманную концепцию.

Особенность «мягкой силы» — ориентированность на долгосрочную перспективу. Она начинает приносить результаты не через год или два, а через десятилетия упорной работы. И на примере Украины это очень хорошо видно. С распадом СССР в 1991 году здесь начинается противостояние “soft power” России и Запада.

Либеральные ценности, предлагаемые Западом, предельно ясны и понятны — права человека, демократия, свободный рынок, а также жизненный успех, потребление, многообразие благ и удовольствий. «Мягкая сила» СССР выразилась в экспорте спорных, но, безусловно, привлекательных идей — социальной справедливости, равенства, дружбы народов. С крахом же СССР образовался вакуум, который был немедленно заполнен «контентом» с Запада. Более того, правопреемник Союза — Россия — не только не предложила альтернативы, но стала наравне со своими бывшими сателлитами потреблять “soft power” Запада, активно усваивая его идеи и ценности.

По мере выхода из кризиса 1990-х годов и обретения новой политической субъектности для России пришло понимание необходимости возвращения своего влияния в мире. Министр иностранных дел С. Лавров в интервью газете «Известия» (март 2008 г.) подчеркнул значимость и важность привлекательности России во всех направлениях для построения

доброжелательных отношений с партнерами и формирования безопасности отношений. Сам концепт «мягкой силы» появился в России в 2012 г. во время выступления президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России за рубежом [3].

Понятно, что прежде всего «мягкая сила» России должна была быть направлена на постсоветское пространство, а в особенности на Украину, где традиционно были сильны опасные для России националистические настроения. Поскольку эта страна непосредственно примыкает к России со стороны очевидно недружественного Запада, ее лояльность (что невозможно без симпатий со стороны населения) была и остается для России жизненной необходимостью, прежде всего из соображений безопасности. И именно здесь Россия терпит неудачу. Оранжевая революция 2004-го, а затем и Евромайдан 2014 года показали, насколько Россия отставала от Запада в борьбе за общественные симпатии в соседней стране. Парадокс в том, что общая история и культурная близость двух стран создали иллюзию нерушимости братских отношений, что оказалось катастрофическим заблуждением.

Запад, между тем, десятилетиями вел активную идеологическую работу с украинским населением, причем не только напрямую — через распространение английского языка, работу общественных организаций, благотворительных фондов, но и в форме культурной экспансии — через кино, компьютерные игры, культуру потребления, «фаст-фуд» и т.д. (не зря еще Дж. С. Най заметил, что «большая часть американской “мягкой силы” была произведена Голливудом, Гарвардом, Майкрософтом и Майклом Джорданом» [4]). То, что Россия могла этому противопоставить, было, по сути, инерцией советской «мягкой силы» (советское кино, эстрада, традиционные ценности), которая постепенно сходила на нет. В итоге она теряла поддержку не только на западе Украины, но и в традиционно лояльных к России восточных и южных регионах. Одновременно с этим на Украине шла реализация национального проекта с вытеснением русского языка и утверждением, что «Украина — не продолжение и не филиал России и вообще не Россия» [2]. Протяженность этих двух процессов позволила Западу, не делая «резких движений», идти к поставленным целям, не вызывая серьезной озабоченности со стороны России.

Российская же власть сделала ставку на бизнес и налаживание личных связей с отдельными личностями украинской элиты. И действительно, товарооборот между странами неизменно рос [1], в Киеве правил дружественный России режим Виктора Януковича и, казалось, ничто не предвещало беды. В случаях же недружественных выпадов со стороны соседнего государства Россия активно использовала «газовый рычаг» — по сути шантажировала Украину, используя ее энергетическую зависимость. Однако всё это не смогло предотвратить Евромайдан и переворот 2014 года.

Последовавшая затем Крымская весна, создав ложную видимость успеха России, была, по сути, актом традиционной «жесткой силы» и в итоге сыграла против нее. Потеря Украиной Крыма, а затем и Донбасса способствовала активации антироссийских настроений по всей территории Украины и сделала дальнейшую деградацию отношений необратимой. После того как пролилась первая кровь, а произошло это в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 года, стало ясно, что полномасштабный вооруженный конфликт — дело времени.

Безусловно, с точки зрения «мягкой силы» политика России на Украине в постсоветские годы потерпела поражение. Причинами этого послужили недооценка российским руководством значения «мягкой силы» и переоценка крепости культурных и исторических связей двух стран. В то же время Запад, где производство “soft power” осуществляется по самому высокому классу, имел здесь очевидный успех. В настоящий момент Россия действует традиционной «жесткой силой», что, безусловно, сводит усилия ее «мягкой силы» к нулю.

Завершение специальной военной операции России на Украине, безусловно, должно стать отправной точкой для начала отношений уже нового формата между двумя странами. За военными действиями последует мир, и в рамках этого мира на России будет лежать ответственность за восстановление разрушенных связей. Пока идут боевые действия, говорить о «мягкой силе» со стороны России, на первый взгляд, может показаться неуместным. Между тем не стоит забывать, что война также идет и в информационном пространстве, которое и есть непосредственная среда обитания «мягкой силы». В современном глобальном мире это имеет огромное значение. Пока что Россия очевидно проигрывает эту войну, учитывая такие успешные информационные демарши киевской пропаганды, как «мариупольский роддом», «расстрелы в Буче» и т.д. Не имея столь мощной поддержки в мировых СМИ, какую имеет Украина, будучи заблокированной на большинстве информационных платформ, Россия просто не имеет возможности доносить свою точку зрения и видение ситуации до остального мира.

России следует также учитывать такой аспект, как методы и средства ведения боевых действий. Она должна провозгласить нацеленность на соответствие военной операции нормам Международного гуманитарного права, сделать их приоритетом своих действий и вокруг этого строить информационную компанию. При этом случаи чрезмерной жестокости, неизбежные при ведении боевых действий, не должны замалчиваться. Их следует расследовать и показательно наказывать виновных. Только таким образом можно доказать благонамеренность российского присутствия на Украине и сохранить те остатки лояльности, которые еще существуют на территориях, охваченных военными действиями. «Мягкая сила» может

также выражаться и в помощи лицам, пострадавшим от боевых действий, оказании медицинской и раздаче гуманитарной помощи, в быстром восстановлении разрушенной инфраструктуры. Люди, потерявшие работу, должны быть обязательно трудоустроены и обеспечены достойной заработной платой. Следует помнить, что только благорасположение украинского народа может создать основу для будущей созидательной работы на благо двух братских народов. А заслужить его после всего произошедшего — вероятно трудная задача.

Литература

1. Вершинин А.А. Украинская политика России: между мягкой и жесткой силами // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2016. Вып. №3 (47). Т. 9. С. 38–74.
2. Кучма Л.Д. Украина — не Россия. М.: Время, 2003. 560 с.
3. Ушурелу О.В. «Мягкая сила» России: проблемы понимания // Обозреватель — Observer. 2019. № 1. С. 56–65.
4. Joseph S. Nye, Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 209 p.

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940–1960-х ГОДОВ

*Д.А. САФЕНИНА,
магистрант Института гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва
e-mail: diana.safenina@yandex.ru*

Аннотация: После завершения Второй мировой войны между США и Советским Союзом начинается глобальное противостояние, получившее название «холодная война». Локальные конфликты, гонка вооружений, а главное — идеологическая борьба между капитализмом и социализмом нашли отражение в произведениях массовой культуры, к числу которых относились и комиксы, являвшиеся одним из действенных средств американской пропаганды периода конфронтации. В статье рассмотрены наиболее распространенные темы и сюжеты антикоммунистических комиксов, проанализирована их роль в создании образа врага и сопротивлении простых американцев «красной угрозе» на протяжении второй половины 1940–1960-х годов.

Ключевые слова: СССР, США, «холодная война», пропаганда, образ врага, комикс, массовая культура.

THE IMAGE OF THE SOVIET UNION IN THE AMERICAN CULTURE: BASED ON THE MATERIALS OF COMICS OF THE SECOND HALF OF THE 1940–1960s

*D. SAFENINA,
Undergraduate, Moscow City University,
Russia, Moscow
e-mail: diana.safenina@yandex.ru*

Abstract: After the end of World War II, a global confrontation began between the United States and the Soviet Union, called the Cold War. Local conflicts, the arms race, and most importantly, the ideological struggle between capitalism and socialism were reflected in the works of mass culture, which included comics, which were one of the most effective means of American propaganda during the period of confrontation. The article considers the most

Постепенно в США начинает складываться индустрия комикса, в рамках которой эта продукция массовой культуры стала существовать самостоятельно, независимо от газет. Появляются такие издательства, как National Allied Publication и Detective Comics, а также Timely Publications, которые позже будут переименованы в известные DC Comics и Marvel Comics [4: с. 178].

В 1938 г. состоялось одно из важных событий в американской поп-культуре — была напечатана история Супермена, совершающего различные подвиги на благо людей [1: с. 37]. Важно отметить, что это произошло на фоне тяжелых кризисных событий для Америки — Великой депрессии, повлекшей за собой социальную и экономическую неустойчивость, психологическую апатию общества. В создавшихся условиях простым американцам хотелось получить защиту, пусть даже и в лице иллюзорного Супермена.

В годы Второй мировой войны общество также нуждалось в защитниках, а после того как США вмешались в глобальный конфликт, комиксы становятся средством пропаганды [3: с. 133]. Читателям наглядно демонстрировали, как Супермен и Капитан Америка боролись с гитлеровской агрессией (см. рис. 2).

Рис. 2. Комиксы «Супермен» и «Капитан Америка», опубликованы в годы Второй мировой войны

Однако одна война закончилась, а другая началась, и была она уже «холодной» — в 1946 году противоречия и системные различия США и Советского Союза привели к глобальному противостоянию, которое затянулось на долгие годы [5: с. 56–57].

Борьба, развернувшаяся между капитализмом и социализмом, нашла отражение в различных сферах массовой культуры, в том числе и в американских комиксах [12].

Первый номер антисоветского комикса под названием “Is This Tomorrow: America under communism!” («Это будущее: Америка при коммунизме!»), призванного показать простым американцам, что было бы с их государством при красном режиме, вышел в свет в 1947 г. [9].

На страницах издания перед читателями разворачивалась история о том, как члены Коммунистической партии, действующие как пятые колонны Кремля, активно трудятся, захватывая средства массовой информации, чтобы повергнуть США в хаос и устранить правительство, пока обычный американец склонен думать, что это невозможно. Того же мнения придерживались и люди в других государствах, однако сегодня они живут в коммунистическом рабстве (см. рис. 3).

Рис. 3. Фрагменты комикса “Is This Tomorrow: America under communism!”, 1947 год

Антикоммунистическая пропаганда в США обострилась в период маккартизма — общественного движения, существовавшего в период с конца 1940-х годов по 1957 год под предводительством американского сенатора Джозефа Маккарти [2].

Популярная тема в истории «холодной войны» — шпионские интриги. Они ярко были освещены в комиксе “Atomic Spy Cases” («Атомные шпионские игры»), опубликованном издательством Avon Publications [7]. Выпуски активно печатались в 1950-х годах и, несмотря на то, что их

сюжет был посвящен деятельности хитрых шпионов в духе маккартизма, повествование велось без явной агрессии, чего нельзя сказать о других комиксах, которые появились в самый разгар антикоммунистической истерии.

Одно из самых крупных издательств «золотого века» комиксов Ace Magazines выпустило в 1950-х годах ряд изданий “Atomic War!” («Атомная война!»), наглядно показывавших, как трепещущая от страха перед коммунизмом Америка пришла к ужасу от возможности атомной войны, произошедшей по вине Советского Союза [8].

Неудивительно, что следующим проектом Ace Magazines были комиксы о Третьей мировой войне “World War III”, сюжет которых повествовал о том, как в 1960 году в секретной кремлевской ставке советским руководством было принято решение напасть на Америку [11]. На страницах изданий развернулся широкомасштабный вооруженный конфликт двух сверхдержав (см. рис. 4). Представляется интересным, как комиксы 1950-х годов рассказывали о возможных событиях 1960 года — авторы как будто предвидели будущее, в котором мир будет стоять на пороге ядерной войны на фоне Карибского кризиса.

Рис. 4. Фрагменты комикса “World War III”, 1952 год

В числе важнейших тем комиксов фигурировали не только возможные вооруженные конфликты. Ярким антикоммунистическим изданием 1961 года был выпуск “This Godless Communism” («Этот безбожный коммунизм»), входивший в серию католических комиксов “Treasure Chest” и распространявшийся в приходских школах [10].

Комикс в простой и доступной форме знакомил читателей с историей коммунизма. Повествование начиналось с биографии К. Маркса, идеи которого в полной мере впитал, основательно переработал и воплотил в реальность вместе с соратниками В.И. Ленин, которого затем сменил вставший у руля советского государства И.В. Сталин, а после него — Н.С. Хрущев. Заканчивалась история перечислением причин, почему американцы должны бояться наступления коммунизма, среди которых особо выделялись: опровержение религии, отвержение человеческих свобод, превращение людей в механических марионеток (см. рис. 5).

Рис. 5. Фрагменты комикса “This Godless Communism”, 1961 год

Таким образом, из анализа американских комиксов складывался образ Советского Союза — государства, которое пытается осуществить идею мировой революции и установить на планете «красный режим». Главная цель СССР, доносившаяся до читателей авторами комиксов, заключалась в том, чтобы захватить США — оплот демократических свобод. Для достижения этой цели привлекались шпионы, поступали угрозы применения атомного оружия, а порой и развязывания войны. Политики и военные, которые находились на страже интересов США, успешно противостояли «красной угрозе» и, в конце концов, побеждали ее.

Литература

1. Беляев Д.А. Концепт «супергерой» как локальный вариант модели сверхчеловека в актуальном пространстве массовой культуры // Logos et Praxis. 2013. № 2. С. 35–42.

2. Борисов А.Ю. Как удалось запугать Америку. О возникновении, природе и живучести маккартизма в США // Историк. 2015. № 11. С. 82–86.
3. Дмитриева Д.Г. Феномен американского супергероя в контексте визуальной культуры XX века: Дис. ... канд. культ. М.: РГГУ, 2014. 219 с.
4. Фетисова Т.А. Комикс — порождение американской массовой культуры. Аналитический обзор // Вестник культурологии. 2019. № 3. С. 174–192.
5. Холодная война. 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: Олма-пресс, 2003. 638 с.
6. Цыркун Н.А. Американский кинокомикс. Эволюция жанра. М.: ВГИК, 2014. 248 с.
7. Atomic Spy Cases // ComicBookPlus. URL: <https://comicbookplus.com/?dclid=18934> (дата обращения: 05.05.2022).
8. Atomic War! // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Atomic_War! (дата обращения: 06.05.2022).
9. Is This Tomorrow: America under communism // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/IsThisTomorrowAmericaUnderCommunismCatecheticalGuild> (дата обращения: 05.05.2022).
10. This Godless Communism // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/this-godless-communism/mode/2up> (дата обращения: 07.05.2022).
11. World War III // ComicBookPlus. URL: <https://comicbookplus.com/?cid=1641> (дата обращения 06.05.2022).
12. York C., York R. Comic Books and the Cold War, 1946–1962. McFarland & Company, 2012. 232 p.

**РОССИЯ И МИР:
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР**

Сборник статей
по материалам международной
междисциплинарной научной конференции

ООО «Книгодел»

Подписано в печать 31.10.2022.

Формат 60×90/16. Печ. л. 34,0.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1888